

На Диком
Западе

«ТЕРРА» - «TERRA»

**БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ

В ТРЕХ ТОМАХ

Том первый

Риджвелл Кэллем

НАРУШИТЕЛИ ЗАКОНА

роман

Зейн Грей

В ПРЕРИЯХ ТЕХАСА

роман

ПОГРАНИЧНЫЙ ЛЕГИОН

роман

МОСКВА
«ТЕРРА» - «TERRA»
1995

Иллюстрации художника

М. ПЕТРОВА

**Составитель
С. ЕРМОЛАЕВ**

Н12 **На Диком Западе: В 3 т. Т. 1: Кэллем Р. Нарушители закона: Роман / Пер. с англ. Грей З. В прериях Техаса; Пограничный легион: Романы / Пер. с англ.; Сост. С. Ермолаев. — М.: ТЕРРА, 1995. — 607 с.: ил. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).**

ISBN 5-300-00272-0 (т. 1)

ISBN 5-300-00271-2

В трехтомник включены вестерны, рассказывающие об опасных приключениях и романтике упорной борьбы с грабителями отважных переселенцев, покорителей американского Запада.

В первый том вошли остросюжетный роман Р. Кэллема и два романа З. Грея — автора 62 вестернов, по которым студия «Парамаунт» сняла 108 кинофильмов.

**Н 4703040000-306 Подписное
А30(03)-95**

ББК 84.7США

ISBN 5-300-00272-0 (т. 1)

ISBN 5-300-00271-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1995

НАРУШИТЕЛИ ЗАКОНА

роман

Глава I

СТАНЦИЯ В ПРЕРИИ

Ни малейшей тени нигде! Ослепительный блеск летнего солнца наполнял горячий, неподвижный воздух, и зной точно отражался от дощатой платформы станции Эмберли, обжигая сквозь подошвы ступни медленно и терпеливо раскаживающего по ней человека.

Это был полицейский инспектор Стэнли Файльс, красивый человек с загорелым, энергичным лицом и серыми глазами, одетый в красный мундир. По-видимому, он был совершенно равнодушен к климатическим условиям и не обращал внимания на несносное жужжание moskitов, роем носившихся в раскаленном воздухе. На все это он смотрел как на неизбежную неприятную принадлежность жизни в этих далеких северо-западных прериях и поэтому относился философски к подобным вещам, в особенности когда был занят каким-нибудь серьезным делом. Глубоко задумавшись, он дошел до восточного конца длинной платформы и устремил неподвижный взгляд на расстилавшуюся перед его глазами однообразную волнистую поверхность равнины, отливающую красновато-зеленым цветом и залитую яркими солнечными лучами. Прямая линия рельсового пути тянулась вдаль, теряясь на горизонте, и на протяжении многих миль на ней нельзя было заметить ни одной движущейся точки. Файльс, стоя на конце платформы, некоторое время смотрел вперед на железную дорогу, словно ожидая увидеть на ней что-то заслуживающее его внимания, но, не заметив ничего интересного, повернулся и снова зашагал по платформе.

Как раз в этот момент он увидел худого, со впалой грудью, уже немолодого человека, который вышел из

единственного здания, стоящего у железнодорожной платформы и носящего громкое название железнодорожной конторы. Файльс тотчас же узнал его. Это был Хэнтли, агент железнодорожной компании, в ведении которого находилась станция Эмберли. Он был, по-видимому, очень взволнован в этот момент и, направляясь навстречу Файльсу, крикнул ему еще издали:

— Поезд прошел уже Новый Лагерь, инспектор. Вероятно, он уже движется мимо Разломанных Холмов и находится вблизи Белого Пункта. Я думаю, что через час он будет здесь наверняка!

— Проклятие! — вырвалось у Файльса, в первый раз в жизни потерявшего терпение.

Агент улыбнулся.

— Что пользы выходить из себя? — сказал он с какой-то особенной иронией. — Ведь это товарный поезд. Он может опаздывать. Говорю вам, вот именно такие поезда заставили поседеть мою голову! Да, сэр, для этого существует больше оснований, чем вы даже предполагаете.

— Всего двадцать минут тому назад вы мне сказали, что поезд будет здесь через полчаса, — недовольным тоном заметил Файльс.

— Конечно, — ответил Хэнтли. — Так должно быть согласно расписанию. Только расписание для местных товарных поездов редко соблюдается.

Файльс нетерпеливо постучал по горячим доскам платформы каблуком блестяще вычищенного сапога для верховой езды, затем, пристально взглянув на Хэнтли, проговорил своим обычным авторитетным тоном:

— Слушайте, Хэнтли, я хочу знать, может ли что-нибудь задержать поезд на этом перегоне? Скажите, тут нет ничего такого?

Хэнтли покачал головой, и в глазах его мелькнул насмешливый огонек.

— Пророчествовать считалось опасным даже две тысячи лет назад, — ответил он. — Не думаю, что эта страна прерий — исключение в этом отношении. О нет, сэр! Мало ли какие случайности возможны на боковой железнодорожной ветке. Путь может быть поврежден, или локомотив от старости придет в окончательную негодность... Железнодорожная прислуга может запьянст-

зовать и учинить дебош в каком-нибудь придорожном городке. Никогда нельзя ни за что ручаться на такой боковой ветке. А тут еще этот груз спирта!..

— Слушайте, дружище! — резко прервал его Файльс. — Что вы тут болтаете? Уверены вы, что с поездом ничего не может случиться?

Хёнтли усмехнулся.

— Это ведь запретная территория; тут действует сухой закон и потому...

Файльс снова оборвал его. Насмешливый тон агента слегка раздражал его, но он вспомнил обычное добродушие Хёнтли и то, в каких условиях протекает его жизнь здесь в Эмберли. В самом деле, только две вещи делают эту жизнь сносной для него, вносят в нее некоторое разнообразие, а именно: действия конной полиции и действия тех, кто делает необходимой существование этой полиции в стране. Несмотря на всю угнетающую рутину своей жизни в Эмберли, Хёнтли все же находил в ней некоторый интерес. Тут в сердце Канадской прерии закон боролся с беззаконием, и эта борьба развлекала Хёнтли. Местная полиция должна была разыскивать и преследовать нарушителей сухого закона, установленного почтенным правительством в его чрезмерной заботливости о нравственности и благополучии тех, кто, в сущности, гораздо лучше мог бы позаботиться сам о себе. Хёнтли так же возмущался этим запретительным законом, как и каждый взрослый человек, мужчина или женщина, в этой стране, не принадлежащие к узкому кругу проповедников трезвости. Вместо улучшения жизни в северо-западной территории, введение сухого закона резко ухудшило ситуацию: пьянство возросло на сто процентов с тех пор, как объявлен был запрет на ввоз и потребление спиртных напитков, кроме пива, содержащего только 4 процента алкоголя.

Хёнтли знал, что на инспектора Файльса была возложена обязанность пресечь в этих краях контрабандный ввоз виски, ну а он, Хёнтли, должен был доставлять полиции все сведения относительно контрабанды, которые от него потребуются.

— Вы все тут не прочь глотнуть запрещенный напиток, хотя знаете, что это против закона, — заметил недовольным тоном Файльс.

— А что же вы хотите, чтоб мы тут делали? — с раздражением воскликнул Хэнтли. — Не думаете ли вы, что мы будем тут сидеть в этом проклятом местечке и развлекаться чтением брошюр Общества Трезвости только потому, что кому-то там, среди его членов, пришло в голову запретить нам потребление спиртных напитков? Или, может быть, нарядившись в красные мундиры полицейских, вы полагаете, что мы будем сосать молоко из детской соски и удовлетворимся этим? Нет, сэр, этого не будет ни в коем случае! Я предупреждаю вас, что пью любой спиртной напиток, который мне удастся раздобыть, и этот напиток кажется мне особенно вкусным из-за вас, господа! Я признаю только свой долг по отношению к железнодорожной компании, которой служу, и вне этого не пошевелю и пальцем, чтобы помешать галлону доброго виски проникнуть в город. Не помешаю даже в том случае, если мне будет грозить тюрьма!..

Файльс окинул говорившего пристальным взглядом.

— Конечно, — сказал он холодно. — Но от вас ведь только и требуется исполнение долга. Больше ничего. Я нахожусь здесь именно для того, чтобы следить за выполнением долга. Первое нарушение его, приятель, — и вы уже не будете столь легкомысленно отзывать о тюрьме. Теперь слушайте. Когда этот поезд придет сюда, то я возлагаю на вас ответственность за сохранность груза в последнем вагоне и неприкосновенность пломб на нем. Груз заключается в бочках сахара, отправляемых в Кальфорд. Вы понимаете меня? Ваш долг наблюдать за тем, чтобы груз был доставлен в целости по назначению. Учтите!

Файльс намеренно подчеркнул последние слова, и Хэнтли отлично понял намек. Он зашел слишком далеко в своем возмущении против закона, и теперь ему ничего больше не оставалось, как выполнять инструкции. Но он ненавидел свое положение. Его лицо передернулось.

— Уж слишком мало работы вы предоставляете фантазии в данном случае, — заметил он угрюмо.

— Конечно, я не предоставляю ничего, кроме цвета, в который выкрашена та или иная тюрьма, — сказал уходя Файльс.

РАЗЪЕЗД БЕЛЫЙ ПУНКТ

Мистер Мосс был единственным служащим железнодорожной компании на разъезде Белый Пункт. Его служебные часы официально занимали сутки, но, как ни странно, и досуг его был столь же продолжительным. В сущности летом ему совершенно нечего было делать, и длинные летние дни он почти целиком проводил среди своих растений в огороде и цветочных грядках, посаженных позади хижины, которая одновременно была его домом и конторой. Это и был Белый Пункт.

Если уж Джек Хэнтли сетовал на монотонность своей жизни в Эмберли, то что же должен был говорить Мосс об условиях своего существования? Поблизости от Белого Пункта не было ни города, ни ферм, ни лагеря метисов, который мог бы хоть как-то оживить окрестности. Унылое однообразие равнины лишь изредка нарушалось какой-нибудь группой индейцев, отправляющихся на охоту в прерии миль за шестьдесят к югу.

Однако положение станционного разъезда Белый Пункт представляло совершенно особый интерес, чем и объяснялось его устройство именно в этом месте. К северу, югу и западу прерия тянулась на многие мили, но на востоке вид местности сразу изменялся. Горы, поросшие лесом, поднимались над прерией. Их обнаженные, неровные, словно изъеденные вершины достигали значительной высоты, а внизу поверхность равнины на большом протяжении была усеяна обломками скал, разбросанными в живописном беспорядке среди зеленого моря прерии.

Эти прорезанные ущельями горы требовали зимой и весной постоянного бдительного надзора за железнодорожной линией, прорезающей равнину. Летом ничто не угрожало железной дороге, но зимой тут случались большие снежные заносы, а весной во время таяния снегов существовала другая опасность: железнодорожное полотно размывалось водой, и легко происходили крушения. Все это нарушало душевное равновесие Мосса и мешало ему спать спокойно.

Но теперь стояло лето и не было никаких оснований тревожиться. Поэтому Мосс мог отдавать все свое внимание уходу за своим огородом. Он усердно окучивал ряды картофельных грядок, считая, что физический труд является единственным предохранительным клапаном, дающим выход слишком долго сдерживаемым эмоциям и недопускающим унынию овладеть человеком. Мосс спокойно работал в огороде, ожидая прохода местного товарного поезда. В его глазах этот поезд не имел большого значения, и время его прохода не было определено в точности. Он мог проследовать мимо Белого Пункта сегодня или завтра — Моссу в общем-то было безразлично. Ему надо только сигнализировать на следующую станцию о проходе поезда, и больше совершенно не беспокоиться о его дальнейшей судьбе.

Вдруг он прервал на мгновение свою работу и стал прислушиваться. Какой-то странный, непривычный звук поразил его. Ему показалось, что в отдалении заржала лошадь, и затем он ясно услышал ответное ржание. Что бы это означало? Он поднялся и начал тщательно всматриваться в окружающую равнину прерии во всех направлениях. Зрение у него было очень острое, но он нигде не увидел лошади. Вряд ли какая-нибудь заблудшая лошадь искала убежище в соседних высоких холмах. Мосс прислушивался еще некоторое время, но затем решил, что это просто фантазия разыгралась у него вследствие жары и уединенной жизни и снова вернулся к своей прерванной работе.

Однако нынешний день оказался полон для него сюрпризов. Отдаленный гул возвестил о приближении товарного поезда. Он улыбнулся и пошел к семафору. Выполнив свою обязанность, он снова принялся за работу. Поезд должен проследовать через несколько минут, и ему не о чем больше заботиться. И вдруг он остановился, пораженный. Грохот приближающегося поезда, который постепенно возрастал, внезапно прекратился, и Мосс явственно расслышал другой звук: стук вагонов, ударявшихся друг о дружку при внезапной остановке. Что-то было неладно! Он обернулся и взглянул на семафор. Приснилось ему, что ли? Ведь всего полчаса тому назад он опустил семафор, а теперь он оказался поднятым, и поезд должен был остановиться как раз на повороте, где железнодорожный путь выхо-

дил из области холмов. Мосс был в полном недоумении. Несколько секунд он стоял ошеломленный, а затем побежал исправлять свою ошибку.

Но тут его ждал новый сюрприз. Он увидел, что рычаг семафора занимал то самое положение, которое он придал ему. С его стороны, следовательно, не было сделано промаха. Однако, когда он взглянул вниз, то тайна объяснилась: выпал болт, и механизм семафора расстроился. Колокол локомотива поезда, остановившегося на повороте, отчаянно звонил. Раздумывать было некогда. Следовало пропустить поезд без дальнейшего промедления. Мосс привычно быстро исправил повреждение, поставил на место болт и снова привел в действие рычаг. На сей раз сигнальная лапа семафора опустилась. Теперь Мосс имел время разобраться в причине разладки механизма семафора. Как могла выпасть сама собой двухдюймовая гайка и нарушить скрепление? Однако невозможное случилось. Мосс стоял и смотрел на болт, испытывая какое-то жуткое чувство. Послышался грохот приближающегося поезда. Машинист крикнул ему какой-то нелестный эпитет, когда старый паровоз с треском и лязганьем прошел мимо него, таща за собой ряд товарных вагонов. Мосс некоторое время смотрел вслед удаляющемуся поезду, а затем, махнув рукой, вернулся к своим картофельным грядкам. Загадка семафора так и осталась нераскрытой.

Между тем вот что случилось. Поезд уже почти миновал холмы, и Белый Пункт был совсем недалеко. Никакой задержки в пути не предвиделось. Кондуктор и поездная бригада спокойно сидели в первом вагоне. Тормозной кондуктор, жизнь которого всегда полна риска и требует особенной бдительности, зная, что никакой другой поезд не пройдет тут и ему нечего опасаться каких-либо затруднений на небольшом перегоне, тоже отдыхал вместе с помощниками в предпоследнем вагоне. Некоторые даже дремали. И вдруг без всякого предупреждения состав затормозил. Все четверо повскакивали со своих мест, когда раздался знакомый им звук сталкивающихся друг с другом вагонов, внезапно остановленных на полном ходу.

Кондуктор крикнул одному из своих помощников:

— Эй, Джэк! Полезай на крышу и посмотри, что случилось. Отчего мы остановились?

Джэк тотчас же поспешно полез на крышу. Оттуда он крикнул вниз:

— Я ничего не вижу. Мы у последнего поворота, как раз за Белым Пунктом. Локомотив остановился. Вероятно, нам дали сигнал...

Как только он с ругательствами слез с крыши вагона, внизу у вагонной сцепки появилась чья-то рыжая лохматая голова, и какой-то человек с грязным запыленным лицом, осторожно осматриваясь, вылез из-под последнего вагона, под которым он, вероятно, проехал несколько миль, и быстрыми, ловкими движениями отцепил его от поезда. Вскоре после этого четверо отдохавших в этом вагоне услышали знакомый звук лязгания сцепок трогających вагонов. Кондуктор презрительно улыбнулся и сказал:

— Сигнальщик, видно, плохо знает свое дело. Зачем он остановил поезд в пути? Не было для этого никаких оснований. Ведь это нарушает распорядок движения на боковой ветви, иначе...

Он вдруг смолк и прислушался. Толчки прекратились, но грохот колес двигающегося поезда был явственно слышен. Однако вагон оставался на месте.

— Черт побери! Что это значит?.. — крикнул он.

Джэк тоже бросился к дверям вагона, но тотчас же с криком отпрянул назад. Четыре ружейных дула высунулись в проем двери, а затем показались два человека в масках. Один из них сказал спокойным, повелительным голосом с сильным западным акцентом:

— Оставайтесь на своих местах, не двигайтесь! Мы не намерены убивать вас, но если вы помешаете нам, то вам придется плохо. Слышите?..

Кондуктор был опытный человек, выдавший виды на железной дороге. Он пережил много таких насильственных остановок и только в душе благодарил судьбу, что не вел на сей раз поезда, везущего деньги. Он вполне готов был повиноваться приказу грабителей. Пусть они забирают локомотив, вагон, кухню да и все остальное, лишь бы его собственная голова осталась цела!

ОСТАНОВКА

Как раз за сигнальной станцией Белого Пункта, где над железнодорожной линией громоздились высокие лесистые горы, произошло нечто, являющееся вопиющим нарушением запретительных законов.

Место тут было очень уединенное, какое всегда можно найти в горах, высоко вздымающихся над покрывающим склоны лесом свои обнаженные скальные вершины. Горы, изрезанные ущельями, отделяли этот уединенный уголок от остального мира. Железнодорожная ветка узкой лентой извивалась меж холмами и исчезала вдали. Но станция, всего на расстоянии нескольких сот ярдов, находилась уже на совершенно открытой равнине, доступной всем ветрам.

Темный сосновый лес возвышался неподвижной стеной над дорогой. Ни одно дуновение ветерка не нарушало его покоя. Заходящее солнце золотило вершины холмов, а в долину уже заползал мягкий, бархатный сумрак, пропитанный зноем летнего дня. Тишина лишь изредка нарушалась топанием ног и ударом топора, а затем послышался глухой стук каких-то тяжелых предметов, укладываемых на дно большой повозки.

Люди грузили быстро, хотя и без кажущейся торопливости. По-видимому, все было рассчитано заранее с величайшей точностью. Поезд двигался к Эмберли, увозя с собой ничего не подозревающих кондуктора и проездную бригаду, а на сигнальной станции агент опять вернулся к своим сельскохозяйственным занятиям. Ничто не могло помешать работе, и разгрузка последнего вагона совершалась беспрепятственно. Все эти люди прекрасно знали, что за исключением сигнальной станции, тут не было ни одного человеческого жилища, а неровности холмов и нагромождения утесов надежно укрывали их от посторонних глаз случайных проезжих по окрестным дорогам.

Три человека занимались выгрузкой вагона, а двое с ружьями в руках держали под прицелом тормозную команду. Все грабители были в масках, за исключением одного, который, судя по одежде и властному обращению, очевидно, был предводителем шайки. Это был мо-

лодой человек, почти мальчик, без всякой растительности на лице, стройный и замечательно изящный. Однако, несмотря на его юношескую наружность, взгляд его черных блестящих глаз отличался смелостью и решительностью. Он казался совершенно не у места среди своих товарищей, представлявших хорошо известный тип всякого сброда, которым изобилуют далекие преири. По виду это был юноша, воспитанный в городе, и его одежда, казалось, была сшита классным портным, тогда как все остальные, носившие маски, были в широких грязных рубахах, кожаных штанах и с револьверами за поясом.

Дорожная насыпь была усеяна раскрытыми бочками, и заключающийся в них сахар рассыпался повсюду. Бочки были вытащены из товарного вагона, поставлены на землю, и крышки были аккуратно разломаны топором. Когда они свалились, то под ними обнаружился бочонок виски, хорошо уложенный в сахаре. Очевидно, все делалось ловкими людьми, искусными в деле контрабанды. Сахарный груз был должным образом зарегистрирован, бочки запечатаны, снабжены ярлыками и отправлены по адресу одной фирмы в Калфорде, репутация которой была безупречна во всех отношениях. Но в этом-то и заключалась хитрость контрабандистов. Бочки с сахаром не должны были достигнуть Калфорда. Однако при налете на товарный поезд контрабандисты не тронули чужого груза, а завладели лишь тем незаконным грузом, который принадлежал их предводителю.

Пятнадцать бочонков виски были извлечены из бочек с сахаром и нагружены на фуру. Оставалось нагрузить еще пять. Вожак спокойным тоном побуждал своих людей ускорить работу.

— Поторопитесь, ребята! — говорил он глубоким звучным голосом, пробуя своими несколько нежными руками взвалить бочонок на телегу. Но это оказалось ему не под силу, и один из его товарищей подоспел к нему на помощь.

— Времени терять нельзя, — сказал он через минуту, тяжело дыша от сделанных усилий. — Ведь кондуктор может свистком вызвать помощь и тогда, — прибавил он с улыбкой, — поезд двинется задним ходом за своим утерянным хвостом!

Все дружно расхохотались.

— Я думаю, Файльс будет рвать на себе волосы с отчаяния, когда этот поезд придет в Эмберли, — заметил тот, который стоял возле предводителя.

— Ого! Разве он в Эмберли? — спросил кто-то.

— Его видели там. Кто же его не знает в округе? — послышался ответ.

Наконец последний бочонок был нагружен на телегу, и предводитель вздохнул с облегчением.

— Поезжайте по южной дороге к временному тайнику, — сказал он вознице. — Надо поторопиться, если Файльс, действительно, взялся за это дело, ребята!..

— Ладно! Ладно! — крикнул возница. — Файльсу не догнать нас.

Предводитель несколько минут смотрел ему вслед, затем он повернулся к сообщникам, очевидно ожидающим его приказаний.

— Надо задержать на месте поездную команду, пока те, другие ваши товарищи, не сядут на лошадей, — сказал он, и люди бросились исполнять его приказание.

Никому не приходило в голову спрашивать о чем-либо, и они уже по опыту знали, что не было надобности задавать ему какие бы то ни было вопросы, а следовало беспрекословно повиноваться. Разбойники понимали, что они были лишь исполнителями, а он был головой и гораздо более умной, чем даже голова инспектора Файльса.

Отдав все распоряжения и не сомневаясь, что они будут в точности исполнены, предводитель вышел на полотно железной дороги и стал смотреть в сторону поворота вокруг большого холма. В глазах его появилось задумчивое выражение. Возбуждение, которое он испытывал в то время, когда отдавал приказания, исчезло, и решительность сменилась чем-то вроде усталости. Даже наружность его изменилась, и выражение лица стало мягче, даже нежнее.

Он остался стоять пока все не кончилось. Он слышал, как пришли лошади и два человека, остававшихся в вагоне сторожить тормозную команду, вылезли из него и вскочили в седла. Тогда он повернулся и пошел по дороге. Выражение усталости исчезло с его лица, и в глазах опять блеснула прежняя отвага. Он вошел в чащу кус-

тов, где была привязана его лошадь, вскочил в седло и поскакал к западу. Стук копыт скачущей лошади быстро замер вдаль, и к холмам снова вернулась прежняя задумчивая тишина...

Когда грабители скрылись, освобожденная тормозная команда разразилась проклятиями. Ругательства сыпались на все и всех. В особенности же доставалось агенту станции Белый Пункт. Его считали виновником случившегося.

Излив все свое негодование и вдоволь наругавшись, они осторожно выглянули в дверь и затем, убедившись, что там никого не было, выскочили все, толкая друг друга, из вагона и, собравшись в кучу на насыпи, с оторопелым видом смотрели на рассыпанный сахар и на бочки с выбитым дном.

Кондуктор первым пришел в себя.

— Ах, негодяи! — воскликнул он и повторил даже с некоторым сожалением: — Ишь, негодяи!..

Затем, обернувшись к подчиненным, закричал:

— Нечего стоять и глазеть по-пустому! Дело уже сделано. Белый Пункт недалеко за поворотом. Там мы найдем этого тупоголового агента — если только с ним уже не покончено! Если же он жив, то мы заставим этого бездельника известить по телеграфу о том, что случилось. Пусть на этой проклятой станции в прерии приготовятся к поминкам...

Мосс в это время кончил свою работу в огороде, уступая настоятельным требованиям своего голодного желудка. Надо было, наконец, подумать об ужине. Он выпрямил свою усталую спину, вскинул на плечо лопату и не спеша направился к хижине с недовольным видом человека, который вынужден для себя готовить пищу. Он прошел к навесу, где хранились дрова, и положил туда лопату. Взяв охапку дров, он, обойдя вокруг хижины, подошел к дверям спокойным шагом человека, покончившего, наконец, со своей дневной работой. У двери он остановился и по привычке посмотрел на полотно железной дороги, убегающее вдаль. Жизнь его протекала однообразно, и он не ожидал никакой перемены в ней. Каждый день происходило одно и то же, и теперь он не надеялся увидеть что-нибудь интересное в пустынной

прерии, по которой тянулась железнодорожная линия. Но, выглянув на восток, он вдруг встрепенулся. Его скупающий взор загорелся огнем, и с ним произошла какая-то удивительная метаморфоза. Он вбежал в комнату и затем тотчас же выскочил оттуда, держа ружье в руке. Он больше уже не походил на фермера-овощевода, и весь охвачен был воинственным пылом.

Вдоль полотна железной дороги бежали четыре взлохмаченных человека, видимо, очень возбужденные и размахивающие руками. Уединенное месторасположение станции невольно возбуждало подозрение, и Мосс подумал, что они стремились сюда с недобрыми намерениями.

— Руки вверх! — крикнул им Мосс таким зычным голосом, что в ближайших холмах раскатилось эхо. — Если вы сделаете хоть один шаг, то я пушу пулю в кого-нибудь из вас!

Эта угроза и воинственный жест Мосса моментально оказали свое действие и заставили бегущих остановиться и поднять над головой руки. Затем Мосс услышал испуганный голос седого тормозного кондуктора, кричавшего ему:

— Ради бога, не стреляй!.. Мы ведь из поездной команды... товарного поезда... Нас задержали в пути...

Мосс опустил ружье, и вся воинственность его моментально испарилась. Он увидел кондукторскую форму на говорившем и тотчас же поспешил к нему.

— Что такое?.. — начал он, но старый кондуктор не дал ему продолжать и разразился ругательствами.

— Зачем, черт тебя возьми, ты остановил поезд своим сигналом? — кричал он. — Или ты заодно с грабителями? Это тебе даром не пройдет, ручаюсь тебе. Поезд был остановлен сигналом без всякой разумной причины. Ты понимаешь, а? И ты несешь полную ответственность за это!

Присутствие товарищей возбуждало его храбрость, и он продолжал повелительным тоном:

— А теперь отправляйся к телеграфу и срочно телеграфируй в Эмберли, слышишь? Уведоми их о том, что случилось. Черт возьми! Ты должен будешь возненавидеть Белый Пункт и будешь желать, чтобы даже это название исчезло из обращения на всем американском континенте!

Мосс был совершенно ошеломлен, не понимая в чем дело, и его растерянность только поощряла кондуктора еще больше осыпать его ругательствами и кричать на него. Но, наконец, в душе Мосса вспыхнуло негодование, и, выстукивая телеграмму в Эмберли, он с раздражением ответил своему обвинителю:

— Вы вот тут ругаетесь и кричите, но поскольку вы — старик, я не обращаю на это внимания. А что касается вашего паршивого товарного поезда, то он по обыкновению запоздал. Вовсе не моя обязанность пропускать его, пока вы не требуете сигналом. Для товарных поездов нет расписания. Если они опаздывают, то это их дело.

Но несмотря на справедливое негодование Мосса и возмущение против нанесенной ему обиды, слова кондуктора все же оказали свое действие. Он вспомнил загадочный случай с семафором. Ведь как никак, а поезд был остановлен у Белого Пункта! Мосс прекрасно знал, что никакие его объяснения не удовлетворят начальство, и, кроме того, в его воображении возникла, как злоеущий призрак, фигура инспектора Файльса из Конной полиции...

Глава IV

У ПОДНОЖИЯ СТАРОЙ СОСНЫ

В ожидании уведомления от Хэнтли инспектор Файльс удалился в небольшой деревянный домик, служивший полицейской городской станцией в Эмберли. В домике имелись две комнаты и чердачное помещение. Меблировка комнат была самая скудная. Ничего в них не было, кроме деревянных столов и стульев. На чердаке помещались два полицейских солдата и дежурный сержант, которые спали на деревянных скамьях.

Стэнли Файльс сидел у окна, облокотившись на стол и подперев ладонью подбородок. Он отдыхал, готовясь к дальнейшей работе и размышлял о ней. В этих диких краях он пользовался единственной в своем роде репутацией. Не проходило дня, чтобы ему не поручалось его начальством какое-нибудь серьезное и особенно трудное дело, часто даже сопряженное с

опасностью для жизни. Сообразительность, находчивость и отвага Файльса не подлежали сомнению. Если он брался за какое-нибудь дело, то успех его считался обеспеченным. Он всегда был спокоен и никогда не выходил из себя, и не поступал необдуманно. Его подчиненные говорили про него, что он всегда старался первым выстрелом попадать в цель.

Файльс был честолюбив и молод, ему еще не было 30 лет. Полицейская служба, заключающаяся в наблюдении за строгим соблюдением закона и в преследовании его нарушителей, давала, по его мнению, наибольшие возможности выдвинуться, сделать быструю служебную карьеру в этой далекой стране, куда стекались из разных мест в целях наживы разного рода авантюристы и преступники. И Файльс идеализировал свои полицейские обязанности, уверяя себя, что они обеспечивают безопасность и спокойствие общества.

С распространением в стране деятельности Общества Трезвости и принудительным введением закона, воспрещающего ввоз и торговлю алкогольными напитками, исключая пиво, пьянство не только не уменьшалось, но даже стало усиливаться. Контрабандная торговля спиртом возрастала, несмотря на все принимаемые меры. Изловить контрабандистов не удавалось до сих пор никому из полицейских, находящихся в этой области. Стэнли Файльсу, как наиболее способному, было поручено это дело, и он понимал, что от его успеха зависела теперь вся его дальнейшая карьера и будущность.

Он раздумывал об этом, сидя у окна, откуда виднелась вдали маленькая живописная деревня, разбросанные домики которой полускрывались в густой зелени глубокой долины. Это был один из тех видов, которыми прерия очаровывает взоры и привлекает к себе, заставляя забывать ее темные стороны. Файльс тоже невольно залюбовался пейзажем, хотя не в первый раз смотрел на него. Он видел внизу неподалеку от того места, где находился, большую старую сосну, поднимавшую свою седую вершину к лазурному своду. Это огромное дерево было хорошо известно в округе, и, как обычно, указало Файльсу дорогу к поселку Скалистые Ручьи. Когда он ехал верхом по прерии в Эмберли, то видел все время эту огромную старую сосну, возвышающуюся над окру-

жающей равниной. Однажды любопытство заставило его свернуть с дороги, сойти с лошади и подойти ближе, чтобы осмотреть этот удивительный экземпляр растительного царства, являющийся представителем очень отдаленной эпохи.

Однако Файльсу не удалось хорошенько рассмотреть чудо-дерево. Его внимание было отвлечено присутствием молодой девушки, которая сидела на траве у подножия старой сосны, прислонившись к ее стволу, и, казалось, что-то шила. Ее рабочая корзинка стояла рядом. Впрочем, когда Файльс подошел ближе, то он заметил, что она не работала, а пристально смотрела куда-то вдаль. Девушка была чертовски красива. Она была без шляпы, в легком летнем платье, и ее пышные темные волосы стягивала белая лента. Незнакомка не сразу заметила приближение одинокого всадника, невольно заглядевшись на нее и решившего в душе, что она самое очаровательное существо, когда-либо виденное им.

Девушка, наконец, услышала шаги и перевела на него взгляд. Файльс заметил, что во взгляде ее прекрасных черных глаз выражалась решительность и строгость. Он даже пожалел об этом. Если она обладала слишком мужественным и твердым характером, то это не соответствовало ее нежной женственной наружности, — подумал он.

Девушка медленно повернулась к нему и, окинув его быстрым испытующим взглядом с головы до ног, спросила глубоким, музыкальным голосом:

— Вы инспектор Стэнли Файльс?

Захваченный врасплох, он немного смешался.

— Да, — ответил он и, заметив улыбку в ее глазах, спросил в свою очередь: — А это Скалистые Ручьи, вон там, в долине?

Девушка кивнула головой.

— Да, — сказала она. — Этот поселок таит в себе много интересного, за исключением, быть может, уважения к законам.

— Поэтому я и приехал сюда, — заметил он, широко улыбаясь.

Девушка весело рассмеялась.

— Само собою разумеется. Мы уже слышали, что вы едете сюда. Вы хотите устроить здесь полицейский участок, не так ли?

Он отвечал утвердительно, и тогда улыбка исчезла с ее лица, и глаза стали серьезными.

— Это давно следовало сделать, — сказала она. — Я слыхала о скверных местах, читала о них, но думаю, что ничто не может сравниться с этим местом. Посмотрите! — вскричала она, вскакивая и указывая своей красивой рукой на долину с разбросанными по ней домиками, утопающими в зелени, и серебристой лентой неширокой реки, извиляющейся внизу. — Существует ли еще где-нибудь такая насмешка в природе? Ведь это самая красивая картина, какую только может представить себе воображение художника! Здесь все как будто дышит миром и покоем. А между тем... Скалистые Ручьи — подлинное гнездо беззакония, — прибавила она.

С минуту он ничего не отвечал. Он думал о том, какую прелестную картину представляет она сама, стоя возле огромного дерева на склоне зеленого холма, внизу которого виднелась долина. Но она нагнулась, подняла опрокинутую корзинку и стала собирать свои швейные принадлежности. Очарование было нарушено, и он возразил, улыбаясь:

— Мы, в полиции, должны быть довольны, что существуют такие места, как Скалистые Ручьи. Подумайте только, если бы их не было, то мы рыскали бы по округе столь же бесполезные, как голодные койоты зимой! И, конечно, правительство не стало бы платить нам деньги за это.

Девушка собрала свои вещи и, указав рукой на тропинку, которую Файльс покинул, сойдя с лошади, отрывисто проговорила:

— Вот дорога в Скалистые Ручьи. Она ведет прямо к трактиру. Видите ли, это самое главное здание в поселении! Прощайте.

Не прибавив больше ни слова, она быстро пошла вниз и скрылась в густом кустарнике, покрывающем склоны холма.

Ту неожиданную встречу Файльс не мог забыть, и теперь, сидя у окна в полицейской конторе, он припоминал все ее подробности. После того он много раз видел эту девушку и даже говорил с нею, так как его служебные обязанности часто заставляли его бывать в окрестностях старой сосны. Но знакомство их не подвинулось

ни на шаг: девушка сохраняла холодную сдержанность в своих отношениях с ним.

Между тем Файльсу она нравилась все больше и больше, и он думал о том, что когда, наконец, успех увенчает его усилия и он выдвинется по службе и займет независимое положение, то станет добиваться ее руки. Теперь он еще не может этого сделать. Он должен сосредоточить все свои помыслы, все свои силы на достижении цели, к которой стремился. А тогда!..

Мечты его были прерваны стуком в дверь. Вошел сержант.

— Ну что? — спросил Файльс властным голосом.

— Это Хэнтли, сэр. Он получил известие, — отвечал сержант. — Товарный поезд был остановлен, не доходя Белого Пункта. Грабители вскочили в два последних вагона и удержали в плену тормозную команду. Кажется, поезду был дан сигнал к остановке, когда он миновал холмы и был на повороте. Пока он там стоял, два последних вагона были отцеплены и затем поезду было дозволено продолжать путь. Поезд отправился без двух вагонов и теперь находится в виду. Хэнтли ожидает вас.

Файльс встал, и сержант тотчас же посторонился, чтобы пропустить его в дверь.

— Где телеграмма? — спросил он взволнованного агента.

Никто не проронил ни слова, пока он читал это важное сообщение, разрушившее все его надежды на немедленный успех. Бросив вопросительный взгляд на агента, Файльс повернулся к сержанту.

— Тут сказано, что кондуктор слышал, как предводитель говорил своим людям, чтобы они отправлялись по южной дороге. Это либо просто блеф, либо ошибка. Эта дорога ведет в Скалистые Ручьи, отстоящие на 22 мили от Белого Пункта. Они, вероятно, должны были медленно двигаться со своим тяжело нагруженным фургоном. Скалистые Ручьи находятся в 26 милях отсюда по дороге. Скажите нашим людям, чтобы они немедленно отправлялись, и если они поедут быстро, то могут перехватить их по дороге или же поедут за ними и выследят их.

Файльс, не обращая внимания ни на сержанта, ни на Хэнтли, ожидающего его, бросился во внутреннюю ком-

нату, где находился телефон, и позвонил в городской полицейский участок.

— Дело в высшей степени важное, — сообщил он начальнику. — Я должен немедленно повидаться с вами. Спиртные контрабандисты снова нас обставили...

Глава V

НА ЮЖНОЙ ДОРОГЕ

Три человека в полицейской форме быстро мчались по равнине. Впереди скакал сержант Мак Бэн. Вдруг он остановился и, обратившись к своим спутникам, сказал:

— Видите, ребята, вон там Кипарисовые холмы? Мы слишком удалились к югу.

— Верно, сержант, — ответил один из полицейских. — Надо повернуть влево.

Загорелые, бронзовые лица всех троих выражали энергию, и глаза были с напряженным вниманием устремлены вдаль. Служба их была тяжелая, но этого требовало от них правительство, и этого же требовали условия страны, в которой они находились. Беззаконие преобладало в этих прекрасных, залитых солнцем равнинах и не только беззаконие людей, но и беззаконие самой природы, с которой приходилось бороться, чтобы можно было дышать свободно и жить.

В прерии была военная полиция, но ее методы отличались от военных методов. Полицейские солдаты должны были повиноваться приказам, но этим кончалось их сходство с солдатами армии. Каждому полицейскому предоставлялась свобода думать и действовать по своему усмотрению. Его начальники требовали только одного: достижения успеха. Было ли совершено преступление, бежал ли преступник, или же преступление только замышлялось, — полицейский обязан был отправляться на место действия расследовать дело и арестовать виновных. Полицейский должен быстро соображать и действовать на свой собственный страх и риск. Успех вызывал лишь холодное одобрение со стороны начальства, но за неудачу приходилось тяжело расплачиваться. Полицейская работа могла продолжаться дни, недели, даже месяцы. Ни

время, ни расходы не имели значения, лишь бы результат был успешный. Если же результаты были неудачны... Впрочем, нет, неудача не допускалась! От этого мог бы пострадать престиж полиции, состоящей из семисот человек, на которых была возложена обязанность подчинить себе и очистить от всех преступных элементов территорию, где легко могли бы затеряться с полдюжины европейских государств.

Сержант Мак Бэн снова заговорил, устремив свой пристальный взгляд на горизонт.

— Вот она! — воскликнул он. — Стоит там, точно метла. Это знаменитая сосна близ Скалистых Ручьёв. Скачите дальше, влево от нее, ребята.

Он повернул свою лошадь, и скачка возобновилась. Где-нибудь там впереди, на южной дороге, контрабандисты спирта прячут свой груз. Инспектор Файльс сказал: «Ступайте и окружите их!» — и хотя численный перевес был не в пользу полицейских, ни один из них не думал об этом. Каждый готов был употребить все усилия, на какие только был способен человек, чтобы добиться успеха.

Когда, наконец, было установлено нужное направление в этой обширной зеленой пустыне, сержант-шотландец, с грубыми, суровыми чертами лица, несколько ослабил свою бдительность, и глаза его приняли добродушно насмешливое выражение.

— Эй, ребята, — сказал он, — разве не постыдно так растрачивать хороший спирт, выливая его на землю? Впрочем, правительства всегда расточительны, только не там, где это касается жалованья.

— А что если б мы пролили немного этого спирта, сержант?

— Пролили? — засмеялся сержант. — Ты неправильно выражаешься, приятель. Разве этим словом можно определить то чудное, теплое ощущение, которое испытывает человек, когда в его горло льется доброе виски? Я думаю...

Другой полицейский перебил его.

— Файльс вылил бы даже шампанское, — сказал он. — Такой уж он человек!

Сержант покачал головой.

— Конечно, Файльс уберет с дороги все и всякого, кто будет мешать ему, оттого он и сует свой нос всюду,

где чует дичь. Так и нужно поступать в этой богом забытой стране. Если мы не исполним приказ и не выльем конфискованный спирт, то цена нам будет грош, и никто нас больше не купит. Нет, ребята, хотя сердце у нас будет разрываться от огорчения, когда мы будем выливать виски, но сделать это мы должны, иначе нас попросту выкинут за борт!

Разговор прекратился, и все опять устремили напряженные взоры в ту сторону, где должна была находиться южная дорога. Через полчаса они уже увидели под ногами песчаную дорогу, ту самую, которую искали, и они тотчас же соскочили с лошадей и стали внимательно рассматривать следы на песке.

— Мы следуем за ними по пятам, ребята! — крикнул сержант. — И, судя по тому, как они едут, мы их скоро настигнем.

— С ними четыре верховые лошади, — сказал другой полицейский, рассматривавший дорогу. — С возницей это составляет пять человек. Бродяги прерии — я думаю!

Сержант кивнул головой, продолжая рассматривать следы. Вдруг третий полицейский крикнул:

— А это что?

Все сейчас же бросились к нему. Он спокойно разрывал окурки сигареты, поднятой им на дороге.

— Бродяги прерии не курят покупных сигарет, — сказал он. — Эта же куплена в городе.

— Да! — воскликнул Мак Бэн. — Не иначе, шайка из Скалистых Ручьев. Я в этом уверен. Ведь там самое гнусное гнездо преступлений на северо-западе. Вперед, ребята! Нам надо действовать.

Они погнали лошадей, поднимая облако пыли по дороге. Но вскоре это облако улеглось, так как всадники свернули в сторону и помчались напрямик по травянистой равнине к Скалистым Ручьям.

Солнце стояло низко на горизонте, и на небе не было видно ни одного облачка. Кругом господствовала тишина, даже пение птиц прекратилось.

Низкие холмы, густо поросшие кустарником, окаймляли дорогу в том месте, где она вступала в широкую долину Скачущего Ручья, который за шесть миль далее протекал через середину поселка Скалистые Ручьи. Местность отличалась тут своеобразной красо-

той. Небольшие холмы были перерезаны ущельями во всех направлениях, густо заросшими и потому почти непроходимыми. Далее, по мере того как долина расширялась и углублялась, вид ее делался более суровым и мрачным. Местность становилась возвышенной, поднималась к большим высотам, характер растительности изменялся. Светлая зелень уступила место более темной: хвойным деревьям, голубым соснам, камедным деревьям и сахарному клену. Чем дальше, тем эта перемена резче бросалась в глаза, так как начали преобладать уже более высокие темные сосны. Обширные участки соснового леса высоко поднимали среди более светлой зелени свои мрачные растрепанные верхушки, придавая этой местности какое-то суровое величие, свойственное только высокогорным областям.

Бархатный сумрак окутывал долину по мере того, как угасал дневной свет. Солнце скрылось за стеной леса. Стояла тишина, не шевелился ни один листок на деревьях, и, казалось, покой и мир царили везде. Природа отдыхала, но не отдыхали люди. В неподвижном затихшем воздухе всадники ясно слышали шум колес и стук лошадиных копыт, ударявшихся о твердую почву дороги. Наконец, показались люди: четыре всадника, сопровождающие нагруженную фуру. Они появились на вершине холма и начали быстро спускаться по склону вниз, не обращая внимания ни на какие опасные последствия, угрожающие не только целостности членов, но и жизни. Возница совершенно перегнулся вперед на своем сидении и, вытянув руки, натягивал вожжи, понукая лошадей. Лицо его было серьезно, и он, видимо, прекрасно сознавал свое положение и ту опасность, которая грозила ему впереди, но он также сознавал, что и позади ему грозит, пожалуй, еще большая опасность.

Двое всадников отъехали в сторону и скрылись в кустах на гребне холма, откуда можно было обозревать долину и дорогу к ней. Фура быстро катилась вниз, скрипя и раскачиваясь. Одна лошадь споткнулась, но возница удержал ее от падения одним лишь физическим усилием своих крепких рук.

— Успеем доехать? — обратился к нему один из всадников.

— Должны успеть, — отвечал возница. — Если мы проедем еще двадцать минут ввиду, то проклятая полиция не разглядит нас в облаке пыли.

Лошади бежали все быстрее и быстрее, управляемые опытным возницей. Облако пыли, поднимаясь как дым над верхушками деревьев, постепенно рассеялось, и в долине снова воцарились покой и тишина.

По дороге к Скалистому Источнику медленно двигался фургон. Смуглый возница с грубым, неопрятным лицом, в типичном костюме жителя прерий, сидел с небрежным видом на козлах и лениво правил, видимо, находя, что торопиться ему незачем. Он спокойно жевал табак, равнодушно поглядывая по сторонам, но внимательный наблюдатель заметил бы, что он зорко всматривается в окружающие предметы и прислушивается к чему-то. Выражение его лица тотчас же изменилось, когда позади него раздался какой-то необычный звук. Он поглядел назад, потом быстро поправил свой большой пистолет, так чтобы он находился у него под рукой, и снова принял прежнюю небрежную позу. Злобно улыбнувшись, он сильнее дернул вожжи, заставив утомленных лошадей поднять свои опущенные головы. Однако он, по-видимому, не намеревался ускорить движение фургона, потому что, заслышав отдаленный стук копыт по дороге, тотчас же придержал лошадей и пустил их более медленным шагом. Его неприятное лицо приняло злобно-насмешливое выражение, и он с каким-то особенным смаком сплюнул большую струю табачного сока.

Стук копыт приближался. Возница повернулся и поглядел вниз на темнеющую долину. Но ничего и никого не было видно в тени деревьев. Возница уселся поудобнее и принял еще более равнодушный вид. Усталые лошади тоже, очевидно, заинтересовались звуками, раздававшимися позади, и стали поводить ушами. Преследователи быстро приближались и скоро настигли фургон. Тогда возница лениво повернул голову и в течение нескольких минут с каким-то тупым изумлением смотрел на трех человек в полицейских мундирах, которые приближались к нему. Затем он внезапно приостановил лошадей. Тогда полицейские окружили

фургон. Сержант Мак Бэн подъехал к вознице. Второй полицейский остановил свою лошадь рядом с ним с другой стороны, а третий подъехал сзади фургона и заглянул внутрь.

— Добрый вечер, сержант! — крикнул возница с особенной развязной веселостью. — Вы едете в Скалистые Ручьи?

Мак Бэн пристально посмотрел в лицо метису, желая уловить выражение его глаз. Но это оказалось не легко.

— Может быть, — ответил он коротко.

Окинув фургон быстрым взглядом, сержант строго спросил метиса:

— Откуда едете?

— Прямо из Миртля, — ответил метис, несколько не смущенный резкостью тона сержанта.

— Как вас зовут и у кого вы работаете? — допрашивал Мак Бэн.

— Я Пит Клэнси — поденщик Кэт Сетон. Ездил в Миртль по ее поручению. Я должен был привезти отделку для платья.

— Отделку? — с удивлением повторил Мак Бэн.

Пит Клэнси с несколько наглым видом посмотрел на него.

— Вы найдете эти вещи, если поднимете полог фургона. Там есть также мотки шелка для вышивания в красивой плетеной коробке из камыша. Можете полюбоваться цветом шелковых тряпок, только не притрагивайтесь к ним грязными руками, а то она проклянет меня и обругает свиньей.

Мак Бэн сделал знак полицейскому, и тот поднял полог. Первое, что он увидел, была швейная машина в блестяще отполированном ящике из орехового дерева. Около нее стоял открытый ящик, наполненный засахаренными фруктами, конфетами и большим количеством всевозможных колониальных товаров. В другом ящике были уложены завернутые в бумагу материи для платьев и кусок белого батиста, предназначенный для других принадлежностей женского туалета.

Посмотрев на эти вещи, Мак Бэн с явным отвращением сделал знак полицейскому, чтобы он опять положил все на место.

— Не правда ли, каковы эти франтики? — воскликнул насмешливо Пит Клэнси. — Женщины готовы загнать нас до смерти ради своих тряпок. Взгляните, чего только нет тут! По мне все это тряпье ничего не стоит. Ну, а что касается лакомств и консервов, то я бы не удержался, чтобы не похитить чего-нибудь, если б не был воспитан в строгих правилах библейских заповедей...

— Прекрати свою болтовню! — резко прервал его сержант. — Я строго приказываю тебе, слышишь? Твои рассказы годятся для других, а не для нас. Я скажу тебе кое-что. Ты вовсе не был в Миртле. Ты был в Белом Пункте, где ты помогал грабить товарный поезд. Ты повез в этой телеге большой груз спирта, оттого и лошади твои так измучены. Ты спрятал его в долине, в том месте, где были припасены вот эти товары и заменил ими груз виски. Я вовсе не говорю, что ты не служишь у мисс Сетон в Скалистых Ручьях, но ты ведешь двойную игру. Ты взял товары, заказанные ею, но оставил их в тайнике, куда потом привез виски и тогда только взял их, когда дело было сделано.

Пит Клэнси дерзко захохотал.

— Ого! — воскликнул он. — Какой же я ловкий негодяй, по вашему мнению, сержант! Это я-то, воспитанник миссионерской школы? Я все это сделал, все, что вы говорите? Действительно, это был бы ловкий трюк! А как вы думаете, не выпил ли бы я глоток этого напитка? Ведь я был бы олухом, если б...

— Ты будешь отправлен в тюрьму, ты и твои товарищи! — крикнул сержант, возмущенный его нахальством. — Мы ведь шли по твоим следам всю дорогу, и они оканчиваются как раз здесь. Мы знаем...

— Но вы не знаете, где спрятано виски, — возразил с усмешкой Пит Клэнси и, прямо взглянув в глаза сержанту, разразился громким смехом. — Вы можете говорить сколько вам угодно о тюрьме. В моей повозке виски нет, а если оно было там, как это вы воображаете, то ваше дело найти его теперь и вылить! И незачем задерживать меня здесь и мешать моей работе.

Сказав это, он встряхнул вожжами, и лошади быстро двинулись вперед. Когда телега отъехала, он обернулся и насмешливо крикнул:

— Вы ведь не можете «выливать» швейные машины и консервы! Ваша угроза тюрьмой ничего не стоит. Полагаю, что вы обдумаете это.

Сержант был в полном отчаянии. Он чувствовал, что был прав в своих догадках, но изловить мошенника с поличным ему не удалось.

— Я бы отдал свое месячное жалованье, чтобы иметь возможность надеть на этого парня наручники! — сказал он, вздыхая.

Глава VI

«ОХОТНИЦЫ НА МУЖЧИН»

Красивая молодая девушка, сидевшая под большим кленовым деревом, густая листва которого защищала ее от знойных лучей полуденного солнца, положила возле себя книгу и устремила мечтательный взор на зеленеющую долину, видневшуюся внизу. В нескольких шагах от нее другая молоденькая девушка, хорошенькая блондинка, занята была шитьем. Она усердно работала иглой над куском белого батиста, но когда ее сестра бросила читать, она подняла голову и взглянула на нее своими наблюдательными серыми глазами, в которых блеснул веселый огонек.

— Кэт, — сказала она, заметив куда устремлены взоры сестры, — ты помнишь ли, что сегодня как раз минуло пять лет с тех пор как мы приехали сюда? Пять лет! Тебе было тогда 23 года. Теперь тебе 28 лет, а мне 22 года, и мы обе скоро станем старыми девами. Знаешь ли, — прибавил она со смехом, указывая на поселок, домики которого виднелись в долине, — как люди, там внизу, будут называть нас? Они будут говорить: «две старые карги» или «эти славные, смешные старенькие сестры Сетон»! Ужасно подумать об этом! Ведь мы приехали на Запад, чтобы найти здесь мужей для себя, а в результате остаемся почти старыми девами!

Кэт Сетон улыбнулась на слова сестры.

— Ты любишь подшучивать, Гэль, — возразила она своим глубоким, красивым контральто.

— Я вовсе не подшучиваю на этот раз, — возмущенно ответила ее сестра. — И я не хочу, чтобы ме-

ня называли «Гэль»¹. Это похоже на то, как Пит или Ник ругают друг друга, когда пропивают свое жалование в кабачке О'Брайна. Ведь мое имя Элен! Впрочем, это не меняет фактов. Не приходится далеко взбираться, чтобы найти нас среди сковородок и других кухонных принадлежностей. Но говорю тебе: все это надоело мне, надоело!.. Не стоит говорить об этом. Я ведь женщина и предпочла бы видеть пару мужских штанов в своем доме, нежели другую пару юбок... хотя бы даже эти юбки и принадлежали моей возлюбленной сестрице.

Кэт перестала смотреть на деревню в долине и окинула улыбающимся, снисходительным взглядом хорошенькое личико своей сестры.

— Что ж дальше? — спросила она.

— Ничего! — воскликнула Элен и, придвинувшись к сестре, присела возле нее на корточки. — Но ты должна меня выслушать, Кэт. Мне необходимо высказаться. Так вот, пять лет назад, Кэт Сетон, двадцатитрехлетняя девушка и ее сестра, Элен Сетон, остались сиротами с капиталом в две тысячи долларов, который они поровну поделили между собой. Кэт Сетон не совсем обыкновенная девушка. О нет! Она даже очень «необыкновенная», как сказал бы Ник. Она обладает твердым характером и нелепым понятием о женской независимости. Я вовсе не хочу сказать, что она не женственна, — ничего подобного! Но она твердо верит, что может делать то, что нужно, так же хорошо и обдуманно, как любой мужчина. Она убеждена, что может мыслить не хуже мужчины. Вообще, она не верит в превосходство мужского пола над женским. Единственное преимущество, которое она признает за мужчиной, заключалось в том, что он может просить женщину выйти за него замуж, между тем как женщина не вправе обратиться с подобным предложением к мужчине. Но даже признавая это, она оставляет за собой альтернативу. Она уверена, что каждая женщина имеет право заставить мужчину обратиться к ней с такой просьбой.

Терпеливая Кэт кротко протестовала.

¹ Тут игра слов: hell [гэл] — корзинка для мусора, а также ад, Helen — собственное имя Элен, Елена.

— Ты изображаешь меня каким-то ужасным монстром, — сказала она, нисколько не обижаясь на сестру. — Не лучше ли мне выслушать далее все обвинения против меня?

Но Элен нисколько не смутило замечание сестры.

— В этом нет надобности, — возразила она с насмешливой серьезностью. — Притом же тебе надоест раньше, чем я кончу говорить. Теперь слушай! Кэт Сетон очень доброе и милое существо, в самом деле. Только... только она страдает от своих же идей.

Черноглазая Кэт, красивое лицо которой выражало решительность и характер, посмотрела на свою сестру с ласковой снисходительностью матери.

— Ты разболталась, дитя, — только и сказала она.

Элен кивнула головой.

— Ну, что ж, я люблю поболтать. Я чувствую себя умнее тогда, — возразила она. Сложив руки на коленях, она с минуту задумчиво смотрела на сестру, которую в сущности обожала.

— Хорошо, — продолжала она, наконец, — будем держаться рамок обвинения. — Пять лет тому назад этот дух независимости был очень силен у Кэт Сетон, гораздо сильнее, чем теперь. Но это мимоходом. Главное же то, что когда сестры остались одни-одинешеньки со своими деньгами, то этот дух независимости внушил Кэт идею порвать со всеми условностями и приличиями, покинуть свою деревушку в Новой Англии¹ и отправиться на Дальний Запад, чтобы там на просторах Канады поискать счастья. К чему это привело, мы видим!

Она остановилась и опять взглянула на сестру, которая снова обратила свой взор на долину. С покорным вздохом Элен продолжала:

— Так было пять лет назад. Пять лет назад две одинокие, осиротевшие девушки покинули свой хороший деревенский дом в Новой Англии, все распродали и обратили свои любопытные взоры к зеленым прериям Дикого Запада, родине мустангов, бизонов и безжалостных москитов.

¹ Новая Англия — название исторически сложившегося района в северо-восточной части США, в который входят штаты Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд.

Веселая улыбка заигралана лице Кэт.

— Что ж ты остановилась? — спросила она.

— Это от волнения, — отвечала Элен, делая вид, будто она вытирает глаза, — от волнения, вызванного воспоминанием обо всем этом «проклятом деле», как сказал бы Ник.

— Оставь Ника в покое, — заметила Кэт. — Во всяком случае он далеко не так часто раздражается проклятиями, как делаешь это ты... Ну, я скоро пойду. Мне надо приготовить молитвенный дом для завтрашней службы. Так вот...

— Ах, так и есть! — вскричала Элен, и в ее смеющихся глазах засветилось торжество. — Пять лет назад Кэт Сетон никогда бы не сказала этого. Она бы сказала: «Провались он пропадом, этот старый молитвенный дом, и с ним все старые кошки, которые собираются там, чтобы злословить и клеветать друг на друга во имя религии!» Вот что она сказала бы тогда! Ну, а теперь другое. У нее исчезла любовь к приключениям, исчезло ее презрение к условностям, исчезла ее независимость. Что она теперь? Простой фермер в юбке, чернорабочая незамужняя женщина, выращивающая тыквы и другие овощи. Ее тонкие руки, за которыми она так ухаживала прежде, должны постепенно огрубеть, и ее красивое лицо — покрыться морщинами.

— Эта незамужняя женщина-фермер, однако имеет успех, — возразила Кэт своим глубоким музыкальным голосом.

Элен кивнула головой и с какой-то безнадежностью признала истину ее слов.

— Да, — вздохнула она, — и это самое худшее. Мы приехали сюда, чтобы найти для себя мужей и нашли — тыквы! «Охотницы на мужчин» — так мы называли себя. Это было необычайное выражение, и потому мы употребляли его. Мы решили охотиться за живыми мужчинами, которые могли бы сделаться нашими мужьями. И вот... Кэт Сетон! — вдруг вскричала она, вскакивая на ноги и потрясая перед ее лицом своим маленьким кулачком. — Вы обманщица, самая настоящая обманщица! Да, да! Не смотрите так на меня! «Живые» мужчины? Приключения? Пуф! Вы стали такая же ручная, как любая деревенская кошка, и вы такая же... сонная!

Кэт тоже поднялась, но она вовсе не смотрела на сестру, она просто хохотала. Ее красивое смуглое лицо светилось самым искренним весельем под влиянием разглагольствований сестры и ее нападок. Она любила ее безответственную болтовню, так же как любила и ее благородную натуру. Она ласково погладила ее плечо и затем обняла ее.

— Я хотела бы на тебя рассердиться, Элен, но я просто не могу! — сказала Кэт. — В некоторых отношениях ты была близка к истине в своих забавных речах. А знаешь ли, наш основной капитал в банке теперь увеличился. Наша ферма процветает. Мы используем рабочую силу: два создания, которые называют себя мужчинами, но в действительности обладают характерными черепами свиней или тигров, или каких других, столь же ужасных созданий. Мы можем теперь выписывать себе наряды непосредственно из Нью-Йорка или Монреаля. Подумай об этом! Разве это не результат нашей независимости? Я признаю фермерскую деятельность и, по-видимому, люблю Скалистые Ручьи. Это такой выбеленный склеп и обитатели его такие негодяи, но с забавными, огромными сердцами. Да, я люблю даже нелепые собрания здесь. А что касается отваги и любви к приключениям... Ну, мне кажется, она не совсем еще исчезла.

— Во всяком случае она завязла... среди тыкв и капусты, — быстро заметила Элен и, высвободившись из объятий сестры, она встала перед ней с забавным видом обвинителя. — Подожди минутку, Кэт Сетон. Все это неверно. Я выступаю с обвинением, но защищать себя ты не можешь. Ты должна только слушать и подчиниться приговору. Помни, что это не суд мужчин, а суд женщин. Так вот: мы охотницы за мужчинами. Мы потому только приехали сюда, и я осталась тем же. Мы пять лет охотимся, а каков результат? Я скажу тебе. Мне делали предложение каждые сколько-нибудь подходящие штаны в этом поселке обыкновенно тогда, когда носящий их напьется. Единственные, не просившие меня выйти за них замуж, это два наших работника, Ник и Пит, и то только потому, что заработка их не хватает для того, чтобы они могли напиться в достаточной мере. А что касается тебя, то большинство здешних парней питают к тебе такой бла-

гоговейный страх, что даже в припадке белой горячки не осмелятся говорить о женитьбе на тебе. Единственные мужчины, у которых хватает мужества смотреть на тебя другими глазами, это инспектор Файльс, когда долг службы заставляет его бывать в Скалистых Ручьях, и пьяница Чарли Брайант, владелец ранчо и художник. Ну, а как принимаешь это ты «охотница на мужчин»? Почему ты удираешь всякий раз от Файльса, как кролик от охотника? Достаточно только упомянуть его имя, чтобы тебя охватила дрожь, и ты смутилась бы, как застенчивая девица. А между тем, ты втайне восхищаешься им. Что же касается другого твоего обожателя, то ты взяла на себя роль какой-то сестры милосердия и проповедника трезвости. Ты так увлеклась своей ролью, что в светлые промежутки, когда он не находился во власти своей болезни, он не мог не влюбиться в тебя и совершенно потерять голову.

Хохочущая Кэт собиралась протестовать, но Элен остановила ее величественным жестом.

— Подожди, — сказала она. — Выслушай же все обвинения. Всмотрись хорошенько в свою фермерскую жизнь, которую ты ведь тоже обвиняешь. Ты, столь независимая и смелая женщина, обладающая возвышенным умом, ты стала чем-то вроде наемного слуги молитвенного дома, к которому ты примкнула и который, в сущности, управляется сборищем головорезов и пиратов, жены и чада которых нисколько не лучше их самих. Ты выполняешь социальные функции поселка, но относишься к ним так же, как любая фермерша-мать к своей неумытой, но все увеличивающейся семье. Ты болтаешь с ними и злословишь не хуже их, и я уверена, что в своих дружеских чувствах и милосердии к ним ты готова была бы пойти и вычистить скребницей всех их грязных ребят. Что случилось с тобой, Кэт? Во что ты превратилась? Возвышенный дух покинул тебя. Семя, столь многообещающее, пустило ростки, которые стали вырастать, но плодом оказалась тыква. И вот мы стареем! Я не могу ничего тут поделать. Я выскочила из сельскохозяйственной борозды, куда мы погрузились и... Смотри!

Элен сделала драматический жест рукой, указывая на худощавого молодого человека, медленно поднимающегося к ним по склону долины.

— Вот он, твой пациент, художник! Твой пьяница, собственник ранчо! Это символ, ходячий символ тех уз, которыми уничтожается мужественный дух наших... гм... молодых сердец.

Но Кэт не обратила внимания на приближающегося человека, она видела перед собой только оживленное личико сестры.

— Ты большой ребенок, — сказала она. — Я должна была бы рассердиться на тебя. Должно быть, ты меня действительно свела с ума. Но право же, твой разговор о тыквах сбил меня с толку. Не беспокойся обо мне. Я вовсе не изменилась. Может быть, я делаю некоторые вещи, которые кажутся тебе странными, но... но... я знаю, что делаю!.. Бедный Чарли! Взгляни на него. Я часто думаю, чем это кончится...

Кэт вздохнула, но легкомысленная Элен не так близко принимала к сердцу положение Чарли.

— Если все, что говорят о нем, правда, то это кончится... тюрьмой, — решительно заявила она.

Кэт быстро оглянулась, и глаза ее внезапно стали строгими.

— Что ты сказала? Тюрьмой? — резко спросила она.

Элен пожала плечами.

— Все тут говорят, что он самый главный контрабандист спирта и... и его образ жизни не таков, чтобы внушать доверие. Знаешь, Кэт, О'Брайн сказал мне, что полиция уже заметила его. Они только ждут, чтобы взять его с поличным.

Суровое выражение глаз внезапно исчезло, и у Кэт вырвался вздох облегчения.

— Это им никогда не удастся, — решительно заявила она. — Все тут ошибаются насчет Чарли. Несмотря на все свои недостатки, он не занимается таким делом. Он слишком робкий и... слишком честен, чтобы опуститься до этого.

Вдруг в глазах Кэт вспыхнул какой-то огонек, и, близко подойдя к сестре, она сжала ее руку и заговорила глухим, слегка дрожащим голосом:

— Слушай, дитя, знаешь ли ты, чем рискуют эти нарушители закона, спиртные контрабандисты? Ну, конечно, ты не знаешь! Так я скажу тебе. Они рискуют своей жизнью так же, как свободой. Они постоянно на-

ходятся под угрозой. Их ожидает очень строгая кара, и тот, кто сделался контрабандистом спирта, не дастся живым в руки полиции. Подумай об этом, и ты поймешь, как далеко занесла тебя твоя фантазия. Подумай о Чарли, каким мы его знаем. Художник. Мягкосердечный, кроткий человек, который грешит только против себя самого...

Но лицо Элен выражало недоверие.

— Да, да, каким мы знаем его! — быстро возразила она. — Я как раз думала об этом, в то время как он давал мне урок рисования. Я наблюдала его, когда он смотрел на тебя, и в глазах его выражалась такая удивительная, чисто собачья преданность. Он следил за каждым словом, которое ты произносила. Я думала об этом и почему-то невольно вспоминала название книги, которую читала: «Доктор Джекиль и мистер Хайд»¹... Ты вот уверена, а я... я только удивляюсь!

Кэт выпустила ее руку и холодно проговорила:

— Ты можешь думать как тебе угодно, Элен, а я знаю. Я знаю Чарли, знаю его благородное сердце, которое руководит всеми его действиями. Говорю тебе, что ты не права, решительно не права! И все не правы относительно него, полиция и другие...

Она повернулась и сделала несколько шагов по склону вниз, навстречу приближающемуся человеку.

Глава VII

ЧАРЛИ БРАЙАНТ

Когда Кэт выступила из тени деревьев и Чарли увидел ее, то его глаза заблестели от удовольствия.

— Я видел вас и Элен, когда вы шли по откосу и полагал, что встречу вас, если пойду кругом, — сказал он.

Голос его, приятный, музыкальный, был проникнут какой-то особенной теплотой, когда он говорил с Кэт. Он дышал тяжело, когда, наконец, взобрался на холм, где стояли обе девушки. Его худая, невысокая, стройная фигура согнулась вперед вследствие усилий, которые ему

¹ Повесть Р. Л. Стивенсона.

нужно было сделать, чтобы одолеть откос. Кэт смотрела на него с таким чувством, с каким смотрит мать на своего болезненного ребенка.

— Я наблюдал за работой парней там внизу, занятых постройкой новой церкви, — сказал он, с трудом переводя дыхание. — Пришел Аллан Дэй, принес мою почту, и когда я прочел письмо, то почувствовал, что непременно должен поделиться с вами моими новостями. Видите ли, мне хотелось, чтобы вы обе первыми узнали об этом.

Кэт ласково смотрела на его красивое безусое юношеское лицо с нежной кожей, как у молодой девушки, залитое в этот момент ярким румянцем. Но во взгляде Элен, устремленном на него, не было и следа нежности. Она смотрела на него с каким-то смешанным чувством. В самом деле, он ей нравился и в то же время внушал отвращение. В нем было своеобразное очарование. Красивый брюнет. Но в его наружности было что-то женственное и, может быть, именно потому он отталкивал от себя Элен, которая ценила только мужественную наружность. Женopodobных мужчин она презирала. А между тем как согласовать с его женственным характером то, что говорят о Чарли? Разве он не был самым незаконным человеком в этом незаконном поселке? Его кротость, следовательно, была только чисто внешней. Но ведь она никогда не видала его другим, даже в моменты сильнейшего опьянения, а такое случалось, увы, нередко.

Личность Чарли представлялась ей загадкой и притом не совсем приятной загадкой. Она чувствовала что-то нехорошее, скрытое в нем, но вряд ли Кэт замечала это. Несмотря на всю ее горячую защиту, Элен все-таки не могла отрешиться от своих сомнений относительно Чарли. Она презирала его и в то же время побаивалась. Девушку забавляла его нелепая, собачья преданность и беззаветная любовь, которую он питал к ее энергичной, обладающей сильным характером и твердой волей, красивой сестре.

— Ну, каковы же ваши новости, Чарли? — спросила Элен. — Я уверена, что они хорошие, иначе вы бы не пришли сюда.

— Хорошие? О, да! — воскликнул он. — Разумеется, я бы не пришел к вам с дурными вестями. Впрочем,

может быть, это вас не особенно заинтересует. Видите, дело касается моего брата. Мой огромный брат Билл едет сюда, чтобы... присоединиться ко мне. Он хочет заняться сельским хозяйством и намерен вложить свои деньги в мое ранчо. Он полагает, что мы можем вместе вести дело. Он говорит, что я приобрел опыт (Чарли слегка усмехнулся), а он приобрел доллары, и мы вдвоем достигнем большего успеха. Он забавный и наивный, Билл. У него столько же, пожалуй, здравого смысла, как у двухгодовалого бычка, и столько же силы. Он не видит разницы между грешником и святым — все для него одинаково. Он любит каждого, но тому, кто заденет его, — несдобровать. Во всяком случае, он самый добрый и самый искренний человек в этом мире.

Кэт улыбалась, слушая Брайанта, но ничего не говорила. Как обыкновенно, Элен и теперь завладела разговором, Кэт только слушала.

— Чарли! — вскричала Элен со свойственной ей пылкостью. — Вы должны непременно познакомить его со мной. Он большой и... и мужественный. А наружность у него какова? Впрочем, если он ваш брат, то должен быть красив. Мне до смерти хочется увидеть его, — поспешно прибавила она.

Чарли покачал головой, тихо улыбаясь.

— Ну, конечно, вы увидите и услышите его. Он заполнит собой весь поселок, — сказал он. Вдруг его черные глаза стали серьезными, и по лицу пробежала какая-то тень. — Я рад, что он приезжает сюда. Может быть, он... он сможет удержать меня... — прошептал он.

Кэт перестала улыбаться и с жаром воскликнула:

— Не надо так говорить, Чарли! Знаете ли, что означают ваши слова? О, это слишком ужасно, и я не хочу этого допустить! Не надо вам ничьей поддержки. Вы сами можете бороться и можете победить свою слабость. Я уверена!

Он пристально взглянул в лицо любимой девушки, словно желая прочесть ее сокровенные мысли.

— Вы так думаете? — спросил он.

— Я верю в это, верю, как в судьбу! — воскликнула Кэт.

— Вы думаете, что... что всякая слабость может быть побеждена?

Кэт согласно кивнула.

— Всякая, лишь было бы желание победить.

— Если есть желание победить... — продолжал он, — то долговременные привычки... болезни, длившиеся годами, можно, пожалуй, побороть, но... но...

— Но... что же такое? Продолжайте! — почти резко спросила Кэт.

Чарли пожал своими узкими плечами.

— Нет... ничего! Я просто думал, вот и все.

— Но это не все! — воскликнула Кэт. — Говорите!

Глаза Чарли загорелись глубокой страстью.

— Зачем? Зачем мы должны побеждать и бороться с собой? — с жаром заговорил он. — Зачем мы должны подавлять природу, данную нам силой, не подлежащей нашей власти? Почему мы не должны уступать чувствам, которые требуют снисхождения, если это снисхождение никому не наносит ущерб? О, я стараюсь смотреть на это с той точки зрения, с которой смотрите вы, Кэт! Но я не могу, не могу... Единственное, что заставляет меня отрекаться от самого себя, это желание заслужить ваше хорошее мнение. Если б не это, то я покатился бы прямо в ад с таким же наслаждением, с каким катится на салазках ребенок с ледяной горы. Да, Кэт! Я пьяница. Я сам это знаю. Пьяница от природы. У меня нет ни малейшего желания стать другим, никаких нравственных угрызений. Только вы, одна вы заставляете меня желать исправиться! Когда я трезв — я несчастен. Зачем я должен быть трезвым, если я так ужасно страдаю тогда? Стоит ли это? Что за беда, если опьянение облегчает мои страдания и доставляет мне минуты покоя, которых у меня иначе не бывает? Есть вещи, о которых я постоянно думаю, и мысли, которые заставляют меня иногда валиться с ног. Но я знаю... да, я знаю, что поступаю мерзко, и я знаю, что скорее готов перенести все муки ада, чем потерять... ваше доброе расположение.

Кэт вздрогнула. Что могла она ответить на его страстную исповедь? Она знала, что он говорит правду и что если он делает какие-нибудь усилия над собой, то лишь потому, что его любовь к ней преодолевает даже его порок. Бездна надеждности такого положения вещей подавляла ее. Она не любила его, не могла дать ему той любви,

которая была ему нужна. И когда он, наконец, поймет это, то у него исчезнет всякий след самообладания, и он покатится вниз очертя голову. Кэт знала его печальную историю. Сын богатых родителей из Нью-Йорка, он получил отличное образование. Из него хотели сделать художника, и это послужило толчком к его падению. В Париже, в Риме и других европейских городах он впервые окунулся в омут юношеского разгула, быстро приведшего к необратимым последствиям, а после его пребывания в университете наступило окончательное падение. Его родители отреклись от него, считая его уже погибшим безвозвратно. Они отправили его на Запад, где приобрели для него маленькое ранчо и затем предоставили собственной судьбе.

Элен видела, что Кэт огорчили слова Чарли и поспешила к ней на помощь. Она весело заговорила с ним, увидев, что он вынул письмо из кармана.

— Поведайте же нам побольше о своем огромном брате Билле, — сказала она. Затем несколько кокетливо прибавила: — Как вы думаете, понравлюсь я ему? Потому что, если я не понравлюсь, то наверное умру с печали.

Чарли невольно улыбнулся, взглянув на веселое, лукавое личико молодой девушки.

— Не беспокойтесь, Элен, — ответил он. — Ручаюсь, Билл до безумия влюбится в вас! И знаете ли, Элен, когда он уставится на вас своими большими простодушными голубыми глазами, то вы и оглянуться не успеете, как он уже отведет вас к пастору, и вы очутитесь замужем за ним раньше, чем поймете, какой вихрь ворвался в Скалистые Ручьи и закрутил вас.

— Разве он такой вихрь? — спросила она с некоторым сомнением.

— О да, конечно! — отвечал Чарли решительным тоном.

Элен вздохнула с облегчением.

— Я очень рада, — сказала она. — Вихрь — это нечто вроде летней бури, пронизанной солнечным сиянием. Такой вихрь не похож ни на холодные и бурные ветры, ни на сонные летние зефиры, веющие в этой долине, населенной порочными мужчинами и туповатыми женщинами. Да, я предпочитаю вихрь. Глаза у него голубые и... простодушные?

— Да, да, — смеясь говорил Чарли. — Глаза у него голубые... и огромные. Он мой большой брат Билл, и я люблю его.

— Ах, я действительно рада, что он именно такой, — оживленно вторила ему Элен. — Подождите. Он большой, глаза у него голубые, он красивый; он похож на вихрь; у него много денег, — она по пальцам перечислила все его достоинства. — Слушайте, наверное, я выйду за него замуж! — воскликнула она в заключение.

— Элен, — с ужасом проговорила Кэт.

— В чем дело, Кэт? — с удивлением спросила девушка. — Отчего же мне не выйти замуж за Большого Брата Билла. Уж даже одно только его имя привлекает меня. Как вы думаете, Чарли? — она с улыбкой поглядела на него. — Хотели ли бы вы видеть меня... своей сестрой? Я вовсе не такая плохая, не правда ли, Кэт? Я могу стряпать, шить и... штопать. И я не обращаю внимания на ругательства. Пусть наемные работники Кэт раздражаются проклятиями. Они такие ужасные люди. Я им не мешаю... Я тут ничего дурного не имела в виду, кроме... кроме штопания носков Большого Брата Билла. Ну, а когда же он приедет? Надеюсь, что скоро, в особенности потому, что он должен ворваться, как вихрь, не правда ли?..

Чарли заглянул в письмо брата и ответил:

— Я думаю, он приедет послезавтра.

— Кэт, ну разве это не чудесно? — вскричала Элен с блестящими от восторга глазами. — Я как раз получила теперь свои новые платья. Их хватит мне на три месяца, а за это время я уже буду замужем.

Вдруг глаза ее стали серьезными, и она проговорила:

— Надо решить также, где мы будем жить. Уедем ли мы на восток или поселимся на ранчо у Чарли? Так важно не сделать в этом отношении никакой ошибки. Ведь ранчо Чарли нуждается в хорошем присмотре, не правда ли? Вид у него несколько заброшенный. Большой Братец Билл, наверное, требовательный в этом отношении, так как он приезжает с востока.

Все смеялись. Кэт понимала, что ее живая, веселая сестра только забавляется в эту минуту. Так думал и Чарли, принимая участие в ее веселье.

— О да! — вторил он. — Большой Билл должен быть требовательным. Он ведь привык к ресторанам Бродвея.

— Боюсь, что ваша лачуга очень мало имеет общего с рестораном в Бродвее, — заметила с укором Элен. — Я никогда не могла понять вас, Чарли. У вас есть ранчо, и вы даже похваляетесь им. А между тем вы никогда не едите с фарфорового блюда и не покрываете свой обеденный стол ничем иным, кроме листа газетной бумаги. В самом деле, Чарли, вы меня просто ставите в тупик! Как вы ухитряетесь управлять ранчо и получать с него доход — это для меня настоящая загадка! Я...

Кэт взглянула на нее с нахмуренным видом и строго заметила:

— Ты говоришь глупости, Элен. Какая связь между заботой о внутреннем устройстве дома с управлением и доходностью ранчо?

Элен хитро поглядела на нее.

— Слушай, Кэт, тебе еще надо многому поучиться, — сказала она. — Ведь Большой Брат Билл приезжает сюда прямо из Бродвея, с запасом денег и установившимися понятиями. Чарли — владелец процветающего ранчо. Что же Большой Брат Билл ожидает найти в его доме? Конечно, он приедет с багажом, с прекрасными костюмами и тому подобными вещами. Он, наверное, мечтает о поездках верхом по бесконечным прериям, о стадах скота, об охоте и всякого рода занятиях спортом. Он, наверное, представляет себе ранчо комфортабельным домом с уютными комнатами, хорошо меблированными и с ваннами. Разумеется, он думает, что будет получать хорошие обеды и иметь слуг. Но это все только одни мечты! И вот он явится, как вихрь, в Скалистые Ручьи и что же? Он увидит, что владелец цветущего ранчо живет в какой-то полуразрушенной лачуге, из которой не выметался сор уже в течение пяти лет и не сметалась пыль со стола, устроенного из ящичков, и на котором остаются неубранными следы пищи в течение целой недели. Вот что он найдет в этом ранчо! Вот так зажиточный хозяин ранчо! Слушайте, Чарли, вы так же знаете жизнь, как наемные работники Кэт! — она произнесла эти слова с оттенком презрения и потом вдруг звонко расхохота-

лась. — И вот куда попадет мой будущий супруг! Нет, это оскорбление для меня!

Она смолкла, поглядывая лукаво смеющимися глазами то на одного, то на другую, но Кэт, более хладнокровная, обняла ее за талию и повела с собой вниз по склону холма.

— Пойдем, Элен, — сказала она. — Мне надо в молитвенный дом. Там меня ждет работа. Ты ведь готова болтать целый день, если я тебе предоставлю свободу.

— Каково! — вскричала Элен с негодованием. — Я всегда бываю виновата. Она скоро начнет обвинять меня в том, что я стараюсь заполучить вашего брата... Ну, у меня тоже есть работа сегодня. Я должна быть у миссис Джонс, там устраивается сбор для новой церкви. Кэт, следовательно, не имеет основания важничать... Идем же.

Она побежала и с веселым смехом потащила за собой сестру. Чарли старался не отставать от них. Элен была всеобщей любимицей в Скалистых Ручьях, даже женщины, встречаясь с ней, ласково улыбались, а про мужчин и говорить нечего, они все готовы были бы сделать, чтобы заслужить ее улыбку.

На полдороге в поселок, Чарли снова заговорил с Кэт.

— Элен своей веселой болтовней выбила все из моей головы. А между тем я хотел сообщить вам следующее. Тут будет теперь полицейский участок: сержант и двое рядовых. Приезжает также Файльс, инспектор Файльс. Это вызвано подвозом груза спирта неделю тому назад. Полиция хочет очистить окрестности от тайных контрабандистов виски. Файльс поклялся, что он сделает это во что бы то ни стало. О'Брайн сказал мне об этом сегодня утром.

Говоря это, он пристально поглядел на Кэт. Элен тоже смотрела на нее, наблюдая за выражением ее лица. Но Кэт глубоко задумалась, и по ее лицу никак нельзя было догадаться, о чем она размышляет. Элен уже заметила раньше, что ее сестре нравится инспектор Файльс, и она думала о том, что теперь, когда он поселится здесь в Скалистых Ручьях, Кэт, в конце концов, перестанет избегать его. Ведь он так явно выказывает свое увлечение ею. И вдруг Элен вспомнила, какое важное значение может иметь для Чарли пребывание инспектора Файль-

са. Она несколько не сомневалась, что он направит свою энергию против Брайанта. А что произойдет, если настойчивость Файльса и его любовь восторжествуют и разрушится тот барьер, который Кэт соорудила между собой и им? Что станет тогда с Чарли?

Эта мысль сразу заставила померкнуть ее веселость.

«Я знала, что рано или поздно это случится», — подумала она и взглянула на Чарли, который смотрел мрачными глазами на поселок. Ей казалось, что она читает в его взоре страх перед будущим и видела в этом признак его нечистой совести, его вины.

— Нет! — вскричала она. — Что-нибудь необходимо предпринять. Неужели всех этих людей, которых мы знаем, к которым мы привыкли и которых мы даже любим, погонят как стадо в тюрьму, и мы будем равнодушно смотреть на это? Это было бы слишком ужасно. Конечно, среди них есть такие, об удалении которых я не пожалею. Некоторые из них такие грязные, противные, жуют табак и ругаются, как грабители больших дорог. Но ведь не все же такие, не правда ли, Кэт?

Она сделала паузу, потом опять быстро заговорила:

— Знаешь ли, Кэт, я готова побиться об заклад, что два твоих работника, Ник и Пит Клэнси, участвуют в подвозе спирта. Конечно, они будут на своих местах в корале, когда Файльс явится к нам. Я ненавижу даже мысль о том, что он может думать, будто мы держим у себя на службе таких людей. Не правда ли, Чарли, так не должно быть? — вдруг обратилась она к нему, пристально взглянув на его серьезное лицо, но затем природная живость взяла верх, и она весело рассмеялась:

— Ах! Я даже представить не могу, что этих двух молодцов упрячут в тюрьму на пять лет. Они, конечно, станут чище там, ведь их заставят брать ванну каждую неделю и наденут на них полосатую арестантскую одежду. Нику обрежут его длинные черные космы, и его ястребиная шея будет вылезать из верхнего края его одежды, точно... точно нитка со штопальной иглой! Вы можете себе представить Ника в таком виде? А работа, которую он должен будет исполнять, разобьет его сердце... Впрочем, большинство из них будет убито раньше тюремщиками. И кроме того, в течение пяти лет в тюрьме они не получат ни одной капли спирта.

Да они там с умом сойдут, в этой тюрьме! Каждый сошел бы с ума на их месте. И подумать только, что все это они должны будут терпеть за каких-нибудь несколько долларов, приобретенных ими незаконным путем. Я бы ни за что не стала этого делать, ни за что, хотя умирала бы с голоду.

Она говорила это Чарли, но он ни слова не отвечал ей и продолжал смотреть вниз на поселок. Элен обращалась к Чарли, но больше думала в эту минуту о своей сестре. Она знала, какое это будет иметь значение для Кэт, если у Чарли произойдет конфликт с полицией.

Кэт отлично поняла, на что намекает сестра и, покачивая головой, спокойно заметила:

— К чему терзать себя такими предположениями, Гэль? Нарушители закона должны быть более ловкими и умными, чем те, которые живут, не нарушая закона. Не думаю, чтобы в Скалистые Ручьи, пока здесь будет Файльс, стали много привозить виски. А ведь полиция ничего не сможет сделать, пока не поймает этих молодцов с поличным... Ты слишком эмоционально относишься к этим вещам, Элен. Один вид полицейского мундира волнует тебя.

Звук голоса Кэт заставил Чарли встрепенуться и прекратить свое угрюмое созерцание поселка.

— Может быть, Элен права, — сказал он Кэт, — и вы сделаете лучше, если откажетесь от своих работников. Они ведь прослыли как поставщики спиртного.

— А как же относительно других людей, которые известны или про которых думают, что они занимаются спиртной контрабандой и с которыми мы постоянно общаемся? Нет, Чарли, — прибавила она решительно, — я стою за своих работников. Я стою за своих друзей также. Может быть, они все будут нуждаться в той помощи, которую я буду в состоянии оказать им. Файльс должен выполнить свой долг, как он его понимает, а наш долг постоять за наших друзей в Скалистых Ручьях. Что бы ни случилось в этом крестовом походе против нарушителей закона, я выступлю против Файльса. Я только женщина, и, может быть, женщины в глазах полиции немного стоят, но как бы то ни было, я останусь верна всем тем, кто помогал здесь в Скалистых Ручьях и мне, и моим друзьям!

Чарли глубоко вздохнул, но к чему относился этот вздох — понять было трудно. Элен с восторгом смотрела на сестру. Вот какова отважная Кэт, за которой она так охотно последовала на Запад! Все ее опасения и тревога за Чарли Брайанта испарились после того, как сестра заявила, что готова помогать своим друзьям и защищать их. Нечего, следовательно, бояться приезда Файльса в Скалистые Ручьи. Его пребывание там только придаст оживление и особенный возбуждающий интерес тамошней жизни. Элен угадывала, что инспектор Файльс не на шутку увлечен ее смелой красивой сестрой. Быть может, он еще ни разу в своей жизни не встречал такой девушки, как она, и Элен решила, что не одна только погоня за контрабандистами и желание отличиться по службе привлекали его в Скалистые Ручьи.

Глава VIII

СПАСИТЕЛИ ДУШ

Элен рассталась с сестрой у маленького старого дома молитвенных собраний. Но раньше чем расстаться с нею, она произнесла целую проповедь по поводу того, что Кэт бессмысленным и бесполезным образом приносит себя в жертву на алтарь морального благополучия поселка, погрязшего в беззакониях. Затем она выговаривала ей за то, что Кэт является чем-то вроде поденщицы, вынужденной вытирать склеп, белизна которого уже сильно поблекла. Кэт только улыбалась, слушая негодующие речи сестры.

С ее уходом Чарли тоже распрощался с Элен под предлогом, что у него есть неотложные дела на ранчо. Девушка не удерживала его; она почему-то всегда чувствовала облегчение, когда не оставалась с ним наедине.

После ухода Брайанта Элен медленным шагом пошла вниз по направлению к поселку. Она не чувствовала особенного энтузиазма к делам новой церкви и к собранию, которое должно было происходить по этому поводу в доме миссис Джон Дэй, стоявшей во главе всех общественных дел в общине и муж которой был почетным гражданином и владел небольшим дровяным

двором. Элен больше интересовалась самым новым зданием и той пестрой коллекцией разных индивидов, которые занимались его постройкой. Вообще, она не испытывала к Скалистым Ручьям такой привязанности, как Кэт. Впрочем, она вообще интересовалась только мужскими представителями населения. Не раз случилось ей попадать впросак благодаря своему легкомысленному отношению ко всему, но ее природная находчивость и веселый нрав неизменно выручали ее. Она наслаждалась жизнью, не задумываясь и не пугаясь никаких затруднений, уверенная, что ей удастся выпутаться из всякого трудного положения.

Спускаясь вниз по узкой тропинке среди густой зелени, Элен невольно залюбовалась живописным видом долины с разбросанными по ней маленькими домиками. Действительно, Скалистые Ручьи смотрелись красиво. Но когда она думала о жизни в Скалистых Ручьях, то жизнь эта представлялась ей каким-то трагическим фарсом. Живописная красота долины порою представлялась Элен недоброй насмешкой над живущими в ней, так же как и постройка новой церкви, и те поучения и проповеди о добродетели, которые ей придется выслушать на собрании мужчин и женщин поселка.

По дороге Элен прошла мимо огромной старой сосны, которая уже в течение многих лет служила вехой, указывающей на существование поселка в долине. Величественное дерево, стоящее на откосе, видно было издали, и Элен всегда с удовольствием смотрела на него, как на замечательный пережиток первобытной эпохи. Со своей косматой, словно истерзанной вершиной, своим толстым голым стволом, это темное, мрачное дерево, резко выделяющееся на фоне яркой окружающей его густой мелкой зеленой растительности, представлялось Элен гигантским остовом какого-то неведомого первобытного чудовища. Она знала, что с сосной связана какая-то древняя мрачная индейская легенда, но, благодаря своему живому, веселому характеру, она не сосредоточилась на ней, а только улыбнулась, вспомнив ее.

Наконец, показалось внизу строящееся здание новой церкви и сразу поглотило все внимание Элен. Тут царил жизнь и движение и много материала для наблюде-

ния, что и привлекало молодую девушку, не склонную к созерцательности.

В поселке строилась не молельня и даже не часовня, а настоящая церковь. Элен с улыбкой подумала, что если б жители могли тут распоряжаться, как хотели, то назвали бы эту новую церковь собором. Это больше бы отвечало их стремлению придать величественный характер новому строению. Собор в Скалистых Ручьях окружил бы благодатью поселок и утвердил бы положение ее жителей, уверенных, что спасение их душ было бы тогда надежно обеспечено. Но невозможность иметь собственного епископа в деревне вынудила их отказаться от мечты о соборе и удовлетвориться более скромной постройкой новой церкви.

Возле церкви Элен увидала группы мужчин, празднично стоявших вокруг и смотревших, как работают другие. Желания помочь работе у них не возникало; они собрались здесь маленькими группами, засунув руки в карманы своих штанов, вооруженные револьверами и лениво пережевывали табак, глаза на постройку. Все они, именующие себя гражданами Скалистых Ручьев, как мужчины, так и женщины, были заинтересованы в постройке новой церкви и подавали за нее голос. Кто мог, жертвовал деньги и материал, а кто был не в состоянии, тот вкладывал свой труд. Элен поняла, что те, кто празднично смотрел на работу, уже сделали свой вклад и теперь просто наблюдали, чтобы их менее имущие братья не тратили даром время, а работали как следует. Ведь эта церковь должна была служить доказательством священного рвения граждан Скалистых Ручьев, разгульная жизнь которых и почти повальное пьянство противоречили всем канонам нравственности. Но они были уверены, что таким образом обеспечивают себе отпущение грехов и будущее спасение души. То была откровенная взятка, которую они давали богу, чтобы приобрести его снисходительное отношение к своей греховной жизни.

Взгляд Элен перебежал с одной группы на другую, пока не остановился на одном из мужчин, стоявших в стороне. Уже немолодой человек, с суровым грубым лицом и злобно-насмешливым выражением, он смотрел на окружающих. Наружность его была не из привлекательных, и он отличался от остальных лишь тем, что

не выставлял напоказ своего оружия, но Элен знала, что оно было у него припрятано. Однако он ей импонирует, потому что забавляет ее своими умными язвительными репликами.

— Доброе утро, Дерти, — сказала она, улыбаясь и подходя к нему.

Дерти О'Брайн обернулся, и тотчас же на его лице появилась улыбка. Он быстро переместил языком во рту табачную жвачку за другую щеку и проговорил:

— Здравствуйте, мисс Элен.

— Просто удивительно, — заметила Элен, кивая на группы стоящих людей, — как все интересуются постройкой церкви!

— Интересуются? — возразил О'Брайн с несколько презрительной усмешкой. — Я думаю, что вы бы тоже интересовались, если б сидели на крыше дома, который горит под вами и следили бы глазами за приближением спасательной лестницы.

— Какое же это имеет отношение к строительству? — спросила Элен, насмешливо прищурился глаза.

— А вот какое: церковь — лестница, которая обеспечивает им спасение души. Построив такую лестницу, они могут продолжать свою прежнюю жизнь, не заботясь о душе.

— Я думаю, что они больше не будут употреблять таких ругательств, как раньше, — заметила Элен.

— Вы думаете? Ну, я не пророк, но скажу вам, что наверняка все останется по-прежнему. Вокруг этой церкви будут по-прежнему происходить драки, будут раздаваться выстрелы во имя религии, будут грабить и тайком привозить виски и похваляться своими подвигами перед пастором. Церковь тут ничего не изменит, она только даст им возможность со спокойной совестью заниматься прежними делами. Нет, мисс Элен, народ должен быть воспитан для церкви. Воспитание — это не пустое слово, и нашим парням оно неизвестно.

Его постоянное озлобление против всего и всех в Скалистых Ручьях забавляло Элен, и она отвернулась, чтобы скрыть смех. Вдруг она увидела приближающуюся упряжку лошадей, волочивших бревна.

— Как? — вскричала она с удивлением. — Посмотрите, Дерти! Ведь это наши лошади, и Пит Клэнси правит ими...

— Наверное, — ответил равнодушно О'Брайн.

— Наверное? — сердито возразила Элен. — Но ведь это такая... такая дерзость!

Но Дерти О'Брайн ничего не видел в этом особенного.

— Ведь Пит всегда правит вашими лошадьми, — заметил он.

— Конечно. Но он должен был ехать к болоту за сеном. Я слышала, как Кэт говорила ему об этом сегодня утром.

Глаза О'Брайна сощурились, и он ухмыльнулся в свою густую бороду.

— Можете поручиться за это, мисс? — спросил он. — Возможно, что он везет эти бревна ради шутки.

— Шутка? — вскричала Элен с негодованием. — Это дерзость, вот что!

— Конечно, — многозначительно подтвердил О'Брайн. — Но видите ли, эти два паршивца, служащие у вас, ничего не могут дать на постройку церкви и потому должны тут работать. Однако работа не улыбается ни мистеру Питу Клэнси, ни мистеру Нику Девере. И вот они решили воспользоваться вашими лошадьми и привезти сюда груз. Таким образом, они вносят свою лепту. Они умные ребята.

— Умные? О! — с возмущением вскричала Элен. — Они просто дерзкие негодяи и... и...

Она не могла договорить от негодования.

— Ваше возмущение — лучшая похвала для них, — заметил Дерти, смотря на нее с улыбкой.

Но Элен не была расположена смеяться.

— Это отвратительно, Дерти! — продолжала она кипятиться. — А бедняжка Кэт воображает, что они косят наше сено на зиму... Я еще сегодня утром просила Кэт, чтобы она прогнала их обоих. Я... я уверена, что из-за них мы будем иметь неприятности, когда здесь появится полиция. Я не переносу даже их вида! Последний раз, когда Пит напился, он... почти сделал мне предложение, вознамерился, видите ли, жениться на мне... Я думаю, что он непременно объяснился бы мне в любви, если б... если б у меня не было в руках кувшина с кипятком.

О'Брайн снова забавно хихикнул.

— Ну, я думаю, что вам нечего бояться неприятностей из-за них, — прибавил он. — Да и сами они им не

подвергнутся. Если полиция вздумает прижать их, то они направят ее на другие следы.

В глазах Элен внезапно выразилась тревога.

— Вы намекаете на... Чарли Брайанта? — прошептала она.

О'Брайн кивнул головой.

— Разумеется, — сказал он. — И еще на кого-нибудь другого они тоже могут науськать полицию...

Он посмотрел вдаль на поселок, и глаза его стали жестокими.

— Там обитает немало негодяев, — продолжал он. — Например, Торти Салон, застреливший управляющего банком и бежавший с кассой. Его ищут в Штатах... Затем — разбойник Кранк Гейфер, угробивший на своем веку столько мужчин и женщин в Монтане, что они могли бы составить население целого городка. Кид Бланей — ловкий шулер, бежавший из тюрьмы штата Дакоты год назад; Макаддо, производивший налеты на поезда в Миннесоте, и много, много других! А вон, посмотрите на Дика, — указал он на почтенного человека с седой бородой и добрым лицом, сидящего на бревне среди группы праздных зрителей, — правительство штатов присудило его к семилетнему заключению за ограбление церкви. А здесь он жертвует на постройку церкви... Видите, здесь столько подобных молодцов, что Файльсу останется только выбирать между ними, когда он задумает предпринять чистку этой местности. Пит и Ник слишком мелкая рыбешка в сравнении с остальными, но они могут быть весьма полезны Файльсу, поскольку помогут ему разоблачить других. Они донесут на самого сатану, если увидят в этом свою выгоду и, не задумываясь, предадут кого угодно.

— Вы так считаете? — спросила Элен, чувствуя, что тревога ее усиливается, и думая о Чарли и Кэт. Ведь если Файльс наложит руку на Чарли, то это разорвет сердце Кэт.

— Я не думаю, а уверен в этом, — отвечал на ее вопрос О'Брайн. — Слушайте, мисс Элен, — прибавил он серьезно, — вы и ваша сестра, две самые достойные уважения женщины в этом городке, и среди нас не найдется, пожалуй, ни одного, кто не пожелал бы выглядеть чистым и приличным в вашем присутствии. Ну хорошо, мисс Кэт принимает горячее участие в этом молодом

пьянице Чарли Брайанте. Так скажите ей, чтобы она зорко следила за своими двумя работниками. Они быва-ют с ним постоянно и не задумаются донести на него, если это им станет выгодно. Передайте ей, что я преду-предил вас в виду того, что Файльс переносит сюда свою деятельность. А я вовсе не желал бы видеть Чарли в грязном арестантском одеянии. Он мне нужен здесь и мне нужен виски, который он доставляет мне...

О'Брайн вдруг повернулся и отошел прочь от Элен. Он был недоволен собой, потому что невольно нарушил неписанные законы в Скалистых Ручьях, где было при-нято никогда не говорить о прошлом какого-нибудь че-ловека, или обсуждать его теперешние действия, или даже дать понять, что знаешь о них. Такое отношение друг к другу составляло незыблемое правило, и никто из «граждан» Скалистых Ручьев не решался пересту-пить его. Но в порочном сердце О'Брайна, как и у всего мужского населения поселка, существовало слабое место, заставлявшее его с особенным чувством отно-ситься к двум девушкам, представляющим такой свет-лый контраст с окружающей их обстановкой и обладающих такой истинно женственной добротой, ко-торая заставляла их с интересом и сочувствием отно-ситься к жителям поселка. О'Брайн поспешно удалился в свой трактир. Он как будто боялся последствий того, что дал волю своим чувствам в разговоре с Элен и на многое раскрыл ей глаза.

Элен действительно была взволнована его словами. Она тоже поспешила уйти, но все-таки не могла не обменяться приветствиями с окружающими людьми, ра-достно встретившими ее появление. Однако она рассе-янно отвечала им. В ее душе поселилась тревога. Предостережение О'Брайна имело в ее глазах большое значение. О'Брайн, конечно, был не лучше других граждан Скалистых Ручьев, но она считала его самым умным и провицательным из них. Он не бросал слов на ветер. Как же ей поступить теперь? Сказать обо всем Кэт? Но она чувствовала, что это будет бесполез-но. Кэт — добрейшее и благороднейшее существо в ми-ре. На ее дружбу можно положиться. Но она обладала большой решительностью. На все смотрела собственны-ми глазами и, конечно, пойдет собственным путем, не взирая ни на что.

Ведь сколько раз она предостерегала Кэт. И все это было бесполезно. Кэт была для нее чем-то вроде загадки, ходячим противоречием. В самом деле, несмотря на всю свою кротость и, казалось, мягкий нрав, она была тверда, как железо, в своих решениях.

Элен вздохнула. Все равно она ничего не могла сделать теперь. Надо посмотреть, как сложатся обстоятельства, и тогда уже действовать. Она постаралась отогнать от себя тревожные мысли и, благодаря своей жизнерадостности, ей это удалось, когда она подошла к дому миссис Дэй.

Эта дама являлась центром общественной жизни в Скалистых Ручьях, вокруг которой все вращалось и ослупаться которую было рискованно. Элен знала, что это навлекло бы на нее неудовольствие всей женской половины местного общества. Разумеется, Элен не желала подвергаться их нерасположению. Довольно того уже, что ей приходится жить среди всех этих людей! Ах, как ей хотелось бы стать свободной, проводить иначе свои молодые годы, веселиться, участвовать в пикниках, танцевать и просто существовать в той среде, где она выросла. Она зачастую тосковала по обществу культурных людей — мужчин. Она признавалась, что ей нужно все то, что украшает жизнь молодых девушек, нужны театры, танцы, катанье на коньках, хоккей и... ну да, разумеется, и флирт. И вместо того, что она имела здесь? И чем она стала сама? Она была декоративным цветком, посаженным на грядку жизни и превратившимся вследствие какой-то ужасной ботанической метаморфозы в... тыкву!

Она громко расхохоталась сама над собой. Бросив взгляд за пределы долины, она вдруг увидела свою сестру, возвратившуюся из молитвенного дома, на который падала тень от огромной старой сосны, возвышающейся на отдаленном склоне. При виде Кэт мысли Элен приняли другое направление. В самом деле, что сделалось с ее красавицей сестрой, такой смелой, так много обещавшей и обладавшей таким умом и способностями, такой блестящей во всех отношениях? Посмотрите на нее! Она одета в старые поношенные широкие шаровары. Наверное, ее прекрасные, артистические ручки пострадали от ее стараний очистить от грязных пятен молитвенный дом, который в прошлом попеременно служил разным целям, был и кабаком, и лавкой, и жилищем кровожад-

ного злодея, и мало ли еще чем! А теперь он сделался домом молитвы, куда, впрочем, и в настоящее время собирались разные подонки, людская накипь. Изменилось только название и назначение дома, но суть осталась прежней, по мнению Элен. Ей казалось это неестественным, и она не знала, плакать или смеяться над этим фактом.

Некоторое время она оставалась в нерешительности, а затем быстро повернулась и пошла к дому миссис Дэй. И когда она переступила порог ее дома, то на лице ее играла прежняя лучистая улыбка.

Глава IX

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Стэнли Файльс ехал верхом по песчаной дороге, ведущей на юг, по направлению к речке Ассинибин. Его загорелое лицо дышало спокойствием, и его большие серые пронизательные глаза были устремлены на дорогу, уходящую вдаль, как будто он что-то хотел разглядеть впереди. Он ехал не торопясь по зеленой равнине прерии, глубоко задумавшись, и, судя по выражению его лица, можно было догадаться, что мысли его были далеко невеселы. Он был одет не в полицейский мундир, а в обыкновенное гражданское платье для верховой езды, только военные шпоры на его сапогах указывали на его звание полицейского офицера.

Можно было подумать, что Файльс едет так медленно для того только, чтобы иметь возможность любоваться видом зеленой равнины, по которой там и сям были рассеяны группы деревьев и местами внезапно открывались живописные овраги с журчащими на дне их ручейками, а вдали виднелись холмы, покрытые густым лесом. Но на самом деле он не замечал окружающей природы. Последний разговор, который был у него с его непосредственным шефом мистером Язоном, не выходил у него из головы и совершенно нарушил его душевный покой. Это были неприятные полчаса, которые Файльс провел в его кабинете! Язона раздражало, что до сих пор полиция не сумела напасть на след дерзких контрабандистов, остановивших товарный поезд и похитивших из вагона

груз виски, тайком перевозимый в бочках с сахаром. Куда был увезен этот груз и где он был спрятан, полиции так и не удалось установить. Это вывело из себя Язона; он осуждал действия полиции, и в особенности досталось Файльсу, которому поручили изловить контрабандистов.

Файльс, сильно взволнованный упреками своего шефа и опасениями окончательно сгубить свою репутацию и карьеру, попросил у него разрешения перенести свою резиденцию в Скалистые Ручьи, где, как им обоим было известно, находился центр спиртной контрабанды и уже на месте постараться выследить контрабандистов.

Язон сначала насмешливо улыбнулся на предложение Файльса, но когда Файльс подробно изложил ему свой план, то он, наконец, сообразовал серьезно отнестись к его предложению и дал ему разрешение обосноваться в Скалистых Ручьях. Затем он заговорил о полицейских методах с точки зрения требований суровой дисциплины. Файльс отлично понял его намеки и ту угрозу, которая в них заключалась. Он долго не мог забыть этого разговора, сознавая, что в его служебной карьере наступил кризис и ему надо либо победить, либо окончательно отказаться от дальнейшей службы в полиции, принеся в жертву свое положение.

Он вместе с Язоном подробно рассмотрел секретную карту местности, окружающей Скалистые Ручьи. Они только вдвоем находились в кабинете, очень неудобном и скудно мебелированном. Файльс указал на карте шефу тот путь, по которому, как он думал, следовали контрабандисты. Язон слушал его не прерывая, и когда Файльс кончил свой доклад, он бросил на него холодный жесткий взгляд и сказал:

— Я выслушал вас внимательно, и то, что вы говорили, показалось мне вполне разумным. Но говорить одно, а делать другое, и одного разговора недостаточно, чтобы засадить в тюрьму этих молодцов. До сих пор вы ничего не добились. Теперь ваше дело исправить свою ошибку, и вам дается на это полная возможность. Но смотрите, не упустите случая! Власти не отнесутся снисходительно к двум ошибкам в одном и том же деле, хотя бы они и были сделаны инспектором Файльсом. Вы понимаете меня? Постарайтесь же не промахнуться во второй раз.

Файльс ушел из кабинета начальника с таким чувством, как будто над ним был произнесен приговор суда, куда он должен был явиться на допрос как арестованный. Ничего нет удивительного поэтому, что, когда он выехал в прерию, то вначале испытывал весьма неприятное чувство, но по мере того как расстояние между ним и главным полицейским штабом увеличивалось, к нему постепенно возвращалось спокойствие и уверенность. Скрытая угроза мистера Язона отступила на задний план и перестала его тревожить. Теперь ему следовало только тщательно обдумать будущий план действий, так как дело шло уже не только о том, чтобы изловить контрабандистов спирта в Скалистых Ручьях, а вообще сделать невозможным дальнейшее нарушение закона во всем округе. И мало-помалу уверенность в успех возвращалась к нему.

Его мысли постепенно приняли другое течение. Была и еще одна причина, заставившая его решиться переехать в Скалистые Ручьи и рисковать своей репутацией, взяв на себя такую трудную обязанность, как очищение всего округа от преступных элементов, свивших там гнездо. В Скалистых Ручьях жила девушка, которая произвела на него неизгладимое впечатление.

Это была Кэт Сетон. Файльс сам удивлялся, почему она так неотразимо влекла его к себе, но он был не в состоянии анализировать свои чувства. Он провел свою молодую жизнь на окраинах цивилизации, и большинство женщин, которых он видел там и с которыми приходил в соприкосновение, совершенно потеряли для него всякую привлекательность. Он ожидал, что и в Скалистых Ручьях он найдет такие же отбросы общества и вдруг увидел там женщину, очевидно, принадлежавшую к совершенно иной сфере.

Файльс вспоминал свою встречу с ней, ее разговор и ее удивительно красивую внешность и думал о том, что, живя в Скалистых Ручьях, он будет иметь возможность возобновить с ней знакомство и видеться чаще.

Его размышления были внезапно прерваны появлением на дороге какого-то всадника, и сразу все другие интересы отступили на задний план. Одиноким всадником в пустынной прерии не мог не привлечь внимания полицейского.

Незнакомец был очень высокого роста и плотного сложения, и хотя он ехал на очень крупной лошади, тем не менее она казалась небольшой по сравнению с ним самим. Файльс заметил издали, что волосы незнакомца, видевшиеся из-под полей его сомбреро, были светлые. В первую минуту Файльс принял его за фермера, но переменял свое мнение, когда всадник подъехал ближе и Файльс заметил, что на нем костюм городского покроя. Не раздумывая, Файльс пришпорил лошадь, чтобы догнать неизвестного всадника. Тот, очевидно, нисколько не огорчился тем, что его одиночество нарушено, потому что сам остановился и подождал Файльса.

Файльс и незнакомец обменялись приветствиями, причем у незнакомца лицо засветилось добродушной улыбкой, и большие голубые глаза выразили удовольствие.

— Я только что мечтал о том, чтобы повстречать в этой пустыне хоть одного живого человека, с двумя руками, двумя ногами и тем, что могло бы сделать из него моего товарища! — весело вскричал он. — Скажите, сколько времени надо еще ехать здесь, чтобы добраться до какого-нибудь человеческого жилища?

Файльс помнил, что он полицейский инспектор и потому был настороже, но тем не менее простосердечные манеры незнакомца победили его недоверчивость, и он приветливо улыбнулся, отвечая ему:

— Это всецело зависит от того, каковы требования одинокого всадника, ищущего пристанища.

— Ну, и вы тоже мне подаете мало надежды, — засмеялся незнакомец. — Я уже почти неделю ееду по этой вечной траве! И где только я не был за это время. За последние десять миль, которые я проехал, я посетил все постоянные дворы, о которых я слышал, и исследовал все их привлекательные стороны. В одном из них я уже решил было остановиться; там обитают несколько человеческих существ...

Пока незнакомец говорил, Файльс тщательно разглядел его с головы до ног и решил, что он чужестранец в здешних краях. Вероятно, он прямо приехал из какого-нибудь города восточных штатов. Притом же прекрасная лошадь каштановой масти, на которой он ехал, явно не была родом из прерии и так же, как и ее сбруя, указывала, что владелец ее человек состоятельный.

— Вы едете целую неделю и не знаете куда? — спросил с шутливым изумлением Файльс.

— Ну да, — усмехнулся незнакомец. — Мне в этих краях надо найти какую-то неведомую никому дыру, именуемую Скалистые Ручьи.

— В таком случае нам по пути, — сказал Файльс. — Я тоже еду в Скалистые Ручьи. Вы, наверное, пропустили дорогу, которая ведет туда. Но как вы могли заблудиться? Вы выехали из Эмберли?

— Я должен был бы выехать оттуда! — с комическим огорчением воскликнул незнакомец. — Скажу вам, я еду из восточного штата к своему брату в Скалистых Ручьях. Он владелец ранчо. Что-то вроде художника. Его зовут Чарли Брайант, а мое имя Билл — Билл Брайант. Ну вот, я должен был доехать до Черного Креста и там пересесть на поезд, идущий в Эмберли. Но я заснул и мирно проспал в вагоне до местечка Муземин. Там какой-то олух сказал мне, что если я выйду в Муземине, то смогу проехать оттуда в Эмберли, а из Эмберли попаду уже на дорогу в Скалистые Ручьи. Хорошо. Я так и сделал. Но затруднение заключалось в том, что нигде не было лошади. Я прервал свою поездку и отправился на поиски, исследовав таким образом все окрестности. Наконец, я нашел то, что мне было нужно, и купил лучшую лошадь в городе у конокрада, сумевшего избежать тюрьмы. На этой лошади я ехал целых семь дней, изучил каждую тропинку в стране и пытался убедить разных поселенцев, что я вовсе не конокрад и не имею намерения убивать их в их постелях, а нуждаюсь только в пище и ночлеге, за что я готов заплатить столько, сколько они потребуют. Как я попал сюда, и сам не знаю, но готов побиться об заклад, что в этой стране не найдется и двух человек, которые были бы согласны между собой относительно указания дороги туда, куда я хотел ехать. И вот я ехал все время наугад. Могу только сказать, что я теперь возненавидел траву и солнце. Такая верховая езда слишком много требует, а портные, по моему мнению, не имеют понятия о том, как надо шить костюмы, удобные для верховой езды. Я мог бы написать целую книгу о синяках и ссадинах, которые причиняет долгое сидение в седле, и скажу только, что когда я, наконец, слезу с этого проклятого седла, то не сяду на него, по крайней мере, в течение целой недели. Я ду-

маю, что жизнь в ранчо рисуется в книгах очень привлекательными красками и что бобы, которыми меня там кормили, очень питательны. Но это только в книгах, и я не думаю, что захотел бы опять питаться ими. Ну, а эта страна Запада — величайшая по своему пространству из всех забытых богом стран на свете! Лучшее, что я до сих пор нашел в ней, — человек, которого я повстречал только что на своей дороге.

Он так чистосердечно захохотал, что смех этот развевал у Файльса последнюю тень сомнения в его честности и искренности.

— Меня зовут Файльс — Стэнли Файльс, — сказал он. — Рад познакомиться с вами, мистер Брайант.

— Просто — Билл Брайант, — поправил Билл. — Файльс¹ — это хорошее имя, подходящее для этих краев. Напоминает напилек, гвозди, долото и вообще такого рода железные инструменты.

Он окинул Файльса взглядом своих смеющихся голубых глаз.

— Вы владелец ранчо? — спросил он.

— Едва ли, — отвечал Файльс.

— Ага, знаю! Вы ковбой. Вы и одеты так, как они одеваются. Я читал о них. Загонять скот, накладывать клейма, отыскивать заблудившихся животных — такое прекрасное, возбуждающее занятие!

Файльс, улыбаясь, покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Хотя я тоже разыскиваю «заблудившихся» и отправляю их туда, где им надлежит быть. И теперь я охочусь за ними.

— Понимаю! — воскликнул Билл. — Они вырываются весной и разбегаются, ища траву по своему вкусу. Затем они пропадают или смешиваются с другим скотом и тогда — тогда приходится их отлавливать, а это нелегкая работа — постоянно разыскивать таких заблудившихся, а точнее, заблудших созданий.

Инспектор Файльс прищурил глаза, слушая разглагольствования Билла, но его загорелое лицо оставалось серьезным.

— Да, это нелегко, — со вздохом согласился он, — особенно временами. Трудно бывает напасть на их сле-

¹ Англ. file — напильник, пилочка для ногтей, а также оглобля, дышло; на жаргоне — ловкач.

ды, но если даже это удастся, то приходится еще долго путешествовать, пока доберешься до них. Они дичают еще более после того, окружить их довольно трудно. Некоторые из них даже отчаянно сопротивляются, и дело становится горячим. Видите, что это далеко не легко, и промашки в этом деле не допускаются. Ошибка ведь может навести на ложный след.

Глаза Билла Брайанта загорелись.

— О, это гораздо лучше, чем хозяйничать в ранчо! — вскричал он. — Мне нравится такая жизнь, и я был бы не прочь при случае показать силу своих кулаков. Но в городе, живя с удобствами, приходится поступать иначе.

Он поднял свой огромный кулак и с нежным восхищением посмотрел на него.

— Но я решил хозяйничать в ранчо, — проговорил он, скромно поглядывая на полицейского офицера, который смотрел на него, как на какого-то большого хвастливого ребенка. — Мой брат имеет ранчо в Скалистых Ручьях. У него, как художника, дело идет, по-видимому, недурно. Он загребает деньги, даже много денег и, кажется, ему нравится такая жизнь... Видите ли, Чарли несколько сбился с пути, — продолжал он, — вообще-то он очень славный парень, но начал слишком веселиться, когда был студентом академии художеств. Ну, старик отец на него рассердился и усладил его подальше, чтобы он разводил скот и сеял пшеницу. Хорошо. Когда наш отец умер, то завещал мне большую часть своих долларов. Их было много, и мне было ужасно неприятно, что он совсем забыл о существовании Чарли. Я много думал о том, что мне делать с таким богатством, которое свалилось мне в руки. Ведь когда работаешь и зарабатываешь, то не думаешь об этом. Ну, а тут... И вот однажды — это было ночью — я проснулся, раздумывая об этом, и внезапно сказал себе: отчего бы не поехать на Запад, присоединиться к Чарли и вложить все деньги в его ранчо? Мы можем расширить дело и вместе вести его. Таким путем у Чарли не возникнет подозрение, что ему жертвуется богатство, а как будто я сам делаю это для себя. Понимаете, мистер?

Он бросил на Файльса торжествующий взгляд. Не часто Файльс встречал во время своей неопытной поли-

цейской работы такого человека, которому бы ему хотелось пожать руку! А этот мягкосердечный, простодушный великан заставил его испытать такое чувство, какое он никогда еще не испытывал раньше в своей жизни. Он невольно протянул ему свою руку, которую тот сразу схватил точно клещами и с силой потряс.

— Это прекрасно, — сказал он. — Но вы не можете утверждать, что Чарли не догадается.

— Я тоже так думал, — прибавил он радостно. — И я могу быть очень полезен ему в некотором отношении. Не подумайте, что я понимаю что-нибудь в пшенице или в скоте. Но я могу ездить на какой угодно лошади, и вряд ли найдется какой-нибудь парень, с которым бы я не справился. А Чарли? Он такой тщедушный и... и кроткий.

Он вдруг прервал свою речь и, указав вперед рукой, воскликнул:

— Что это там прямо? Посмотрите! Дерево что ли?

Файльс посмотрел в том направлении, на которое он указывал рукой, и увидел гигантскую сосну, служившую вехой, обозначающей близость Скалистых Ручьёв. Он объяснил это своему спутнику. Билл Брайант так занимал его своими разговорами, что он даже не заметил, как приблизился к селению.

— Я нигде не вижу никакого поселения, — заметил Билл.

— Оно там, в самой долине. А дерево стоит на склоне долины Скачущего Ручья, — отвечал Файльс.

— Ах, так это та самая долина! — воскликнул с восторгом Билл. — Ранчо Чарли находится там, внизу, должно быть?

Он вдруг умолк, подъезжая к огромной сосне и задумался о своем брате, которого не видал уже несколько лет. Изменился ли Чарли? Обрадуется ли он ему? Не сочтет ли он его приезд дерзким вмешательством? Он не ответил на его письмо. Биллу не пришло в голову, что Чарли не мог успеть ответить ему.

По мере приближения к цели своего путешествия Билл становился молчаливее и серьезнее, и на его лице появилось выражение какой-то скрытой тревоги.

Файльс украдкой поглядывал на него и замечал каждую перемену в его лице. Он тоже думал о том, какая встреча произойдет между двумя братьями. Ему бы хо-

телось посмотреть на нее. Он мало знал Чарли, но хорошо знал его репутацию пьяницы и хитреца. А этот большой простодушный ребенок — его брат! Файльсу стало вдруг искренне жаль его...

Глава X

БРАТЯ

Когда, наконец, Билл увидал расстилавшуюся у его ног во всей своей красе долину Скачущего Ручья, то он забыл свою тревогу, и восторг засиял в его больших голубых глазах.

— Слушайте! — обратился он к Файльсу. — Тут, в этой прелестной долине находится ранчо моего брата? Что за чудесное место!

Файльс только кивнул головой в ответ, и они начали молча спускаться с холма. Он ехал впереди, указывая дорогу. Время отвечать на вопросы Билла уже прошло, и Файльс чувствовал, что лучше умолчать обо всем, чтобы не омрачить радости Билла, приехавшего сюда с намерением устроить здесь свой дом.

Однако Билл сам прекратил дальнейшие расспросы. Снова какие-то сомнения возникли у него, и он глубоко задумался. Вскоре показался поселок. Они приближались к месту постройки церкви, и шум людской работы нарушил лесную тишину долины. Но это не представляло для них большого интереса. Внимание их привлекла молодая девушка, шедшая по дороге от строящегося здания. Они заметили, что она была одета в хорошо сшитый костюм для прогулок и что ее большие серые глаза с улыбкой смотрели на них. Билл с трудом удержался от громкого приветствия, когда увидел ее, и ограничился лишь почтительным поклоном.

Через минуту девушка исчезла, как луч весеннего солнца, и Билл тотчас же приблизился к своему спутнику.

— Мистер Файльс, — вскричал он, — вы обратили внимание на эту прелестную девушку? Неужели они все здесь такие, в этой стране? Если это так, то я в восторге от долины Скачущего Ручья! Но скажите мне, кто же она такая? Как она попала сюда? Я готов по-

биться об заклад на тысячу долларов, что она не здешняя.

— Это мисс Сетон, — отвечал холодно Файльс, — мисс Элен Сетон, а сестру ее зовут Кэт. Они нечто вроде фермеров, мелких фермеров.

— Фермеры? — вскричал с презрением Билл. — Эта девушка как будто вчера только вышла из ньюйоркского Бродвея. Фермеры? Трудно поверить!..

— И тем не менее они фермеры, — возразил Файльс, — и они ведут фермерское хозяйство уже пять лет.

— Пять лет? Они здесь прожили пять лет, и эта прелестная девушка, такая изящная, не вышла замуж? Ну, интересно бы также взглянуть на здешних молодых людей. Что же они за истуканы? Их стоит казнить за такое равнодушие.

Файльс улыбнулся и, повернув лошадь туда, где дорога уже выходила на главную улицу деревни, сухо заметил:

— Может быть, это не вина молодых людей.

— А чья же в таком случае? — вознегодовал Билл.

Файльс не смог удержаться от смеха.

— Может быть, она чересчур требовательна, — сказал он. — Может быть, она слишком хорошо знает этих молодых людей... Без сомнения, они заслуживают суровой кары, большинство из них, но только не за это. Когда вы лучше узнаете их, то поймете меня.

Он пожал плечами и указал Биллу на дорогу, отходящую в сторону от деревни.

— Вот куда вам надо ехать теперь, все на запад. Проехав по этой дороге около полмили, вы увидите справа тропинку, протоптанную скотом и ведущую снова в гору. Она приведет вас к хижине, вон там наверху. Веранда обращена прямо сюда. Это и есть ранчо Чарли Брайанта. Если я не ошибаюсь, ваш брат как раз стоит на веранде и смотрит сюда. Он, по-видимому, не слишком занят, как фермер... Прощайте. Я еду вниз, к трактуру. Ну, мы как-нибудь увидимся опять.

Он повернул лошадь и так быстро ускакал, что Билл не успел спросить его больше ни о чем. Но Файльс предвидел эти вопросы и постарался избежать их.

Чарли Брайант действительно стоял на веранде своего маленького домика на склоне холма. Взор его был

устремлен через речку, на дальнюю сторону деревни, где виднелся такой же маленький домик. Там жила Кэт Сетон, и Чарли Брайант привык наблюдать, как она выходит из дома каждое утро. Но сегодня она не появлялась. Это удивляло и беспокоило Чарли. У нее была привычка рано вставать и уходить, а уже близился полдень, и она еще не показывалась. «Уж не больна ли она?» — подумал Чарли. Элен уже давно вышла. Чарли знал, что постройка новой церкви и разные другие мелкие деревенские дела отнимают у Элен все утро. Тем не менее Элен была только зрителем деревенской жизни, а Кэт сама составляла часть этой жизни.

Чарли вздохнул, и на лице его выразилась глубокая тоска. С тех пор как он узнал, что инспектор Файльс поселяется в деревне, им овладело уныние, которое он никак не мог стряхнуть с себя. Файльс был последним человеком, которого он желал бы видеть в Скалистых Ручьях... по многим причинам.

Он с трудом отвел, наконец, взоры от маленького домика вдаль и, повернувшись, спустился вниз к своим кораллам, находящимся на склоне возле его дома. Там нужно было сделать кое-какие исправления, и Чарли имел намерение рано утром приняться за дело. Но это намерение осталось также неисполненным, как и многие другие благие намерения. Его кораль был в очень запущенном состоянии, как и почти всё на его ранчо.

Он прошел на конец веранды, чтобы оттуда спуститься вниз, но вдруг остановился, увидев вдаль двух всадников, которые ехали по дороге к деревне. Сначала фигуры их только мелькали между деревьями, но когда они выехали на дорогу, то он уже мог разглядеть их и сразу узнал в одном из них инспектора Файльса, хотя тот и не был одет в полицейский мундир. Вид его настолько поглотил все помыслы Чарли, что на другого всадника он уже не обратил никакого внимания. Лицо Чарли сразу стало мрачным и суровым. Он знал, что появление Файльса означает начало затруднений в Скалистых Ручьях, и чувствовал, что его душевный мир будет нарушен и не восстановится, пока тень Стэнли Файльса будет висеть над поселком.

— Кэт, Кэт! — вскричал он, грозя кулаком отдаленному всаднику. — Если из-за него я потеряю вас, то я... я убью его!

Он отправился к коралю с видом человека, который старается бежать от самого себя, от своих мыслей. Но его работа снова была прервана. Он совсем забыл о втором всаднике, ехавшем с Файльсом, и теперь вспомнил о нем, услышав быстрый лошадиный топот, направлявшийся к его ранчо. Сильное раздражение охватило его. Неужели сюда едет еще другой представитель полицейской силы, той силы, к которой принадлежит Файльс?

Чарли остановился вверху дороги, и взгляд его черных глаз не предвещал ничего хорошего для новопришельца. Стук копыт приближался, и, наконец, Чарли услышал голос, который показался ему очень знакомым. Через несколько минут всадник выскочил из-за кустов, и тотчас же раздались радостные возгласы с той и другой стороны.

— Чарли!

— Билл! Мой славный старина Билл!..

Через минуту Билл соскочил с седла и с большой силой тряс руку своего брата:

— Как хорошо, что я вижу тебя! — вскричал радостно Билл.

— Хорошо?.. Нет, это просто чудесно! А я-то принимал тебя за проклятого полицейского!

Лицо Чарли расплылось в такую радостную улыбку, что все сомнения Билла относительно приема, который он может найти у брата, разлетелись в прах.

— Я тебя ожидаю уже несколько дней, дружище, — сказал Чарли, — и думал, уж не изменил ли ты своего решения?.. Но скажи, где же твой багаж? Едет за тобой? Ты не потерял его? — прибавил он с тревогой, заметив, что лицо Билла вдруг вытянулось.

— Ах, я забыл! Может ли еще с кем-нибудь случиться такая дурацкая штука! — вскричал Билл. — Ведь я оставил его в Муземине и... не сделал никаких распоряжений!

— В Муземине? Черт возьми, как же это случилось? — спросил Чарли с удивлением.

— Я расскажу тебе потом. Мое путешествие проходило bestолково, и если б я не встретил по дороге одного

молодца, то уж не знаю, когда бы я попал сюда. Скажи, Чарли, так ли это необходимо, чтобы кругом ранчо росло так много травы?

Чарли засмеялся.

— Не можешь же ты пасти скот на голой земле! Но почему ты это спрашиваешь?

— Да просто потому, что я... возненавидел траву! Я ничего другого не видел всю последнюю неделю, кроме бесконечных пространств травы, и если б не этот молодец, которого я встретил, то я до сих пор продолжал бы блуждать по траве, как те заблудшие животные, которых он разыскивает.

Чарли с удивлением посмотрел на него.

— Про что ты говоришь? Какие еще заблудшие животные, которых он ищет в прерии?

— Ну, да, он что-то вроде фермера; занимается тем, что разыскивает и загоняет заблудший скот, отправляя стада туда, где им быть надлежит. Его зовут Файльс — Стэнли Файльс.

Лицо Чарли исказила злоба, как всегда при одном упоминании имени Файльса. Но затем юмористическая сторона в рассказе Билла взяла верх над его озлоблением, и он разразился хохотом. Билл сначала оторопел, но затем хохот брата подействовал и на него заразительным образом, и он тоже рассмеялся.

— Ну, Билл, уморил ты меня! — воскликнул Чарли. — Давно я так не смеялся. Как, Файльс, Стэнли Файльс — фермер? Однако ты, быть может, прав. Его работа действительно заключается в том, что он ищет заблудших, окружает их и гонит к их жилищам. Но эти «заблудшие» — люди, а не животные, и загоняет он их в тюрьму. Стэнли Файльс — инспектор Конной полиции и считается самым способным офицером у них. Он приехал сюда, чтобы здесь организовать свое поле деятельности и сюда перенести свои операции, так как Скалистые Ручьи пользуются репутацией разбойничьего гнезда. Да, ты как раз приехал вовремя, Билл! Увидишь, какие тут начнутся дела. Все закипит, как в котле.

НА РАНЧО

Позднее днем братья уселись на веранде и повели откровенный дружеский разговор после нескольких лет разлуки. Они только что вернулись после беглого осмотра маленького ранчо, так как Билл непременно хотел ознакомиться с хозяйством брата. Осмотр, однако, не доставил Биллу того удовлетворения, на которое он рассчитывал, рисуя себе радужными красками жизнь на ранчо, и мало-помалу энтузиазм его иссекал. Везде он видел запущение: хозяйственные постройки были в плачевном состоянии, само ранчо оставляло желать многого. Только корали производили лучшее впечатление и давали надежду на улучшение дел.

— Видишь ли, Билл, я всего лишь мелкий фермер, — сказал Чарли, словно оправдываясь. — Мне принадлежит только земля, на которой стоит дом, и эти луга, а также пара арендуемых пастбищ в глубине долины. Я плачу правительству за право пасти мой стада. Это вполне удовлетворяет мои требования, и поэтому я держу большей частью только одного работника. Весной и осенью я нанимаю в подмогу других. Таким образом, мне удастся все-таки получать доход с моей фермы.

Билл кивнул головой в знак понимания. Конечно, его прежние мечты сменило разочарование, но мало-помалу у него возникли кое-какие новые планы. Когда он заговорил о них, то к нему стал возвращаться прежний энтузиазм.

— Разумеется, у тебя было недостаточно денег, Чарли, когда ты начинал дело, но теперь мы все это изменим, — сказал он, — мы приобретем свои собственные пастбища, если только их можно будет купить, соорудим новые хозяйственные постройки, будем разводить лошадей, так же как и скот, расширим свои владения и будем выращивать пшеницу. Мне говорили там, на востоке, что этому делу предстоит большая будущность. Да, сэр, мы займемся всем этим как равноправные компаньоны, я вношу свой капитал, а ты даешь то, что уже сделано тобой, и свой опыт и знания. Вот для чего я и приехал сюда.

При помощи своего громкого голоса и своего энтузиазма Билл старался скрыть свое явное желание помочь брату под видом чисто деловой сделки. Он говорил себе, что такого неделового человека, как Чарли, нетрудно провести таким образом. Но Чарли не был обманут и даже попробовал протестовать. Однако Билл с таким жаром стал доказывать ему, что он не прав, что брату ничего другого не оставалось, как подчиниться его твердому решению.

Чарли смотрел на открытое, добродушное лицо брата, на его сверкающие энтузиазмом большие голубые глаза, и в душе его снова зашевелилось то сожаление, которое заставляло его особенно сильно презирать самого себя. Он думал о том, до чего довели его собственные безумства и чем он стал теперь. Что подумает о нем этот добрый, великодушный человек, когда убедится, как мало он изменился с тех пор, как отец отвернулся от него, как от презренного существа, и когда поймет, наконец, как низко он пал? Из всех сил старался он не показать брату своих опасений и душевных терзаний.

Они вернулись в дом и уселись в неудобные кресла грубой домашней работы. Билл стал развивать свои идеи и только когда он кончил, то их деловой разговор принял более личный характер. Чарли заговорил о себе и рассказал брату о том, что спасло его от окончательного падения, когда отец отправил его в этот далекий, заброшенный край, надеясь, что здесь он начнет новую жизнь.

— Да, — сказал Чарли. — Я думаю, что все моральные принципы были разрушены у меня, и если я сохранял благопристойность, то лишь вследствие того, что некоторая тяга к живописи еще сохранилась у меня, несмотря на мое нравственное падение. Когда я только что приехал сюда, то я не чувствовал никаких угрызений совести и готов был идти по старому пути. Мне было все равно. Но здесь я встретил женщину, самую благородную и самую лучшую, какая только существует на свете. Она прекрасна, умна, обладает возвышенной душой и твердым характером. Она приехала сюда, чтобы зарабатывать здесь средства к жизни со своей сестрой. Ее стремление к независимости и желание жить вне узких рамок условностей было единственной причиной, заста-

вившей ее покинуть Восток и переселиться сюда, на Запад. И вот эта женщина почти спасла меня от самого себя. Я люблю ее и дорожу ее мнением больше, чем всем другим на свете. Я не хотел бы потерять его. Но бывают времена, когда даже ее влияние не может удержать меня. Вот почему я говорю, что она почти спасла меня, почти, но не совсем! Билл, я борюсь, борюсь с собой. И она борется, не зная этого. Передо мной всегда ее прекрасный образ, я вижу ее лицо и ее глаза, смотрящие на меня с укоризной. Этот образ побеждает в большинстве случаев, но не всегда. Подожди, Билл, когда ты увидишь Кэт, то поймешь меня. Я люблю ее бесконечно, а она только расположена ко мне. Она никогда не будет чувствовать ко мне того, что я чувствую к ней. Да и разве может быть иначе? Я думаю, ты знаешь, что я из себя представляю. Каждый, кто знает меня, уверен, что я безнадежный пьяница.

Он сказал эти слова без всякой горечи, без всякого сожаления о себе. По-видимому, он даже не чувствовал стыда, признаваясь в этом. Билл удивлялся. Он никак не мог понять этого. Он постарался представить себе себя самого, делающего такое признание. Что чувствовал бы он при этом? Стыд, невообразимый стыд, хуже этого он не мог себе ничего даже представить, и его доброе лицо покраснело от стыда за брата, который таким образом попирал до некоторой степени его лучшие чувства. Чарли заметил это и с нежностью поглядел на него.

— Не надо, Билл, я не стою твоих сожалений, — сказал он с горечью. — Я знаю, что ты думаешь. Ты не можешь думать иначе. Ты родился сильным, крепким духом и телом. Я же родился слабым, ничтожным. Я вовсе не говорю так, чтобы оправдать себя. Я просто констатирую факт. Посмотри на меня рядом с собой. Мы оба дети одних и тех же родителей. Но во мне есть что-то женственное. Ведь у меня даже нет растительности на лице! Моя мать приходила в восторг, глядя на мои нежные черты лица, на мои тонкие руки с длинными пальцами, и ей нравились моя мягкость и нежность, какие встречаются только у женщины. Она поощряла меня в этом отношении и бессознательно убивала во мне последние следы мужской природы. Но эта натура все-таки рвалась наружу и когда, наконец, вырвалась, то у

меня уже не оставалось никакой нравственной силы, чтобы сдержать ее порывы. Я сделался безвольной игрушкой собственных страстей. Я не мог никогда противостоять соблазнам...

Билл молчал. Привязанность к брату и жалость владели всеми его чувствами. Брат говорил правду, у него не было нравственной силы бороться с собой. Пьянство, со всеми сопровождающими его пороками, сгубило его, и Билл теперь ясно сознавал после пятилетнего отсутствия, что на возрождение Чарли в этой обстановке надеяться не приходилось. Если даже любовь к женщине не смогла спасти его, то что же может его спасти? Ему хотелось сказать что-нибудь такое, что заставило бы Чарли убедиться в неизменной привязанности брата к нему. Но он не нашел подходящих слов и только просто спросил, кто такая эта женщина, о которой он говорил.

— Кэт Сетон, — отвечал Чарли.

Выражение лица Билля сразу изменилось, и он воскликнул:

— Это сестра Элен Сетон?

— Да, но разве ты знаешь Элен?

— Я видел ее по дороге. Удивительно хорошенькая девушка! — вскричал Билл с восторгом. — Серые глаза, светлые волосы. Она была одета так, как будто прогуливалась по Бродвею в Нью-Йорке. Файльс говорил мне о ней.

— Файльс? — лицо Чарли сразу омрачилось, и в глазах появилось суровое выражение. Он встал со стула и прошелся по веранде.

— Что он говорил тебе? — спросил он брата.

— Ничего особенного. Сказал мне, что у нее есть сестра, которую зовут Кэт; что они, в некотором роде, фермерши и живут здесь уже пять лет.

— Ну, ладно. Видишь ли, я не хочу, чтобы он вертелся около Кэт. А теперь пойдем ужинать. Я забыл, что ты должен быть голоден, — сказал Чарли, выражение лица которого смягчилось.

Кэт Сетон не выходила из дома в это утро. Хлопоты по хозяйству задержали ее. Надо было произвести кое-какие исправления и так как она не могла положиться

на своих двух наемных работников, то ей нужно было самой присматривать за ними, чтобы они исполнили все, как следует. После обеда Элен ушла из дома, а Кэт уселась к маленькому письменному столу и занялась счетными книгами.

Комната, в которой она находилась, служила им и гостиной и столовой. Она была небольшая, но комфортабельная и уютная. Стены украшали многочисленные вставленные в рамки акварели — работы Элен. Посередине стоял обеденный стол, а в углу рядом с буфетом находился маленький четырехугольный железный очаг, на котором стоял жестяной котелок с тихо кипевшей водой. Сестры очень любили эту комнату, в которой проводили большую часть времени, и старались украсить ее, как могли, не тратя на это больших средств. Надо признать, что результаты их усилий не пропали даром.

Кэт была поглощена сведением счетов, что она всегда старалась сделать в отсутствие сестры, обычно мешавшей ей сосредоточиться на цифрах, как вдруг дверь распахнулась, и Элен, с блестящими от возбуждения глазами, как вихрь ворвалась в комнату. Кэт поторопилась закрыть ящик, куда она прятала свои бумаги. Элен погрозила ей пальцем.

— Берегись, Кэт! — вскричала она. — Когда-нибудь я подделаю ключ к этому секретному ящику, который ты никогда не открываешь в моем присутствии, и узнаю все твои тайны. Уверена, что ты завела интригу с каким-нибудь мужчиной. Может быть, ящик полон писем от... от Дерти О'Брайна.

— Дерти О'Брайн? — засмеялась Кэт. — О да, он занимается спортом, а я люблю спорт.

— В этом местечке существуют различные виды спорта, — заявила Элен. — Я поищу тут такого мастера, кто бы изготовлял поддельные ключи. Ведь, наверное, именно такого рода спорт более всего распространен в поселке.

Кэт ничего не сказала и только продолжала смеяться.

— Что заставило тебя вернуться, Элен? — наконец спросила она.

— Что? А как ты думаешь? — воскликнула девушка.

Кэт улыбнулась.

— Я думаю, что только встреча с мужчиной могла заставить тебя свернуть с дороги.

— На этот раз ты права, Кэт, — заявила Элен. — Да, это был мужчина... не мышшь, хотя и тот и другая одинаково могут заставить меня бежать. Разница лишь в том, что один имеет для меня привлекательную силу, а другая отталкивает. Вот и все.

— Кто же этот мужчина? — спросила заинтересованная Кэт.

— Не кто иной, как Большой Брат Билл, — мужчина, за которого я обещала вам выйти замуж... Я видела его, Кэт, видела! И он поклонился мне, — с восторгом говорила она. — Он такой огромный, такой огромный, и у него самые милые и самые глупые голубые глаза, какие только мне случалось видеть. Вот почему я и узнала его тотчас же, как только увидела с инспектором Файльсом. Я вспомнила, что Чарли говорил про наивность, и я с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться. Мне кажется, он подумал, что я улыбаюсь, и поэтому он снял шляпу передо мной. Это было так комично. Полицейский как будто взял его под свою опеку, чтобы он не потерялся здесь. Он, наверное, самый живой, полный задора человек, и я влюбилась в него с первого взгляда. Если ты не придумаешь сейчас же какого-нибудь поручения, с которым бы я могла отправиться к Чарли, то я надеваю каких-нибудь безумств или... упаду в обморок.

Кэт, громко смеясь, сказала:

— Посмотрим. Надо придумать подходящий предлог, извинение...

— Извинение? — перебила ее пылкая Элен. — Никаких извинений! Я никогда не извиняюсь в том, что ищу общества мужчины. Притом же...

— Тс, дитя! — возразила Кэт. — Ты мешаешь мне думать своей неистовой болтовней. Должна же я придумать, для чего я посылаю тебя к Чарли. Подожди... я придумала. Вот отнеси ему эти две книги. Я обещала их ему несколько дней тому назад. Но это все равно, я отсылаю их с тобой теперь и напишу записку, чтобы он познакомил тебя со своим братом, так как ты смертельно влюбилась в него.

— Как ты смеешь, Кэт Сетон, как ты смеешь? — грозно крикнула Элен. — Я убью тебя, застрелю из твоего большого ружья, если ты это сделаешь. Я ничего подобного не слыхала никогда! Как ты смеешь гово-

речь, что я смертельно влюбилась в него? Я... я не думаю, я даже не желаю видеть его теперь. Наверное, я не хочу этого... Но, конечно, я отнесу эти книги... если ты в самом деле желаешь, чтобы Чарли имел их. Ты знаешь, что я все готова сделать, лишь бы помочь тебе.

Кэт уже привыкла к эмоциональным вспышкам сестры и знала, что они не продолжаются у нее дольше пяти минут и всегда заканчиваются признанием своей чрезмерной горячности.

— Хорошо, — сказала Кэт. — Ты настоящий чертенок, Элен, и в наказание ты отнесешь эти книги только после ужина.

— Кэт... я... — запротестовала Элен.

— Нет, — возразила Кэт с притворной строгостью. — Тут никаких оправданий не нужно. Слишком поздно... Только после ужина!

Элен быстро отошла от нее и подбежала к стене, на которой висели на перевязи два револьвера. Она схватила за рукоять один из них и собиралась вытащить из кобуры.

— Элен, не трогай! — вскричала в большой тревоге Кэт. — Ведь они оба заряжены.

Элен отскочила с побледневшим лицом.

— О, я и не знала! — воскликнула она. — Но зачем ты их держишь заряженными? Ты... ты не отважилась бы выстрелить из них!

Темные глаза Кэт улыбались, но улыбка казалась вымученной.

— Не отважилась бы? — сказала она и прибавила небрежным тоном: — Но ведь это все, что стоит между нами и... и злодеями в Скалистых Ручьях.

Элен несколько мгновений молчала и испытующе смотрела в глаза Кэт, точно желая прочесть в них что-то, и затем задумчиво проговорила:

— А я думала, что ты изменилась, Кэт, что ты забыла все такое и сделалась чем-то вроде наемной работницы в этой деревне...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЭЛЕН

Шел уже седьмой час вечера, когда братья закончили обсуждение своей будущей деятельности. Это был знаменательный день для Билла. Во всяком случае он чувствовал, что его утомительное путешествие и все испытания, сопряженные с ним, прошли не даром. Многие из его надежд, казалось, теперь приблизились к осуществлению.

Билл поражал полным отсутствием эгоизма. Он ничего другого не желал для себя, как только возможности разделить жизнь своего менее счастливого брата и дать ей другое направление. По-видимому, Чарли согласился на такое положение. Он не выказал никакого протеста и хотя он был сдержан в проявлении своих чувств, но тем не менее его согласие на предложение Билла выглядело достаточно искренним и сердечным, чтобы удовлетворить своего простодушного брата. Если бы тот был более проницательным, то уловил бы тайное сопротивление Чарли некоторым из его планов, хотя он и не выказывал этого. Что Чарли радовался приезду брата — в этом не могло быть сомнения, но великодушие брата стесняло его. Однако Билл ничего этого не замечал, и доверие его не пошатнулось.

Они просидели два часа на веранде и, наконец, Чарли встал и, бросив взгляд вдаль, через долину, туда, где виднелся маленький домик Кэт Сетон, сказал брату:

— Мне надо обойти кругом, пока не стемнело. Может быть, и ты пойдешь прогуляться куда-нибудь в это время?

Билл добродушно улыбнулся.

— Это значит, что я тут не нужен, — заметил он. Затем он тоже встал и потянулся, как большой пес после приятного отдыха.

— Я хочу пойти взглянуть на поселок, — сказал он. — Зайду в трактир и выужу там Файльса. Я ведь должен угостить его за то, что он помог мне.

При упоминании имени Файльса лицо Чарли передернулось, и он сказал с кривой усмешкой:

— Ты не сможешь распить бутылочку с Файльсом. Для себя ты можешь купить сколько хочешь бутылок

виски, но не сыщется ни одного содержателя кабака на северо-западной территории, который продал бы тебе спиртные напитки, чтобы угостить Файльса. Тут ведь запретная территория, и я полагаю, что Файльса здесь до смерти ненавидят.

На мгновение глаза Билла стали серьезными, и он прошептал:

— Понимаю. Ты... тоже ненавидишь его?

Чарли кивнул головой.

— За это?

Чарли пожал плечами.

— Конечно, я не питаю симпатии к инспектору Файльсу. Может, из-за его профессии, а может, и по другой причине — не имеет существенного значения.

Тон ответа Чарли несколько удивил Билла, и он поспешил оправдаться.

— Мне, право, неприятно, Чарли... И если бы я мог предположить...

— Не беспокойся, — возразил Чарли. — Меня это не трогает. Я думал о другом. Но кое-что имеет значение и даже очень большое, это — что если ты окончательно обоснуешься в Скалистых Ручьях, то, пожалуй, наступит день, когда тебе придется выбирать между Файльсом и...

— И кем? — спросил Билл, когда Чарли внезапно остановился, устремив взор за речку.

— И мной, — спокойно ответил Чарли.

Оба пристально посмотрели друг другу в глаза.

— Ты и Файльс? Я не понимаю. Ведь ты... ты же не можешь быть нарушителем закона?

— Закона? — усмехнулся Чарли. — Разве быть против полицейского офицера — это значит быть против закона? Мужчины, настоящие мужчины, могут стать противниками по разным причинам. Но я плохой образчик мужчины, и все-таки... знаешь ли, когда Файльс овладеет положением дел в Скалистых Ручьях, то я думаю, что он не будет чувствовать ко мне доброго расположения. Ну вот, при таких условиях тебе непременно придется выбирать между ним и мной. Ты понял меня, Билл?

— Да... но мне все-таки неясно... — начал он.

— И не старайся уяснить себе, — ласково сказал Чарли, беря его за руку. — Ну, я пошел. Увидимся позднее.

Билл пришел в явное замешательство. Брат представлялся ему замысловатой загадкой, и он ломал себе голову, стараясь разгадать ее. Когда Чарли ушел, он постоял немного, глядя ему вслед, и когда тот скрылся из вида, Билл также спустился с веранды и направился к поселку.

Элен в самом веселом расположении духа взяла под мышку две книги, которые служили для нее предлогом, и отправились после ужина на ранчо Чарли Брайанта.

Когда она явилась к ужину в одном из своих самых изящных летних платьев, то Кэт с восхищением и в то же время с мимолетной усмешкой поглядела на нее.

— О, Элен, ты просто непревзойденна как охотница за мужчиной! — воскликнула она. — Бедный, бедный Большой Брат Билл, у него столько же шансов избежать своей участи, как у крысы, попавшей в крысоловку! Он теперь все равно как бы помолвлен, женат, и... с ним практически покончено.

Элен вскричала с негодующим видом:

— Катрин Сетон, я... я вас не понимаю! Если б я поняла, то должна была бы отодрать вам уши. Вы просто нелепая женщина, ничего больше!

Кэт со смехом налила кофе и разрежала холодное мясо. Ужин их состоял, как всегда, из кекса, сладкого печенья и холодного мяса.

— Я и не подозревала, что у тебя есть такое прелестное платье, — сказала она.

— Не правда ли? — воскликнула Элен. Гнев ее смягчился. — Я его сохранила. Как ты находишь, оно идет мне? Хорошо я причесалась?

— Чудесно, — отвечала Кэт. — Ты так же растрепана, как... как метелка из перьев для сметания пыли.

— Я... я просто ненавижу тебя, Кэт! — вскричала Элен с искрящимися весельем глазами. — Метелка из перьев для сметания пыли? В самом деле! Но это все же лучше, чем швабра, которой Пит метет пол. Если бы ты осмелилась сравнить меня со шваброй, то со мной сделался бы глубокий обморок, и вы, пожалуй, похоронили бы меня живой. Но слушай, Кэт, ты просто ненасытна, а я ведь не могу же сидеть без конца и ждать, когда ты

кончишь есть. Пицца, конечно, важная вещь, но еще важнее, когда тебя ждет мужчина где-нибудь, а ты не знаешь где... Ну, скорее, Кэт, скорее, я бы хотела уйти! Позволь мне уйти!

— Иди, дорогая, иди! — весело ответила Кэт, тронутая ее смиренной просьбой. — Но только смотри, не смей приходить сюда без своего будущего супруга. Помни, что я тоже хочу видеть его, и если ты не будешь вести себя хорошо со мной, то я сумею отомстить тебе. Ведь я еще не потеряла надежду выйти замуж, что ни говорили бы про меня люди. Ну, а теперь убирайся!

Элен не стала ждать вторичного приказа и, схватив книги, бросила мимоходом взгляд в маленькое зеркало, висевшее на стене, и выбежала из дома.

— Прощай, Кетти! — закричала она. — Я раскинула сети, чтоб поймать большую рыбу. Она мирно дремлет в тенистом пруду, ожидая, что ее словят. Как ты думаешь, Кэт, пробовали ли его ловить когда-нибудь? Я надеюсь, что он не станет лукавить со мной. Ведь у меня не было практики. Это ужасно жить в таком месте, где мужчины должны предварительно напиться пьяными, чтобы иметь мужество признаться женщине... — прибавила она со вздохом.

Кэт осталась сидеть за столом, хотя кончила ужин. С уходом Элен ее веселость испарилась, прекрасные глаза стали задумчивыми и даже несколько суровыми...

Между тем Элен перешла речку по причудливому бревенчатому мостику, который был первой постройкой Кэт по приезде в Скалистые Ручьи. Издали мостик казался живописным и прочным, но на самом деле мог служить западней для незнающих и неосторожных людей. Однако обеим сестрам и их работникам он казался самой обыкновенной вещью. Они привыкли ко всем его ловушкам, число которых однако увеличивалось с каждым весенним половодьем.

За мостиком тропинка извивалась в кустах и выводила на главную дорогу. Но Элен не имела привычки ходить кружной дорогой, если могла избрать прямой путь через заросли кустарника. Она исчезла в зелени кустов, как мелькнувший призрак, и появилась уже только на полдороге к дому Чарли Брайанта на небольшой просеке, откуда открывался вид на все ранчо. Вдруг она увидела,

что кто-то двигается между деревьями, и до нее донесся чей-то свист. Кто-то шел от дома Чарли и насвистывал какой-то мотив, показавшийся ей знакомым. Она тотчас же решила, что это не может быть Чарли, так как никогда не слыхала, чтобы он насвистывал какую-нибудь арию. Вслед затем она услышала чьи-то быстрые тяжелые приближающиеся шаги. Ей вдруг стало страшно. Она начала всматриваться в кусты, стараясь разглядеть подходившего. Ей не пришлось долго ждать. Тропинка находилась как раз за просекой, и она могла смотреть сквозь листву кустов. Она чувствовала себя тут в полной безопасности, так как незнакомец должен был пройти по этой дорожке мимо нее, а зелень так густа, что он не мог ее увидеть.

Свист приближался, так же, как и быстрые шаги. Наконец она увидела фигуру человека — увидела совершенно отчетливо. Это был Большой Брат Билл. Она инстинктивно отпрянула назад, совершенно забыв о лежащем на земле позади нее дереве. Тут-то и произошла трагедия. Как это случилось, Элен не знала и чувствовала потом, что и не хотела никогда этого знать. Что-то больно ударило ее по коленям, и они подогнулись. Через секунду затем она уже очутилась на земле с нелепо поднятыми вверх и дрыгающими ногами, удерживаемыми таинственным образом в этой позе ветвями упавшей сосны.

В первый момент своего падения девушка была слишком парализована страхом и поэтому не могла пошевелиться, затем она услышала громкое восклицание какого-то мужчины. Тогда ее охватил еще больший ужас. Собрав все свои силы, она, наконец, высвободилась из ветвей, вскочила на ноги, разорвав и выпачкав свое хорошенькое платье во время падения, и, как безумная, ринулась вниз по склону холма, продираясь сквозь кусты и совершенно не обращая внимания на то, что куски тонкой материи от ее платья оставались на них. Она чувствовала только, что не может остановиться ни на мгновение, так как за нею бежит этот неизвестный человек. В эти минуты она ненавидела его больше, чем кого бы то ни было на свете. Подумать только, что он видел ее падение, ее нелепую позу с поднятыми вверх ногами, точно сигнальные столбы!.. Это было слишком ужасно.

Элен остановилась только, чтобы передохнуть, когда добежала до пешеходного мостика. Но там ее охватил новый приступ страха. Ведь она выронила книги там, где упала! Он найдет их, увидит надпись, имя Чарли... Ее последняя надежда испарилась. Он, без сомнения, узнает, кто она такая...

Элен готова была разрыдаться от стыда и негодования, но удержалась. Природная веселость ее характера взяла верх. Она увидела юмористическую сторону своего приключения и... разразилась хохотом.

Кэт вскочила на ноги, когда Элен вбежала с истерическим хохотом в комнату. Бросив встревоженный взгляд на сестру, Кэт строго приказала ей:

— Сейчас же перестань смеяться!

Это подействовало. Истерический смех прекратился, Элен опустилась на стул и стала приводить в порядок свой костюм, разумеется, безуспешно.

— Поди и перемени свое платье, — так же строго проговорила Кэт. — Расскажешь мне потом.

Элен хотела протестовать, но что-то в тоне ее сестры удержало ее, и она молча исполнила приказание.

Едва Элен успела удалиться, как снаружи послышались чьи-то шаги, приближавшиеся к двери. Кэт вспомнила в этот момент, в каком виде вернулась Элен, в разорванном и испачканном платье, и невольный страх сжал ее сердце.

В дверь постучали. Кэт бросила взгляд на свои револьверы, висевшие на стене, но сдержалась, и хотя с трепетом, но все же открыла дверь.

На пороге стоял Билл. Он снял свою шляпу, и лучи солнечного заката осветили его красивое лицо и белокурую голову. Он держал в руках книги, и его большие голубые глаза с добродушной улыбкой смотрели на Кэт.

— Я очень огорчен, что побеспокоил вас, — сказал он. — Но вот что случилось! Я шел вон оттуда, — он указал рукой за речку, — и когда спускался по тропинке, то вдруг увидел, что из кустов выскочила стремглав какая-то леди, словно ее кто-то ранил, и стремглав бросилась бежать к этому дому. Я подумал, что она, быть может, увидела змею или... медведя, или что-нибудь другое испугало ее и поэтому бросился в кусты, откуда она выбежала. Но я опоздал, потому что ничего не на-

шел в кустах, кроме этих двух книг. Тогда я пошел по дороге, вслед за леди и вот... пришел сюда.

Искренний тон и деликатность молодого человека произвели на Кэт такое хорошее впечатление, что она тотчас же протянула ему руку и сказала с улыбкой:

— Благодарю вас, мистер Брайант. Это книги моей сестры. Она взяла их, чтобы отнести вашему брату. С вашей стороны очень мило, что вы принесли их. Не войдете ли вы в комнату, чтобы она сама могла поблагодарить вас? Видите ли, мы очень дружны с вашим братом. Я — Кэт Сетон, а та другая молодая девушка, которой вы так любезно хотели помочь, моя сестра — Элен.

Глава XIII

ВЕСЕЛЫЕ СЕРДЦА

Сорвиголова Элен делала невероятные усилия, чтобы холодно смотреть в ласково улыбающиеся голубые глаза Билла. Это была битва с таким противником, который совершенно не подозревал этого и смотрел на девушку самым невинным взглядом. А черные глаза Кэт смотрели с улыбкой на эту сцену, хотя и не вполне понимали, что произошло.

— Это моя сестра Элен, мистер Брайант, — сказала Кэт, когда Элен, несколько успокоившись, хотя и сердясь на весь мир вообще, внезапно вошла в комнату, ворвавшись как вихрь, из той части дома, где находилась ее спальня.

Когда слова сестры достигли ее ушей и она взглянула на красивое веселое лицо мужчины, то сильнейшее волнение охватило ее. Ведь это тот самый человек, который стал свидетелем ее падения, видел, как ее изящно обутые ножки в тонких прозрачных чулках болтались в воздухе, точно две разукрашенных мачты во время праздника. Эти глупые голубые глаза пытливо смотрели на нее. Как осмелился он придти сюда именно теперь, в этот момент? Как смел он беззаботно тогда насвистывать? И вообще, какое он имеет право находиться в Скалистых Ручьях? Зачем, зачем он вообще живет на земле?

Элен казалось в эту минуту, что она ничего так не ненавидела на свете, как сочетание голубых глаз со светлыми волосами. Она ненавидела также и длинные носы, потому что они всегда суются не в свое дело. Крупные мужчины обыкновенно бывают неловкими. Разве это не было неловкостью с его стороны находиться там именно в этот момент и... видеть? Да, она ненавидела этого мужчину и ненавидела свою сестру за то, что она стояла тут и улыбалась.

Холодный прием, оказанный ему Элен, смутил беднягу Билла, с наивным огорчением смотревшего на девушку, теперь одетую в тот же самый костюм, в каком он увидел ее в первый раз. Его смущение не ускользнуло от Кэт и от Элен, которая даже испытала злорадное чувство.

— Получилось удачно, что я проходил там, — проговорил Билл, не подозревая своего промаха. — Ведь если бы эти книги остались в кустах и их смочило бы росой, то они бы испортились. Как видно, судьба заставила меня идти той дорогой и найти их для вас.

— Судьба? — презрительно усмехнулась Элен, бросив на Билла враждебный взгляд.

— Наверное! — отвечал наивный Билл. — Разве вы не верите в судьбу? А я верю. Случилось так. Мы разговаривали с Чарли, а потом он пошел по своему делу, а меня не желал взять с собой. Я бы, конечно, пошел с ним, если б он захотел. Вместо этого я отправился сам по себе в поселок. Так как я из тех людей, которые никогда не смотрят по сторонам и видят только то, что находится у них прямо перед носом, то я не заметил вас, пока не увидал...

— Не вдавайтесь в подробности! — прервала его Элен ледяным тоном. — Я думаю, что это было отвратительно — стоять и смотреть, как я упала, споткнувшись об упавший ствол дерева.

Глаза Билла выразили величайшее удивление, возбужденное запоздалую надежду расстроенной Элен.

— Лежавший ствол? — вскричал Билл. — Вы упали? О, я очень огорчен, мисс Элен! Действительно, я видел, как промелькнуло что-то белое (девушка бросила на него предостерегающий взгляд, но Билл его не понял) и затем исчезло во время бега в кустах. Я догадался, что

какое-нибудь животное должно было испугать вас, и бросился в кусты, чтобы поймать его. Но нашел только вот книги. Между тем я чувствовал, что у меня даже хватит сил повалить... дом.

Чувства Элен смягчились. Ее больше не мучило воспоминание о болтающихся в воздухе ногах. Он их не видел, значит, все хорошо. Она могла уже обратить внимание на то, что у него были красивые черты лица, красивый нос, чудесные голубые глаза — ее любимый цвет! — прекрасные белокурые волнистые волосы.

Элен улыбнулась и любезно пригласила мистера Брайанта сесть, заметив, что ему нечего стесняться с ними, так как они очень дружны с его братом. Заметив, что Кэт чуть-чуть насмешливо улыбнулась, она решила отомстить ей.

— Особенно дружна с ним Кэт, — поспешно прибавила она. — Скажу вам по секрету, что мы уже знали, что вы приезжаете сегодня и... и Кэт непременно хотела видеть вас. Она говорила, что не успокоится, пока не увидит брата Чарли, истинная правда!

— Как ты смеешь, Элен, говорить подобные вещи? — возмутилась Кэт. — Пожалуйста, не обращайтесь внимания на ее слова, мистер Брайант! Она не всегда бывает ответственна за них. Видите ли, у нее правдивая натура, но жизнь в глуши несколько испортила ее. О, я иногда болею сердцем за нее! Но что поделаешь? У нее такая ужасная компания.

— Пускай! — возразила Элен, окончательно пришедшая в хорошее расположение духа, убедившись, что Билл не видел ее позорного падения. — Мистер Брайант скоро сам узнает, кому из нас можно больше верить.

— Я всегда верю каждому, — ответил Билл, искренне рассмеявшись. — Это избавляет меня от большого беспокойства.

— В самом деле? — спросила Кэт, удобно усевшись в качалку.

— Ну нет, — вскричала Элен, — только не здесь! В Скалистых Ручьях вам надо верить только в то, ради чего вы приехали сюда. Да и то вы не должны быть слишком уверены, что вы не увидите призраков.

— И очень неприятных притом, — со смехом заметила Кэт.

— Представьте себе, я провел в Скалистых Ручьях около пяти часов и то, что мне пришлось видеть, ничуть не было мне неприятно, — сказал Билл.

Элен улыбнулась. Она вспомнила свою первую встречу с ним.

— Что вы делали с Файльсом сегодня? — неосторожно спросила она.

— Ах, я так и знал, что это я вас встретил на дороге! — воскликнул Билл, точно он сделал великое открытие. — Да, да, — прибавил он с наивной простотой, — ведь на вас было это самое платье. Как это я мог не узнать вас раньше?

— Я не думаю, чтобы вы действительно заметили меня, — сказала Элен. — Вы были заняты рассматриванием местности.

— Да, тут есть на что смотреть, — согласился Билл. — Мы проехали мимо огромной старой сосны, и Файльс сказал мне, что она служит как бы вехой, указывающей, что там, в долине, находится поселок. Я думал о ней.

— Думали об этой сосне? — с живостью спросила она.

— Не только о ней, хотя она и заслуживает более пристального внимания. Странно, когда я увидел эту сосну и долину внизу, то испытал какое-то странное чувство, что-то таинственное, как будто рука судьбы пыталась схватить меня.

Лицо Элен расплылось в улыбке.

— Понимаю, — заявила она. — Вы почувствовали, как будто ваша судьба связана со всем окружающим.

— Я несколько не удивляюсь, что старая сосна внушила вам такое... такое суеверное чувство, — вдруг сказала Кэт. — Она производила такое же впечатление на большинство людей даже в старые времена, когда тут обитали индейцы. Вы знаете, с нею связана легенда. Ее происхождение мне неизвестно. Может быть, это действительно настоящая индейская легенда.

— О, Кэт! — вскричала Элен. — Я и не подозревала, что ты знаешь эту легенду. Ты никогда не говорила мне.

— Я многое не говорю тебе, — отвечала Кэт. — Ты обладаешь слишком большой фантазией, слишком молода и вообще слишком восприимчива. Пожалуй, у тебя

сделался бы кошмар. Но большинство жителей поселка знает эту легенду.

— Мисс Кэт, расскажите нам ее, пожалуйста. Я до смерти люблю всякие легенды, — обратился к ней Билл.

— Кэт Сетон! — вскричала Элен. — Я требую, чтобы вы сейчас же рассказали нам легенду. Если вы откажетесь, то я больше никогда не буду говорить с вами... никогда!

— Какая страшная угроза! — улыбнулась Кэт. — Вы не знаете, мистер Брайант, что за несносный характер у моей сестры. Ведь она способна осуществить свою угрозу... в течение пяти минут.

— Я поддерживаю мисс Элен, — объявил Билл, — и если вы нам не расскажете ее, то мы оба воздержимся от разговора... на пять минут.

— Ну, что ж делать! — вздохнула Кэт. — Вы меня вконец запугали! Так слушайте же.

— В давние времена один молодой индейский вождь отделился от своего племени с несколькими воинами. Он был влюблен в скво (жену) верховного вождя, и она тоже любила его. И вот они задумали бежать вместе. Сторонники молодого вождя захотели тоже отправиться с ним, забрав с собой своих скво. На общем совете они все решили уйти от старого вождя, образовать отдельное кочевое племя и странствовать по равнинам, сражаясь, пока им не удастся завоевать достаточное количество земли, чтобы поселиться на ней окончательно и основать новую великую расу. Молодой вождь был прославленным воином, такими же были и все его товарищи, и в течение некоторого времени, куда бы они ни являлись в стране, они везде оказывались победителями, производя страшные избиения и опустошения. Но и старый вождь также являлся великим и свирепым воином. Когда он открыл измену жены, то собрал всех своих воинов и бросился с ними преследовать бежавших, чтобы наказать их. Путь, по которому шли беглецы, проследить не составило труда, потому что то был путь крови и огня. Наконец, старый вождь настиг их.

Произошла жестокая битва, обе стороны понесли большие потери. Но положение беглецов было хуже, потому что число их было меньше. Поразмыслив об этом, молодой вождь, более рассудительный и осторож-

ный, собрал своих воинов и предложил им не сражаться больше и укрыться в долине Скачущего Ручья, где он уже давно хотел устроить свое постоянное жилище. Он слышал об этой долине, знал, где она находится, и полагал, что когда они укроются в ее густой чаще, то на их стороне будут большие преимущества в случае нападения. И вот, приняв такое решение, после битвы, оставив убитых и раненых, молодой вождь со своими спутниками поспешил удалиться. Они мчались всю ночь, пока на рассвете не увидели на горизонте огромную сосну. Это был признак, что цель их близка, и они радовались, что им удалось ускакать от своих преследователей. Но скоро их постигло разочарование. Преследователи их тоже скакали за ними всю ночь, и с восходом солнца новая битва стала неизбежна. Однако эта битва не была решительной, и молодой вождь тепил себя надеждой, что теперь он со своей скво и своими воинами сможет надежно укрыться в долине. Но когда он пересчитал, сколько у него осталось воинов, то радость его омрачилась. Он потерял почти три четверти своих спутников, между тем орды преследователей были все еще очень многочисленны. Тогда он решил вместе с остатками своих воинов ночью достигнуть долины, где надеялся найти спасение. Они опять скакали всю ночь, а за ними скакали их преследователи. И вот тут произошла трагедия. На рассвете они опять увидели сосну, но она по-прежнему стояла далеко на горизонте. Достигнуть ее они были не в состоянии, так как и лошади, и люди были одинаково измучены. Молодой вождь был слишком великим воином и понимал, что гибель неизбежна, а преследователи уже приготовились к нападению. Тогда, до начала битвы, он вывел свою любовницу и на глазах всех убил ее для того, чтобы враги не смогли надругаться над нею. Затем он выпрямился во весь рост и громко проклял и сосну, и долину, предсказав, что если погибнет сосна, то в долине прольется кровь, и погибнут очень многие, живущие в ее тени. Она стоит на страже долины и потому ни один топор до сих пор не касался ни ее ветвей, ни ее ствола.

Когда вождь кончил свое заклятие, то окружавшие его со всех сторон враги налетели, как коршуны, и не оставили в живых ни одного человека из его отряда. —

Спроси молодых парней в деревне, Элен, что они думают о сосне, — сказала Кэт в заключение.

— Дерти О'Брайн говорит, что любит сосну и не может себе представить, как бы он мог существовать без нее, — ответила Элен.

— Дерти О'Брайн? Тоже мне, авторитет! Вы видите, мистер Брайант, что я говорю правду: она вращается в дурной компании, — сказала Кэт и, взглянув на часы, прибавила: — Однако уже восемь часов, и мне надо выйти.

Билл тотчас же вскочил на ноги.

— А Чарли уверен, что я осматриваю поселок и знакомлюсь с Дерти О'Брайном! — вскричал он.

— Чарли не сказал вам, куда он пошел? — спросила Кэт.

— Нет. И он, по-видимому, не хотел, чтобы я шел с ним, — ответил Билл.

— Вот этого я никогда не могла понять! — воскликнула Элен. — Если бы Кэт сказала мне, что она уходит, то я непременно стала бы ее расспрашивать, куда и зачем. Но мужчины — странные создания. Они никогда не расспрашивают.

— Прощайте, мистер Брайант, — сказала Кэт, пожимая ему руку. Веселость ее вдруг пропала, и темные глаза помрачнели. Элен же, наоборот, вся сияла от радостного возбуждения и, как видно, ей совсем не хотелось расставаться со своим новым знакомым.

— Знаете ли, я была недовольна вашим приездом, мистер Брайант, — заявила она Биллу. — Говорю вам это откровенно. Когда-нибудь, когда я лучше узнаю вас, то скажу вам, почему я была недовольна. Но теперь я рада, что вы здесь и что вы принесли мне эти книги... Дерти О'Брайн, наверное, понравится вам. Он большой прохвост, но очень оригинален и потому симпатичен мне. Ну, а речь его просто ужасна.

Она протянула ему руку, которую он продержал дольше, чем следует в своей руке. Ее маленькая смуглая ручка совсем потерялась в его огромной ладони. На его лице появилась сияющая улыбка, и он сказал ей:

— Я рад, что вы относитесь так снисходительно к человеку, который может забыть приличную речь и немного выйти из себя. Такое порой случается и со мной.

Элен стояла в дверях, когда он ушел, и Билл, оглянувшись назад, невольно залюбовался прелестной картинкой, которую она представляла, окруженная темной дверной рамой. Кэт тоже вышла из дома.

Глава XIV

КАБАЧОК О'БРАЙНА

Было уже поздно. Желтоватый свет двух висячих ламп плохо освещал большую низкую комнату, наполненную табачным дымом и людьми, и фантастические тени скоплялись в разных углах и блуждали на лицах посетителей, то появлявшихся в кругу света, то исчезающих в полумраке.

Это был кабачок О'Брайна, куда стекались каждый вечер обитатели Скалистых Ручьев и их окрестностей. Тут можно было видеть прилично одетых граждан, принадлежащих к коммерческому сословию. Но в подавляющем большинстве здесь собрались жители прерии, люди с отдаленных ферм и ранчо, загорелые, бронзовые лица которых и орудия труда, которые они принесли с собой, указывали, что они были рабочими, искавшими здесь развлечения и отдыха после своей тяжелой работы. Было также несколько поджарых метисов, тощих, в живописных костюмах. Но все эти посетители держались более скромно, не кричали и не изрыгали проклятий и ругательств, подобно тем гражданам Скалистых Ручьев, которые больше всего теряли с появлением инспектора Файльса и имели веские основания бояться его.

Дерти О'Брайн с суровым и циничным видом стоял за прилавком и обслуживал каждого посетителя с обычным спокойствием и быстротой, которые не могло бы нарушить даже присутствие полиции. В своем кабачке он являлся самодержцем, и все должны были ему повиноваться беспрекословно. Поданный в стакане напиток должен был выпиваться тут же, и пустой стакан также быстро передаваться через прилавок, а помощник хозяина поспешно уносил его в смежную комнату, где были спрятаны бочонки со спиртными напитками в потайном подвале, закрытом дерном, и куда вел тоже потайной

вход, в стене комнаты. Все напитки наливались в этой комнате, и при первой же тревоге тайник мог быть закрыт тотчас же, и все следы незаконной торговли быстро уничтожены. На полках ничего больше не оставалось, кроме напитков, разрешаемых законами трезвости, а позади прилавка стояла на виду бочка с четырехпроцентным пивом, ради продажи которого правительство и разрешало существование таких кабачков.

Дерти О'Брайн прекрасно знал закон и поймать его в продаже спиртных напитков, а следовательно, в нарушении закона было бы возможно лишь в том случае, если бы в его кабачок явился провокатор. Но вряд ли сыскался бы такой смельчак, рискнувший явиться с такой целью в столь опасное место, как Скалистые Ручьи.

Все посетители кабачка были взволнованы известием о прибытии Файльса и его сотрудников в Скалистые Ручьи. Создавалось новое положение, которое следовало обсудить. Низкая комната была наполнена гулом возбужденных голосов, но Дерти О'Брайн не принимал никакого участия в горячих спорах. Понемногу шум улегся; ближе к полуночи большинство постоянных посетителей разошлись, и остались только несколько человек, обычно засиживавшихся здесь допоздна, несмотря на затхлый воздух, пропитанный табачным дымом и спиртными испарениями.

У обоих окон играли в карты, и среди играющих находились оба работника Кэт. Почтмейстер Аллан Дэй, торговец мануфактурными товарами Билли Унгвин и почтенной наружности пожилой человек, известный под именем Святоши Дика, стояли у стойки и разговаривали с хозяином о сложившейся в Скалистых Ручьях ситуации в связи с появлением полиции.

Кроме этих людей в кабачке оставался Чарли Брайант. Он пришел рано и с единственной целью узнать, как относятся в поселении к приезду полиции, и услышать, что говорят о Стэнли Файльсе и его предполагаемых действиях. Имея перед собой такую цель, Чарли в течение некоторого времени не пил ничего, но ему трудно было устоять от соблазна и случилось так, как и предполагал О'Брайн, — после первого же стакана Чарли не мог уже удержаться и продолжал пить. Он молча сидел на краю угольного ящика, приставленного к стене

в конце прилавка и, казалось, слушал без всякого интереса разговоры, происходившие кругом. Дерти О'Брайн наблюдал за ним, и ему очень хотелось втянуть Чарли в разговор, услышать, что он скажет по поводу последних событий. Но Чарли упорно молчал. Тогда О'Брайн решил прямо обратиться к нему, предложив ему выпить с ним стаканчик виски. Чарли молча согласился и так же молча выпил и поставил на прилавок пустой стакан. Его глаза были по-прежнему угрюмо устремлены на играющих в покер.

Билли Унгвин многозначительно подмигнул О'Брайну и прошептал:

— Странный субъект, всегда пьет в одиночестве.

— Несомненный признак закоренелого пьяницы, — заметил Аллан Дэй, также вполголоса.

О'Брайн молча улыбнулся. В это время Ник Девере, сидящий за картами, обратился к нему:

— Слушайте, Дерти, вы не знаете, где же, в сущности, находится Файльс? Тут все так много говорили о нем, а никто из нас еще не видел его. Такие пустые разговоры вызывают у меня тошноту, — он энергично сплюнул, чтобы доказать свое отвращение к полиции.

— Файльс объезжает округу, — хладнокровно ответил О'Брайн. — Я видел его здесь. После этого он поехал к востоку. Один из парней говорил, что он взял с собой сержанта Мак Бэна и двух солдат. Удовлетворяет это вас? — саркастически прибавил он.

— Да... пока я сам не повстречал его, — сердито сказал Ник, беря колоду и начиная сдавать.

— Ну, успокойтесь, скоро вы все увидите его, очень скоро! — ответил с усмешкой О'Брайн. Стоящие у стойки тоже улыбнулись. — Я думаю, что вам придется видеть его даже больше, чем это было бы для вас желательно... Вероятно, многим вид его покажется даже неприятен — он покосился в сторону Чарли и подмигнул стоящим у стойки.

Пит повернулся к О'Брайну и сказал со злобным видом:

— Полагаю, что не мы одни увидим его здесь, если возникнут затруднения. Не думаю, чтобы нашлось тут много людей, которые пожелали бы видеть зимой у своего очага полицейского инспектора.

— Не пожелали бы видеть его и летом! До зимы еще далеко, — заметил, смеясь, Святоша Дик.

— Кому нужны здесь красные полицейские мундиры? — сердито возразил третий игрок, Сторми Лонгтон, перемешивая карты. — Если Файльс со своими полицейскими солдатами начнет вмешиваться, то вокруг Скалистых Ручьев начнут летать свинцовые пули. Полагаю, такой свинцовый дождь свалится сюда не с неба. Тут есть безумцы, которые думают, что когда дело дойдет до стрельбы, то лучше всего играть честно. Я с этим не согласен, и когда сталкиваюсь с полицейскими или подобной сволочью, то честность прячу в карман.

О'Брайн беззвучно засмеялся.

— Файльс и его свора зададут хорошую трепку здешним молодцам, — сказал он со свойственной ему резкостью, — говорю вам это прямо. Файльс задался целью изловить всех мошенников, укрывающихся здесь. Ведь только потому, что эта область очень обширна, они и могли до сих пор избегать тюрьмы. Разве вы слепы, что не видите, как складываются обстоятельства? Если бы я мог подавать советы, то посоветовал бы всем мошенникам, чтобы они удирали отсюда как можно скорее, если не хотят нарядиться в арестантский халат. Полицейские красные мундиры теперь просто только осматривают местность, и когда покончат с этим, то начнут очищать ее, подкопаются под крепкую скалу, какую представляют из себя здесь все нарушители закона. Во главе отряда стоит Файльс, а с ним шутки плохи. Те, которые укываются здесь, должны остерегаться... Но поставщики виски находятся в лучшем положении, — сказал он, немного погодя, бросив искоса взгляд в сторону Чарли, — хотя полиция разыскивает теперь только их. Но полиция не может арестовать их только по подозрению. Она должна изловить их на месте преступления с поличным. Она не сможет захватить контрабандиста через пять минут после того, как он успел спрятать свой товар в безопасное место, хотя бы и знала наверное, что он привез его. Если полиция найдет этот тайник, то единственное, что она может сделать, это вылить виски, а того, кто привез его, тронуть не смеет. Вот тут-то Файльс и потерпит фиаско! Во всяком случае, — прибавил он насмешливо усмехаясь, — я бы лично предпочел оказаться таким поставщи-

ком виски, нежели преступником, по следам которого ринулась полиция!

— Но теперь Файльс занят выслеживанием поставщиков виски, — заметил Святоша Дик, задумчиво поглядев на Чарли.

За карточным столом раздался смех.

— А ты доволен этим? — спросил чей-то грубый голос.

Святоша Дик со злостью сплюнул.

— Я был бы больше доволен, Пит Клэнси, если б мне удалось натравить Файльса на след кого-нибудь из этих поставщиков виски, — сказал он. — Может статья, после этого он оставил бы в покое Скалистые Ручьи.

— Немало занятых этим делом сыщется в нашем городке, — вмешался О'Брайн, — и я не думаю, чтобы тот, кто сделался бы доносчиком, не поплатился за это, а тем более, если б он донес на предводителя шайки. Вспомните задержание поезда в Белом Пункте. Было ли когда-нибудь более блестящее дельце? Говорю вам, тот, кто руководит этой шайкой, дьявольски умен. Он в десять раз хитрее Стэнли Файльса. Подумайте только: Файльс сидел в Эмберли и ждал этот груз, а вы теперь пьете здесь это виски, да и в городе пьют его. Да, предводитель шайки — просто молодчина!

— Ну, а я все-таки рад, что не принадлежу к этой шайке, — заметил Билли Унгвин, собираясь уходить. — Пойдем, Аллан, — обратился он к почтмейстеру. — Ведь уже далеко за полночь...

О'Брайн улыбнулся.

— Старуха ждет?

Билли добродушно кивнул, и они вышли, коротко попрощавшись с хозяином. Когда они ушли, то Святоша Дик подошел к стойке и, облокотившись на него, спросил конфиденциально хозяина:

— Как вы думаете, кто предводитель шайки?

О'Брайн покачал головой.

— Не знаю, — ответил он. — Мне известно только, что я могу получить то количество виски, которое мне необходимо. Когда деньги уплачены, то виски доставляется в указанное место. Предводитель шайки не общается ни с кем из покупателей. Он необыкновенно умный и хитрый парень. Он все время находится здесь, среди нас, но мы не знаем его.

— Никто никогда не видел его, кроме членов его шайки, — улыбаясь, прошептал Святоша Дик. — И я уверен, что никто из его парней не выдаст его.

— Мне кажется, я однажды встретил его, — проговорил О'Брайн. Он сказал это громко, и его пытливый взгляд снова скользнул по Чарли, который продолжал упорно молчать. В этот момент игра в карты прекратилась, и игроки в покер собрались возле стойки.

— Как же он выглядит? — спросил Ник Девере с усмешкой.

— Наверное, он жестокий малый, — заметил Пит Клэнси.

О'Брайн холодно поглядел на обоих. Он не любил метисов, они всегда возбуждали в нем худшие стороны его, в общем, далеко непокладистой натуры.

— Ну, я не уверен в этом, — сказал он хладнокровно. — Если это так, то скажу, что в его наружности нет ничего грубого. Он скорее похож на джентльмена, что, однако, не мешает ему быть очень искусным в своем деле. Шайка его состоит из негодяев самого низкого пошиба, с которыми я бы не согласился выпить из одного стакана. Этот стакан я предварительно хорошенько вымыл, вот так! — прибавил он, беря стакан, из которого пил Пит, и усердно споласкивая его.

Его манера и действия были явно оскорбительны, но ни Пит, ни Ник не решились одернуть его. Задеть О'Брайна не всякий осмеливался. Пит счел за лучшее не обращать внимания на его оскорбительные выходки. Зевнув равнодушно, он сказал, что ему и Нику завтра рано утром ехать косить, и поэтому им обоим следует отправиться домой, так как уже поздно. Следует хорошенько выспаться.

Когда дверь закрылась за ними и за Святошей Диком, который ушел последним, О'Брайн нагнулся через прилавок и обратился к Чарли, продолжавшему сидеть сгорбившись.

— Я собираюсь закрывать, Чарли, — сказал он.

Чарли оглянулся кругом и заметив, что уже никого не осталось в комнате, быстро вскочил. Вид у него был растерянный, но скоро его замешательство прошло, и он взглянул в глаза О'Брайна, вероятно, самого умного и хитрого человека в Скалистых Ручьях.

— Вы чувствуете себя лучше? — спросил О'Брайн. — Выпьете еще последний стаканчик?

— О, да! — воскликнул Чарли с какой-то идиотской улыбкой.

О'Брайн налил стаканчик себе и ему и наблюдал, с какой жадностью Чарли проглотил напиток. О'Брайн пил медленно. Это был лишь второй стакан, который он выпил за весь вечер.

— Знаете ли, ром и виски у меня на исходе, — сказал он, беря пустой стакан Чарли. — Мне нужно и то и другое поскорее.

Он стал преднамеренно долго вытирать стаканы, словно ожидая, что скажет Чарли, но тот молчал, только в его глазах мелькнуло что-то вроде смешинки, значение которой трудно было понять.

— Я положил ордер и доллары на прежнем месте. На старом месте! — подчеркнул он улыбаясь.

— Да... на том же старом месте, — повторил Чарли с полупьяной улыбкой.

— Мне необходимо получить спиртное. Я бы предпочитал положить все в своем амбаре, а не в обычном условленном месте. Я написал это в сопроводительном ордере. Так сподручнее, принимая во внимание Файльса.

Чарли кивнул.

— Ну, конечно, — коротко согласился он.

О'Брайн улыбнулся очень любезно. Для него поставщики спирта имели громадное значение, и поэтому он старался всячески расположить к себе Чарли и ублажал его.

— Да, — хихикнул он, — в трещинах коры старого дерева бывало спрятано немало моих долларов за это время. Хорошо, что с деревом связана легенда. Если б не это, то его, наверное, срубили бы для постройки новой церкви. Это было бы неприятно. Нам пришлось бы искать другой почтовый ящик для наших ордеров и долларов.

Чарли покачал головой.

— Я не думаю, чтобы они решились срубить легендарное дерево, — сказал он. — Народ тут очень суеверный.

О'Брайн перестал улыбаться и конфиденциально проговорил:

— Вас не беспокоит нисколько, что Файльс тут бродит кругом?

Чарли с минуту не отвечал ничего. О'Брайн заметил, что выражение его лица сразу изменилось и кулаки сжались. Он понял, что одного упоминания имени Файльса было достаточно, чтобы вызвать у Чарли приступ сильнейшего раздражения. Но Чарли совладал со своими чувствами и ответил коротко и холодно:

— Имейте в виду, что я сумею постоять за себя...

Не прибавив больше ни слова, он вышел из кабачка.

Глава XV

ПРОМАХИ БИЛЛА

Билл Брайант переменял намерение и не пошел в кабачок О'Брайна, как хотел сначала. Надо сказать, что его неожиданный визит к сестрам Сетон внушил ему отвращение к исследованию нечистых закоулков этой прекрасной долины. Поэтому он пошел по дороге к ранчо брата, надеясь застать его уже дома. Он шел и думал об обеих девушках, с которыми только что познакомился. Старшая, несмотря на свою красоту и большие черные смелые глаза, не принадлежала к тому типу женщин, который привлекал его. Она обладала слишком самостоятельным, решительным и независимым характером. Ее сестра Элен, наоборот, показалась ему необыкновенно очаровательной. Его пленила ее живость, веселость и непоследовательность. Он говорил себе, что жизнь и без того слишком серьезна и незачем еще увеличивать эту серьезность своим отношением к ней.

Размышляя дальше на эту тему, он решил, что Элен стала бы прекрасной женой для такого человека, как он, в особенности теперь, после того как она уже привыкла к жизни в этой долине. Она стала бы идеальной хозяйкой ранчо. Он представлял ее себе верхом на резвом мустанге, едущей рядом с ним по прерии или вокруг изгородей. Ему казалось даже, что он слышит ее веселую болтовню, когда осматривает работы на ранчо, которые споро подвигаются вперед. Жизнь ее бьет ключом, и она сможет со свойственным ей

юмором взглянуть на такие вещи, к которым ее сестра, обладающая более трезвым умом, отнесется чересчур серьезно.

Погруженный в свои мечты, Билл и не заметил, как подошел к дому. Нигде не было видно огня, и он напрасно искал брата. Его, очевидно, не было дома. Но Билл не ограничился только поисками Чарли в доме, он стал его искать везде, в самых неподходящих закоулках, заглянул в кораль, в сарай, хлев и даже в птичник. Наконец, он вернулся на веранду и задумался о том, где еще искать ему брата. Пожалуй, было бы благоразумнее лечь в постель и подождать до утра. Ведь Чарли прожил уже пять лет в долине! Однако Билл не мог успокоиться и, в конце концов, решил сходить к О'Брайну, как намеревался сделать раньше.

Билл не знал дороги и поэтому блуждал довольно долго, пока, наконец, не пришел туда, куда хотел. В кабачке уже никого не было; О'Брайн потушил одну лампу и собирался потушить другую, когда дверь распахнулась и вошел Билл. На мгновение О'Брайн окинул своим пронизательным взором посетителя, и его тонкие губы искривились насмешливой улыбкой.

— Что вам нужно здесь? — резко спросил он.

Билл засмеялся.

— Я, кажется, пришел не вовремя, — сказал он. — Очень жалею, что побеспокоил вас. Я думал, может быть, мой брат здесь? Я Билл Брайант и разыскиваю Чарли.

Большие голубые глаза Билла с любопытством блуждали по комнате; он в первый раз оказался в таком трактире на западе и потому осматривался с явным интересом.

Между тем О'Брайн оглядел его с головы до ног и, улыбаясь, сказал:

— Вы брат Чарли, а? Я уже слышал, что вы должны были приехать. Ну вот, если вы ищете Чарли, то вам надо искать его где-либо подальше. Он ушел отсюда полчаса назад. Но если вы не обладаете кошачьим зрением и не представляете из себя ходячей подзорной трубы, то вам лучше подождать до рассвета, чтобы найти его. Тут немало других людей, которые хотели бы отыскать его ночью, но они не обладают даром ясновидения. Впрочем, так как вы его брат и не принадлежите к тем другим

людям, то я скажу вам, что скорее всего вы сможете найти его около старой сосны. И точно так же, принимая во внимание, что вы его брат, я посоветовал бы вам держать язык за зубами, пока вы не отыщете его.

Обращение О'Брайна, однако, понравилось просто-душному жителю востока. Билл улыбнулся ему и рассыпался в благодарностях.

— Я поищу его там! — воскликнул он. — Скажите, это та самая сосна, которая стоит на откосе? Я видел ее, когда ехал сюда.

— Да, здесь есть только одна большая сосна.

— Ну, хорошо, — кивнул Билл. — Однако, что же он там может делать?

— Может делать? — повторил О'Брайн, улыбаясь. — Я не думаю, что он там имеет свидание с какой-нибудь дамой или беседует с Файльсом и его командой. Чарли Брайант — владелец ранчо и, может быть, он разыскивает отбившихся бычков с зелеными спинами¹.

— Как это с «зелеными спинами»? Какие же это животные? — воскликнул с удивлением Билл.

О'Брайн расхохотался, и Билл уже не сомневался в том, что он не совсем нормальный человек.

— Это совсем особенный скот, специально выведенный и здесь довольно редкий. Он доставляется из Оттавы, а выводят его в Штатах... Ну, а теперь прощайте.

Биллу ничего больше не оставалось, как уйти, поскольку О'Брайн собрался без церемоний потушить последнюю лампу. Однако, перейдя к дверям, он вдруг догадался, что О'Брайн насмехается над ним, над его неопытностью. О, это наверное! В первый момент Билл хотел рассердиться, но потом его природное добродушие взяло верх, и он, уже на пороге, крикнул О'Брайну, смеясь:

— Понимаю! Вы говорите о долларах, не так ли? Они ведь имеют зеленый цвет. Чарли пошел собирать их... у своих должников. А я решил в первую минуту, что вы и в самом деле говорите о скоте. Наверное, вы шутили надо мной, а?

О'Брайн утвердительно кивнул:

— Это правда, молодой человек.

Билл закрыл дверь, и О'Брайн потушил лампу.

¹ Намек на зеленый цвет долларов.

Очутившись в темноте, Билл быстрыми шагами пошел по дороге. Вспоминая, что говорил ему владелец трактира, Биллу становилось все более и более ясно, что О'Брайн попросту насмеялся над ним. Эта мысль так рассердила его, что ему даже захотелось вернуться назад, чтобы проучить нахала. Но благоразумие взяло верх и он решил, что не стоит обращать внимание на пустяки. Без сомнения, он сам виноват, что О'Брайн так обошелся с ним. Как это ни странно, но обыкновенно он ухитрялся внушать людям убеждение, что он простофиля. Но он не дурак, о, ни в каком отношении! И вот он сумеет доказать это в Скалистых Ручьях, докажет и мистеру О'Брайну. Зеленые бычки? Скажите пожалуйста! Воспоминание об этом было ему особенно неприятно.

Но пока он взбирался на холм к старой сосне, его пыл поостыл, и мысли снова вернулись к брату. Он вспомнил, что Чарли пошел собирать деньги, и вдруг у него словно открылись глаза. Ему показалось чрезвычайно странным, что Чарли вздумал заняться этим ночью и в окрестностях большой сосны. Все это казалось слишком нелепым. Но, может быть, там, по соседству с деревом кто-нибудь живет? Он не мог припомнить, чтобы видел там, по соседству, дом. А впрочем... Там есть маленькая бревенчатая постройка, недалеко от новой церкви. Да, он видел ее... Пожалуй, О'Брайн говорил ему правду. Зачем только он не сказал ему прямо, а заставлял догадываться?.. Конечно, он пойдет к этому дому...

Вдруг он увидел сквозь листву желтый золотистый свет впереди и весело рассмеялся. Ведь это была полная луна, появившаяся на горизонте. В первую минуту он не понял этого. Но до чего была красива теперь долина, освещенная колдовским лунным светом...

Внезапно Билл остановился как вкопанный. Он видел огромную сосну, освещенную луной, и фигуру какого-то человека, стоящего возле нее. Неужели это Чарли? Да, явно он. Тут не было никакого сомнения. Его тонкая фигура была ясно видна, и он даже мог различить его черные волосы на таком расстоянии.

— Чарли! — крикнул Билл.

И вдруг фигура исчезла, точно по волшебству. Билл остолбенел от изумления. Что это было?.. Затем он услышал шорох в кустах, треск ломающихся ветвей совсем

поблизости и стук тяжелых копыт. В следующую минуту из чащи кустарника словно вынырнули два всадника и соскочили с лошадей.

— Черт возьми! Чего это вы кричите в такой час ночи?

Билл с удивлением увидел перед собой инспектора Файльса и рядом с ним другого человека в форме, с тремя золотыми нашивками на рукаве — сержанта Мак Бэна.

Билл тотчас же узнал Файльса, но все-таки рассердился и резко ответил:

— Полагаю, что это свободная страна, а? Если я решил окликнуть кого-нибудь, то это не касается вас, черт побери! Что вам за дело до этого? Я видел своего брата и позвал его, вот и все.

Глаза Билла сверкали гневом, но Файльс тотчас же заговорил примирительным тоном:

— Мне очень жаль, мистер Брайант. Я не узнал вас в темноте. Думал, что вы сидите в трактире. А тут, значит, находится ваш брат?

Гнев Билла тотчас же угас под влиянием извинительного тона полицейского офицера.

— Ну да, конечно, это был мой брат, — сказал Билл. — Я искал его несколько часов. Видите ли, О'Брайн говорил мне, что он пошел в эту сторону, и когда я увидел его у сосны, то...

Он вдруг вспомнил предостережение О'Брайна и внезапно умолк. У него было неловкое чувство, что он, пожалуй, сказал слишком много, гораздо больше, чем следовало. Но Файльс продолжал расспрашивать, и этим насторожил Билла.

— А вы-то что здесь делаете? — обратился к нему Билл, поняв, что он сделал какой-то промах и не желая повторять его. — Ищите здесь заблудших, отбившихся от стада?

— Я всегда их разыскиваю, — отвечал Файльс и громко засмеялся. — И вот что забавно. Я тут следил за одним молодцом и вдруг это оказывается ваш брат! Вы уверены в этом?

Билл кивнул головой, продолжая чувствовать себя очень неловко.

— Я рад, что вы его видели здесь, — продолжал Файльс. — Нам, следовательно, нечего дальше терять

время. Едем назад, Мак Бэн. Надвигается гроза. Надо торопиться, — прибавил он, обращаясь к Биллу и указывая на темную тучу, закрывшую луну.

— Вы едете домой? — спросил Билл, когда Файльс ссадился на лошадь.

— Конечно.

— Я тоже, — сказал Билл.

— Советую вам поторопиться. Здесь у нас бывают очень сильные грозы, — прибавил Файльс.

— Мне отсюда недалеко, но если, как вы говорите, гроза близко, то я пойду кратчайшей дорогой, через кусты. Это будет скорее, — ответил Билл.

Пробираясь в кустах, он оглянулся и увидел, что оба полицейских и не думали двигаться с места, а продолжали стоять и наблюдать за ним. Очевидно, они вовсе не находили нужным торопиться.

Однако Билл чувствовал некоторое беспокойство. Какая-то тайна окружала его. Но он не любил никаких тайн, ничего скрытого, и это смущало его. Ему самому нечего было скрывать, все его поступки были на виду и не боялись света.

Но он не покончил еще с промахами в этот вечер и сделал новую ошибку, покинув дорожку и углубившись в кусты. Спустя пять минут после того, как он расстался с полицейскими, он уже пробирался в полной темноте, сквозь густую чащу. Луна давно закрылась тучами, и небо почернело. Не было видно ни одной звездочки, и скоро полил теплый летний дождь.

Глава XVI

НОЧНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Через полчаса Билл уже вымок до костей, так как дождь лил потоками, и он потерял ориентировку, совершенно не зная, в какую сторону идти. Гроза разразилась не на шутку, гром гремел почти не переставая и оглушал его, а после ослепительных вспышек молнии темнота как будто становилась еще непроницаемее. Он шел наугад, продираясь сквозь кусты, и только недюжинная физическая выносливость поддерживала его. Но он совсем не представлял, куда идет. И вдруг, когда особенно яркая

молния осветила всю долину от края до края, ему показалось, что он увидел дорожку как раз посередине чащи, где он стоял. Он бросился в ту сторону, продираясь сквозь кусты, ломая ветви, попадающиеся ему на дороге, и напрягая всю свою огромную физическую силу, чтобы пробиться вперед. И внезапно ему показалось, что почва ускользает из-под его ног и перед ним открывается бездна. Он схватился за листву, чтобы удержаться, но тяжесть его грузного тела оказалась слишком велика, листья выскользнули из его рук, и он упал с громким всплеском в речку. Оказалось, что он старался проложить путь сквозь листву, нависшую над рекой и неожиданно погрузился в нее. Однако он не растерялся ни на миг, выбрался из густой растительности, нависшей над рекой, и, как хороший пловец, выплыл на середину реки. Он утешал себя мыслью, что, по крайней мере, теперь он знает, где он находится.

Через пять минут Билл уже вылез из воды на противоположный берег. Прежде всего ему надо было определить, где он находится. Решив, что он выбрался не на ту сторону реки, которая была нужна ему, он вспомнил о пешеходном мостике против дома Сетонов. Следовательно, его дальнейшей задачей было отыскать этот мостик.

К счастью для него, гроза прекратилась, тучи быстро исчезали, и Билл решил, что лучше подождать, пока совсем прояснится и покажется луна, чем снова брести наугад в темноте. А покамест он занялся тем, что стал выжимать воду из своей одежды.

Через десять минут его терпение было вознаграждено: луна осветила реку и приблизительно в ста ярдах от себя он разглядел призрачные очертания пешеходного мостика. Не теряя времени, он пошел в ту сторону так скоро, как только позволяла ему его вымокшая насквозь одежда. Но он был так рад, что наконец выбрался на дорогу, что даже начал насвистывать какую-то веселую песенку под аккомпанемент чмокающего звука его сапог, наполненных водой.

Подойдя к мостику, он остановился. Дом Сетонов ярко освещался луной, так что можно было разглядеть все подробности. Билл был поражен. Он увидел открытое окно, и на окне сидела какая-то женщина.

Кто это была, Кэт или Элен? Билл решил удостовериться и с сильно бьющимся сердцем немедленно напра-

вился к дому. Он всегда повиновался первому побуждению и лишь изредка обдумывал свои поступки, когда дело касалось его склонностей. Когда он подошел близко к дому, то услышал низкий бархатный голос Кэт, назвавший его по имени.

— Это вы, мистер Брайант? — спросила она с удивлением.

Билл быстро приблизился.

— Полагаю, что это я, вернее то, что осталось от меня, не унесенное рекой, — отвечал он со смехом. — Судьба играет со мной удивительные шутки, доставляя мне столько приятных минут и в то же время награждая меня столькими неприятностями. Это большое счастье, что я увидел вас, освещенную лунным светом в эту ночь. А между тем только что судьба сыграла со мной коварную штуку, сбросив меня в поток и заставив вплавь выбраться на этот берег, когда есть мост, по которому я мог бы пройти. Теперь я только испорчу ту чудную картину ночи, которой вы только что любовались. Вид мой после невольного купанья далеко не блестящий.

Кэт искренне расхохоталась, оглядывая его. Действительно, вид у него был довольно комичный, и вода струйками стекала с него.

— Надо иметь мужество, чтобы так весело относиться к подобным злоключениям, — сказала она. — Ну, а я люблю мужество во всем. Гроза заставила меня встать с постели, одеться и выйти. Я никогда не могла противостоять желанию любоваться грозой. Но почему вы очутились здесь? Расскажите мне о том, как вы попали в реку.

Билл опять весело рассмеялся при одном воспоминании о своем приключении.

— Я возвращался домой и по дороге встретил полисмена Файльса. Он меня предостерег, что надвигается гроза, и это было очень мило с его стороны, потому что я-то не заметил ее приближения. Я хотел поскорее добраться к дому Чарли и потому пошел кратчайшей дорогой. Но никогда не ищите ее второпях, как я это сделал. Я заблудился во время грозы, а судьба вообще бывает коварной, и тут она, конечно же, сыграла со мной коварную штуку. Я думал, что пробираюсь сквозь чащу, а между тем это оказались просто густые ветви, нависшие

над рекой, и я, совершенно неожиданно для себя, очутился в воде. Но до некоторой степени я должен быть благодарен судьбе за то, что попал в реку. Я знал, где она находится, и, следовательно, мог выбраться на дорогу, хотя, как видите, в плачевном виде. Во всяком случае судьба вдоволь посмеялась надо мной.

— Может быть, это случилось потому, что вам как чужестранцу не следовало бродить ночью в незнакомых местах, — заметила Кэт, улыбаясь.

Это замечание, однако, произвело на Билла совсем не то впечатление, на которое она рассчитывала. Веселость его вдруг угасла, и он снова ощутил сгущающуюся вокруг себя атмосферу гнетущей его тайны.

— Я... я искал Чарли, — сказал он, запинаясь. — Я искал его с той минуты, как не застал на ранчо...

Кэт также перестала улыбаться, и лицо ее выразило беспокойство.

— Чарли нет дома? — резко спросила она. — А Файльс... где же вы встретили инспектора Файльса?

Темные глаза Кэт наполнила тревога, и ее голос вмиг утратил мягкость. И Билл чувствовал, что эта девушка обладает твердым характером.

— Я... я не знаю, где находится Чарли теперь, — несколько беспомощно ответил Билл. — А Файльса я встретил у Большой Сосны.

— У Большой Сосны? — повторила Кэт, и повторение этих слов приобрело для Билла какое-то зловещее значение.

— Слушайте, мисс Сетон, — проговорил он вдруг с каким-то отчаянием. — Я смущен... смущен до смерти! Я совершенно растерялся, ничего не понимаю. Я чувствую какую-то тайну. Может быть, вы в состоянии помочь мне. Я думаю, что могу говорить с вами откровенно, несмотря на предостережения...

— Кто же предостерегал вас? — спросила Кэт.

— Кто?.. О'Брайн! Видите ли, я зашел в кабачок, когда не нашел Чарли на ранчо, и спросил хозяина, был ли у него Чарли? О'Брайн собирался уже запирать, когда я пришел. Он сказал мне, что Чарли был, но уже ушел. Затем он сказал мне, что я, вероятно, найду его где-нибудь неподалеку от Большой Сосны и еще сказал, что он, должно быть, собирает там деньги... Ну вот я и пошел туда. Сначала мне это не показалось странным.

Только когда я подошел ближе и взошла луна, я увидел издали Чарли около Большой Сосны. Тут я и почувал какую-то тайну. Это чувство всецело овладело мной, когда я крикнул ему, и он тотчас же исчез, как призрак. Но...

— Вы позвали его? — резко спросила Кэт.

— Да. Но я даже не имел времени подумать об этом, потому что сейчас же какие-то два всадника неожиданно вынырнули из-за кустов возле меня. Один из них оказался Файльсом, другого я не знаю. На рукаве у него были галуны.

— Сержант Мак Бэн, — спокойно заметила Кэт.

— Вы знаете его?

Она пожала плечами.

— Мы все здесь знаем его, — ответила она.

— Файльс выругал меня за то, что я окликнул брата. Сказал, что он выслеживал тут одного молодца и не хотел потерять его из вида. Я рассердился и заявил ему, что считаю себя вправе звать моего брата во всякое время. Тогда он вдруг изменил свое обращение, извинился передо мной и спросил меня, уверен ли я, что это был мой брат? Когда я ответил утвердительно, то он поблагодарил меня, сказав, что я избавляю его от лишнего беспокойства и ему не зачем больше разыскивать этого человека, раз это мой брат. Затем он сказал мне, чтобы я поторопился домой, так как надвигается гроза. Тогда я отправился напрямик и в конце концов угодил в реку. Ну вот, кого же он подстерегал и за кого принял Чарли? Вообще, что все это значит? Зачем О'Брайн советовал мне быть осторожным? Тут есть что-то загадочное. Может быть, вы сумеете все объяснить мне и поможете разрешить эту загадку.

Билл ждал, уверенный, что получит разъяснения, но Кэт молчала. Когда она, наконец, заговорила, то в ее тоне слышался упрек.

— Я жалею, что вы не послушались предостережения О'Брайна. Может быть, вы причинили непоправимую беду сегодня ночью. Я еще не могу сказать в какой степени, — сказала Кэт.

— Беду? — спросил изумленный Билл.

— Да... беду, большую беду! — повторила она. — Разве вы не догадываетесь, за кем гоняется Файльс? Он

ищет здесь контрабандистов спиртного. Разве вы не знаете, почему О'Брайн предостерегал вас? Да потому, что он уверен, как и почти все здесь, — в том числе и Файльс, — что ваш брат Чарли стоит во главе их. Вы твердите: тайна! Тут совсем нет никакой тайны, а есть только опасность, опасность для вашего брата, поскольку Файльс следует за ним по пятам. Вы не знаете Файльса. Но мы, в долине, знаем его. Вся его карьера зависит от того, сможет ли он наложить руку на контрабандистов. И если он в состоянии будет обвинить в контрабанде Чарли, то, конечно, сделает это.

Не на шутку взволнованная девушка спрыгнула с подоконника и стала ходить по мокрой земле.

— Чарли! Хотя он ваш брат, но я скажу вам, что он самый невозможный человек на свете, — снова заговорила она. — Все его поступки, его поведение только укрепляет уверенность, что он нарушитель закона. Бог мой, как он пьет! Он всегда шатается по ночам, а товарищи его известны как контрабандисты. Люди, относительно которых полиция и все знают, что у них не хватит ума придумать и привести в исполнение такие смелые планы под самым носом властей. Каков же результат всего этого? Полиция ищет вдохновителя. А Чарли умен, необыкновенно умен! Все его действия подозрительны. Он точно ищет на свою голову неприятностей, и он получит их!

Нешуточный страх овладел Биллом. За себя он никогда не боялся, но тут дело касалось его брата. Он запустил пальцы в свои мокрые белокурые волосы, что всегда было у него признаком полной растерянности.

— Слушайте, — вскричал он голосом, полным отчаяния. — Чарли не может быть контрабандистом, клянусь вам! Он просто слабый, беспомощный ребенок с сердцем таким большим, как дом. Чарли — мошенник? Скажите, мисс Сетон, вы-то не верите этому?

— Да, я знаю, что вы правы, — тихо проговорила Кэт. — Но какая в том польза? Скажите это людям, там, в долине, и они рассмеются вам в лицо. Скажите это Файльсу... — она горько засмеялась. — Друг мой, — продолжала она с волнением, — только одно может спасти Чарли от подозрений и от Файльса — немедленный отъезд из долины! Другого пути нет. А между тем ника-

кая сила не заставит его сделать это, разве только полицейский отряд увезет его отсюда... в тюрьму!

Она вернулась на подоконник и, совладав со своим волнением, заговорила с какой-то особенной, чисто материнской нежностью.

— Я люблю Чарли больше, чем какое бы то ни было другое существо на свете, за исключением Элен. Но не заблуждайтесь. Я нисколько не влюблена в него. Для меня он дорогой, очень дорогой, заблуждающийся и больной брат. Он не может или не хочет сам помочь себе. Что же можем сделать мы, чтобы спасти его? Ах, я так рада, что вы приехали сюда! Это сняло тяжкий груз с моей души. Но кто... что мы можем сделать?

— Да, я хотел бы знать, что мы можем сделать? — проговорил Билл, снова запустив пальцы в свою шевелюру. Потом вдруг он словно встрепенулся и воскликнул: — Мы сами попытаемся выследить эту шайку, чтобы изловить ее.

Кэт в это время пристально вглядывалась в ту сторону долины, где находилось ранчо Брайантов, однако неожиданное предложение Билла заставило ее обратиться к собеседнику.

— Я не думала об этом, — сказала она.

— Ну, конечно. Вам это и не могло придти в голову! — вскричал он с величайшим энтузиазмом. — Вы ведь не занимались выслеживанием. Это будет мое дело. Вы же будете только мыслить за меня, работать головой. Мы разделим труд. Это будет очень легко. Вот увидите!

— Согласна, это будет легко, — заметила Кэт.

— О, вы не знаете! Я ведь очень упорен и вынослив! Я — охотник, выслеживающий дичь. А ведь число поставщиков виски не может быть слишком велико, — прибавил он конфиденциально.

Кэт внезапно встала и, подойдя к нему, ласково положила свою загорелую руку на его плечо.

— Вы славный, честный человек с прекрасной душой, — произнесла она ласково, — и как большинство таких людей, во всякое время готовы действовать... действовать в первую очередь, а потом уже размышлять над своими действиями. Вы сказали, что я должна думать за вас. Ну так вот, я буду думать теперь. Я ведь знаю

местные условия, знаю здешних людей. Задача полиции найти контрабандистов, контрабандисты же ничего не могут предпринять против полиции. А мы, что же мы можем сделать, вы, со своей честностью и неопытностью, и я, со своей женской беспомощностью. Поверьте мне, что люди, занимающиеся этим делом, — отчаянные ребята и скорее готовы отдать свою жизнь, чем идти в тюрьму. Жизнь их противников, как и их собственная, не имеет никакой цены в их глазах. Они не придают ей значения. Торговля спиртным выгодна, хотя и противозаконна, — прибавила она со вздохом. — Жизнь тех, кто занимается этим, полна сильных ощущений, как всякая борьба против закона. Это одна из причин, почему Чарли не мог бы вести такую жизнь. Нет, мистер Брайант, мы с вами не сможем делать то, что вы предлагаете. Мы должны думать о Чарли, и только когда наступит время, начнем действовать. Файльс ведь честный исполнитель долга и необыкновенно способный человек, но, к сожалению, он — полицейский офицер. Спасая Чарли от него, мы окажем ему хорошую услугу, потому что помешаем ему — в сущности, славному человеку — поступить дурно и несправедливо с другим хорошим человеком. Удовольствуемся этим. Хотите ли вы помогать мне?

— Конечно! — вскричал Билл, протягивая ей свою большую руку. — Я буду служить вам. Силы у меня достаточно, и я не боюсь борьбы. Мое слабое место — это моя голова. Но с вами мы сделаем все как нужно и выручим Чарли. Да, умная женщина — это самое грандиозное, что существует на свете!..

Кэт вздрогнула от силы его пожатия, сдавившего ее ладошку, и, улыбаясь, взглянула на него, желая ему спокойной ночи.

Глава XVII

БИЛЛ ЗАГЛЯДЫВАЕТ В ГЛУБИНУ

Но сюрпризы этой ночи еще не кончились для Билла. Он, хотя и совершенно вымокший, все-таки добрался в конце концов до своего дома и нашел там ожидавшего его Чарли.

Чарли все еще находился под влиянием опьянения, но было ясно, что к этому присоединилось еще и какое-то сильное волнение. Даже от внимания Билла не ускользнула перемена в нем, хотя он и не понимал ее значения, но почему-то она заставила его подумать о своих промахах и горько пожалеть о них.

— Чарли, дружище, — вскричал он, входя в маленькую комнату. — Ведь я тебя искал по всей долине, затем я увидел тебя около Старой Сосны, крикнул тебе, но ты исчез, как призрак. Потом я упал в реку, и со мной были еще другие приключения, и вообще... эта долина просто убивает меня!

Простодушие огромного Билла было так велико, что он не замечал сердитого выражения лица Чарли, его сдвинутых бровей и мрачного огня в глазах. Гнев все более разгорался в душе Чарли под влиянием рассказа брата о своих ночных приключениях.

— Ты всегда был дураком! — крикнул Чарли, нагнувшись вперед в кресле, в котором он сидел. — Я же сказал тебе, что мне надо выйти, и если б у тебя было хоть немного здравого смысла, то ты бы понял, что я вовсе не нуждаюсь в такой мокрой няньке, как ты. Зачем понадобилось тебе, черт возьми, выслеживать меня, точно ты полицейский? Впрочем, — прибавил он со злобным смехом, — ты ведь явился в компании Файльса. Быть может, ты от него получил полицейскую заразу...

Билл смотрел на него широко раскрытыми от удивления глазами, но несправедливые упреки Чарли задели его, и он готов был уже с негодованием ответить ему. Однако привязанность к брату одержала верх:

— Успокойся, Чарли, — сказал он, садясь на край стола возле него. Я не могу быть «мокрой» нянькой ни для кого и, разумеется, не имел ни малейшего желания вмешиваться в твои дела. Я чертовски огорчен, что рассердил тебя. Мне просто хотелось только рассказать тебе о моих приключениях. Но я не шпион.

Чарли встал с кресла, слегка пошатываясь. Эти явные признаки опьянения глубоко огорчили добряка Билла. Впрочем, тут не было для него ничего нового. Он все это видел много-много раз в прежнее время, когда его брат напивался. Но в последние годы он надеялся на то, что Чарли исправился под влиянием новых условий жизни.

Теперь же все его надежды померкли. Кэт Сетон предупредила его, но ее предупреждение не произвело на него такого впечатления, как то, что он увидел теперь. Зачем, зачем сделал это Чарли именно сегодня, в первый же вечер, который они проводили вместе в этом новом мире? Билл просто готов был заплакать от огорчения и разочарования. Когда он смотрел на его нетвердую походку, то ему вдруг захотелось схватить его за плечи своими сильными руками и крепко встряхнуть, чтобы напрочь вытрясти из него хмель. Но он не успел привести в исполнение свое намерение, потому что Чарли как будто несколько протрезвился и сказал хриплым голосом:

— Мне не надо твоих оправданий, Билл. Я не стою их. Ты не можешь шпионить за моей душой... И не в том дело...

Он остановился, и заметно было, что он делает усилие, чтобы собрать свои мысли и говорить последовательно. Потом вдруг спросил: — Ты видел меня у Сосны?..

Билл кивнул. Ему больше не хотелось ничего говорить. Ему вдруг все опротивело, и он даже пожалел, что приехал сюда. На мгновение его оптимизм совершенно испарился. То, что говорила ему Кэт, и то, что он сам увидел, омрачило радость свидания с братом. Слова «нарушитель закона», «пьяница» вертелись в его мозгу и заслоняли все остальное.

Чарли снова уселся на прежнее место. Все его движения казались какими-то механическими, неестественными...

— Да, я был там, — проговорил он немного погодя. Он провел рукой по лбу, как бы желая смахнуть паутину, окутавшую его мысли. — Отчего же... отчего ты не пришел и не заговорил со мной? Я ходил... кругом.

Билл опять раскрыл глаза от удивления.

— Я звал тебя, — отвечал он. — Когда ты услышал мой зов, то... исчез.

Чарли снова провел рукой по лбу.

— Я... я не помню. Это ты звал, а? Видишь ли, я не знал, что это ты, — сказал он.

Билл был в полном недоумении. Что все это означало?

— Ты не узнал мой голос? — спросил он. — Впрочем, там были Файльс и другой полисмен.

Чарли вдруг выпрямился и крепко сжал ручки кресла.

— Полиция была там? — спросил он дрожащим голосом. — Что же они делали там... с тобой вместе?

Туман, обволакивавший мысли Чарли, как будто окончательно рассеялся, и вопросы были заданы им резким трезвым голосом. Билл был ошеломлен. Не смотря на все сказанное Кэт, на ее уверения, что Файльс и вся долина считают Чарли главой шайки, тайно ввозящей спирт, Билл все же не понимал до этой минуты, какое значение имело присутствие Файльса возле Большой Сосны. Только теперь ему вдруг стало ясно, что Файльс вовсе не подстерегал какого-то случайного мошенника, а подстерегал именно Чарли, и то, что Билл подтвердил ему, что он видел брата, действительно, явилось огромной ошибкой. Как он был глуп, что не понял этого! Кэт была права. Он нанес непоправимый вред брату.

Билл страшно взволновался и заговорил очень быстро, забывая положение брата, забывая все, кроме той опасности, которая угрожала теперь.

— Слушай, Чарли! — вскричал он. — Я расскажу тебе подробно, что случилось после того, как я ушел отсюда. Я думаю, что тебе следует все знать для собственной безопасности.

Чарли слушал его рассказ с закрытыми глазами. Когда Билл кончил, он открыл глаза и взглянул на него. Билл увидел, что глаза его уже не были мутными, как раньше, и, по-видимому, опьянение у него окончательно прошло.

— Спасибо, Билл, — сказал он. — Я рад, что ты все рассказал мне. А теперь я пойду спать. Бесполезно обсуждать все это, так как нельзя придти ни к какому решению. Но я хочу сказать еще кое-что, прежде чем мы расстанемся. Я рад, чрезвычайно рад, что ты приехал ко мне. Я готов без оговорок присоединиться ко всем твоим планам. Но в моей жизни есть такие вещи, которые я должен выполнить сам, и о них я не хочу говорить. Может быть, часто мои поступки будут казаться тебе очень странными. Но я хочу и буду поступать именно так. Это не относится к моему пьянству. Ты найдешь также, что я ночной бродяга. Но опять-таки мои ночные

странствования — только мое личное дело. Ты услышишь, что люди говорят про меня разные вещи. Ты увидишь, что Файльс развивает кипучую деятельность. Захочешь ли ты их слушать или нет — уж твое дело. Я же скажу тебе, что ты не должен сражаться вместо меня. Я сам это сделаю. Понимаешь? Ты можешь принимать участие в моей жизни насколько пожелаешь, но только не в этом; эту сторону я оставляю себе. Одно скажу теперь: Файльсу никогда не удастся засадить меня в тюрьму. Я обещаю тебе это, потому что знаю, что именно это беспокоит тебя больше всего, дружище. Ну, а теперь спокойной ночи.

Он вышел из комнаты так поспешно, что не дал Биллу сказать ни слова. Билл не успел даже пожелать ему спокойной ночи и остался один со своими мучительными мыслями, совершенно ошеломленный всем случившимся. Он забыл о своей мокрой одежде, забыл обо всем, кроме того, что терзало теперь его душу. Было мучительно сознавать, что Чарли не только пьяница, но и мошенник, стоящий во главе шайки, тайно ввозящей виски в запретную зону. Он был «нарушителем закона»! Его ждала тюрьма... То был закономерный конец его неудавшейся жизни, так много обещавшей вначале. Что случилось с добрым, великодушным Чарли, которым Билл всегда так восхищался в прежние дни и так горячо его любил? Он стал «нарушителем закона», и... двери тюрьмы уже раскрыты для него!

Глава XVIII

В ПОЛИЦЕЙСКОМ ЛАГЕРЕ

Утро выдалось чудесное. Пронизанная солнечными лучами долина будто купалась в золоте, сияла, искрилась и отливала всеми мыслимыми оттенками зелени, а Скачущий Ручей, как сверкающая серебряная дорога, извивался среди великолепия пышной растительности.

Файльс стоял в дверях бревенчатой хижины, где размещался временный участок полиции, в пяти милях от Скалистых Ручьев на западной окраине долины. «Настоящий рай», — думал Стенли, блуждая взором по живописной местности, расстилающейся перед ним. Но он не

мог отдаваться всей душой созерцанию красот природы. Его мысли постоянно возвращались к стоявшим перед ним проблемам. Он находился здесь, чтобы исправить свои прежние промахи или свои неудачи, и не мог возвращаться к своим начальникам, не достигнув цели. Он стал пленником своего обещания, своего слова. Он должен был победить или... погибнуть. Если он уедет из долины, не выполнив своего дела, то его карьера закончится плачевно...

Но была и другая причина, удерживающая его в долине. Его мысли постоянно занимала Кэт Сетон. Что бы он ни делал, посылал ли депеши своему начальству, отдавал ли приказания своим подчиненным, он неизменно думал о Кэт. Даже события прошлой ночи не могли отвлечь его мыслей от нее.

Файльс отошел от двери, когда пришел Мак Бэн, и, подойдя к столу, обмакнул перо в чернильницу, собираясь что-то писать. Файльс разжег трубочку и, выпуская клубы дыма, сказал:

— Знаете ли, сержант, меня занимают два факта, связанных с Большой Сосной. Мы с вами видели достаточно прошлой ночью. Несомненно, сосна играет не последнюю роль в деятельности контрабандистов. Но я все же не могу понять, в чем тут дело. Предположим, что это дерево каким-нибудь таинственным образом служит способом сообщения. Но зачем это нужно? Отчего, черт возьми, если всякому известно, кто предводитель шайки, они не сносятся с ним непосредственно?

Файльс смотрел на угрюмое лицо Мак Бэна и ждал, что он скажет. Он доверял его проницательности и уму, и ему интересно было узнать, какими фактами располагает сержант.

— Трижды за последние две недели я видел ту же самую фигуру в тени дерева поздно ночью, — сказал Мак Бэн. — Не требуется особенной догадливости, чтобы определить, кто бы это мог быть. Если мы будем исходить из того предположения, что народ в поселке прав и что Чарли Брайант тот человек, который нам нужен, то его поступки становятся чересчур подозрительными и в особенности его действия около дерева прошлой ночью, принимая во внимание, какой большой груз доставили сюда недавно. Но все-таки мне кажется, что с деревом связано нечто другое. Я выследил Чарли

по соседству со старым молитвенным домом и его путь оттуда к сосне. Я видел его три раза и, наверное, прошлой ночью снова увидел бы его, если бы его дьявольски нежный братец не помешал нам!

Файльс молча выслушал сержанта. Серьезность Мак Бэна имела в глазах Файльса существенное значение, но все же для такого человека, как Файльс, нужны были более весомые доказательства или неоспоримые факты. Откашлявшись, сержант продолжал:

— Перейдем теперь к другим выводам, сэр. Каждый мужчина и каждая женщина здесь считают, что Чарли Брайант руководит шайкой и даже могут назвать по имени тех, кто входит в его шайку. Вот список этих лиц: Пит Клэнси и Ник Девере, наемные работники у мисс Кэт. Затем идет Кид Блайн, работающий у самого Брайанта, и Сторми Лонгтон, игрок и убийца. Пятый участник — это Макаддо, останавливающий поезда, и шестой — какой-то субъект, которого называют Святоша Дик. Вот шайка с Брайантом во главе, но в нее могут входить еще и другие. Я узнал косвенным путем пока шесть имен от жителей поселка. Но ни одна душа не видела их за работой. Никто не видал, чтобы они покупали, или продавали, или переносили виски, кроме того количества, которое они покупают и выпивают в таверне. Эта шайка не совершила ни одного промаха, который мог бы выдать ее, и нет ни одного мужчины и ни одной женщины, которые решились бы выдать их. Они только болтают, когда напьются...

Мошенники здесь крепко спаяны друг с другом, вы это сами знаете. Они доверяют каждому, кто замешан в каком-нибудь преступлении, потому что все они замешаны, но не решатся довериться ни одному человеку, которому не угрожает тюрьма. Что же они делают? Чтобы отвести глаза полиции, они окружают себя таинственностью. В данном случае Большая Сосна находится в центре их тайны. Нам она может послужить путеводной нитью и дать возможность захватить их с поличным — с грузом спиртного. Вот что я знаю и в чем я уверен, сэр, а вы должны указать нам путь к достижению этого. Я следовал вашим указаниям и сделал все, что только может сделать человек. Я организовал надзор за всей долиной и одному из фермеров — за пределами долины. Мы уперлись в стенку и не сдви-

немся, пока они не доставят сюда новый груз. Судя по тому, как потребляется здесь виски, я полагаю, что это произойдет очень скоро. Может быть, у нас останется еще неделя для разработки детального плана. Я наблюдал за каждым членом этой шайки, и у меня отмечено тут все, что они делали с того времени, как мы упустили груз на железной дороге. Может быть, вы хотите прочесть мои заметки?

— Прекрасно, Мак Бэн, — сказал Файльс, беря от него тетрадь. — Я думаю, что нам повезет на этот раз, если мы своевременно узнаем, когда будет отправляться сюда груз. Надзиратель Язон связан со всеми местными полицейскими силами округа, и его тотчас же уведомят об этом. Когда мы получим известие, то остальное будет нетрудно сделать. В Скалистые Ручьи ведут только три дороги, и это небольшое местечко. У меня уже продуман план дальнейших действий сразу после получения известий, а пока мы должны постараться обнаружить их тайник. Узнав это, мы будем выжидать. Я прочту ваши заметки и пойду в поселок. Мне любопытно посмотреть, как работает мистер Брайант на своем ранчо.

Кэт отправилась на постройку новой церкви и с интересом наблюдала за производившейся работой.

— Отлично, — сказала она стоявшему около нее Билли Унгвину. — Я вижу, что Чарли сделал отличный проект и он хорошо выполняется нашими молодцами. Новая церковь будет настоящим произведением искусства, и здешний народ будет в праве гордиться им.

— О, да! — засмеялся Билли Унгвин. — Народ будет гордиться, будет кричать об этом везде. В трактире будут говорить об этом и хвастаться своей работой, а женщины будут восторгаться работой своих мужей и восхвалять их. Да, да. Они будут гордиться своей церковью, но не думаю, чтобы церковь могла гордиться ими. Не так ли, Аллан? — обратился он к своему соседу.

Но Аллан не выказал особенного интереса к его замечаниям.

— Думаю, что так, — ответил он равнодушно. — Но мне некогда было заниматься этими вопросами. Я слыш-

ком занят почтой. Одно только могу сказать, что эта церковь не архитектурное произведение. Может быть, это искусство, но не архитектура, о нет!

И он начал подробно и критически разбирать постройку церкви с точки зрения архитектуры и в особенности восстал против употребления на постройку красной сосны. Красный цвет слишком резок и побуждает к волнениям, говорил он, белый же цвет успокаивает души и направляет их к добру. Вот почему он рекомендовал бы употреблять для постройки клен.

— Но, конечно, — снисходительно заметил он, — церковь принесет уже ту пользу, что она заставит несколько больше сдерживаться наше население от нанесения кому-нибудь личного ущерба или вреда.

Билли Унгвин и Аллан Дэй вступили в горячий спор по поводу достоинств того или другого вида дерева.

— У нас нет сосен здесь, — говорил Дэй, — но целые леса кленовых деревьев.

— Как нет? — вскричал Билли Унгвин. — Разве у нас не растет здесь самая большая сосна в мире?

— Вы хотели бы срубить старое дерево? — спросила изумленная Кэт.

— В своем ли вы уме? — резко спросил Дэй. — Срубить старую сосну? Кто же решится на такое кощунство? У кого хватит храбрости?

— Нужна только хорошая пила, а не храбрость, — возразил Унгвин.

— Ого! А индейская легенда? Вы не найдете в деревне ни одного молодца, который решился бы коснуться этого дерева пилой. Вы говорите вздор.

— Вздор! — воскликнул Билли Унгвин, покраснев от гнева. — Хорошо же, я не пильщик, но говорю вам, если эта сосна понадобится для постройки, то я свалю ее, свалю, хотя бы мне угрожала смерть.

— Тогда вам недолго придется ее ждать! — многозначительно заметил Дэй.

Кэт не понравился такой оборот разговора, и она постаралась переменить его.

— Нет, нет! — воскликнула она с несколько вымученным смехом. — Хуже всего, когда вы, мужчины, начинаете спорить. Вы обыкновенно злобствуете при этом так же, как и женщины. Не все ли равно, искусство или архитектура? Мы все гордимся этой хорошенькой ма-

ленькой церковью. Этим все сказано... А теперь я должна уйти. У меня заседание комитета.

Она простилась с ними и, пробираясь по бревнам, перескакивала с балки на балку. Занятая сохранением равновесия, она не заметила Файльса, стоящего тут же и смотревшего на нее. Она так поразилась, когда неожиданно увидела его, что наверно свалилась бы между балками, если б ее не удержали две сильные руки.

— Я очень огорчен, мисс Кэт, что смутил вас, — сказал он серьезно. — Я думал, вы знаете, что я здесь.

Кэт постаралась как можно скорее высвободиться из его рук. Она почти грубо оттолкнула его и, вероятно, ни с кем из жителей деревни она не стала бы так обращаться. Но тут она рассердилась, сама не зная почему, и слова благодарности, сказанные ею Файльсу за то, что он поддержал ее, звучали чересчур холодно. Однако ее раздражение скоро улеглось, и она уже спокойно заговорила с ним.

— Я слышала, что вы поселяетесь в Скалистых Ручьях? — сказала она. — Все волнуются по этому поводу.

— Думаю, что волноваться пока рано. Волнение придет позднее, может быть... для некоторых, — ответил Файльс. — Я тут пробуду некоторое время.

Кэт оглядывалась кругом. Она искала предлога, как бы отделаться от него.

— Вы идете туда? — спросил он, указывая на поселок.

— Да. У меня заседание комитета. Я и так опоздала, — ответила она.

— Тогда, может быть, вы позволите проводить вас? — сказал он очень почтительным тоном.

Кэт была смущена. Файльс возбуждал в ней самые противоречивые чувства. Его присутствие раздражало ее, и она отчасти боялась его, но в то же время он ей все-таки нравился. Но в этом она ни за что не созналась бы даже самой себе.

— А как же ваша лошадь? Ведь вы приехали верхом? — возразила она.

— О, о ней нечего заботиться! — ответил он. — Она пойдет сама за мной. Знаете, мисс Сетон, я мог бы идти целые мили, и она бы никогда не покинула меня.

Они шли некоторое время молча. Наконец, Кэт снова заговорила:

— Я думаю, что здесь вскоре наступит очень горячее время. Многие почувствуют себя не совсем спокойно, благодаря вашему пребыванию здесь и старанию положить предел нарушениям закона.

Она улыбалась, говоря это, и с легкой иронией взглянула на своего собеседника, лицо которого оставалось очень серьезно. Он думал о Чарли Брайанте и о дружбе Кэт с этим молодым человеком. Эти мысли были ему неприятны, но он постарался как можно хладнокровнее и спокойнее ответить ей:

— В этой долине есть люди, для которых мое присутствие безразлично, — сказал он. — Ну, а другие... их лучше избегать. Я нахожусь здесь, чтобы выполнять свой долг, и не уеду, пока не выполню его. Это моя обязанность. Если люди по своей доброй воле не хотят исполнять закон, то мы должны заставить их подчиниться, или же они подвергнутся наказанию. В этом заключается наша работа везде; мы боремся с нарушителями закона во всех областях и, в конце концов, всегда добиваемся своей цели.

«Вот как он старается идеализировать свою полицейскую деятельность!» — подумала Кэт, украдкой поглядывая на его красивый, правильный профиль. Его серьезное мужественное лицо нравилось ей; он, вероятно, честный и даже гуманный человек. Он был бы ей симпатичен, если б... если б не его профессия! Полиция нужна, но только для борьбы с настоящими преступниками. А он считает себя обязанным защищать даже несправедливый закон и карать его нарушителей...

— Вы не услышите добрых слов о полиции в этой долине, — сказала она, — и у нас существуют, быть может, другие взгляды на полезность вашей деятельности. Вы приехали сюда, когда у нас тут воцарились мир и спокойствие, и вы ищете тут не настоящих преступников, а нарушителей закона трезвости, контрабандистов, поставляющих спиртное. Но за спиртное они заплатили, а не похитили его. Вам нужно поймать их с поличным, с грузом спирта, не так ли? Вы имеете время как следует осмотреться, прислушаться к толкам в поселке и составить себе мнение, которое, может быть, будет совершен-

но неправильным и выведет вас на ложный след. Вы будете гоняться за призраком, вследствие сложившейся у вас идеи под влиянием пересудов в поселке. Может быть, вы уже поступаете таким образом. Нарушители закона, который вы поддерживаете, действуют на свой собственный риск и не боятся наказания, которое ожидает их в случае неудачи. Но я знаю, как обманчива бывает внешность, и если, ища виновников, вы причините, хотя бы нечаянно, большой вред невинному, то это разобьет мое сердце...

Кэт посмотрела на запад, где на гребне склона среди зелени виднелся дом Чарли. Даже на таком расстоянии можно было различить две фигуры, стоящие на веранде. И она, и Файльс, который тоже смотрел в эту сторону, знали, кто это были.

— Вы думаете о Чарли Брайанте, — проговорил, наконец, Файльс после небольшой паузы. — Вы его имеете в виду, предостерегая меня.

— Может быть, — отвечала Кэт, смело глядя на него.

— Но отчего?..

— Отчего? — воскликнула она с жаром, не давая ему договорить. — Оттого, что Чарли большое, слабое существо, заслуживающее сострадания и помощи более сильного человека. Оттого, что он кроткий, страдающий человек, который, благодаря своей слабости, презирается и осуждается большинством тех, кто достаточно силен, чтобы противостоять соблазну и мог бы помочь ему. А главное оттого, что, несмотря на все свои недостатки, он — честный человек.

Файльс помолчал с минуту, глядя на домик Брайантов, потом спросил:

— И это все?

— Нет, не все! — вскричала Кэт с той порывистостью, которая иногда увлекала ее. — Не все! В течение пяти лет я старалась помочь ему избавиться от когтей демона, который терзает его. И я знаю, как бесплодны оказались мои усилия. Но, мистер Файльс, я люблю Чарли, люблю его, как будто бы он был моим братом или даже моим сыном. Я готова была бы сделать все на свете, чтобы спасти его и откровенно говорю вам, если полиция попытается обвинить его в каком-нибудь преступлении, совершенном в долине, то я буду бороться

всеми средствами — законными или незаконными — все равно! — и не позволю ей добиться своих целей!

Кэт вся раскраснелась от волнения, охватившего ее, и глаза ее сверкали. Это был смелый вызов, брошенный ею закону и его исполнителю. Но Файльс не думал об этом; он любовался ею, ее красотой, ее мужеством и машинально повторил ее слова: «Как брата или даже как сына...»

— Да... Да... — с волнением подтвердила Кэт и остановилась, с трудом переводя дыхание. Она взглянула на своего спутника и ей вдруг стало ясно, что он думал только о ее последних словах, о том, как она относится к другому человеку. Только это одно имело, по-видимому, значение в его глазах.

— Прощайте! — сказала она коротко и протянула ему руку. Стэнли Файльс пожал ее и молча пошел своей дорогой, сопровождаемый своей верной лошадью, которая шла за ним мерным шагом.

Глава XIX

БИЛЛ ДЕЛАЕТ ОТКРЫТИЯ

Энтузиазм Билла так же, как и его оптимизм, потерпел большой ущерб за короткое время пребывания его в долине. Ему трудно было оправиться после тех ударов, которые были нанесены его надеждам, и он никак не мог восстановить своего душевного равновесия.

На третий день после его ночной прогулки и невольного купания в реке, он опять сидел утром в одиночестве, так как Чарли после довольно продолжительного угрюмого молчания объявил, что у него есть неотложная работа и он должен уйти на целый день. А Кид Блайн, его работник, покормив и напоив своих лошадей, тоже ушел под тем же предлогом.

Билл остался совершенно один и чувствовал, что ему надо воспользоваться своим одиночеством, чтобы хорошенько обдумать все, что так неожиданно обрушилось на него и так сильно угнетало его душу. То, что случилось той ночью, уже не оставляло больше сомнений в том, что Чарли — нарушитель закона, преступник. Полиция подозревает его, и все уверены в этом,

за исключением Кэт Сетон. Чарли сам почти сознался ему, и теперь загадка разгадана. Все стало ясно Биллу, несмотря на горячее заступничество Кэт, отрицавшей вину Чарли. Несомненно, Чарли был участником в контрабандной торговле спиртным и был главой шайки. Ранчо служило ему только для отвода глаз. Его преступление, если оно было в действительности, зависело только от успешного нарушения закона. Для такого простосердечного человека, как Билл, было ужасно убедиться в том, что его брат, которому он был так предан, — не более как самый обыкновенный мошенник, преследуемый законом.

Накануне вечером он сделал открытие, которое окончательно сразило его. Он видел, как брат его доставил хозяину таверны запас контрабандного спирта. Случилось это так. После тех приключений, которые ему пришлось испытать в первую ночь своего приезда, Билл решил быть осторожнее. Чарли уехал верхом тотчас же после ужина, а Биллу захотелось воспользоваться его отсутствием, чтобы повидать сестер Сетон. Они обе, в особенности Элен, были в его глазах тем солнечным лучом, который освещал эту мрачную долину и делал сносным пребывание в ней.

Обе сестры, по-видимому, были обрадованы его приходом, и Билл никогда в жизни не проводил более приятного вечера, чем в тот день, особенно когда Кэт оставляла его вдвоем с Элен, такой веселой и жизнерадостной. Тяжелые мысли и подозрения, так угнетавшие его весь день, исчезли, и к нему как будто вернулось душевное спокойствие. Оно бы не нарушилось, если б ему не пришло в голову, когда он ушел от сестер, зайти в кабачок О'Брайна, чтобы выпить пива.

Билл быстро пошел по дороге в поселок, мечтая о прелестной девушке, которая совершенно очаровала его своим остроумием и веселым нравом. Но задумавшись, он повернул не туда, куда нужно, и подошел к кабачку не с той стороны, где находился вход. Увидав в заднем окошке трактира желтоватый свет, он догадался, что по ошибке попал на дорогу, по которой подъезжали к дому фуры, подвозившие какой-либо груз. Желая обойти кругом, он наткнулся на низкую проволочную изгородь, окружающую постройки позади главного здания. Освещенное окно находилось прямо против него, когда

вдруг он заметил вблизи какое-то движение и услышал голоса, говорившие шепотом.

Он притаился. Луна еще не взошла, и было темно. Туманные очертания строений заднего двора едва виднелись среди окружающего мрака, и только свет лампы, падающий из окна, давал возможность кое-что различить поблизости.

Вдруг Билл увидел фигуру человека, худого и высокого, на которого упал луч света. Он нес что-то на плече, и Билл без труда различил, что это был небольшой бочонок. Тотчас же за этим человеком шел другой, тоже высокий и худощавый, также с бочонком на плече. Билл в тот же момент догадался, что он стал невольным свидетелем доставки контрабандистами спирта хозяину кабачка и, конечно, с величайшим интересом наблюдал то, что совершалось перед его глазами. Он не узнал никого из этих людей, и в душе его вспыхнула надежда, что Кэт права, и Чарли не имеет дела с ними.

Вскоре контрабандисты скрылись в темном отверстии дверей сарая. Билл слышал их хриплый шепот, но не уловил ни одного слова. Он решил подождать, пока они выйдут из сарая; он хотел окончательно убедиться, что Чарли нет с ними. И вот из сарая вышел третий человек. Он был гораздо меньше ростом и гораздо тоньше. Его лица и волос нельзя было разглядеть под его широкополой шляпой, но его темная куртка и широкие штаны для верховой езды были ясно видны. Сердце Билла вдруг сильно забилося. Он узнал в тусклом свете ту самую фигуру человека, которую видел прошлой ночью у Большой Сосны. Ошибки тут не могло быть. Хотя он не мог видеть лица этого человека, но ему достаточно было видеть его фигуру. Он был теперь уверен, что то был его брат и что Кэт была не права, а все, подозревавшие Чарли, правы. Да, Чарли был контрабандистом, за которым гонялась полиция.

Разумеется, Билл больше не захотел идти в трактир, где он мог бы встретиться с братом. Он вышел опять на дорогу никем не замеченный и пошел домой. Чарли еще не вернулся.

Сидя утром в одиночестве, он раздумывал, как ему поступить. Следовало либо отречься от брата и предоставить его собственной участи, либо не покидать его и быть всегда готовым поддержать и защитить его, если

понадобится. Все сделать, чтобы спасти Чарли от самого себя.

Однако Билл ничего путного не придумал, как ни ломал себе голову. В его сердце любовь к брату боролась с возмущением против его образа действий. Он не знал на что решиться и беспомощно оглядывался кругом, словно ища какого-нибудь выхода. Он невзначай взглянул вдаль по ту сторону реки, где среди зелени виднелся дом, и заметил фигуру женщины, выходящую из дверей. Это была Элен. Он узнал ее, и у него тотчас же возникла блестящая мысль обратиться к ней за советом. Билл пришел в восторг от этой идеи. В самом деле, как это раньше не пришло ему в голову! Ведь она была чрезвычайно умна, проницательна и развита. Она много читает. Да, да, он пойдет к ней, и она поможет ему разрешить мучительный вопрос. Ее здравый смысл подскажет ей, что тут надо делать.

Не раздумывая больше, Билл тотчас же пошел быстрыми шагами по дороге к поселку, чтобы встретить там Элен. Она перейдет мостик, а потом, конечно, повернет в сторону новой строящейся церкви. Она всегда так делает, по ее же собственным словам, когда идет в поселок. Ну, вот он пойдет ей навстречу кратчайшим путем, мимо Большой Сосны. Оттуда уже дорога идет прямо к строящейся церкви, и он, следовательно, не разминется с девушкой.

Билл был доволен. Он благополучно достиг Большой Сосны, но тут ему в голову пришла другая мысль. Он шел слишком быстро, и Элен еще не могла дойти до церкви. Билл выругал себя за свою всегдашнюю поспешность. Ему ничего другого не оставалось теперь, как ждать еще некоторое время здесь, где он находился, или спуститься по дороге вниз к церкви и подождать ее прихода там. Но тогда будет всем, и ей самой, понятно, что он ее дожидается. Он чувствовал, что это было бы бестактностью с его стороны. Она могла бы счесть это за дерзость, а он так дорожил ее мнением. Тут он вспомнил ее негодование после их первой встречи и невольно рассмеялся. Но она была права... она думала, что он шпионит за ней. Ну, теперь он не сделает такой ошибки и лучше подождет здесь на месте.

Тут он услышал шорох и возню в кустах возле себя, затем громкое шуршание крыльев, и большая птица вы-

летела оттуда, неся в когтях маленькую птичку. В этот момент Билл пожалел, что его ружье осталось в забытом багаже, — ему бы так хотелось подстрелить воздушного пирата, наверное, осиротившего птенцов. Он раздвинул кусты, чтобы посмотреть, нет ли там гнезда. Но заросли кустарника оказались такие густые, что он ничего не смог найти. Потеряв четверть часа на бесплодные поиски, он решил вернуться, но снова услышал шорох в кустах, и что-то серовато-голубое пролетело мимо и упало возле корней. Билл тотчас же бросился туда и схватил этот предмет, который оказался комком смятой бумаги. Выбравшись из кустов, он вдруг увидал перед собой смеющееся личико Элен.

— Мистер Брайант, что это с вами? — воскликнула девушка. — Вы гоняетесь за призраком, что ли? Или по привычке отыскиваете кратчайший путь? Вы меня напугали до смерти, право.

Билл в смущении смотрел на улыбающуюся девушку и, проведя рукой по вспотевшему лбу, наконец, проговорил, запинаясь:

— Вы, наверное, не так испугались, как я... Я увидел ястреба. Этот разбойник вылетел из чащи, неся в когтях небольшую птицу... Я подумал, что там, в кустах, должно быть гнездо и осиротевших птенчиков некому кормить теперь... Ну вот, я продрался сквозь кусты, чтобы найти их...

Элен с изумлением посмотрела на этого огромного мужчину, такого наивного и мягкосердечного. Что за удивительный человек, обладающий такой мужественной наружностью и силой и таким нежным, добрым сердцем?

— Что ж, вы нашли гнездо? — спросила она.

— Нет... я нашел только это, — отвечал он с каким-то виноватым видом, разглаживая смятую бумажку в своих руках.

Элен громко расхохоталась, глядя на его смущенный вид.

— Ах, я так ненавижу ястребов! А их такое множество в нашей долине! — вскричала она. — Впрочем, в долине хватает и других гадостей.

Ее слова напомнили Биллу о его первоначальном намерении, но он уже не знал, как приступить к такому разговору.

— Ну, скажите мне, мистер Брайант, что привело вас сюда, когда вы по-настоящему должны были бы находиться в ранчо и заниматься делом? — спросила она.

— Конечно, вы можете насмеяться надо мной, — ответил он добродушно. — Ну, а если я скажу вам, зачем я очутился на этой дороге, то, пожалуй, вы еще пуще станете смеяться?

Тут он внезапно заметил в руках у нее какие-то вещи и без церемонии завладел ими, воскликнув:

— Я это понесу вам. Что это? Ящик с красками и палитра! Я и не воображал, что вы рисуете, — прибавил он с каким-то благоговейным ужасом.

— Рисую? Просто мажу, хотите вы сказать, — возразила она. — Чарли, действительно, хотел развить у меня талант к рисованию. Но ученица оказалась бездарной, и ему пришлось бросить эту затею. Не думаю, чтобы он надеялся сделать из меня когда-нибудь художницу, получающую премии... Однако мне все же хотелось бы продать мою мазню самым худшим пьяницам в деревне.

— Я куплю все ваши рисунки. Назовите только вашу цену, — вскричал Билл с жаром, испуганный перспективой такой продажи. — Я... я хотел бы иметь коллекцию произведений искусства.

Элен вдруг с гневом посмотрела на него.

— Как вы смеете смеяться надо мной? — сказала она сердито. — Мне бы следовало самой заплатить вам, чтобы вы взяли такой рисунок. Но теперь вы не увидите его. Скажите, пожалуйста, — произведения искусства! Да как вы осмеливаетесь говорить это мне?.. Ну, чего вы стоите и мнете в руках какую-то старую бумажку. Дайте ее сюда. Может быть, это чье-нибудь любовное письмо... — прибавила она.

— Она такая грязная и смятая — эта бумажка, — ответил Билл тоном извинения.

— Для меня это ничего не значит, — объявила Элен. — Любопытство женщины не устоит перед грязью.

Она завладела бумажкой и вдруг с величайшим изумлением воскликнула:

— Это... это вовсе не любовное письмо! Слушайте, что тут написано. «Прошу доставить десять галлонов

виски и двадцать рома, положите в ясли сарая. Деньги прилагаю. О'Б.»

Элен поглядела на Билла, и лицо ее сразу стало серьезным.

— Что это?.. Ордер О'Брайна... на поставку спирта! — проговорил он с торжествующим видом человека, сделавшего важное открытие.

— Но как этот ордер попал сюда? — воскликнула Элен.

— Вероятно, кто-нибудь потерял его, — заметил Билл.

Элен ничего не отвечала и продолжала рассматривать бумажку, которую держала в руках. Она отошла в сторону и облокотилась на толстый ствол огромной сосны. Это заставило Билла снова взглянуть на дерево и тотчас же вспомнить многое, связанное с ним. Ведь около него он увидел Чарли в первую ночь своего приезда в долину! Там, возле этой сосны, полиция подстерегала Чарли, и там он вдруг исчез, когда Билл позвал его. Затем он вспомнил, что говорил ему О'Брайн. Он предупреждал его, что Чарли мог отправиться за долларами в район Большой Сосны. Конечно, он имел в виду свой ордер и вложенные туда деньги. Чарли нашел там этот ордер и деньги, но, услышав зов брата, он бросил ордер.

Так думал Билл, и эта мысль так взволновала его, что он, сам не зная почему, вдруг протянул руку и, взяв ордер из рук девушки, разорвал его на кусочки.

— Зачем... зачем вы это сделали? — вскричала Элен, не ожидавшая этого.

— Я и сам не знаю, — проговорил Билл с принужденной улыбкой и пожимая плечами. — Этот ордер уже выполнен, — он с горечью улыбнулся и прибавил: — Я видел вчера ночью, как спирт был доставлен О'Брайну. Я видел контрабандистов за работой. Чарли был с ними... Скажите, где вы рисуете? Здесь?

Элен взглянула ему прямо в лицо. Щеки ее побледнели, в глазах ее появилось напряженное, серьезное выражение. Она хотела улыбнуться, но ей это не удавалось. Билл, следовательно, знает все. И он видел то, чего никто еще не видел в долине, видел Чарли за работой. Элен поняла, что этот большой сильный человек получил такой жестокий удар, от которого ему труд-

но теперь оправиться, и она почувствовала самую горячую симпатию к нему. Ей захотелось как-нибудь его утешить. Она села у подножия дерева и указала ему рукой на место возле себя.

— Сядьте тут, — сказала она, — и мы поговорим. Ведь вы пришли сюда сегодня утром, потому что вам хотелось найти кого-нибудь, с кем бы вы могли поговорить по душам обо всем, не так ли?

Билл тотчас же опустил на траву возле нее.

— Вы угадали, — сказал он, — но не совсем. Я именно хотел найти вас, чтобы поговорить с вами. Я видел, как вы вышли из дома и предположил, что вы пойдете на постройку церкви. Я собирался идти туда, вам навстречу... Да, я хотел видеть вас. Вы знаете, с какими надеждами я приехал сюда. И вот, уже через три дня по приезде я узнал, что рука закона протягивается к моему брату. И я не знаю, что мне теперь делать. Я нуждаюсь в совете и думаю, что вы можете помочь мне.

Он сидел, обхватив руками колени и устремив взгляд своих больших голубых глаз вдаль. Элен смотрела на него. Она была тронута до глубины души его обращением к ней, и ей страстно хотелось взять его большую сильную руку и крепко пожать ее своими руками. Ей хотелось сказать ему, что она понимает его горе, что она жаждет разделить его с ним, облегчить тяжесть, которая навалилась на него. Но она ничего подобного не сделала. Она молчала и ждала, чтобы он заговорил первым.

— Видите ли, — сказал он после минутного раздумья. — Мне кажется, мы можем думать об этом двояко: один путь указывает нам наша голова, другой — наше сердце. И я не знаю на что решиться.

Элен понимающе кивнула.

— Я думаю, что знаю, какой бы путь я избрала, — спокойно заметила она.

Лицо Билла сразу просияло.

— Я был уверен в этом! — вскричал он. — Но я... я не знаю. Я люблю Чарли.

— Что же подсказывает вам ваш разум? — резко спросила Элен.

— Мой разум?.. Он говорит, что мне следует как можно скорее уехать отсюда на восток, откуда я приехал и... оставаться там, — ответил Билл.

— И предоставить Чарли своей участи? — быстро возразила девушка.

— Да.

— Ну, а что же говорит вам ваше сердце?

— О, оно говорит мне, что я должен оставаться здесь и защищать Чарли до последнего вздоха!

Внезапно сильное волнение овладело Элен, и она отвернулась, чтобы он не прочел этого на ее лице.

— Голова более разумна, — проговорила она, но без особого убеждения.

— Тогда пусть будет проклята голова! — вскричал он с жаром, вскакивая с места и становясь перед ней. — И... и вы указали мне путь. Я знаю теперь, что я должен идти к вам, когда буду находиться в затруднении. Вы укажете мне, что я должен делать... Я останусь здесь, и проклятому полицейскому не поздоровится, если он осмелится наложить руку на Чарли... Пусть Чарли будет кем угодно! Мне все равно! Если он будет нуждаться в помощи, то я буду возле него, чтобы помочь ему. Говорю вам: если Чарли отправят в тюрьму, то я пойду с ним. Если они повесят его, то повесят и меня. Так чувствует ваша сестра, так чувствую и я. Вот почему...

— Я тоже чувствую это! — радостно прервала его Элен. — О вы, великий брат Билл, вы самый лучший человек на свете!.. Я подарю вам свою мазню. А теперь пойдем посмотрим на строящуюся церковь, с помощью которой здешние благочестивые жители надеются заслужить спасение своих душ.

Глава XX

СОПЕРНИКИ

Чарли Брайант ехал верхом по пересеченной местности в верхней части долины в нескольких милях от поселка. Дорог тут не было, только тропинки, проложенные скотом в густых зарослях кустарника, изрядно затрудняющих езду.

Но Чарли Брайант не торопился и ехал медленно. Он был мрачен и задумчив и совершенно не замечал окружающей красоты и живописных видов, открывающихся

перед ним при каждом повороте тропинки. Он был слишком погружен в свои грустные размышления и поэтому не замечал ничего. Он думал о Кэт Сетон. Она почти никогда не покидала его мыслей, и сердце его болезненно сжималось, когда он думал о ней. Он понимал всю безнадежность своей страсти. Разве она сможет любить его так, как он желал бы того и как он сам ее любит? Чарли не обманывал себя. Он сознавал свою слабость, отсутствие воли и свой необоримый порок — пьянство. Он не мог бороться с ним. Отчего он не такой, как Билл, крепкий человек, со здоровой душой и сердцем? Никаких слабостей у Билла нет, также как не существует для него и соблазнов. Он едва ли даже понимает, что это такое — соблазн.

Чарли проклинал свою судьбу, ненавидел самого себя. Кэт питала к нему нежную привязанность, такую, какую питают к какому-нибудь любимому животному. Она жалела его, но любить не могла. Нет, не могла! Он знал это. Но все же это было лучше, чем если бы она совсем отвернулась от него, исчезла из его жизни. Он погиб бы тогда и потому должен был довольствоваться теми крохами, которые перепали ему. Счастье существовало не для него. Он это знал и должен был примириться со своей горькой участью. И он готов был к этому, пока знал, что нет никого, кто бы мог стоять у него на дороге, никого, кто завладел бы сердцем Кэт! Если бы это случилось, и он был бы вычеркнут из ее жизни окончательно, то перенести это ему было бы не под силу. При одной мысли об этом дикая ревность охватывала его, так что рассудок мутился. Он мог переносить все, что уготовила ему жизнь, но только не это, не это!.. А сегодня утром, как и накануне, он видел со своей веранды Кэт и Стэнди Файльса, идущих рядом, и кроме того, не раз слышал от нее хорошие отзывы о полицейском офицере. Кэт сожалела только, что он избрал такую незавидную профессию, она считала его умным и честным. Чарли не имел никаких оснований думать, что Файльс неравнодушен к Кэт или она к нему, но подозрительность его была так велика в этом отношении, что он готов был бы заподозрить даже Билла в том, что он питает нежные чувства к Кэт, если бы не видел, что Билл слишком явно увлекался Элен и не давал брату никакого повода к ревности. А Файльс, несмотря ни на что, воз-

буждал его ревность в сильнейшей степени, и порой Чарли так сильно его ненавидел, что готов был бы убить его. Это было бы нетрудно сделать, и многие, гораздо лучшие люди, чем он, — говорил он себе с горечью, — убивали того, в ком подозревали своего соперника. Но Чарли все же знал, что он не мог бы выполнить такое намерение, что, несмотря на горечь, наполнявшую его душу, он больше всего на свете желал счастья Кэт. В его характере, нравственно слабом и лишенном всего, что рассматривается как доказательство истинно мужественной натуры, было много великодушия и доброты, и ради счастья единственной женщины, которую он любил, он готов был пожертвовать собственным счастьем, да и жизнью тоже.

Под влиянием таких мучительных мыслей им снова овладело уныние, еще более подрывавшее его нравственную силу. Он хотел бы стряхнуть с себя грусть, вернуть хотя бы некоторую душевную бодрость и дать своим мыслям другое направление. Он почувствовал истинное облегчение, когда его лошадь выехала, наконец, из густой чащи кустарников на небольшую вырубку. В середине вырубки стоял кораль. Но Чарли проехал его и остановился у заброшенной бревенчатой хижины с низкими стенами и односкатной кровлей. Это уединенное место находилось за рубежом его владений и было заселено только в те времена, когда в долине жили лишь индейцы да метисы. Чарли случайно открыл это убежище и воспользовался им, чтобы устроить там склад таких предметов, которые нечасто требуются в ранчо.

Внутри корала стоял обыкновенный фургон и рядом с ним сельскохозяйственные орудия, главным образом, для сенокоса. Очевидно, старый кораль служил именно для этой цели. Чарли мельком взглянул на все эти предметы и прямо направился к хижине, которая казалась давно необитаемой. Когда Чарли приблизился, то с карнизов крыши с шумом слетели птицы. У дверей Чарли простоял с минуту в нерешительности, а затем с силой толкнул дверь, петли которой закричали, словно протестуя против его вторжения. Он распахнул дверь, и внутри снова послышалось хлопанье крыльев, и птицы с громким криком вылетели оттуда на яркий солнечный свет.

В этой ветхой развалюхе воздух был затхлый и пропитан плесенью. Пол покрывал густой слой гуано. Никакой мебели тут не имелось и в помине, но в отдаленные времена она была обитаемой. Круглое отверстие в крыше указывало, что тут некогда стоял очаг, а ржавые торчавшие из стен гвозди служили для развешивания на них утвари и разных вещей. Стены же были обшиты досками почти до самой крыши. Когда-то эта хижина, вероятно, стала убежищем для человека, который, может быть, скрывался здесь, в этой дикой пустынной местности, от преследования закона.

Чарли прошел в самый дальний конец хижины и, взяв верхний край обшивки, с силой потянул его на себя, открыв углубление, выдолбленное в старых бревнах. Это было нечто вроде шкафа, и там висела разная мужская одежда. Кроме того, тут же висели два пояса с кобурами и револьверами.

Осмотрев все эти предметы, как бы желая убедиться, что все было в целости, Чарли вынул револьверы из кобуры и исследовал их; они были заряжены. Затем, положив револьверы в кобуры, он поставил обшивку на прежнее место. Теперь никто не мог бы догадаться, что там находится тайник.

Сделав это, Чарли повернулся к двери. Он услышал тихое ржание своей лошади, привязанной снаружи, — очевидно, к хижине приближался какой-то всадник. Чарли быстро вышел и, тщательно заперев за собой дверь хижины, направился к коралю. Как только он вошел туда, его торопливость исчезла. Он подошел к фургону и, достав оттуда жестянку с салом и инструмент для смазывания, принялся осматривать колеса и смазывать их. Он, казалось, был до такой степени поглощен своей работой, что даже не обратил внимания на громкое ржание своей лошади и на ответное ржание другой. Этот конский дуэт не заставил его даже поднять головы и только когда чей-то голос спросил: «Готовитесь к поездке?» — он обернулся и увидал Стэнли Файльса, подъехавшего к изгороди.

— Не совсем, — отвечал Чарли. — А у вас тут есть какое-нибудь дело? — в свою очередь спросил он полицейского офицера, улыбаясь и с легкой насмешкой в голосе.

— Никакого особенного дела нет. Я просто знакомлюсь с географией местности, — ответил Файльс.

— Я сказал бы, что это составляет специфику полицейской службы, — заметил Чарли.

Файльс с любопытством рассматривал его. Он являлся совершенно особенным образчиком «мошенника прерии», таких Файльс еще не встречал и инстинктивно чувствовал, что тут было нечто другое, чем простое нарушение закона. С Чарли будет труднее справиться, чем с обыкновенными дикими и неграмотными плутами, с которыми он обычно имел дело до сих пор.

— Да, — кивнул Файльс, — нам еще предстоит учиться многому.

— Конечно, — сказал Чарли и прибавил, указывая на косилку: — Скажите, вы ничего не имели бы против, чтобы немного помочь мне?

— С удовольствием, — отвечал Файльс, соскакивая с седла и входя в кораль. Его зоркий глаз сразу окинул все подробности и остановился на тонкой фигуре человека, стоявшего у фургона. Чарли Брайант был одет в свободные шаровары для верховой езды, но куртки на нем не было, и Файльс обратил внимание, что у него не было никакого оружия.

— Это ведь работа для двух человек, — заметил Файльс весело. — А вы хотели это сделать один?

Чарли улыбнулся самым простодушным образом.

— Вовсе нет, — возразил он. — Завтра придет Кид или, может быть, Билл.

— Ага, брат Билл! Он ведь ваш компаньон, — сказал Файльс, принимаясь за установку косилки.

Дело оказалось легче, чем можно было предполагать сначала, и вдвоем они быстро справились.

— Это ваш фургон? — спросил Файльс как бы мимоходом, между тем как его цепкие глаза подмечали решительно все до мельчайших подробностей.

— Да, — кивнул Чарли. — Люди порой заимствуют его у меня. Видите ли, он мне необходим только во время сенокоса.

— Я думаю, что вы действительно нечасто нуждаетесь в нем здесь, в этом заброшенном месте. Это ведь старая скотоводческая ферма.

В словах Файльса не заключалось вопроса, но они были сказаны им, чтобы получить на них ответ. Чарли

заговорил так просто, как будто ему совершенно нечего было скрывать.

— Да тут было нечто вроде фермы. Король метисов Фишер имел тут кораль. Есть еще и другие корали вокруг долины, но я не знаю где. Король Фишер царствовал тут лет двадцать тому назад. Он жил в Скалистых Ручьях, в том здании, которым теперь население деревни пользуется как молитвенным домом. Ну, он был отъявленный негодяй и там внизу, на дороге из прерии, он поставил столб с надписью: «Это дорога короля Фишера. Идите другой дорогой». Думаю, что многие избегали этой дороги. Однако нашелся один смельчак, который пошел по ней, и это стало концом царствования Фишера. Здешние тайные корали всегда служили прибежищем разношерстным мерзавцам.

— Должно быть, так и было, — сказал Файльс, улыбнувшись.

Чарли засмеялся и, указывая на хижину за коралем, прибавил:

— Хотел бы я знать, что там делалось в былые времена. Теперь птицы гнездятся в крыше хижины, но я думаю, что они не осмеливались приближаться к ней, по крайней мере, на целые мили тогда. Говорят, что король Фишер был кровожадным безумцем. Если это так, то здешнее место могло бы о многом порассказать.

Продолжая работу и равнодушно разговаривая с полицейским офицером, Чарли в то же время с волнением думал о том, что он видел его в обществе Кэт. Но он улыбался Файльсу и отвечал ему таким же веселым тоном и с таким же простодушием, с каким он отнесся к его приходу. Он прекрасно понимал, зачем Файльс пожаловал сюда, но это было ему безразлично.

— Где же вы будете косить теперь? — спросил Файльс.

Чарли отвечал, не поднимая головы:

— В полумиле отсюда, вниз по течению. Других пригодных мест с западной стороны долины нет.

— Вот поэтому вы и держите здесь этот фургон?

— Ну, конечно. Это сохраняет силы лошадей. Они завтра утром придут сюда и останутся до нашего ухода отсюда.

Чарли спокойно сказал это, кончая работу возле колеса, и затем, поднявшись, резко спросил:

— А вы где же пребываете со своими людьми?

— Тут в окрестностях, — уклончиво ответил Файльс.

— Понимаю. Высматриваете добычу? — он улыбнулся, глядя прямо в красивое энергичное лицо полицейского офицера. — Необходимо тщательно исследовать окрестности, если вы хотите хорошенько вычислить долину. Вам понадобится для этого очень большая метла.

— У нас есть метла, и я думаю, мы выполним эту работу, — возразил Файльс. — Обыкновенно мы выполняем то, за что беремся.

— Да, я думаю, что вы справитесь с нею.

Чарли как-то задумчиво поглядел на него и прибавил:

— Мне надо идти. Нам по дороге?

— Нет, — отвечал Файльс. — Я осмотрю окрестности.

— Ах, да! Я и забыл про метлу, — засмеялся Чарли.

— Большинство людей так делают... пока сами не наткнутся на нее, — сказал Файльс.

— Ну, я надеюсь, что она не попадется мне на дороге, — засмеялся Чарли. — Мне бы не хотелось споткнуться об нее и упасть.

— Надеюсь, вам не придется, — ответил полицейский офицер таким же веселым тоном. Уходя, он обратил внимание на прекрасную лошадь Чарли.

— Это скаковая лошадь, — сказал он, с восхищением смотря на нее.

— О, да! Я могу вам показать ее качества, если вы хотите устроить состязание со мной на своем жеребце, — предложил Чарли.

— На моем? Мой Питер — самый быстрый конь к западу от Виннипега. Он, наверное, сумеет угнаться за вами — когда придет время.

Скрытый смысл, заключающийся в этих словах, не ускользнул от Чарли.

— Мы, значит, подождем, когда наступит подходящее время для гонок, — сказал он, улыбаясь.

— Конечно, — ответил Файльс, глядя ему прямо в глаза.

— Ну, а пока прощайте... Ваш вызов я буду помнить. Спасибо за вашу помощь мне. Вы еще остаетесь здесь?

— Да... на некоторое время, — сказал Файльс.

Чарли повернул лошадь и быстро поскакал с видом человека, который ни о чем на свете не заботится. Но на самом деле в его душе боролись надежда и страх. Он думал о том, может ли быть открыта тайна этого места Стэнли Файльсом. Такой ли он опытный сыщик, каким его считают, или он просто умный человек, опирающийся на сильную власть... Только время разрешит этот вопрос!

Глава XXI

ДЕПЕША ИЗ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ

Стэнли Файльс и сержант Мак Бэн ехали рядом и разговаривали вполголоса. Никто не мог бы думать, судя по выражению их лиц, что разговор их носил скольконибудь серьезный характер.

— Вы не заметили ничего особенного в том месте, где находился старый кораль? — спросил сержант.

— Ничего, — отвечал Файльс. — Я удостоверился лишь, что Чарли Брайант действительно косит там сено. Он получил лицензию, и обыкновенно накашивает до 50 тонн в сезон. Может быть, он держит там крытый фургон ради удобства? Я не знаю. Но даже если это не так, я все же не могу уяснить себе, зачем она там находится?

— Мы можем понаблюдать за этим коралем, — заметил сержант.

— Это лучше, чем пускаться в разные предположения, но это было бы ошибкой, — возразил Файльс.

— Почему?

— Почему, любезный друг? — резко ответил Файльс. — Не думаете ли вы, что мы можем провести такого мошенника, как он, если будем наблюдать за ним? Притом же...

Файльс оборвал фразу, потому что увидел вдали идущую по дороге Кэт Сетон. Когда она скрылась из вида, он снова заговорил.

— Я получил все сведения, которые мне были необходимы. Вы видели этот фургон и узнали его. Это тот самый, в которой они увезли свой последний груз. Правил телегой Пит Клэнси, принадлежащий к шайке

Чарли Брайанта. Я думаю, что пока нам этого достаточно. Мы знаем куда был увезен последний груз спирта. Остальная работа впереди. Сегодня ночью придёт патруль из Эмберли. Он послужит нам хорошим подкреплением. А теперь я хочу поехать навстречу местной почте. Конверты этой почты часто предоставляют полезный материал тому, кто привык пользоваться им.

— Вы умеете извлекать сведения из одного только адреса на конверте лучше, чем кто-нибудь другой, сэр. Я всегда удивлялся вашему искусству, — заметил сержант.

Файльс пожал плечами, но комплимент сержанта, видимо, доставил ему удовольствие.

— Это дается практикой, — сказал он, — конечно, в придачу с некоторой долей воображения. Хорошая память на почерки и почтовые марки, вот и все!.. Посмотрите, кто это там едет по дороге?

— По-видимому, кто-то из нашего отряда, — ответил сержант, всматриваясь вдаль. — Может быть, он везет телеграмму?

— Если начальник посылает мне таким путем сведения, которые я жду, то он просто сумасшедший, — с раздражением проговорил Файльс. — Я просил его пользоваться шифрованной почтой.

— Мистер Язон никогда не понимал, что нужно тем, кто работает, — заметил сержант таким же недовольным тоном. — Если этот парень везет нам депешу, то, конечно, вся долина узнает об этом.

— Нам необходимо перехватить его по дороге, чтобы он не успел отвезти ее на почту поселка, — решил Файльс и, пришпорив лошадь, поскакал вниз к зданию почты. Сержант не отставал от него. Они остановились на дороге, дожидаясь посланного. Очевидно, его появление было уже замечено в поселке. И точно по волшебству мужчины и женщины собирались около трактира и дальше по дороге. Всех интересовало прибытие всадника с депешами. Может быть, он везет какое-нибудь важное известие, касающееся новых действий местных властей. Неудивительно поэтому, что многие с напряженным вниманием следили за приближением всадника. Но он, увидав двух полицейских офицеров, остановившихся не доезжая почты, прямо направился к

ним. Соскочив с седла, он поклонился инспектору и засунул руку во внутренний карман, очевидно, желая что-то достать оттуда. Но Файльс тотчас же предупредил его намерение:

— Не здесь! Скажите только одно: это вести с востока?

— Да, сэр. Я так думаю, — отвечал нарочный. — Мистер Язон сказал мне, что я должен увидеть вас сегодня же и что вы ждете этого письма, чтобы начать действовать. Он не велел мне также ни с кем разговаривать, пока я не вручу вам в руки депешу. Он сказал, что я должен остаться в вашем распоряжении.

— Черт возьми! Ведь мы каждый день получали оттуда письма по почте, — воскликнул Файльс.

— Мистер Язон предупредил меня, что я должен быть очень осторожен и что эту депешу он не может доверить почте.

— Так! Ну, а теперь садитесь опять на лошадь и поезжайте по той же дороге, по которой вы приехали в долину. Затем поверните на запад и доедете до нашей стоянки, в пяти милях отсюда. Это на одной заброшенной ферме. Туда нет другой дороги, кроме тропинки, проложенной скотом. Вам придется объехать кругом, прежде чем вы найдете это место. Избегайте вопросов и в особенности — ответов на них.

— Слушаю, сэр, — отвечал посланный и тотчас же повернул назад.

Все это совершилось так быстро, что зоркие жители долины, наблюдавшие эту сцену, не испытали никаких подозрений. Передачи какой-либо депешы не было, и этот человек очень быстро поехал назад по той же дороге, по которой приехал. Очевидно, ничего серьезного тут не было, — рассудили жители. — Возможно, что это был один из дозорных отдаленного полицейского поста.

— Я думаю, что нам предстоит дело, — сказал Файльс. Тень улыбки промелькнула на его лице.

— Похоже на то, сэр, — отвечал сержант.

— Я поеду и сам просмотрю почту, — продолжал Файльс, — а вы отправляйтесь назад в лагерь и прочитайте это письмо. Конечно, подождите меня, прежде чем начнете какие-либо действия. Посмотрите, на месте ли патруль? Я приеду позднее.

Почтмейстер Аллан Дэй привык к таким посещениям полицейского, как и вообще все другие местные почтмейстеры. Это был шпионаж, который не признавался открыто, но тем не менее был широко распространен во всех подозрительных округах. На это никогда не испрашивалось официального разрешения или согласия местных властей.

Файльс приходил в почтовую контору обыкновенно в тот момент, когда сортировали дневную почту, и конверты раскладывались на стойке так, чтобы можно было прочесть адреса. И теперь было то же самое. Файльс провел некоторое время в конторе, взял свою почту и почту своих подчиненных, весело поболтал с почтмейстером и ушел. Однако в эти короткие минуты он увидел все, что ему было нужно. Впрочем, ничего особенно интересного для него сегодня не нашлось.

Выходя из дверей конторы, он увидел Кэт. Она улыбнулась ему, когда он посторонился, чтобы пропустить ее.

— Однако, вы рано приходите за своей почтой, мистер Файльс, — заметила она. — Впрочем, ваша почта, конечно, очень важна и не допускает промедления.

— Такова наша профессия, мисс Сетон. Мы всегда получаем приказания, которые должны быть выполнены в ту же минуту, как только мы их получим.

— Вы по-прежнему стараетесь разрешить проблему, которой в действительности не существует?

Она посмотрела на него с насмешливым вызовом в глазах.

— Да, мисс Сетон, — отвечал он, — такие проблемы должны быть разрешены, несмотря на утверждение, что они не существуют в действительности.

— Мне очень жаль, — сказала она, вздохнув, и лицо ее стало серьезным. — К вам приезжал курьер сегодня? Я видела его, когда он ехал по дороге. Все видели его.

— У нас есть там патруль, — отвечал Файльс.

Кэт улыбнулась.

— Курьер приехал из Эмберли?

В ее глазах снова появился какой-то иронический вызов.

— Вы слишком хорошо осведомлены, — в свою очередь улыбнулся Файльс.

— Не так, как бы я желала, — возразила она и вдруг весело засмеялась, напомнив свою жизнерадостную сестру Элен. — Есть множество вещей, которые я хотела бы знать, — прибавила она. — Например, мне хотелось бы знать, почему наше правительство издает законы, которые никому не нужны, и тратит деньги рядовых налогоплательщиков на то, чтобы принудить народ выполнять их? Я бы хотела знать, почему вам доставляет какое-то злобное наслаждение превращать таким образом честных людей в преступников? И кроме того, мне хотелось бы знать, почему вы и ваши люди так стараетесь обвинить некоторых лиц в преступлении, которого они никогда не совершали?.. Во всяком случае, их надо поймать с поличным, прежде чем присуждать к наказанию. — Ах, у меня голова идет кругом, когда я обо всем этом размышляю!

Улыбка внезапно исчезла с ее лица, и глаза ее приняли суровое выражение.

— Помните, мистер Файльс, — прибавила она, — я против вас, пока вы против меня! Я говорила вам это. А теперь прощайте. Я иду за своей почтой.

Невеселые мысли осаждали Файльса, пока он возвращался в свой лагерь, мысли о Кэт. Что за странная девушка! С каким изумительным великодушием она защищает Чарли! Не есть ли это какая-нибудь особенная женская изощренность, заставляющая ее цепляться за такое жалкое существо, за явного мошенника? Была ли она на самом деле слепа, не видела его поведения или же намеренно закрывала глаза, чтобы не видеть? Она не была влюблена в Чарли Брайанта — в этом Стэнли Файльс был твердо уверен. Она ведь сама сказала это Файльсу, и глаза ее смотрели на него так открыто и искренне, что он не мог ни на йоту усомниться в ее правдивости. Все, что он видел и знал о ней, указывало, что она обладала твердым характером и сильной волей и, как у большинства таких людей, у нее было стремление поддерживать слабовольных и заблуждающихся.

Поглощенный этими мыслями, Файльс и не заметил, как проехал весь путь к отдаленному лагерю, где находились его подчиненные, и грубый голос Мак Бэна вывел его из задумчивости.

— Я еще не открывал писем, сэр, — говорил он, — но расспросил Джонса. Мне кажется, все идет как задумано.

— А где же депеша? — спросил поспешно Файльс.

Сержант достал длинный официальный конверт и подал его инспектору. Тот быстро разорвал его и, поспешно пробежав глазами, возвратил сержанту.

— Прекрасно! — воскликнул он. — Груз отправлен из форта Аллертон на американской стороне. Назначение: Скалистые Ручьи. Это большой груз виски. Ну, нам предстоит славное дельце!

Глава XXII

ЛЮБОВЬ И ДОЛГ

В другое время Стэнли Файльс обрадовался бы чрезвычайно перспективе начать активную борьбу с нарушителями закона и, наконец, поймать их на месте преступления. Выжидательное состояние всегда тяготило его деятельную натуру. Но теперь в его душе произошел какой-то раскол. Он не мог, как прежде, думать о предстоящей работе и об успехе, ожидающем его и открывающем ему блестящую карьеру — венец его честолюбивых помыслов. Его мысли как-то невольно снова обращались к Кэт Сетон, и он видел ее как живую перед своими глазами, ее красивое лицо, стройную фигуру и серьезный пронизывающий взгляд, который она бросила на него, когда говорила с ним о Чарли. И в первый раз его планы оказывались как-то связанными с ней. Чарли Брайант переставал быть в его глазах лишь простым нарушителем закона. Если он направит всю свою официальную деятельность против него и очистит округ от контрабандистов спирта, то этим восстановит против себя единственную женщину, которая ему нравится. Он навсегда лишит себя возможности завоевать ее симпатии. Женщина, оскорбленная в своих самых искренних чувствах, конечно, не простит ему его поступка.

Файльс чувствовал, что перед ним возникает трудная дилемма. Участие, которое Кэт проявляла к Чарли, грозило разрушить его планы. Конечно, все ее уверения в

невинности Чарли наивны, и у Файльса не существовало никаких сомнений в его преступных действиях. Но в то же время он не сомневался в честности и искренности заявлений Кэт. Эта мысль сводила его с ума. Его карьера была поставлена на карту. Перед ним не существовало другого пути. Он должен идти вперед во что бы то ни стало.

Что если эта проникательная умная женщина угадала его расположение к ней и решила воспользоваться этим, чтобы спасти своего возлюбленного от угрожающей ему участи, прикрываясь материнским или сестринским чувством к нему? Ведь такие вещи случались. Тогда он, Файльс, станет примитивным орудием в ее руках, жалким обманутым дураком, не более!..

Нет, он должен видеть Кэт, должен поговорить с ней сейчас же, чтобы разрешить свои сомнения!..

Кэт Сетон сидела в тени с северной стороны своего маленького домика, когда Стэнли Файльс проехал вниз по южному склону долины, направляясь к пешеходному мостику. Она только что отправила Билла разыскивать Элен, чтобы привести ее домой. В сущности же это был только предлог, чтобы удалить его, так как она не чувствовала особенного желания поскорее увидеть Элен. У Кэт было множество дел по хозяйству, и она все утро провела со своими наемными рабочими, а потом написала несколько писем. Только покончив со всем этим, она смогла, наконец, взять свою корзинку с шитьем и усесться отдохнуть в тени дома.

Топот копыт заставил ее поднять голову, и она увидела приближающегося всадника. Она тотчас же узнала его, но не выказала ни удивления, ни особенного интереса и оставалась по-прежнему спокойной, а между тем она чувствовала, что между ними должна произойти открытая серьезная борьба. Кэт твердо решила выиграть ее и не допустить одного честного человека нанести вред другому честному человеку.

Файльс остановил лошадь. Нагнувшись вперед и опершись обеими руками на луку седла, он смотрел на Кэт.

— Что может быть прелестнее картины молодой девушки, сидящей в тени и занятой шитьем... каких-то белых вещей? — сказал он вместо приветствия.

Кэт взглянула на него, улыбаясь, и затем тотчас же снова опустила голову и перевела взгляд на свою работу.

— Наверное, ничто не может произвести такой беспорядок в мыслях, как внезапное появление мужчины в тот момент, когда мозг девушки поглощен трудной задачей согласовать то, что никак нельзя согласовать, — ответила Кэт, продолжая улыбаться.

— Вы меня имеете в виду?

— Тут ведь никого нет другого.

— Может быть, я смогу вам помочь? — предложил он, указывая на тесемки, которые она старалась распутать.

— Помочь? — засмеялась она. — Я думаю, вы еще больше запутаете их. Так обыкновенно бывает, когда двое берутся за одно дело. Я всю свою жизнь старалась согласовать такие вещи, которые не согласуются, и если вы хотите добиться успеха, то делайте это самостоятельно.

Ее глаза улыбались, но Стэнли Файльс заметил в них вызов, как всегда, когда она говорила с ним.

— Это недурно, когда полиция становится такой деятельной и... вы находитесь во главе ее в этом округе, — проговорила она, глядя на него.

— Я должен еще раз заметить, что вы прекрасно осведомлены, мисс Сетон, — учтиво поклонился Файльс.

— А я еще раз отвечу вам, что я далеко не так осведомлена, как бы того желала.

С минуту оба молчали. Кэт, по-видимому, была опять всецело поглощена своей работой.

— А могу я вас спросить, мисс, — наконец спросил Файльс, — откуда вы знаете, что «полиция становится такой деятельной», — он точно повторил ее слова.

— Видите ли, — чистосердечно расхохоталась Кэт, — у меня служат два самых отъявленных бездельника, и они, по-видимому, считают более чем необходимым для себя следить за всеми маневрами Конной полиции.

— Конечно, я думаю, что они шпионят решительно за всеми... ради выгоды самого предводителя.

— Вот как? — Кэт всплеснула руками. — Вы полагаете, что у них есть предводитель?

— Что же, мы опять начнем свой старый спор? — сказал Файльс с раздражением. — Известно, что когда

они не заняты работой на вашей ферме, они помогают Чарли Брайанту осуществлять доставку спирта в эту заповедную область. Они — его сообщники.

— И потому, что эти два парня известны среди жителей деревни, вы продолжаете свой поход против другого человека, которого вы надеетесь захватить на месте преступления? — резко возразила Кэт.

— Мне достаточно личного убеждения, чтобы продолжать свой поход, — сказал с ударением Файльс. — Вы правильно заметили, что мы усилили свою деятельность.

— Да, я знаю, — ответила Кэт со вздохом, и ее блуждающий взгляд остановился на западных границах долины. — В вашем лагере замечается повышенная активность, так же как и в лагере у Зимнего Перекрестка. А те старания, с которыми вы маскируете все свои передвижения, известны всем и каждому. Тут за самим охотником учреждена охота. Я говорю вам это без всякого раздражения. Я рада, что это так, потому что я... должна знать!

— Раз мы с вами противники, то это вполне понятно, — заметил Файльс.

— Да, мы противники, пока вы против Чарли, — подтвердила Кэт. — Но мы противники только в официальном отношении. О, вы так упрямы! — вскричала она с притворным отчаянием. — Ваши замыслы в этой долине несколько не беспокоили бы меня, если б не то, что в интересах Чарли я желаю их разрушить. Вы получили какие-то известия вчера. Может быть, они касаются груза, который должен прибыть сюда и который вы собираетесь захватить вместе... с Чарли. Я не намерена выдавать вам никого и не буду говорить вам то, что знаю и даже должна знать, живя в этой долине. Но вы обречены, решительно обречены на жестокую неудачу, если рассчитываете на успех посредством ареста Чарли Брайанта!

Несмотря на веселый тон Кэт, ее слова все же произвели впечатление на полицейского инспектора, и лицо его стало почти суровым. Вызов Кэт лишил его спокойной уверенности и самообладания, и он резко спросил ее:

— Что для вас этот человек? — его челюсти как-то сжались, когда он почти бросил ей в лицо этот вопрос.

— Вы не имеете права... спрашивать меня об этом! — вскричала она.

— Не имею права?.. Все допускается в любви и... на войне! Между нами теперь война! — воскликнул он.

— Да... война, — сказала Кэт. — Может быть, вы правы, мистер Файльс... Я сказала вам, что такое для меня Чарли и сказала вам истину. Я пытаюсь защитить невинного человека. Для меня он не более, как брат или сын. Я делаю это потому, что он сам, вследствие своего специфического болезненного состояния, не в состоянии позаботиться о себе. Вы же видите, ему все безразлично! Его безопасность, его собственное благосостояние ровно ничего не значат для него. Вот по этой причине, потому что ему безразлично, как о нем думают, его и считают бездельником и негодяем. А я говорю вам, что это не правда!..

— Это не я упрям, — холодно возразил Файльс. — Это вы упрямы, мисс Кэт. Что если я скажу вам, что у меня есть неопровержимые улики против него, поколеблет ли это вашу веру в него?

— Это, может быть, лишь случайное стечение обстоятельств, не более как ложные улики. Ведь известно, что такие случайные обстоятельства наполняли тюрьмы невинными, — с горечью заметила она.

— Но если б не случайные обстоятельства, то у нас стало бы на тысячу процентов больше злодеев на воле, чем теперь, — сухо возразил Файльс.

— Это только теоретическое предположение! — воскликнула Кэт.

— Но оно не противоречит фактам...

Они сидели друг против друга с безмолвно вызывающим видом. Кэт улыбалась, но глаза ее блеснули под влиянием сильного волнения.

— Я не привык сражаться с женщинами, мисс Кэт, — проговорил Файльс.

— Какое это имеет значение, если женщина может и хочет сражаться? — вскричала Кэт с жаром. — Рыцарские чувства? Но ведь это пережиток средневековья, тех времен, когда существовало так много нелепых понятий, наполнявших человеческие умы. Я... я люблю сражаться, люблю борьбу...

Файльс глубоко вздохнул.

— В этом нет ничего похвального, — сказал он каким-то безнадежным тоном. — Вы должны держаться своих убеждений, а я своих... На одно только я надеюсь, мисс Кэт, что когда я покончу с этим делом, то горе, которое мне придется вам причинить этим, простится мне со временем.

Кэт отвернулась от него, и взоры ее снова обратились вдаль, туда, где виднелся дом Чарли среди зелени.

— Может быть, — сказала она тихо, — но вам не представится случая причинить вред Чарли.

Несколько мгновений спустя, она наивно спросила, как бы невзначай:

— А когда прибудет груз, мистер Файльс?

— Когда? — вскричал он. — Тогда, когда этот бездельник будет готов встретить его... Не стоит спорить, мисс Кэт. Я не могу остановиться или... или я забуду, что вы женщина!.. Признаю, что вы обошли меня, но молодому Брайанту это не удалось. Я...

Он вдруг оборвал на полуслове и, несмотря на свою досаду, рассмеялся. Кэт тоже весело засмеялась над его вспышкой.

— Но он все-таки обойдет вас! — задорно крикнула она Файльсу вслед, когда он повернул лошадь. — Прощайте, мистер Файльс... А теперь я примусь за свое прерванное дело...

В то время как между полицейским инспектором и Кэт Сетон происходила эта словесная дуэль, Чарли и Билл расхаживали по веранде, обсуждая действия полиции и шансы предстоящей борьбы.

— Да, насколько я могу судить по некоторым признакам, скоро тут начнется большая заваруха, — сказал Чарли, засунув смуглые руки в карманы штанов. Голос его был серьезен и слегка дрожал. — Масса полиции согнана теперь в долину. Полицейские разместились лагерем и воображают, что мы этого не знаем, но мы все знаем! Я не возьму в толк, что они намереваются делать тут? Они, конечно, рассчитывают захватить большой груз спирта, а вместе с ним и меня. Но для этой операции их чересчур много. Скажу тебе, Билл, что для людей, упражнявшихся в выслеживании, они просто болваны. Все их методы такие топорные, неуклюжие! Я бы посмеялся над ними, если б не чувствовал тошноту от одного их присутствия.

Билл, усевшийся верхом в кресло, как-то беспокойно завертелся.

— Если б тут не было контрабандистов спирта, то не было бы и полиции, — заметил он с ударением.

Чарли с любопытством посмотрел на него.

— Нет, конечно, — согласился он. — Но если б тут не было контрабандистов спирта, то не было бы здесь и поселения, а если б не было поселения, то не было бы и нас. Кэт и ее сестра тоже не жили бы здесь. Ничего бы здесь не было, кроме вечной Большой Сосны. Этот поселок существует только благодаря сухому закону. Файльс имеет неплохую репутацию, но он неловок, в высшей степени неловок!.. Хотел бы я заглянуть на несколько дней вперед.

— Он пронюхал о грузе, который прибывает сюда, не так ли? — спросил Билл.

Чарли снова с любопытством посмотрел на брата и осторожно ответил:

— Да... кажется....

Билл, блуждая взором по долине, увидал всадника, подъехавшего к дому Сетонов.

— Это, кажется, Файльс, — сказал он.

— Да, это он! — вскричал Чарли с плохо скрываемым раздражением.

Билл снова заерзал в кресле.

— Что ему там нужно? — спросил он просто, чтобы сказать что-нибудь.

— Что ему там нужно? — злобно усмехнулся Чарли. — Да, ему нужно то, чего ему никогда не получить... не получить, пока я жив!

Билл видел, что брат едва сдерживал свое бешенство. Неужели он боялся, что Файльс может выведать у Кэт что-нибудь, касающееся Чарли? Наверное, так и есть!

— Ну, он немного получит от нее! — сказал Билл, желая успокоить брата.

— Немного? — воскликнул Чарли. — Ничего не получит, ничего! Файльс тут имеет дело с самой умной, самой смелой женщиной, какую я когда-либо встречал в своей жизни. Я думаю теперь, как необыкновенно легко для человека, идущего по неровной дороге, споткнуться и разбиться. Чем больше он уверен в твердости своего шага, тем опаснее бывает его падение... Он рассчитывает на везение, на случайность, и вот!.. Билл, ты понима-

ешь? Я изранен, изранен до смерти и совершенно обезумел! Я не могу стоять здесь и смотреть, как этот тип говорит с Кэт. Я не боюсь ни человека, ни дьявола, но я не могу выносить этого зрелища! Я должен бежать...

Он в сильнейшем волнении сбежал с веранды вниз. Билл бросился за ним.

— Что ты задумал? Куда ты помчался? — крикнул он, хватая брата за плечо своей огромной рукой. Чарли повернул к нему свое пылающее лицо и сверкающие гневом глаза.

— Не смей хватать меня подобным образом, Билл! — воскликнул Чарли угрожающим тоном. — Я этого не позволю никому... Но я скажу тебе, если ты хочешь знать: я иду к О'Брайну, и сам дьявол не остановит меня!..

Глава XXIII

ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ

В тот же вечер Билл поехал к Сетонам. Он чувствовал себя очень несчастным и совершенно утратил свою прежнюю жизнерадостность и неизменный оптимизм. Он знал, что брату угрожает опасность и что сам Чарли сознает это, но не делает ни малейшей попытки как-то обезопасить себя. Но он видел также, что Чарли страшится чего-то, страшится настолько, что теряет даже всякий контроль над собой. Это было ему непонятно. Билл знал, что брат отправился в таверну О'Брайна, чтобы утопить в спирте чувства, раздирающие его душу. Но он был бессилён удержать его и только чувствовал, что начинает ненавидеть полицию, Файльса почти так же, как ненавидит их Чарли. Он знал, что если условия не изменятся, то он потеряет власть над собой и наделает таких вещей, от которых некоторым не поздоровится. Но знал он также и то, что ради Элен Сетон он готов был перенести и любые неприятности и любое беспокойство.

Он получил, наконец, сегодня свой багаж неизвестно откуда и теперь, собираясь к Сетонам, принарядился: надел модный костюм, панаму, крахмальную рубашку и новый галстук. Он чувствовал, что ему надо, наконец, преобразиться, снять свой полуковбойский наряд и предстать перед Элен в совершенно новом виде.

Молодая девушка ждала его. Она представляла очаровательную картину, сидя в своем светлом легком платье в старом соломенном кресле, в тени дома. Рядом стояло другое такое же кресло, точно ожидавшее посетителя.

Все грустные мысли отлетели, едва только Билл увидел Элен, и он не мог скрыть своего восторга. Элен весело смеялась, кокетничая и подшучивая над ним. Однако она все-таки заметила, что он был чем-то озабочен и сказала ему:

— Расскажите мне, в чем дело? Я хочу знать, что вас беспокоит.

Огромный Билл взглянул на нее сбоку каким-то нерешительным, почти робким взглядом.

— Я не знаю, с чего начать, — проговорил он. — Так много мыслей теснится у меня в голове, мисс Элен.

— Если вы не знаете, с чего начать, — сказала девушка наставительным тоном, — то говорите первую мысль, пришедшую вам в голову. Смелее!

— В самом деле? — воскликнул обрадованный Билл. — Вы думаете, так будет лучше?

— Разумеется.

— Ну, тогда я скажу прямо: хотите вы выйти за меня замуж? — выпалил он.

Молодая девушка бросила на него быстрый взгляд и, откинувшись в кресле, громко расхохоталась.

— Ведь мы же говорили о ваших затруднениях, о беспокойстве! — протестовала она.

— Ну да: о затруднениях, о беспокойстве. А разве мало беспокойства в моем шаге? Ведь в этом вся суть! Я с ума схожу от вас. И каждый раз, когда я начинаю думать о Чарли и полиции... и о всех этих мошенниках в долинах, вы всегда являетесь мне, вклиниваетесь в мои мысли, так что я в конце концов забываю, где я и что мне надо делать. Скажите, испытывали ли вы когда-нибудь что-нибудь подобное? Сходили ли вы когда-нибудь с ума по кому-нибудь? Знаете ли вы, что это значит? В голове у вас все мешается. Вы сидите и мечтаете о разных безумных вещах, не имеющих никакого смысла. Затем вы начинаете слагать стихи о луне и цветах. Все кажется вам пустяками в сравнении с тем, что наполняет вашу душу. Это настоящее безумие! Вы ненавидите каждого мужчину, который подходит к женщине, завла-

девшей вашими помыслами. Вы начинаете ненавидеть ее, потому что вам кажется, что она смеется над вами, ненавидите себя и весь мир! И вот!.. Скажите, хотите вы выйти за меня замуж?..

Элен продолжала весело хохотать и никак не могла остановиться. Но Билл терпеливо ждал. И когда она немного успокоилась, он повторил свой вопрос.

— Хотите вы выйти за меня замуж?

— Но, что это такое?.. — воскликнула Элен.

Он не дал ей продолжать, упорно повторяя одно и то же. Лицо его покраснело, и он заговорил с нею властным тоном. Элен вдруг присмирела. Его властный тон вызвал у нее какой-то восхитительный трепет. Она кивнула головой и проговорила:

— Конечно, я хочу. У меня возникло это намерение в первый же момент, как я увидела ваше такое смешное лицо с огромными глупыми голубыми глазами, когда вы ехали со Стэнли...

— Как? Вы согласны? Элен, вы в самом деле согласны выйти за меня замуж?

Этот смешной огромный человек пришел в такой дикий восторг, что не мог удержаться, вскочил с места и, обхватив девушку своими большими, сильными руками, поднял ее, как ребенка, держа ее на руках, осыпая ее лицо и шею горячими поцелуями. Но Элен и не думала противиться его неистовым ласкам; она чувствовала себя бесконечно счастливой в его медвежьих объятиях. Однако к ней скоро вернулось сознание неуместности такой любовной сцены и того, что он держал ее на руках, словно младенца. Поэтому она постаралась поскорее высвободиться из его огромных лап. Он наконец поставил ее на ноги, громко смеясь и с восторгом глядя на ее раскрасневшееся личико.

— О! — восклицал он. — Вы будете моей женой? Вы — девушка, по которой я схожу с ума?.. Пусть Файльс и все остальные провалятся сквозь землю, мне теперь все равно!..

Элен пригладила свои растрепавшиеся волосы, поправила платье, которое он смял своими объятиями, и проговорила, смеясь веселым, счастливым смехом:

— Да, я слышала немало смешных и странных предложений от здешних молодых людей, в особенности, когда они были пьяны. Но чтобы трезвый воспитанный

человек поступал подобным образом, как поступили вы, — это, я думаю, не бывало никогда! О, Билл, Билл! Вы совершили безумство. Ведь я была охотником, а вы дичью. Я приехала сюда на запад, чтобы найти мужа и нашла его. Я хотела выйти за вас замуж. Я стремилась к этому с первой же встречи с вами...

— Ого! — вскричал Билл, захлебываясь от восторга. — Какая же польза в женитьбе на девушке, которая не имеет желания выходить замуж?

— Но девушка все же не должна была бы показывать этого желания... с самого начала!

— О, нет! Я не хочу никакого притворства, никогда! Я хочу взять девушку, которая достаточно честна, чтобы полюбить меня и сказать мне это прямо.

— Билл, но как вы смеете? Как вы смеете утверждать, что я вас полюбила и сказала вам об этом? У меня нет теперь намерения выходить за вас замуж... Билл... вы просто смешны!.. Сидите же смиренно и будем говорить о другом... о том, что вас так беспокоит.

По веселому, радостному лицу Билла пробежала тень. Он послушно уселся на свое место, но кресло его все-таки оказалось так близко к Элен, насколько это допускала его крупная фигура.

— Чарли... Чарли и полиция — вот, что тревожит меня! — сказал он унылым тоном. — И Кэт также!.. Я не знаю... Скажите, Гэль, что должно произойти? Файльс так рьяно взялся за дело и преследует Чарли, а Чарли и в ус себе не дует! Но он боится чего-то, безумно боится... А потом — Кэт! Он видел Кэт, разговаривающую с Файльсом, и после этого совсем обезумел. А теперь он отправился к О'Брайну, и я даже не смею предположить, зачем он туда пошел. Говорю вам — он такой странный! Я совсем не понимаю, что происходит с ним. Я недостаточно умен. Я бы, конечно, смог удержать его дома насильно, но какая польза была бы от этого? Он с ума сходит от любви к Кэт и от пьянства. Он готов решительно на все, лишь бы не подчиняться закону. Вот что я хотел сказать вам, когда пришел сюда, и что хотел бы решить, прежде чем женюсь.

Несколько минут Элен ничего не отвечала. То, что говорил ей Билл и как раз в такой момент, когда она чисто по-детски обрадовалась мысли, что этот большой

человек любит ее и хочет на ней жениться, совершенно лишило ее возможности хладнокровно рассуждать и понять все значение, всю серьезность его слов. Когда, наконец, к ней вернулась способность говорить, то взгляд ее стал настолько серьезным, что Билл изумился. Он еще никогда не видел у нее подобного выражения.

— Это так ужасно, — прошептала она, — поистине ужасно!

Билл даже привскочил.

— Ужасно?.. Да, это ужасно, если подумать, что он мой брат, а... Кэт — ваша сестра. Я не осмеливаюсь заглядывать в будущее. Я не могу смотреть на то, куда все это может привести. В этом-то все дело! Ах, я хотел бы, чтобы во мне было меньше мяса, а больше мозга! — закончил он каким-то безнадежным голосом.

У Элен пропало всякое желание смеяться. Билл возложил теперь ответственность на нее, и в сердце у нее возникло какое-то особенное, нежное, материнское чувство по отношению к этому огромному мужчине и горячее желание поддержать его, помочь ему. И теперь она могла отнестись к нему и к его словам с полной ответственностью.

— Может быть, это хорошо, что вы все это узнали и в особенности хорошо, что вы такой... такой сильный и так готовы помочь. Вы не можете предвидеть будущее. И я не могу. Может быть, никто этого не может, кроме... Файльса. Но я скажу вам, что мы можем сделать. Мы должны быть постоянно наготове протянуть руку помощи в надлежащий момент и удержать Чарли от падения или же помешать его падению...

— Да, да, именно это мы должны сделать! — воскликнул Билл, просияв. — Я рад, что я такой большой и сильный. Вы будете думать и говорить мне, что я должен делать. И мы вдвоем помешаем падению...

— Но мы не должны только стоять и смотреть и ничего не делать. Мы должны идти по следам Файльса, — возразила Элен. — Мы должны постоянно держаться возле Чарли, близко от него, и когда увидим, что ему грозит падение, то должны протянуть руку, чтобы помочь ему. И возможно, что мы будем в состоянии спасти Чарли против его воли. Кэт не должна пострадать из-за него... Я не знаю, как это случилось, но вижу, что он с ума сходит по ней, а она... ей нравится другой.

— Может быть, Файльс? — отважился предположить Билл.

Элен улыбнулась.

— Я вижу, что вы становитесь догадливы, Билл. Пожалуй, скоро вы начнете думать за нас двоих...

Чарли Брайант стоял у стойки в кабачке О'Брайна. Глаза его были налиты кровью, а лицо — неестественно бледно в то время, как он слушал сообщения О'Брайна. В кабачке не было никого, и О'Брайн решил воспользоваться этим удобным случаем, чтобы откровенно поговорить с Чарли.

— Да, я был очень рад, что прошлой ночью мне благополучно доставили бочонки, — сказал он, снова наполняя стакан Чарли. — Некоторое время придется соблюдать крайнюю осторожность. Предстоит серьезное дело, и если вы согласны последовать моему совету, то будете пока сидеть смирно, совсем смирно.

— Вы имеете в виду Файльса... как всегда, — хриплым голосом проговорил Чарли. — К черту его и всех его проклятых полицейских!

О'Брайн быстро окинул взглядом своего полупьяного посетителя и слегка презрительно заметил:

— Это звучит несколько хвастливо. Но горячность ни к чему хорошему не ведет. Чтобы тягаться с Файльсом, надо иметь светлую голову и действовать обдуманно.

— Мне нет надобности хвастать, — ответил Чарли, взглянув на О'Брайна своими налитыми кровью глазами, и, подняв дрожащей рукой стакан, быстро осушил его.

О'Брайн облокотился обеими руками на прилавок и, пристально глядя на нежное, бледное лицо Чарли, воскликнул:

— Видите ли, большею частью хвастает и пытается пустить пыль в глаза тот, кто бывает напуган или прижат к стене, как крыса, не находящая выхода. В моих интересах, конечно, чтобы Файльс скорее убрался из Скалистых Ручьев. Теперь выслушайте меня. Я достаточно умудрен в этой игре, иначе и быть не может. Ваши два негодяя Пит и Ник были здесь утром, и я слышал их разговор. Затем я их заставил все рассказать мне. Они выследили все маршруты Файльса. Это хитрые

негодяи, и я чувствую, что они слишком хитры для вас. Если вещи пойдут своим обычным путем, то вы будете в безопасности. Но вы должны иметь в виду, что могут возникнуть затруднения... Я предупреждал вас насчет этих двух парней, — продолжал О'Брайн, так как Чарли молча курил, не прерывая его. — Но это мимоходом. Видите ли, Файльс все разведает. Парни знают об этом и в свою очередь узнали, что он затевает. Файльс знает, что завтра ночью вам будет доставлен большой груз спирта. Единственное, что он не смог узнать до сих пор, это — где вы его прячете. Как бы то ни было, но он имеет уже в своем распоряжении большие отряды полиции, и Скалистые Ручьи будут окружены цепью патрулей завтра ночью. Каждому дана инструкция. Как только он даст сигнал, значит он определил местонахождение груза. Тогда все соберутся туда, и ваша шайка будет окружена. Понимаете? Вы будете захвачены с личным. Я думаю, что вы все это отлично знаете. Но вот в чем дело. Я всегда наблюдаю за людьми и выведываю от них то, что хочу знать. Так я сделал и с этими парнями. Они напуганы и выдадут вас Файльсу, как только дело примет скверный для них оборот, в этом вы можете не сомневаться. И вот тут замешаны и мои интересы.

Если О'Брайн ждал, что его слова произведут впечатление на Чарли, то ему пришлось испытать разочарование. Выражение лица Чарли несколько не изменилось.

— Это все? — спросил он равнодушно.

— А разве этого мало? — сказал он почти угрожающим тоном. — Слушайте, я ведь делаю это не ради шутки. Люди здесь могут строить церковь для облегчения своих душ и выставлять напоказ свое благочестие. Но для меня это не имеет значения. Моей душе нужны доллары. Я говорю вам это, потому что вы ведете такую игру, которая доставляет мне эти доллары. Если ваша игра будет проиграна, то я уйду с дороги, но пока вы ведете ее успешно, я остаюсь в Скалистых Ручьях. Весь мир не кончается для меня в этой долине, и в противном случае — я покину вас. Помните это!

Чарли вдруг вскочил и ударил кулаком по прилавку так, что стаканы зазвенели.

— Файльс? — вскричал он. — Всюду Файльс! Неужели я никогда не перестану слышать это ненавистное имя?.. Вы думаете, что знаете? Но вы ничего не знаете, ничего!..

И прежде, чем О'Брайн опомнился, Чарли выскочил из кабачка.

Глава XXIV

ДУША ЧЕЛОВЕКА

Стемнело. На западе бледная полоса света постепенно меркла, поглощаемая бархатистым сумраком летней ночи. Луны не было, но усыпанный звездами небесный свод бросал мерцающий свет на долину, лежащую в тени. Между деревьями мелькал местами желтоватый свет ламп, зажженных в домах, наполовину скрытых в зелени.

Из густой группы деревьев, растущих высоко на северном склоне долины, вышел какой-то человек и начал спускаться вниз. Его движения были медленные, усталые и даже слегка боязливые, точно он пробирался тайком. Несколько минут он простоял неподвижно, глядя на фигуру женщины, быстродвигающейся по крутой тропинке, ведущей к старому молитвенному дому. Очертания ее фигуры были неясно видны в мерцающем звездном свете, но она приближалась, и он различал ее голос, напевающий какую-то старинную песенку. Очевидно, она не думала, что кто-нибудь может следить за нею и что ее движения представляют для кого-нибудь интерес.

Дойдя до молитвенного дома, она остановилась, и человек, наблюдающий за нею, услышал стук ключа, вставляемого в замок. Пение прекратилось. В следующий момент он услышал скрип отворяемой двери, и женская фигура исчезла внутри здания. Следивший за ней мужчина вышел из кустов на дорогу и пошел к молитвенному дому, стараясь идти сбоку по траве, чтобы заглушить звук шагов.

Усталость как будто совсем прошла у него, и он с напряженным вниманием смотрел на старое здание, пережившее столько превращений, пока не сделалось, на-

конец, домом молитвенных собраний. Старые, покрытые штукатуркой стены этого дома были толщиной в фут, и длинная тростниковая крыша тоже была очень толста и тяжела. Здание это было пережитком тех времен, когда люди и звери сражались на общей арене на жизнь и смерть.

Дойдя до здания, человек осторожно продвигался вокруг стен, пока не пришел к окну. Оно было закрыто и задернуто занавеской. Он отошел к другому окну; оно было открыто наполовину, и хотя занавеска была опущена, но оставалась щель, через которую виднелась полоса света. Человек прижался лицом к этому отверстию и тихо, почти шепотом, позвал:

— Кэт!.. Кэт!.. Это я, Чарли! Я... я поджидал вас. Мне необходимо поговорить с вами.

И в ответ послышались быстрые шаги по полу комнаты, занавеска на окне была отдернута, и в следующий момент Кэт появилась по другую сторону окна. Ее красивые глаза, освещенные тусклым светом лампы, вопросительно смотрели на него, и грудь ее тяжело дышала. Но заметив его бледность и налитые кровью глаза, она все же ласково улыбнулась ему.

— Вы до смерти напугали меня, — сказала она. — Скажите, зачем вы поджидали меня здесь?

Чарли потупил глаза и пробормотал:

— Я... я думал, что вы придете сюда вечером!.. Мне надо было поговорить с вами... наедине. Могу я обойти кругом к двери?

После минутного колебания Кэт ответила:

— Да, если вы непременно решили увидеть меня здесь.

Чарли не стал дожидаться. Дверь находилась на другой стороне дома, против деревни, лежащей внизу. Когда он открыл дверь, то внутри здания царил темень.

— Сквозняк потушил лампу, — сказала Кэт. — Есть у вас спички?

Чарли запер дверь и зажег лампу, Кэт поставила ее на постамент, и помещение осветилось. Белые, неровно выбеленные стены свидетельствовали о древности строения. Окна были маленькие с деревянными рамами и помещались в нишах толстых стен, напоминая амбразуры средневековой крепости. Длинная покатая крыша поддерживалась тяжелыми необтесанными балками.

Раньше они образовывали нечто вроде чердака, но потом он был уничтожен, для того чтобы увеличить пространство для воздуха, так как на молитвенных собраниях скоплялось довольно много народа. В дальнем углу зала находилось два пюпитра, нечто вроде алтаря и за одним из пюпитров дешевый гармониум¹. По стенам были развешаны картонные плакаты с разными религиозными изречениями, а на полу стояли рядами деревянные скамьи.

Чарли, никогда не бывавший здесь, окинул все одним взглядом и затем впился глазами в улыбающееся лицо Кэт. Он думал в эту минуту, что никто на свете не может сравниться с нею по красоте и привлекательности.

— Я должен был прийти сюда, — воскликнул он, — должен был отыскать вас! Мне надо поговорить с вами... сказать вам...

Глаза ее, устремленные на него, приняли несколько суровое выражение.

— Разве нужно было приводить себя в такое возбужденное состояние, чтобы придти сюда и говорить со мной? — сказала она тоном упрека. — О, Чарли, Чарли, когда же все это кончится? Зачем вы пьянствуете? Все это так безнадежно! Почему вы не можете взять себя в руки? Сколько раз вы говорили мне, что жаждете освободиться от этого проклятия, и между тем с головой погружаетесь в него, как только вас что-нибудь расстроит. Ну скажите мне теперь, в чем дело? Не забудьте, что завтра воскресенье и это помещение надо привести в порядок для предстоящего собрания конгрегации². Я и так опоздала. Меня задержали.

— Я знаю, — смущенно проговорил он, опуская голову. — Знаю, что не имел права мешать вам здесь. Но поймите, что я чувствую теперь, когда тень закона так угрожающе повисла над долиной. Я все время думал о вас, думал о том, как много вы значите в моей жизни. Мне надо было говорить с вами, и я воспользовался случаем. Кто знает, что будет завтра!..

¹ Гармониум — клавишный инструмент с металлическими язычками, свободно колеблющимися и издающими звуки под напором накачиваемой педалями струи воздуха; имел несколько регистров. Изобретен в 1840 году.

² Конгрегация — здесь имеется в виду собрание (община) верующих.

— Завтра? — повторила она. — Почему вы говорите это?

— Выслушайте меня, Кэт, — заговорил он в сильном волнении. — Может быть, вы уже знаете это. Завтра Файльс должен нанести решительный удар. Завтра поселок будет окружен цепью полицейских патрулей, которые будут стеречь все входы и выходы в ожидании прибытия груза виски. Файльс рассчитывает таким образом поймать меня с поличным.

— Вас? — воскликнула Кэт, сверкнув глазами.

— Ну да, так он думает!

Они пристально посмотрели друг другу в глаза. Чарли снова заговорил:

— Планы Файльса вряд ли смутят... кого-нибудь. Бояться законного захвата нечего. Надо бояться измены.

— Измены... Вы боитесь измены?.. — вскричала она. — Это самое отвратительное, что только может быть на свете!.. Я бы способна была собственными руками убить изменника.

— Меня предупреждали об этом. Поэтому я и пришел к вам сегодня. Кто знает, каков будет исход завтра, если действительно существует измена?

— Но на кого вы думаете? — спросила она.

— Пит Клэнси и Ник Девере, ваши два работника. Но я в этом не уверен.

— Чарли, мой дорогой мальчик, — сказала она, протягивая ему руки, — вам нечего бояться измены завтра. Предоставьте Пита и Ника мне. Я сумею справиться с ними. Обещаю вам, что Файльс ничего тут не выиграет. А обо мне вы не думайте и будьте спокойны.

— Я не могу не думать о вас, Кэт. Я буду думать о вас до конца, — пролепетал он, уходя.

Было уже поздно, когда Кэт вернулась домой. Открыв входную дверь дома, погруженного в темноту, она несколько мгновений простояла на пороге, прислушиваясь, потом на цыпочках, сняв башмаки, прошла в спальню сестры, спавшей крепким, здоровым сном молодого существа, далекого в эти минуты от перипетий жизни того маленького мирка, среди которого она находилась. Постояв несколько минут над спящей сестрой, Кэт осторожно вышла из комнаты и, приняв какое-то решение, быстро прошла через задний ход наружу. Оставаясь в тени дома, она увидела две фигуры снаружи небольшого

сарая и тотчас же узнала двух своих работников, собиравшихся ехать верхом.

Кэт предоставила им спокойно уехать, и тогда сама пошла в сарай и вывела оттуда свою лошадь, которая, услышав ее приближение, приветствовала ее тихим ржанием. Оседлать ее было делом нескольких минут, и Кэт выехала на дорогу, освещенную луной, вслед за своими работниками.

Глава XXV

РАЗОРВАННОЕ ОЦЕПЛЕНИЕ

В старом молитвенном доме давно кончилась служба, и странствующий пастор, выполнив свой религиозный долг, уехал. Прихожане тоже разошлись с чувством нравственного удовлетворения, так как и они считали свой долг выполненным и могли уже со спокойной совестью заниматься своими обычными делами. Некоторые из жителей сидели на маленьких верандах своих домов, курили и разговаривали вполголоса. Другие же улеглись в свои постели с кажущимся равнодушием ко всему, довольные, что, по крайней мере, в этот момент дома их представляли для них безопасную гавань. Однако в Скалистых Ручьях все знали, что готовится что-то и чья-нибудь жизнь будет поставлена на карту в эту ночь. В самом деле удивительно, как быстро распространялись в поселке известия, никем, впрочем, невысказанные громко. Все чуяли приближение битвы, борьбы против закона. Долина должна будет пережить исторический момент в эту ночь — это сознавалось всеми, поэтому умиротворение и спокойствие, которые царили теперь в долине, казались особо знаменательными.

В течение целого дня ни Файльс, ни кто-либо из его полицейских не показывались в Скалистых Ручьях. Никто из них не присутствовал на богослужении, и они как будто совсем исчезли из окрестностей долины.

С наступлением ночи большое количество всадников выехало на дорогу из долины Скачущего Ручья. Всадники ехали по двое, очевидно, следуя полученным инструкциям и направляясь к своим постам. Пост инспектора

Файльса находился в таком месте, откуда можно было наблюдать за дорогой в форт Аллертон. Она пролегла через обширные волнистые пространства прерии, и ничто не могло пройти незамеченным по этой дороге, разве только если разразится гроза, и тогда все скроется из вида. Файльс, ехавший на своем Питере, наблюдал за тучами, разгуливавшими по небу, как вдруг услышал выстрел, раздавшийся вдали, со стороны востока. Вслед затем послышался другой выстрел и, наконец, третий. То был условный сигнал.

Так и есть! Они, значит, направлялись по южной дороге на участке Мак Бэна.

Файльс прищпорил лошадь, и Питер помчался. Три выстрела? Файльс надеялся, что он успеет доехать, прежде чем раздастся четвертый.

Четыре всадника направлялись к роще, откуда были произведены выстрелы. Каждый из них слышал их и, выполняя условленный тактический маневр, ждал с волнением четвертого выстрела, который должен был известить об обнаружении контрабанды.

Файльс первый прискакал к роще, но в тот же самый момент огромная лошадь Мак Бэна сделала прыжок в сторону. Файльс искал глазами на окраинах рощи патруль, давший сигнал.

— Он должен быть на юго-восточной стороне, — крикнул ему Мак Бэн, повернув лошадь в ту сторону. Файльс поскакал за ним. Они не успели проехать и двухсот ярдов, как Файльс увидел, что Мак Бэн соскочил с седла и опустился на колени перед какой-то распростертой на земле фигурой. Файльс тотчас же последовал его примеру.

На земле лежал человек со связанными руками и ногами, и в рот ему был засунут кляп. В ту же минуту подъехали еще два полицейских, и послышался лошадиный топот. Это скакали по дороге другие полицейские, спешившие к месту, откуда раздались выстрелы.

Файльсу довольно было одного взгляда на лежащего на земле человека, чтобы понять все: он снова потерпел поражение!

— Это вы подали сигнал тревоги? — спросил он полицейского, когда его развязали и Мак Бэн вынул у него кляп изо рта.

— Нет, сэр, — отвечал полицейский. — На меня набросились и потащили...

— Живее, Мак Бэн! — крикнул Файльс. — Они нас провели! Следуйте за мной. Они на дороге в форт Аллертон, я в этом уверен.

Питер скакал впереди. Выехав на дорогу, Файльс и Мак Бэн спешили и принялись осматривать песчаную почву. Двое полицейских присоединились к ним.

— Мы проиграли, Мак Бэн, — сказал, наконец, Файльс. — Они сыграли с нами шутку. Минут пять тому назад тут проехал фургон. Посмотрите на следы.

Файльс приподнялся. Глаза его сверкали гневом. В это время он увидел всадника, который остановился на дороге и молча смотрел на группу полицейских. Никто не слышал его приближения. Файльс в сопровождении Мак Бэна прямо направился к нему. Взглянув на него, он почувствовал приступ бешенства, который лишь с трудом мог сдержать.

— Что вы здесь делаете, мистер Брайант? — спросил он резко.

Чарли Брайант нагнулся вперед, оперевшись на лук седла. Его темные глаза улыбались, но улыбка была не из приятных.

— Что я делаю? — спокойно ответил Чарли. — Я просто смотрю и удивляюсь, что вы здесь делаете, господа!

— Это не ответ на мой вопрос, — сказал Файльс, едва сдерживая свое раздражение.

— Разве нет? — возразил Чарли с дерзкой улыбкой. — Но знайте, что вы никакого другого ответа не получите от свободного гражданина. Я имею такое же право смотреть на эскапады¹ полиции, как вы — затевать их. Однако я устал и хочу ехать домой. Прощайте.

Он пришпорил лошадь и быстро поскакал вниз по дороге, но за ним последовал полицейский, которому было приказано не упускать его из вида до рассвета.

¹ Эскапада — экстравагантная выходка, шалость, проказа, как правило небезобидная.

НАСТРОЕНИЯ В СКАЛИСТЫХ РУЧЬЯХ

Новости, распространившиеся рано поутру, перевернули все вверх дном в поселке, все дела остановились, и только кабачок О'Брайна кишел посетителями, с жаром обсуждавшими события прошлой ночи. Такое настроение отразилось и на церковном строительном комитете, и миссис Джейн Дэй, президентша, пребывала в сильнейшем негодовании, так как собрание не могло состояться вследствие отсутствия кворума. «Это настоящий скандал! — говорила она всем и каждому. — Действия горсточки негодяев, контрабандистов спирта, препятствуют успеху возвышенного дела, в котором заинтересованы сердца всех благородных граждан!»

В самом деле затруднения миссис Дэй были очень велики в этот день. Распространение известия о новом поражении полиции привело мужскую половину населения в такое состояние, когда ее охватило неудержимое желание отпраздновать в веселой попойке это событие и поглотить большие количества контрабандного напитка. Женская же часть населения предпочитала сидеть на пороге своих домов и громко обмениваться мнениями с соседками.

Разумеется, атмосфера поселка в это утро сделалась бы совершенно невыносимой для инспектора Файльса, если бы он позволил себе замечать насмешливые взгляды и улыбки мужчин, мимо которых ему случилось проходить. Но он уже давно приучил себя игнорировать общественное мнение и чувства рядовых граждан. Для него имело значение только мнение его начальников, и этого одного было достаточно, чтобы причинить ему сильнейшее беспокойство в виду его жестокого поражения прошлой ночью. Все его мысли были теперь направлены на то, каким способом смягчить гнев своего начальства и примирить его с собой.

Церковный комитет должен был собраться в десять часов в доме миссис Джейн Дэй, но прошел час, а еще никто из членов не явился, за исключением почетного секретаря Кэт Сетон, пришедшей в назначенный час. Но миссис Дэй приняла энергичные меры. Она пошла сама вместе с некоторыми другими женщинами, чтобы из-

влечь из заведения О'Брайна Билли Унгвина и Аллана Дэй. Таким образом ей удалось собрать к одиннадцати часам более или менее действенный кворум и запереть, наконец, дверь своей приемной.

Величественно заняв свое место, она открыла собрание речью, в которой говорила о пагубе, приносимой запрещенной продажей спиртных напитков. «Я никогда не видела ничего подобного! — восклицала она. — Мужчины здесь пьют по всякому поводу. Если бывают крестины — они пьют, свадьба — тоже пьют; они пьют на похоронах, и если им придется предстать перед Страшным Судом, то они прежде всего попросят виски!»

Когда она перешла, наконец, к сути дела и стала развивать свои планы с мельчайшими подробностями, то ее выслушали уже довольно рассеянно и без возражений. Единственные мужчины, присутствовавшие в комнате, Аллан Дэй и Билли Унгвин, думали только о том, как бы поскорее кончилось собрание, и они могли бы заняться более интересным времяпрепровождением. Однако они тотчас же оживились, когда был поднят вопрос о Старой Сосне, которую предложено было срубить. Это было единственное дерево в Скалистых Ручьях, пригодное для центрального столба строящейся церкви, который должен был бы поддерживать крышу. Билли Унгвин поддерживал это предложение, но Кэт Сетон решительно высказалась против.

— Не надо трогать Старую Сосну, — сказала она горячо. — Это навлечет несчастье на Скалистые Ручьи. Не забудьте индейскую легенду. С падением этого дерева связано проклятие.

Присутствовавшие в собрании женщины, за исключением президентши, выразили одобрение словам Кэт, но она не была обрадована этим. Она знала свою президентшу, которая всегда слушала мужчин, но если кто-нибудь из женщин попробовал бы высказать свои собственные мысли, то она тотчас же оказалась бы в оппозиции. И теперь, конечно, она с большим жаром возражала Кэт и предложила поставить вопрос на голосование. Она сделала драматическую паузу и затем, подняв свою жирную руку, закончила прения словами:

— Те, кто стоит за мое предложение, пусть поднимут руку!

Тотчас же все правые руки поднялись, за исключением рук Кэт и Аллана Дэй. Миссис Дэй окинула собрание торжествующим взором и воскликнула: «Принято!» Затем обратившись к Кэт Сетон, как к секретарю, сказала:

— Потрудитесь занести эту резолюцию в протокол заседания.

Билли Унгвин и Аллан Дэй поспешно ушли, как только заседание закрылось. Они не скрывали своего намерения вернуться в кабачок. Ушла и Кэт, которой не хотелось оставаться и вступать в полемику с миссис Дэй. Ее огорчил исход собрания. Она знала, что вопрос о сосне должен заинтересовать всех жителей деревни. Они должны будут высказаться, и в душе ее все-таки теплилась надежда, что суеверие одержит верх и старая вековая сосна уцелеет.

Аллан Дэй, направляясь со своим приятелем к О'Брайну, увидел едущих по дороге инспектора Файльса и сержанта Мак Бэна. Это ему напомнило о почтовой конторе, и он, покинув Билли Унгвина, свернул туда и как раз пришел вовремя, чтобы принять телеграмму из Эмберли и передать ее вместе с почтой полицейскому офицеру.

Телеграмма для Файльса пришла из главной полицейской квартиры и отличалась краткостью, но приобретала особенное значение в виду событий прошлой ночи. Она гласила:

«Фургон вернулся в форт Аллертон пустой. Жду доклада. Язон.»

Аллан Дэй не скрыл удовольствия, вручая телеграмму Файльсу вместе с толстым почтовым пакетом, и с любопытством следил за выражением лица полицейского. Файльс был мрачен и неприступен, а сержант молчалив и угрюм.

— Это из главной квартиры, от надзирателя Язона, — сказал Аллан Дэй, продолжая украдкой наблюдать за Файльсом. Но он явно обманулся в своих ожиданиях. Файльс спокойно улыбнулся и сказал, принимая телеграмму:

— Благодарю. Я ожидал ее.

Он повернулся и вышел в сопровождении Мак Бэна. Однако за дверью выражение лица его изменилось. Он протянул телеграмму сержанту и с досадой воскликнул:

— Мы проиграли игру, Мак! Мы потерпели позорное поражение. И это не первое наше поражение. Надо ли мне объяснять вам? Мы можем теперь же снять все отличия, соответствующие нашему рангу. Вот что мы можем сделать! Язон пощады не знает и имеет чертовски мало причин вторично спустить нам нашу промашку!

Однако сержант, по-видимому, не вполне разделял чувства своего начальника. Он был более равнодушен к своей карьере.

— Я нисколько не забочусь о своем ранге, сэр, — спокойно сказал он. — Нас провели, как двух младенцев, в игре, на которую мы тратим свою жизнь. И только вот это меня угнетает. Вы заметили выражение лиц жителей, сэр, когда мы шли сюда? Мы видели пять или шесть женщин по дороге, сидевших у дверей своих жалких хижин, и они усмехались, глядя на нас. Мы прошли мимо четырех мужчин, и их насмешливое приветствие могло свести с ума. Даже проклятые ребяташки гримасничали, как обезьяны, нам в лицо. Да, они провели нас и насмеялись над нами! Я ненавижу их!

Файльс ничего не ответил на эту гневную тираду. Он смотрел в этот момент на маленькую группу людей, стоявших внизу на деревенской дороге. Он узнал Кэт, и Элен Сетон, и Билла Брайанта, Файльс догадывался, о чем они разговаривали. Конечно, они говорили о его неудаче! Ведь теперь все судачат об этом. И большинство, наверное, с радостью. Он чувствовал, как в душе его поднимается горечь.

— Мы были обмануты, — сказал он, наконец, обращаясь к сержанту, — обмануты, но не разбиты. Нет, не разбиты! Только бы Язон оставил нас здесь и продолжал доверять нам. Я надеюсь убедить его. Я расскажу ему, как все произошло и постараюсь уговорить его не отзывать нас отсюда. Мы должны продолжить начатое дело. Он может потребовать моей отставки, может поступить как ему вздумается, но должен предоставить мне возможность кончить мое дело. Я обязан ликвидировать эту шайку!

— Я с вами согласен, сэр, — ответил Мак Бэн, и глаза его сверкнули.

— Мы добьемся победы или... покинем эту проклятую долину! — воскликнул Файльс. — Я готов дать ты-

сячу долларов, чтобы только узнать, как они проведали о наших сигналах! Ведь те выстрелы, что ввели нас в заблуждение, произвел кто-то из их шайки. Как они могли узнать про это? Конечно, без шпионажа тут дело не обошлось... Однако, вам, Мак, следует вернуться в лагерь и написать рапорт о событиях прошлой ночи. Вы дадите его мне, и я приложу к нему частное письмо Язону... Я приду позднее.

— Вы, конечно, будете настаивать, сэр, чтобы вас не отзывали отсюда? — сказал сержант. — Нам необходимо еще раз попытаться удачи. Может быть, в следующий раз им не удастся нас обмануть.

Файльс не спеша поехал вниз по дороге, к той группе разговаривающих, среди которых находилась Кэт Сетон. Когда он подъехал ближе, сразу смолк разговор, и Файльс удержался, здороваясь с ними, от полунасмешливого замечания, в котором сквозила легкая досада:

— Не надо быть слишком проницательным, чтобы угадать о чем вы говорили, — сказал он.

Кэт серьезно посмотрела на него и спросила:

— И о чем же мы, по-вашему, говорили, мистер Файльс?

— Вы перестали говорить, когда увидели, что я еду по дороге, — ответил он, пожимая плечами и улыбаясь. — Во всяком случае этого следовало ожидать. Парни нас провели прошлой ночью. Это была очень ловкая проделка. Впрочем, — прибавил он, подумав, — мы получили хороший урок, которым непременно воспользуемся, когда придет время.

Кэт ничего не ответила, но в ее взгляде, когда она смотрела на Файльса, будто промелькнула тень сожаления. Билл и Элен не разделяли этого чувства относительно полицейского офицера и откровенно радовались его неудаче.

— Я должен еще сказать вам, — серьезно продолжал Файльс, — доставляющая сюда виски шайка зашла прошлой ночью в своих противозаконных действиях дальше, чем, может быть, даже предполагает. Ведь было произведено вооруженное нападение на полицию, а это уже нечто значительно более серьезное, чем простой ввоз запрещенного спирта. Понимаете, мисс Кэт?

Полиция всегда бывает довольна, когда мошенники решаются на подобный шаг. За это они обычно жестоко расплачиваются... когда наступает срок расплаты.

Билл молчал. Он внезапно почувствовал дрожь, словно от прикосновения холодной стали, и вереница безрадостных картин пронеслась перед его мысленным взором. Элен инстинктивно угадала это и поспешила к нему на помощь.

— Но кто же укажет на того, кто напал на полицейского, — спросила она.

— Те, кто пожелает спасти свою шкуру, — отвечал Файльс, улыбаясь, — а такие непременно найдутся.

На этот раз и Элен стало страшно. Поражение полиции прошлой ночью на поверку оборачивалось призрачным успехом для тех, кто занимался ввозом виски в запретную территорию. Она подумала о Чарли и невольно содрогнулась при мысли о том, какой смысл заключался в словах инспектора Файльса. Отвернувшись от него, она обратилась к Биллу.

— Уйдем отсюда! — воскликнула она. — Я ненавижу все это и хочу, чтобы все скорее кончилось. Я просто делаюсь больна от всех этих разговоров...

Она быстро пошла вперед, и Билл, как верный сторожевой пес, последовал за ней. Файльс только посмотрел им вслед серьезными, угрюмыми глазами и обратился к Кэт.

— Лучше скажите мне прямо, мисс Кэт, что я потерпел фиаско, как вы это и предсказывали мне, — проговорил он.

— Да, — отвечала она. — Но я испытываю смешанные чувства в отношении вашего... фиаско...

— Это не окончательное поражение, а только задержка, — прервал ее Файльс.

— Пусть будет задержка, — сказала она. — Я рада... я в восторге от этого, потому что все ваши подозрения падают на Чарли. Но мне все же жаль и вас, мистер Файльс, потому что я знаю, как сурова полицейская дисциплина. В глазах властей вы дважды потерпели поражение. Но почему, почему вы так предубеждены против Чарли? Зачем вы прислушивались к местным сплетням? Если б не это обстоятельство, я могла бы быть на вашей стороне и из любви к спорту сочувствовала бы вам, хотя...

— Хотя... — вопросительно повторил Файльс, когда она остановилась.

— Вы знаете, как я смотрю на деятельность полиции в этом отношении, на вашу защиту никому не нужных и несправедливых законов, — сказала она.

— Не будем возобновлять наш старый спор о том, что справедливо и что несправедливо, — возразил Файльс. — Я слишком хорошо знаю цену, которую мне предстоит заплатить за свое поражение, и откровенно говорю вам — но только вам, Кэт, — что моя полицейская карьера здесь и завершается. Престиж силы нельзя поддерживать ошибками, а этот престиж очень дорог для меня. Поэтому я не могу бросить все и уйти, признав свое поражение. Но я уйду, одержав победу... В полиции я не останусь...

Кэт молчала. Тогда он снова заговорил:

— Я знаю, что мы с вами противники, — сказал он тихо, — но, как это ни странно, а я хотел бы стать вашим другом.

— Это нелепо! — вскричала Кэт. — Ведь мы же противники!

— Мне это совсем не кажется нелепым. Мы, быть может, не будем противниками... со временем.

— Со временем? — Кэт рассмеялась. — А теперь? Расскажите мне о вооруженном нападении на полицию. Вы говорили, что это серьезнее, чем контрабанда. Так в чем же заключается разница между этими... деяниями?

— В степени наказания. Между двенадцатью и двадцатью годами тюремного заключения... для виновников.

— Двадцать лет! — воскликнула Кэт в ужасе.

— А знаете ли вы, какие логические последствия вытекают из сложившейся ситуации?

— Нет, — отвечала Кэт.

— А такие, что при следующем столкновении с нами неминуема перестрелка. Контрабандисты будут стрелять, чтобы спасти себя, если мы начнем теснить их. И тогда к списку их преступлений прибавится убийство. Это нормальный исход для тех, кто идет против закона.

В ЗАБРОШЕННОМ КОРАЛЕ

Чарли Брайант погонял своего коня, заставляя его нестись вскачь по узкой извилистой и неровной тропинке, проложенной скотом на верхней окраине долины. Он не обращал внимания ни на шипы кустарников, рвущие его одежду, ни на огромные узловатые корни, покрывающие землю, о которые спотыкалась лошадь, ни на свешивавшиеся над тропинкой ветви. Мысли его были поглощены одним только желанием скорее достигнуть цели. Наконец его лошадь выскочила на просеку, где находился заброшенный кораль. Чарли одним прыжком соскочил на землю и остановился, прислушиваясь. Привязав лошадь к одному из столбов изгороди, он поспешил к хижине с плоской крышей — загадочной реликвии прошлого века.

Распахнув скрипящую дверь, он подождал, пока стая птиц, приютившихся в хижине, не пролетела мимо него. Тогда он вошел внутрь и остановился в нерешительности. В глазах его появилось какое-то мучительное выражение ожидания и страха. Оправившись, он быстро прошел в дальний угол хижины, где находился стенной тайник. Затем он вынул из внутреннего кармана сафьяновый бумажник в виде записной книжки, отделанной серебром и украшенной монограммой. Несколько мгновений он как будто колебался, но затем быстро открыл тайник со странным ассортиментом одежды, достал оттуда темную куртку и засунул бумажник в ее внутренний карман. Сделав это, он снова быстро задвинул на место дощатую обшивку.

Вдруг он услышал какой-то подозрительный звук. Его рука тотчас же схватила револьвер и направила его на дверь.

— Чарли! — раздался голос у окна.

Револьвер немедленно был опущен в карман, но Чарли с бешенством крикнул:

— Ты, Билл? Какого дьявола тебе понадобилось?

Но Билл не обратил внимания на разъяренный голос брата и крикнул в сильнейшем волнении:

— Выходи скорей!.. Скорей!

— Зачем? — сердито ответил Чарли, направляясь к двери.

— Затем, что Файльс скачет позади меня. Я видел его издали.

Чарли вышел и, плотно закрыв двери, обошел кругом здания. Билл отошел от окна к своей лошади, стоявшей возле лошади его брата. Чарли следовал за ним. Они не говорили ни слова, пока не сели на лошадей. Тогда Билл спросил:

— Что это за место?.. И что за шкаф там в стене? Я видел, как ты закрыл его.

Глаза Чарли сверкнули гневом.

— Это тебя не касается, — сказал он шипящим голосом. — Я не намерен отвечать на твои дурацкие вопросы, пока ты не объяснишь мне свое поведение. Почему ты имел дерзость следить за мной и откуда ты знаешь, где следовало меня искать?

Билл с трудом подавил в себе вспышку гнева и негодующие слова, готовые вот-вот сорваться у него с языка. Он предпринял розыски брата после зрелого размышления и совещания с Элен. Но то, что Файльс находился здесь где-то поблизости, заставило его смирить свой гнев, и он, насколько возможно, сдержанно ответил брату:

— Ты думаешь, что я из простого любопытства последовал за тобой. Но ведь мы носим одну фамилию, и она может быть опозорена, как ты знаешь. Впрочем, я нахожусь здесь, чтобы рассказать тебе, что я слышал сегодня утром и что касается событий прошлой ночи. Файльс говорит, что вся шайка и ее вождь обвиняются теперь в вооруженном нападении на полицию, а это грозит двадцатилетним тюремным заключением.

— И все-таки, откуда ты знаешь, где меня следовало искать? — прервал его Чарли, и голос его был полон сдержанного гнева.

— Я не знал, — горячо протестовал Билл. — Один мальчуган сказал мне, что ты поехал вверх по долине, но не сказал в какое место. Я ехал наугад и нашел следы твоей лошади. Они привели меня сюда. Удовлетворяет тебя мое объяснение?

— Нисколько! — голос Чарли по-прежнему дрожал от ярости.

— Ты видел эту хижину и видел тайник. Если б ты не был моим братом, я бы убил тебя. Там моя тайна. И если кто-нибудь узнает это от тебя... я забуду, что

ты мой брат и поступлю с тобой, как будто ты — Файльс!

Билл снова с трудом сдержал приступ гнева, но когда самообладание вернулось к нему, он рассмеялся. Однако смех его был далеко не весел.

— Ах, Чарли! — вскричал он, протягивая к нему свои огромные сильные руки. — Ведь я бы мог схватить тебя этими руками и свернуть твою безумную, упрямую голову! Но твои глупые угрозы нисколько меня не пугают. Неужели ты думаешь, что я хочу отправить тебя в тюрьму? Разве я не пришел сюда, чтобы предупредить тебя об опасности? Дружище, ты обезумел от пьянства! Я здесь, чтобы помочь тебе, помочь, понимаешь...

Чарли холодно посмотрел на него.

— Когда ты уберешься из моего ранчо? — спросил он.

Билл был поражен. Он с силой опустил свой большой кулак на твердый край седла и яростно крикнул:

— Тогда, когда я захочу! Понимаешь? Я знаю, зачем остаюсь здесь. Если Файльс загонит тебя в тюрьму, то пусть загонит и меня туда же. Я не так ловок, как ты, в этих мошеннических делах, но я твердо решил, что человеку, который наложит на тебя руку, не поздоровится. Я ненавижу и в то же время люблю тебя. Я не могу вынести мысли, что ты двадцать лет будешь сидеть в тюрьме. Если Файльс вздумает тащить тебя туда, то ты станешь последним человеком, которого он сможет когда-либо захватить.

Чарли глубоко вздохнул. Он обвел глазами старый кораль со стоящей в нем крытой телегой и сенокосилку возле него, которая оставалась стоять как прежде, затем он молча взглянул на хижину, около которой снова стали собираться птицы.

— Я бы хотел, чтобы ты не был таким простофилей, Билл, — вдруг сказал он, и тон его стал более ласковым. — Разве ты не видишь, что я должен сыграть свою игру до конца? Я иду своим путем. Ты ведь ничего не знаешь, ни крошечки! Ты знаешь только, что Файльс стремится меня изловить. Пускай, если сможет! Желаю ему удачи. Но ему это не удастся. Он проиграет сражение раньше, чем выступит в поход. Мне не нужна помощь ни от кого. Умоляю, оставь меня одного!

— Что же, ты хочешь, чтобы он засадил тебя за решетку? — воскликнул Билл с негодованием.

— Если он сможет... — Чарли улыбнулся, и улыбка его была полна доверия.

Билл всплеснул руками.

— Ты смеешься надо мной! — воскликнул он.

— Так же, как и над Файльсом... Но выслушай меня, — сказал Чарли серьезно. — Может, я действительно негодяй, может, я действительно такой, каким ты и другие считают меня? Пусть так! Но я не изменник. Ты видел эту хижину и этот тайник. Мысль эта терзает меня. Если б это увидел кто-нибудь другой, то он не остался бы в живых. Забудь же, что ты видел, навсегда забудь! Если тебе это приснится, то ты подумай, что увидел во сне кошмар, и повернись побыстрее на другой бок. Билл, я торжественно клянусь тебе, что убью каждого, кто заговорит об этом или осмелится заглянуть внутрь! А теперь мы уйдем отсюда.

Чарли вскочил в седло и протянул брату руку.

— Ты понял меня? — спросил он.

Билл кивнул и торжественно пожал руку брата.

— Твои слова будут исполнены, — сказал он, — но твоя угроза ничуть не испугала меня.

Прошло несколько минут. Когда замер последний звук лошадиных копыт и на заброшенной вырубке снова воцарилась тишина, то в кустах раздался шорох, и какой-то человек просунул свою голову и плечи сквозь ветви кустарника и оглянулся кругом. Это был Файльс. Через несколько минут он выбрался из чащи и пошел к хижине. Обойдя ее кругом, он открыл двери, из которых опять навстречу ему выпорхнули птицы. Тщательно и подробно осмотрев внутренность хижины, он вышел наружу разочарованный. Ничего подозрительного в ней он не нашел.

Несколько минут он простоял в задумчивости, затем свистнул, и умная морда Питера появилась из-за кустов. Файльс вскочил в седло и уехал...

ПАРИ

Сильное возбуждение, вызванное в Скалистых Ручьях последней неудачей полиции в ее погоне за контрабандистами спирта, постепенно улеглось. Симпатии населения были на стороне контрабандистов. В сущности это ведь была обычная торговля и велась она во всей стране, только на этой территории, благодаря насильственному запретительному закону, введенному местными обществами трезвости, эта торговля превратилась в преступление. Такие взгляды открыто высказывались в кабаке О'Брайна.

— Я думаю, когда ребята разделаются с полицией, то этот дурацкий закон будет отменен, — говорил О'Брайн одному из своих постоянных посетителей, уверенный в его сочувствии. — Как вы думаете, Сторми Лонгтон? Ловкие молодцы, что и говорить! Будет о чем порассказать жителям долины впоследствии...

Он весело засмеялся, подавая своему гостю стаканчик запрещенного напитка.

На второй день после знаменательной ночи Кэт возвращалась домой после бурного церковного митинга в очень удрученном настроении. Она была утомлена физически и нравственно. Взойдя на мостик, она долго стояла, опершись на перила, и смотрела вдаль на старую сосну, участь которой была только что решена. Кэт не удалось отстоять ее, и легендарное вековое дерево, стоявшее в течение стольких десятков лет как страж долины, должно было пасть под ударами топора! Эта мысль не давала покоя молодой девушке и, несмотря на ее здравый практический ум, какой-то странный суеверный страх прокрадывался в ее душу...

— Вы заключили мир с... с вашим шефом? — спросила Кэт.

Стэнли Файльс стоял вместе с нею в тени дома, и Кэт ласково поглаживала бархатистую морду лошади, которую Файльс держал за повод. Он не обратил внимания на легкий оттенок иронии в тоне ее вопроса, и просто ответил:

— Я надеюсь... но не знаю наверняка.

— Вы послали свой рапорт и теперь ждете... приговора?

— Да, как те преступники, которых я приводил в суд, — сказал он с горечью.

— Ну, а какие у вас шансы на оправдательный приговор?

— Почти такие же, как у осужденного преступника. Насмешка исчезла из глаз Кэт.

— Но ведь вы же не наделали ошибок и не пренебрегали своими обязанностями? — сказала она.

— Нет. Но я был побит.

— Разве нет никакой надежды исправить дело? — спросила Кэт, и в голосе ее прозвучала даже нотка сочувствия.

Файльс пожал плечами.

— Может быть... если б я мог предложить что-нибудь определенное в будущем, мог бы восстановить свою прежнюю репутацию, — сказал он.

— А вы не можете? — спросила она, серьезно глядя ему в глаза.

— Видите ли, мисс Кэт, несколько недель назад я сделал одну ошибку... грубую ошибку. Перед самым моим носом были похищены бочонки с виски, а я стоял и смотрел как дурак, ничего не подозревая. Эти бочонки предназначались для Скалистых Ручьев. После того я просил начальника, чтобы он предоставил мне свободу действий и разрешил поселиться здесь, чтобы изловить контрабандистов на месте преступления. Но... но я преследовал двойную цель. Я не только имел в виду свою карьеру, я... я имел в виду вас, Кэт. Вы жили тут, и это привлекало меня сюда. Помните нашу первую встречу? С тех пор я только мечтал о том, чтобы попасть сюда и... видетсья с вами. Мое желание исполнилось. И что вышло? Я был побежден здесь теми, кого сам хотел победить, а вас я сделал своим непримиримым противником...

Он помолчал с минуту, Кэт ничего не отвечала и, отвернувшись, продолжала машинально гладить голову Питера.

— Я приехал сюда, — продолжал он слегка дрожащим от сдержанного волнения голосом, — потому что... потому что я полюбил вас, полюбил с первого взгляда. Я

никогда не думал, что это может случиться со мной. Любовь не играла никогда никакой роли в моей жизни. Я был только честолюбцем. А теперь я стал мечтать, мечтать об успехе, о достижении почетного положения в нашей стране ради вас, чтобы иметь право добиваться вашей руки, чтобы вы могли занять, как моя жена, достойное место в обществе. И вот — эти воздушные замки рухнули. Я не только потерпел неудачу по службе, но и вы стали моим врагом.

— Не врагом, только противником, — поправила Кэт тихим голосом.

— Разница невелика, — заметил он с горечью, — разве я могу надеяться на что-нибудь теперь?.. О, Кэт, Кэт! — воскликнул он страстно. — Если б вы могли полюбить меня, если б вы вышли за меня замуж, все остальное не имело бы никакого значения в моих глазах. Мне было бы все равно, какой ответ я получу на свой рапорт. Я не дорожу своей должностью. Я избрал эту профессию потому лишь, что мне казалось, будто я могу скорее подняться таким путем по служебной лестнице и занять со временем почетную должность на общественной службе. Но теперь у меня на многое открылись глаза. Каков бы ни был исход, выйду ли я победителем или снова потерплю поражение, я не останусь служить в полиции. Мое самолюбие не позволяет мне уйти теперь, сейчас же... побитым! И потом... это своего рода спорт. Я должен во что бы то ни стало захватить предводителя контрабандистов и, если это Чарли Брайант, — то доказать вам, что вы не правы. Между ним и мною стоите вы, Кэт... Скажите, вы не могли бы полюбить меня, Кэт? Не могли бы, вместе со мной, начать новую жизнь? У меня есть сбережения, достаточные для начала. И с вами рука об руку я не боюсь неудач и невзгод. Вы укажете мне другую дорогу, скажете, кем бы вы хотели видеть меня? И я достигну успеха, как бы это ни было трудно... Но вы молчите?.. Вы не можете любить меня? Этот человек, Чарли Брайант, стоит между нами. Вы любите его?

— Я уже говорила вам, что не люблю его так, как вы думаете, — сказала Кэт, пристально глядя ему в глаза.

— Ну так отчего же, отчего?.. — спросил он.

— Человек, которого я могу полюбить и за которого могу выйти замуж, не должен стараться повредить Чарльзу Брайанту, — ответила она.

— Опять Чарльз Брайант! — с отчаянием воскликнул Файльс.

Кэт вдруг засмеялась и, обратившись к лошади, которая ласкалась к ней, проговорила:

— О, Питер, Питер, должна ли я сказать твоему хозяину, что я знаю многое об этой долине, чего не знает и никогда не узнает полиция при всей своей проницательности? Должна ли я сказать ему, что он сделал бы гораздо правильнее, если бы перестал приписывать Чарли преступления, в которых тот неповинен? В долине нашли убежище действительно настоящие преступники, грабители и убийцы, и они живут в безопасности, полиция их не трогает. Она гоняется только за теми, кто нарушает нелепый закон, насильственно введенный на этой территории и нисколько не содействующий уменьшению пьянства.

— Пусть так! — возразил Файльс. — Не мое дело обсуждать законы. Я должен только следить за их выполнением. Нарушители закона — преступники и должны понести наказание.

— Если только будут пойманы с поличным, не так ли? — спросила многозначительно Кэт.

— Разумеется.

— Вот, до тех пор и оставьте Чарли в покое. Отзовите своих людей, чтобы они не ходили за ним по пятам, не выслеживали его, как охотничья свора дичь.

— Но я уверен, что он главарь шайки. Все улики против него. Хотите держать со мной пари?

— О чем?

— А о том, что он возглавляет контрабандистов.

— Каковы же ваши условия? — спросила она.

— Если вожаком контрабандистов, захваченным мной, окажется Чарли Брайант, то вы должны будете выйти за меня замуж... в наказание за свою веру в него и недоверие ко мне.

— Хорошо, — кивнула Кэт, глядя ему прямо в глаза.

— Вы соглашаетесь на мое условие, потому что вы верите, что он не попадется мне в руки и вы таким образом избегнете необходимости выполнить условие нашего пари, — проговорил он угрюмо. — Но помните,

Кэт, я вас люблю и готов поставить на карту свою жизнь, чтобы достичь цели... А теперь я вам скажу следующее, — прибавил он. — Я получил известие, что сюда отправляется груз. Вероятно, он прибудет в понедельник, приблизительно через неделю. Груз идет с востока. Конечно, в поселок его привезут ночью. Но как это будет сделано — я не знаю! В последний раз попытаю счастья.

Кэт ничего не сказала и только протянула ему руку на прощанье.

Глава XXIX

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Файльс переживал самое тревожное время своей жизни в течение тех нескольких дней, которые последовали за его последним разговором с Кэт. Эта неделя должна была решить его участь. Он еще не получил ответа от Язона, не знал, примет ли он во внимание его прежние заслуги или без всяких объяснений просто отзовет его из Скалистых Ручьев. А между тем он хотел остаться, хотел еще раз столкнуться с контрабандистами и, главное, захватить их главаря. Он был глубоко убежден, что им является Чарли Брайант, но для Файльса победа и его арест уже не были вопросом самолюбия. Все равно он бросает свою службу! Но ему надо выиграть пари, и это становилось для него вопросом жизни.

Несколько раз в течение этих дней он искал случая увидеться с Кэт, но безуспешно. Ее никогда не оказывалось дома, когда он приходил, и он нигде не встречал ее. Она, очевидно, избегала его.

В субботу он вдруг вспомнил, что Кэт вечером всегда приходит в молитвенный дом, чтобы привести его в порядок для воскресного богослужения. Отлично. Он отправится туда, как бы невзначай, и застанет ее. На этот раз судьба ему благоприятствовала, и он увидел в одном из окон здания свет. Значит, Кэт находилась там. Не доезжая двадцати ярдов до места, он слез с лошади и пошел пешком. Подойдя к двери, он услышал звук, как от падения чего-то тяжелого, и несколько минут не решался

поднять задвижку. Он хотел сделать это очень осторожно, но, тем не менее, старое ржавое железо закрипело. Тогда он сразу рванул старую дверь и вошел.

Он увидел Кэт, стоящую на коленях в дальнем углу комнаты и, по-видимому, старающуюся при свете небольшой керосиновой лампы, поставленной на полу, разостлать на место циновку, которая была свернута. Услышав, как скрипнула дверь, она с удивлением подняла глаза, но, увидев Файльса, тотчас же снова принялась за свою работу.

— Я буду чрезвычайно рада, когда окончится постройка новой церкви и богослужение прекратится в этом здании. Тут так грязно, — сказала она.

Файльс сделал несколько шагов к ней, но циновка была уже постлана на полу, и Кэт медленно поднялась на ноги.

— Сколько дней я ишу вас! — воскликнул он. — Но вы исчезаете, как блуждающий огонек... Вы нисколько не удивляетесь, что я явился сюда? Я хотел вам сказать, что я остаюсь здесь до понедельника.

— До понедельника? — повторила она задумчиво и потом прибавила: — Я уезжаю отсюда.

— Как? — воскликнул Файльс. — Вы уезжаете? А наше пари?

— Если я проиграю, я заплачу, как истый спортсмен. Но выдерживать дальше такое нервное напряжение я больше не могу. Меня мучает предчувствие беды.

— Не оттого ли, что ваш комитет постановил срубить старую сосну?

— Не знаю... Но мне очень больно, что это вековое дерево, стоявшее как страж у входа в долину, падет под ударами топора. Я уезжаю, чтобы не видеть этого.

— Единственное несчастье, которого вы боитесь, касается молодого Брайанта. А между тем вы утверждаете, что он не имеет отношения к контрабанде.

— Да, — ответила она решительно, — утверждаю...

Они вышли вдвоем из молитвенного дома, и Кэт заперла двери на замок. Затем она протянула руку Файльсу. Он нежно пожал ее и робко спросил:

— Отчего вы меня избегали последнее время?

— Отчего? — ответила она, улыбаясь и глядя ему прямо в лицо. — Вы забываете, что мы с вами антагонисты... до решения пари...

Файльс отъехал довольно далеко от поселка и был уже на полпути от лагеря, когда увидел впереди какого-то одинокого всадника. Время было уже позднее, и поэтому Файльс невольно схватился за револьвер, всматриваясь в темноту. Всадник остановился на дороге и как будто подождал его. Когда Файльс подъехал к нему, он сказал ему:

— Не трудитесь поднимать револьвер, инспектор. Ведь если бы я хотел вас застрелить, то мог бы это сделать раньше. Во всяком случае, я не собираюсь грабить на большой дороге. Но я поджидал вас, потому что у меня дело к вам.

Файльс подъехал ближе и, нагнувшись вперед, заглянул в лицо говорившему:

— А, Пит Клэнси! — воскликнул он, узнав его. — Мой револьвер не выстрелит, пока я этого не захочу. Во всяком случае, он более действен, чем ваш. Спрячьте ваш револьвер в кобуру и отдайте мне.

— Стрелять в красные мундиры полицейских невыгодно, — с грубым смехом ответил Пит, исполняя приказание.

— Ну, а теперь говорите: зачем вы здесь поджидали меня?

Пит смущенно засмеялся.

— А потому, что мне до смерти надоело нарушать закон, — ответил он, подавая револьвер Файльсу. — Может быть, он мне больше не понадобится, — прибавил он.

— Конечно, — сказал Файльс, — если вы хотите оставить дело, которым занимаетесь и... заслужить награду. Теперь скажите, чем вы занимались.

— Я возил виски сюда, — ответил Пит. — Но теперь на меня повлияла постройка новой церкви, и так как я благочестив, то не могу больше заниматься этим противозаконным делом и не могу допустить, чтобы другие этим занимались. Я хочу заняться законной торговлей.

— Это хорошо, — заметил Файльс, глядя на него в упор. — У вас есть покупатель и у вас есть что продать?

— У меня есть что продать и я думаю, что моим покупателем станете вы, мистер Файльс.

— Я покупаю только то, что мне нужно. Ну, а что вы продаете? — спросил Файльс.

— Я могу вам сообщить то, что вам очень нужно знать. И я скажу вам, если вы оставите меня в стороне, и я не буду замешан в это дело. Видите ли, я хочу перейти границу, не желаю видеть тюремную камеру и не хочу идти в суд. Я намерен как можно скорее удрать отсюда. Если вы обещаете устроить мне это, то я скажу вам, как будет доставлен сюда груз виски. Я знаю все детали операции, потому что сам участвую в его доставке. Дайте мне и моим товарищам обещание, что мы можем свободно уехать и никто нас не будет преследовать, и тогда я все скажу вам. Дайте мне ваше честное слово и обещание от имени властей!

— Кто же возглавляет шайку? — спросил Файльс.

— Тот, кого вы поймаете в понедельник ночью с пятьюдесятью галлонами виски, — отвечал Пит со злобной усмешкой.

— Скажите, зачем вам так хочется упрятать его в тюрьму?

— Зачем? Не все ли вам равно? У меня с ним свои счеты, — вскричал Пит с яростью. — Ведь вы хотели бы отомстить, если б вас ударили? Ну, и я всегда плачу такие долги, когда представится случай. Я бываю должен только деньги.

— Ну, говорите! — воскликнул Файльс с нетерпением. Ему хотелось поскорее кончить с этим человеком. — Я заплачу цену, которую вы потребуете. Моего слова достаточно.

— Тогда слушайте! — глаза Пита сверкнули злобой. — Груз будет отправлен по реке в понедельник около полуночи, а по дороге в то же самое время поедет фура с сеном и с ним будет большая часть шайки. Они рассчитывают, что, увидев большую фуру в такой час, вы станете ее обыскивать, чтобы найти виски. А в это время груз поплывет в лодке, и в этой лодке будет только один человек, — тот, кого вы так тщетно подстерегали все эти месяцы!

— Если все, что вы говорите, окажется правдой, то вы получите награду, которая полагается за такую услугу, и вам будет дана возможность беспрепятственно пересечь границу. Но если вы солгали... то берегитесь!

И прежде чем Пит успел ответить, Файльс прищипнул лошадь и ускакал.

На другой день было воскресенье, и Файльс рано выехал, надеясь увидеть Кэт, которая, как он знал, всегда бывала в этот день в молитвенном доме, но, к своему разочарованию, он встретил по дороге только Элен в сопровождении Билла и невольно улыбнулся, заметив, как прифрантился Билл для прогулки с молодой девушкой.

Элен сказала Файльсу, что Кэт не придет в молитвенный дом.

— Она собирается уезжать сегодня в Миртль, и у нее очень много дел перед отъездом, — прибавила Элен. — Знаете, Пит Клэнси сбежал от нас, и у Кэт остался только один работник Ник.

— Куда же ушел Пит? — спросил Файльс.

— Видите ли, — засмеялась Элен, — Билл побил его. Пит был пьян и очень нахален. Он стал лезть ко мне с любезностями, обнял меня. Я стала отбиваться и закричала. А в это время подошел Билл. Ну, вы понимаете, что потом было? Пит полез с ним в драку. Но Биллу силищи не занимать и, конечно, Питу порядочно досталось от его кулаков. Он сбежал после того.

— Ага, вот оно что! — проговорил Файльс, которому стало понятно поведение Пита и его намеки. Он мстил Биллу, предавая его брата.

Распрощавшись с Элен, инспектор решил все-таки повидаться с Кэт и поехал к пешеходному мостику против ее дома. Кэт он застал снаружи.

— Я приехал сюда по двум причинам, мисс Кэт, — сказал он. — Во-первых, многое может случиться в понедельник, и поэтому я хотел повидаться с вами до вашего отъезда. Я должен сказать вам, что я получил все необходимые сведения. Это была удача для меня, хотя и отвратительного свойства.

— Отвратительного? — повторила она с изумлением.

— Ну да! Как это ни претит мне, как полицейскому, но я, пожалуй, могу восхищаться лояльным мошенником и даже дружески отнестись к нему, хотя предатель и доносчик отвратителен мне до последней степени. К сожалению, в нашей профессии частенько приходится пользоваться услугами откровенных мерзавцев. Так вот, один из шайки стал изменником и сообщил мне весь план их кампании. Я знаю теперь все, что мне необходимо.

— Все? — спросила Кэт, с плохо скрытым волнением. — Значит, вы знаете, что Чарли ни при чем? Вы знаете, как были не правы, а я была права, когда спорила с вами? Говорите же мне скорее все, что вы узнали!

— К сожалению, доносчик не сказал мне, кто руководит контрабандистами. Он сообщил мне только их план действий, но для меня и этого вполне достаточно. Я поймаю их предводителя.

— Ах, как жаль! Если б Клэнси все сказал вам, то вы перестали бы подозревать невинного человека, и ваш план кампании в корне изменился бы. А так...

— Но я более чем уверен, что иду по горячим следам, и не сомневаюсь в успехе.

Кэт пристально посмотрела на него и спросила:

— Могу я узнать подробности?

— Конечно! — воскликнул Файльс. — Я не хочу скрывать от вас ничего. Предатель сообщил, что груз виски будет отправлен по реке в небольшой лодке и только один человек будет в лодке — предводитель. А в это время большая фура с сеном поедет по дороге и его будут сопровождать остальные члены шайки. Они рассчитывают на то, что мы начнем обыскивать фуру, и это нас задержит; лодка же успеет проскользнуть и доставить груз по назначению. Не правда ли, ловко придумано? И я должен сознаться, — прибавил он с сожалением, — что если б не измена, то этот план блестяще удался. Ну, а теперь, конечно, дело другое. Мы прежде всего обратим внимание на лодку.

— О, да, да! — вскричала Кэт с искренним восхищением. — Действительно, это ловкие, умные мошенники. Но, разумеется, вы должны прежде всего захватить лодку. Какое разочарование постигнет контрабандистов, когда вы не обратите внимание на фуру? Они обманутся в своих расчетах. Вот будет потеха!..

Отношение Кэт к этому делу и высказанное ею удовольствие по поводу неудачи контрабандистов привело в восторг Файльса. Значит, Кэт явно сочувствует ему! Если б только тут не был замешан Чарли Брайант!

Вдруг Кэт перестала смеяться и с тревогой сказала:
— Но этот доносчик... они его убьют?

— О, не бойтесь за него! — засмеялся Файльс. — Он переберется через границу раньше, чем они поймут в чем дело, а потом они все окажутся в наших руках.

— Я это упустила из виду, — заметила Кэт. — Я... я презираю доносчиков...

— Как и каждый честный человек, — серьезно ответил Файльс. — Я лично скорее подам руку убийце.

— Боже мой! — воскликнула Кэт. — Я бы хотела, чтобы поскорее миновал этот день. Мне кажется, что я стою на краю пропасти и готова упасть в нее. Мне представляется все каким-то кошмаром. Я чувствую, что никогда больше не захочу видеть эту долину. Но теперь я отступить не могу...

Файльс видел сильное волнение Кэт и приписывал его беспокойству девушки за участь Чарли.

— Завтра в ночь все решится. Вы или посмеетесь надо мной... или... выйдете за меня замуж! Помните наше пари? Оно имеет огромное значение для нас обоих и... в особенности для меня. Вы будете рады, если я проиграю, и это понятно. А я? Если я выиграю, то выиграю только вас, но не вашу любовь. И поэтому наше пари представляется мне какой-то нелепой, безумной игрой. Я раскаиваюсь, что затеял его. Мне нужна ваша любовь... а не вы! И я отказываюсь от выигрыша...

Кэт ничего не ответила. Файльс, помолчав, продолжал:

— Знаете, Кэт, по мере того как проходили дни и приближался кризис, я все менее и менее чувствовал себя полицейским. Я начинал ненавидеть свою деятельность. Прежде я как-то не задумывался над ней и только исполнял свой долг, подчинялся предписаниям начальства. Я и теперь исполню его, но после того буду свободным и выберу деятельность, которая мне придется больше по душе. Лишь бы вы, Кэт, вы не презирали меня! Я отказываюсь от пари... Прощайте!

— Прощайте... желаю вам счастья... — прошептала девушка.

НЕОЖИДАННОСТЬ

Чарли Брайант очнулся только к вечеру от своего опьянения. Он лежал на дороге около кустов; голову разламывало от боли, мучила нестерпимая жажда. Он присел на земле, но некоторое время никак не мог сообразить, где он находится и что с ним случилось. Наконец, он вспомнил, что набрался в кабаке О'Брайна и покинул его совершенно пьяным. Он вскочил на свою лошадь и, должно быть, ехал до тех пор, пока не свалился на землю и заснул там, где упал.

Какой же день сегодня? Понедельник? Ему смутно вспомнилось что-то, касающееся понедельника. Он чувствовал себя прескверно, но мало-помалу мысли его стали проясняться. Он с трудом поднялся на ноги, подошел к своей лошади, щипавшей траву неподалеку, распутал поводья, поправил седло, съехавшее набок, и вскочил в него, предоставив лошади выбрать дорогу.

Лошадь быстро побежала по тропинке, проложенной скотом в чаще кустарника, но Чарли, занятый приведением в порядок своих мыслей, не следил за дорогой. Вдруг его лошадь закинула голову и поджала уши; в тот же момент Чарли услышал невдалеке тихое ржание. Он тотчас же соскочил с седла, привязал лошадь в кустарнике и пошел дальше пешком. Теперь он сообразил, что находился возле заброшенного кораля. Он углубился в кусты и, дойдя до вырубки, увидел двух лошадей, привязанных к загородке кораля. Одну он узнал тотчас же: это была лошадь Файльса, а чья была другая — не имело значения. Он остановился и стал прислушиваться, опустив руку в карман, где у него лежал револьвер. Скоро до него донеслись голоса. Два человека подходили к хижине: это были инспектор Файльс и Пит Клэнси. Они о чем-то разговаривали.

Слепое бешенство овладело Чарли, и он с трудом удержался, чтоб не выхватить револьвер и не выстрелить. Но благоразумие взяло верх. Следовало прежде узнать, о чем они говорят. Чарли стал прислушиваться. Ему с самого начала стало ясно, что тут была измена, а теперь он узнал, что Пит выдал Файльсу тайну кораля и хижины.

— Кто же он такой? — допытывался Файльс, требовавший, чтобы Пит назвал предводителя контрабандистов.

Чарли затаил дыхание. Но Пит, злобно усмехнувшись, сказал:

— Сами увидите, инспектор, когда захватите его в лодке. Я указал вам, как захватить его, и с вас довольно. Вы ничего не можете сделать мне потому, что я действовал по закону, я выполнил условие. Теперь очередь за вами.

Чарли вздохнул с облегчением, но все-таки ярость его против предателя разгоралась все сильнее и сильнее. Файльс вскочил на лошадь и выехал на тропинку. Первым побуждением Чарли было пристрелить инспектора. Это было нетрудно сделать и, пожалуй, казалось лучшим средством нейтрализовать последствия измены. Но он вовремя сообразил, что Файльс наверняка передал другим своим помощникам рассказ Пита, и они могли заменить его. Не приходилось сомневаться, что сегодня ночью ни в коем случае нельзя завозить сюда запретный товар. Следовало как-нибудь предупредить об опасности...

Чарли наблюдал за Питом, который не спеша отвязал свою лошадь и отвел ее на некоторое расстояние от ограды кораля. Затем он тщательно запер дверь хижины и уничтожил свои следы и следы полицейского инспектора. Тогда Чарли вышел из кустов и громко крикнул:

— Проклятый изменник!..

Пит тотчас же повернулся и стал стрелять в Чарли. Первая пуля прострелила его шляпу, другая — рукав, но прежде чем прогремел третий выстрел, Чарли спустил курок, и Пит рухнул.

С полминуты Чарли смотрел на убитого, потом толкнул ногой мертвое тело и быстрыми шагами направился к хижине. Он вошел в нее и открыл секретный шкаф. Он оказался совершенно пуст.

Близилась полночь, когда Чарли вернулся домой и разбудил брата. Билл испугался, когда увидел его. Чарли был смертельно бледен и, видимо, сильно расстроен, так как едва мог говорить.

— Билл, — простонал он, — Пит Клэнси, которого ты отколотил, сделался изменником и я... я застрелил

его! Сегодня ночью привезут груз виски, и Файльсу все известно... Они все будут захвачены, все, до одного человека!..

— Ты... ты убил Пита? — вскричал Билл, которого поразило только это одно из рассказа Чарли.

— Да! Да! — воскликнул Чарли с нетерпением. — Я бы убил каждого за такую измену. Но не в этом дело. Главное — другие! Я должен поехать и задержать груз. Бог мой, уже полночь! Если полиция...

— Но ты, Чарли? — вскричал Билл. — Ведь они схватят тебя и... повесят за убийство Пита!

— Ах, не все ли мне равно, что они со мною сделают? Меньше всего я думаю о себе. Теперь полночь, и я еще успею... Билл, ты предлагал мне свою помощь. Так поедem со мной. Полиция, безусловно, попытается остановить нас, но если нас будет двое, один сможет пробиться и вовремя предотвратить опасность...

Билл не колебался ни секунды. Его большие голубые глаза засверкали. Чарли, безумный, но горячо любимый брат в опасности!..

— Дай мне револьвер и едем! — крикнул он. — Пусть только кто-нибудь посмеет наложить на тебя руки, Файльс, или Мак Бэн, или даже сам дьявол!..

Через минуту братья бешено проскакали через поселок, не думая о том, что могут перебудить всех жителей.

Небольшая лодка медленно скользила по реке, временами освещаемая луной, которая то показывалась, то снова скрывалась в тучах, гонимых по небу легким ночным ветерком. В лодке сидел всего один гребец, ловко действовавший веслом. Берега речки, извивавшейся серебристой лентой по долине, казались пустынными, но зоркие глаза гребца заметили нескольких человек, притаившихся в кустах, и губы его тронула саркастическая усмешка, когда он взглянул на тяжелый груз, лежавший на дне лодки у его ног. На берегу сидели в засаде десять или двенадцать полицейских, а он был один.

Раздался повелительный окрик:

— Задержать лодку! Притянуть ее к берегу! Надо осмотреть груз...

Гребца без церемонии вытащили из лодки.

— Как вас зовут? — грозно спросил Мак Бэн.

— Святоша Дик! — ответил с усмешкой гребец.

В это время луна скрылась за тучами, и сержант не мог разглядеть лица захваченного человека. Был ли это тот, кого они ждали? Несмотря на темноту, он все же разглядел седые волосы и насмешливые глаза. Черты лица и впрямь были ему знакомы. Несколько минут сержант колебался, потом сказал авторитетным тоном:

— Вы арестованы!

— Но... — пробовал протестовать Дик. Мак Бэн велел ему замолчать.

Один из полицейских подошел к пленнику и надел ему наручники. Пленник продолжал ухмыляться. Сержант вышел из себя и грозно спросил:

— Сколько?

Полицейский, осматривавший лодку, подошел к нему и вполголоса сказал, стараясь, чтобы пленник не расслышал его ответа:

— Нисколько, сержант! Лодка тяжело нагружена камнями для...

Злорадный смех прервал его слова. Протянув руки сержанту, арестованный сказал, указывая на наручники:

— Вы бы велели их снять, сержант. Вдруг они пригодятся для кого-нибудь другого.

Сержант повернулся к своим людям.

— Освободите его и живо на лошадей... Бог мой, они опять провели нас!..

Все ускакали за фурой с сеном, которая уже успела проехать дальше. Согласно показаниям Пита, запретный груз должен был находиться в лодке, а не в фуре, предназначенной лишь для отвода глаз. Надо было нагнать фуру во что бы то ни стало.

Полицейские начали стрелять; фура остановилась. Оттуда тоже раздались ответные выстрелы, и несколько темных фигур метнулось в лес. Но когда преследователи настигли фуру, она оказалась пустой: виски в сене не нашли.

Файльс, остававшийся с двумя полицейскими на дороге несколько дальше, слышал выстрелы и очень волновался, дожидаясь сержанта с его отрядом полицейских. Наконец, он увидел их издали и тотчас же поскакал навстречу им.

— Вы захватили лодку? — крикнул он сержанту.

— Да... Но там ничего не оказалось, кроме камней.

Проклятие сорвалось с губ Файльса. Он опять остался в дураках...

— Поедем дальше... вперед... Груз должен находиться где-нибудь тут... недалеко... Мы обязаны найти его.

Он погнал Питера вскачь по дороге.

Небольшая фура, запряженная парой прекрасных лошадей, как раз в это время проехала открытый участок прерии и углубилась в лес. Молодой возница в темной куртке и широкополой шляпе, скрывающей его юное красивое лицо, правил осторожно, не торопясь и прислушиваясь. Он выбирал дорогу между кустами, которая скрывала бы его от посторонних глаз. Но дорога была пустынная, и, казалось, в ночной темноте никто не мог бы увидеть его. Но он был неспокоен. Ему казалось, что он слышал отдаленные выстрелы.

«О, сумасшедшие! — подумал он, судорожно дернув вожжи и заставив лошадей пуститься вскачь. — Вооруженное сопротивление полиции — просто безумие! Это уже не обычная контрабанда, не простая насмешка над нелепым законом! Это...».

Но мысли его были прерваны. Он ясно услышал лошадиный топот. Погоня?.. Надо скорее, как можно скорее добраться до тайника и там оставить груз! Дальше ехать нельзя. Если это удастся, то он и товарищи будут спасены. Он не знал, что случилось и чем вызвана перестрелка. Однако погоня приближалась, и он понял, что ему больше ничего не остается, как бросить груз и спастись бегством. Ему казалось, что двери тюрьмы уже открываются перед ним. Он соскочил с фуры, которую загнал в густую чащу, бросился к оседланной лошади, привязанной сзади, вскочил на нее и помчался по прерии к Скалистым Ручьям.

Тропинка пролегала по склону холма, постепенно уходя вниз, и кончалась в широкой ложине, на дне которой было почти высохшее болото и покрытый тростником и зарослями кустарника ручей. Отсюда тропинка круто поднималась вверх и терялась в лесной чаще, за которой снова расстиралось широкое пространство прерии.

По этой тропинке быстро скакали два всадника; один высокий и плотный, другой тонкий и небольшого роста. Это были Чарли и Билл. Оба молчали и только напряженно прислушивались ко всем звукам, раздававшимся в ночной темноте. Лошади бежали по откосу с головокружительной быстротой, и на полдороге Чарли, обернувшись к брату, крикнул отрывисто хриплым голосом, указывая вниз:

— Кто-то едет?.. Мчится?.. Смотри!.. Безумец!.. Разве он не знает, что там топь?.. Болото!.. Его лошадь провалится!..

— Надо бы крикнуть... предупредить! — сказал Билл.

— Поздно!.. О, боже мой!.. Скачем туда... Бедняга!... Как он свалился. Торопись! — крикнул Чарли.

Они погнали своих лошадей. Надо было поспешить на помощь неизвестному всаднику, который на всем скаку свалился на край болота. Чарли первый подскочил к нему. Лошадь, запутавшаяся в порослях и свалившаяся вместе с всадником, делала невероятные усилия, чтобы подняться на ноги, но всадник лежал неподвижно там, где упал.

Когда Билл соскочил на землю, Чарли крикнул ему, чтобы он подержал лошадь упавшего всадника, а сам опустился на колени возле него. Пораженный Билл вдруг услышал стон и рыдания.

— Кэт!.. Кэт!.. Зачем вы это сделали?.. Зачем?.. О, боже, она умерла!.. Не может быть!.. Кэт, дорогая, любимая, скажите мне хоть одно слово! — Чарли рыдал и обнимал молодую девушку, лежавшую на земле. В этот момент Билл испуганным голосом позвал его:

— Чарли! Чарли!.. Я слышу погоню... Скачущих лошадей!.. Чарли растерянно поглядел на брата, но затем сразу сообразил в чем дело и, подняв бесчувственную девушку, переодетую мужчиной, крикнул брату:

— Скорее, Билл!.. Вот, держи ее! Ты сильный. Положи ее спереди на седло и возьми мою лошадь с собой.

В тот момент, когда Чарли приподнял ее с земли, Кэт открыла глаза. Она была жива и только ошеломлена падением.

— Это полиция! — шептала она. — Там стреляли... Они гонятся за мной... О!..

Чарли взглянул последний раз в лицо Кэт, поднимая ее и передавая на руки брату, уже сидевшему в седле:

— Скачи, Билл, не теряя ни минуты... Поезжай вдоль берега болота, прямо в чащу леса. Там спрячься и жди, когда дорога очистится. А тогда отвези ее к ней домой... Предоставь полицию мне. Обо мне не заботься, думай только о ней, она для меня все на свете...

Билл больше ни о чем не спрашивал. Он теперь знал, что от него требовалось, и тотчас же поскакал в том направлении, которое ему указал Чарли. Когда он исчез в лесной чаще, Чарли повернулся к уже поднявшейся лошади Кэт и вскочил в седло. Его решение было принято; он должен был спасти Кэт, и поэтому ему надо было обмануть полицию, увлечь ее за собой. Он подождал, и когда увидал призрачные тени на вершине холма, он пустил свою лошадь вскачь и помчался наверх. По дороге он дважды выстрелил из револьвера. Он знал, что не может попасть в полицейских, но ему это и не требовалось. Он только хотел посредством этих выстрелов не оставить у них никаких сомнений в том, что он был именно тот, кого они искали столько времени.

Файльс и Мак Бэн тоже начали стрелять. Они пристрелили лошадь Чарли, когда она еще не достигла вершины холма. Лошадь свалилась на всем скаку вместе с всадником, который остался лежать неподвижно. Лошадь билась в предсмертных судорогах, и полицейский солдат, прибежавший на место происшествия, пристрелил ее, чтобы она не мучилась. Подошел Файльс и опустился на колени возле тела Чарли.

— Он мертв, — сказал он, поднимаясь, — но он не был ранен, нет! Я не вижу следа пули. Должно быть, он сломал себе шею при падении на всем скаку... Бедняга! — прибавил он. — Это был безумец, но умный и удивительно смелый парень... Вы уверены, что он умер, капрал?

— Да, — отвечал тот, — умер и, похоже, мгновенно.

— Мне жаль... Жаль его, капрал! — повторил Файльс. — Мы исполнили свой долг, но...

Едва забрезжил рассвет следующего утра, как вся долина Скачущего Ручья пришла в движение, но не вследствие событий прошлой ночи, хотя эти события и

были таковы, что могли поднять всех обитателей поселка спозаранок. Ведь произошла как-никак перестрелка с полицией, но груз виски не удалось захватить; ловкие контрабандисты и на этот раз провели полицию и подсунули ей груз камня вместо бочонков виски.

Однако не это обстоятельство заставило жителей поселка так рано покинуть свои постели. Изо всех труб уже струился дымок, и хозяйки торопились варить кофе и готовить завтрак для мужей. Везде слышалась оживленная речь. В домах открывались двери, и на пороге появлялись люди, мужчины и женщины, весело здоровавшиеся с соседями. Выбегали дети с луками и стрелами, и улица наполнялась оживленными голосами. Все как будто спешили куда-то.

На нижних окраинах поселка находился квартал, обитаемый представителями так называемой местной аристократии. Там стоял дом миссис Джейн Дэй, занимающей выдающееся положение в Скалистых Ручьях и руководящей всеми общественными делами. Она вышла в это утро из своего дома в сопровождении всей свиты из нескольких дам и пары мужчин, членов церковного комитета, и вместе с ними величественно направилась туда, где уже толпа ожидала ее появления.

Достаточно было взглянуть на собравшихся, чтобы догадаться о важности предстоящего события. Все взоры были обращены в ту сторону, где над входом в долину возвышалась одинокая гигантская древняя сосна. Теперь она выделялась еще рельефнее, потому что кругом нее были срублены все кусты и молодая поросль. Она стояла словно преступник, приготовленный к казни и ожидающий ее. Пилы и топоры, которые должны были нанести легендарному гиганту растительного царства смертельный удар, были наготове, и палачи, то бишь пильщики и дровосеки, ожидали только сигнала. Огромный ствол, обнаженный от веток, опутали длинными и толстыми канатами, концы которых растянули на четыре стороны и прикрепили к другим большим деревьям, растущим на краю вырубки. Кроме того, к нижней части ствола прикрепили толстую цепь и к ее концу, подальше от края падения дерева, привязали две пары сильных ломовых лошадей, которым надлежало тащить дерево дальше, когда оно начнет валиться.

Наконец, церемония началась. Миссис Дэй в качестве председательницы церковного комитета, голосовавшего за то, чтобы эта легендарная сосна была срублена, обратилась к собравшимся с напыщенной речью. Председательница вся лучилась торжеством. Постройка церкви была ее апофеозом, и она чувствовала себя более чем когда-либо на вершине власти и влияния в Скалистых Ручьях.

Когда она кончила говорить, то ее речь, которую, однако, почти никто не слушал со вниманием, была, как и все подобные торжественные речи, встречена бурными аплодисментами. Миссис Дэй была довольна. Она подала сигнал, и началось второе действие, раздался лязг пилы и стук топора. Напряжение толпы возрастало.

Верхушка могучего дерева покачнулась, канаты, удерживавшие его падение, вдруг оборвались, и раздался оглушительный треск. Дерево как бы повернулось вокруг своей оси и с последним могучим ударом, похожим на выстрел из огромного орудия, рухнуло со страшным треском и грохотом на крышу молитвенного дома.

Толпа оцепенела от ужаса. Древнее дерево, срубленное на постройку новой церкви, как будто мстило за себя, разрушив прежнее место молитвы. После ужасающего грохота наступила какая-то зловещая тишина, длившаяся несколько мгновений. Наконец, люди постепенно стали приходить в себя, и группа мужчин и женщин бросилась к месту происшествия, чтобы увидеть размеры разрушения. Упавший великан растительного царства лежал большею частью своей колоссальной кроны далеко за разрушенным зданием. Только несколько нижних ветвей прикрывали дом. Но он был совершенно разрушен. Прочные стены, выдержавшие столько бурь, простоявшие столько десятилетий, вдруг рассыпались, точно слепленные из глины. Старая крепкая бревенчатая крыша превратилась в щепки, рассыпавшиеся кругом, словно спички из коробка. А среди груды обломков, которую представляло теперь здание, глазам любопытных зрителей открылось необыкновенное зрелище. Под разбитым полом оказался большой погреб, о существовании которого никто и не подозревал. Но этот погреб не был простой реликвией прошлых веков, а служил современным целям: он был наполнен бочонками с виски. Их

насчитывалось больше сотни, одни из них были уже пусты, другие — полны. Это был тайный погреб контрабандистов.

— Каков финал? — воскликнул О'Брайн, находившийся в числе зрителей. — Нашелся бы здесь хоть один полицейский, который бы додумался искать запретный напиток в молитвенном доме? Никогда на свете! Здесь он был в такой же безопасности, как если бы хранился в казначействе Соединенных Штатов. Ну, что за молодцы!.. — и О'Брайн потирал себе руки от удовольствия.

В толпе произошло движение. До этой минуты ни один полицейский не показывался на месте происшествия, теперь же приехал Файльс. Он соскочил с лошади, увидав толпу, и направился к ней.

— Что случилось?.. — спросил он.

— Неожиданное приключение, — ответил ему О'Брайн, стоявший у разрушенной стены. — Пытались уничтожить заколдованное древнее дерево, а разрушили «Прачечную душ», т. е. молельню. Пойдите, взгляните, инспектор. Я думаю, вам интересно будет посмотреть, как тут мирно уживались рядом виски и религия.

— Что такое? — строго спросил Файльс, пристально взглянув на говорившего.

— А то, что погреб полон бочонками превосходного виски. Впрочем, некоторые из них уже пусты. Меня бы огорчило, если б вы вылили это виски, — прибавил с усмешкой О'Брайн. — Да, пока жители распевали псалмы наверху ради спасения своих душ в загробном мире, под их ногами, внизу, было спрятано то, в чем они искали утешения в этом мире... Вот так-то, инспектор!..

Файльс как-то странно посмотрел на него и, пройдя сквозь толпу назад к своей лошади, уехал.

Глава XXXI

ИСПОВЕДЬ

Прошло девять дней после последних знаменательных событий, и волнение в долине Скачущего Ручья

мало-помалу улеглось. Файльс донес своему начальству о находке склада контрабандистов и смерти их предводителя, которым он продолжал считать Чарли Брайанта. Начальство было удовлетворено, и полицию отозвали из Скалистых Ручьев. Предполагалось, что контрабандисты после таких чувствительных потерь не скоро будут в состоянии возобновить свою деятельность. Таким образом, в Скалистых Ручьях спокойствие постепенно восстановилось, толки прекратились, и только в кабачке О'Брайна по-прежнему собирались обычные посетители, пока еще оставались прежние запасы виски.

Кэт вернулась домой, но она была так расстроена всем пережитым ею в ту памятную ночь, что Элен просто пришла в отчаяние. Она не узнавала свою мужественную сестру, которая всегда служила ей поддержкой. Теперь Кэт сама нуждалась в поддержке, и Элен совершенно растерялась, не зная, что с ней творится, когда Кэт, рыдая, объявила ей:

— Не подходи ко мне, Элен! Оставь меня одну... Я недостойна жить... Я — убийца!.. Я убила его... Какое страшное наказание за мою самонадеянность и легкомыслие! Я не вынесу этого...

Элен не знала, что ей делать, и выбежала из комнаты сестры в слезах. К довершению огорчения Билл куда-то уехал из Скалистых Ручьев и до сих пор не возвращался. Отчего он оставался так долго в отсутствии? Что это означало? Какое новое горе ожидало ее?

Кэт сидела все такая же безмолвная и удрученная, какой была в первый день своего возвращения домой. Она почти не разговаривала с сестрой, не хотела никого видеть и не выходила на улицу. Она чувствовала себя усталой нравственно и физически, и Элен, поглядывая на нее, недоумевала, что привело ее в такое состояние и почему она обвиняет себя и называет убийцей Чарли. Каждый день Элен со вздохом повторяла: «Ах, если б приехал Билл! Куда он девался? Почему он не подает о себе никаких вестей?..»

Дни проходили за днями, унылые, однообразные, не внося никакой перемены в жизнь сестер.

Однажды Кэт только что закончила мытье посуды после ужина и убрала ее в буфет, как вдруг Элен, раскачивавшаяся в старом качальном кресле, сказала ей:

— Кэт, дорогая, я очень устала!.. Мы обе устали, устали до смерти! Но... но помочь этому невозможно! Мы, конечно, должны продолжать свое дело и никого нет теперь, кто бы помог нам... Слушай, Кэт, я думаю, мы больше никогда не увидим ни Пита, ни Ника. Скажи мне, нам самим придется работать на нашем участке? Посмотри на меня! — она улыбнулась, и оттенок прежней живости мелькнул в ее красивых глазах. — Разве ты не замечаешь, что я уж давно не надевала ни одного из своих хорошеньких нарядных платьев?.. С того самого дня!.. Я уже превратилась в бродяжку.

Тень улыбки скользнула по печальному лицу Кэт, и она сказала:

— Может быть, нам придется нанять работников в скором времени. Я надеюсь... Конечно, мы вряд ли когда увидим Ника. А что касается Пита... полиция нашла его труп.

— Ты мне не говорила этого! — вскричала Элен.

— Зачем расстраивать тебя еще больше? — ответила Кэт. — Скажи мне, когда вернется Билл?

— Я не знаю. Он написал мне только одно письмо, в котором сообщал, что как только покончит с делами Чарли, то немедленно телеграфирует мне о дне приезда. Он находится в Эмберли. Но письмо было написано им уже много дней тому назад... Кэт, — прибавила она после минутного молчания, — ведь я никогда не расспрашивала тебя ни о чем. Но я хотела бы знать, каким образом ты вернулась в тот день и почему? Я тебя ждала только на другой день.

Кэт ответила слегка дрожащим голосом:

— Я вернулась верхом... вернулась... потому что должна была вернуться!

— Но почему?

— Не спрашивай меня, Элен. Я не могу ничего сказать тебе. Потом... когда-нибудь...

— Я знаю, знаю! — воскликнула Элен. — Ты всегда защищала Чарли, ты верила в него. И ты уехала из-за него. Ты хотела помочь ему, спасти его. Но ты знала все время, что он поступал против закона. О, Кэт, и я знала... я все время знала это!

— Элен, клянусь, я говорила правду. Чарли был честнейший, благороднейший человек, несмотря на все

внешние признаки, и он умер самой благородной, героической смертью!

Она замолчала потому, что слезы, хлынувшие из ее глаз, не дали ей говорить.

Прошло четыре недели. Солнце уже склонялось к закату, когда Элен, покончив с домашними делами, вышла на дорогу и, остановившись у пограничного столба, стала смотреть вдаль. Она так поступала ежедневно, но всегда возвращалась разочарованная; дорога оставалась пустынной по-прежнему. Но сегодня она увидела вдали всадника, который быстро ехал по дороге. Это мог быть только Билл!.. Сердце Элен запрыгало от радости. Но когда всадник стал приближаться, девушка убедилась, что ошиблась. Он не был такой большой и крупный, как Билл. Кто бы это мог быть?..

И вдруг она узнала во всаднике Файльса. Он на всем скаку осадил Питера, когда подъехал к ней.

— Как, мисс Элен, вы здесь? — воскликнул он с удивлением.

— Я жду Билла, — ответила она.

— Билл едет за мной, — сказал он. — Он выехал из Эмберли раньше меня, но так как я предполагал, что он не жаждет оказаться в моей компании, то и поехал другой дорогой и даже опередил его. Но он должен прибыть с минуты на минуту... Да вот и он! Смотрите, вон там на дороге!

Элен взглянула на дорогу и тотчас же побежала навстречу скачущему всаднику.

Кэт Сетон стояла у окна, повернувшись спиной к двери и поэтому не видела, когда вошел в комнату Файльс. Она обернулась, когда он окликнул ее.

— Зачем... зачем вы приехали сюда? — воскликнула она. — Я так старалась забыть все, что было, а вы явились, чтобы напомнить мне все то ужасно тяжелое, что чуть не свело меня с ума! Будьте же милосердны! Я хочу забыть... забыть!

— Кэт! — воскликнул он, и лицо его покрылось легкой краской. — Неужели вы думаете, что я хочу напомнить вам о нашем безумном пари? Я сам хочу забыть об этом. Это была игра, в которой на карту была поставлена человеческая жизнь, и мне больно думать об этом...

— Ну так зачем же вы приехали сюда? — спросила она.

— Я приехал... потому что люблю вас, Кэт! — проговорил он с чувством. — Я приехал, чтобы молить вас о прощении. Если бы вы могли подать мне хотя бы тень надежды, что я могу искупить свою вину и что вы... вы иначе отнесетесь ко мне!..

— Кто говорит о вине? Вина лежит на мне, — прервала она с горячностью. — Это я причина смерти Чарли. Ах, вы не понимаете!.. Спросите Билла. Он тоже участвовал в этой жертве, хотя и не понимал всего, не понимал всего величия самопожертвования и благородства своего брата... Как я могу жить с этим бременем на душе?..

Слезы хлынули у нее из глаз, и она не могла больше говорить.

— Кэт, любимая, дорогая, расскажите мне все, облегчите душу! — молил он, ласково беря ее руку и поглаживая ее. — Ведь я люблю вас, Кэт, люблю вас больше всего на свете! И я ваш друг, помните это!

— Вы ужаснетесь, если узнаете правду, — прошептала она.

— Какой бы горькой ни была эта правда, для меня не имеет ни малейшего значения! — сказал он твердо. — Я все равно не перестану любить вас... Говорите мне только то, что хотите сказать ради облегчения своей души. Я ведь не судья вам. Повторяю, я ваш друг и хочу стать вашей опорой в жизни. Дайте мне вашу руку, Кэт. Взгляните на меня!

Кэт подняла на него свои заплаканные глаза и проговорила:

— Я занималась здесь контрабандой виски целых пять лет... Я возглавляла контрабандистов, а не Чарли. Разве мое признание не приводит вас в ужас, Стенли?

— Нет, — отвечал Файльс. — Я не ужасаюсь, но поражаюсь вашей изумительной смелостью и отвагой.

— Это так просто, — возразила Кэт. — Никакой особенной отваги не требовалось, только немного изобретательности, находчивости да присутствие духа. Сам этот бездарный закон таков, что облегчает борьбу против него. Ведь вы не вправе никого арестовать лишь по подозрению, вам надо захватить с поличным, а при известной ловкости... Я нахожу этот закон нелепым, не вижу от него никакой пользы, вы ведь согласны, что это так? Поэтому меня возмущают люди, которые, по-

добно вам, преследуют его нарушителей и карают как настоящих преступников. А между тем какие они преступники? Чьи права они нарушили? Не будь этого закона, они были бы мирными торговцами и больше ничего... Нас окружали нарушители закона, и участие в этой контрабанде доставляло мне такое же удовольствие, как спорт. Мне нравился риск и сопряженные с ним сильные ощущения, нравилось придумывать замысловатые уловки, чтобы провести полицию, и пять лет это мне удавалось. И на сей раз все сошло бы благополучно, если бы не измена... Торговля виски незаконна, но доход, приносимый ею, вполне законен, такой, какой она приносит каждому в других провинциях, где нет запретной территории.

Элен ничего об этом не знала, не знает и до сих пор, и я желала бы, чтоб она никогда не узнала. Я выработала план во всех деталях и представила его контрабандистам. Мы обсудили его, и они все примкнули ко мне. Им нравилось, что ими руководит женщина, и они безусловно повиновались мне. Конечно, я должна была переодеваться мужчиной. Мой рост и моя фигура помогали мне в этом, и когда я участвовала в набегах и перевозке бочонков виски, то никому и в голову бы не пришло принять меня за переодетую женщину. Мое же имя и моя репутация служили для нас наилучшей защитой. Кэт Сетон никто не решился бы заподозрить! Но я стояла во главе организации и несла на себе всю ответственность. Я закупала груз за границей; остальные были только моими помощниками и абсолютно повиновались моим приказаниям. Я держала их в руках...

Кэт сделала паузу и затем, вздохнув, продолжала тихим голосом:

— Я начала свою исповедь и dokonчу ее, потому... потому что я тоже люблю вас и хочу, чтобы вы увидели меня в истинном свете... Чарли приехал сюда, и очень скоро положение усложнилось. Он приехал, чтобы заняться хозяйством на ранчо. Отец отказался от него и отправил в изгнание. Мне стало жаль его, и я пробовала отвлечь его от пьянства. Я полюбила его как мать или как старшая сестра. Он был такое доброе, кроткое и благородное создание! Но, к несчастью, он смотрел на меня другими глазами и просил меня выйти за него за-

муж. Я отказала: он запил сильнее прежнего и заболел... Конечно, я ухаживала за ним и в конце концов он поправился. Я снова принялась за прежнюю работу. И вот Чарли узнал мою тайну. Как это удалось ему, я не знаю, но, однажды, он сказал мне, что нашел случайно в лесу брошенный старый кораль в верховьях долины. Об этом корале никто не знал, и он мог бы послужить превосходным тайным убежищем. Он уговорил меня пойти с ним и посмотреть, что это такое. Я согласилась. Он показал мне кораль, хижину и потайной шкаф и, глядя мне прямо в глаза, сказал: «Не правда ли, какое чудесное место? Если бы я был крупным контрабандистом виски, то непременно воспользовался бы им. Я здесь прятал бы свой костюм, в который я бы переодевался, и никогда полиция не нашла бы его. Если уж бороться с законом, то надо предвидеть все случайности. Я бы занимался контрабандой в широких размерах и прятал бы свой товар в погребе молитвенного дома. Никто о нем не знает. Я случайно его обнаружил, и ни одна душа не подозревает о его существовании!» И Чарли изложил мне продуманную до мельчайших деталей схему, которую практически осуществил бы, будь он сам контрабандистом виски. Я поняла, что ему моя тайна каким-то образом стала известна.

— Вы расспросили его? — спросил Файльс несколько глухим голосом.

— Нет, я не решалась, — отвечала она. — Но я знала, что с этой минуты Чарли постоянно следил за мной. Я реализовала его схему; предложила комитету взять на себя заботу о молитвенном доме и содержание его в порядке. Таким образом я могла бывать в молитвенном доме, не возбуждая ни у кого подозрения, и там мы устроили склад, как теперь вам известно...

Кэт опять сделала паузу. Стенли молчал и ждал продолжения.

— Но вот явились вы, и начались затруднения. Однако мне нравилось бороться с ними и... побеждать вас. Я привыкла к опасностям. Мне нравилось водить полицию за нос. Помните Белый Пункт, Стенли? Как и во всех других случаях я выработала план и привела его в исполнение. Я лично находилась при этом. Мы временно припрятали груз и затем переправили его в погреба молитвенного дома. А позднее? Вы помните ту ночь, когда

встретили Билла у Старой Сосны? Это дерево служило для меня почтовым ящиком. Мои заказчики вкладывали туда деньги и ордера в одну из трещин коры. Видите ли, я никогда не входила в личные сношения с ними! Это не его, а меня вы видели тогда! Я как раз пришла, чтобы взять ордер О'Брайна. Билл тоже видел меня, но принял за Чарли. В эту ночь я была потрясена открытием, что я, переодетая мужчиной, становлюсь как бы двойником Чарли. Поймите мое отчаяние! Для меня стало ясно, что за мои проступки предстояло ответить Чарли. Вот что было ужасно! Так и возникла уверенность, что Чарли руководит шайкой, а в его пристрастии к спиртным напиткам видели лишнее подтверждение этой версии. Ведь и вы тоже были введены в заблуждение, и его собственный брат верил в его виновность! Это побудило меня принять решение защищать его до последней крайности, тем более, что я не сомневалась в душе, что он будет всячески стараться навлечь на себя подозрение, чтобы отвести его от меня. А когда вы предприняли свой поход против него, то я пришла к отчаянному решению. Я совершала безумно смелые поступки, доставляя сюда одну партию виски за другой. Мне надо было во что бы то ни стало уронить вас в глазах начальства, погубить вашу карьеру. У меня не оставалось иного выбора, Стенли...

— Я понимаю вас, — глухо проговорил Файльс, глядя восхищенными глазами на ее печальное лицо.

— А помните груз из форта Аллертон? Это мои два работника, находившиеся под моей командой, связали вашего патрульного, засунули ему в рот кляп и дали условный сигнал. Это Пит сообщил мне ваши планы. Он постоянно шпионил за вами в вашем лагере. Но тут чуть не случилась со мной беда: я потеряла свой бумажник, в котором находилось много компрометирующих меня документов. Я узнала о своей потере лишь тогда, когда вернулась в хижину, где в потайном шкафу хранилась моя одежда, в которую я переодевалась. Вы можете себе представить, как я испугалась, сделав такое открытие? Я боялась, что этот бумажник найдут ваши полицейские. Но мой ангел-хранитель в лице Чарли оберегал меня. Он тайно следил за мной, нашел мой бумажник и тотчас же водворил его на прежнее место, во внутренний карман моей куртки в потайном шкафу.

— Он нашел его ночью, на тропинке. Я видел его тогда, — заметил Файльс.

— Хотите знать остальное? Надо ли вам это, Стенли? Я продолжала свою бессердечную игру с вами, но вы меня сводили с ума своим упорством, своими подозрениями относительно Чарли. И я решила идти до конца. Я была на дороге в понедельник ночью вместе с грузом. Бросив фуру в чаще и вскочив на оседланную лошадь, я надеялась спастись. Но счастье изменило мне... может быть потому, что я потеряла голову! Я увидела двух всадников, едущих в противоположном направлении, и, думая, что это полицейские, повернула лошадь к югу и помчалась вниз, по склону холма. Я надеялась перескочить ручей и таким образом очутиться по ту сторону границы. Но я упустила из виду топь. Когда я поняла эту опасность и осадилла лошадь, она оступилась и упала вместе со мной... Открыв глаза, я увидела Чарли, склонившегося надо мной. Я сказала ему, что случилось. Он поднял меня, передал на руки Биллу, и я снова лишилась чувств. Билл отвез меня домой. Элен, не желая оставаться одна, без меня, тотчас после моего отъезда переселилась к одной знакомой даме; поэтому она и не видела, как я вернулась. Я ничего не рассказывала ей... Но я знаю, что сделал Чарли!..

— Он сел на вашу лошадь и увлек нас за собой! — воскликнул Файльс. — О, Кэт, он настоящий герой! Ведь он это сделал сознательно!..

Но Кэт уже не слушала его. Она горько рыдала, закрыв лицо руками. Ей казалось, что сердце ее разорвется от горя. Она чувствовала себя тяжелой преступницей, но не потому, что она поступала против закона, а оттого, что из-за нее погиб такой честный, самоотверженный человек! «Этой вины мне не искупить никогда!» — шептала она сквозь рыдания.

Файльс встал и, подойдя к стулу, где сидела Кэт, нежно обнял ее, и, прижав ее головку к своей груди, стал целовать ее пышные темные волосы.

— Кэт! — взволнованно прошептал он. — Я люблю вас, дорогая, люблю и после вашей исповеди, как любил раньше. Люблю за вашу отвагу, за ваше мужество и ум. Вы такая женщина, за которую стоит умереть... А я хочу жить для вас! Кэт, я бросил свою службу, и больше не

вернусь в полицию... Мое честолюбие стубило Чарли. Вы не должны себя казнить. Если б не мое упорство, не желание отличиться, ничего бы этого не случилось!.. Нам обоим надо забыть эту мрачную страницу нашей жизни... Мы уедем отсюда, начнем новую жизнь... Моя любимая, верите ли вы мне? Согласны ли вы идти со мной рука об руку, искать забвения прошлого и создавать новую жизнь? Взгляните же на меня, Кэт!

Кэт подняла на него свои заплаканные глаза, и в ее засиявшем взоре он прочел ответ...

В ПРЕРИЯХ ТЕХАСА

роман

Глава I

Когда Том Доон был еще юношей, в тревожную эпоху восстания южных штатов¹ и еще до того он постепенно все более поддавался тому влечению, благодаря которому столько молодых людей с юго-запада Соединенных Штатов Америки превратились в искателей приключений и в пионеров.

Семья его оказалась не из счастливых, но пока жива была мать и сестры еще не были замужем, он оставался дома, учился тому, чему можно было научиться в школе маленькой деревни штата Канзас, и усердно работал на ферме. В начале восстания Канзас отказался стать на сторону Юга, и отец Тома присоединился к известному повстанческому отряду Квентрилла. Сестры Тома тоже сочувствовали Югу. Но Том и его мать открыто держали сторону Севера. В семье произошел раскол. Затем сестры вышли замуж и покинули родной дом. Мать Тома ненадолго пережила своего мужа, убитого в одной из стычек. Тяжелое, полное горечи и тоски детство наложило свою печать на юношу. Только привязанность к матери удерживала его дома, а бедность заставляла много и усердно работать. Но после войны он стал переезжать с места на место, все дальше и дальше в глубь взбудораженной страны. В нем текла кровь пионера, и он уже выбрал свое будущее.

Тому хотелось осесть на земле, заняться сельским хозяйством, ибо трудовая жизнь среди природы всегда была ему по душе. И вместе с тем в нем всегда жило стремление увидеть далекие края, погрузиться в самую гущу дикой первобытной жизни, отыскать ту чудесную

¹ Имеется в виду гражданская война в США между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом 1861—1865 годов.

страну, которая удовлетворила бы его. Так что в душе Тома Доона слились воедино те два чувства, которыми были воодушевлены в те времена тысячи людей и благодаря которым цивилизация, действительно, проникла в западные штаты.

Однако свое желание он осуществил только осенью 1874 года. Лето этого года на юго-западе было весьма примечательно. Даже в те бурные годы оно особенно выделялось, и рассказы, доходившие с границы, поражали воображение Тома.

Отряд охотников на бизонов, соблазненный привольной жизнью и все возрастающим на рынке спросом на бизоньи шкуры, не обращая внимания на стоянки индейцев, погнался за большим стадом бизонов. В результате произошло вооруженное столкновение с индейцами. Племена киваев и команчей взялись за оружие. Тысячи воинов этих племен окружили небольшой отряд охотников и сопровождавшую их военную охрану и после неоднократных и упорных атак были отбиты. Известие об этом дошло и до Тома Доона. Его особенно прельщала охота на бизонов. Не потому, что ему приходилось когда-нибудь охотиться на них, — на самом деле он никогда и не видел бизонов. Но рассказы, слышанные им в детстве, навсегда запечатлелись в его памяти.

Ранней весной Том прибыл в пограничный форт, откуда целая армия охотников на бизонов готовилась отправиться в долгий поход на юг.

Атмосфера этого укрепленного и торгового местечка оказалась новой для Тома и произвела на него глубокое впечатление. Вновь ожили в нем те волнующие чувства, которые он испытывал, жадно слушая в детстве рассказы о привольной жизни. Почти сразу очутился он чуть ли не у самой границы. Большие повозки, некоторые запряженные шестью лошадьми, были нагружены кипами бизоньих шкур, свезенных сюда из прерий. По широкой главной улице города беспрерывной вереницей тянулись мужчины и женщины, большинство в грубых дорожных костюмах, и все они стремились к какой-то таинственной цели — что-то загадочное было, казалось, и в самой окружающей атмосфере. Было там немало солдат, были картежники с бледными лицами, были женщины в вызывающих на-

рядах, с слишком ласковым взглядом, как подметил Том. Были там увеселительные места и танцевальные залы, но Том считал, что для него достаточно лишь мельком заглянуть туда. Лошади, проезжая, непрерывно поднимали тучи пыли, которая покрывала улицы сплошным слоем в несколько дюймов.

Вскоре внимание Тома привлекло предместье города. Там расположились лагерем отряды охотников на бизонов, готовые отправиться на юг. Том предполагал связать свою судьбу с одним из них, но рассказы, которые он слышал о некоторых из этих охотничьих отрядов, заставили его быть осторожным. По слухам, некоторые из них были не лучше команчей.

Первый человек, к которому обратился Том, был высокий загорелый мужчина, с небольшой рыжей бородкой на худощавом лице. Он расположился со своим большим фургоном с парусиновым навесом под топодем, только что начинавшим зеленеть, и в тот момент поправлял и прилаживал заднее колесо.

— Я вам помогу, — предложил Том и разом приподнял сзади фургон.

— Ух! — вырвалось у высокого человека, и он быстро приладил колесо. — Признаться, вы ловкий парень. Очень вам благодарен.

Том помог незнакомцу смазать колеса повозки и затем спросил его, не охотник ли он на бизонов.

— Да, я охотник, — ответил тот. — А вы кто?

— Я пришел сюда, чтобы присоединиться к одному из охотничьих отрядов. Действительно ли эта охота может дать хороший заработок?

— Ну, вы, видно, новичок, — усмехнувшись, ответил тот. — Первая охота дала мне пятьсот долларов. Затем на следующей я заработал четыреста долларов. А в эту зиму у меня очистилось от охоты шестьсот восемьдесят долларов.

Тома удивили и привели в восторг столь точные сведения, полученные прямо из первоисточника — от самого охотника.

— Это замечательно! — воскликнул он. — Значит, можно заработать достаточно, чтобы затем осесть на земле и обзавестись необходимым инвентарем. Были ли у вас помощники?

— У меня были два парня, и я платил им жалованье.

— Сколько? — осведомился Том.

— Двадцать пять долларов в месяц. А вы ищете работу? — спросил охотник, взглянув на широкие плечи Тома, как бы оценивая его силу.

— Да, но не на такое жалованье. Я предпочел бы охотиться на свой риск и страх.

— Так и следует сделать, если вы сможете купить себе все снаряжение.

Том навел справки и узнал, что снаряжение стоит слишком дорого, со своими небольшими сбережениями он едва ли может надеяться даже частично принять участие в покупке. Ему оставалось только наняться на службу на наилучших условиях и копить деньги, чтобы впоследствии приобрести лошадей, повозку и вооружение для себя. Однако и это казалось ему удачей, Том почувствовал душевный подъем и новый прилив силы.

В конце дороги у черты города Том наткнулся на небольшое тенистое место, усаженное тополями, и увидел еще несколько повозок с парусиновыми навесами. Три охотничьих отряда расположились лагерем там отдельно один от другого, и самый большой состоял из нескольких повозок. Около него пылал костер. Том с наслаждением втянул в себя запах дыма. Ему представились картины дикой первобытной природы и лагеря, раскинутого у одинокого ручья. Какая-то крупная пышущая здоровьем женщина стояла, наклонившись над лоханью. Том заметил миловидное лицо девушки, выглядывавшей из крытой повозки. Два молодых парня подковывали лошадь. Под тополем на куче грязного белья сидели двое мужчин.

Когда Том подошел, один из мужчин встал. Фигура его была величественная, сложен он был пропорционально; на вид средних лет, он хорошо сохранился и в выражении его бородатого лица сквозило веселье и добродушие. Открытый взгляд его голубых глаз с любопытством вперился в Тома. У другого мужчины были примечательные черты лица — острые, резкие, суровые, как бы высеченные из камня. Худые загорелые щеки были изборождены морщинами, и глаза под морщинистыми веками казались узкими. Они были серые, блестящие и удивительно пронизывающие.

Великан производил впечатление человека невероятной силы. Том, быстро определявший свои симпатии и антипатии, не стал терять времени и представился.

— Мое имя Том Доон, — сказал он. — Я хочу вступить в какой-нибудь охотничий отряд.

— Рад видеть вас. Я Кларк Хэднолл, а это мой друг Джюд Пилчэк, — ответил великан.

Они пожали Тому руку, и оба проявили большое внимание по отношению к нему. Хэднолл откровенно рассматривал его сильную фигуру и безбородое лицо. Пилчэк смотрел пронизывающим взглядом, как бы вспоминая что-то.

— Доон. Билл Доон, который воевал в отряде Квен-трилла — ваш отец? — спросил он.

— Да, это мой отец, — ответил Том, немного растерявшись при этом неожиданном вопросе.

— Я знал вашего отца. Вы похожи на него, только он был крупнее и крепче вас. Он был отличный наездник и отличный стрелок... Вы были мальчиком, когда...

— Мне было пятнадцать лет, — прервал Том.

— Вы сочувствовали вашему отцу? — с любопытством спросил Хэднолл.

— Нет. Я был за Север.

— Суровое время было, — вздохнул Хэднолл, как бы вспоминая свои собственные переживания. Затем он оживился и сказал: — Нам нужен человек, и вы мне нравитесь. Есть ли у вас склонность к спиртным напиткам?

— Нет.

— Вы одиноки?

— Да.

— Никогда раньше не охотились на бизонов?

— Никогда.

— Хорошо стреляете?

— Я считаюсь хорошим стрелком. Много охотился за крупной и мелкой дичью.

— Что побуждает вас вступить в охотничий отряд?

Том минуту колебался, прежде чем ответить на этот вопрос, затем откровенно и правдиво рассказал о своих довольно неясных стремлениях и целях.

Хэднолл рассмеялся и был так растроган, что добродушно положил руку Тому на плечо.

— Молодой человек, я рад, что нашел в вас единомышленника. Что касается меня, то и я связался с этой опасной охотой только для того, чтобы потом осесть на земле и заняться сельским хозяйством. Так что у нас общая цель. Мы рады, что вы попытаете счастья вместе с нами. Вашу руку.

И Том почувствовал могучее пожатие мозолистой руки, которой были знакомы и плуг и топор. Пилчэк тоже обменялся рукопожатием с Томом и высказался не менее выразительно, чем Хэднолл.

— Думаю, что это хорошая сделка для обеих сторон, — сказал он. — Настоящие люди редки. Я знаю охоту на бизонов. Это тяжелая работа. Если сдирать шкуры не тяжелее, чем копать уголь, то я никуда не годный охотник.

Хэднолл подозвал двух молодых людей, которые подковывали лошадь. Оба были коренастые парни, лет около тридцати, но на этом их сходство кончалось.

— Бэрн, пожми руку Тому Доону, — радушно сказал Хэднолл. — И ты тоже, Стронгхэрл... Доон отправляется на охоту с нами.

Оба парня приветствовали Тома любезно и с любопытством, естественным при таком важном для них событии. По сходству Бэрна с Хэдноллом было очевидно, что это его сын. У Стронгхэрла лицо было столь же оригинальное, как его имя.

— Бэрн, ты возмешь Доона в свою повозку, — сказал Хэднолл. — Теперь наш отряд в полном сборе, и мы завтра отправимся в Пенхендл... Эй, женщины, — крикнул он, обернувшись к фургонам, — идите-ка сюда и познакомьтесь с нашим новым охотником.

Дородная женщина бросила стирку и подошла, вытирая фартуком красные руки. Ее серьезное лицо осветилось улыбкой.

— Жена, это Том Доон, — сказал Хэднолл и затем представил Тома жене Бэрна, и Том узнал в ней женщину, которую заметил в повозке. Последней появилась девушка лет восемнадцати, сестра Бэрна, которой, по видимому, гордился Хэднолл. Она была высокая, крепкая, у нее было миловидное лицо и плутовские глаза, которые тотчас же внимательно уставились на Тома.

Таким образом, прежде чем Том сообразил, какая удача выпала на его долю, он очутился в кругу людей,

близких ему по духу и с первого взгляда понравившихся ему. Хэднолл был одержим тем же пионерским стремлением, той же тягой к земле, как и Том; и особенно удачно было то, что сопровождать их в Техас будет такой старый опытный охотник на буйволов, как Пилчэк. Правда, Том не договорился о жалованье или о своей доле участия, но он чувствовал, что может спокойно довериться Хэдноллу.

— Где ваш багаж? — осведомился Бэрн. — И какое снаряжение есть у вас?

— Багаж я оставил на станции, — ответил Том. — Снаряжение у меня небольшое. Мешок с одеждой и чемодан.

— Нет ни лошади, ни ружья? Есть ли у вас деньги? — с живым интересом продолжал расспрашивать его Бэрн.

— Есть, двести долларов.

— Отлично. Сейчас мы подкуем эту лошадь, и я отправлюсь с вами в город.

— Я думаю, сын, — вмешался Хэднолл, — что лучше будет, если Том поручит Пилчэку купить лошадь, ружье и все остальное, что ему нужно.

— Гм, — заявила мистрис Хэднолл, — насколько я знаю мужчин, все вы считаете себя знатоками, когда речь идет о лошадях и ружьях.

— Мистер Доон, не хотите ли, чтобы и я помогла вам выбрать лошадь? — насмешливо спросила сестра Бэрна.

— О, да, хочу, — смеясь, ответил Том. — Мне хотелось бы, чтобы вы все помогли мне, пока я не найду такую лошадь, на которой мог бы ездить.

Женщины вернулись к своим занятиям, а Хэднолл с Пилчэком отправились в город. Предоставленный самому себе, Том присоединился к Бэрну и Стронгхэрлу; им было нелегко справиться с лошадью, которую они ковали. Животное оказалось с норовом.

— Доон, не приведете ли вы сюда вон ту гнедую лошадь? — сказал Бэрн, показывая в сторону, где среди деревьев виднелось несколько повозок с парусиновыми навесами.

Том отыскал недоуздок и пошел, погруженный в свои приятные мысли. Подойдя к гнедой лошади, он увидел, что ее кормит с руки какая-то девушка. Том

замечал и слышал поблизости других людей, но не обращал на них особого внимания. Занятый лошадью, он даже не взглянул вторично на девушку, пока она не заговорила с ним.

— Я два раза ловила сегодня вашу лошадь, — сказала она.

— Очень вам благодарен. Только это не моя лошадь, — ответил Том, набрасывая недоуздок на шею лошади.

Взгляды их впервые встретились. Глаза девушки были большие черные, как ночь, и лицо почти такое же смуглое, как у индианки, волосы темные блестящие. И у Тома взгляд стал таким же, как у нее, — пристальным, изумленным, почти бессознательным, взгляд глубокий и серьезный, в котором оба сами не отдавали себе отчета. Том отвел глаза от нее и принялся прилаживать недоуздок. Но мысленно все еще видел ее. Она была молода, среднего роста, худощава, но производила впечатление необычайно сильной и гибкой девушки. Платье ее из домашней ткани казалось поношенным.

— Это хорошая лошадь, — сказала она, поглаживая животное по мягкому носу.

— Да, лошадь хорошая. Надеюсь, что та, которую я собираюсь купить, будет не хуже, — ответил Том.

— Вы тоже охотник на бизонов? — живо спросила она.

— Собираюсь стать им.

— Милли, — крикнул грубый голос, — ты не конокрад, и тебе нечего болтать с посторонними.

Том быстро обернулся и за костром увидел высокого человека. На нем был кожаный фартук, и в мускулистой руке он держал молоток. Было невероятно, чтобы этот белокурый великан являлся отцом девушки. Даже в этот момент, когда он был удивлен и раздосадован, эта уверенность наполнила Тома чувством радости. Редкая рыжая борода не могла скрыть грубого и сурового выражения лица этого человека. Голубые глаза его были блестящие и злые.

— Простите меня, — сдержанно сказал Том. — Я пришел за лошадью мистера Хэднолла.

Затем, обратившись к девушке, он поблагодарил ее. Глаза ее в это время были опущены вниз. Том быстро

ушел, ведя за собой лошадь. Он не придавал особого значения этому инциденту, разве только обратил некоторое внимание на легкое раздражение в грубых словах и в жестах белокурого человека. Однако эта деталь ускользнула из его памяти, и осталось только какое-то смутное, приятное впечатление от девушки, пока все не затмила серьезная и волнующая забота — выбор лошади и ружья.

Тот факт, что Хэднолл и его помощники бросили свою работу, а Пилчэк настоял на том, что он будет иметь решающий голос при этих покупках, доказывал, какое первостепенное значение придавали все они этому делу.

Хэднолл вынужден был признать, что Пилчэк так же хорошо разбирается в лошадях, как он сам в ружьях.

И они отправились в город, и шли по пыльной, шумной, полной народа улице, толкаясь среди индейцев, солдат, охотников, разведчиков, возниц, среди мужчин, на худые лица которых наложила печать порочная жизнь, и женщин с хищным взглядом. Пилчэк, по-видимому, знал всех и вся.

Магазин, в который Пилчэк привел Тома и других, был полон покупателей, и если бы не отсутствие бутылок с напитками, он походил бы на пограничный кабачок. Пахло табаком, и Том увидел такое огромное количество табака на полках, что поделился своим восхищением с Хэдноллом.

— Да, парень, жевательного табака у нас много, — важно ответил тот.

Пилчэк остановил свое внимание на прилавке, где лежали ружья и ножи.

— Нам нужно ружье крупного калибра, — сказал он продавцу.

— Осталось только одно, и то не новое, — ответил тот и отыскал большое тяжелое ружье.

Пилчэк осмотрел его и передал Тому.

— Я видел и лучше, но и это сойдет пока... Затем нам нужен патронташ и два ножа — сдирать и скоблить шкуры.

Когда все покупки были сделаны, у Тома оказалось почти все, что нужно. Затем Хэднолл закупил все необходимое для отряда, а когда и с этим покончили, Пилчэк повел их на окраину города, где располагался базар, пе-

реполненный запыленными, беснующимися, брыкающимися лошадьми. Пилчэку и Хэдноллу понадобился целый час, чтобы выбрать лошадь для Тома. Работая всю жизнь на ферме, Том умел хорошо ездить верхом и обращаться с лошадьми, но не был лихим наездником. В конце концов выбрали лошадь, седло, узду и шпоры. Расплатившись за все, Том посмеялся, как мало денег осталось у него.

— Все стало дорого, и не стоит таких денег, — с сожалением заметил Пилчэк. — Но у нас нет иного выбора. Хорошая лошадь, довольно молодая, сильная, у нее легкий ход, но она никогда еще не видела бизонов.

— Ну, так что же? — спросил Том, и его восторженное чувство несколько ослабело.

— Ничего. Только первый бизон, которого она увидит, решит все дело, — это довольно загадочное замечание произвело довольно тревожное впечатление на Тома, и он запомнил его.

Со всеми покупками и с багажом Тома, полученным на станции, компания отправилась обратно в лагерь. Днем все занялись своим делом. Том одел простую, грубую одежду и высокие сапоги, подходящие для жизни на открытом воздухе. Перемена эта произвела непередаваемое изменение в его душевном состоянии. Он уже готов был стать лицом к лицу со всеми опасностями охоты, и как ни старался он быть серьезным и сдержанным, не мог подавить восторженного волнения. Он попробовал свою лошадь, которую назвал Дести¹, так как, только выкупав ее, ему удалось очистить ее от пыли. Дести показала себя с самой лучшей стороны и заслужила одобрение всех, кроме Пилчэка. Особенно понравилась она Хэдноллу и его дочери Сэлли.

Остальную часть дня он помогал Бэрну Хэдноллу приводить в порядок и грузить большую повозку, предназначенную для перевозки их драгоценного снаряжения, а затем, во время охоты, для перевозки шкур, которые они надеялись добыть.

Перед закатом солнца Том услышал веселые голоса женщин, звавших ужинать, и вслед за Бэрном пошел к столу, который заменяла парусина, разостланная на зем-

¹ Dusty — по-английски: запыленная.

ле. Все проголодались. Хэднолл положил себе еды на жестяную тарелку, наполнил кружку, затем вернулся к повозке и поставил свой ужин на сиденье. Он был слишком высок, чтобы сидеть на земле, скорчившись и скрестив ноги, по индейскому обычаю, но его рост позволял ему стоять и есть с сиденья повозки. У Пилчэка тоже была своя особая манера. Он ставил тарелку на землю и ел, став на одно колено. Все они были возбуждены, кроме Пилчэка, но это возбуждение, не мешая им утолять голод, придавало ужину радостное оживление. Том не один радовался тому, что оставляет надоевшую однообразную жизнь, не один мечтал о девственных краях, о будущей работе на земле.

После ужина он опять отправился в город, намеренно один. Он не старался понять, что побудило его к этому. Это третье посещение главной улицы не удовлетворило каких-то смутных стремлений его, и он повернул обратно к лагерю.

Когда он дошел до конца улицы, прохожие стали редки и потому более заметны. Но Том не обращал ни на кого внимания, пока не услышал женский голос.

Он раздался позади него, и в нем чувствовалось раздражение, даже гнев. Голос мужчины, тихо и хрипло ответивший что-то, заставил Тома быстро обернуться.

К нему приближалась молодая женщина с тяжелым узлом в руке, а шага на два дальше шел следом за ней мужчина. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что она старается уйти и отделаться от него.

Том пошел ей навстречу и узнал девушку, с которой он обменялся несколькими словами в соседнем лагере.

— Этот парень пристаёт к вам? — спросил Том.

— Он оскорбляет меня, — ответила она.

Том быстро направился к человеку, преследовавшему девушку.

— Эй, вы, послушайте! — решительно крикнул он. Но человек так поспешно пошел прочь, что пришлось бы догонять его бегом.

— Оставьте его, — с облегчением сказала девушка и засмеялась.

— Этот город полон грабителей. Вам не следовало бы приходить сюда одной, — ответил Том.

— Знаю. Такое случалось и раньше. Я не испугалась, но рада, что мы встретились.

— Узел у вас, наверное, очень тяжелый. Дайте, я понесу его, — предложил Том.

— Благодарю вас, я отлично справлюсь сама, — ответила она.

Но он взял у нее узел и при этом дотронулся до ее руки. Легкое прикосновение произвело на Тома неожиданное и глубокое впечатление. На мгновение это лишило его непринужденной простоты.

— Ну... я... он слишком тяжел... для девушки, — запинаясь, сказал он.

— О, я очень сильная, — возразила она.

Глаза их встретились снова, как тогда, когда Том пришел за лошадью и впервые взглянул на нее. Только на этот раз, казалось, это было совершенно иначе. Она посмотрела вдаль, в пространство, где в надвигающихся сумерках сверкали огни лагеря. Затем она пошла, и Том зашагал рядом с ней. Он хотел заговорить, но как будто не в состоянии был придумать, что сказать. Эта встреча не была обыкновенной случайностью. Он не мог понять самого себя. Ему хотелось расспросить ее, кто она, куда она ходила, в каких отношениях она с тем грубым человеком, который назвал ее Милли. Но он не мог произнести ни слова. Он мог бы, конечно, разговориться с ней, если бы не сосредоточился всецело на том смутном, неясном чувстве, которое охватило его. Они не успели еще дойти до конца города, как она остановилась и обратилась к нему.

— Благодарю вас, — мягко сказала она. — Теперь я сама понесу узел.

— Нет, до вашей стоянки еще далеко.

— Да... вот именно поэтому, — запинаясь, ответила она. — Вам не следует идти со мной... Он — мой отчим; вы слышали, как он со мной говорил. Я... больше я ничего не могу сказать вам.

Том очень любезно и предупредительно не отдавал узла.

— Может быть, я никогда не увижу вас! — вырвалось у него.

Она не ответила, но, взяв у него узел, прямо и пристально посмотрела ему в лицо. Глаза ее приворожили его. В них он прочел ту же самую мысль, которую он

вслух высказал ей. Затем она пожелала ему спокойной ночи, повернулась и исчезла в сумерках.

Только когда она ушла, Том понял, что эта случайная встреча, по-видимому, такая естественная, этот обычный инцидент во время короткой прогулки, когда двое незнакомых людей обмениваются любезностями, — самое значительное и волнующее происшествие в его жизни, и что он должен осмыслить все это. Почему он не удержал ее, хотя бы еще на мгновение, чтобы попросить разрешения опять увидеться с ней? А может ли он увидеться с ней завтра? Что значил прощальный взгляд ее больших черных глаз? Много таких вопросов возникло у него в голове. Он сел на краю дороги и задумался. Наступила ночь, темная и холодная. Засверкали звезды. Невдалеке раздавался треск лагерных костров, мужские голоса, и слышно было, как лошади жевали овес.

Что-то странное произошло с ним, но что именно? Девичий взгляд, несколько слов, прикосновение руки. Не они ли были причиной этой внезапной тоски, тотчас сменившейся необъяснимой восторженностью, этого жадного интереса к ней, этого самоуглубления? Но это не казалось ему ни глупым, ни нелепым. Тому было двадцать четыре года, но такое состояние было ново для него. Может быть, это радостное возбуждение было вызвано только перспективами, открывавшимися перед ним, а не этим довольно обычным инцидентом. Однако эта мысль показалась ему нелепой. Среди своих размышлений он каждое мгновение ощущал странную, мечтательную нежность, которую внушала ему эта девушка.

Глава II

На другое утро разбуженный веселым криком Бэрна Хэднолла Том увидел, что спал гораздо дольше, чем обычно. Он вскочил с шерстяного одеяла, на котором лежал под повозкой, надел сапоги, вымыл лицо и руки и был готов приняться за завтрак и начать день, суливший столько событий. Солнце только что поднялось над горизонтом. В ярком утреннем сиянии зеленым и золотистым цветом отливали прерии, простиравшиеся на запад и на юго-запад. Поблизости паслись лошади и мелкий скот. Вдали на отчетливо видной дороге белыми

пятнами выделялись парусиновые навесы фургонов. Некоторые из охотников уже отправились в путь. Том минуту стоял, задумчиво глядя вдаль, глубоко вдыхая свежий воздух и чувствуя, что бы ни ждало его там, за пурпурным горизонтом, — приключения, лишения, удача — он готов ко всему. За утренним завтраком Том вдруг вспомнил о своей встрече с Милли. При ярком свете дня он не чувствовал того же, что накануне, в вечерних сумерках. Однако постепенно сладостное томление охватило его. Он взглянул сквозь тополя в ту сторону, где в первый раз встретился с ней, и не увидел знакомых белых повозок. Они уехали, и девушка вместе с ними. Том почувствовал пустоту в душе, затем мучительную тоску и сожаление. Задумчиво принялся он за завтрак. Ничего не выйдет из этой встречи. Но ее родные тоже охотники на буйволов, и где-нибудь в этих диких краях он, может быть, снова увидится с ней. Слабая надежда! И все-таки, лелея ее, он примирился с тем, что девушка уехала.

После завтрака любопытство заставило его пойти к тому месту, где располагался ее лагерь; он пошел по следам повозок по дороге и увидел, что они ведут к юго-востоку. Чувство бодрости усилилось в нем.

— Наши соседи рано отправились в путь, — заметил он, остановившись около Пилчэка и Хэднолла, занятых сборами в дорогу.

— Задолго до восхода, — кивнул Хэднолл. — Ты слышал, как они уехали, Джюд?

— Еще бы! Они мертвого разбудили бы, — проворчал Пилчэк. — Думаю, у Рендэлла Джэтта были свои основания уехать пораньше.

— Джэтт? Позволь! Это тот тип с рыжей бородой? Насколько я помню, он не отличался вежливостью.

— Я слышал какие-то разговоры о Джэтте в городе, — продолжал Пилчэк. — Как будто бы я его встречал где-то, но не могу вспомнить, где. Он один из тех охотников, к которым относятся с подозрением. С подозрением, говоря откровенно, только потому, что ничего определенного никто не знает. Джэтт два раза возвращался из Пэнхэндла с тысячами шкур. Он зарабатывает большие деньги.

— Это интересно, — заметил Хэднолл. — Он только что женился. Моя жена беседовала вчера с одной жен-

щиной, — это была, вероятно, мистрис Джэтт. Она с Миссури, и у нее взрослая дочь. Она сказала, что замужем всего несколько недель. Моей жене показалось, что охота на бизонов не очень по душе этой женщине и ее дочери.

— Когда ты попадешь в Стэкед Плэнс, то поймешь мистрис Джэтт, — язвительно заметил Пилчэк.

Том прислушался к их разговору, очень заинтересованный, и запоминал то, что слышал. Затем он спросил, все ли охотники на бизонов следуют по одному и тому же пути.

— Думаю, что да, — ответил Пилчэк. — На расстоянии сотни миль есть только одна хорошая дорога. А дальше охотники разъезжаются каждый своей дорогой.

— И все они рассеиваются по прериям? — продолжал расспрашивать Том.

— Конечно, ведь они держатся поближе к бизонам. Но стада бизонов почти такие же огромные, как равнины Стэкед Плэнс.

Том не имел понятия об этой своеобразной части Техаса, но у него уже составилось представление о ее огромной величине.

— Когда мы выезжаем? — в заключение спросил он.

— Как только закончим сборы.

Не прошло и часа, как отряд Хэднолла с тремя добротными фургонами вереницей тронулся в путь. Женщины ехали вместе с возницами. На долю Тома выпала обязанность вести оседланных лошадей. Они не хотели идти, пустынные поля как будто пугали их, и сначала они не слушались. Но, пройдя несколько миль, они успокоились и рысью побежали по дороге.

Вскоре очертания города, деревья и столбы дыма исчезли за покатою возвышенностью, и кругом расстилась беспредельная серо-зеленая равнина, перерезанная белой лентой дороги. Других повозок не было видно. Том нашел, что при таком ходе его лошади долгие поездки верхом будут терпимы. До четырех часов дня они проехали двадцать пять миль. Остановку предполагали сде-

лать в небольшой рощице, которая давно привлекала к себе внимание Тома. Его забавлял дружеский спор между Пилчэком и Хэдноллом. Пилчэк, как все проводники и разведчики, давно привыкшие к кочевой жизни, хотел остановиться в первом подходящем месте, где уже останавливались другие. А Хэднолл отыскал свежее, незатоптанное место на некотором расстоянии от дороги, чистую прогалину под раскинувшимися ветвями вязов, только что зазеленевших. Тут же у высокого берега протекала мелкая речонка.

Работы нашлось достаточно для каждого, и даже произошла некоторая путаница. Необходим был опыт и навык при разбивке лагеря, чтобы все устраивалось ловко и быстро.

Лошадей выпрягли, напоили и пустили пастись. Упряжь и хомуты повесили на передние колеса. Том собрал сучьев для костра, которых оказалось множество, и удары его топора гулко раздавались в воздухе. Хэднолл с сыном вытащили из повозки походную печь и ящик с продуктами, затем кухонные принадлежности и складной стол. Очистили ровное место, развели костер и растопили печь, женщины принялись готовить пищу. Хэднолл раскинул палатку для себя и для жены. Для Сэлли постель была устроена в повозке. Пилчэк помог Стронгхэрлу раскинуть палатку около их повозки, но себе устроил постель под деревьями, растянув брезент и покрыв его шерстяным одеялом. Бэрн Хэднолл тоже раскинул палатку для себя и жены, а Том решил расположиться под повозкой Бэрна.

К закату солнца сели ужинать. Все были голодны, и даже Пилчэк, казалось, чувствовал себя теперь хорошо. Если были какие-то страхи и опасения у женщин, то теперь они рассеялись. Разговор был веселый и бодрый. Сэлли Хэднолл кокетничала с Томом, но, видя, что тот не замечает ее заигрываний, перенесла свое внимание на Стронгхэрла.

После ужина Том нарубил и сложил дрова для костра на ночь и на следующее утро. Покончив с этим, он пошел вдоль речки к пасущимся лошадям. Он решил не привязывать Дести на ночь.

В нескольких стах ярдов за их стоянкой речка протекала между высокими вязами и, бурля, впадала в глубокий пруд. Том присел там на пень и отдыхал,

погрузившись в мечты. Мысли его, казалось, неслись и крутились, как струи реки, по-видимому, без всякой цели. Но когда мелькнуло воспоминание о Милли, то оно уже не оставляло его. Здесь, в одиночестве, воспоминания казались более живыми, и, перебрав в памяти все подробности, касающиеся ее, он пришел к выводу, что она, вероятно, несчастна, и положение ее тяжелое. «Я... я не могу вам ничего больше сказать...» — быстро проговорила она тогда тоном, в котором, он понял теперь, слышался стыд и страх. Том задумался об этом и только через час, когда темнота стала сгущаться под деревьями, пришел в себя, встряхнулся и направился к стоянке. Мало было надежды увидеться когда-нибудь с этой девушкой. Покорно со смутной тоской в душе он постарался не думать о ней.

Дни шли за днями, а отряд Хэднолла продвигался все дальше по прерии, иногда отклоняясь вправо или влево от главного направления на юго-восток. Они делали от пятнадцати до двадцати пяти миль в день, в зависимости от состояния дороги и подходящих для ночевки мест. Время от времени они встречали охотничьи отряды с вереницей повозок, доверху нагруженных бизоньими шкурами. Дни превращались в недели, и Том потерял счет этим однообразным дням.

На необозримых равнинах уже началась весна. Все вокруг зазеленело и цвело.

Однажды во время остановки на закате солнца Пилчэк, окончив свою обычную работу, поехал верхом на ближайший холм. Доехав до вершины, он слез с лошади, поднял короткую подзорную трубу и долго смотрел на юго-восток. Когда он возвратился в лагерь, все взгляды устремились на него.

— Видно что-нибудь? — нетерпеливо спросил Хэднолл.

Том почувствовал волнение при одном взгляде на разведчика.

— Бизоны! — возвестил Пилчэк.

На минуту наступило молчание. Женщины раньше всех отозвались на доброе известие. Хэднолл, казалось, еще туго соображал, в чем дело. Бэрн бросил полено, которое держал в руке.

— Бизоны! — повторил он, и быстрый радостный взгляд, брошенный им на отца, доказывал, насколько он считает ответственным себя за эту охоту.

— Сколько их? — спросил Хэднолл, большими шагами подходя к разведчику.

— Право, сразу не могу этого сказать, — ответил Пилчэк.

Сэлли Хэднолл прервала своего отца, когда он хотел опять сказать что-то:

— О, мне безумно хочется увидеть стадо бизонов. Много ли их?

— Довольно много, — ответил Пилчэк с профессиональной гордостью во взгляде. — Думаю, что стадо растянулось миль на пятнадцать в длину и мили на три в ширину.

Тут Хэднолл испустил громкий крик, что было признаком такой же искренней, если и не столь экспансивной радости, какую испытывали и другие.

На следующий день переезд был самый долгий из всех, которые когда-либо совершал Том. Было пыльно, солнце пекло, дорога казалась бесконечной, и впереди виднелась только простирающаяся повсюду прерия. Но, наконец, к закату солнца вдаль показалась колеблемая ветром листва деревьев; там, несомненно, протекала речка. А за речкой, по-видимому, и начинались пастбища бизонов. Еще час томительного путешествия по однообразной равнине, и отряд остановился в самом диком и привлекательном месте, какое только попадалось ему.

В тот вечер Том быстро справился со своими лагерными обязанностями, и поспешно взошел на самый высокий холм. Дойдя до вершины и взглянув на восток, он вдруг замер от изумления и восторга. Заходящее солнце золотистыми лучами заливало обширную равнину перед ним. В полумиле от холма паслось огромное стадо крупного скота, дикого и странного на вид. Несомненно, это были бизоны. Том испытал самое восторженное чувство за всю свою жизнь. Какое изумительное зрелище! Это совсем не то, что он представлял себе по рассказам. Тысячи бизонов! Стадо растянулось так далеко, что терялось из виду. Он долго смотрел и чувствовал, что

никогда не забудет этой минуты, когда он впервые увидел стадо бизонов.

Вернувшись в лагерь, он убедился, что не он один опоздал к ужину. Хэднолл с Пилчэком тоже уходили. И Бэрн только что пришел с женой и с сестрой, которые оживленно беседовали о том, что они видели.

— Много ли вы видели их? — спросил Хэднолл Тома.

— Не имею ни малейшего представления, — тысячу пять, может быть, — а конца стада я так и не увидел, — ответил Том.

— Мы видели тысяч десять по другую сторону от вас, — выразительно прибавил Хэднолл.

Большие глаза его блестели, и взор был устремлен вдаль. Том почувствовал, что Хэднолл не воспринимает всей дикой красоты этого зрелища. Ему виделись только тысячи шкур для продажи.

— Это и есть то большое стадо, о котором вы говорили? — осведомился Том.

— Это только часть его, — возразил Пилчэк.

Мистрис Хэднолл прервала их разговор:

— Что вы все помешались на бизонах? Ужин стынет.

— Мэри, завтра вечером ты поджаришь мне кусок бизоньего мяса, — весело заметил ее муж.

После ужина Хэднолл отозвал мужчин в сторону совещаться.

— Пилчэк и я — компаньоны в этом деле, — сказал он. — Мы будем платить по тридцати центов за шкуру. То есть за то, чтобы содрать ее и доставить в лагерь. Независимо от того, кто убьет бизона.

— Это больше, чем вы получили бы в других отрядах, — прибавил Пилчэк. Стронгхэрл и Бэрн согласились с этой ценой, а Том откровенно высказал, что тридцать центов за шкуру — это высокая плата.

— Ну, подождите, пока сдерете шкуру с первого бизона, — усмехнувшись, сказал разведчик, — вы будете клясться, что мало и тридцати долларов.

— Итак, моя доля участия в этом деле установлена. Я кормлю вас и плачу за шкуры, — сказал Хэднолл. — Джюд будет руководить охотой.

— Руководить тут особенно нечего, — сказал тот. — Мы находимся немного южнее тех мест, где я

охотился. В последний раз я был здесь с военным отрядом и знаю эту местность. Это стадо бизонов держится реки. Думаю, что оно растянулось на много миль. Бизоны будут держаться этого места, несмотря на то, что слишком много отрядов охотится за ними. Хороший способ охотиться — это подстеречь их, когда они идут к водопою. Целься так, чтобы попасть между лопатками, и стреляй, пока он не упадет. Иногда приходится выпустить две или три пули, а иногда пять, если бизон старый. Когда охотишься на открытом месте, то нужно нестись во весь дух, гнать их и стрелять, пока истратишь все заряды.

— Это легко и, должно быть, интересно, — сказал Бэрн.

— Пожалуй. Но не следует забывать, что это опасно. Надо держаться подальше от них. Настоящая тяжелая работа начинается, когда сдираешь и растягиваешь шкуру. Пока вы добьетесь того, что начнете зарабатывать по три доллара в день, вы надорветесь на этой работе.

— Три доллара! — презрительно воскликнул Бэрн. — Я надеюсь зарабатывать в пять раз больше.

Та же самая надежда была и у Тома, но он не высказал ее. У Пилчэка был достаточно насмешливый и загадочный вид, чтобы охладить неуместный пыл.

— И, наконец, и к этому вы должны отнестись очень серьезно, — продолжал Пилчэк, понижая голос, чтобы его не могли услышать женщины, — мы можем наткнуться на индейцев.

Это отрезвило слушателей.

— Прошлое лето было плохое, и охота была хуже, — продолжал он. — Не знаю, каковы условия теперь и что делают индейцы. Думаю, что мы встретим кого-нибудь, охотников или солдат, и они осведомят нас. Но, конечно, краснокожие не могут быть повсюду, а бизоны растянулись на большое пространство. Может быть, нам повезет, и мы не увидим ни одного команча. Но нам следует зорко следить за окрестностями и не очень удаляться друг от друга. Если мы увидим индейцев или услышим о них, то перенесем лагерь в другое место и ночью будем выставлять часовых.

— Джюд, что за странный разговор ты повел? — удивленно и встревоженно заметил Хэднолл.

— Ничего, меня это меня не беспокоит. Я только предупреждаю вас. Нынешним летом здесь будет много охотников. И, вероятно, солдаты позаботятся о том, чтобы укрыть женщин в пограничном форте или в каком-нибудь хорошо защищенном месте.

Том вспомнил о темноокой Милли. Он едва не забыл о ней. Какой далекой казалась ему та встреча. Где она теперь? Он убеждал себя, что если предположение Пилчэка верно, то солдаты будут охранять всех женщин, принадлежащих к охотничьим отрядам. Больше ничего не говорили об индейцах. Интерес всецело сосредоточился на охоте, которую решили начать завтра.

На другое утро Том поднялся первым, и на этот раз удары его топора и треск сучьев, подброшенных в костер, разбудили других. Когда Стронгхэрл отправился разыскивать лошадей, уже рассвело, а к восходу солнца поспел завтрак.

Пилчэк, вернувшись с высокого холма, сообщил, что бизоны видны вдоль всей реки, насколько можно охватить глазом. Они расположились на порядочном расстоянии по прерии и еще не идут к водопою.

— Сегодня моя очередь сторожить лагерь, — нерешительно сказал Хэднолл. — Тут есть кое-какая работа, и кому-нибудь надо охранять женщин.

— Хорошо было бы, если бы вы каждые два часа поднимались на холм посмотреть, что делается в округе, — посоветовал Пилчэк. — Я оставлю вам свою подзорную трубу. Не упустите чего-нибудь.

Мужчины оседлали лошадей и надели тяжелые патронташи. В карманы они тоже положили добавочный запас патронов. Следом за Пилчэком спустились они к реке и переехали ее вброд в мелком месте, по которому лошадям пришлось пронестись вскачь, чтобы не завязнуть в грязи.

— Как же мы переберемся здесь с повозками? — спросил Бэрн Хэднолл.

— Право, у нас нет другого выхода, как доставлять шкуры в лагерь самим, — ответил Пилчэк. — Вы увидите, что гнаться за бизонами и убивать их не отнимет много времени. Настоящая работа начнется потом. Весь день и ночь придется сдирать шкуры, доставлять их в лагерь, а потом скоблить и растягивать их.

Противоположный берег реки был более лесистый и не такой покатый, как противоположный. Видны были глубокие следы бизонов. Всадники остановились на вершине склона, который дальше переходил в гладкую равнину. На расстоянии мили или больше выделялась среди травы длинная неровная темная полоса, похожая на стену.

— Это и есть бизоны, — сказал разведчик. — Теперь мы разойдемся и подождем около часа. Спрячьтесь где-нибудь в кустарнике или за пригорком, пока они подойдут поближе. Тогда стреляйте! И не оставляйте бизона, в которого стреляете, пока он не свалится! Когда они побегут, гонитесь за ними и стреляйте с лошадей. Охота не продлится долго, так как бизоны вскоре разбегутся.

Пилчэк оставил Тома на этом месте и уехал с остальными вдоль берега на восток. Вскоре они исчезли из виду. В этом направлении Том не мог далеко видеть, так как поблизости начиналась возвышенность. А на юго-западе стадо растянулось так, что невозможно было отличить неясной темной несметной массы бизонов от тусклого горизонта.

Спешившись, он остановился на краю леса и, держа лошадь, внимательно смотрел и прислушивался. Он старался быть спокойным, но это оказалось невозможно. Ожило все то, что всегда таилось в нем, — любовь к приключениям и свободе и стремление найти и то и другое в неведомых краях. И вот он стоит здесь, на лесистом берегу одной из многочисленных рек Техаса, и вдали перед ним стадо бизонов. Ястребы носились в голубом небе. Внизу сквозь деревья он заметил у реки стадо диких индюков. Затем все то, что он видел, и резкий утренний холодок, который он ощущал, заставили его вспомнить предостережение разведчика относительно индейцев. Тому казалось, что он должен испытывать тревогу, даже страх, но он не чувствовал ни того, ни другого.

К его засаде бизоны не приближались, однако он заметил, что с восточной стороны они как будто заполонили прибрежные кустарники. Вдруг он встрепенулся, услышав ружейные выстрелы. Бум... Бум... Бум-бум... Его товарищи начали охоту.

— Что мне делать? — недоумевал он, глядя то на реку, то вдаль, на стадо, где не видно было никаких

перемен. — Мне сказано, чтобы я стоял здесь. Но раз началась стрельба, то вряд ли бизоны подойдут сюда теперь.

Вскоре снова раздался выстрел, гораздо ближе, несомненно, как раз за подъемом. Вдали, где-то на расстоянии двух миль, тоже прозвучал выстрел, слабый, но отчетливый в тихом утреннем воздухе. Еще и еще! Затем он услышал выстрел, по-видимому, между раздавшимся вблизи и прозвучавшим вдали. Итак, все три его товарища принялись за дело. Том стал внимательно всматриваться в стадо и заметил, что оно зашевелилось. Глухой топот копыт донесся до его слуха. Часть стада скрылась за тучей пыли. Бизоны, вероятно, ринулись обратно в глубь зеленеющей равнины. Вдруг Том обратил внимание на то, что ружейные выстрелы — близкие, дальние и самые далекие — раздаются непрерывно и сливаются в сплошной гул. Прислушавшись, он разобрал, что выстрелы становятся глуше. Его товарищи гнались за бизонами и отъехали дальше. Через некоторое время он уже ничего больше не слышал. И бизоны, находившиеся против него, скрытые тучами пыли, тоже исчезли. Острое разочарование охватило Тома.

Но вот всадник показался на возвышенности, за которой происходила охота. Белая лошадь, несомненно, принадлежала Пилчэку. Том увидел, как всадник машет шляпой, и, приняв этот жест за сигнал, вскочил на лошадь и галопом понесся к возвышенности. Здесь было открытое место, широко расстилалась серо-зеленая пустынная равнина, тусклая от пыли. Стада бизонов не было видно. Том поехал навстречу Пилчэку.

— Не повезло вам, — сказал разведчик. — А они направлялись сюда, к реке.

— Много вы убили? — живо осведомился Том.

— Я уложил двадцать одного, — ответил Пилчэк. — А на обратном пути я встретил Стронгхэрла. Он был огорчен, что застрелил только пять. А Бэрн истратил чуть ли не все свои патроны. Но, насколько я мог заметить, убил всего одного.

— Вот как! — вырвалось у Тома. — А он уверял, что уложит несколько дюжин.

— Думаю, что теперь он лучше поймет, как этого добиться, — ответил Пилчэк. — Спуститесь вниз и по-

смотрите, сколько шкур сможете содрать. Я вернусь в лагерь и постараюсь переправиться через реку на фургоне.

Разведчик уехал, а Том, повернув свою лошадь к востоку, рысью спустился к обширному покатоному склону на равнину, где, осмотревшись, увидел пасущуюся лошадь, а дальше темную косматую громаду — очевидно, это был убитый бизон. Том прищпорил коня, быстро покрыл это пространство и застал Бэрна за сдиранием шкуры с бизона.

— Поздравляю с удачей, — крикнул, подъезжая, Том.

— Вот адская работа — сдирать шкуру! — завопил в ответ Бэрн, повернувшись красным и потным лицом к Тому. — Эй! Берегись!

Но его предостережение запоздало. Лошадь Тома яростно захрипела, почуяв непривычный и отвратительный запах, встала на дыбы, затем опустилась и с такой силой ринулась вперед, что Том полетел в одну сторону, а его ружье в другую.

Том сильно ударился о землю и уткнулся лицом в траву. Падение на мгновение оглушило его. Затем он вскочил и почувствовал, что невредим. Неожиданная выходка лошади, осилившей его, унижение от такого падения взволновали Тома.

— Надеюсь, вы не ушиблись, — тревожно крикнул Бэрн, отрываясь от работы.

— Нет, я просто ошалел, — ответил Том.

Бэрн откинулся назад и с громким хохотом покатился по траве. Том не обратил внимания на своего товарища. Дести отбежала на сотню шагов и шла теперь тихим ходом, волоча за собою повод. Том окликнул ее, но она не остановилась. Тогда он побежал и поймал ее.

— Да, лошадь ты славная, — тяжело дыша, сказал Том, садясь верхом. — А теперь ты... пойдешь обратно... и уткнешься носом... в этого бизона.

Дести казалась довольно спокойной и покорно затрусила обратно, пока снова не приблизилась к бизону. Том прищпорил ее и гневно прикрикнул. Дести, подойдя еще ближе, стала волноваться, но еще не выказывала своего норова.

— Не погоняйте ее, — остановил его Бэрн. — Она просто боится.

Но еще не остывший от возбуждения Том хотел, чтобы Дести подъехала вплотную к бизону, и понукал ее. Вдруг Дести наклонила голову, с невероятной силой подскочила вверх и опустилась на вытянутые ноги. Рывок был так резок и силен, что Тома перебросило на край седла. В отчаянии уцепился он за луку седла, и когда Дести снова взметнулась вверх, лука выскользнула у него из рук, он завертелся волчком на крупе лошади и соскользнул с нее. Дести перестала метаться и убежала от бизона.

Том был смущен и растерян. Бэрн Хэднолл зашелся от хохота. Том сидел на том месте, где упал, смотрел на лошадь и постепенно начинал понимать, что должна была чувствовать лошадь. Наконец, Бэрн, поймав Дести, медленно и спокойно подвел ее, ласково уговаривая, к бизону и остановился с ней там.

— Теперь она успокоилась, — сказал Бэрн.

Том поднялся, подошел к лошади и погладил ее.

— Ты сбросила меня, а?

— Том, на вашем месте я подводил бы ее к убитому бизону до тех пор, пока она не перестала бы бояться, — посоветовал Бэрн.

— Я так и сделаю, — ответил Том, а затем взглянул на косматую тушу, лежавшую на земле: — О, какой огромный!

— Ростом со слона, не правда ли? Здоровенный бык, — сказал Бэрн. — Только его одного я и убил, а пострелять пришлось порядком. Понимаете, бизоны убежали, и мне казалось, что я не попаду ни в одного. Наконец, попал в этого. А он продолжал бежать, пока я буквально не изрешетил его.

— Где те, которых убил Пилчэк? — спросил Том, желая скорее приняться за работу.

— Один лежит вон там, немного левее. Можете приниматься за него. Это такой же старый самец, как и этот. Но если вы сегодня сдерете шкуру с него, то я готов съесть ее.

— Мне часто приходилось сдирать шкуру с животных — с телят и с быков, — ответил Том. — Это не так трудно. Почему же я теперь не смогу этого сделать?

— Парень, это бизоны, и шкура у них толщиной в дюйм, грубее, чем подошвенная кожа, и с трудом поддается.

— Так должна быть особая сноровка для такой работы, — ответил Том, вскакивая на Дести. — Послушайте, я чуть не забыл свое ружье. Подайте мне его, пожалуйста... Бэрн, бьюсь об заклад, что до вечера сдеру шкуры с десятка бизонов и успею очистить и растянуть их до того, как лягу спать.

— Готов побиться об заклад, — насмешливо сказал Бэрн. — Если бы только у меня было время понаблюдать за вами, не упустил бы такого забавного зрелища! Постараюсь обогнать вас.

— Отлично. Я уверен, что выиграю, — весело и решительно ответил Том и, пришпорив Дести, быстро поскакал к ближайшему убитому бизону.

Глава III

Том трудился над тушами бизонов, переходя от одной к другой. Ветер стих, солнце поднялось высоко и ярко сверкало над равниной. Ему нестерпимо хотелось пить, и с часу на час жажда его усиливалась. Рубашка его так взмокла от пота, что можно было бы выжать ее. Никогда еще жара так не мучила его. Постепенно вся одежда его пропиталась потом, кровью, жиром и пылью. Это, а также и все усиливающаяся боль в теле, особенно в руках, крайне мучило его. Он не замечал, как проходит время. Иногда только он оглядывал равнину, отыскивая своих товарищей. Об индейцах он совершенно забыл. Бэрн и Стронгхэрл видны были по временам, а иногда появлялся на повозке и Пилчэк. Когда к концу дня он содрал последнюю шкуру, которая обеспечивала ему выигрыш, он торжествовал. В двух милях заметил он приближавшуюся к нему повозку. Оставалась только одна туша, и с нее он содрал шкуру, пока подъезжал Пилчэк.

— Вы работаете со скоростью канзасского циклона, — с нескрываемым восхищением воскликнул разведчик. — Семнадцать шкур в один день. Доон, я никогда не видел ничего подобного!

— Я бился об заклад с Бэрном, — ответил Том, вытирая с лица пот.

— Если вы сможете продолжать так дальше, молодой человек, то вы составите себе состояние охотой, — серьезно сказал Пилчэк.

— Подождите, мне надо еще доучиться! — воскликнул Том, окрыленный этой похвалой и надеждами на будущее.

Вскочив на лошадь, Том спросил, указывая вдаль: — Не возвращается ли это обратно стадо?

— Да, сюда они придут ночью на водопой. Мы найдем их здесь завтра утром. Слышали ли вы выстрелы других охотников?

— Вы говорите об охотниках других отрядов? Нет, не слышал.

— Дальше по берегу всего несколько отрядов. Но нам повезло. Вероятно, скоро повсюду здесь будут охотники. Правда, бизонов хватит на всех.

Том ехал обратно в лагерь, глядя на заходящее солнце, которое окрашивало западные холмы в золото и пурпур. Несмотря на то, что он очень устал от необычайного напряжения, ему все-таки хотелось и посмотреть вокруг, и чувствовать, и думать.

В лагерь он приехал до наступления темноты, его все приветствовали и поздравляли. Бэрн великодушно похвалил его, но встревожил своим заключительным замечанием:

— Подождите, пока начнете растягивать и скоблить шкуры.

— Ах! Я и забыл об этом. Значит, я еще не выиграл спор, — уныло ответил он.

Расседлав лошадь, Том нашел в себе силы только для того, чтобы жадно напиться и со стоном вытянуться под деревом. Никогда в жизни не было у него такого сердцебиения, никогда так мучительно не ныло и не горело все тело. Часовой отдых значительно подкрепил его. Затем он, как голодный волк, набросился на ужин. Если бы его товарищи не ели с такою же жадностью, ему стало бы стыдно. Еще не стемнело, когда Том увидел, как Пилчэк начал растягивать и скоблить шкуры. Вся операция продолжалась недолго и показалась нетрудной. Том попробовал сделать то же самое, но, как и сдирание шкуры, это оказалось значительно труднее, чем можно было предполагать. Сэлли Хэднолл предложила помочь ему, но он с благодарностью отклонил ее предложение, объяснив, что он бился об заклад и хочет выиграть. Девушка вертелась около Тома и наблюдала за ним к немалой его досаде. Он видел, что она над ним смеется.

— Разве это так забавно? — раздраженно спросил он.

— Вы похожи на мальчика, играющего в чехарду, — со смехом ответила она.

Тому оставалось только добродушно рассмеяться, но затем он ловко перевел разговор на нее и сделал язвительное замечание о Стронгхэрле. Девушка вспыхнула, покраснела и оставила его одного справляться с тяжелой работой. Его усилия увенчались успехом. К полночи работа была окончена; крайне усталый, он добрался до постели и, едва лег, как глаза его тотчас сомкнулись.

На следующее утро он готовно отозвался на зов Пилчэка, но тело его было совершенно не в состоянии быстро двигаться. Как искалеченный, поднялся он со своего шерстяного одеяла, служившего ему постелью. Но постепенно мускулы его размялись, стихла боль при движениях, и он решил, что сможет с утра заняться чем-нибудь полезным.

Снова, как выражался Пилчэк, каждый должен был постоять за себя. Том обрадовался по двум причинам: во-первых, потому что он мог ехать свободно, куда хочет, а во-вторых, потому, что жаждал по-настоящему, наконец, встретиться с бизонами.

Хэднолл нарушил все планы Тома, поручив ему сторожить лагерь, пока сам он будет на охоте вместе с другими мужчинами. Однако затем он изменил это распоряжение, прибавив, что если какой-нибудь бизон приблизится к лагерю, то Том может поохотиться за ним.

К восходу солнца окончили завтрак, и трое охотников, бодрые и оживленные, уехали. Оставшийся Пилчэк сказал Тому:

— Мне хотелось бы знать, охотятся ли за этим стадом индейцы. Возьмите мою подозрную трубу и понаблюдайте с холма; если бизоны покажутся сегодня на том берегу реки, вы можете пострелять поблизости от лагеря.

С этими словами Пилчэк уехал в лес. Том не спеша занялся кое-какой мелкой работой и был доволен, что мог укрыться от внимательного взгляда Сэлли. Она, как ему казалось, как-то неодобрительно посматривала на него. Покончив с хлопотами по лагерю, Том взял под-

зорную трубу и взошел на холм. Бизонов стало как будто больше, чем накануне, и собрались они почти в том же самом месте. Том оглядел всю округу и заметил, что в нескольких милях дальше, на берегу реки, поднимается дым, несомненно, указывающий на местопребывание другого лагеря. Только значительно позже внимательный взор Тома различил бизонов, приближавшихся к лагерю. Затем он с волнением увидел на берегу реки, против лагеря, несколько пасущихся самцов; так ему, по крайней мере, показалось. Поспешно сбежав с вершины холма, он схватил ружье и патроны и, переправившись через реку, стал взбираться на обрывистый лесистый берег несколько западнее того места, где находился вчера. Немного времени понадобилось ему, чтобы достичь желанного пункта, — края леса и обрыва. Взглянув сквозь деревья, он ринулся вперед так стремительно, что упал на колени.

В сотне ярдов на открытой равнине паслись девять бизонов, вожак которых казался больше, чем самый крупный бизон, с которого он сдирал шкуру вчера. Они не почуяли Тома и шли по направлению к нему, немного правее, по-видимому, к реке.

Трепетно и напряженно следил за ними Том. Он забыл о том, что в руках у него ружье, и был так взволнован, что вспомнил об этом только, когда с берега донеслись глухие выстрелы. Странно было, что бизоны не обращают никакого внимания на стрельбу. Тогда он решил выждать подходящий момент, чтобы уложить вожака. Бизоны приближались так медленно, что у него оказалось вполне достаточно времени, чтобы унять охватившую его дрожь, хотя вполне успокоиться он был теперь не в состоянии.

Несколько бизонов сгрудились на небольшой отмели в пятидесяти ярдах от Тома, остальные, не спеша, продолжали спускаться к реке, и огромный вожак медленно переваливался сзади. Остальные прошли в лес, держась вдали от Тома. Ему с трудом удалось сдержать свое нетерпение. Затем один из бизонов стал топтать кустарники с таким шумом, как будто пробирался слон. Вдруг Том вздрогнул от тяжелого дыхания бизона, находившегося поблизости от него. Он осторожно обернулся. За ним и ниже, под ним, ближе чем в пятидесяти ярдах, другие бизоны проходили в лес. Он

ясно слышал скрежет их зубов. Это были настоящие чудовища. Том инстинктивно стал искать дерево, на которое он мог бы влезть, или место, куда бы ему убежать после того, как он выстрелит. Что, если они бросятся в погоню за ним? У него едва ли хватит времени снова зарядить ружье, а если даже и хватит, что пользы в том? Вожак замотал своей огромной бородой прямо перед Томом. Какая огромная тупая морда! Глаза животного были выпучены так, что он мог видеть и спереди и сзади. Густая борода его волочилась. Во всей косматой громаде Том смог различить только концы рогов. Слышалось шумное тяжелое дыханье. Том чувствовал, что ему неприятно убивать это великолепное и могучее животное, но он не в силах был противиться своему лихорадочному, трепетному чувству. Положив тяжелое ружье на ветку, он прицелился в промежуток между огромными косматыми плечами и, напрягая мускулы, затаив дыхание, выстрелил.

Как пушка, грохнуло старое ружье. Треск сучьев, топот тяжелых копыт раздались сперва от облачка дыма. Остальные бизоны обратились в бегство. Перед Томом мелькали широкие темные спины животных, несущихся, ломая кустарники, к речному спуску. Дрожащими руками он снова зарядил ружье. Сквозь рассеивающийся дым он тревожно искал бизона, в которого выстрелил, и сначала увидел только густо заросший травой склон, а затем заметил темную неподвижно лежащую громаду.

Порыв молодости пересилил все в Томе. Он вскочил, бросился из лесу, испуская крики, как индеец, и понесся вниз по спуску, восторженный и гордый; однако он не настолько потерял голову, чтобы забыть о возможной опасности. Но со стороны этого животного ничто уже не грозило ему. Вожак бизонов испустил последнее дыхание.

Пилчэк вернулся в полдень и увидел, как Том растягивает и скоблит шкуру первого убитого им бизона.

— Уложили одного, а? — воскликнул он, взглядом знатока осматривая большую косматую шкуру. — Ваш первый бизон? Великолепное животное! Крупнее этого и не встретишь.

Тому пришлось рассказать подробно о своем подвиге, и он был немного смущен замечанием разведчика, что ему следовало убить не одного, а несколько бизонов.

— Не слишком ли рано вы вернулись? — спросил Том, когда Пилчэк спешился.

— Патроны все вышли, — лаконично ответил тот.

— Так скоро! — удивленно воскликнул Том. — Вероятно, вам попало множество бизонов?

— Признаюсь, они густо шли сегодня, — насмешливо ответил разведчик. — И они вдруг со всех сторон окружили меня, и я должен был, стреляя, прокладывать себе дорогу.

— Вот как!.. Сколько же штук вы убили?

— Двадцать. Думаю, что если мы сегодня вечером подсчитаем, то день выдаться удачный. Бэрн работает лучше, чем вчера... Ну, мне хочется немного выпить и закусить. Ехать жарко, пыльно. А затем я запрягу лошадей в повозку и поеду за шкурами.

Утолив голод и жажду, Пилчэк привел лошадей и запряг их в большую повозку.

— Мне очень не хочется сдирать шкуры. Но придется взяться за это. Мы настроеляем столько бизонов, что у нас не хватит времени содрать шкуры со всех.

Вскоре после того как он уехал, Том услышал на берегу лошадиное ржание, повторившееся несколько раз. Это заставило его выйти на разведку, и он увидел открытую повозку, едущую вдоль опушки леса. Впереди сидел человек, а другой ехал верхом и вел за собою двух запасных лошадей.

— Еще охотники, — решил Том, направляясь навстречу им. — Хотел бы я знать, как мне следует держать себя в подобном случае.

Когда возница увидел Тома, идущего навстречу с ружьем в руке, он сразу остановил лошадей.

— Охотничий отряд Дэнна, — заявил он с такой тревожной поспешностью, как будто его спрашивали о его имени и занятии. Это был короткий широкоплечий человек с ярко-красным лицом, заросшим густыми бакенбардами.

— Я Том Доон из отряда Хэднолла, — ответил Том. — Мы расположились лагерем как раз здесь, внизу.

— Кларк Хэднолл? Вот так удача! — воскликнул тот. — Мы сговаривались с ним отправиться на охоту вместе. Но он не успел собраться, и я уехал раньше.

Том протянул ему руку, и тогда всадник, ехавший за повозкой, подскакал и остановился рядом с возницей.

Это был упитанный молодой человек с очень веселым выражением на круглом лице. Его одежда поражала своим несоответствием с простотой жизни в прериях. Старая широкополая шляпа его была слишком велика для большой головы, а из дыры на макушке торчал клок волос.

— Ори, познакомься с Томом Дооном, из отряда Хэднолла, — сказал Дэнн. — Мой племянник, Ори Тэск.

— Очень рад встрече с вами, мистер Доон, — с большим апломбом заявил Ори.

— И я так же, — добродушно приветствовал его Том, внимательно всматриваясь в лицо новопривышшего.

Дэнн прервал его наблюдение.

— Хэднолл в лагере?

— Нет. Он охотится. Я думаю, что вам следовало бы подождать у нас в лагере, пока он вернется. Это будет к закату солнца.

— Отлично. Мне хотелось бы увидеть и услышать человека, с которым я знаком, — многозначительно ответил Дэнн. — Покажите нам дорогу, Доон. Мои лошади хотят пить.

Когда путешественники прибыли в лагерь Хэднолла, Том помог им распрячь лошадей в удобном месте и распаковать необходимые для палатки принадлежности. Во время этой работы Ори Тэск вдруг остановился и уронил к ногам узел с вещами.

— Ох! — крикнул он, поднимая ногу и растирая ее рукой и глядя по направлению к лагерю. Взгляд у него был изумленный и восхищенный.

— Что это? Я вижу прекрасную молодую даму?

При этом вопросе Том обернулся и увидел Сэлли Хэднолл, выглядывавшую из-за белого полога повозки Хэднолла. Было слишком далеко, чтобы видеть ясно, но у него составилось впечатление, что Сэлли уже строит глазки Ори Тэску.

— Это? — вырвалось у Тома, который с трудом сохранял серьезное выражение лица. — Да это мисс Сэлли Хэднолл. Но я не могу разобрать, что она...

— Дядя Джэк, — поспешно прервал его Ори, — в этом лагере девушка!

— С нами три женщины, — сказал Том.

— Это неожиданно для нас, — ответил Дэнн. — Я не представлял себе, что Хэднолл привезет в страну бизонов всю свою семью. Интересно было бы знать... Том, есть ли тут с вами какой-нибудь опытный охотник на бизонов, человек, знающий эту местность?

— Да. Джюд Пилчэк.

— И он согласился взять с собою женщин?

— Думаю, что у него не было другого выхода, — ответил Том.

— Гм. Давно вы остановились на этом берегу?

— Два дня.

— Видели другие отряды?

— Нет. Но Пилчэк говорил, что несколько отрядов расположились вдоль реки.

— Вот как, — сказал Дэнн, расчесывая бороду своей короткой сильной рукой. Он был, по-видимому, озабочен. — Видите ли, Доон, нам не повезло, когда мы последний раз охотились в этом краю на бизонов. Зимой мы перешли на индейскую территорию, не зная, что охотиться на бизонов на их землях запрещено. Офицеры отняли у нас шкуры. Затем весенняя охота началась отлично — милях в сорока на запад отсюда. Мы добыли пятьсот шкур. И их у нас украли.

— Что вы! — воскликнул Том. — Кто же мог позволить себе такую гнусность — украсть шкуры?

— Кто? — прохрипел Дэнн, и маленькие глазки его загорелись. — Мы не знаем. Солдаты тоже не знают. Они говорят, что это украли индейцы. Но я-то уверен, что воры — белые.

Том тотчас же понял всю серьезность этого сообщения. Трудности и опасности охоты все возрастали.

— Вы должны рассказать все это Хэдноллу и Пилчэку.

В этот момент Сэлли ласково крикнула:

— Том... а, Том... не желают ли наши гости немного закусить?

— Желают, мисс, благодарю вас, — крикнул Дэнн, отвечая за себя.

Что же касается Ори Тэска, то он, казалось, был совершенно поглощен не то мыслью о предстоящей еде, не то перспективой оказаться в присутствии прекрасной девушки. Том заметил, что он сразу перестал помогать Дэнну в его работе и всецело занялся приведением в

порядок своей внешности. Дэнн и Том уселись раньше Ори, но когда он присоединился к ним, стало очевидно, что он готовится произвести большое впечатление.

— Мисс Хэднолл — мой племянник, Ори Тэск, — вежливо представил его Дэнн.

— Как его имя? — переспросила Сэлли недоверчиво, как будто она не расслышала точно.

— Орвилл Тэск — к вашим услугам, мисс Хэднолл, — с изысканной любезностью ответил молодой человек. — Очень рад познакомиться с вами.

Сэлли смотрела на него внимательным, подозрительным взглядом и затем, убедившись, что он не шутит, решила, очевидно, что одержала легкую победу. Том знал, что для Сэлли это самое приятное. Вероятно, впоследствии она начнет юмористически относиться к этому молодому джентльмену.

Вскоре Том оставил новоприбывших заниматься своими делами, а сам занялся своим, которое состояло, главным образом, в интенсивной разведке вокруг лагеря. Отдаленный гул ружейных выстрелов скоро перестал нарушать сонную тишину. Часы проходили за часами, и когда к закату солнца Том вернулся со своего последнего сторожевого обхода, он застал Хэднолла и остальных охотников в лагере. Пилчэк был в дороге с грузом в пятьдесят шесть шкур. Как только наступили сумерки, он закричал с противоположного берега, что ему понадобится помощь на крутом подъеме. Все взялись за повозку и помогли преодолеть препятствие; тотчас после этого мистрис Хэднолл позвала всех на ужин.

Том внимательнее, чем всегда, присматривался и слушал. Хэднолл ликовал. День выдался удачный. Такого страшно сильного и выносливого человека, как он, крайне утомительная работа не пугала. Он был похож на счастливца, нашедшего золотые россыпи. Настроение отца отражалось и на Бэрне Хэднолле. Пилчэк ел молча, не разделяя их откровенного восторга. Стронгхэрл, конечно, был бы доволен вниманием Сэлли, если бы не чувствовал соперника в Ори Тэске. Тот не спускал глаз с Сэлли. У Дэнна был довольно хмурый вид. Он, вероятно, еще не рассказал Хэдноллу о своих неудачах.

После ужина мужчины в течение двух часов растягивали и скоблили шкуры. Их разостлали на всех подходя-

щих местах в лагере, оставив узкие дорожки для прохода между ними. Работа еще не была кончена, когда женщины улеглись спать. Сидя у костра, в который Том подбросил поленьев, Дэнн рассказал Хэдноллу и Пилчэку те же новости, что и Тому, не высказав только своего мнения о присутствии женщин в лагере.

К удивлению Тома, Хэднолл отнесся к рассказу Дэнна беззаботно. Он, вероятно, не усмотрел в нем никакой серьезной угрозы, и на неудачи Дэнна отозвался кратко:

— Не повезло вам! Но вы можете быстро вернуть потерянное. Присоединяйтесь ко мне. Чем больше участников, тем мы будем сильнее, тем меньше опасности.

— Как обстоит у вас дело с съестными припасами? — осведомился Дэнн.

— Хватит на два месяца. Но мы еще до того нагрузим все повозки шкурами.

— Отлично, Кларк, я присоединяюсь к вашему отряду, и, конечно, буду охотиться для себя и буду платить свою долю расходов, — ответил Дэнн медленно, как бы обсуждая серьезный вопрос. — Но я надеюсь, что вы ничего не будете иметь против, если я откровенно выскажусь относительно присутствия женщин.

— Можете откровенно говорить со мной обо всем и обо всех.

— Вам следовало бы отправить ваших женщин обратно или отвезти их в форт Эллиот, — решительно сказал Дэнн.

— Дэнн, я не сделаю ни того, ни другого, — резко ответил Хэднолл.

— Ну, так солдаты сделают это за вас, если они случайно окажутся здесь, — так же резко сказал Дэнн. — Это ваши заботы. Я не хочу вмешиваться в ваши дела. Но женщинам не следует принимать участия в охоте, которая предстоит нынешним летом. Говоря откровенно, я считаю, что мистеру Пилчэку следовало бы предупредить вас и посоветовать оставить где-нибудь женщин.

— Я намекал об этом Хэдноллу, но он не хотел и слушать, — заявил разведчик.

— Ничего подобного вы мне не говорили, — раздраженно заявил Хэднолл.

Затем последовал горячий спор, и у Тома составилось мнение, что Пилчэк не сказал своевременно всего того, что знал.

— Как бы там ни было, это, право, не имеет для меня никакого значения, — сказал в конце концов Хэднолл. — Я хотел, чтобы жена и Сэлли были со мной. И раз я приехал сюда совсем, они тоже приехали. Мы охотимся теперь на бизонов, пока это прибыльно. Но главное, чего мы ищем, — хорошее место для фермы.

— Теперь выслушай меня, Хэднолл, — сказал Дэнн. — Я не намереваюсь командовать вашим отрядом. Я хочу сказать только одно... Я охочусь уже шесть месяцев и знаю, что говорю. Самое большое стадо бизонов пасется южнее, на Красной реке, в Стэкед Плэнсе. Вы думаете, что здешнее стадо большое. Это только незначительная отставшая часть. На Красной реке бизонов в тысячу раз больше. Большая часть охотников отправилась туда, и команчи и киваи вступают там в бой с ними. Я встречал охотников, которые рассчитывают, что главное стадо доберется сюда весной, приблизительно в мае. Но я уверен, что главное стадо никогда не пойдет так далеко на север. Если вы хотите заработать охотой много денег, то должны отправиться на Красную реку.

— Так клянусь, мы и отправимся туда! — воскликнул Хэднолл.

— Хорошая охота у нас и здесь, пока это стадо бродит около реки, — вмешался Пилчэк. — Мы здесь почти одни.

— Это верно, — сказал в заключение Дэнн. — Я охотно остановлюсь здесь. Но когда мы отправимся в Стэкед Плэнс, то нам надо быть готовым к тяжелым временам. Этим летом на Красной реке будет настоящий ад.

Быстро проносились дни, следовавшие за присоединением Дэнна к отряду Хэднолла, и Том скоро превратился в опытного охотника и в мастера по сдиранию шкур. Он никогда не был искусным стрелком, но своей верховой ездой и отвагой возмещал то, чего ему недоставало как стрелку. Если у человека крепкие нервы, то ему не надо особого умения стрелять. В сдирании шкур Том превосходил всех участников отряда Хэднолла. Руки

у него были большие и сильные, и эти качества в соединении с ловкостью обещали сделать из него первостепенного мастера по сдиранию и растягиванию шкур.

Отряд Хэднолла следовал за другими отрядами, никогда не нагоняя их, на юг, по течению реки, вслед за стадом бизонов. Ни Дэнн, ни Пилчэк не были уверены, что река эта впадает в Красную реку, но, по мере того как шло время, они все больше склонялись к этому мнению. Если это было так, то это было им только на руку. Стадо продвигалось медленно и, только преследуемое выстрелами, убегало на несколько миль южнее, а на другой день всегда снова паслось у реки.

Однако однажды утром они не увидели стада. Пилчэк безуспешно проскакал тридцать миль на юг. Он высказал мнение, и Дэнн согласился с ним, что бизоны, наконец, направились к Красной реке. В ту же ночь решили прекратить пока охоту и ехать на юг на поиски главного стада.

Том, благодаря своим успехам, скопил немало денег, и был крайне изумлен этим. Как быстро маленькие цифры превращались в большие!

Он пробыл на охоте всего двадцать три дня. Триста шестьдесят бизонов было убито им. Но это было не все. Платили ему за содранные шкуры, а он содрал их четыреста восемьдесят две — в среднем по двадцати в день. И Хэднолл задолжал ему сто сорок четыре доллара шестьдесят центов. Том охотно работал на ферме за двадцать долларов в месяц и был доволен. А такой солидный заработок казался ему просто невероятным. Том поражался: подумать только, что он будет охотиться и сдирать шкуры с бизонов целый год! Эта перспектива совершенно ошеломляла его. Кроме того, лагерная жизнь, открытый простор, непрерывная верховая езда и увлекательная охота незаметно действовали на него и, хотя он этого еще не сознавал, в нем уже произошла большая перемена.

Глава IV

Уже настолько рассвело, что можно было различать окружающие предметы, когда Милли Фэйр выглянула из повозки, тщетно надеясь, что сможет сделать про-

щальный приветственный знак тому молодому человеку, Тому Доону. Ее отчим всегда почему-то чрезвычайно интересовался другими отрядами, хотя избегал какого бы то ни было общения с ними. Но в лагере Хэднолла стояла тишина, и никого не было видно. Вскоре серый утренний туман поглотил деревья и повозки. Милли снова улеглась и закрыла глаза. Сон не вернется снова. Скрип колес и топот копыт не только разгонял дремоту, но и доказывал ей, что началось в действительности то путешествие по прерии, которого она так боялась.

Путешествие это сулило только одну приятную перспективу — то была смутная надежда снова встретить где-нибудь высокого красивого незнакомца, который так ласково беседовал с ней и так задумчиво смотрел на нее. Ни на что другое, кроме простой встречи с ним, девушка не надеялась! Она была бы благодарна судьбе и за это. Ее отчим запретил ей даже знакомиться с охотниками. Пять недель совместной жизни с отчимом многому научили ее, и она боялась его. Его оскорбительное обращение накануне вечером в присутствии Тома Доона возмутило девушку. Она думала о том, что скоро, через год, наступит время, когда она станет совершеннолетней и обретет свободу.

Встреча с Томом Дооном произвела за последние двенадцать часов полную перемену в Милли. Его взгляд преследовал ее и даже в темноте вызывал краску на ее лице. И сердце девушки трепетало от его слов, полных страха и упрека: «Может быть, я никогда больше не увижу вас!» Не все ли равно, чем они были вызваны! Но она не могла сомневаться в этом молодом человеке с такими ясными глазами и таким приятным голосом. Он был серьезен. Он хотел сказать, что будет огорчен, если не увидится больше с ней. А как отнесется она к тому, что никогда больше не встретит его? Она не могла бы сказать этого. Но, увидев его раз, она почувствовала, что бремя жизни стало для нее легче. Так в душе Милли зародилась мечта. На долю ее выпала тяжелая работа на ферме, когда она была девочкой, тяжелая работа после долгого пути в школу и обратно. Она не помнила своего отца, который пропал без вести на войне. Трагедия наступила, когда мать ее вышла замуж за

Рэндолла Джэтта и затем прожила всего только несколько месяцев. Родственников у Милли не было. Юноши и взрослые мужчины надоедали ей своим ухаживанием, и их назойливость, как и вся жизнь, которую она вела, не доставляла ей никакого удовольствия. Облегчение она почувствовала только в те месяцы, когда отчим уехал охотиться на бизонов. В марте он вернулся обратно с другой женой. Это была женщина с грубыми чертами лица, резкая и бессмысленно ревнивая по отношению к Милли. Он продал свою маленькую ферму на берегу Миссури и увез жену и Милли на юг, увлеченный перспективой быстрого обогащения охотой на бизонов.

С самого начала Милли боялась этого путешествия, но она не могла противиться. Она всецело находилась во власти Рэндолла Джэтта. Кроме того, ей некуда было деться; она не знала никакой работы, кроме той, которая выпадает на долю дочери на ферме. Она была апатична, мечтательна, и немного болезненна. Такой оставалась она в течение всего путешествия, пока не наступил момент, когда доброта, проявленная ею по отношению к лошади, столкнула ее с Томом Дооном. Что было в нем, что отличало его от всех других людей? Неужели встреча эта произошла всего лишь накануне вечером?

Повозка катилась по неровной дороге, и по внезапно осветившейся парусине ей стало ясно, что солнце взошло. Милли слышала бречание упряжи на лошадях. Одна из повозок, которой правил Джэтт, следовала непосредственно за ее повозкой.

Движение и шум казались более сносными Милли, когда она думала о той перемене, которая произошла за один день. Это лучше, что она едет по той дороге, по которой едут охотники на бизонов, ибо Том Доон тоже относится к их числу. С каждой мыслью ее усиливались те неясные и глубокие переживания, в которых она пока не могла разобраться. Она то вспоминала вчерашний день, случайную встречу, неожиданный странный взгляд, вспоминала, как следила за лагерем Хэднолла, чтобы увидеть этого высокого молодого человека, как слушала болтовню Джэтта с товарищами о других отрядах, мечтала, как приятно ей будет снова увидеться с Томом. И совсем не страх перед отчимом

заставлял ее убежать от этого красноречивого молодого человека с такими выразительными глазами. Незнакомое волнение внезапно охватило ее. Прикосновение его руки, взгляд его, его слова! Милли снова почувствовала, как забилося ее сердце, как сильнее стала вздыматься грудь, как быстрее побежала кровь в ее жилах, как смутные сладостно-жуткие мысли перегоняли одна другую.

Но минуту спустя Милли пыталась уйти от этих приятных коварных дум, вспомнить о том, что она находится в этот момент в повозке, едет вдаль, и неизвестно, что ждет ее впереди. Что-то изменилось в ее сложном и нелегком положении. Казалось, какие-то новые надежды окрыляли ее. Если она радовалась чему-нибудь, так это тем часам, когда она могла наедине отдаваться своим мыслям. Эта повозка с парусиновым верхом была как бы ее домом в одну комнату, и когда она находилась там, при спущенном пологе, то чувствовала, как нуждается в одиночестве. Джэтт никогда не мешал ей укрываться в своем уголке, и теперь она своим пробудившимся женским чутьем поняла, что причина этого в том, что ему не нравились взгляды мужчин, обращенные на нее. Но сам он пристально смотрел на нее своими большими суровыми голубыми глазами. У Тома Доона были совсем другие глаза. О них она думала и представляла себе, как внимательно и ласково смотрели они на нее.

Этот переход от трезвых размышлений к смутным чарующим мечтам был новым для Милли. Сначала она сопротивлялась, но потом поддалась этому. В этом было счастье. Она должна развивать и поддерживать в себе такую приятную способность забывать действительность.

Повозка Милли тащилась по кочковатой дороге и как раз тогда, когда она думала, что уже не в состоянии больше переносить тряску, повозка остановилась. Милли откинула задний полог и, взяв сумку с зеркалом, щеткой, гребенкой, мылом и полотенцем, вышла. Остановку сделали под деревьями. Стояла жара, и Милли решила одеть свою широкополую шляпу, как только вымоется и причешется.

— Доброе утро, мисс, — протяжно сказал ленивым голосом возница Кэтли, правившей ее повозкой.

Это был загорелый мужчина лет сорока, неуклюжий, со следами бурной жизни на изрезанном морщинами лице. Но Милли инстинктивно относилась к нему с доверием и не избегала его, как других.

— Доброе утро, мистер Кэтли, — ответила она. — Не дадите ли вы мне немного воды?

— Конечно, мисс. Сейчас дам, — охотно отозвался он и, порывшись под сиденьем, достал таз и поднес его к бочонку, привязанному сбоку к повозке.

— На этой остановке воды нет, Кэтли, — произнес сзади грубый голос. — Воду надо беречь.

— Хорошо, хозяин, буду беречь, — ответил он, вынимая втулку из бочонка. Он подмигнул Милли и умышленно налил полный таз. Затем он поставил его на ящик в тени повозки и сказал: — К вашим услугам, мисс.

Милли поблагодарила его и, не спеша, стала умываться. Она знала, что внимательный взгляд Джэтта следит за каждым ее движением, и когда он грубым голосом прикрикнул на нее, то это не застало ее врасплох.

— Поскорее, Милли. Принимайся за работу, ни к чему тебе прихорашиваться!

Милли так мало заботилась о своей наружности, что едва взглянула в зеркало. И когда Джэтт напомнил ей об этом, как он это всегда делал, ей даже захотелось быть уродливой. Надев широкополую шляпу, которая одновременно и защищала ее глаза от яркого света и скрывала ее лицо, она стала помогать по хозяйству у костра.

Мистрис Джэт, мачеха Милли, стояла на коленях перед миской и месила тесто для лепешек. Зной, по-видимому, не мучил ее, ибо она обходилась без шляпы. Это была еще молодая миловидная женщина, смуглая, с правильными чертами полного лица, но всегда угрюмая и озлобленная.

Джэтт носился по лагерю от повозки к костру и своими сильными и ловкими руками сразу делал по два дела. Его суровые голубые глаза рыскали повсюду. Взгляд у него был подозрительный. Этот человек внимательно присматривался, нет ли какого-либо умыш-

ленного противодействия со стороны окружающих его людей.

Все работали быстро, но в этой работе не чувствовалось готовности дружного и довольного охотничьего отряда, объединенного одной и той же, хотя и опасной, но заманчивой целью. Все как бы покорялись чьей-то властной воле. Вскоре завтрак был готов, и мужчины стали протягивать миски и кружки за своими порциями, которые распределяла мистрис Джэтт. Милли проголодалась, хотя и не устала от работы, и, получив свою порцию, села на мешок с зерном. Во время еды она внимательно наблюдала за окружающими из-под широких полей своей шляпы.

Неужели она могла думать, что эти люди изменятся теперь, когда началось это путешествие в дикую страну бизонов? Фоллонсби был давним знакомым Джэтта и, по-видимому, пользовался его доверием, что было ясно по частым совещаниям, происходившим вполголоса, которые подметила Милли. Это был высокий худощавый человек с неприятным лицом, красным от пьянства и от постоянного пребывания на воздухе, и с глазами, в которые Милли никогда не решалась взглянуть дважды. Пруайт позднее присоединился к их маленькому отряду. Небольшого роста, хотя крепкого телосложения, с изжелта-бледным лицом, замечательным тем, что острый подбородок его выдавался дальше, чем выпуклый лоб, он был еще более отталкивающей внешности, чем Фоллонсби. Люди эти были охотниками на бизонов, увлеченные надеждой на крупное обогащение от продажи шкур. Из того немногого, что Милли могла узнать, она поняла, что все они, кроме Кэтти, должны были в равных долях участвовать в прибыли от охоты. Милли несколько раз слышала эти разговоры, которые почему-то всегда прекращались, когда она подходила ближе.

Милли интересовалась теперь своим отчимом и его компаньонами. Интерес этот зародился в ней только со вчерашнего дня, когда встреча с Томом Дооном, несколько слов, которыми она обменялась с симпатичной мистрис Хэднолл, и жадное наблюдение за лагерем Хэднолла, ясно показали ей, насколько отличаются друг от друга оба отряда. Ни добродушия, ни приветливости, ни ласковых слов, ни веселого сме-

ха, ни бодрого настроения! Она никогда не относилась доброжелательно к Джэтту, но в последнее время он стал относительно сносен. Изменился он с прибытием своих компаньонов, когда началось путешествие в страну бизонов. Теперь Милли почуяла в нем что-то зловещее. Они изредка обменивались несколькими словами, но молчаливость их объяснялась не только тем, что они были заняты в это время едой и Джэtt торопил всех. Кэтти изредка делал случайные замечания, на которые, впрочем, никто не обращал внимания.

— Ну, пошевеливайтесь! — резко приказал Джэtt, окончив еду и поднимаясь.

— Остановимся ли мы сегодня на ночь в Уэд-Кроссинге? — осведомился Фоллонсиби.

— Нет. Мы запасемся водой и дровами здесь и поедем дальше, — отрывисто ответил Джэtt.

Остальные мужчины ничего не сказали, поднялись и занялись своим делом. Запрягли лошадей, жевавших овес в подвязанных к мордам мешках. Милли вытирала посуду, которую молча и поспешно мыла мистрис Джэtt.

— Мама, я... мне очень не хочется ехать на эту охоту, — решила, наконец, сказать Милли только потому, что она не в состоянии была больше выносить этого молчания.

— Я не твоя мать, — резко ответила та. — Зови меня Джэн, если тебе неприятно называть меня мистрис Джэtt.

— Неприятно? Почему мне это может быть неприятно? — тихо и изумленно спросила Милли.

— Ты не состоишь в родстве ни с Джэttом, ни со мной, — угрюмо ответила мистрис Джэtt. — Что касается меня, то мне эта охота тоже не по душе. Я говорила об этом Джэttу, а он ответил: «Нравится ли это тебе или не нравится, но ты поедешь». По-моему, и тебе следовало бы лучше молчать.

Милли была в таких отношениях с отчимом, что не нуждалась в таком предостережении. Но с этого момента она решила внимательно присматриваться и прислушиваться ко всему. Возможно, что недовольство жены и молчаливость товарищей объяснялась властным характером Джэтта.

Когда все было готово к дальнейшему путешествию, Милли спросила Джэтта, можно ли ей ехать рядом с возницей?

— Нет, нельзя, — ответил Джэтт, усаживаясь на свое место.

— Но у меня устает спина. Я не могу лежать все время, — запротестовала Милли.

— Джэн, ты поедешь с Кэтли, а Милли поедет со мной, — сказал Джэтт.

— Вот дурак! — проворчала его жена с внезапным злым огоньком в глазах, что поразило Милли. — Уж не влюбился ли ты в эту красотку, Рэнд Джэтт?

— Молчи! — рявкнул Джэтт, и в голосе его чувствовалось раздражение и смущение.

— Ты страшно боишься, как бы какой-нибудь мужчина не засмотрелся на девушку, — продолжала она, не обращая внимания на его нахмуренные брови. — Как же тогда она найдет себе мужа?

Джэтт грозно взглянул на нее и стиснул зубы.

— О, я знаю, — продолжала мистрис Джэтт, не понижая своего визгливого голоса. — Она никогда и не найдет себе мужа, если это будет зависеть от тебя. Я давно догадывалась об этом.

— Замолчишь ты? — яростно крикнул Джэтт.

Затем, когда жена его уселась рядом с ним, Джэтт погнал лошадей на дорогу. За ними уехали в своей повозке Пруайт и Фоллонсби, а Милли осталась одна с Кэтли, который явно забавлялся всем этим и сочувствовал ей.

— Полезайте сюда, мисс, — сказал он.

Милли колебалась, но затем новое настроение перебороло ее старую привычку к послушанию, и она проворно поднялась на сиденье рядом с возницей.

— Конечно, здесь на солнце будет жарче, но есть ветерок, и вы можете смотреть по сторонам, — сказал он.

— Здесь гораздо лучше.

Кэтли взмахнул длинным кнутом, щелкнул им над лошадьми, не касаясь их, и они тронулись легкой рысью.

— Мы направляемся к индейской территории? — спросила Милли возницу.

— Мисс, мы уже находимся на этой территории, — ответил он. — Не знаю точно когда, но во всяком

случае через несколько дней мы будем в Пэнхэнгле, в Техасе.

— Там и водятся бизоны?

— Точно не знаю, но я слышал, как Джэтт говорил, что главное стадо направляется на север и, по слухам, находится где-то около Красной реки.

— И все охотники собираются в одном месте?

— Да, конечно, там, где пасутся бизоны.

Милли не стала задумываться, хотя смутная надежда зародилась в душе ее. Она была удивлена, что ей хотелось разговаривать и расспрашивать о разных вещах.

— Эта местность вам знакома? — спросила она.

— Нет, мисс. Я никогда не бывал западнее Миссури до этой поездки. Думаю, нам предстоит большие трудности. Вчера вечером я встретил нескольких охотников. Они праздновали свое прибытие в город, и я не мог многого добиться от них. Но, насколько я понял, там, куда мы едем, будет скверно. Я опасаюсь, что там не подходящее место для такой девушки, как вы.

— Я боюсь того же, — сказала Милли.

— Джэтт не настоящий отец ваш? — спросил Кэтли.

— Отчим, — ответила Милли и в нескольких словах рассказала Кэтли о себе с того времени, как ее мать вышла замуж за Джэтта.

— Так, так, теперь все понятно, — ответил Кэтли явно сочувственным тоном. Но он не стал объяснять, что хотел этим сказать. Очевидно, ее бесхитростный рассказ заставил его замолчать. Однако его симпатия к ней чувствовалась еще сильнее, чем раньше. Ее особенно поразило, что он как будто перестал говорить из опасения сказать что-либо лишнее об ее отчине.

В течение этого дня она уже не беседовала с ним больше и только иногда перебрасывалась с ним несколькими словами, а остальное время всматривалась в неясный горизонт, всегда убегающий вдаль со своей манящей тайной.

Дни проходили за днями, бесконечно тянулось путешествие по бескрайним прериям, однообразная лагерная работа сменялась сном, приносящим отдых и забвение.

Милли неизменно наблюдала восход и закат солнца, и только эти два события за целый день доставляли ей удовольствие. Она исчерпала запас рассказов Кэтли и его ограниченное знание местности. Он был единственный человек в их отряде, с кем она могла и хотела говорить. Фоллонсби был, очевидно, женоненавистник. Пруайт дважды подходил к ней и довольно серьезно заговаривал, но, несмотря на свою уродливую внешность, был слишком самонадеян и назойлив, и она сразу прекратила его попытки к ухаживанию. Зоркий взгляд мистрис Джэтт не пропускал ни одного движения ее мужа, когда он бывал с Милли. Это постоянное наблюдение заставило, наконец, Джэтта упрямо держаться в отдалении от нее.

Однако было что-то в его взгляде, что заставляло сердце Милли сжиматься. По мере того как проходили дни и сменялись одна за другой мили, характер Джэтта все больше становился непохожим на тот, каким он был, когда мать Милли вышла за него замуж. В этой обстановке грубость, резкость и затаенная злоба казались природными свойствами его.

Теперь не проходило ни одного дня без того, чтобы Джэтт не обгонял какой-нибудь отряд в несколько повозок, отправлявшийся на охоту. Он поспешно объезжал их или проезжал мимо, если они располагались лагерем у дороги. Но, когда он встречал повозку, нагруженную шкурами бизонов, то всегда находил время остановиться и побеседовать с охотниками.

Джэтт торопился. Лошади у него были молодые и сильные, и он взял запас овса, чтобы их кормить, и они не ослабевали, хотя он и загонял их почти до крайности. Серые, широко простирающиеся прерии индейской территории сменились зеленым холмистым и оживленным простором Пэнхэндла в Техасе. В то время как десять дней тому назад они едва ли пересекали одну речку в день, теперь они попадались часто, правда, все узкие и незначительные. Деревья вдоль этих речек были зеленые и пышные, составляя контраст с холмистой поверхностью равнин.

У Милли составилось впечатление, что при других, более счастливых, обстоятельствах она обрела бы новую радость и свободу, уносясь в этот простор.

Однажды днем раньше обычного Джэтт круто свернул в сторону от дороги и, проехав несколько миль по

лесистому берегу речки, остановился в густой рощице, откуда его повозки и палатки были с трудом видны. Очевидно, он предполагал остановиться здесь не только на одну ночь. На этот раз, вопреки обыкновению, Джэтт ничем не занимался, помог только разгрузить повозки и затем, оседлав лошадь, ускакал в лес. Было уже темно, когда он вернулся. Ужин отложили до его возвращения. Во всех словах и движениях его чувствовалось радостное возбуждение и грубое самодовольство. Он возвестил своим громким голосом:

— Здесь поблизости бизоны прошли на водопой. Мы напали на отставших. Останемся здесь и будем охотиться. Подождем, не подойдет ли сюда и главное стадо.

Это известие не произвело особого впечатления на его товарищей. Никто из них не разделял радостного чувства, которое Джэтт тщетно старался скрыть. После ужина он распорядился отточить ножи и проверить ружья.

Джэтт теперь не мог сдерживать свою бьющую через край силу и жажду деятельности. По-видимому, окончание путешествия вызывало в нем такой подъем и располагало его к обильной выпивке. Милли и раньше знала его приверженность к вину. Однако, когда он пил, то становился менее резким и грубым. Проявлялись скрытые в нем сентиментальные наклонности, и Милли не раз приходилось с трудом уклоняться от его излишней. Тем не менее, она чувствовала, что ей нечего больше беспокоиться, так как ревнивая мистрис Джэтт не спускала глаз со своего мужа. Но и мистрис Джэтт не могла поспеть повсюду.

Едва эта мысль пришла ей в голову, как оказалось, что опасение ее не напрасно. Джэтт, воспользовавшись тем, что жена его находилась в повозке или где-то в другом месте, подошел к Милли, сидевшей у раскрытого полога своей повозки.

— Милли, я скоро разбогатею, — сказал он тихим хриплым голосом.

— Да? Рада за вас, — ответила она, отклонившись немного от его разгоряченного лица.

— Послушай, давай освободимся от старухи, — прошептал он. При дрожащем свете костра в глазах его сверкнула дьявольская усмешка.

— От кого... от чего?.. — запинаясь, пробормотала Милли.

— Ты знаешь! От жены.

— От мистрис Джэтт? Освободиться от нее... Я... я не понимаю.

— Что-то ты стала непонятливая, — смеясь, продолжал он. — Подумай хорошенько.

— Спокойной ночи, — пробормотала Милли, поспешно ускользнув в повозку, и дрожащими пальцами стала завязывать края полога. Голова у нее кружилась. Был ли Джэтт только пьян? Обдумывая это происшествие, она старалась убедить себя, что в Джэтте говорило только раздражение против жены, как вдруг она услышала, что он произносит имя, которое заставило забиться ее сердце.

— Ну, да, Хэднолл, говорю я вам, — отчетливо произнес он. — Его отряд где-то здесь в лесу. Я видел следы его колес и лошадей.

— Но откуда же вы знаете, что это следы отряда Хэднолла?

— Гм! Это моя специальность распознавать следы, — многозначительно ответил Джэтт. — Два отряда расположились недалеко от нас. Я видел лошадей и дым.

— Рэнд, если бы я возглавлял отряд, я не стал бы охотиться на бизонов рядом с Хэдноллом.

— А почему? — спросил Джэтт.

— Я знаю, что говорю. Компаньон Хэднолла, Пилчэк, старый опытный охотник и разведчик...

— Гм! Какое мне дело, кто этот чертов Пилчэк, — ответил Джэтт, резко оборвав разговор.

Глава V

Джэтт выбрал это уединенное место для лагеря, как выбирал и все остальные места на пути своем в страну бизонов, чтобы труднее было обнаружить его пребывание. Те, кто охотились бы вдоль реки и располагались бы там лагерем, могли бы найти его, но отряды, только проезжавшие мимо, не догадывались о близости его стоянки.

На следующее утро он поднял всех с рассветом, и никогда его властная натура не проявляла себя с такой силой.

— Кэтли, ты займешься лошадьми, — кратко сказал он. — Держи их на этом берегу реки. Дорога проходит по той стороне. Самую лучшую траву ты найдешь на этой поляне в лесу. Я буду сегодня приезжать иногда и помогать тебе грузить шкуры.

Жене своей он отдал более многозначительное распоряжение.

— Джэн, я не хочу, чтобы ты разводила костер, когда меня и остальных мужчин нет в лагере. Ты с Милли будьте настороже и если увидите индейцев или еще кого-нибудь, то бегите незаметно и спрячьтесь в лесу.

С этими словами он уехал в сопровождении Фоллонсби и Пруайта. Охота, очевидно, началась. Милли, несмотря на опасность возможного появления индейцев, была рада, что охотники уехали. Насколько она слышала, эта охота на бизонов и сдирание шкур было делом чрезвычайно утомительным, которое занимало весь день и половину ночи. Она примирилась с обществом своей надутой мачехи, державшейся особняком от нее, находя, что та не мешает ей и не нарушает ее покоя. Порученную ей работу она выполнила быстро и тщательно и затем с книгой и с шитьем ушла из лагеря в густую чащу леса.

Солнце стояло высоко, и зной майского дня заставил птиц умолкнуть. Только пчелы продолжали лениво жужжать. Ничто не мешало Милли то шить, то читать, то подолгу дремать. Проходили часы. Милли не слышала ни ржанья, ни топота лошадей, ни людского говора, и только когда день стал меркнуть, она собралась обратно в лагерь. Ей нелегко было найти дорогу, но, наконец, она выбралась из чащи на открытое место. Лагерь был пуст и тих. Милли увидела лишь одну повозку.

Некоторое время спустя, когда девушка приводила в порядок свое жилье, она услышала людские голоса, топот копыт и скрип колес. При этих звуках знакомое подавленное состояние вернулось к ней. Сейчас явится Джэтт, мрачный и голодный. Милли быстро закончила свою работу и поспешно спустилась с повозки.

Охотники пришли пешком, пыльные, потные и, по видимому, усталые. Кэтли нес четыре тяжелых ружья. Джэтт заглянул в свою палатку.

— Выходи ты, ленивая кляча! — грубо крикнул он, очевидно, обращаясь к своей жене. — Я голоден, как волк. — Тут он заметил Милли, разводившую костер.

— Отлично! Ты заменишь мне жену, Милли.

— Ха! Ха! — иронически засмеялся Фоллонсби, снимая шляпу, перчатки, куртку и вытягивая грязные руки. — Нет воды. Ведро пустое. Будь у меня жена, в лагере была бы вода.

— Эх, ты, уродливый янки, нет женщины на свете, которая сходила бы за водой для тебя, — насмешливо сказал Пруайт.

— Ну, если Фоллонсби думает, что может научить Джэн ходить за водой и заниматься хозяйством, то он ей очень понравится, — ответил Джэтт.

Эта пустая и добродушная болтовня указывала на перемену в отношениях между Джэттом и его компаньонами. Но Кэтли не принимал участия в этом. Он работал в отряде Джэтта, но не был компаньоном.

В этот момент появилась мистрис Джэтт, и ее появление, вероятно, благодаря замечанию Джэтта, вызвало едва скрытое веселое настроение.

— Я слыхала, что ты сказал, Рэнд Джэтт, — заявила она, сверкнув глазами. — Ни один мужчина мне не понравится, как бы ты ни старался, особенно такой человек, как Фоллонсби, этот вор и грабитель.

— Молчи! — крикнул Джэтт совсем другим тоном. — Знай свое дело! Пошевеливайся!

Готовая разразиться ссора приостановилась. Когда Фоллонсби принес воды, мужчины с большим наслаждением умылись. Покончив с этим приятным занятием, они стали приводить в порядок свое снаряжение, точить ножи, чистить ружья и при этом беседовали о сегодняшней охоте, о том, что полчаса стрельбы было для них развлечением, а настоящая работа заключалась в том, что восемь часов они сдирали шкуры, и прибавили то, что прежде чем думать о сне, надо еще растягивать и скоблить их. Милли чутко прислушивалась в надежде, что, может быть, они проронят хоть слово об отряде Хэднолла, но ожидания ее не оправдались.

Наконец, мистрис Джэтт крикнула им:

— Идите ужинать.

— Или ты выльешь и выбросишь все, а? — весело спросил Джэтт, быстро вставая.

Ели молча, поспешно и жадно, и каждый брал, что хотел, не спрашивая. Джэтт кончил первым.

— Насыщайтесь хорошенько, коршуны, — сказал он своим приятелям, — нам предстоит много работы. — Джэн, вы с Милли уберите все и ложитесь спать. Мы будем тут недалеко растягивать и скоблить шкуры.

Милли долго лежала без сна в ту ночь, но не слышала возвращения охотников. На следующий день они позавтракали до восхода солнца и поспешно уехали. На третий день она видела их только утром и вечером за едой. Джэтт и его помощники были всецело поглощены охотой.

На четвертый день они снялись с места и, проехав двадцать миль по тому же берегу реки, остановились в небольшой рощице, которую Милли заметила еще издали. На утро Джэтт с товарищами опять отправились на охоту и вернулись поздно. Милли уже легла спать, но слышала их грубые усталые голоса.

Затем они снова снялись и двинулись дальше на юг. Милли заметила, что местность изменилась, хотя на первый взгляд казалась такой же, и она решила, что стало только еще более просторно и пустынно.

По мере того как они продвигались к югу, бдительность и возбуждение Джэтта усиливались со дня на день. Из разговоров у костра Милли узнала, что количество бизонов, как и число охотников, стало постепенно увеличиваться. Джэтт, по-видимому, установил правило — один день проводить в дороге, а другой охотиться. Чем дальше, тем больше было работы. На этой бесконечной равнине не было дорог, и местность была неровная, с подъемами и спусками, так что по временам приходилось выгружать и затем снова нагружать повозки. Май сменился июнем. Огромные прерии покрылись сплошным зеленым ковром, и трава тихо колебалась при малейшем ветерке. Речки окаймляла густая зелень. Стада бизонов начали появляться и на восточном берегу той реки, вдоль которой следовал Джэтт. Однако охотился он на западном берегу, где по наблюдениям Милли бизоны скоплялись в большем числе.

Джэтт два дня продвигался к югу, а затем переправился через речку на западный берег и, проехав несколько дальше, остановился, наконец, у большой реки.

— Ну, ребята, вот она Красная река, здесь мы и остановимся на лето, — громогласно провозгласил он.

Для стоянки он выбрал место, куда трудно было добраться и которое трудно было заметить со стороны. Это была чаща деревьев и кустарников на берегу Красной реки, и из глубины ее не видно было ни реки, ни прерии. Джэтт посвятил остаток дня устройству постоянного лагеря. Фоллонсби, которого он отправил на разведку, вернулся к закату солнца.

— Мне кажется, что стадо бизонов занимает около пятидесяти квадратных миль, — выразительно сообщил он, сидя на седле и глядя на главаря отряда.

— Я был в этом уверен, — кивнул Джэт. — Далеко ты был?

— Думаю, милях в пяти. Я взобрался на высокий холм над рекой. Оттуда открывается вид на многие мили вокруг, и я был поражен. Право, Рэнд, я не увидел конца стада, хотя у меня была подзорная труба.

— Интересно знать, сколько охотничьих отрядов ты смог заметить? — нетерпеливо спросил Джэтт.

— Заметил я их немало, — протяжно ответил тот, — и разбросаны они повсюду. На запад от холма я видел дымы от костров вдоль всей реки, насколько хватало глаз.

— Есть лагеря поблизости от нас?

— Только два, между нашим лагерем и холмом, — ответил Фоллонсби. — Дальше еще один, а затем идет целый ряд по берегу. Бизоны видны повсюду.

— Несомненно, основное стадо. Интересно бы знать, двинется ли оно на север?

— Думаю, двинется. Но в таком случае оно скоро повернет обратно.

— Ты предполагаешь, что ему перережут дорогу охотники, которые следуют за нами?

— Вот именно. Лучшего положения для нас отыскать трудно. Стадо расположилось треугольником. На юге — река, на западе — Стэкед Плэнс, а с третьей стороны — тысячи охотников.

— По-видимому, все так. Пространство огромное, но получилась ловушка.

— А принимаешь ли ты в расчет индейцев?

— Нисколько. Если они станут мешать нам, то охотники соберутся вместе и сделают то, чего не могут сделать солдаты — прогонят их обратно в Стэкед Плэнс.

— Наверное, летом здесь будет настоящий ад?

— Так оно и будет. То есть предстоит полное истребление бизонов, а потом мир с индейцами, все равно, захотят ли они того или нет.

— Рэнд, здесь охотничьи земли команчей, кивоваев и других индейских племен. Страна бизонов принадлежит им.

— Им? Как бы не так! — презрительно фыркнул Джэтт.

— Конечно, я знаю твое отношение к индейцам, — сухо заметил Фоллонсби. — Как большинство охотников за бизонами, ты готов стереть краснокожих с лица земли. Мне это кажется подлостью. Я скорее готов обворовать белого, чем индейца... Но запомни мои слова: нам предстоит бой с индейцами.

Джэтт мрачно призадумался на минуту, расхаживая взад и вперед и размахивая короткой канатной веревкой, которую держал в руке.

— Если индейцы решили драться, как мы слышим, то не подождут ли они, пока эта группа охотников сделает большие запасы шкур, прежде чем вступить в бой?

— Думаю, что подождут, — согласился Фоллонсби.

— А когда они начнут наступать, разве у нас не будет достаточно времени убраться, — продолжал Джэтт.

— Конечно, мы в отличном положении. С запада и с востока от нас охотники, вокруг миллионы бизонов, и вряд ли нас можно застигнуть врасплох.

— Так чего же ты беспокоишься? — проворчал Джэтт.

— Ничего. Я хотел только выяснить все подробности. По всем главным пунктам мы согласны, теперь сошлись еще на одном. Чем скорее мы сделаем большой запас шкур, тем лучше, не правда ли?

Джэтт многозначительно кивнул в ответ на этот вопрос, и затем занялся своими делами. Фоллонсби спешился и расседлал лошадь.

На этой стоянке Милли к великому своему неудовольствию лишилась своего постоянного жилища. В повозке высоко над землей она чувствовала себя если не удобнее, то в большей безопасности. Джэтт снял с повозки обода и парусину и соорудил палатку на некотором расстоянии от главной стоянки. Милли с тревогой думала о причинах, заставивших его разбить ее палатку в стороне от других. Может быть эту мысль подала мистрис Джэтт, и Милли чувствовала, что в таком случае она была бы довольна. Но она относилась с недоверием ко всему, что бы ни делал вожак их отряда.

Войдя в наскоро разбитую палатку, Милли увидела, что не может встать в ней во весь рост, но во всех других отношениях там было, пожалуй, лучше. Она могла плотно связать оба полога при входе, что иногда было невозможно в повозке. Она устроила себе постель, затем вынула, расправила и в порядке развесила свои платья. Ее чемодан с различными вещами, который она считала таким жалким в этой дикой местности казался ей чем-то драгоценным. Ей в первый раз пришлось в голову, что она могла бы оказаться и в худшем положении. Без мыла, без белья и платьев, без швейных принадлежностей, зеркала, нескольких книг и других привычных вещей такая лагерная жизнь в этой пустыне показалась бы ей просто несносной.

Когда она вышла из палатки, было еще совсем светло, и небо после заката было красиво расцвечено яркими красками. Милли осмотрелась вокруг. Оказалось, что между лагерем и рекой располагался густой лес. Джэтт со своими товарищами был поглощен серьезным и таинственным совещанием, и они на время забыли о ружьях и снаряжении. Мистрис Джэтт одиноко и угрюмо сидела перед своей палаткой. Милли захотелось погулять. Она стала бродить вокруг лагеря. Никто не обращал на нее никакого внимания. С тех пор как их отряд достиг страны бизонов, Милли перестала быть всеобщей приманкой, чему она от души радовалась.

Лето окончательно наступило в северном Техасе. Воздух был томительный и горячий. Она нашла несколько поздних цветов, распустившихся в тенистом месте. Перешагнула через журчащий ручей, и перед

ней в воду прыгнула лягушка. Грустное воркованье горлицы донеслось до нее. Милли нашла тропинку, которая, очевидно, укорачивала дорогу на равнине, и не без колебаний пошла по ней. Но Джэтт не звал ее и, ободренная этим, она решила идти дальше. Отлогий подъем порос густым лесом. Сердце ее забилося сильнее, и дыхание ускорилося. Все ее существо как бы несло навстречу какому-то зову. Сквозь темные стволы деревьев она увидела золотисто-розовое сверкающее небо. Этот первый подъем на равнине находился не так далеко от лагеря. Ей захотелось увидеть бизонье стадо. Девушка подошла к опушке леса и остановилась, глядя вдаль. Чудесная зеленая равнина расстилалась перед нею, постепенно поднимаясь к западу. Животных на ней не было. Яркие краски заката начали блекнуть. Что это там на горизонте — пурпурно-серые гряды облаков или ряд горных вершин?

Топот скачущей лошади заставил ее сильно вздрогнуть. Оглянувшись, она увидела невдалеке над собой всадника. Он появился из-за поворота тропки на лесистом склоне. Милли отступила назад, намереваясь скрыться от него. Но всадник заметил ее. Быстро поехал он прямо по направлению к ней и, издав изумленное восклицание, соскочил с лошади.

Когда он очутился на земле, и Милли смогла лучше рассмотреть его, она вся затрепетала от неожиданности. Неужели этот высокий молодой человек и есть тот, к кому она стремилась в своих мечтах? Она смотрела на него широко открытыми глазами. Он шагнул вперед, его румяное лицо сияло, а глаза так и пронизывали ее. Да, это был он, несомненно, он, Том!

— Милли! — воскликнул Том, как бы не веря своим глазам. В его тоне было что-то столь же необычайное, как и во взгляде.

— О, это вы! — вырвалось у Милли, сразу потерявшей голову. Она кинулась ему навстречу.

— Милли! Какое счастье! Я уже потерял всякую надежду встретить вас когда-нибудь, — сказал он, стараясь взять ее за руки.

— Том Доон! — как бы очнувшись, произнесла она.

Девушка почувствовала, что лицо ее пылает. Смущенная и испуганная, но вся охваченная радостью, ко-

торию не могла сдержать, она, спотыкаясь, попятилась от него. Его глаза, радостно сверкавшие, приковывали ее взгляд. Изменился ли он? Немного: лицо стало тоньше, смуглее, легкий загар сменился красновато-бронзовым цветом.

— Конечно, я — Том Доон, — восторженно ответил он. — Так вы помните меня?

— Помню ли я вас... — заикаясь, ответила Милли. — Я... я...

Громкий окрик у подножья лесистого склона прервал ее. Это был голос Джэтта, который звал ее обратно в лагерь.

— Это Джэтт, — быстро шепнула она. — Не надо, чтобы он видел вас.

— Вы хотите уйти? У вас есть еще время. Он далеко, — ответил Том.

— Я должна уйти...

— Послушайте... еще секунду, — шептал он, следуя за нею, взяв ее за руку. — Стоянка Хэднолла всего в нескольких милях отсюда. Я работаю у него, вы знаете. Приходите сюда сегодня ночью, когда взойдет луна.

— Сюда... ночью? — с трепетом прошептала Милли. Предложение было волнующее и заманчивое.

— Да. Когда взойдет луна. Обещайте! — настаивал он.

— Я приду.

— Не бойтесь. Я буду ждать вас как раз здесь... Теперь идите обратно в лагерь. Не выдайте себя.

Он взглянул на нее блестящим глубоким взглядом и бесшумно ушел, ведя за собою лошадь по траве.

Милли повернулась и побежала лесом, она была так взволнована, что едва не заблудилась. До лагеря было дальше, чем она полагала, и в спускавшихся сумерках надо было местами осторожно пробираться по тропинке. Через несколько минут она стала приходить в себя после стремительного бега, от которого у нее замер дух. Сквозь деревья блеснуло пламя лагерного костра, и если бы она заблудилась, то оно указало бы ей правильное направление. Она старалась отвлечься от мыслей и чувств, вызванных встречей с Томом Дооном. Ей следовало спешить обратно в лагерь и рассеять сомнения и опасения, которые могли бы возникнуть у Джэтта по поводу ее отсутствия. Уже стемнело, когда она достигла лагеря,

подойдя к нему не спеша. Джэтт с товарищами сидел у костра.

— Где ты была? — резко спросил он.

— Гуляла в лесу, — небрежно ответила она.

— Почему ты не ответила мне?

— Что же, я должна была орать, как вы? — ответила она.

— Ха! Ха! Ха! — захохотал Фоллонсби и толкнул Пруайта локтем в бок.

— Ну, — продолжал Джэтт, по-видимому, удовлетворенно, — раз стемнело, тебе пора спать. Джэн может сидеть всю ночь, если хочет.

— Потому что я не нуждаюсь в сне? — насмешливо спросила та.

— Ну, такой красивой шельме, как ты, незачем спать, — ухмыльнулся Джэтт.

Обстоятельства складывались благоприятно для Милли. Ей не хотелось вести себя сегодня после обеда иначе, чем всегда, и она постояла минуту около костра, глядя на огонь, а затем, подойдя к тому месту, где стояло ведро с водой, выпила глоток и медленно направилась к своей палатке. Как это удачно оказалось теперь, что палатка ее поставлена отдельно от других!

Милли вошла к себе и упала на постель. Напряженное состояние, в котором она находилась, продолжалось еще мгновение и затем вдруг ослабело. В темноте палатки она почувствовала себя в безопасности. «Что случилось? Что я наделала? Что я собираюсь сделать?» — шептала она про себя.

Могла ли она понять, почему такое изумление, радость и надежда охватили ее, когда она узнала Тома? Что творилось у нее на душе все эти бесконечные дни? Тщетно старалась она осознать происшедшее. Ведь она чуть ли не бросилась ему в объятия.

— О, я ничего не успела сообразить, не успела ни о чем подумать! — прошептала она, уткнувшись пылающим лицом в подушку.

Ни ночь и темнота, ни тишина и одиночество не могли помочь теперь Милли. Она переживала сладостную муку первой любви. Незаметно подкрадывалась она к ней в часы бодрствования и сна и затем неожиданно, когда судьба снова столкнула ее с Томом Дооном,

она коварно и бессовестно застигла ее врасплох. Теперь Милли знала это. И она лежала, страдая, трепеща, то тоскуя, то замирая от восторга. То были мучительные переживания. Но они прошли и сменились другим настроением, ожиданием осуществления ее безрассудной мечты, стремлением познать это упоительное счастье. Она забыла о себе и стала думать о Томе.

Она представила себе его таким, каким видела его при свете солнца. Затем перед ней всплыло его лицо, возмужалое, похудевшее, ставшее более серьезным и вдумчивым. Появились у него некоторые черточки, которых не было раньше, появилась короткая густая бородка, такая же красивая и белокурая, как волосы. Воздух бескрайних равнин, и ружейный порох, и пот, и загар сказывались на его облике так же, как на Джэте и его товарищах. Этим объяснялась, вероятно, вся перемена, происшедшая в нем.

Только глаза его и звук его голоса остались те же. И, вспоминая их, она поняла, как обрадовался он, встретив ее снова. Он был так же счастлив, как она. В этом не было никакого сомнения. Отсутствие друзей, одиночество всегда порождали сильнейшую жажду любви, и эта суровая жизнь в дикой стране, в обществе грубых мужчин и ненавидящей ее женщины только усилила потребность Милли в друге и защитнике. Все это девушка понимала, она могла найти оправдание для себя, но оправдание не имело для нее никакого значения. Слишком внезапно все произошло...

Погрузившись в свои новые переживания, Милли не замечала, как бежало время. Но когда темнота в палатке рассеялась, и на парусине появились колеблющиеся тени листьев, она поняла, что взошла луна. Вся дрожа, она прислушалась. В лагере царила тишь. Когда же охотники легли спать? Только шорохи насекомых и мягкий шелест ветра нарушали мертвую тишину. Она выглянула из палатки. Сквозь деревья пробивался серебристый свет восходящей луны. Сердце сильнее забилося у Милли, когда она увидела, как показался край ее диска и, почти незаметно поднимаясь вверх, превратился в половину огромной прекрасной луны, перечеркнутой черными ветками деревьев. «Время идти», — подумала она и почувствовала холодную дрожь. Она понимала, какая опасность грозит ей, но не боялась.

Если бы ее застigli на свидании с возлюбленным, она была бы жестоко избита, может быть, даже убита. Но ничто не могло удержать Милли.

Осторожно выползла она на четвереньках и отползла от палатки, держась в тени. Ярко горело одно полено в костре. Едва заметно белели палатки, и чутким слухом девушка уловила тяжелое дыхание спящего усталого человека.

Поднявшись, она бесшумно пошла и вскоре потеряла из виду лагерь, только пламя костра еще мелькало в отдалении. Затем она повернула по направлению к тропинке, проложенной по склону.

Милли уже не боялась, что ее поймают, она была только нервно возбуждена, потому что не знала, где искать тропинку, знала лишь, что тропинка начинается где-то у подъема. Она найдет ее. Какие огромные темные деревья! Густо лежат тени. Только то тут, то там виднеются серебристые лунные блики. Наконец, она нашла тропинку, и сердце ее забилося радостнее. Он, должно быть, ждет ее. Что ей сказать ему?

Чем выше поднималась Милли быстрыми неслышными шагами, тем тень под деревьями становилась менее густой. Вот она добралась до конца склона; деревья кончались, и вдали открылась залитая лунным светом равнина. Она двинулась дальше, точно гонимая какой-то силой, торопясь увидеться с ним. Бегом пронеслась она несколько последних ярдов.

Очутившись в ярком лунном свете, девушка остановилась в ожидании, оглядываясь кругом, и почувствовала всю страшную важность этого момента. Он был ее единственным другом. Где он? Не пришла ли она слишком рано? Если он не... В этот момент высокая темная фигура появилась в лунном свете.

— Милли! — раздался тихий радостный возглас; Том подошел к ней и отвел ее в тень.

Душевный подъем и напряжение, приведшие ее сюда, внезапно сменились слабостью. Его присутствие, его голос, его прикосновение произвели в ней непостижимую перемену. В отчаянии она вспомнила о своей решимости не вести себя так, как при первой встрече с ним здесь.

— Я думал, что вы так и не придете, — сказал он.

— Я... опоздала? — шептала она.

— Ничего, главное — вы здесь, — ответил он и обнял ее.

— О... не надо, — умоляюще произнесла она, отклоняясь от него.

— Почему, разве это нехорошо? — с внезапной тревогой спросил он.

Молча, томимая сладостной мукой, стояла Милли около него, вся охваченная трепетом.

Он взял ее за подбородок и заставил поднять голову, чтобы увидеть ее лицо.

— Взгляните на меня, — настойчиво сказал он и слегка привлек ее к себе. — Разве вы не знаете, что все это значит, не знаете, что я чувствую?

Милли показалось, что она не выдержит и упадет. Последние остатки силы и мужества покинули ее. Однако она заставила себя взглянуть на него и даже в тени деревьев увидела, как горят его глаза.

— Как могу я знать... Когда вы никогда не говорили... мне?... — задыхаясь, прошептала она.

— Я люблю тебя... вот что, — вырвалось у него. — Разве это необходимо высказать вслух?

Как ни ясно и решительно это было сказано, она не смогла этого понять. Он совершенно лишил ее воли. Она склонилась головой к нему на грудь.

— Милли, может быть, я обидел тебя? — спросил он, склонившись над ней.

— Чем же вы могли обидеть меня?

— Так ты хоть скажи, мил ли я тебе?

— Разве это можно высказать вслух?

— Нет, — тихо ответил он и наклонился к ее губам. — Но докажи мне это...

Милли, может быть, уступила бы его настойчивости и поцеловала бы его, если бы все силы не иссякли у нее под влиянием его пылкости. Но она смогла лишь склониться к нему и уцепиться за него слабыми руками, счастливая и измученная. Мгновение он молча обнимал ее.

— Как тебя зовут? — вдруг спросил он.

— Милдрет Фэйр, — еле слышным голосом ответила она.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать... скоро будет восемнадцать.

- Ты кого-нибудь до меня любила?
— О, нет!
— Значит, ты любишь меня? — спросил он и поцеловал ее в щеку.
— Разве ты не знаешь, что люблю?
— Хочешь стать моей женой? — живо спросил он.
— Да, — шепнула она.
— Когда?
— В день моего совершеннолетия... если ты захочешь так скоро жениться на мне.
— Захочу! Меня так тянуло к тебе, что без тебя я чувствовал себя растерянным и несчастным. Сначала это чувство не было так мучительно. Оно постепенно росло во мне. Но полюбил я тебя с того момента, как сказал, что, может быть, никогда не увижу тебя. Помнишь?
— Да, Том, я помню это так же хорошо, как ты.
— Помнишь? Когда же ты полюбила меня? Мне интересно знать. Скажи, когда?
— С той минуты, как увидела тебя, когда ты остановился около лошади.
— Милли! — он не верил и, чтобы окончательно увериться в своем счастье, стал ласкать и целовать ее.

Некоторое время спустя, когда они сидели, прислонившись к дереву и он обнимал ее за талию, Милли рассказала ему историю своей жизни. Не долго говорила она о своем детстве с его бедностью и тяжелой работой на ферме, о тщетных надеждах и стремлениях своих школьных лет и о последних мрачных месяцах с их тяжелыми переживаниями.

— Бедная моя! Конечно, мы созданы друг для друга, — заявил он и тоже кратко поведал ей о себе.

Жизнь была тяжела и у него, он пережил много потерь, и лишь изредка выпадали на его долю короткие счастливые минуты.

— Я всегда работал на ферме, — заключил он. — И мечтаю опять вернуться к работе на земле. И я добыю своего! И ты будешь моей женой, Милли!

Милли разделяла его восторг, и у нее не хватило духу сказать ему, что ей не по душе это истребление

бизонов, и рассказать о своих опасениях относительно Джэтта. В первый раз испытывала она радость.

Проходили часы, и высоко в небе стояла луна, полная, серебристо-белая, заливая светом всю равнину. Снизу, с реки, доносился глухой вой волка. Зловеще кричала сова. Вся эта дикая красота казалась неотделимой частью новой, необычайной жизни Милли.

— Ну, тебе нужно возвращаться обратно в лагерь, — сказал, наконец, Том.

— О, разве уже пора? Может быть, я никогда больше не увижу тебя! — вздохнула она.

— Ты терзаешь меня моими собственными словами, — ответил он, и его поцелуи заставили ее замолчать. — Хочешь, встретимся здесь завтра ночью, как только у вас в лагере все уснут?

— Да.

— А теперь идем. Уже поздно. Покажи мне дорогу, я провожу тебя до того места, где нам безопаснее будет разойтись.

Когда показались вдали бледные пятна палаток, он пожелал ей спокойной ночи и неслышно скрылся в зыбком ночном сумраке. Милли украдкой пробралась к своей палатке, пролезла в нее, легла в постель и долго не могла заснуть, думая о том, что мир теперь изменился для нее и что она никогда и ни за что не откажется от своего счастья.

Глава VI

Пение диких канареек разбудило Милли на рассвете, и это показалось ей хорошим предзнаменованием. Как приятно проснуться под такую музыку и с такой мыслью!

Громкое лошадиное ржание, донесшееся из лагеря, означало, что кто-то из охотников встал. Вскоре сильные удары топора разогнали канареек: Джэтт колол дрова. Лучи розоватого света, проникшие сквозь отверстия палатки, окончательно доказали, что наступил новый день. Милли почувствовала безграничную жажду жизни. Никогда еще не было у нее такого дня. Она лежала в постели долго после того, как треск костра и звяканье кастрюль возвестили ей о начавшихся приготовлениях к завтраку.

— Эй, Милли, что это ты залежалась, как старуха? — крикнул Джэтт, и на этот раз в голосе его не было ни резкости, ни грубости. — Что ты, умерла?

— Жива, и не собираюсь умирать, — ответила Милли, чуть ли не радостно, вкладывая в свои слова особый смысл.

— Так выходи скорей, — прибавил Джэтт.

Милли не стала торопиться, как обычно; она чувствовала себя как-то особенно смелой, ей захотелось обмануть ожидания Джэтта, и когда она подошла к костру, охотники уже ушли. Ела она так мало, что мистрис Джэтт заметила это необычное у Милли отсутствие аппетита.

— Ты больна? — почти сочувственно спросила она.

— Нет. Мне просто не хочется есть, — ответила Милли.

— У тебя горит лицо. Вероятно, лихорадка, — сказала та, глядя испытующе на Милли. Я дам тебе лекарство.

— Нет, спасибо. Я чувствую себя хорошо, — возразила Милли.

Но, несмотря на это спокойное заявление, ей было очень неприятно, что щеки ее так горят. Эту женщину не так легко обмануть. Вместе с тем Милли догадывалась, что мистрис Джэтт весьма вероятно отнеслась бы с симпатией к Тому Доону. Однако Милли не решилась последовать своему внезапному побуждению. Она быстрее и даже тщательнее, чем всегда, исполнила свою обычную работу и ушла к себе в палатку.

Утро было тихое, теплое и не столь жаркое, как в предыдущие дни, так как небо было облачное. Она прислушалась. С равнины, с речки, впадавшей в Красную реку, отовсюду доносились ружейные выстрелы. В них не было правильного чередования, и только изредка наступали промежутки полной тишины. Вскоре она услышала глухой гул или слабый грохот, похожий на далекие раскаты грома. Сначала она подумала, что надвигается гроза, но гром гремел слишком упорно и непрерывно. Она удивленно напрягла слух. Долгий глухой гул! Что бы это могло быть? Она слышала о землетрясениях, и на мгновение ее охватил страх перед таинственной и неведомой подземной силой. Но такой

звук, разносившийся в тихом летнем воздухе, могло производить только стадо бизонов.

— Это бизоны! — испуганно воскликнула Милли. — Их топот похож на раскаты грома, как говорит Джэтт.

Она прислушивалась, пока гул не стал удаляться, ослабевать и, наконец, замер вдали. Милли отправилась бродить вокруг лагеря, осматривая лес и несколько раз удерживаясь от желания подняться по тропинке вверх. Наконец, она поддалась своему желанию, дошла до последних деревьев на подъеме и из-за них оглядела зеленеющий простор. На равнине было пустынно, как всегда. Милли захотелось подняться куда-нибудь еще выше, откуда она могла бы увидеть всю окружающую местность.

Вблизи стояло дерево незнакомой ей породы. Ветви его спускались низко и простирались под одним из высоких вязов. Милли решила, что ее труднее будет заметить, если она взберется на дерево, и вместе с тем она достигнет своей цели. Она влезла на небольшое дерево и с него перебралась на вяз и устроилась на высоком разветвлении, до которого было нелегко добраться. Оттуда она осмотрела округу, и была так изумлена и восхищена открывшейся панорамой, что ей пришлось делать над собой усилие, чтобы сосредоточиться на какой-нибудь отдельной части окружающей местности. Недолго оставалась она на своем наблюдательном пункте, и когда стала спускаться, то поняла, что это не так легко, как подниматься. Однако она благополучно миновала самые трудные места и облегченно вздохнула.

Внезапно топот копыт внизу заставил девушку остановиться. Где-то поблизости ехали всадники. Из-за густой листвы она не могла рассмотреть, ни кто они, ни где они. Охватив ствол рукой, она прислонилась к нему, чтобы удержать равновесие. Она находилась на высоте почти сорока футов от земли и была достаточно скрыта густой листвой; увидеть ее можно было бы, только встав прямо под нею и взглянув вверх. Естественно было предположить, что всадники — охотники на бизонов. Милли незаметно наблюдала за ними из-за сплетенных ветвей. Они ехали с севера, по-видимому, направляясь к речке. К ее ужасу они остановили лошадей прямо под ней. Тут она увидела, что это солдаты.

Ей нечего было бояться их, но она не хотела, чтобы ее заметили.

— Капитан, — сказал один из всадников, — здесь, внизу, где кончается эта тропинка, бьет источник. Хотелось бы выпить свежей холодной воды, — и он обратился к солдатам: — Пусть кто-нибудь из вас возьмет несколько фляжек и наполнит их. Тропинка ведет к источнику.

Один из полдюжины солдат спешил и, взяв несколько фляжек своих товарищей, скрылся из виду.

— Элсуорс, ты знаешь местность вдоль Красной реки? — спросил другой солдат.

— Знаю, но не очень хорошо, — последовал ответ. — Это благословенный край по сравнению со Стэкед Плэнсом. Ту местность я знаю отлично.

Один из всадников, по-видимому, офицер, слез с лошади и растянулся под деревом. Он снял свое сомбреро и открыл строгое обветренное лицо со слегка седеющими усами.

— Скверно, что мы никак не в состоянии убедить охотников укрыться в форте от набегов индейцев.

— Хуже того, мы не можем убедить их отправить женщин в безопасное место. Некоторые из этих сумасшедших привезли с собой жен и дочерей.

Возвратился солдат с фляжками, которым все обрадовались.

— Тут внизу лагерь, сэр, — сказал солдат.

— Охотничий отряд, конечно?

— Да. Из трех повозок.

— Узнали, чей отряд?

— В лагере никого нет, сэр.

Офицер встал и, сполоснув разгоряченное лицо, пошел к лошади.

— Элсуорс, мы видели много охотничьих лагерей, все они располагались на открытых местах или на лесных опушках. Что вы скажете об отряде, который разбил лагерь в таком укромном месте? Ведь нагруженным повозкам туда трудно проехать.

— У охотников есть свои соображения, как и у всех других людей, — ответил проводник. — Может быть, этот парень хочет насколько возможно укрыться от грозы и от пыли. Может быть, он предпочитает находиться подальше от проезжей дороги.

— Полковник приказал выследить и найти воров, похищающих шкуры бизонов, — в раздумье сказал офицер. — Задача не из легких. Здесь сотни охотничьих отрядов, все они разъезжают, стреляют, сдирают шкуры. Каким образом, черт возьми, можем мы выловить воров среди них?

— Вы этого не сможете, капитан, — решительно ответил проводник. — Охотники сами должны поймать их. Как я вам говорил, состав охотников самый смешанный: бродяги, бывшие солдаты, авантюристы, профессиональные охотники и пионеры, ищущие новых земель, и фермеры в погоне за крупными заработками. Допускаю, что большинство из них честные люди. Эта охота на бизонов напоминает отчасти золотую лихорадку при открытии новых приисков. Прошлом лето воры орудовали по всему Пэнхэндлу. Некоторых поймали и повесили за это. Нынешним летом будет гораздо легче действовать, и добыча будет богаче. Они будут прикрываться набегами индейцев, все грабежи будут сваливать на них, и как их поймать, если только не застать их на месте преступления?

— Значит, вы думаете, что эти грабители подстерегают отряд, нападают на него, убивают охотников, похищают шкуры, сжигают лагерь и удирают, а затем во всех этих преступлениях обвиняют индейцев?

— Признаюсь, я твердо придерживаюсь именно такого мнения, — ответил Элсуорс.

— Я считаю, что немало злодейств, приписываемых индейцам, было совершено белыми.

— Говорили ли вы обо всем этом полковнику?

— Да, но он с негодованием отвергает это предположение. Он ненавидит индейцев. В нем сидит индейская пуля, и мне сдается, что он предпочел бы, чтобы на этих равнинах хозяйничали плохие белые люди, чем хорошие индейцы.

— Черт возьми! — вырвалось у офицера и, усевшись верхом, он повел свой отряд на запад вдоль опушки леса.

Милли довольно долго выжидала, прежде чем слезть с дерева. Спустившись на землю, она побежала в лес и, дойдя до лагеря, укрылась в своей палатке, легла, отдыхала и думала. Ей было над чем призадуматься. Этот разговор между проводником и офицером пробудил тя-

желые сомнения в душе ее. Может ли быть, что ее отчим один из таких воров и грабителей? Она вся похолодела от ужаса при этой мысли; ей стало стыдно за себя, но все-таки подозрение не рассеивалось. У Джэтта имелись некоторые странности, которые можно было, конечно, приписать его необщительному и неуживчивому характеру. Милли вспомнила, как он настаивал на том, чтобы она не показывалась мужчинам и его объяснения по этому поводу, но после подслушанного только что разговора она засомневалась в них. Если бы только Джэтт из личной ревности не хотел, чтобы мужчины видели ее! Раньше это пугало ее, а потом стало казаться чем-то чрезмерным и несообразным. Как ни тревожна была пришедшая на ум мысль, она все же предпочла, чтобы именно эта причина побуждала его избегать охотников, чем допустить, что он вор и грабитель. Но женский инстинкт всегда заставлял ее держаться подальше от Джэтта. Она начинала понимать это. Было в нем что-то подозрительное, в этом она не сомневалась теперь. В будущем она станет прислушиваться, наблюдать и внимательно следить, когда представится случай, и постарается убедиться, справедливы или нет ее подозрения в отношении отчима.

В эту ночь, как показалось Милли, луна не восходила невероятно долго. Но, наконец, она увидела мерцание света над рекой, и вскоре сквозь листья деревьев показался золотистый круг.

Выбраться незамеченной из лагеря на этот раз оказалось труднее, так как Джэтт и его товарищи находились неподалеку, занятые растягиванием и очисткой шкур. Они развели большой костер на широком открытом месте слева от лагеря. Милли видела их темные фигуры, двигавшиеся около костра и слышала их глухие голоса.

На поддороге, на тропинке, она встретила своего возлюбленного, который медленно спускался вниз. «Милли... Том...» — прошептали они и поцеловались. Том привел ее под дерево, и они уселись в тени, держась за руки, как возлюбленные, счастливые и уверенные в будущем, но все же не настолько увлеченные своей мечтой, чтобы забыть обо всем остальном.

— Я не могу оставаться долго, — сказал Том. — Мне необходимо сегодня ночью еще два часа порабо-

тать над шкурами. Будем встречаться здесь через каждые три дня по вечерам, спустя полчаса после наступления темноты.

— Хорошо, — прошептала Милли. — Я всегда с наступлением темноты ухожу к себе в палатку. Хотя иногда, возможно, опасно будет уходить как раз в это время. Если я не приду, жди меня по крайней мере час.

Так они строили планы о свиданиях и старались все предвидеть и избежать возможной опасности, и затем заговорили о будущем. Несмотря на нежность и серьезные намерения Тома, Милли чувствовала: что-то тревожит его.

— Том, что так тревожит тебя? — спросила она.

— Скажи мне, как ты относишься к своему отчиму? — в свою очередь спросил он.

— К Джэтту? Я ненавижу его... Может, это не хорошо с моей стороны. Он кормит меня, одевает, хотя я знаю, что отрабатываю его заботы обо мне. Почему ты спрашиваешь меня об этом?

— Если бы ты хорошо относилась к нему, то я держал бы язык за зубами. Но раз ты ненавидишь его, то мои слова не могут задеть тебя... Милли, у Джэтта плохая репутация среди охотников.

— Меня это не удивляет. Расскажи-ка о нем поподробнее.

— Я часто слышал разные разговоры по поводу охотничьих отрядов, которые держатся особняком. Когда мы ехали сюда, один из охотников, который раньше нас встретил Джэтта, намекнул Пилчэку, чтобы он остерегался его. Причины он не указал, и когда я спросил Пилчэка, почему мы должны остерегаться такого отряда, он только рассмеялся. И вот сегодня Пилчэк застал Джэтта, когда тот сдирал шкуру с бизона, убитого пулей из старого крупнокалиберного ружья. Пилчэк догадался об этом, так как помнил, что сам убил этого бизона. Джэтт же уверял, что застрелил бизона он. На это Пилчэк возразил ему, что у него, Джэтта, игольчатое ружье¹, а пуля из этого ружья никогда не

¹ Игольчатое ружье — нарезное ружье, заряжавшееся с казенной части бумажным патроном, капсюль которого игла затвора прокалывала при спуске курка. Введена в прусской армии в 1840 году. Увеличивало скорость стрельбы в пять раз по сравнению с ружьями старого образца, в 80-х годах XIX века вытеснено винтовкой.

наносит такой раны бизону, как старое большое ружье. Джэтт, не обращая внимания на слова Пилчэка, продолжал сдирать шкуру. И Пилчэк оставил его в покое, — не драться же из-за одной шкуры! Но это взбесило разведчика, и он рассказал Хэдноллу, что бывшие прошлым летом в Пэнхэндле охотники скверно отзывались о Джэтте.

— Вот за такие именно дела? — спросила Милли, когда Том замолчал.

— Думаю, да. Пилчэк определенных обвинений не выставил. Но было легко понять, что, по его мнению, Джэтт плохой человек. Опытные охотники не сразу обвиняют человека в том, чего они не могут доказать. Пилчэк закончил словами: «Найдется охотник, который скоро расправится с Джэттом.»

— Кто-нибудь его убьет? — воскликнула девушка.

— Так Пилчэк и хотел сказать, — серьезно ответил Том. — Это и тревожит меня, дорогая Милли. Мне совершенно безразлично, что случится с Джэттом. Но ты в его власти. Если он плохой человек, то вполне может причинить тебе какое-нибудь зло.

— Должна сознаться, что опасность есть, Том, — прошептала Милли. — Я боюсь Джэтта, но меньше, чем раньше. Он так занят охотой, что не думает обо мне.

— Кто-нибудь узнает о наших свиданиях или он подстережет нас. Что тогда? — мрачно спросил Том.

— Это будет ужасно. Нам надо постараться, чтобы никто ничего не узнал.

— Не хочешь ли ты переселиться в лагерь к Хэдноллу и жить там? Я знаю, он примет тебя, его жена и дочь хорошо отнесутся к тебе.

Милли серьезно задумалась над этим предложением. Оно показалось ей очень заманчивым, но не осуществимым теперь.

— Том, я могла бы переселиться туда и очень хотела бы этого. Но это, конечно, повлечет за собой неприятности. Джэтт заставит меня вернуться, так как я несовершеннолетняя, и он избьет меня за это.

— Я убью его тогда! — страстно возразил Том.

— Он может убить тебя, — прошептала Милли. — Что тогда будет со мной! Я умру, сердце мое будет разбито. Нет, подождем немного. Пока он занят охотой, мне

нечего бояться. А кроме того, женщин, которые приехали сюда вместе с охотниками, отошлют в форт.

— Откуда ты знаешь? — изумленно спросил Том.

Милли рассказала ему о том, как она взобралась на дерево, как офицер с солдатами остановились под нею и какой разговор она подслушала. Рассказала она кратко, передав лишь суть разговора офицера и проводника.

— Вот так новость. Интересно, как отнесется к этому Хэднолл? Мне не следует ему говорить, где я это узнал, не правда ли? Очень хорошо, Милли, если солдаты отвезут всех женщин в форт как можно скорее. Я не смогу видаться с тобой, но примирюсь с разлукой, так как буду знать, что ты в безопасности.

— Мне тоже хотелось бы этого, Том, и если меня увезут туда, то я останусь там до тех пор, пока мне исполнится восемнадцать лет.

— День твоего совершеннолетия будет днем твоей свадьбы, — сказал он.

— Будет ли это так? — робко и недоверчиво спросила она.

— Разве ты сама не говорила этого? Уж не отрекаешься ли ты от своих слов?

Его тревога и упрек были приятны ей, но она не хотела совершенно отказываться от этой новой для нее власти над ним.

— Разве я это говорила? Том, если я попрошу тебя, перестанешь ты ради меня охотиться и убивать бизонов?

— Что? — изумленно вырвалось у него.

— Откажешься ли ты ради меня от охотничьего ремесла?

— От охоты? Конечно, я готов отказаться, — ответил он. — Но, дитя мое, бизоны обречены на гибель. А охота даст мне возможность зимою или в будущем году уже наверняка осесть на земле и заняться сельским хозяйством вместе с тобой, Милли.

— Том, ты не понимаешь меня. Не будем теперь больше говорить об этом, хорошо?

— Хорошо. Только скажи, ты никогда не откажешься от меня?

— Если бы ты знал только, как ты дорог мне и как я люблю тебя, ты не спрашивал бы об этом.

Когда Милли тайком пробралась к лагерю, то увидела, что мужчины окончили свою работу и, сидя вок-

руг костра, ужинают. Должно быть, было уже поздно. Милли бесшумно опустилась на землю, испуганная, почти уверенная в тот момент, что она неизбежно попадется. Ей оставалось только выждать здесь, пока они улягутся. Что, если Джэтт начнет бродить здесь? Однако ни он, ни его товарищи и не думали двигаться с места.

— Нет, нет еще. Подождем, пока у отряда Хэггинса будет больше шкур, — глухим решительным голосом заявил Джэтт.

— Хорошо, хозяин, — заметил Фоллонсби, — но, по моему мнению, чем скорей, тем лучше.

— А, черт побери эти бизоньи шкуры! — сказал, зевнув, Пруайт. — Я смертельно устал. Теперь полночь, а ты разбудил нас на рассвете. Джэтт, я устал и телом и душой. Если бы я знал, что ты заставишь нас так работать, я никогда не связался бы с тобой.

— Но ведь чем тяжелее работа, тем больше шкур и тем меньше опасности...

— Не говори так громко, — прервал его Фоллонсби.

— Захочу, так буду кричать, — угрюмо ответил Пруайт. — Меня преследует мысль покинуть твой отряд.

Джэтт потряс своим загорелым кулаком перед лицом Пруайта, которое казалось красным при свете костра.

— А ты не клялся, что выдержишь, не получаешь вперед деньги? — свирепым шепотом спросил Джэтт.

— Да, верно. Я правдивый и прямой человек, не забывай этого, — возразил Пруайт. — Это ты бесчестно все перевираешь.

— Может быть, я немного и преувеличиваю на словах, — согласился Джэтт. — Но только о деньгах, которые мы вместе заработаем, я говорил верно. Ты получишь свою долю. И больше я не желаю слушать о твоём уходе из отряда, или я буду считать тебя предателем!

Вместо ответа Пруайт яростно бросил в костер полено так, что искры посыпались, и затем встал, злобно взглянул на Джэтта, повернулся и, ни слова не говоря, направился к своей палатке.

— Плохо дело, — сказал Фоллонсби, недовольно покачивая головой. — Ты не умеешь обращаться с

людьми, Рэнд. Ты добивался бы больше толку от них, если бы был терпеливее и сговорчивее и считался бы с их мнениями.

— Это верно, но я не в состоянии больше выносить этого проклятого парня, — проворчал Джэтт.

— С ним труднее сговориться, чем с Кэтли, — продолжал Джэтт. — Он начинает понимать, какой чертовский риск в нашей работе. Я боюсь этих двух парней и открыто говорю это. Но нам нужны люди. Нам придется подождать и потерять целую неделю.

— Да, но лучше подождать и подольше, пока вы не сговоритесь с настоящими подходящими людьми.

— Теперь уже поздно. Постараюсь уладить это и сдерживаться.

— Отлично. Пора расходиться, — ответил Фоллонсби, встал и пошел к палаткам. Джэтт притушил костер и последовал за ним. Вскоре пустынный лагерь погрузился в темноту.

Милли сидела под деревом, пока не убедилась, что Джэтт улегся спать, и тогда быстро и бесшумно добежала до своей палатки. Заинтересованная разговором между мужчинами, она забыла о страхе. Это был странный, по ее мнению, разговор для честных охотников. Однако у нее были лишь одни догадки и подозрения. Перебирая в памяти разнообразные происшествия прошедшего дня, она заснула.

Время шло, Милли следила днем, прислушивалась по вечерам, но доказательств того, чего она опасалась, у нее пока еще не было.

Свидания ее с Томом продолжались и происходили через каждые три дня без всяких препятствий. Они говорили о своей любви, о своей женитьбе, строили планы на будущее. Он рассказывал ей о бизонах, а она ему о поведении Джэтта и его приятелей. Милли всегда испытывала мучительное чувство, когда Том, забыв о ее любви к животным, рассказывал ей, скольких бизонов он убил и ободрал. Однажды она почувствовала кровь на своей руке, после того как случайно дотронулась до его сапога, и это так подействовало на нее и вызвало такое отвращение, что она резко сказала ему об этом. Они едва не поссорились. Что же касается Джэтта, то, как ни наблюдала Милли, как ни следил и расспрашивал Том, настоящей правды о нем они так и не смогли выведать.

Дни проходили, наступила июльская жара, в лесах вдоль реки появилось еще больше охотников и, как это ни невероятно, больше бизонов.

Однажды ночью необычный шум разбудил Милли. В лагере слышалось ржанье лошадей и топот копыт. Она выглянула из палатки. Повозка, в которую была впряжена пара лошадей, стояла как раз за гаснущим костром. На месте возницы сидел Джэтт; Фоллонсби с кнутом в руке усаживался рядом с ним. Пруайт стоял около повозки и, очевидно, слушал, что говорил ему Джэтт тихим серьезным голосом. Милли не смогла разобрать слов. Повозка тронулась и исчезла среди темных деревьев. Куда они могли уехать в такой поздний час, ночью? Милли могла только предположить, что они уехали за грузом шкур. Возможно, Джэтт совершал такие поездки и раньше, но она не знала об этом.

На следующий день выяснилось, что Джэтт еще не вернулся. Пруайт и Кэтли, по-видимому, охотились, как и раньше, и в присутствии Милли не говорили об охоте. К закату и к ужину Джэтт тоже не появился. А на следующее утро Милли узнала, что он приехал ночью и спит в своей палатке. Она оставалась у себя до полудня, когда увидела, что он снова уезжает. Днем Милли бродила, как всегда, возле лагеря без всякой цели и как бы случайно подошла к прогалине, где Джэтт складывал шкуры. Ей не хотелось подходить ближе из-за неприятного запаха, бесчисленных мух и отвратительного зрелища скотобойни.

Прогалина эта находилась в стороне по пути к речке и была заполнена шкурами животных, их были сотни и сотни, одни были растянуты и сушились, другие были сложены в кипы. Милли раньше избегала этого места, так что не знала, сколько шкур там находилось раньше, и не могла бы сказать, не увеличилось ли подозрительно их количество за последнюю ночь.

На следующий день Джэтт нагрузил две повозки, одной из которых правил Кэтли, и они отправились в ближайшее местечко продавать шкуры. Уехали они на пять дней, в течение которых Милли чувствовала себя спокойнее, чем за все время путешествия. Дважды виделась она с Томом, и они были рады этой счастливой случай-

ности. Мистрис Джэтт в эти дни была чуть ли не ласкова. Фоллонсби и Пруайт по-прежнему занимались своим делом.

Глава VII

В один из июльских дней в лагерь Хэднолла прискакал отряд солдат. Офицер, командовавший им, — высокий, стройный человек лет сорока, с загорелым лицом, — соскочил с коня.

— Кто здесь главный? — спросил он.

Хэднолл выступил вперед.

— Я, Кларк Хэднолл, — представился он.

— Рад видеть вас, — ответил офицер. — Я капитан Синглтон четвертого кавалерийского полка, расквартированного в форте Эллиот. Это мой проводник, Элсуорс. Мы назначены сопровождать охотников на бизонов в форт или к одному из ближайших постов. Индейцы вышли на тропу войны.

— Но я не хочу ехать в форт, — решительно запротестовал Хэднолл.

— Тогда оставайтесь здесь на свой риск, — сказал Синглтон.

— Мы никогда ни на кого и не рассчитывали, — откровенно ответил Хэднолл. — Если хотите знать, вы — первые солдаты, которых мы видим.

— Есть ли с вами женщины? — осведомился офицер.

— Да. Моя жена, дочь и жена сына.

— И вы не нашли ничего лучшего, как привезти женщин сюда, на территорию индейцев? — строго спросил Синглтон.

— До нас доходили тревожные слухи, сэр, но мы не верили им, и могу сказать, что до сих пор никаких неприятностей у нас не было.

— Вам повезло. Вы знаете Хэггинса?

— Имя это как будто слышал, — ответил, подумав, Хэднолл.

— Лагерь Хэггинса в нескольких милях отсюда. У него был один помощник, а может быть, их было больше. На этот лагерь напали, сожгли его, а шкуры похитили. Никаких следов ни Хэггинса, ни его помощников.

— Индейцы? — сурово спросил Хэднолл.

— По-видимому. Мы не нашли следа Хэггинса и его помощников. Может быть, они убежали и скрылись в другом лагере или в каком-нибудь укромном местечке. Но сомневаюсь. Милях в двадцати отсюда команчи напали на группу охотников и были отбиты. Если только охотничьи отряды не объединятся в крупные группы, многих из вас перебьют.

— Мы будем сопротивляться, — решительно заявил Хэднолл.

— Но вы должны отправить ваших женщин в безопасное место, — настаивал офицер.

Хэднолл позвал жену и дочь. Они вышли из своих палаток в сопровождении жены Бэрна Хэднолла. Очевидно, они слышали отрывки разговора; лица у них были испуганные.

— Пожалуйста, не пугайтесь, — любезно сказал офицер. — В настоящий момент никакой опасности нет. Мы приехали, чтобы отвезти вас в безопасное место, пока ваши мужчины охотятся. В любой момент индейцы могут напасть на вас, когда вы останетесь одни в лагере.

Несмотря на любезность и ободрение Синглтона, женщины были встревожены и, собравшись вокруг Хэднолла, возбужденно заговорили.

Пилчэк и Том Доон, только что вернувшиеся с работы, стояли поблизости во время этого разговора. Том обрадовался, увидев солдат, и решил сообщить капитану Синглтону о двух женщинах в лагере Джэтта.

— Послушайте, Элсуорс, — сказал Пилчэк проводнику отряда, — если бы Хэггинс с его помощниками были убиты индейцами, они не исчезли бы. Команчи не сжигают и не прячут белых, которых убивают.

Элсуорс наклонился к Пилчэку:

— Признаюсь, мне тоже кажется, что это дело не рук краснокожих.

Пилчэк выругался сквозь зубы и готов был уже приступить к серьезному обсуждению этого вопроса с проводником, как его и Тома позвал Хэднолл. Они немного посоветались и решили, что Стронгхэрл и Пилчэк вместе с Дэнном и Тэском останутся в лагере, а Хэднолл, Бэрн и Том вместе с женщинами поедут с солдатами. Хэднолл не видел необходимости отправляться всем в

форт Эллиот; ближайшее торговое местечко Спрэг находилось в трех днях пути и было достаточно безопасно. Хэднолл предполагал воспользоваться этим случаем, чтобы продать шкуры, которых у него накопилось уже много.

— Право, оно в конце концов и к лучшему, — радостно заявил он. — Я не рискую лишиться шкур, и кроме того, нам все равно скоро нужно было бы снова закупить съестные припасы, а в особенности патроны.

— Мы уложимся и выедем завтра рано утром, — сообщил он Синглтону.

— Мы встретимся, возможно, раньше, чем вы доедете до военной дороги, — сказал офицер.

— Я не знаю этой дороги, а так как Пилчэк остается здесь, то могу сбиться с пути, — тревожно заметил Хэднолл.

— Военная дорога идет от форта Эллиот до форта Додж. Вы пересечете ее приблизительно в восемнадцати милях к северо-западу отсюда.

— Я уверен, что вы найдете ее, — прибавил Пилчэк. — И воды там сколько угодно.

Хэднолл пригласил капитана Синглтона и солдат отужинать, и приглашение это, к большой радости Тома, было принято. Он обдумал, как ему получше рассказать капитану об отряде Джэтта.

Пужинали задолго до заката. После ужина Том нашел случай подойти к офицеру.

— Капитан, могу я поговорить с вами об одном очень важном деле? — откровенно сказал он, хотя и не мог побороть некоторого смущения.

— Конечно, молодой человек. Чем могу быть вам полезен? — спросил тот, устремив проницательный взгляд серых глаз на Тома.

Когда они отошли немного в сторону, Том перестал колебаться и кратко рассказал, кто он, что он делает в отряде Хэднолла, и затем быстро перешел к самому главному.

— Капитан, — серьезно сказал он, — позвольте мне быть с вами откровенным. Дело идет о девушке из отряда Джэтта. О падчерице Джэтта. Они расположились лагерем в нескольких милях отсюда.

— Отряд Джэтта, — задумался офицер. — Я слышал это имя. Знаю, что этот отряд укрылся в лесу.

— Да. И вот я люблю эту девушку, Милли Фэйр. Она моя невеста. Мы обвенчаемся, когда ей исполнится восемнадцать лет. И я боюсь за нее — боюсь Джэтта больше, чем индейцев. И Милли тоже боится. Он не захочет отправлять своих женщин в форт или куда бы то ни было. Видите ли, он тоже привез с собой жену, и она с Милли занята работой по лагерю. Мужчины целые дни на охоте. При нем два отчаянных парня, Фоллонсби и Пруайт. Отряд их не похож на наш и на другие, расположившиеся вдоль реки. Откровенно говоря, я не могу определенно обвинить Джэтта в чем-нибудь предосудительном кроме того, что он грубое животное и преследует Милли. Ее нужно увезти в форт или куда-нибудь, куда едут наши женщины, и я прошу вас, капитан, во что бы то ни стало увезти ее. Если вы спросите ее, то сразу поймете, что она считает это самым лучшим для себя.

— Вы можете поехать туда вместе с нами? — предложил Синглтон.

— Я очень хотел бы, но лучше не надо, — ответил Том. — Джэтт пока ничего не знает обо мне. Милли находит, что ему лучше ничего и не знать, пока она не станет свободна и самостоятельна. Он может причинить ей много зла. А если он только коснется ее, я убью его.

— Как вы сказали вас зовут? — осведомился офицер.

— Том Доон.

— Отлично, Том, я буду на вашей стороне и на стороне Милли. Обещаю вам.

— Так вы увезете ее? — спросил Том, едва сдерживая радость.

— Если она еще там.

— Я видел ее вчера вечером; мы встречаемся тайком.

— Так вы увидите с нею снова завтра, так как мы догоним вас на военной дороге, — с улыбкой ответил офицер.

После отъезда военных Том работал так усердно, как никогда раньше, и исполнил не только свою работу, но и помог другим. Улеглись поздно и встали рано. Едва июльское солнце осветило равнину, три тяжело нагруженных повозки направлялись на северо-запад.

К концу дня они свернули на военную дорогу, о которой говорил капитан Синглтон. Солдат не было видно, и Том начал беспокоиться. Может быть Джэтт узнал об их предстоящем приезде и перенес свою стоянку в другое место! А вдруг команчи совершили набег на лагерь Джэтта, как на Хэггинса! Том переживал неприятные минуты, когда ехал по военной дороге.

К закату солнца повозки Хэднолла тащились по краю спуска, который вел к равнине, густо покрытой травой в этом месте; тут же протекал ручей. И когда Хэднолл, ехавший теперь далеко впереди, свернул с дороги, Том внимательно всмотрелся вдаль.

На траве паслись лошади; белые палатки сверкали на фоне зеленых деревьев; горел костер, и вокруг него стояли люди! Солдаты! Сердце у Тома вздрогнуло. Он погнал лошадей рысью и скоро нагнал Бэрна Хэднолла, который тоже сворачивал с главной дороги к стоянке. Том так близко следовал за ним, что повозка Бэрна закрывала ему вид, и это раздражало Тома. Раз или два Тому удалось взглянуть на палатки и на костер; но как внимательно он ни вглядывался, не мог различить ни одной женщины. Сердце у него упало. Если бы Милли находилась здесь, она следила бы за подъезжавшими повозками. То радость, то печаль охватывала Тома. Но он все еще не терял надежды. Он продолжал всматриваться, и все время до самой остановки повозка Бэрна мешала ему видеть лагерь. Одно лишь это и оставляло ему некоторую надежду...

— Э, Бэрн, не возите вонючие шкуры прямо к стоянке, — крикнул Хэднолл.

Том повернул лошадей. Бэрн тоже, продолжая таким образом по-прежнему загораживать дорогу Тому. Остановились они одновременно ярдах в пятидесяти от стоянки. Том взглянул и увидел солдат, крупную фигуру Хэднолла, трех его женщин, а затем и девушку в сером платье, которая возбужденно махала ему рукой. Том смотрел во все глаза. Но серое платье не могло изменить ту, которая была одета в нем. Милли! Он узнал ее прежде, чем разглядел ее лицо.

Взволнованный Том соскочил с повозки и поспешил вперед. В этот критический момент, не зная, что его ждет, стараясь подавить свое необычайное волнение, Том шел, опустив голову, к стоявшей вдалеке группе.

Как в тумане видел он их лица, с любопытством обращенные к нему. Ясно увидел он одну только Милли, выступившую к нему навстречу. Она была бледна. Ее большие темные, как ночь, глаза сверкали. Чудесная улыбка преобразила ее. Том сделал сверхъестественное усилие, чтобы поздороваться с Милли, не выдавая их тайны.

Но Милли не намеревалась ничего скрывать. Он почувствовал это, увидел и от смущения окончательно лишился самообладания.

— Том! — ликующе воскликнула она и кинулась ему прямо в объятия.

Неловко все произошло только потому, что она забыла обо всех, кроме него, а он не мог забыть о них. Она едва не поцеловала его раньше, чем он догадался первый поцеловать ее. И тогда его мальчишеская растерянность сменилась великой радостью. Он стал рядом с Милли, обнял ее за талию и подвел ее к группе людей, с изумленной улыбкой смотревших на них.

— Мистрис Хэднолл, это моя невеста, Милли Фэйр, — сказал он.

— Том! Ваша невеста! — вырвалось у этой доброй женщины. — Ну, Милли, очень рада познакомиться с вами.

Она горячо поцеловала Милли и затем познакомила ее с Сэлли и с мистрис Бэрн Хэднолл. Этого оказалось достаточно, чтобы познакомить ее и со всеми остальными присутствующими.

Хэднолл казался чрезвычайно изумлен и, по-видимому, очень доволен.

— Ну, Милли, хозяин Тома Доона, конечно, рад познакомиться с вами, — сказал он, с изысканной вежливостью пожимая ей руку. — Не скажете ли вы мне, где этот проказник нашел такую милую девушку?

— Он нашел меня здесь, — застенчиво ответила Милли.

— А! — воскликнула Сэлли Хэднолл. — Теперь я знаю, почему Том скрывался из лагеря почти каждый вечер.

— И откладывал работу до рассвета, — быстро прибавил Хэднолл. — Меня это всегда удивляло.

Долго еще продолжались шутки и смех, пока Том, видя, что Милли освоилась среди новых людей, не оста-

вил всех и не пошел распрягать лошадей. Бэрн последовал за ним:

— Ах, вы хитрец, — с удивлением и восхищением воскликнул он. — Она прелесть! Клянусь, вы счастливец! Видели вы, какое выражение было у Сэлли? Знаете, Том, она была почти влюблена в вас. Теперь мы знаем, почему вы так равнодушно относились к женщинам.

Вернувшись к стоянке, Том встретил капитана Синглтона, который, улыбаясь, сердечно пожал ему руку.

— Ну, парень, я увез ее, но это было нелегко, — сказал он. — Она славная и красивая девушка. Вас можно поздравить.

— Трудно было уговорить Джэтта? — с большим интересом спросил Том.

— Да, сначала у нас вышли неприятности. Тяжелый человек! Наконец он согласился отпустить ее в ближайшее укрепленное местечко, пока не уляжется паника, вызванная индейцами. Жену свою он не отпустил; да она и сама уезжать не хотела. У меня сложилось впечатление, что она так же может сама позаботиться о себе, как и любой мужчина.

На завтра к полудню отряд Хэднолла со своим конвоем прибыл в укрепленное местечко Спрэг, расположенное на берегу прекрасной речки, в нескольких милях от форта Эллиот. Здесь солдаты покинули охотников и отправились дальше.

Спрэг явился одним из тех пограничных постов, которые, как грибы, вырастали за одну ночь. Он состоял, главным образом, из одного высокого одноэтажного деревянного строения, которое служило одновременно и складом товаров, и укреплением для защиты от возможных нападений индейцев. Вдоль небольшой улицы располагались шалаши и палатки, а к складу примыкали акры и акры сложенных большими штабелями бизоньих шкур. Была здесь танцевальная зала, несколько парикмахерских, гостиница и ресторан, все наскоро сколоченные. Местечко оживлялось многочисленными охотничьими отрядами, прибывающими и уезжающими, постоянной сменой повозок, нагруженных шкурами и товарами. Склады в Спрэге служили главным центром складирования для всей северной части Техаса.

Хэднолл нанял комнаты для женщин, в том числе и для Милли, которые показались им роскошными после лагеря. Сэлли Хэднолл и Милли поселились в одной комнате с деревянным полом и стенами и парусиновым навесом вместо потолка, а для жен Хэднолла и Бэрна сняли рядом еще две комнаты, из которых одна должна была служить кухней. Хэдноллу пришлось только купить печь, съестные припасы и дрова, чтобы устроить женщин возможно комфортабельнее.

Большого Том не мог и требовать и чувствовал, что навсегда будет обязан Хэдноллу. Ему, конечно, посчастливилось, что он связал свою судьбу с этой семьей.

Хэднолл продал свои шкуры в Спрэге и получил по три доллара за лучшие выделанные шкуры самок, по два с половиной доллара за такие же шкуры самцов и по доллару семьдесят пять центов за остальные. Прибыль у него получилась большая, как он откровенно признался, и он заявил Тому, что находит справедливым впредь платить больше за сдирание и обработку шкур. Что же касается Тома, то полученная им пачка банкнот в счет заработка так поразила его, что он не находил слов. Он купил себе на складе самую необходимую одежду и обувь, новое ружье и большой запас патронов. Он не забыл оставить перед отъездом мистрис Хэднолл деньги на содержание Милли. Но Милли он об этом не сказал.

— Том, — серьезно сказал Хэднолл, когда они вывели лошадей за город, где росла прекрасная густая трава. — Я никогда не видел более подходящего места для ранчо. Не правда ли? Посмотри на эту землю.

Том, конечно, согласился с ним. Ему понравилась плодородная прерия, раскинувшаяся до самого горизонта и перерезанная несколькими извилистыми речками, окаймленными зелеными берегами.

— Хотелось бы мне пройтись здесь с плугом, — прибавил Хэднолл, поднимая кусок земли. — Когда-нибудь, Том, все это будет засеяно пшеницей и рожью или превратится в пастбище для скота. Когда окончится охота, мы построим хижину и перезимуем здесь. А затем будущей весной решим, что делать дальше.

Том находил, что Спрэг самое интересное место из всех, где он бывал, и вместе с тем слишком пустынное даже днем. Танцевальная зала и игорный дом лишь

немного развлекли его. Больше всего привлекала его в Спрэге контора складов. Там он узнал много новостей. Он узнал, что индейская территория управляется теперь по законам Соединенных Штатов, что в Канзасе запрещена охота на бизонов, в Колорадо также. Этим летом все охотники на бизонов соберутся в Техасе. Это означало, что крупным стадам не удастся возвратиться на север, на индейскую территорию Канзаса и Колорадо. Знаменитые охотничьи области опустеют. Для законодательных органов Штатов было очень важно проводить такие законы, как этот. Несомненно, что и Техас сделает то же самое.

Том пришел к такому заключению еще до того, как пришло известие, что открылось законодательное собрание Техаса для обсуждения закона о покровительстве охоте на бизонов в этом штате. При этом известии Том испытал странное ощущение. Ему, как и Хэдноллу, стало как будто жаль индейцев, а не бизонов. Он не мог разобраться в своих чувствах. Когда он рассказал Милли о том, что слышал, и особенно о таком же сочувствии к индейцам со стороны Хэднолла, она сказала:

— Том, тут весь вопрос в деньгах. Вы, мужчины, не можете этого понять. Мог ли бы ты украсть деньги у индейцев?

— Конечно, нет! — тряхнув головой, ответил Том.

— А ведь ты крадешь у них пищу, — серьезно продолжала она. — Вырываешь еду у них изо рта. Не потому, что голоден, а чтобы разбогатеть. Том, это несправедливо!

В первый раз Том почувствовал смущение. Он не мог ответить на это шуткой и не мог найти довода в защиту своего дела.

— Том Доон, — тихо и важно сказала девушка. — Я должна буду тебе сказать кое-что относительно охоты на бизонов, когда ты придешь ко мне в день моего совершеннолетия.

Он понял и на следующее утро уехал с убеждением, что Милли не выйдет замуж за него, если он не пообещает ей бросить охоту на бизонов.

Том ехал на своей повозке за Хэдноллами по наезженной военной дороге, возвращаясь на юг, и думал о своей разлуке с Милли, — что-то в ее прощальных словах и взгляде было похоже на каплю дегтя в бочке меда.

Рано утром Милли и остальные женщины встали, чтобы приготовить завтрак и попрощаться с отъезжающими. Хэднолл и Бэрн были так взволнованы разлукой с женами, дочерью и сестрой, что у них не было времени обращать внимания на прощание Милли с Томом. Под конец она прильнула к Тому, вцепившись дрожащими руками за его охотничью куртку... Она взглянула ему прямо в глаза, и было в ней что-то необычное и странное.

— Том, все, что у меня есть на свете, — это ты, — сказала она.

— Да, дорогая, я весь твой, — ответил он.

— Ты не должен уезжать надолго.

— Я приеду при первой возможности, — обещал Том.

— Тебе бы совсем не следовало оставлять меня, — тихо прошептала она.

— Почему, Милли? Ты здесь в безопасности, — возразил он.

— Я никогда не буду в безопасности, пока буду зависеть от Джэтта.

— Но он не приедет за тобой. Капитан Синглтон и все здесь говорят, что набеги индейцев как раз теперь начались.

— Том, я не буду в безопасности, пока тебя не будет со мной.

— Дорогая... — начал он, но тут раздался громкий голос Хэднолла:

— Едем, довольно, молодые люди.

И они успели только в последний раз поцеловаться.

Хэдноллу понадобилось всего два с половиной дня, чтобы с легко нагруженными повозками вернуться в лагерь на Красной реке. Никаких изменений со времени их отъезда не произошло. Пилчэк и три его помощника за их отсутствие убили и содрали шкуры с трехсот двадцати пяти буйволов. Хэднолл был в восторге и, хотя было уже поздно, хотел отправиться прямо на охоту.

— Потерпите немного, — проворчал Пилчэк, — нам хочется поесть чего-нибудь свежего и послушать новости.

Наверняка Пилчэк с товарищами не варили ничего со времени отъезда женщин.

— Черт возьми этих надоедливых краснокожих, что бы там ни было, — пожаловался он Хэдноллу. — Кто будет теперь готовить пищу?

— Будем варить по очереди, — весело ответил Хэднолл.

— Получится компания хороших поваров, а не охотников, — проворчал Пилчэк. — Одно только утешение, что недолго нам еще придется есть.

— А почему же нет? — удивленно спросил Хэднолл. — Я привез целую повозку съестных припасов.

— Да просто потому, что нас скоро скальпируют команчи.

— Вздор! — почти сердито крикнул Хэднолл. — Вы, охотники, раздражаете меня. Вы хуже солдат. Вся эта болтовня об индейцах — чушь! Мы здесь больше двух месяцев и не видели ни одного индейца, ни ручного, ни дикого.

Проводник пристально взглянул на Хэднолла, и в узких щелках его глаз сверкнул серовато-синий огонек, холодный, как блеск стали.

— Вот такие люди, как вы, которые не в состоянии понять своеобразия запада и не хотят ничего слушать, — такие и попадают в лапы к индейцам, таких они и скальпируют, — отчеканил он.

Хэднолл мгновенье дулся, но затем свойственное ему добродушие взяло верх, он забыл о впечатлении, произведенном резкими словами Пилчэка, и снова шутил и смеялся. Никакого страха он, вероятно, не испытывал.

На следующее утро Том вместе со всем отрядом Хэднолла отправился на охоту, за которую они принялись с удвоенной энергией и решимостью. Золотые монеты и зеленые банкноты, полученные ими в уплату от Хэднолла, заставили их еще больше напрячь усилия.

Том напряженно прислушивался, не узнает ли он каких-нибудь новостей об отряде Джэтта, но до сих пор ему не удавалось ничего услышать. Пилчэк и Хэднолл решили не менять стоянки до осени.

— Я хочу иметь четыре тысячи шкур к ноябрю, — сказал, потирая свои большие руки, Хэднолл.

— Это не трудно. Я покажу вам завтра, как убить сотню бизонов в три часа, — ответил Пилчэк.

— Когда же мы опять поедem в Спрэг? — тревожно осведомился Том.

Все они втайне мечтали о поездке туда.

На следующий день Пилчэк исполнил то, чем похвастался: убил в положенный срок сто восемьдесят бизонов — подвиг исключительный. Но у него была сильная, прекрасно тренированная лошадь, и сам он был смелый и искусный стрелок.

С каждым днем Том Доон убивал все меньше бизонов. Он не замечал этого, пока его товарищи не обратили внимания на это. Сверившись со своей записной книжкой, которая велась им в безупречном порядке, он был изумлен и огорчен, увидев, что так оно и есть. Том попытался исправить упущение, но это привело только к еще худшим результатам. Он колебался, делал промахи, стрелял плохо и многих бизонов только ранил, а не убивал. Это удручающе действовало на него. Причиной всего этого была Милли. Все его мысли были поглощены ею. Объяснялось все тем, что Милли пробудила в нем сознание жестокости и тупой алчности его ремесла, и это мешало ему успешно охотиться.

Хэднолл помог Тому разрешить, казалось, неразрешимую задачу.

— Том, у вас нервы не в порядке, как полагает Пилчэк, — сказал он. — Но шкуры вы сдираете лучше всех нас. Вы напрасно теряете время на охоту. Мы убиваем за день почти столько же бизонов, со скольких вы можете содрать шкуру, и могли бы убивать больше. Во всяком случае, Пилчэк — мог бы. Вам лучше заняться только сдиранием шкур. Мы будем платить вам по сорок пять центов за шкуру.

— Согласен, — радостно заявил Том. — Не знаю, в порядке ли у меня нервы, но эта бойня опротивела мне, — прибавил он.

— Говоря откровенно, я начинаю чувствовать то же самое, — вздохнул Хэднолл. — Я предпочел бы взяться за плуг.

Всецело занявшись сдиранием шкур, Том почувствовал себя лучше и работал так усердно и с такими успехом, что охотники не могли нахвалиться им.

Если бы у Тома было немного больше свободного времени, он нашел бы много развлечений в их постоянном лагере. Он располагался в красивой лесистой местности недалеко от большой реки, и в девственной чаще водилось много диких зверей. Медведей и пантер встречалось в округе достаточно, чтобы не зря бродить по окрестностям с ружьем. В густой чаще обитало множество диких индюков и оленей. Антилопы паслись на равнине, и стаи огромных серых волков, смелых и свирепых, задирали молодых бизонов.

Питание бизоньим мясом разнообразилось олениной и мясом антилопы, а однажды они попробовали диких индюков. Этот последний опыт изменения меню плачевно окончился для Тома. Наступил его черед готовить пищу, и он в тот день убил несколько диких индюков. Мясо их было чрезвычайно горькое, благодаря ягодам, которыми они питались и которые в изобилии произрастали в лесу. Пилчэк, страдавший несварением желудка, отпускал насмешечки о поварском искусстве Тома, а остальные громко выражали свое неодобрение. К несчастью, Том не приготовил ничего другого.

— Том, вы незаменимый член нашего отряда, но готовите вы еще хуже, чем стреляете, — сказал, наконец, Хэднолл. — Мы освободим вас от этой обязанности, и вы можете употреблять все свое время на что-либо более полезное... Не обижайтесь, друг мой. Вы просто не умеете готовить. А мы не можем себе позволить умирать с голоду. Право, когда вы бросите охоту, ваше счастье, что с вами окажется хорошенькая черноглазая Милли.

— Его счастье! — воскликнул Бэрн Хэднолл, который был немного под башмаком своей жены. — Скажи, что он уже теперь счастлив и не понимает, как ему повезло.

— Нам всем порядочно везет, — язвительно заметил проводник. — Мы уже столько дней находимся во враждебной стране, и нас еще никто не побеспокоил.

— Вы опять об этом! — запротестовал Хэднолл, которому надоели разговоры об индейцах.

— Кто я, разведчик этого отряда или только простой охотник на бизонов? — спросил Пилчэк.

— Конечно, разведчик, проводник и компаньон, и все что угодно, — ответил Хэднолл. — В разведке на бизонов вас никто не превзойдет, но ваши наблюдения за краснокожими не беспокоят меня.

— Подождите, Хэднолл, я не все еще рассказал вам, — продолжал Пилчэк. — Вчера в десяти милях отсюда я видел отряд киваев, — краснокожие воины ехали с женами и детьми на низкорослых лошадях, нагруженных поклажей. Вид у них был совсем недружелюбный. А сегодня я заметил, как отряд команчей пронесся по равнине, или я прирожденный лжец! Я-то знаю, как скачут команчи.

— Джюд, не стараетесь ли вы убедить меня охотиться ближе к лагерю? — спросил Хэднолл.

— Я не стараюсь и не уговариваю, — ответил разведчик. — Я излагаю факты. Мой совет вам всем не охотиться дальше пяти или шести миль отсюда. И лучше, если охотники всегда будут на виду друг у друга.

— Джюд, вы, Бэрн и я убили вчера сто девяносто восемь бизонов на пространстве не больше пятидесяти акров. Но мы находились далеко от лагеря.

— Знаю. Большинство охотников предпочитает убивать бизонов поближе к лагерю, потому что это сберегает время на работу, но только не в том случае, если дальше они за такой же срок могут убить вдвое больше.

— Я буду убивать и сдирать шкуры и привозить их сюда, как и раньше, — решил Хэднолл.

— Ну, что же, — пожал плечами Пилчэк, — право, давать вам советы — напрасный труд.

Однажды утром пара повозок из охотничьих отрядов Блэка и Старуэлла остановилась у лагеря Хэднолла, и возницы передали новости, которые чрезвычайно заинтересовали вожака отряда. Они везли тысячу триста шкур в Спрэг. Слух исходил от охотников, проехавших несколько дней тому назад, они утверждали будто фирма «Рез и Райт» из Додж-Сити собирается послать агентов для скупки кож на месте, в лагерях. Это даст охотникам огромное преимущество и прибыль. Фирма предполагает платить хорошие рыночные цены и взять на себя перевозку.

У этих словоохотливых возниц были еще новости, заинтересовавшие Хэднолла. Они сообщили, что канзас-

ская фирма «Логенштейн и К°» — один из самых крупных скупщиков шкур — посылает шкуры в Европу, главным образом в Англию; англичане считают, что кожаные принадлежности военного обмундирования из кожи бизонов значительно прочнее и дешевле. Это вызовет скорое повышение цен на бизоньи шкуры.

Новость сильно подействовала на Хэднолла. Он задумчиво ходил большими шагами около костра. Обычно он без колебаний принимал те или иные решения, но тут, очевидно, не мог сразу решиться. Наконец, план его созрел.

— Я останусь в лагере и буду работать, — сказал он, как бы отвечая на чей-то вопрос. — Том и Стронгхэрл отвезут все наши шкуры в Спрэг, навестят наших женщин и узнают точно, верны ли эти новости. Поторопитесь, ребята, чтобы успеть отправиться вместе с продавцами Старуэлла.

Бесконечно длилось путешествие в Спрэг, оно продолжалось восемь долгих знойных дней; но так как каждый день, каждый час, каждая минута, каждый шаг усталых лошадей приближали Тома к Милли, то он безропотно выносил трудности пути.

Сделав двадцать пять миль в последний день, Том и его спутники достигли Спрэга поздно ночью и остановились на окраине городка, где виднелись палатки и повозки вновь прибывших отрядов. Рано утром Тома и Стронгхэрла осадил будущие охотники, жаждавшие услышать новости о стране бизонов. Первый вопрос неизменно задавался о том, действительно ли бизоны пасутся тысячами вдоль Красной и других смежных рек? Во-вторых, выступили ли против охотников индейцы? И Том с готовностью отвечал на многочисленные вопросы новичков.

Все эти расспросы, уход за лошадьми, завтрак удерживали Тома от того, чтобы бежать скорее к Милли. Стронгхэрл сказал, что навестит семью Хэднолла позднее. Наконец, Том поспешно пошел по почти пустынной улице и тогда только понял, что еще слишком рано.

Том дрожащей рукой постучал в обитую парусиной дверь хижины Хэднолла. Послышались голоса. Дверь приоткрылась, и показалось настороженное и выжидающее лицо мистрис Хэднолл.

— Ах! — воскликнула она, и выражение лица ее изменилось как по волшебству. — Это Том вернулся с охоты!

— И очень рад вас видеть, — ответил Том, едва сдерживаясь от желания поцеловать мистрис Хэднолл.

— Входите сюда, — радостно сказала та и потащила его в кухню.

— Не обращайтесь внимания на Сэлли, она только что встала... Том, я вижу по вашему лицу, что у мужа все благополучно.

— Конечно! Он много работает и загребает деньги. Вот письмо от него. Стронгхэрл тоже приехал и придет попозже.

Сэлли и мистрис Бэрн столь же радостно приветствовали Тома, и письма, привезенные им, были приняты с восторженными восклицаниями. Том нетерпеливо смотрел на дверь, в которую вошла Сэлли, ожидая увидеть Милли. Но она не появлялась.

— Где Милли? — не с тревогой, но с радостным нетерпением спросил он. Вопрос его произвел на женщин такое впечатление, как будто они вспомнили о чем-то тяжелом и неприятном. Сердце у Тома замерло.

— Милли! Она уехала, Том! — сказала мистрис Хэднолл.

— Уехала! — растерянно повторил он.

— Вчера. Вы должны были встретиться с ней на южной дороге.

— На южной дороге?.. Нет, нет, — в отчаянии воскликнул Том. — Джэтт! Это он увез ее?

— Да. Он приехал накануне ночью, но мы узнали об этом только утром, — быстро продолжала мистрис Хэднолл.

— С ним были его жена и два помощника. Джэтт продал три тысячи четырехста шкур и был пьян... Он напугал меня и бедную Милли. В жизни мне никого не было так жаль, как ее.

— А я так боялся, что он приедет! — вырвался у Тома мучительный крик. — Милли просила, чтобы я не оставлял ее. Господи, зачем, зачем я не послушался ее?

— Странно, что вы не встретились с Джэттом, — заметила мистрис Хэднолл.

— Он выехал отсюда с тремя своими повозками вчера днем. Они направились прямо к военной дороге. Мы

следили за ними. Милли долго махала нам своим шарфом... Она была такая стройная и прелестная в костюме мальчика.

— В костюме мальчика? — недоумевающе проговорил Том. — Что вы говорите?

— Джэтт пришел сюда утром, — продолжала мистрис Хэднолл. — Он был трезв, и вид у него был решительный. Он сказал Милли, что она должна собираться ехать с ним днем. Жены его не было с ним, но мы встретили ее потом в лавке. Она показалась нам подходящей подругой для Джэтта. Ну, конечно, Милли была страшно огорчена. Она не хотела ехать, но сказала, что ей придется покориться. Ведь он мог бы увезти ее силой. Говорила она мало. Сначала она написала письмо, я вам передам его, а затем уложила свои платья и белье. А в три часа явился Джэтт, принес мужские брюки, рубашку, куртку и шляпу для Милли. Он сослался на то, что в виду выступления индейцев военные власти распорядились увезти всех женщин из охотничьей области. Джэтт перерядил своих женщин в мужскую одежду. Милли пришлось обрезать ее прекрасные волосы. Обрезала их ей Сэлли. Затем Милли переделалась в костюм мальчика и ушла с Джэттом. Держала она себя мужественно. Мы все понимали, что опасность ей грозит не только от индейцев. И еще сильнее встревожились, когда узнали вчера вечером от лавочника, что эта мистрис Джэтт — бывшая жена какого-то бродяги и грабителя по имени Хардин, убитого прошлым летом в форте Додж. Вот и все.

— Этого достаточно, черт возьми! — сурово сказал Том, охваченный тревогой за Милли и негодуя на самого себя. — Что мне делать?.. Я мог бы догнать Джэтта. А дальше что?

— Я так и поступила бы — постаралась бы найти ее поскорей, — посоветовала мистрис Хэднолл. — Вы должны как-нибудь вырвать ее из рук Джэтта. Расскажите об этом моему мужу. Он предпримет что-нибудь... Том, вот письмо Милли. Она плакала, когда передавала его мне.

— Благодарю вас, — торопливо сказал Том, взял письмо и хотел уйти.

— Приходите еще перед отъездом, — прибавила мистрис Хэднолл. — Мы хотим послать письма и еще кое-что с вами.

— И скажите Дэву Стронгхэрлу, Том, — крикнула с порога Сэлли, — что если он сейчас же не придет ко мне, то не увидит меня целый день.

Оставшись один, Том поспешно вскрыл письмо Милли. Оно было написано чернилами на хорошей бумаге, почерк был ровный и отчетливый.

«Спрэг, 9 июля 1875 года.

Дорогой Том!

Я надеюсь, что ты скоро получишь это письмо; во всяком случае, оно дойдет до тебя. Джэтт приехал за мной. Я вынуждена уехать. Ничего другого я сделать не могу. Но если бы ты или мистер Хэднолл находились здесь, я отказалась бы ехать, что бы Джэтт ни делал. Он, наверное, увезет меня обратно в лагерь, но где бы мы ни были, ты будешь в тех же местах. Я знаю, что ты найдешь меня. Я очень встревожена и тоскую. Но я выдержу это и сделаю все возможное, чтобы уйти от Джэтта и спастись. Я купила маленький револьвер, который могу спрятать, и если мне придется прибегнуть к нему, чтобы защитить себя, то я это сделаю. Я люблю тебя. Ты все, что есть у меня в жизни. Не мучайся и не теряй надежды. Не переставай разыскивать меня. Когда будешь проезжать мимо незнакомого лагеря, смотри, не развеивается ли где-нибудь красный шарф. Это будет мой знак для тебя.

Милли».

Письмо обрадовало его и вместе с тем произвело на него угнетающее впечатление. Его мучило раскаяние, что он оставил ее одну. Это были худшие минуты в его жизни. Затем он второй раз перечитал послание Милли, и мужество его окрепло. Мужественная девушка взывает к нему, и он не обманет ее, он будет надеяться на лучшее, и никогда не откажется от поисков ее, хотя понимает, насколько они тщетны.

Том продал шкуры Хэднолла по более высокой цене, чем тот выручил за первую партию. Владелец склада не только подтвердил слухи, благодаря которым Хэднолл послал Тома, но высказал еще и свое мнение по этому поводу. Цены на шкуры еще не достигли высшего предела. Сам он предложил так много, что Том стал сомневаться, стоит ли Хэдноллу продавать шкуры агентам из Додж-Сити. Он понял, что между фирмами, скупающими

ми шкуры, возникла конкуренция, и это выгодно для охотников.

— Теперь относительно индейцев, — тревожно спросил Том. — Какого вы мнения? Серьезно ли это?

— Послушайте, Доон, — внушительно ответил владелец склада. — Верьте тому, что говорят разведчики и опытные охотники. Они знают. Половина Техаса наводнена бывшими фермерами, временно превратившимися в охотников. Они не знают запада. И многие из них будут перебиты. Вы должны быть готовы к любым неожиданностям.

— Затем относительно грабителей, похищающих шкуры. Что вы знаете о них? — спросил Том.

— Почти ничего не знаю. Это не мое дело. Я покупаю шкуры у всех и каждого. Я не могу с подозрением относиться к охотникам.

— Знали вы молоденькую девушку, Милли Фэйр, которая жила здесь с мистрис Хэднолл?

— Знал. Мистрис Хэднолл сказала мне, что Джэтт ее отчим и собирается увезти ее с собой, переодетую мальчиком. Костюм мальчика я продал Джэтту, но не знал тогда, зачем он ему нужен.

— Она моя невеста. Она ненавидит Джэтта и боится его.

— Вот в чем дело! — вырвалось у владельца товарного склада, и он сделал быстрый понимающий жест. — Доон, я не хочу много говорить, но тут, по-видимому, дело нечисто.

— Мне тоже так давно кажется. Что за человек Джэтт?

— Доон, кто бы он ни был, право, не имеет сейчас значения, — тихо ответил тот. — Но мой совет — разыщите Джэтта как можно скорее и вырвите вашу невесту из его лап; даже если вам придется для этого убить его. Поняли?

В глазах своего собеседника Том видел такой же яркий, блестящий огонек, как у Пилчэка.

— Понял, — твердо сказал Том.

Час спустя он быстро рысью гнал своих лошадей, направляясь на юг по военной дороге, и Стронгхэрл еле поспевал за ним.

Вставая до рассвета и находясь в пути до позднего вечера, Том Доон, не упуская из виду Стронгхэрла, возвращался обратно по прерии в охотничью область. Он всегда старался доехать к вечеру до какого-нибудь охотничьего лагеря. Каждый день начинался с надежды встретиться с Джэттом и заканчивался трепетным волнением. Однако все его поиски и расспросы среди охотников приводили только к горькому разочарованию.

На девятый день в полдень Том случайно нагнал повозку, запряженную четырьмя лошадьми, поехал рядом с нею и обратился к вознице со своим обычным вопросом.

— Джэтт? — переспросил крепкий старик, правивший лошадьми. — Нет, не слышал этого имени. А ты, Сэм?

Его спутник тоже не мог припомнить такого имени.

— Мы встретили много охотничьих отрядов, но ни разу такого имени не слышали, — прибавил первый.

Тогда Том спросил, видели ли они отряд из трех больших повозок с тремя мужчинами, женщиной и мальчиком.

— Большой отряд, — как будто, да. У хозяина рыжая борода?

— Да, это Джэтт, — живо ответил Том.

— Он обогнал нас сегодня утром. Помню отлично, так как мальчик посмотрел на нас и помахал красным шарфом. У него большие черные глаза.

— Милли! — прошептал Том. — Благодарю вас. Этот отряд я и разыскиваю.

Надежда и решимость Тома усилились, когда он поехал дальше. Джэтт, очевидно, спешил туда, где располагалось большинство лагерей, и его нетрудно будет найти, если только Том не встретится с ним по дороге.

Вскоре после того Том доехал до мест, где начали попадаться лагеря, и миновал первый из них, заново расположившийся здесь с тех пор, как он проезжал тут две недели тому назад. Теперь уже настал август.

Том уже не так сильно переживал, как раньше, утешая себя надеждой, что Милли непременно должна быть где-нибудь в этих местах.

Гремели выстрелы, не громче, чем раньше, но были они многочисленнее и раздавались по обеим берегам реки. Том переезжал из лагеря в лагерь, — некоторые были знакомы ему, большинство же оказались новыми. Ни на одной палатке, ни на одной повозке не порадовал его глаз красный шарф. Перед закатом солнца подъехал он к лагерю Хэднолла.

— Не Том ли приехал? — крикнул Бэрн, первый заметивший его.

Хэднолл тотчас вышел из палатки и чуть не расцеловал Тома, так удивился и обрадовался он встрече.

— Вернулись, так скоро? — радушно и громко заговорил он. — А мы много охотились. Трудно пришлось, но это настоящее золотое дно. Сколько вы получили за наши шкуры?

— На пятьдесят центов больше за каждую, — ответил Том, вынимая огромную связку банкнот. — Может быть, и не следовало еще продавать их! А вот письма. Тут газеты, журналы, а остальные вещи в корзине под сиденьем.

— Как там поживают мои? — спросил Хэднолл, пересчитывая деньги.

— Отлично. Лучшего и желать нельзя. Но моя... но Милли уехала, — ответил Том.

— Милли? Кто это? Ах, да, ваша невеста. Я и забыл... Послушайте, Доон, вы похудели, плохо выглядите. Дорога утомила вас?

— Нет, но я очень встревожен. Сейчас расскажу, в чем дело...

— Том, я забыл сказать, что мы заплатим вам за то, что вы отвезли шкуры. По пять долларов за каждый день. Довольно?

— Очень вам благодарен, — устало ответил Том, усаживаясь передохнуть. — Теперь я вижу, что и устал тоже. Видите ли, я старался нагнать Джэтта. Он уехал из Спрэга с Милли на день раньше меня.

— Черт возьми! — вырвалось у Хэднолла, и довольное выражение вдруг сбежало с его лица. — До нас дошли скверные слухи об этом отряде Джэтта. Вам следует увезти Милли от них как можно скорее.

— Пока я еще не смог напасть на след Джэтта, — продолжал Том. — Он ехал впереди меня, хотя я не видел его повозок. Он должен находиться где-нибудь здесь.

— Ну, мы найдем его, не беспокойтесь. Здесь в лагерьях не место для женщин. Я убедился в этом, Том.

— Что произошло со времени моего отъезда?

— Друг мой, если бы я верил всему, что говорят, удрал бы в Спрэг, — заявил Хэднолл. — Хотя признаю, что кое-что и правда. Все, что я сам видел — несколько убитых киеваев на берегу реки. Они напали на один лагерь и стали переправляться через реку, а в это время охотники с другого берега отогнали их и перестреляли почти всех вместе с лошадьми.

— Я ожидал услышать худшее, — хладнокровно заметил Том.

— Вымойтесь и отдохните, — посоветовал Хэднолл. — Я займусь лошадьми. Думаю, неплохо бы сейчас поужинать. Но Пилчэк запаздывает все последние дни. Он любит охотиться по вечерам. А что же не видно Стронгхэрла?

— Я видел Дэва, когда подъезжал к реке, — сказал Том. — А затем я замедлил ход. Так что очень отстать он не мог, если только повозка его не перевернулась.

Через некоторое время Дэв Стронгхэрл подъехал к лагерю; лошади его устали, сам он был утомлен, но необычайно разговорчив и оживлен. Тому показалось, что у Дэва что-то на уме, и он очень заинтересовался этим.

Дэва Хэднолл так же радушно встретил, как и Тома, задал ему те же вопросы и рассказал то же самое об охоте и о лагерных новостях.

Пока Стронгхэрл мылся, Дэнн и Ори Тэск приехали с дневной добычей в восемьдесят шесть шкур. Дэнн выгрузил шкуры на землю в нескольких шагах от лагеря, а Тэск распряг лошадей.

Ори Тэск уже несколько недель пробыл на охоте, но несколько не изменился, разве только не казался уже таким упитанным. Работа и опасности оказались в состоянии согнать выражение детской жизнерадостности и самодовольства с его лица. Он по-прежнему франтовски носил старую шляпу с широкими полями, и, как обычно, клочок волос торчал из дыры на макушке.

Ори забросал Тома вопросами о Спрэге, вероятно, с определенной целью, но Том, проголодавшийся и задум-

чивый, отвечал ему рассеянно. Тогда Ори в перерывах между едой стал обращаться к Стронгхэрлу, и вопросы его стали теперь более настойчивы.

— Мистер Стронгсроу, — начал он, как всегда искажая фамилию Дэва, — видели ли вы мою... вашу... молодую спутницу в Спрэге?

— Нет, к сожалению, она уехала с Джэттом, — ответил Дэв.

— Мисс Сэлли уехала? — воскликнул Ори.

— Нет, я говорю о невесте Тома, Милли Фэйр, — сухо ответил Дэв.

— Но вы видели мисс Сэлли?

— Конечно.

— Нет ли у вас письма от нее для меня? — с поразительной наивностью спросил Ори.

— Что? — разинул рот Дэв, едва не выронив изо рта кусок сухаря.

— У вас есть письмо для меня от Сэлли, — на этот раз уверенно повторил Ори.

— Что же, вы принимаете меня за гонца, развозящего почту?

— Вы долго были у нее? — с подчеркнутой вежливостью спросил Ори.

— Нет, не особенно долго.

— Я вас спрашиваю об этом потому, что если бы вы виделись с нею даже короткое время, то она дала бы вам письмо для меня.

— Видел я ее около получаса, а затем, так как Том очень торопился обратно, мы с Сэлли поспешили обвенчаться, — совершенно невозмутимо ответил Дэв.

Ори, пораженный, замолчал; он как-то весь опустился и пошатнулся. Том хотел засмеяться, но не решился на такую неделикатность. Хэднолл нахмурился.

— Дэв, не следует так дразнить Ори, — строго упрекнул он. — Ори имеет такое же право интересоваться Сэлли, как и вы. Если она послала ему письмо, отдайте ему.

Дэв покраснел.

— Она не посылала никакого письма, — заявил он.

— Точно не посылала? — подозрительно спросил Хэднолл.

— Вы не всегда искренни, как мне кажется.

— Это вам действительно только так кажется.

— Отлично. А затем не делайте глупых замечаний о женитьбе на Сэлли, чтобы подразнить Ори. Это нехорошая шутка.

— Хозяин, я не дразню его и не шучу, — решительно заявил Дэв.

— Что? — воскликнул Хэднолл.

— Я и Сэлли повенчались.

— Вы повенчались? — удивленно и гневно закричал Хэднолл.

— Да, сэр. В Спрэге был проездом пастор, и мы с Сэлли решили, что подвернулся удобный случай повенчаться. Так мы и сделали.

— Не спрашивая разрешения у меня, ее отца?!

— Вас не было там. Сэлли согласилась, и мы думали, что можем сказать вам об этом потом.

— Попросили ли вы хоть разрешения ее матери? Она же была там!

— Нет. Я хотел поговорить с мистрис Хэднолл, но Сэлли сказала, что она не считает меня подходящей парой.

— Так вы тайно повенчались с моей девочкой? — завопил Хэднолл вне себя от бешенства.

— С девочкой? Сэлли взрослая женщина. Видите ли, Хэднолл, я и не предполагал, что вы будете в восторге, но думал, что вы отнесетесь к этому благоразумно. Мы с Сэлли все равно поженились бы по окончании этой охоты. Я хотел только, чтобы кому-нибудь достались мои деньги, если меня убьют здесь. Что же плохого в моем поступке?

— Вы не спросились меня! — громовым голосом крикнул Хэднолл. — Вот в чем дело. И я намерен расчитаться с вами и хорошенько вздуть вас.

Эта угроза не произвела большого впечатления на Стронгхэрла.

— Если вам так хочется этого, пожалуйста, — хладнокровно предложил он.

Пилчэк молча забавлялся этим столкновением. Ори Тэск наслаждался мщением; Бэрн был и смущен, и доволен; старик Дэнн смотрел удивленно; что же касается Тома, то он чувствовал, что может, пожалуй, произойти драка, но не верил, что дело пойдет так далеко.

— Идем! — громко крикнул Хэднолл, поднимаясь во весь рост. Он был чуть ли не вдвое выше Стронгхэрла и

мог бы сразу свалить своего зятя, человека невысокого, но крепкого. Стронгхэрл медленно встал, наконец, серьезно встревоженный, но решительный и готовый постоять за себя.

— Признаю, что вы можете меня отколотить, Хэднолл, — сказал он, — и если драка успокоит вас, что ж, давайте драться.

Это предложение неожиданно изменило настроение Хэднолла, он успокоился и, закинув назад свою лохматую голову, разразился громким хохотом, сразу разрядившим напряженную атмосферу. Пилчэк тоже рассмеялся, и остальные, кроме Дэнна, присоединились к нему. Нахохлившись, Хэднолл протянул свою загорелую руку Стронгхэрлу.

— Дэв, я расвирепел, вспылил, но как вы, чудак, могли серьезно подумать, что я буду драться с вами из-за Сэлли? Черт с вами, я рад за нее и за вас, хотя вы и не спросили моего согласия, и желаю вам счастья и долголетия.

Все хладнокровие Стронгхэрла не устояло против этого искреннего и совершенно нежданного заявления и пожелания, и по его внезапному смущению и растерянному ответу видно было, как глубоко он тронут. И поздравления остальных он принял не столь спокойно, как можно было предположить по его тону, когда он сообщил о своей женитьбе. Ори Тэск показал себя с наилучшей стороны, искренне и мужественно выказав свое дружеское чувство.

Этот инцидент, а также рассказы о новостях из Спрэга и о подробностях охоты отняли столько времени, что отряд Хэднолла еще не скоро приступил к работе над добытыми за день шкурами и не скоро улегся спать.

На следующее утро Хэднолл поручил всем членам своего отряда, отправляющимся на охоту, присматриваться к новым лагерям и расспрашивать повсюду о Рэндолле Джэтте.

— Том, мы все не можем надолго бросить работу, но все-таки сможем уделять поискам некоторое время, — сказал он. — Перевозить шкуры на повозке буду я, а вы пока можете проехаться по обоим берегам реки. Я уверен, что мы скоро разыщем Милли.

— А потом что? — спросил Том, глубоко взволнованный его уверенностью.

— Это уж предоставьте мне, — сурово вставил Пилчэк, и Том почувствовал что-то недоговоренное в словах разведчика.

Но прошло несколько дней, а никаких следов отряда Джэтта так и не обнаружилось. Некоторые из отряда Хэднолла проехали миль десять вверх и вниз по реке, по западному берегу, но лагеря с тремя повозками не нашли.

— Я уверен, что Джэтт где-нибудь на берегу, — утверждал Пилчэк. — Тут повсюду разбросаны охотничьи отряды, и шкур достаточно для него.

— Что же мне делать? — настойчиво спрашивал Том.

— Вы можете заняться поисками как следует, — ответил разведчик. — Они займут пару дней. Поезжайте вниз по берегу реки миль около двадцати, затем переправьтесь через реку и возвращайтесь по другому берегу. Если никаких результатов не будет, то съездите таким же образом вверх по реке, заодно расспрашивайте об индейцах и зорко присматривайтесь ко всему, что вызовет ваши подозрения.

На следующее утро Том оседлал Дести и, хорошо вооруженный, с небольшим запасом пищи и подозрной трубой, отправился в разведывательную поездку. Двое суток он ездил по берегам реки, не нашел того, чего искал, и с тяжелым сердцем возвращался в лагерь Хэднолла. День уже подходил к концу, но все-таки было еще слишком рано, и Том удивился, увидев своих товарищей в лагере. Там находились и другие охотники, — они стояли кучкой и оживленно беседовали. Том погнал свою лошадь рысью, а затем вскачь, он почувствовал, что что-то произошло в его отсутствие. В груди у него похолодело. Достигнув лагеря, он спрыгнул с седла.

Ори Тэск, ближе всех стоявший к Тому, направившемуся к группе охотников, плакал. Растерянный Дэнн сидел рядом с ним. Бэрн Хэднолл закрыл лицо руками. Стронгхэрл и Пилчэк беседовали с группой человек в семь или восемь, среди которых Том знал охотников из соседних лагерей. Обращало на себя внимание, что все были с ружьями. Поражало лицо Пилчэка — суровое,

холодное, замкнутое, с тонкими сжатыми губами и с узкими, прищуренными глазами.

— Что... случилось? — задыхаясь, воскликнул Том.

Бэрн Хэднолл поднял лицо, выражение которого Том никогда не мог забыть.

— Отец убит индейцами.

— Господи, не может быть! — в отчаянии крикнул Том.

— Я видел, как его убили... и едва спасся сам... — проговорил Бэрн, и в голосе его слышалось глубокое страдание.

— Как? Когда? Где? — быстро спрашивал Том, потрясенный до глубины души.

— Это все неосторожность отца. Если бы он только послушался Пилчэка... Все случилось часа два назад. Я находился в четырех или в пяти милях к западу отсюда, когда увидел нескольких индейцев. Они скакали прямо на нас. Я сдирал шкуру с бизона и укрылся за тушу. Отец находился на расстоянии четверти мили, объезжал кругом небольшое стадо, непрерывно стреляя, и ничего не видел, кроме бизонов. Я кричал изо всех сил. Но напрасно. Он не услышал. Я вскочил в седло и решил поскакать ему на помощь, как вдруг увидел, что уже слишком поздно. Индейцы неслись, как вихрь. Они набросились на отца. Я видел струйки дыма и слышал выстрелы. Отец свалился с лошади. Тогда индейцы окружили его, стреляли, вопили, скакали, как голые размалеванные дьяволы... Затем они бросились в лес, около которого он лежал. Некоторые из них спешили; другие подъехали к повозке и к лошадям. Эти индейцы заметили меня и погнались за мной. Мне пришлось лететь во весь опор, и они гнались за мной чуть не до самого лагеря... Том, я знаю теперь, что значит свист пуль...

— Он там... на равнине... убитый?.. — спросил Том.

— Это так же несомненно, как смерть, — торжественно и печально ответил Бэрн. — Кто расскажет об этом матери и Сэлли?

— Но мы... должны поехать... посмотреть... найти его...

— Об этом позаботится Пилчэк, Том, — сказал Бэрн. — Он говорит, что эти индейцы — команчи, и

их было довольно много. Мы подождем до утра, несколько отрядов соберутся вместе, и тогда поедem и похороним отца.

Том был потрясен. Катастрофа, которую так настойчиво предсказывал Пилчэк и от которой предостерегал его владелец склада в Спрэге, наконец разразилась. Великолепный, симпатичный, добродушный Хэднолл убит.

Горько было сознавать это. Когда предупреждают о таком событии, то не придаешь этому значения, но когда оно происходит, то это производит гнетущее впечатление...

— Поторопитесь отужинать засветло, — сказал подошедший Пилчэк. — Не надо разводить костра сегодня ночью. Я думаю, что опасности нападения нет никакой, но необходимо выставить сторожевые посты, чтобы не подвергаться никакому риску.

Работы по лагерю шли своим чередом, и Том помогал Дэнну и Ори Тэску. Остальные охотники разъехались, заверив, что ночью они будут охранять свои лагеря, а вернутся обратно утром.

— Старуэлл, мы составим дальнейший план действий после того, как похороним Хэднолла, — сказал разведчик.

— План может быть только один, — ответил тот, худой, смуглый, сильный на вид человек. — Мы, охотники, должны собраться вместе и проследить этих команчей.

— Вы правы, Стар, — сурово сказал Пилчэк. — Но это не так просто. Уверяю вас, что убийства Хэднолла вполне достаточно с этих краснокожих. Они удрали наверняка уже в Стэкед Плэнс. А нам теперь надо организоваться. Если есть адское место на земле, так это Стэкед Плэнс.

Ужин без оживляющего присутствия Хэднолла прошел тоскливо, и то, что он лежал мертвый, наверное, изуродованный, там, в прерии, казалось чудовищным Тому. Он не мог есть. Он бродил вокруг лагеря, и мало-помалу за ужасом этого несчастья стало вырисовываться что-то в уме его, постепенно переходил он от потрясения к непреложному выводу. Но не следовало рассказывать Пилчэку о том, что творилось в его душе.

Том стоял на страже вместе с Стронгхэрлом в первую смену, и протяжный зловеющий вой степного волка ночью имел теперь для них новое значение. Дикий Запад впервые показал свои зубы.

Глава X

На утро Пилчэк рано поднял всех. Когда Том вышел из палатки, костер ярко пылал, и с востока донесся глухой раскат грома.

— Надвигается гроза, — сказал он разведчику, приготавливавшему завтрак.

— Гроза может быть, но не с громом и молнией, — ответил Пилчэк. — Шум, который вы слышите, незнаком вам. Это бизоны бегут в панике.

— Вот как?.. Это похоже на раскаты грома.

— Да, мы старые охотники говорим: стадо бежит, как гром гремит. Но убегает не главное стадо. Что-то напугало бизонов; вероятнее всего, испугнули их индейцы. Животные целый час бегут на юг. Бизонов здесь, оказывается, гораздо больше, чем я предполагал.

— Верно, когда я объезжал берега и реку, видел, что бизоны рассеяны на расстоянии десятков миль, — сказал Том.

— Я чувствую запах дыма, и должен сказать, Доон, что все это мне не нравится. Если главное стадо побежит в панике, то беда! Я предпочел бы тогда забраться на верхушку горы в Стэкед Плэнс. Хотя все равно мы попадем туда.

— Вы хотите преследовать и нагнать команчей? — спросил Том.

— Это просто необходимо сделать, если мы хотим продолжать спокойно охотиться.

Бэрн Хэднолл подошел к костру с измученным, страдальческим лицом; но теперь он был спокоен. Он позавтракал, как всегда, и принялся за обычную работу. Вскоре к лагерю подъехал Старуэлл со своими товарищами, все они были великолепно вооружены, и вид у них был весьма решительный.

— Джюд, что вы думаете об этом паническом бегстве бизонов? — спросил он, поздоровавшись.

— Особенного значения я этому не придаю, но мне это не нравится. После похорон Хэднолла мы посоветуемся, что предпринять, — сказал Пилчэк. — К этому времени, я думаю, здесь соберется много охотников.

— Харди проехал двадцать миль вниз по реке и вернулся сегодня поздно ночью. Он говорит, что все отряды вышлют сюда своих представителей.

— Отлично. Лошади у нас всю ночь паслись на привязи, и оседлаем мы их мгновенно.

Бэрн поехал во главе группы всадников на юг к месту вчерашней трагедии. Утро выдалось жаркое. Равнина за рекой скрывалась за облаками пыли. Топот бегущего стада, похожий на раскаты грома, замер вдали.

Приблизительно через полчаса всадники увидели на равнине ряд темных точек, к ним и направился Бэрн Хэднолл. Это были убитые и не ободранные бизоны. Затем Бэрн остановился около первой туши полуободранного бизона.

— Я был здесь, когда индейцы показались из-за того холма, — сдавленным голосом сказал Бэрн. — Отец, должно быть, лежит там. Он указал вдаль, где на траве валялись темные мохнатые туши убитых бизонов, и поскакал туда. Теперь впереди всех оказался Пилчэк. Своими зоркими глазами он, несомненно, увидел тело Хэднолла, ибо, обогнав Бэрна, он сказал:

— Думаю, будет благоразумнее для вас не смотреть на него.

Бэрн не ответил и продолжал скакать прежним аллюром. Пилчэк ехал впереди, и Старуэлл нагнал его. Всадники рассыпались, некоторые погнались за своими лошадьми, другие придержали их. Передние спешили.

— Путь кто-нибудь задержит Бэрна, — крикнул Пилчэк. Но хотя несколько всадников, и в том числе Том, старались удержать Бэрна, остановить его нельзя было. Он не хотел последним увидеть останки отца.

— Безусловно, это дело рук команчей, — резко заявил Пилчэк.

Огромное тело Хэднолла лежало полуобнаженное, обезображенное и чудовищное. Судя по многочисленным ранам, оно все было изрешечено пулями. С черепа была совершенно содрана кожа с волосами, лицо изрублено, живот вспорот, и из этой глубокой раны торчал засунутый туда кусок бизоньего жира. Все охотники, молча,

смотрели на это страшное зрелище. У Бэрна Хэднолла вырвался стон.

— Уведите его, — распорядился Пилчэк. Затем, после того как несколько охотников отвели в сторону потрясенного и взволнованного сына, разведчик прибавил: — Какой упрямый! Он все-таки посмотрел. Но, право, хорошо было бы показать такое зрелище всем новичкам... Теперь я погляжу, не видно ли поблизости команчей, а вы похороните бедного Хэднолла. Потропитесь, так как я нисколько не удивлюсь, если краснокожие внезапно покажутся вон из-за того холма.

Киркой и лопатой вырыли глубокую могилу и опустили туда тело Хэднолла, завернутое в одеяло. Затем засыпали яму землей и крепко утрамбовали. Так беспечного, веселого, добродушного Хэднолла похоронили в незаметной могиле в прерии, со всех сторон обвеваемой ветрами.

Пилчэк обнаружил следы повозки и следы команчей, направившихся прямо в Стэкед Плэнс.

— Так мы и предполагали, Стар, — заявил разведчик.

— Да, — ответил Старуэлл. — Они похитили повозку, лошадей, ружье, шкуры, — все, что было здесь у Хэднолла.

— Думаю, что мы еще сегодня услышим кое-что об этой шайке. Индейцев было вероятно человек пятьдесят, и они обыкновенно совершают молниеносные набеги в нескольких местах сразу.

— Джюд, по-моему, они не должны были увозить с собою повозку, если намеревались совершить еще набег, — сказал Старуэлл.

— Признаюсь, вы правы. Однако, нам следует поспешить обратно в лагерь.

Больше тридцати охотников, представителей ближайших отрядов, собрались в лагере, когда всадники вернулись, исполнив свой печальный долг.

Все жадно расспрашивали о последних событиях, а некоторые и сами поделились новостями. Один из охотников, седой старик, решительно заявил:

— Клянусь, нам необходимо пока оставить в покое бизонов и заняться индейцами.

Это мнение, несомненно, преобладало.

— Прежде чем говорить об организации, послушаем, что произошло за это время, — сказал Пилчэк.

Охотники сгруппировались в тени деревьев. Разведчик кратко рассказал, в каких условиях был убит Хэднолл, и добавил, что свои выводы и планы он изложит чуть позже. Затем он стал по очереди расспрашивать всех приезжих охотников.

Лагерь Рэсбона, расположенный в тридцати милях к западу, был сожжен команчами, повозки и лошади уведены, а люди едва спаслись. Это произошло третьего дня. Стоянка двух охотников, имена которых были неизвестны, подверглась нападению индейцев, по-видимому, из той же шайки, пока охотники были на охоте. Вернувшись, они нашли все разрушенным и разбросанным; повозки, шкуры, палатки, амуниция и упряжь пропали. Эти охотники поспешили уехать туда, где расположены главные лагеря.

Один из приехавших с низовья реки сообщил, что группа всадников, наверное, индейцев, подожгла траву прерии в различных местах, на далеком расстоянии друг от друга, обратив таким образом в паническое бегство несколько стад бизонов.

Большинство представителей с верховья реки не сообщили ничего примечательного, кроме того, что заметно некоторое возбужденное состояние главного стада. Потом встал худощавый человек, не знакомый группе Пилчэка, и заявил:

— Я могу кое-что рассказать. Мое имя Робертс. Я из отряда Сол Уайта с той стороны реки. Сегодня утром началось паническое бегство бизонов на нашем берегу, и меня послали на разведку. Я переправился через реку в двух милях отсюда. Я не знаю эту реку и выбрал неважное место для переправы. И вдруг попал в лагерь, который был так искусно скрыт, что я даже не сразу заметил его. Но я почувствовал запах дыма и, подойдя, увидел горящие палатки, повозки и шкуры. Там валялись два обнаженных скальпированных трупа, и из животов у них торчали воткнутые туда сучья. Я поспешил сюда, чтобы найти кого-нибудь и рассказать об этом.

— Я хотел бы осмотреть этот лагерь, — сказал, поспешно поднимаясь, Пилчэк. — Кто желает, поедем со

мною, остальные оставайтесь здесь. Стар, я хотел бы, чтобы вы поехали. Робертс, поезжайте впереди и укажите нам дорогу.

Том предпочел остаться, он чувствовал, что с него довольно того ужасного зрелища, которое он уже видел. Бэрн Хэднолл тоже отказался ехать. Но Ори Тэск воспользовался предложением и поехал вместе с Пилчэком. Том постарался найти работу, чтобы отвлечь свои мысли от трагического конца Хэднолла и от предстоящего преследования индейцев.

Пилчэк со своими спутниками так долго не возвращались, что приезжие охотники разъехались по своим лагерям, обещав опять приехать завтра.

К середине дня разведчики вернулись из-за реки. Пилчэк был весь мокрый и грязный, и настроение у него, если и изменилось, то стало еще угрюмее и озлобленнее.

— Доон, я человек резкий и прямой, и потому соберитесь с духом и не нервничайте, — сказал он, пронизывая Тома своими прищуренными глазами.

— Что... вы хотите сказать? — спросил Том, чувствуя внезапный страх. Изумленный, растерянный, он не мог ни на чем сосредоточиться.

— Лагерь, в который привел меня Робертс, — лагерь Джэтта. Но я думаю, что Джэтт с девушкой спасся, — сообщил Пилчэк.

Земля, казалось, заколебалась под Томом; ноги его подкосились, и он опустился на пень.

— Не смотрите так, — сурово сказал Пилчэк. — Я говорю вам, что девушка убежала. Старуэлл думает, что индейцы увели ее с собой, но я уверен, что он ошибается.

— Джэтт! Милли! — едва мог выговорить Том.

— Успокойтесь, придите в себя. Держитесь как подобает мужчине, — сказал Пилчэк сочувственным тоном. — Вы говорили о том, что ваша невеста вывесит красный шарф в том месте, где будет находиться, и это будет условным знаком для вас. Узнаете вы это?

Он вытащил и показал ему грязный, испачканный красный шарф.

Дрожащими руками Том взял его.

— Это шар Милли, — еле слышно произнес он.

— Я так и думал. Нам и не нужно было этого доказательства, чтобы узнать лагерь Джэтта. Люди, на трупы

которых натолкнулся Робертс, принадлежат к отряду Джэтта. Я узнал маленького рыжего возницу, а другой был Фоллонсби. Имя его я слышал в Спрэге.

Тут Том, наконец, нашел в себе силы попросить Пилчэка рассказать ему все подробно.

— Дело запутанное, — сказал разведчик, усаживаясь и вытирая потное лицо. — Посмотрите на мои сапоги. Я чуть не потонул, черт возьми. Лагерь у Джэтта был в таком месте, куда никогда не попали бы ни индейцы, ни охотники, если бы только они не сделали того же самого, что Робертс. Перейти реку в этом месте! Это случайность!.. Доон, этот Джэтт вор и грабитель, он похищал шкуры, и в отряде у него были подозрительные люди. Команчи уничтожили его лагерь, та же шайка, которая убила Хэднолла, это точно! Но я предполагаю, что Джэтт удрал в повозке еще до появления индейцев. Фоллонсби и другой парень были убиты до того, как туда явились индейцы. Они застрелены из игольчатого ружья, я готов биться об заклад, что у команчей нет игольчатых ружей. Так или иначе, они были скальпированы и изуродованы, и из выпоротых животов у них торчали сучья. Старуэлл согласен со мной, что этих людей убили раньше, за день или за ночь до нападения индейцев.

— Так значит... Джэтт... убежал? — запинаясь, спросил Том.

— Думаю, что убежал. Я видел отчетливые следы колес и маленькие следы ног Милли на песке, как раз там, где она садилась в повозку. Следы колес вели на северо-восток, в сторону от реки, так, чтобы можно было объехать с востока эти охотничьи лагеря. У Джэтта был тяжелый груз, так как следы колес врезались глубоко в почву. К его повозке были привязаны оседланные лошади.

— Где вы нашли шарф Милли? — вдруг спросил Том.

— Он был привязан сзади к навесу повозки. Часть парусины сгорела. Были там и другие вещи, например, полотенце и передник, они так и висели, как их повесили после употребления.

— Это вещи Милли! — воскликнул Том и весь затрепетал при мысли о том, какое страшное значение эта находка может иметь.

— Вот так обстоят дела. Об остальном, право, трудно догадаться, — продолжал Пилчэк. — Мне неприятно рассказывать вам это, Доон, потому что все выглядит очень подозрительно... Я нашел след окровавленного тела, а может быть, и не только одного, которое тащили к берегу и сбросили в реку. Тут я и вымазался и вымок. Река там глубока, и есть водоворот. Если бы у нас был багор и лодка, мы могли бы обшарить дно реки, но так как у нас их нет, то остается только выжидать. Через несколько дней тела всплывут. Я склоняюсь к мысли, что тот, кто убил Фоллонсби и другого, виноват и в кровавых следах, ведущих к реке. Но я не уверен в этом. Старуэлл в некоторых пунктах не согласен со мной. Признаю, что его мнение заслуживает внимания. Что же касается меня, то я твердо уверен только в двух обстоятельствах: там произошла драка, может быть, убийство, и затем кто-то уехал вместе с девушкой. Потом явились команчи, уничтожили лагерь и скальпировали убитых.

— Послушайте, разведчик, — прервал его Робертс, — вы не упомянули один важный факт: индейцы предприняли погоню по следам повозки.

— Ах, я и забыл об этом, — ответил разведчик, отводя глаза от Тома. — Джэтт уехал вовремя, и если он ехал всю ночь...

— Но он не мог предвидеть набега индейцев, — живо перебил его Том.

— Возможно. Как бы то ни было, Джэтт почему-то бежал и скрылся. Он далеко отъедет, прежде чем остановится, — закончил разведчик, упорно готовый надеяться на лучшее.

Это не укрылось от Тома, как и угрюмое выражение худого лица Пилчэка. Том почувствовал мрачное отчаяние. Увезли ли девушку индейцы или Джэтт, — и то и другое казалось одинаково трагичным. Том ушел к себе в палатку, бросился на постель и весь отдался своим мучительным, тревожным переживаниям.

Пилчэк с группой присоединившихся к нему охотников решили сразу же выступить против команчей.

Они объехали все лагерь в южном направлении и набрали еще двадцать семь добровольцев, готовых следовать за Пилчэком до конца. Среди них оказались дружески расположенный к Пилчэку индеец-проводник Медвежья

Лапа и разведчик-мексиканец, славившийся тем, что знал каждую тропинку и каждый ручеек в дикой области Стэкед Плэнс.

Но Пилчэку, ободренному своим успешным призывом к охотникам, пришлось затем разочароваться: к его огорчению, из ста охотников, согласившихся сначала принять участие в походе, семьдесят пять отказались. Многие из них снова принялись за охоту на бизонов, не обращая внимания на опасность, руководимые только эгоистическими побуждениями. Конечно, это не только помешало Пилчэку сейчас же начать поход, но и испортило ему настроение.

Лагерь Хэднолла стал теперь местом свидания двадцати-тридцати отрядов, большинство которых обмануло ожидания разведчика. На последнем совещании охотников, где Пилчэку не удалось убедить большую часть собравшихся следовать за ним, он в сердцах бросил к ним язвительный упрек:

— Я могу сказать только, что вы намереваетесь прятаться и зарабатывать деньги, в то время как мы будем драться и защищать вас.

Одним из отказавшихся был молодой парень по фамилии Косгров, пьяница и крикун, с которым у Доона произошла ссора.

Том стал верным и неутомимым соратником Пилчэка как из преданности самому делу, так и из желания нагнать команчей, которые, как он был теперь уверен, убили или увезли Милли. Несомненных доказательств бегства или смерти Джэтта не было найдено, но различные неясные слухи и еще несколько разграбленных лагерей к северу отняли, наконец, у него последние остатки надежды.

Поэтому Том не был склонен к терпимости, особенно при появлении алчности и эгоизма некоторых охотников.

Косгров громче, чем обычно, выражал свое мнение:

— К дьяволу индейцев, — сказал он. — Я предпочитаю по-прежнему охотиться на бизонов. Какое мне дело до тех, кто намерен гоняться за дикарями.

— Косгров, вы-то нам не нужны, это точно, — насмешливо заметил Том.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил тот, и красное, одутловатое лицо его исказилось. Он вызываю-

ще посмотрел на Тома. Присутствующие были заняты своими мыслями или не обратили внимания на их перепалку.

— Я хочу сказать, что нам не нужны такие парни, как вы, — ответил Том.

— А почему нет! Разве Пилчэк не звал меня сюда?

— Конечно. Он созвал сюда около ста человек, но многие из них, как и вы, испугались!

— Что?! — яростно рявкнул Косгров.

— Мы обойдемся без таких трусов, как вы, — ответил Том, осторожно поднявшись, готовый ринуться вперед.

— Вы — лжец! — завопил Косгров, угрожающе шагнул к нему.

Том сшиб его с ног ударом кулака. Тогда Косгров, отчаянно ругаясь, встал на колени и схватился за ружье, все отпрянули в стороны — все, кроме Пилчэка, который вышиб наведенное ружье из рук Косгорова и далеко отбросил его.

— Эй, вы, — сурово крикнул разведчик, — рискованно хвататься так за оружие. Советую вам успокоиться.

— Зачем же? — звучным голосом заявил Том. — Пусть берет свое ружье.

Пилчэк обернулся и увидел, что Том стоит, выпрямившись, с ружьем в руке.

— Ты, молодой петух! — удивленно и недовольно крикнул Пилчэк. — Оставь ружье и живо отправляйся в лагерь.

Так дикая, жестокая атмосфера охоты на бизонов наложила, в конце концов, печать на Тома Доона.

Инцидент этот имел печальные последствия, хотя на Тома Доона он не произвел большого впечатления.

Один из ближайших помощников Пилчэка техасец Харкэуэй слыл опасным в ссорах. Он присутствовал, когда Том сшиб с ног Косгорова, и затем счел себя обиженным словами некоего Хэрда, принадлежавшего к тому же отряду, что и Косгров. Узнали об этом только на следующий день. Хэрд высказался против похода, предложенного Пилчэком, что вызвало резкую отповедь Харкэуэя. Присутствующие разняли их, но затем оба они

встретились опять в лагере Старуэлла. Хэрд был пьян, а Харкэуэй не уклонялся от ссоры. Хэрд снова начал насмеяться над планом Пилчэка. На это Харкэуэй ответил, во-первых, резким обвинением тех охотников, которые готовы возложить на отряд Пилчэка всю тяжесть борьбы с индейцами, а, во-вторых, презрительными эпитетами, обращенными к самому Хэрду. Тогда тот, как рассказывали, выстрелил в Харкэуэя из-за спин присутствующих. Затем последовала свалка, во время которой техасец застрелил Хэрда и ранил одного из его приятелей. Эти кровавые столкновения, слух о которых моментально распространился по всем лагерям, сильно обострили вопрос и разделили охотников этой местности на две партии. Оказалось, что большинство на стороне таких людей, как Хэрд и Косгров.

В поход с Пилчэком решили отправиться около пятидесяти человек и почти столько же осталось для охраны лагерей и шкур. Оставшиеся решили продолжать охоту на бизонов, но только на определенном расстоянии от лагерей и всегда на виду у разведчиков, разъезжающих по прерии и зорко наблюдающих, чтобы не произошло какой-нибудь неожиданности. Около двадцати отрядов, численностью приблизительно в семьдесят пять человек, которые не решились ни выступить против индейцев, ни остаться в своих лагерях, уехали в форт Эллиот и в Спрэг, чтобы выждать там, пока прекратятся набеги индейцев.

Глава XI

Отряд Пилчэка состоял из пятидесяти двух человек, большинство которых было вооружено обычными охотничьими ружьями. Каждый имел по крайней мере по двести патронов. Четыре повозки со съестными припасами, палатками, овсом для лошадей и необходимыми санитарными принадлежностями поручили заботам четырех опытных возниц.

Отряд разделили на три группы — одну в двадцать человек под командой Пилчэка и две по шестнадцать человек в каждой под командой бывалых охотников. Так удобнее было располагаться лагерем, и получались три готовые боевые единицы.

Том Доон находился в группе Пилчэка вместе с Стронгхэрлом, Бэрном Хэдноллом, Ори Тэском, Старуэллом, Харкэуэем, Медвежим Когтем и другими, знакомыми Тому охотниками, которых насчитывалось человек десять, угрюмых, молчаливых, опытных, страшных в бою.

Пилчэк, Медвежий Коготь, Старуэлл и Том составляли авангард, ехавший на две мили впереди остальных всадников. У обоих разведчиков и у Старуэлла имелись мощные подзорные трубы. Арьергард составляли три отборных охотника под командой Харкэуэя. Путь держали прямо на Сэкед Плэнс и делали по пятидесяти миль в день. На ночь выставляли сильный караул.

На четвертый день экспедиция достигла восточной части Стэкед Плэнс, и разведчик-мексиканец прямо повел ее к тому месту, где недавно находилась обширная стоянка команчей. Индейцы снялись только несколько дней тому назад, несомненно, проведая о походе против них. Тут же были найдены следы повозки Хэднолла. Так как было уже поздно, то здесь и устроили стоянку для всех трех групп. Когда стемнело, поужинали, привязали лошадей, выставили караул, и Пилчэк стал совещаться с разведчиками и с наиболее опытными охотниками. Было решено остаться в этом лагере и на завтра и выслать несколько человек на разведку с целью обнаружения местопребывания команчей.

На следующий день разведчик-мексиканец вернулся с известием, что отыскал главную стоянку индейцев. Он был на разведке один. Медвежий Коготь и Пилчэк, которые пытались проехать по следам повозки Хэднолла, потеряли их. По сообщению мексиканца, большой отряд индейцев расположился лагерем в тростниках, и их лазутчики, несомненно, заметили его.

На другой день после основательной рекогносцировки это подтвердилось. Индейцы в таком большом числе, что у них насчитывалось не менее сотни лошадей, поспешно снялись со своей стоянки в тростниках, поднялись на равнину и рассыпались в различных направлениях. Следы на равнине прерывались в нескольких местах, но Медвежий Коготь не обращал на них никакого внимания. Мексиканец ехал рядом с ним, и они внимательно всматривались в еле видные следы на не заросшей травой почве. Наутро охотники перенесли свой лагерь на десять миль к западу, в пустынное место, неподалеку оттуда, где Медвежий Ко-

гооть прекратил поиски следов накануне ночью. В этот день индеец потерял след команчей, ибо след этот, на всем своем протяжении еле видимый, в конце концов совершенно исчез. Три дня поисков на большом расстоянии от лагеря не привели ни к чему, и лагерь пришлось перенести снова, на этот раз по указанию индейца, в дикую скалистую местность.

— Думаю, имеет смысл больше полагаться на наши подзорные трубы, чтобы обнаружить их раньше, чем они заметят нас, — сказал Пилчэк.

Когда на следующее утро солнце только что поднялось и сумрак рассеялся, Пилчэк уже стоял с обоими разведчиками и несколькими охотниками на вершине голой скалы.

Далеко во все стороны простирались извилистые гряды серых скал, как огромное взбаламученное море, пустынное, однообразное. То тут, то там виднелась чахлая верхушка кедра, но большею частью никакой растительности не было среди этой почти сплошь каменистой местности. Белые невооруженным глазом могли только видеть волнующую красоту этого пейзажа, но не могли разобраться в расстоянии, в размерах и в окраске. Пилчэк долго глядел в свою подзорную трубу.

— Я уверен, что все эти извилистые проходы ведут туда, вниз, к большой дороге в тростниках, — сказал он, передавая трубу Старуэллу.

— Я согласен с вами и бьюсь об заклад, что команчи там, — ответил Старуэлл, в свою очередь передавая трубу ближайшему соседу.

Том долго смотрел на это великолепное дикое нагромождение скал, и волнение охватило его.

Рядом с Томом застыл Медвежий Коготь, и так неподвижна, так напряжена была его поза, когда он смотрел своими темными, пронизывающими глазами вдаль, что Том с изумлением и страхом почувствовал, что движется какое-то важное, потрясающее событие. Пилчэк тоже заметил это, ибо, стоя за индейцем, не сводил с него глаз.

Медвежий Коготь ростом был шести футов, гибкий, худой, стройный и было в его облике что-то орлиное. На его бронзовом бесстрастном лице виднелись следы раскраски. Вокруг шеи висело ожерелье из медвежьих когтей, откуда и произошло его прозвище. Из закрученного пуч-

ка волос на макушке торчали перья какой-то птицы, на руках блестели стальные браслеты. Он был весь обнажен, и только бедра были обмотаны куском материи, украшенной бусами.

— Мне! — хрипло пробормотал он, протягивая руку к трубе Пилчэка, не отрывая глаз от того, что привлекало его внимание. Обеими руками поднес он трубу к глазам.

— Уу! — тотчас воскликнул он.

В этот момент напряженное возбуждение наблюдающих достигло высшего предела. Пилчэк сдержал нетерпеливого Старуэлла. Том почувствовал, как холодная дрожь пробежала по его телу, а когда индеец пробормотал: «Команчи!» — его бросило в жар. Он подумал о Милли.

Медвежий Коготь крепко держал трубу и, отодвинувшись от стекла, указал Пилчэку, на какое место стать. Он старался не сдвинуть трубы, чтобы разведчику было видно как раз то, что привлекло его внимание.

Пилчэк впился глазами в трубу, которая слегка дрожала, а затем постепенно замерла неподвижно в его руке. Наблюдающим это, очевидно, казалось вечностью. Наконец, он сказал:

— Клянусь, он прав. Я различаю... Индейцы там, среди тростников... Старуэлл, посмотрите... Направьте сюда, вон на тот ближайший обломок скалы; он на одной линии с тем высоким красноватым утесом; ищите у самой подошвы его.

Теперь и остальные взялись за подозрительные трубы, и многим охотникам удалось заметить команчей раньше, чем они скрылись.

Тут же устроили совещание. Расстояние до индейцев равнялось приблизительно десяти милям, и казалось невероятным, что Медвежий Коготь смог различить что-то, что заставило его взять трубу и проверить поразительную остроту своего зрения. Разведчик-мексиканец знал топографию этой дикой скалистой местности и обещал к раннему утру следующего дня провести отряд Пилчэка близко к тому месту, где находились команчи. После этого охотники спустились с вершины и вернулись в лагерь. Пилчэк взял с собою разведчиков, поручив им надежно отыскать скрытое место среди тростников, где можно было бы оставить повозки и лошадей под незначительной

охраной. Такое место они очень удачно нашли в нескольких милях по направлению к стоянке индейцев.

В предрассветных сумерках сорок человек выехали из лагеря, следуя за мексиканцем и Пилчэком. Все молчали. Топот лошадей звучал глухо и был неслышен даже на небольшом расстоянии. Ехали они то шагом, то рысью, в зависимости от свойства почвы. Спешившись среди густых кустарников, где можно было привязать лошадей, Пилчэк оставил двух человек на страже, а остальных повел пешком следом за мексиканцем.

Не прошли они и четверти мили, как мексиканец шепнул что-то и опустился на четвереньки. Пилчэк и остальные, по двое, по трое в ряд, следовали вплотную за ним. То, что мексиканец полз очень медленно и не производил абсолютно никакого шума, заставило и остальных продвигаться неслышно. Нервы у всех напряглись. Никогда Том, пожалуй, не испытывал такого напряжения. Прямо перед ним расстилалась неведомая земля, которую ни он, ни его белые товарищи никогда не видели, и она таила в себе опасность, с которой придется встретиться лицом к лицу.

Том, считая, что слишком шуршит травой и скребет твердую землю, старался напрягать и зрение, и мускулы, чтоб ползти неслышно. Внезапно Пилчэк шепнул: «Тсс!..» и все замерли.

Том с изумлением увидел перед собой отлогий спуск в какой-то обширный овраг, заросший травой. Посередине оврага протекал ручей, и его тихое журчанье было единственным звуком, нарушавшим тишину утра. Сотни индейских малорослых лошадей паслись, стояли или лежали на этом своеобразном лугу. Ни одного индейца не было видно. Но так как свет наступающего дня был еще серый и тусклый, то никакой уверенности в этом не могло быть. Пилчэк приподнялся, выглянул из-за скалы и осмотрел расположение лагеря, узкие тропинки среди тростников и подступы к спуску со своей стороны. Затем он снова опустился на землю и обратился к своему отряду:

— Если мы останемся здесь, наверху, то окажемся в наивыгоднейшем положении во время боя, — внушительно прошептал он. — Старуэлл, возьмите человек десять и отползните немного правее, затем поверните вниз к тому месту, куда подходит тростник. Харкэуэй, возьмите тоже десять человек и спуститесь тем же путем,

займите позицию левее нас. Продвигайтесь медленно. Без всякого шума. Не вставайте. Тогда нам будут видны позиции друг друга, и мы сможем наблюдать за всей местностью, кроме отдаленной части зарослей тростника. Это большой лагерь — здесь человек двести индейцев, а может и больше, если они с семьями. А я полагаю, что это именно так. Индейцы в таких обстоятельствах сражаются ожесточеннее. Нам предстоит жаркий бой. Но старайтесь по возможности щадить женщин и детей. Вот и все.

С еле слышным шорохом, глубоко затаив дыхание, оба отряда под командой Старуэлла и Харкэуэя поползли обратно между камнями и скрылись из виду. Затем снова воцарилась тишина.

— Уу! — глухо прохрипел Медвежий Коготь. Мускулистой рукой ухватил он Тома за плечо.

Том приподнял голову на несколько дюймов и увидел высокого индейца, который стоял и смотрел на восток, где бледные розовые полосы возвещали о восходе солнца. Том почувствовал, как все тело его вздрогнуло, и кровь закипела. Этот индеец, может быть, один из убийц Хэд-нолла или, возможно, один из напавших на лагерь Джэтта, откуда исчезла Милли Фэйр.

Затем появился другой индеец, потом еще один, затем несколько женщин, и в довольно короткое время весь лагерь ожил. Струи синего дыма лениво поднялись в тихом воздухе. Лошади задвигались кругом. Бесконечным казалось Тому время, пока Харкэуэй и Старуэлл занимали свои позиции. Том удивлялся, почему Пилчэк выжидает так долго. В висках у него стучало; горло пересохло, и в глазах ежеминутно темнело.

— Уу! — воскликнул Медвежий Коготь и на этот раз тронул Пилчэка, повернув его лицом к определенному месту лагеря.

В это мгновенье раздался необычайный, пронзительный, неожиданный и страшный вой, потрясающий и дикий.

— Воинственный клич команчей! — шепнул Пилчэк. — Кто-то из них заметил наших. Подождем! Пусть начнут стрелять. Тогда, может быть, индейцы бросятся туда.

Едва смолк быстрый шепот разведчика, как раскатилось гулкое эхо ружейного выстрела. Он донесся снизу,

из отряда Старуэлла. В одно мгновение в индейском лагере началась невообразимая суматоха, поднялись оглушительные крики, и одновременно раздались резкие, частые выстрелы. Ружейный залп отряда Старуэлла послужил сигналом открыть стрельбу и для Харкэуэя. Струйки белого дыма указывали на местопребывание обоих отрядов. Залп из винчестеров¹ доказал, как поспешно взялись за оружие и индейцы.

Несмотря на запрещение Пилчэка, некоторые из его отряда открыли огонь.

— Ну, что же, если вы не в состоянии ждать. Но стреляйте прицельно! — крикнул он.

Двадцать выстрелов грянуло разом со скалистого откоса. Все охотники заряжали и стреляли, и Тома окружал треск и грохот. Но над всем этим поднимался чудовищный, пронзительный, воинственный клич команчей. Через несколько мгновений оглушительный ружейный треск и вой прекратились, и грохот и шум стали тише. В лагере возник переполох.

Уже передняя линия палаток была объята пламенем, и оттуда поднимались клубы дыма. Сквозь дым было неясно видно, как женщины и дети бежали к противоположному склону оврага. Несколько испуганных лошадей носились с горящими гривами и хвостами, но большая часть была собрана индейцами в одном месте и находилась под их наблюдением. Вскоре сквозь дым можно было различить, как несколько индейцев с женщинами и детьми тащили свои узлы и вели лошадей по противоположному склону.

Команчи оправдали свою репутацию самых смелых и замечательных наездников прерии. Под огнем охотников некоторые из них, полуобнаженные, с криком, держа в руке ружья, поскакали на неоседланных лошадях, неустрашимые и стремительные, прямо к тропинке в тростниках.

Том видел, как индейцы стремглав падали на землю, видел, как лошади оступались и сбрасывали седоков. И он видел также, как индейцы вихрем пронеслись под залпами охотников и исчезали в тростниках.

¹ Винчестер — название магазинных (позже автоматических) винтовок, выпускавшихся с середины XIX века одноименной американской фирмой. Наибольшее распространение получили нарезные охотничьи ружья этой фирмы.

Затем Том заметил сквозь дым пламя внизу, в лагере, белые струйки ружейного дыма, поднимавшиеся из-за камней и деревьев, всюду, где можно спрятаться, и притаившиеся, ничком лежащие фигуры индейцев. Пули свистели над головой Тома и ударялись в скалу по обе стороны от него. Стреляли команчи, в большом количестве оставшиеся в лагере.

— Ребята, — заявил Пилчэк, — нам нужно выбираться отсюда и подняться выше. Рассыпайтесь по сторонам, ползите на животе и старайтесь укрываться за камнями.

И началось отступление, связанное с большим риском. Пули винчестеров ударялись о скалы, и белая пыль носилась в воздухе.

Том старался не отставать от Медвежьего Когтя, но это оказалось невозможным. Индеец полз, извиваясь, как змея. Пилчэк тоже скользил по земле замечательно ловко при его крупном телосложении. Остальные ползли быстро или медленно, в зависимости от своих способностей. И отряд, до того державшийся кучно, постепенно рассредоточился. От позиции, оставленной охотниками, до вершины подъема было около двухсот ярдов. Тому это отступление ползком казалось бесконечным и невыносимым. Но он понимал, насколько это было необходимо. Кто-то полз за Томом с большими усилиями, тяжело дыша. Это был Ори Тэск. Он был жирен и толст, и потому напряжение это было ему почти не под силу, и он подвергался большой опасности. Робертс полз немного слева от Тома, и тоже медленно. Справа место Пилчэка занял старый седой охотник Кэлкинс. Остальные находились выше и быстро исчезали из виду. Из-за камня рядом с Томом вылетела пуля и прожужжала в воздухе. Другая зарылась в землю прямо перед ним, осыпав ему лицо пылью и песком. Пули со свистом проносились низко, прямо над камнями. Кэлкинс шепотом передал находившимся сзади распоряжение Пилчэка поторопиться.

Том полз, прижавшись к земле, таща за собою тяжелое ружье, и не мог двигаться скорее. Он был весь покрыт горячим потом, но ледяной холод пронизывал его, и треск винчестеров производил на него впечатление какого-то чудовищного кошмара.

— Доон, — вдруг окликнул его Робертс, — парень сзади вас ранен.

Том оглянулся. Ори Тэск лежал, уткнувшись лицом в землю. Жирное тело его вздрагивало.

— Ори! Ори! Вы ранены? — шепнул Том.

— Пустяки, — простонал тот, поднимая бледное лицо. Он был все в той же широкополой шляпе, и клок волос торчал из дыры на макушке. — Ничего.

— Робертс, помогите мне, — позвал Том и пополз назад к Ори. Робертс тоже вернулся, и они одновременно доползли до раненого.

— Очень вам благодарен, — признательно произнес Ори, когда они подхватили его под руки с обеих сторон.

До этого момента Том был весь во власти совершенно нового для него ощущения. Он был близок к паническому страху, и ему трудно было удержаться, чтобы не броситься бежать. Но несчастье, постигшее Ори, внезапно и круто изменило его настроение. Он овладел собой, и страх его под влиянием сочувствия к товарищу исчез.

— Поташим его, он сам ползти не сможет, — сказал Робертс.

Тогда началось самое мучительное для Тома испытание. Им пришлось ползти и тащить за собой раненого Ори. Том, поддерживая левой рукой руку Ори, а в правой волоча за собой ружье, подвигался вперед толчками. Пули стали теперь свистеть и ударяться с другой стороны, значит, находившиеся и справа команчи тоже заметили ползущих охотников. Вдруг над Томом грянул выстрел из тяжелого охотничьего ружья, затем последовали один за другим еще два выстрела.

— Отлично! Давно... пора... — тяжело дыша, сказал Робертс.

Том почувствовал, что страх оставил его окончательно. Бой был теперь в самом разгаре. Пилчэк, Медвежий Коготь, мексиканец и несколько старых охотников добрались до вершины и открыли огонь по команчам. Это поощрило Тома если не к большим усилиям, что было невозможно, то к большему терпению; Робертс сопел и пыхтел, и худое лицо его было покрыто потом. Ори Тэск мужественно старался сам продвигаться вперед, хотя было очевидно, что он испытывал страшные мучения.

Подъем стал менее крут и гуще усеян большими обломками скал. Том уже не слышал свиста пуль со стороны лагеря. Они летели теперь с обеих сторон, и резкие

залпы винчестеров смешивались с гулкими высрелами из тяжелых охотничьих ружей. Вдали неизменно, хотя и не часто, слышалась стрельба отрядов Старуэлла и Харкэуэя.

Том и Робертс как раз вовремя втащили Тэска на вершину подъема к большим обломкам скал, из-за которых отстреливались Пилчэк с охотниками. Ибо уже в последний момент Том услышал, как свинец глухо ударился о человеческое тело. Левая рука Робертса, при помощи которой он карабкался вверх, подвернулась под ним, — он упал ничком.

— Они... задели... меня... — воскликнул он, оставил Тэска и отполз за скалу.

Том нечеловеческим усилием потащил Ори дальше за длинный низкий выступ, из-за которого стрелял один из охотников. И тут он лишился чувств. Но успел еще услышать, как Ори прочувствованно сказал:

— Очень вам благодарен, Том.

Несколько мгновений Том не слышал и не видел боя. Затем грудь его стала вздыматься, и переутомленное сердце забилось сильнее. Ему казалось, что он уже долго лежит распростертый, совершенно не в состоянии приподнять голову или руку. Но это постепенно прошло. К нему подполз Пилчэк, от которого пахло потом, пылью и порохом.

— Том, вы ранены? — спросил он и потряс его.

— Нет... только... выбился из сил... — тяжело дыша, прошептал Том. — Нам пришлось... тащить Ори... сюда. Он ранен. И Робертс тоже.

— Я посмотрю, что с ними, — сказал разведчик. — Здесь позиция более выгодная. Думаю, что нам удастся отбросить краснокожих. К счастью, Старуэлл и Харкэуэй в тылу у них с обеих сторон. Мы как будто в осаде... Пули летят с запада и с востока. Будьте осторожны и зорко следите за индейцами. Не стреляйте наугад.

Том отполз немного влево и осторожно поместился за длинным плоским камнем, откуда мог выглядывать. Пока он прикидывал, не следует ли ему начать стрелять, он слышал, как Пилчэк хлопочет около раненых, и узнал, что у Робертса прострелена рука, кость не задета, а у Ори Тэска пробито бедро. Том понял, насколько серьезна такая рана здесь, в пустыне.

— Я был бы очень благодарен вам, если бы дали мне глоток воды, — были единственные слова Ори, которые слышал Том.

Пилчэк уполз и не возвращался. Ори Тэск и Робертс лежали у подножья невысокого выступа, это пока была надежная защита от пуль. Но лежали они на солнце, на самом припеке. Повернув голову, Том увидел восемь или десять охотников из отряда Пилчэка, некоторые из-за обломков скал глядели на восток, другие — на запад. Том слышал ругательства и шутки. Ни мексиканца, ни индейца не было видно.

Затем Том выглянул из-за своего прикрытия. На этот раз его быстрый взгляд уловил какое-то движение, как будто кролик проскочил в кустарник. Тотчас же над этим местом мелькнуло что-то красное, и поднялось тонкое синевато-бледное облачко дыма. Пуля задела край скалы и прожужжала дальше. Том от неожиданности отпрянул назад. Зоркий глаз индейца заметил его. Том отполз к другому концу длинного обломка скалы. За ближайшей скалой лежал старый седой охотник, с непокрытой головой, с грязным от пота и табака морщинистым лицом.

— Не волнуйтесь, — сочувственно посоветовал он Тому. — Команчи не смогут выдержать длительного боя. Они — наездники, и все что нам требуется — терпение. В пешем бою мы их одолеем.

Эта уверенность и спокойствие старого охотника казались неправдоподобными, но ободрили Тома. Он нашел позицию, откуда мог обозревать определенный участок скалистой местности без всякого риска для себя. Он как бы смотрел в щель, слишком узкую для того, чтобы неприятель мог заметить его на расстоянии. С этого удобного пункта Том улавливал мелькавшие перед ним оттенки красок, серые, бронзовые, иногда и красные. Но они исчезали, прежде чем он успевал выстрелить.

— Если только увидите, как что-нибудь шевельнется, стреляйте немедля, — сказал старый охотник. — В кого ни попадете, это все равно.

И Том принялся стрелять то как будто в птицу, пролетевшую недалеко, то в блеснувшее где-то перо, то в ответ на ружейный выстрел. Но ни разу не увидел, попал в индейца или нет. Однако казалось странным, что эти быстро мелькавшие движения никогда не

повторялись в одном и том же месте. У Тома создавалось впечатление, что мелькают перед ним увертливые команчи. Это в соединении с треском винчестеров и свистом пуль породило в нем почти такое же настроение, как у старого охотника. Это был настоящий бой, и он принимал в нем участие. Здесь — жизнь, а на дюйм дальше — смерть.

Время летело стремительно для сражающихся. Еще один раненый присоединился к Робертсу и Ори Тэску, но сейчас Том не думал о них, как впрочем, и все остальные сражающиеся. Солнце ярко пылало, камни и ружья раскалились, кругом ни ветерка. А бой продолжался, успешный для охотников в виду их выгодной позиции и в то же время неблагоприятный потому, что он слишком затягивался. Всех их мучила жажда. Случайно или по недосмотру фляжки остались в седлах, и казались им такой же драгоценностью, как порох. Старый охотник проклинал Стэкед Плэнс. У Тома рот был совершенно сух, он сосал камешки, пока не почувствовал тошноту от них.

Миновал полдень, и еще более раскаленное солнце стало склоняться к западу. А бой продолжался, все на более близком расстоянии, все более напряженный, и опасность для обеих сторон все увеличивалась. Отряды Старуэлла и Харкэуэя усилили огонь и направляли его главным образом на лагерь, чтобы помешать команчам, находившимся там, присоединиться к своим товарищам на склоне. Вдали, в различных местах виднелись разбежавшиеся лошади.

К Тому подполз на четвереньках Пилчэк, без ружья и без куртки, плечо было обвязано окровавленной тряпкой.

— Том, я немного оцарапан, — сказал он. — Это не опасно, но чертовски много крови вытекает. Оторви у меня рукав рубашки и перевяжи меня потуже.

Рваная рана от ружейной пули резко выделялась на плече у разведчика; но очевидно, пуля не задела кости.

— Обрати внимание, что эта пуля попала сзади, — сказал Пилчэк. — Тут, с вашей стороны, был краснокожий. Он ранил двоих из наших прежде, чем я уложил его. Так... хорошо... А теперь, как там наши раненые?

— Не знаю. Право, я забыл о них, — испуганно ответил Том.

— Ладно, сам посмотрю.

Он подполз к раненым и заговорил с ними. Том услышал, как ответил Робертс, но Ори Тэск молчал. Это встревожило Тома. Разведчик вернулся.

— Робертс сильно страдает, но он выдержит. А этот молодой парень, боюсь, умирает. Он ранен в пах. Может быть...

— Пилчэк!.. Ори, по-моему, ранен не слишком опасно...

— Нет, опасно, и если мы не достанем воды, он не выдержит и умрет, — уверенно заявил разведчик. — Все мы страдаем от жажды. Слишком жарко. Где у меня была голова, как это я мог забыть фляжки!

— Я схожу за ними, — предложил Том.

— Неплохая мысль, — одобрил Пилчэк, подумав мгновение.

— Думаю, это не более рискованно, чем оставаться здесь.

— Где вы укрыли лошадей?

Разведчик повернулся лицом к югу и вытянул свою длинную руку.

— Посмотрите на этот невысокий утес — не так далеко отсюда — он последний из тех, которые спускаются к озеру. Лошади за ним. Вы не заблудитесь. К счастью, обломки скал, начиная отсюда и дальше, все довольно крупные.

— Я доберусь до них, — решительно заявил Том. — Но как доставить воду сюда — вот, что беспокоит меня.

— Это несложно, идите осторожно и медленно, выбирая наилучшие прикрытия. Когда вы поползете, тут как раз будет еще ряд небольших камней. Думаю, что команчи у нас с флангов, но, может быть, они попытаются окружить нас.

— Больше ничего? — отрывисто спросил Том.

Разведчик, по-видимому, не представлял себе, насколько опасно поручение, взятое на себя Томом. Он ждал этого от Тома, как самого естественного поступка. Он сам сделал бы то же самое, если бы не был теперь почти совершенно неспособен к этому. Том почувствовал, что ни разу в жизни не получал такого лестного поручения. Это вселило отвагу в его сердце. Ощущение легкости, силы, странный трепет и возбуждение охватили его.

— Ничего больше не могу присоветовать, — добавил разведчик. — На обратном пути не торопитесь и не сомневайтесь в исходе сражения. Мы справимся с краснокожими. Уверен, Старуэлл и Харкэуэй действуют энергично. Если не ошибаюсь, немало крови пролили они в тростниках. Команчи великолепные наездники, но они не выдержат упорного боя. Если они бросятся на нас, мы выиграем. Если же они этого не сделают, мы все равно покончим с ними до заката солнца.

Глава XII

Милли Фэйр выехала из Спрэга, сидя между Джэттом и его женой на переднем сиденье повозки. Фоллонсби и Пруайт следовали за ними во второй повозке, а Кэтли в третьей. Пока девушка еще видела жену и дочь Хэднолла, она махала им на прощанье красным шарфом. Когда же друзья ее скрылись из виду, Милли медленно повернулась лицом к беспредельной пустынной прерии, сердце ее заняло, и она вся сникла. То, чего она опасалась, теперь произошло. Мужество, воодушевлявшее ее, когда она писала письмо Тому Доону, было вызвано любовью, а не надеждой, как казалось ей теперь.

— Милли, ты ведешь себя не совсем по-мужски, хотя ты и в мужской одежде, — сказал Джэтт как бы в шутку. — Убирайся в повозку и ложись там.

Столь добродушное отношение со стороны Джэтта было удивительно, и Милли была благодарна ему за это. Она устроилась поудобнее в повозке на не разложенной еще постели. Оказалось, что напускное добродушие Джэтта было только хитростью с целью удалить ее и начать тихую и серьезную беседу с женой. Милли могла бы услышать весь разговор или отрывки его, но ее это не интересовало. Она переживала душевное страдание; она уже привыкла к мысли, что счастье ждет ее в будущем, и теперь не могла смириться с тяжелым и опасным положением, в каком вдруг очутилась.

Проходил час за часом, и казалось, будто глухой, тихий голос Джэтта никогда не замолчит. В полдень Джэтт не сделал остановки, как это было принято среди охотников, и продолжал путь до самого заката.

— Сорок миль, черт возьми! — с удовлетворением сказал он, наконец, остановив лошадей.

Хотела ли того Милли или нет, ей пришлось сразу снова окунуться в прежнюю лагерную жизнь с ее заботами. Дым костра ел ей глаза и воскрешал ненавистные воспоминания.

Остальные повозки подъехали значительно позже, и Милли снова увидела совиные глаза Фоллонсби и взгляд исподлобья уродливого Пруайта. Мужской костюм, подчеркивавший ее стройность и гибкость, очевидно, привлекал их взоры. Они словно были загипнотизированы ею, как будто вновь открыли и увидели в ней что-то необычное. Ни тот, ни другой не заговаривали с ней. Один Кэтли ласково кивнул ей. Он казался более озабоченным, чем она привыкла видеть его. Вообще у нее составилось смутное впечатление, что какая-то перемена произошла и в Джэтте, и во всех остальных участниках отряда, и во всей окружающей атмосфере.

Остановку сделали у одной из переправ через реку, где уже сотни охотников останавливались в нынешнем году, и Джэтт начал ворчать и жаловаться на недостаток травы и сучьев для костра. Зато воды было сколько угодно, и она оказалась холодная, чему путешественники очень обрадовались. Джэтта мучила необычайная жажда, вероятно, в результате чрезмерного увлечения ромом в Спрэге.

— Принеси побольше воды для питья, — приказал он Милли.

Она взяла ведро и спустилась к берегу под высокие деревья, на которых шелестела зеленая листва. Кэтли поил лошадей у реки.

— Вижу, что вы идете, и думаю, что за мальчик? — засмеялся он. — Я и забыл, что вы переодеты.

— Я тоже забыла, — нерешительно ответила она. — Мне не нравятся эти... эти штаны. Но я нахожу, Кэтли, что так мне удобнее ходить по лагерю.

— Нет ничего удивительного. Вам приходилось волочить за собою ваш подол... Давайте ведро. Я наберу чистой воды.

Он вошел в реку дальше того места, где стояли лошади, и наполнил ведро.

— Нет ничего лучше, чем испить холодной водицы после езды в такой жаркий день.

— Джэтт выпил почти все, что я уже принесла, и опять послал меня.

— У него все горит внутри от рома, — резко бросил Кэтли.

Милли не могла ничего возразить, поблагодарила его, взяла ведро и вылила немного воды, чтобы не разлить ее по дороге.

— Милли, мне очень жаль, что вам пришлось вернуться обратно к Джэтту, — сказал Кэтли.

Она остановилась и оглянулась, удивленная его тоном. Милли вспомнила, что всегда считала его непохожим на остальных своих спутников.

— Вам жаль? Почему? — спросила она.

— Я знаком с лавочником в Спрэге. Он с Миссури. Он рассказал мне о вас и о вашем друге Томе Дооне.

— Он рассказал вам о... о... о Томе! — запинаясь и внезапно покраснев, сказала Милли. — Откуда он знает это?

— От мистрис Хэднолл, по его словам. Он с симпатией относится к вам. И его жена дружна с женой и дочерью Хэднолла. Как бы там ни было, он сожалеет, что Джэтт увез вас. И я тоже.

Хотя Милли смутилась и опечалилась, узнав, что Кэтли известно про Тома, но она не осталась безразлична к сочувственным словам этого человека. Она постаралась справиться со своим волнением, сообразив, что она, в сущности, снова во власти Джэтта и должна рассчитывать только на свои кулаки и на свое мужество и что этот на вид суровый и угрюмый человек может помочь ей. Милли сразу решила привлечь его на свою сторону.

— И я тоже огорчена, Кэтли, — грустно сказала она, и искренние слезы покатались из ее глаз. — Я... я невеста Тома Доона... Я была... так... так счастлива. А раньше я даже не знала, что такое счастье... Меня увезли против моего желания. Я ведь несовершеннолетняя и должна была подчиниться... Я очень боюсь отчима.

— Думаю, — сумрачно ответил Кэтли, — что у вас есть на это основания. Он поссорился с женой в Спрэге и хотел оставить ее там. Все они вчетвером много пили, ругались и дрались из-за денег, вырученных за шкуры.

— Умоляю вас, будьте моим другом! — обратилась к нему Милли. Тот взглянул на нее, как бы не понимая, но в то же время сочувственно.

— Кэтли, — сказала она и, подойдя к нему, тихо дотронулась до его руки, — была ли у вас когда-нибудь сестра или возлюбленная?

— Не было, иначе я был бы другим человеком, — грустно ответил он.

— Но вы честный человек, — быстро продолжала она.

— Я честный человек? Вы с ума сошли! Никогда таким не был. А теперь к тому же вор и грабитель!

— О, так это правда? Джэтт ворует шкуры! Я все время чувствовала, что тут что-то неладно.

— Не говорите Джэтту, что я сказал об этом, — почти угрожающе сказал он.

— Ничего я не скажу, обещаю вам! Вы можете верить мне, — поспешно добавила она. — И я верю вам. Я не считаю вас грабителем. Джэтт втянул вас, он опасный тип. Я ненавижу его.

— Да, Джэтт мерзкий человек, и он злоумышляет против вас. Признаюсь, я думал, что вы все знаете и не обращаете на это внимания.

— Не обращаю внимания! Если он дотронется до меня, я убью его и себя, — страстно прошептала она.

Кэтли, по-видимому, столкнулся тут с чем-то новым для него, и это растопило его обычное равнодушие ко всем и ко всему.

— Вот как относятся к этому хорошие девушки! — прошептал он.

— Да. И я прошу вас... быть моим другом...

— Вон идет Пруайт, — прервал ее Кэтли, повернувшись к лошадям. — Не следует, чтобы он или другие видели, что вы говорите со мной.

Милли подняла тяжелое ведро и, сторонясь пыли, поднятой Пруайтом с его лошадьми, поспешила обратно в лагерь. Между Джэттом и его женой происходила перепалка, но, увидев девушку, они замолчали. Милли принялась за свою прерванную работу, но теперь она уже знала, что находится среди воров и грабителей. Выяснилось, чем занимается Джэтт, и жена его, несомненно, являлась его соучастницей. Когда Кэтли так откровенно подтвердил опасения Милли, она воспрянула духом, и мысль о возможности привлечь этого закаленного человека на свою сторону вдохнула в нее мужество

и решимость. Сразу превратилась она снова в ту девушку, которая написала бодрое письмо Тому Доону.

На другой день, не успело взойти солнце, как три повозки снова быстро катились к югу. Милли попросила Кэтли устроить ей удобное место сзади в повозке Джэтта. Он приладил дополнительный парусиновый навес от солнца. Она смотрела на Кэтли со своего места, ожидая, что он заговорит с ней или взглянет на нее так, что надежда ее окрепнет. Но он молчал и сидел, опустив голову. Однако Милли не считала его молчание неблагоприятным признаком. Она не могла бы доказать этого, но чувствовала, что этот человек поможет ей.

Милли строила планы своего спасения: передать хоть слово Тому Доону, сообщить охотникам, что ее, в сущности, держат, как пленницу, и выдать Джэтта, — как вора и грабителя.

Она воспользуется этим, как верным оружием, когда представится случай. Но если она необдуманно и случайно заикнется об этом, то это может иметь для нее поистине роковые последствия: Джэтт попросту убьет ее.

Было еще раннее утро, когда Джэтт отъехал в сторону, чтобы пропустить встречный охотничий отряд. Милли не заметила этого, пока необычная тряска не заставила ее приподняться на колени и выглянуть. Джэтт свернул с главной дороги в низину, по которой некоторые проезжали напрямик, чтобы сократить путь. Четыре повозки, тяжело нагруженные шкурами, проехали в некотором расстоянии справа от них. Первые лошади были белые — Милли показалось, что она узнает лошадей Хэднолла. Сердце у нее готово было разорваться. Но она не раз уже встречала белых лошадей, и всегда это производило на нее такое же впечатление. Если она выскочит, побежит, и потом окажется, что она ошиблась, то она рискует всем, на что надеялась. Кроме того, присмотревшись, она решила, что ошиблась, и с глубоким вздохом опустилась на свое место.

Время шло быстро. Милли, погруженная в свои думы, постепенно уснула и проснулась только, когда подъезжали к новой остановке. И первое, что она услышала, это были слова Джэтта, обращенные к поравнявшемуся с ним Фоллонсби:

— Не отряд ли Хэднолла мы встретили?

— Первые две повозки были его, — ответил Фоллонсби. — Впереди ехал этот молодой парень, мастер по сдиранию шкур, а второй повозкой правил тот урод работник Хэднолла. Остальных не знаю.

Милли прикусила губу, чтобы не вскрикнуть. Волнение ее было так велико, что она затрепетала как лист. Быть так близко от Тома и не взглянуть на него! Это было ужасно! Она лежала чуть ли не в обмороке, и голова у нее кружилась. Одна мысль настойчиво возвращалась — Том приедет завтра в Спрэг и получит ее письмо. Он, не теряя времени, поедет вслед за ней и, может быть, нагонит Джэтта раньше, чем тот доедет до конца своего пути. Эта мысль ободрила ее в эту мучительную минуту. Растерянность ее прошла, но осталась какая-то слабость, так что, когда она слезла с повозки, то едва не упала, и затем так неловко принялась за работу, что мистрис Джэтт накричала на нее. Мужчины возились с лошадьми и вскоре вернулись голодные. Встреча с повозками, нагруженными шкурами, временно отвлекла Джэтта и его помощников от обычных ссор и перебранок.

— Много ли было у них шкур? — осведомился Джэтт.

— Не особенно, — ответил Фоллонсби.

— Вполне достаточно, чтобы заставить нас свернуть с дороги, — многозначительно заметил Пруайт.

Джэтт, сверкнув глазами, взглянул на него. Тогда Кэтли протяжно сказал:

— Странно, что они не заметили нас. Мы всего немного спустились вниз. Первой повозкой правил этот парень Хэднолла, Том Доон.

— Ну, а если бы они и заметили? — возразил Джэтт, смущенный этим замечанием обычно молчаливого Кэтли.

— Ничего. Я узнал его, вот и все, — уклончиво ответил Кэтли, опустив глаза.

Когда мгновение спустя он поднял их и посмотрел на Милли, взгляд его был острый, как кинжал, и странно блестящий — таких глаз она не видела у него никогда. Он хотел, чтобы она знала, что он видел Тома Доона. Милли тоже опустила глаза и пролила немного кофе из чашки. Она сомневалась, верно ли она истолковала взгляд Кэтли. Затем он перестал обращать внимание как

на нее, так и на остальных и, поужинав и нарубив дров, исчез куда-то.

Джэтт и его задиристые компаньоны еще долго о чем-то спорили, ссорились и кричали, сидя вокруг костра.

Следующий день не принес ничего нового, только Кэтли старался теперь избегать Милли и как будто не замечал ее, и затем она вывесила на повозке свой красный шарф в надежде, что он не останется незамеченным. И дни шли за днями, а путешествие все продолжалось.

Через неделю им стали попадаться отдельные блуждающие стада бизонов. Милли тысячи раз оглядывалась на бесконечную дорогу, которую она оставляла за собой. Не было видно ни одной повозки.

На девятый день в полдень Джэтт заметил вдали огромное, занимавшее все видимое пространство прерии стадо бизонов. Он остановился и указал на него своим угрюмым спутникам, ни на что не обращавшим внимания; затем он опять придержал лошадей и на этот раз прислушался к доносившимся до дороги звукам.

— Слышите? — крикнул он Фоллонсби.

Милли услышала ружейные выстрелы, вблизи и вдали. И странно, кажется, впервые она была рада услышать их. Охотники направились к реке, извилистая линия которой, окаймленная зеленью деревьев, находилась теперь совсем близко. Милли в последний раз оглянулась на дорогу как раз в тот момент, когда Джэтт свернул в лес. Вдали, на горизонте, Милли увидела точки — белую и черную. Может быть, то были лошади и повозка Тома Доона! Он не мог слишком отстать. Пожалуй, даже к лучшему, что он не нагнал повозок Джэтта. Они уже достигли теперь охотничьей области, и скоро ее судьба изменится.

Джэтт велел остановиться на тенистой прогалине под тополями сразу за рекой, и тут Милли увидела, что это место его прежней стоянки. Его палатки и место для костра, ящики и дрова — все оставалось нетронутым за все время его отсутствия.

— Распрягите лошадей и разгрузите повозки, — приказал Джэтт помощникам. — А я посмотрю, что с моими верховыми лошадьми.

— Можно было спокойно оставить здесь лошадей по-
пасться, за них бояться нечего, — ответил Фоллонсби.

— Но сюда могли нагряться конокрады!

— Ха! Ха! — засмеялся своим гнусным смехом Пру-
айт. — Ведь вы знаете, что все эти охотники — честные
люди.

Джэтт углубился в зеленую чащу. Помощники его
разгрузили повозки и перенесли ящики и мешки с съес-
тными припасами под тополь. Мистрис Джэтт разбила
палатку около костра.

— Мисс, — сказал Кэтти Милли, — парусиновый
навес повозки весь разорван, а другой палатки для вас
нет, надо сначала починить эту парусину.

— Значит, я могу остаться в повозке? — спросила
она.

— Почему же нет? Мы вряд ли скоро двинемся от-
сюда или начнем перевозить шкуры.

К концу дня жара спала, и Милли захотела немного
погулять — она так долго сидела и была лишена движе-
ния. И она стала прохаживаться взад и вперед под де-
ревьями. Этот лагерь был самый уединенный из всех,
которые когда-либо выбирал Джэтт — далеко от прерии,
в густой чаще на берегу реки, скрытый деревьями от
противоположного густо заросшего берега. Если бы место
это не имело такого зловещего характера и не являлось
бы своего рода тюрьмой для Милли, она наслаждалась
бы там и была бы рада этой тишине и красоте. Она
блуждала по зеленому берегу, пока мистрис Джэтт не
позвала ее помочь ей готовить ужин. Как раз в это
время вернулся Джэтт, сапоги его были в грязи, и одеж-
да покрыта колючками и обломками прутьев.

— Нашел всех лошадей, кроме гнедой кобылы, —
заявил он. — И завтра мы сможем опять приняться за
работу. Я намерен теперь работать как следует.

— Гм! Интересно знать, как вы называете то, что мы
делали раньше, — ответил Фоллонсби.

— Ну, Джэтт, никакой работы не будет, пока вы не
рассчитаетесь с нами, — хрипло прибавил Пруайт.

Джэтт отпрянул от изумления и бешенства, охватив-
шего его.

— Вот как! — грубо сказал он. — Ну, так ждите,
пока вы не подохнете здесь.

— Подождем, хозяин, — ответил Пруайт.

Джэтт молча и угрюмо поужинал. Очевидно, этот жестокий удар был так неожидан для него, что едва ли он знал, как отразить его. Он ни словом не обмолвился больше со своими приятелями, но отвел в сторону жену, и они оживленно беседовали, когда Милли стала засыпать.

На следующий день возникла ситуация, которую Милли не предвидела. Джэтт, не вступая в разговор с охотниками, оседлал лошадь и уехал один. Жена его дулась. Фоллонсби и Пруайт, очевидно, довольные, без конца играли в карты и иногда тихо переговаривались. Кэтли кое-как смастерил себе удочку и отправился на берег реки, где подыскал тенистое место, откуда виден был лагерь.

Милли была предоставлена самой себе. Окончив утреннюю работу, она прежде всего вывесила на видном месте свой красный шарф. Больше ей нечего было делать. Чтобы убить время, она пошла бродить около лагеря и направилась к тому месту, где сидел Кэтли, с наслаждением курил трубку и удил рыбу. Она наблюдала за ним и старалась набраться смелости, чтобы подойти и поговорить о том, что мучило ее. Но она знала, что мужчины и мистрис Джэтт могут увидеть ее и такой поступок вызовет подозрения. Поэтому она отказалась от своего намерения. Вдруг Кэтли как будто случайно оглянулся и посмотрел на нее и на лагерь. Затем он подмигнул ей. Этот забавный жест снова вселил в Милли веру, что между нею и этим человеком существует молчаливое соглашение, что они понимают друг друга. Она не была уверена, что он поможет ей, но их связывала общая тайна... Милли чувствовала это, хотя никакого доказательства у нее не было. Благодаря этому инциденту долгий день показался ей уже не таким тоскливым.

Глава XIII

Милли не смогла бы припомнить, сколько времени прошло с тех пор, как отряд Джэтта бездействовал. Она только и ждала, чтобы время проходило скорее, и никто не подозревал о ее тоске. Когда Джэтт возвращался в лагерь со своих одиноких поездок, и Мили слышала, как его лошадь пробирается по лесной тропинке, она не в

состоянии бывала подавить в себе внезапной нелепой надежды. А вдруг это Том! Но всегда оказывалось, что она ошибается.

Однажды Джэтт вернулся очень взволнованный и усталый. Лошадь его была загнана и выбивалась из сил. Фоллонсби и Пруайт были очень заинтересованы, но Джэтт не удостоил их никаких объяснений. Что бы с ним ни случилось, но после этого и он сам, и его привычки изменились. Он стал оставаться в лагере.

Охоту забросили, по мнению Джэтта, временно, пока компаньоны его не уступят. Но они не уступали, стоя на своем все упорнее. Согласие и единение в отряде было нарушено.

Милли слышала, как жена Джэтта говорила с ним об этом, и затем между ними произошла бурная сцена. Кроме того, выяснилось, что во всей этой игре главная, но тайная роль принадлежала мистрис Джэтт. Она была главной пружиной в тонко рассчитанных комбинациях Джэтта, и когда помощники его поняли это, то положение еще более осложнилось и стало зловещим. Фоллонсби и Пруайт открыто играли в игру, которая, несомненно, должна была кончиться их выигрышем. Джэтт не мог добывать шкуры или красть их без их помощи. Все его одинокие поездки имели целью найти новых компаньонов, но Фоллонсби и Пруайт были уверены, что здесь на месте он таких людей не найдет.

Милли слышала, как ожесточенно ссорились Джэтт и его жена с Фоллонсби и Пруайтом. Кэтли всегда присутствовал при этом, слушал, наблюдал, но не вмешивался ни в споры, ни в ссоры. Он держался в стороне. С ним не считались. Однако с ним-то и следовало больше всего считаться, думала Милли. Как и она сама, Кэтли был очень заинтересованным, хотя и молчаливым участником драмы.

Сущность ссоры была проста. Джэтт уклонялся от справедливого дележа выручки со своими помощниками. Фоллонсби и Пруайт не хотели брать того, что он предлагал, а жена его, самая упорная и расчетливая из них всех, не позволила Джэтту уступать какую бы то ни было часть их прибыли.

Милли начала бояться исхода этой распри, хотя раскол в отряде был бы благоприятен для нее. Возможно, что в один прекрасный день Том Доон вместе с Хэднол-

лом и его помощниками наткнутся на лагерь Джэтта. Это означало бы освобождение для нее тем или иным способом. Если Джэтт откажется отпустить ее, она его разоблачит. Среди всех этих осложнений Милли не падала духом, хотя чувствовала, что атмосфера все более сгущается.

Однажды к концу дня в лагере выдалось затишье. Фоллонсби и Пруайт где-то бродили вдвоем; Джэтт заснул под деревом, а его раздраженная жена возилась у себя в палатке; Кэтли сидел на пне на берегу реки, но не курил и не удил рыбу, а был глубоко погружен в свои мысли.

Милли, поддавшись долго сдерживаемому побуждению, осторожно подошла к нему.

— Кэтли, я должна поговорить с вами, — прошептала она. — Все, что я пережила, расстроило мне нервы. Я ждала и надеялась на приезд Тома. Он не приехал. Он не проезжал по этой дороге. Я могла бы выдержать и дольше, но эти ссоры между Джэттом и его приятелями все больше тревожат меня. Боюсь, как бы не произошло непоправимое. Я не могу больше... Я знаю, вы мой друг, — да, я знаю это! И вы должны помочь мне. Скажите: что делать? Все это так дико, так странно... Эта ужасная женщина. Она так смотрит на меня, как будто предчувствует то, о чем мужчины не думают теперь, но что скоро должно случиться... Кэтли, вы... не похожи на этих людей. Но кто бы вы ни были, спасите меня, пока... пока...

Голос Милли прервался. Она высказала все свои опасения и надежды и не находила больше слов.

— Вы высказали, что хотели? — шепотом спросил Кэтли.

— Да... да... я могу только повторить то же самое, — прерывающимся голосом ответила Милли.

Какая-то перемена произошла под внешне невозмутимой маской лица Кэтли, оно как бы озарилось внутренним волнением.

— Будьте всегда у меня на виду! — так строго и многозначительно сказал он, что она замерла и онемела. Затем он отвернулся, невозмутимый, как обычно.

Но Милли, услышав этот совет, ушла от Кэтли, понимая теперь, чего именно он требует от нее. Быть всегда у него на виду! Что он хотел сказать этим? Скорее

всего это доказывало, что развязка ближе, чем она в страхе предполагала, ближе и ужаснее. Все это время Кэтли знал, что может случиться, и все время был ее другом. Об этом он думал, когда наблюдал и слушал.

Вернувшись в свою повозку, она уселась там — сердце у нее сильно билось, и глаза были широко раскрыты. Мистрис Джэтт вышла из своей палатки, медленно переваливаясь с ноги на ногу, — лицо у нее было бледное, злое, глаза сузились, углы рта опустились. Грузная, неряшливая, она подошла к Джэтту и разбудила его пинком ноги, таким же ласковым, как выражение ее лица.

— Вставай ты, бродяга, — сказала она. — Я решила, что мы уедем отсюда завтра утром, на рассвете... Раз у тебя не хватает духу прикончить этих бродяг, то как хочешь рассчитывайся с ними сегодня же вечером. Но я забираю деньги, и мы уедем завтра.

— Ну, ну! — решительно прохрипел Джэтт.

За ужином царило непривычное молчание. Затишье перед бурей! После ужина мистрис Джэтт поручила мужу заняться ее обязанностями и, тяжело ступая, направилась к своей палатке, многозначительно сказав:

— Я укладываюсь и хочу все кончить засветло.

Милли из своей повозки увидела, как Фоллонсби сделал знак Пруайту и Кэтли уйти. Когда они разошлись в разные стороны, Фоллонсби подошел к Джэтту.

— Рэнд, это последняя сдача, и карты выходят плохие, — сказал он.

— Ну! — произнес великан, не глядя на него.

— Ваша жена разозлилась на нас, — незлобно продолжал Фоллонсби. — Мы не виним вас за всю эту неурядицу.

— Хэнк, я уж высказался, — медленно ответил Джэтт.

— Вы слишком много пили, — примирительно сказал тот, — но теперь вы трезвы, и я хочу сделать еще одну попытку. Вы слушаете меня?

— Я не глухой.

— Было бы лучше для вас, если бы вы были глухи... Теперь, Рэнд, поговорим начистоту. Вы подло поступили с нами. Но рассчитайтесь, и все пойдет как раньше. Нам представляется хороший случай — можно легко раздобыть четыре тысячи шкур. Подумайте, вы изменились так только из-за этой скупердяйки. Заставьте ее благо-

разумиться или выбросите в реку. Я говорю теперь как мужчина с мужчиной. И уверяю вас, что этот гнусный Пруайт — настоящая гремучая змея. Он ужалит вас. Честно говорю это вам. Если отложить это дело, то будет слишком поздно. Мы очень рискуем здесь. Охотники узнают, что мы не убиваем бизонов. Мы должны будем сняться и двинуться отсюда.

— Мы уезжаем завтра, — мрачно ответил Джэтт.

— Кто мы?

— Тут все снаряжение мое, и я уезжаю. Если вы и Пруайт хотите остаться здесь, я поделю съестные припасы.

— Очень благодарен, — насмешливо возразил Фоллонсби. — Но я думаю, что вам следует поделить и деньги, и снаряжение, и все.

— Так вот к чему клонится дело, — проворчал Джэтт.

— Что у вас голова не в порядке, что ли? — с досадой и изумлением спросил тот. — Ведь иначе вы и не можете поступить.

— Ха! Ха! — захохотал Джэтт.

Фоллонсби опустил голову и зашагал взад и вперед, заложив руки за спину. Вдруг он громко позвал Пруайта. Тот быстро подбежал.

— Энди, я говорил добром с Джэттом, но это бесполезно, — сказал Фоллонсби. — Он с этой женщиной уезжает завтра.

— Рано утром? — спросил Пруайт.

— Да, и он предлагает нам остаться здесь и отдать нам половину съестных припасов. Я сказал ему, что он должен поделить и деньги, и снаряжение, — все!

— И что же он ответил?

— Что вот, значит, к чему клонится дело. Я сказал ему, что иначе он и поступить не может, а он расхохотался мне в лицо.

— Не говорите с ним больше, Хэнк, я тоже говорил по-хорошему с Джэттом, и ничего не вышло. Если я опять заговорю с ним, то иначе. Дадим ему подумать до завтрашнего утра.

— Не хотите ли выпить со мной, ребята? — с пренебрежительной гримасой спросил Джэтт.

Они не ответили и ушли. Милли осмотрелась вокруг. Кэтли, тесно прислонившись к дереву, прислушивался, и

взгляд, который он бросил на Джэтта, был весьма красноречив.

Темнота окутала лагерь и реку. Костер потух, и скоро погас и тусклый свет в палатке Джэтта. Милли услышала тихие, осторожные шаги Кэтли. Он перенес свою постель поближе к ее повозке, и это означало, что он тайком охраняет ее. Это успокоило ее взбудораженные нервы, и скоро веки девушки устало сомкнулись.

Проснулась Милли внезапно. Звезды скрылись с побледневшего неба; заново разведенный костер трещал; в воздухе пахло дымом. Повозка, в которой она лежала, раскачивалась. Затем она услышала топот копыт, позвякивание упряжи, тихий, хриплый голос, который она тотчас узнала. Джэтт запрягал лошадей.

Затаив дыхание, с бьющимся сердцем, Милли поднялась с постели и выглянула. В дрожащем свете костра она различила темную грузную фигуру мистрис Джэтт. Другие, по-видимому, еще не показывались. Милли передвинулась к другой стороне повозки, заглянула вниз и заметила постель Кэтли под деревом; темная фигура зашевелилась, и Милли с облегчением увидела, что Кэтли сидит на постели и одевает сапоги. Минуту спустя Джэтт подошел к повозке и перебросил что-то через край как раз в тот момент, когда Милли опять улеглась в постель. Дыханье у него было прерывистое и тяжелое, как будто он сильно запыхался, и пахло от него ромом. Он исчез и вскоре вернулся и положил что-то еще в повозку. Прodelал он это несколько раз. Затем послышался вдали его хриплый шепот, и женский голос ответил:

— Думаю, что они выйдут провожать нас. Уехать нам будет нелегко, насколько я знаю этих людей. Ты лучше взял бы ружье в руки. Ешь и пей скорей. Мы не будем задерживаться, не будем мыть и брать эти вещи, я уже упаковала кое-какую посуду.

Милли снова выглянула из повозки. Джэтт с женой ели молча и поспешно. Ружье его было прислонено к ящику, на котором они завтракали. Вдруг глухой шум, похожий на гром, нарушил утреннюю тишину. Долгий, далекий, он показался Милли раскатом грома. Но странно, как долго он продолжался! Джэтт, как испугнутый зверь, поднял свою большую голову и прислушался.

— Клянусь, что бегут бизоны! Первый раз за это лето. К счастью, бегут они через реку.

— Бизоны бегут! — протяжно повторила женщина. — Гм!.. А здесь, поблизости, много бизонов?

— Если они соберутся все вместе, получится порядочное стадо. Мне это не особенно нравится. Они могут загнать главное стадо в эту сторону. Мы поедем по прерии к Красной реке. И даже, если ехать нам всего два дня, то стадо, если оно побежит, может нагнать нас.

— Я не согласна с тобой, Джэтт, — ответила женщина. — Бизоны или нет, но мы во всяком случае едем.

Незаметно серый рассвет сменился солнечным светом. Джэтт кончил завтракать. Что бы ни произошло, но произойти это должно было теперь. Выглянув из повозки, она увидела, что Кэтти сидит на постели и следит за Джэттом из своего угла. Он увидел Милли и сделал ей знак, чтобы она скрылась. Она инстинктивно повиновалась и снова опустилась на постель, но затем под влиянием какого-то непреодолимого чувства передвинулась к другой стороне повозки и выглянула из-под сиденья. В этот момент откуда-то появились Пруайт и Фоллонсби и подошли к Джэтту.

— Джэтт, неужели вы решитесь на это? — кратко и сдержанно спросил Пруайт. — Вы, конечно, не уедете, не поделившись с нами?

— Я оставляю вам две повозки, шесть лошадей и большую часть снаряжения, — угрюмо ответил Джэтт. Он пристально посмотрел на Пруайта, как будто что-то соображая.

— Вы должны радоваться тому, что получаете, — сдавленным голосом заметила женщина.

— Послушай-ка, что она говорит, — сказал Пруайт, обернувшись к Фоллонсби.

— Слышу и не желаю больше слышать. Это она все подстроила, — резко ответил приятель Пруайта. Только тембр голоса выдавал его волнение; он был так же сдержан и спокоен, как Пруайт.

— Говорите со мной, — крикнул Джэтт, начиная отдавать себе отчет в серьезности положения. — Оставьте в покое мою жену.

— Жену! Черт возьми, — презрительно прервал его Пруайт. — Эта женщина такая же жена ваша, как и моя.

Джэтт тихо выругался, и, сдерживая бешенство, старался держаться так же спокойно, как его компаньоны. Но это не удалось ему. Яростно обратился он к женщине вопросом:

— Ты рассказала им, что мы не женаты, а?

— Да, рассказала. Это было тогда, когда ты сходил с ума по своей черноглазой падчерице, — неожиданно ответила она.

Несомненно, Джэтт ударил бы ее и свалил с ног, если бы не присутствие Пруайта и Фоллонсби. Последний грубо захохотал. Пруайт шагнул вперед. Держал он себя как будто небрежно, но напряжение мускулов и движения его указывали на какое-то другое настроение.

— Джэтт, говорили ли вы этой женщине, что хотите отделаться от нее, чтобы сойтись с этой вашей черноглазой девицей? — нагло и вызывающе спросил Пруайт.

— Нам вы это говорили, и вы тогда не были особенно пьяны.

Женщина выпрямилась, и лицо ее потемнело.

— Я этого не говорил, — крикнул Джэтт.

Молча и вопросительно женщина повернулась к обвинителям.

— Джэтт лжет, — заявил Пруайт. — Он все время хотел, чтобы эта девушка заняла ваше место. Потому-то он и не хотел отдать ее мне или Хэнку.

Это убедило женщину, и она с неудержимой яростью набросилась на Джэтта. Он старался прервать ее, заставить замолчать, но она остановилась только тогда, когда он схватил ее и встряхнул. Она с ненавистью взглянула на него и, тяжело дыша, сказала:

— Я прогоню... эту потаскушку. А ты, Рэнд Джэтт... ты никогда... не получишь ни доллара из этих денег.

— Замолчи, или я тебя приблю! — хрипло крикнул тот.

— Ха! Ха! — захохотал Фоллонсби, как будто одерживая свою радость и не двигаясь с места.

— Джэтт, я думаю, что мы можем оставить вас наедине с этой симпатичной дамой, — резко заявил Пруайт, — ибо вы заслуживаете этого. Но я боюсь, что вы по глупости увезете и нашу долю... В последний раз спрашиваю, дьявол вас возьми, поделите вы с нами деньги, снаряжение и съестные припасы, как мы условились?

— Нет, не поделю, — свирепо крикнул Джэтт. Он был вне себя, и, как это ни странно, смотрел с ненавистью не на человека, с угрозой наступавшего на него, а на женщину.

— Тогда мы заберем все! — громовым голосом крикнул Пруайт.

Ошеломленный Джэтт повернулся лицом к Пруайту, наконец, поняв, в чем дело. То, что он увидел, заставило его побледнеть. Его большие, суровые, блестящие, голубые глаза вдруг дико уставились на Пруайта. Он задрожал и внезапно схватил ружье. Взгляд Милли был прикован к Джэтту. Смутно видела она Пруайта, но не могла различить его движений. Ее ощущение сменилось ужасом перед тем, что должно произойти. Быстро опустилась она на постель и накрыла голову одеялом. Туго закутала она уши и глаза, и ей показалось, что какие-то глухие удары отдаются у нее в мозгу. Повозка затряслась. Она прислушивалась. Ни звука не могла она уловить под толстым одеялом. Она задышалась и сбросила его с себя. И лежала охваченная ужасом. Все было тихо. Ни звука! Глухой топот бегущего стада бизонов донесся из-за реки. Лагерь казался пустынным. Не убежали ли эти люди в лес? Плеск в реке, у самого берега, как будто в воду что-то с силой бросили, наполнил ее холодным ужасом. Наступила какая-то развязка. Она могла только лежать, дрожа от страха, и ждать.

Вдруг она услышала тихие шаги у своей повозки. И над краем ее показалась шляпа и лицо Кэтли. Он взглянул на нее такими глазами, которых Милли никогда ни у кого не видела.

— Половина дела сделана, но самое худшее впереди, — шепнул он, глядя на нее темными, блестящими, чуть улыбающимися глазами, и исчез. Он не заметил ее отчаяния, и призывал ее мужественно перенести эту трагедию. Его взгляд, его шепот показывали, что он относится к ней, как к товарищу, способному храбро выдержать все. Это было также предупреждением для нее, намеком, что и ему предстоит принять участие в этом страшном деле. Это довело нервы Милли до крайнего напряжения. Каково будет ее участие, ее отношение ко всему происшедшему? Она услышала глухие голоса, и это заставило ее отвлечься от своих мыслей. Несколько

человек, по крайней мере двое, возвращались с берега реки. Милли приподнялась и выглянула из повозки. К лагерю подходили Фоллонсби и Пруайт; ни Джэтта, ни женщины не было видно. Милли это не поразило, она и не ожидала увидеть их. Пруайт был весь мокрый и в грязи.

— ...Можем теперь оставаться здесь и добывать шкуры так же, как и все другие охотники, — говорил он.

— Я против того, чтобы оставаться здесь, — ответил Фоллонсби.

— Ну, об этом не будем спорить. Мне все равно, поступим ли мы так или иначе, — ответил Пруайт.

Они подошли к костру, и Пруайт подтолкнул горящие поленья мокрым сапогом. Фоллонсби держал руки над огнем, хотя они не могли быть холодными. Утро было теплое. Милли увидела, как руки его слегка дрожат.

— Право, нам давно пора было покончить с этим, — сказал Пруайт. — Мой план такой, Хэнк. Уедем отсюда, переправимся через реку и отправимся в Бразос. Там есть бизоны, и это главное стадо тоже скоро попадет туда.

— Это дело подходящее, — с облегчением ответил тот. — А теперь выясним все. Мы поделим деньги, которые нашли у этой женщины. А как со всем имуществом отряда?

— Также поделим поровну.

— Правильно. По рукам, — сказал Фоллонсби, протягивая руку.

Пруайт протянул ему навстречу свою.

— Хэнк, мы работаем вместе около двух лет, и я нахожу, что мы с вами подходящая пара.

— Как быть с девушкой? — вдруг спросил Фоллонсби.

Они стояли, повернувшись спиной к Милли, которая, услышав этот вопрос, стала еще более жадно прислушиваться. Настроение у нее было решительное, и ее ободряло скрытое присутствие Кэтли.

— А я чуть не забыл о нашей черноглазой девчонке, — воскликнул Пруайт, ударив себя по ноге.

— Бросим жребий или разыграем ее в карты? — спросил Фоллонсби, наклонив свою гладкую, узкую, ястребиную голову.

— Нет, не надо. Вам слишком везет в игре... мы поделим девушку, как поделили все остальное имущество.

— Отлично. Составим охотничий отряд из двух человек, все поделим пополам, даже девушку. Таким образом, нам не из-за чего будет ссориться... Но послушайте, мы забыли Кэтли. Куда он пропал, черт возьми?

— Вероятно, он перепугался. Может быть, уже убежал.

— Не думаю. Говорю вам, Энди, ваша ненависть к северянам вводит вас в заблуждение относительно Кэтли, — запротестовал Фоллонсби.

— Это просто самый обыкновенный фермерский работник, — с бесконечным презрением ответил Пруайт.

— Это ничего, что он фермерский работник, — резко возразил тот. — Я не знаю, что он из себя представляет, но он беспокоит меня. Нам лучше было бы дать ему лошадь, снабдить припасами и вещами и отпустить на все четыре стороны.

Пруайт на мгновение задумался и затем мрачно покачал головой. Это предложение не понравилось ему, ибо явно осложняло положение и вносило в него какой-то сомнительный элемент.

Милли услышала сзади быстрое шарканье ног. Из-за повозки показался Кэтли, держа в правой руке слегка приподнятое ружье. Фоллонсби первый увидел его и испустил изумленное восклицание. Пруайт вскочил. Затем он тотчас замер.

— Здорово, ребята! — крикнул Кэтли таким голосом, которого товарищи его не привыкли слышать от него.

Фоллонсби, изумленный, что предсказание его сбылось, воскликнул:

— Энди! Я говорил вам.

У Пруайта ни один мускул не дрогнул, и не изменилось выражение лица.

— Признаюсь, я бывал в самих отчаянных компаниях, — язвительно выговорил Кэтли, — но никогда мы не доходили до того, чтобы делить между собой невинную девушку.

Теперь уже Пруайт ни на секунду не спускал разъяренного взгляда с Кэтли и с ружья, наведенного на них

обоих. Он понял, что слова бесполезны, и мускулы его незаметно напрягались. Со всей силой впился он взглядом в глаза Кэтли, чтобы прочесть в них его намерение. Выбрав мгновение, в которое, по-видимому, Кэтли решился действовать, он с молниеносной быстротой схватился за ружье. Едва он приподнял его, как ружье Кэтли выстрелило. Пуля свалила Пруайта с ног.

— Живей, Хэнк! — в бешенстве, диким голосом завопил он и, бросив ружье, которое забыл зарядить, как раненая пантера, пополз, чтобы схватить ружье Джэтта.

Милли смотрела только на бесстрашного Пруайта, но вдруг услышала второй выстрел Кэтли и глухой звук упавшего тела. То упал Фоллонсби; он даже не вскрикнул. Движения Пруайта были так стремительны, что за ними было трудно следить, и Кэтли не заметил, как он с судорожной силой схватил ружье Джэтта, стоявшее у ящика. Он вскочил, чудовищный, раненый, но изумительно подвижный, и успел разрядить ружье раньше, чем пуля Кэтли попала ему прямо в грудь. Отпрянув назад, он выронил ружье, руки его опустились и, казалось, что он вот-вот упадет. Страшная бледность покрыла его искаженное бешенством лицо. Шаг за шагом отходил он назад, пока не свалился с берега в реку. Громкий всплеск последовал за его исчезновением.

Все закружилось перед глазами Милли. Наступила тишина. Ей казалось, что дыхание у нее прерывается. Затем страшное оцепенение внезапно исчезло, и она выглянула, чтобы узнать, что с Кэтли. Он лежал на земле рядом с костром. Рука его разжалась и выпустила дымящееся ружье. Милли выскочила из повозки и подбежала к нему. Она опустилась на колени около него. Шляпа свалилась с него, лицо изменилось, яркие глаза поблекли.

— О... о... Кэтли! — раздирающим голосом крикнула Милли.

— Так лучше... — прошептал он. Нижняя губа его опустилась, веки вздрогнули, все тело затрепетало и вытянулось. У него была прострелена грудь.

— Какой ужас!.. Он умер!.. Все они убиты... Но что же мне делать?

Взволнованные восклицания Милли были прерваны сильным ржанием одной из лошадей, впряженных в по-

возку. Это ржание указывало на приближение какой-то лошади. Неистовый, резкий ответ донесся из-за реки.

Милли вскочила и выглянула из-за деревьев, трепеща от радости. Но радость ее сразу сменилась изумлением и ужасом, когда, взглядевшись внимательнее, она увидела, как индейцы верхом въезжают в реку. На мгновение Милли растерялась, отчаяние овладело ею, но затем собралась с духом и, вскочив на сиденье повозки, натянула вожжи. Инстинктивно обратилась она в бегство. Ничего лучшего она не успела придумать. И резвых лошадей, еще не вполне оправившихся от страха, не пришлось понукать. Они пустились крупной рысью, увлекая за собою оседланных лошадей, привязанных к повозке. Направо находилась река, налево — прерия, главное стадо бизонов и охотничьи лагеря. Ей следует поскорей выбраться из леса на простор. Если индейцы не слышали, как она уехала, то пройдет немало времени, пока они нападут на след ее в чаще леса.

— Господи, я забыла! — воскликнула она. — Они ведь слышали ржанье лошади.

Мужество стало покидать ее, и она опустила вожжи. Лошади ускорили аллюр, но все-таки во весь опор не поскакали.

Вдруг сердце Милли замерло и она едва не свалилась с сиденья в повозку. Треск веток раздался впереди в чаще. Огромный темный бизон пересек лошадям путь, направляясь налево. Милли пришла в себя и опять услышала треск веток впереди, сбоку и дальше. В лесу оказались бизоны. Сквозь треск сучьев, дребезжанье повозки и топот копыт она расслышала глухой раскат грома, доносившийся, по-видимому, слева и справа от нее.

— Они ведь говорили, что бизоны бегут в панике! — испуганно крикнула она. Лошади ее тоже услышали этот глухой гул и пришли в волнение, а, может быть, близость и запах бегущих бизонов заставили их ускорить ход. Милли попробовала повернуть их налево, но тщетно. И, по-видимому, эта левая сторона становилась все более неудобной и таила в себе какие-то препятствия, толкавшие лошадей в противоположную сторону. Затем совершенно неожиданно они вдруг выехали из леса в открытую прерию.

Милли была изумлена и испугана... Такая пыль стояла над равниной, что она не могла ничего разо-

братъ вдали, и ряды бизонов исчезали за желтой пеленой. Раскаты грома были сильнее теперь, хотя это все еще были странные глухие раскаты, и доносились они из-за пелены, нависшей над прерией. Лошади зафыркали, недовольные не то пылью, не то близостью бизонов, проскакали милью, затем пошли шагом и остановились. По всему горизонту спереди и справа видно было, как бегут, поднимая пыль, бизоны. Сзади нее пойма реки, окаймленная по берегам лесом, тянулась вправо и исчезала в пыльной дали. Бизоны бежали с юга и переправлялись через реку. Милли поняла, что она слишком удалилась от своего маршрута и должна круто повернуть налево, подняться вверх по течению реки, к охотничьим лагерям.

Вдруг она заметила, что две оседланные лошади отвязались и убежали во время быстрой езды. Милли оглянулась на темную извилистую линию леса, откуда она выехала. Воздух там был чище и светлее. Она взгляделась, что-то двигалось и мелькало там. Она увидела, как из леса на простор вырвались дикие сухопарые малорослые лошади с всадниками. Они вытягивались в быстром беге, изящные, неукротимые, совершенно не похожие на лошадей белых охотников. Милли с ужасом поняла, что ее преследуют индейцы.

Глава XIV

Милли крикнула, хлестнув лошадей, и они понеслись галопом. Повозка подскакивала и тряслась на бугристой равнине, и Милли перебрасывало из стороны в сторону. Вожжи натянулись так, что едва не отрывали ей рук. Затем лошади побежали рысью и стали обгонять отдельные группы бизонов. Милли охватил панический ужас, но все-таки она не совсем потеряла рассудок. Ветер, пыльный, пропитанный запахом бизонов, бил ей в лицо и развеивал ее волосы. Рукам и плечам было больно от напряжения, от натянутых вожжей. Но самое бегство, головокружительная скачка по прерии с мчащимися в панике бизонами впереди и с команчами позади — это было слишком величественно, слишком великолепно и слишком возбуждающе, чтобы девушка потеряла присутствие духа.

Милли оглянулась. Команчи нагоняли повозку. Они отставали на полмили и скакали теперь, широко рассыпавшись, обнаженные, худые, пестрые, разукрашенные перьями, с быстротою ветра несясь по высокой траве.

«Лучше смерть под копытами бизонов», — мелькнула шальная мысль. Девушка обернула обе вожжи вокруг левой кисти, хлестнула лошадей кнутом и прикрикнула на них. Бизоны неслись перед нею, по обеим сторонам и сзади, отдельными кучками и рядами, все в одном и том же направлении. Шум нарастал. Глухой гул сменился резким топотом, он все усиливался, приближался, превратился в грохот и сосредоточился теперь сзади. Она оглянулась. С изумлением увидела она огромную, волнующуюся, темную массу, как будто потоком шерсти разливавшуюся по всей прерии. Целое море бизонов! Они неслись вскачь, тяжело-весно, равномерно, и это бесконечное стадо перекрыло пространство между Милли и команчами, полностью заполнило его. На миг мелькнули раскрашенные тела и лица индейцев, когда те повернули в сторону своих сухопарых лошадей, затем облака поднявшейся пыли скрыли их от взора Милли. Между нею и команчами теперь колыхалась темная сплошная масса бизонов. Она испустила восторженный крик. Пелена пыли густела, шум усиливался. Теперь команчи были для нее так же не опасны, как если бы они находились на расстоянии тысячи миль. Как пропали они в пыльной дали, так испарились они из сознания Милли.

Она правила парой обезумевших лошадей в самой гуще стада бизонов. Повсюду вокруг, насколько можно было охватить взглядом, были бизоны. Она понимала, что теперь смерть угрожает ей больше, чем в любой момент до того, однако, несмотря на то, что волосы у нее стали дыбом и язык прилип к гортани, она не испытывала такого ужаса, как в момент, когда Пруайт и Фоллонсби делили ее между собой или когда худощавые, стройные команчи стремительно нагоняли ее. Странно, хотя момент был поистине страшный, она как будто не боялась бизонов. Лошади ее бежали крупной рысью, тогда как тяжеловесные бизоны неслись вскачь, и когда она догоняла ближайших, они всегда отскакивали в сторону, а некоторые при этом забавно брыкались. Но все они уступали дорогу обгонявшим их лошадям.

Пыль поднималась то слабее, то сильнее, и затмевала видимость на расстоянии мили. Постепенно бизоны стали тесниться все сильнее, заполнять свободные пространства, все более приближаться к лошадям. Этого-то Милли и боялась больше всего. Лошади закусили удила и летели стремглав. Милли пришлось отпустить вожжи, чтобы не слететь с сиденья. Вдруг они стали брыкаться и среди непрерывного топота и гула раздался пронзительный, испуганный рев. Милли никогда раньше не слышала рева лошади. Ей ничего не оставалось делать, как уцепиться за опущенные вожжи и за сиденье и осматриваться кругом широко раскрытыми глазами. Одна из белых лошадей, любимица Джэтта, споткнулась и упала на колени. Минута была такая, что Милли едва не лишилась чувств. Другая лошадь споткнулась, затем резко дернула, потащила за собой и подняла таким образом свою соседку, и обе понеслись дальше. Теперь свободное пространство вокруг повозки ограничивалось несколькими ярдами спереди и с боков. Сзади огромные опущенные книзу косматые головы почти натыкались на повозку.

Милли слышала, что бизоны во время бегства сносят и ломают все препятствия на своем пути. И она, по-видимому, должна была стать жертвой такого панического бегства. Лошади ее не могли ни пробиться вперед, ни податься в сторону, ни остановиться. Они были окружены, стиснуты, их подталкивали и гнали. Ужас охватил их; они спотыкались то вместе, то по отдельности, ревели и бросались на брыкающихся бизонов. Чудом они не сломали себе ног, не порвали упряжь, не свернули колес. Наконец эти толчки, этот топот, эта тряска повозки, эта страшная близость напирających бизонов, этот ад крошечный позади нее — все это вконец обессилило Милли. Руки ее ослабели, и она окончательно пала духом. Повозка задрезбуждала, накренилась на сторону, раз-другой подскочила и остановилась. Бизоны позади нее стали поднимать свои огромные головы, задние лезли на передних, они теснились и нарастали, как темные, грозные и неуправляемые волны прибоя. Головы, рога, мохнатые туши сплошным бурлящим потоком обрушились на повозку. Оглушительный грохот наполнял округу, низко стелилась пыль. Было душно, и Милли показалось, будто ей заткнули нос и рот. Она свалилась с сиденья назад и потеряла сознание.

Когда Милли открыла глаза, у нее было такое ощущение, будто она проснулась после кошмарного сна, лежа на спине она взглянула вверх, на небо, густо застланное облаками пыли, и почувствовала, что повозка движется, но не могла бы сказать, быстро ли, ибо со всех сторон слышался топот копыт.

«Должно быть, что-то случилось... лошади еще бегут... повозка не перевернулась», — подумала она, но приподняться и посмотреть боялась. Она ощутила, что произошла какая-то значительная перемена. Повозка катилась гораздо медленнее, без толчков и покачиваний, и топот копыт был не такой громкий, не такой резкий. Она убедилась, что лошади замедлили шаг. Где она? Долго ли она лежала без чувств? Чем кончится бешеная скачка? Ничего не случилось. Ей дышалось легче, и она не так сильно ощущала пыль и запах бизонов. Во рту у нее было сухо от жажды. Кожа была влажна и горяча. Милли села. Она увидела серую прерию, и на расстоянии пятидесяти ярдов темные косматые тела лениво скачущих бизонов. Повозка катилась так же медленно. Милли прислонилась к сиденью и выглянула вперед. Удивительно — белые лошади Джэтта спокойно бежали в нескольких десятках футов за бизонами. Она едва верила своим глазам. Лошади уже не боялись. По сторонам на много миль расстилалось пространство, испещренное темными пятнами бизонов и серыми полосами травы. Впереди открывалась такая же картина, только еще грандиознее. Повсюду, насколько можно было окинуть глазом, виднелись бизоны, но они уже не теснились сплошной массой и не бежали.

«Это не было паническим бегством, — догадалась Милли. — Они просто переходят на другое место. И не обращают внимания ни на повозку, ни на лошадей... Есть надежда спастись...»

Милли взобралась на сиденье и нашла вожжи там, где выпустила их. Лошади отозвались на ее поноукание не тем, что ускорили шаг, а только навестирили уши и подняли головы. Они были довольны, что ими снова правят, и бежали так, как будто поблизости не было бизонов. Эта перемена изумила Милли. Но по поту, пене и по запыленным спинам лошадей она могла судить, что они долго бежали, прежде чем дойти до состояния такого равнодушия к окружающей обстановке.

День клонился к вечеру. Солнце золотилось на западе. Наступил момент, когда Милли с удивлением увидела, как передние группы бизонов скрылись за горизонтом, до которого было теперь рукой подать. Они подошли к краю спуска, который вел к речному берегу. Что ей следовало делать теперь? Когда повозка достигла черты, за которой постепенно исчезали из виду косматые спины бизонов, спускавшихся вниз, Милли увидела склон, по которому были рассеяны бизоны и который кончался у извилистой зеленой полосы деревьев, между ними местами просвечивали пятна воды. За рекой простиралась бесконечная плоская прерия, на многие мили покрытая бизонами, кишевшими, как мириады муравьев. Грандиозная и прекрасная, живая и трагичная картина эта на всю жизнь запечатлелась в памяти девушки. Лошади добрались до леска, через который пробегали бизоны. Вокруг нее не было теперь той плотной массы животных, которая так долго теснила ее. Это навело ее на мысль, что появилась возможность переждать, пока стадо пройдет. Она заехала за большую группу деревьев и остановилась под их зеленым шатром. Лошади стояли, усталые, тяжело дыша, не соблазняясь травой. Со всех сторон отдельными группами и рядами шли бизоны, спускаясь к реке, откуда доносился громкий, все усиливающийся плеск воды. Прошли главные массы; задние ряды становились все малочисленнее. Наконец, затих плеск воды и глухой топот копыт.

Тишина! Это казалось невероятным. Целый день слух Милли терзал и мучил непрерывный шум. Она не могла теперь привыкнуть к тишине. Она растерялась. Необычайная тишина наполнила ее чувством одиночества, она остро ощутила всю дикость и пустынную эту местность. Одна. Затеряна среди прерии!

— Что же мне делать? — пробормотала она. — Но рассуждать не время, пора действовать!

Она слезла с повозки. Вокруг густо росла трава. Лошади не будут голодать. Она отпрягла их, и они с ржанием поскакали к воде. Милли вспомнила о своей собственной жажде и побежала к берегу, где, не обращая внимания на грязный цвет воды, легла ничком и стала жадно пить прямо из реки, пока уже не могла больше. Вернувшись к повозке, она забралась в нее и осмотрела все, что там находилось. Она нашла мешок овса для

лошадей, ящик с кухонной посудой, два ящика, полных съестных припасов, узел одеял и, наконец, топор и лопату. В ящике с посудой она обнаружила спички, крайне необходимые для приготовления пищи, и вынула нужную ей посуду. Среди съестных припасов нашелся каравай хлеба и мешок с сухарями. У нее потекли слюнки, и она не могла удержаться и стала грызть сухарь. Было там и копченое мясо, и соль, и перец, и сахар, и сушеные яблоки, а она еще не дотрагивалась до другого ящика.

— С голоду я во всяком случае не умру, — прошептала Милли.

Затем она набрала сухих веток, развела костер, принесла в ведре воду для кофе и поела с таким аппетитом, как не ела никогда в жизни. Когда она покончила со всеми своими делами, спустились сумерки. Теперь, когда нечего было делать, истинное положение вещей вырисовывалось перед ней более отчетливо. Теперь она поняла, что не сможет заставить себя уснуть. Да и опасно будет уснуть. В лесу, на берегах реки, водились пантеры, медведи, волки. Она ощупала карман: маленький револьвер ее пропал. У нее не было никакого оружия, кроме топора, а им она не сможет защищаться как следует.

Однако она не сразу укрылась в повозке, где, по-видимому, могла бы быть в большей безопасности. Она обошла все кругом, вглядываясь в сумрак, прислушиваясь. Постепенно ночная темнота окутала реку, и на темно-синем небе замерцали звезды. Близость пасущихся рядом лошадей немного подбодрила ее, если не успокоила. Затем она влезла в повозку и, даже не снимая сапог, закуталась в одеяла. Тело ее ныло от боли и усталости, сердце мучительно сжималось, в голове все мутилось. Она не смогла сразу улечься и успокоиться. Но постепенно она перестала ворочаться, ей показалось, будто она опускается все ниже и ниже, и вдруг она замерла неподвижно. Тело ее, наконец, настолько отдохнуло, что она уже не была вся поглощена мускульными ощущениями. Тогда интенсивнее заработал мозг, мысли сосредоточились на Томе Дооне, и она представила себе его. Милли заплакала. Слишком мучительно было воспоминание о нем, о его любви и поцелуях, о его мечтах об их будущей совместной жизни. Мучительно было думать об этом теперь, когда она затеряна в прерии. Может

быть, она никогда не увидит его больше. Но она должна во что бы то ни стало выбраться отсюда. Обессиленная от слез и горя, она погрузилась в легкую дремоту.

Пение птиц разбудило Милли. Солнце взошло; тихо шелестели листья. Она расчесала свои растрепавшиеся короткие кудри; лицо ее после вчерашней езды горело от ветра и солнца. Она вылезла из повозки, накормила лошадей овсом и собралась ехать дальше. При мысли об этом она едва не лишилась чувств. Ей казалось невероятным, что она решится ехать одна по прерии. «Мне нельзя оставаться здесь. Это опаснее, чем ехать по прерии, — в отчаянии думала она. — Я должна ехать! Но куда, как?»

Она опустилась на колени на небольшом гладком песчаном клочке земли и, напрягая все свои мысли, стала рассматривать его. Недаром она внимательно наблюдала за мужчинами в лагере, когда они беседовали о дорогах, следах, направлениях. Милли приходилось видеть, как Фоллонсби рисовал географические схемы на песке. И с этой целью она взяла палку.

— Здесь запад, — задумчиво вслух рассуждала она. — Я видела, как здесь заходило солнце. Значит, север здесь. Я должна направиться на северо-запад. От Красной реки до Спрэга мы ехали десять дней... Здесь река... Она провела черту на песке. Вчера я сделала тридцать миль, может, даже сорок почти прямо на север, до этой реки. Значит, я вот здесь, — она поставила точку на песке и провела другую черту, изображавшую реку. — Нельзя ехать обратно к охотничьим лагерям, можно натолкнуться на индейцев. Опасно ехать и вдоль этой реки на запад, лучше переправиться через нее и держаться северо-запада. Придется переправляться через все встречные реки. Если я натолкнусь на реку, слишком глубокую для переправы, то поеду вдоль берега, пока не найду удобного места, чтобы переправиться.

Она достаточно путешествовала по пустынной прерии, чтобы иметь некоторое представление о том, что предстоит ей. Мысль о встрече с охотниками непрестанно поддерживала в ней надежду, подбодряла ее, хотя она не могла быть вполне уверенной в этом. Наконец, Милли решилась, выехала из леска направо, туда, где бизоны проложили широкую дорогу вниз к реке. Лошади рысью переехали через реку. Она была не глубокая, доходила

им до колен, и они разбрызгивали грязную воду вокруг себя. Противоположный берег был низкий, удобный для подъема лошадей, и Милли не успела опомниться, как очутилась на ровной поверхности прерии.

— Как просто, и я чуть не выкупалась! — восторженно воскликнула девушка. — О, Уайти и Спэкс, — обратилась она к лошадям, — как я люблю вас!

Она стала искать свой красный шарф, чтобы вытереть лицо и волосы. Но он, как и ее маленький револьвер, пропал. Неужели потеряла? Нет. Она вспомнила, что привязала его к верху повозки в лагере Джэтта, и он остался там. Это воспоминание взволновало ее. Что если Том Доон найдет наконец лагерь Джэтта и увидит ее красный шарф? Но вряд ли; индейцы, конечно, спалили весь лагерь...

Милли определила направление по солнцу и поехала по прерии. Это была великолепная равнина, густо поросшая травой и постепенно понижавшаяся к северу. Ехала она с раннего утра до заката солнца, когда впервые за весь день встретила реку, почти пересохшую и превратившуюся в цепочку луж. Она отпрягла лошадей и позаботилась обо всем необходимом для себя. Уайти и Спэкс напились из лужи и вернулись к повозке. Они обнаруживали необычайный интерес к Милли и даже шли следом за ней. Она отсыпала им немного овса, приласкала и разговаривала с ними, ибо одиночество начало тяготить ее. После целого дня езды она чувствовала себя усталой. Вскоре темнота скрыла от взоров ее пустынную безграничную даль, и с наступлением ночи одиночество, казалось, стало ощущаться еще сильнее. Только слабый шорох и жужжание насекомых! Даже вой волков, даже крик пантеры с радостью услышала бы она. Она легла, напуганная тишиной, темнотой, боясь уснуть, но все-таки не в состоянии была долго лежать с открытыми глазами и бороться со сном.

Солнечные лучи разбудили ее, и тотчас же она загорелась желанием ехать дальше. Отдохнувшие лошади словно ждали и при приближении ее заржали. Машинально, кое-как выполнила она обычные работы, и ее тревожила мысль, что она должна будет раздобыть воду и напоить лошадей. Воздух дрожал от зноя. Земля томилась и молила о дожде раскаленное стальное небо. Милли закрыла глаза и дремала, держа в руке вожжи; когда

повозку встряхивало о кочку, она просыпалась. Загрохотал гром, и тучи заволокли небо. Разразилась гроза, с ветром, с холодным дождем, с белыми зигзагами молний, с громовыми раскатами. Она насквозь промокла, и это необычайно освежило ее. Лошади шлепали по лужам и пили свежую дождевую воду.

Гроза пронеслась, на севере снова показалось голубое небо, и засияло солнце. От лошадей шел пар, прерия дымилась. Одежда на Милли высыхала, по мере того как бежали неустойчивые лошади, и все большее расстояние оставляла она позади себя. В тот день путешествие закончилось у реки, и как будто у нее было еще недостаточно затруднений, переправы поблизости не оказалось. Милли сделала остановку. На утро она чувствовала себя еще более вялой и утомленной, но готова была ехать дальше. Река поворачивала на северо-запад. Весь день она следовала вдоль нее, часто в тени деревьев. Ни следов, ни колеи, ни остатков лагеря — сплошная пустыня.

На следующее утро она нашла переправу. Виднелись старые следы бизонов. Это оживило ее, пробудило угаснувшую надежду. Она немного воспрянула духом. Если бы только можно было отпустить вожжи и дать отдохнуть рукам. Но неукротимыми лошадьми необходимо было править. Выедет ли она когда-нибудь на дорогу? Неужели весь этот край лишен всяких следов езды, путешествий? Прерия и прерия, однообразная, как мертвое море.

Затем она попала в полосу, где валялось множество трупов бизонов, и изумление, надежда, неожиданные мысли овладели ею. Где она? В пятидесяти, может быть, в ста милях от Стэкэд Плэнс, и все-таки не может найти дороги. Туши эти были черные и высохшие; никакого запаха не исходило от них; это были отвратительные кучи костей и кожи. Десять миль сделала она по этой полосе смерти и разложения, и даже признак лошади или повозки не порадовал ее напряженно ищущих глаз.

Милли потеряла счет часам, дням, времени. Солнечный закат, остановка у реки, темная ночь с ненавистными звездами, бледный рассвет, день, серая равнина, раскаленное солнце, белые лошади впереди, ночь, темнота, опять свет и ужасная усталость и тоска.

— Что это такое? — воскликнула Милли и широко открыла глаза. Она лежала в повозке, куда свалилась от усталости. Она стала вспоминать. Было раннее утро. Но

теперь солнце стояло уже высоко. Повозка скрипела, раскачивалась, катилась, и при этом слышался странный звук: тук-тук, тук-тук, тук-тук. Лошади бежали по твердой дороге. Не снится ли ей это? Она закрыла глаза, чтобы лучше слышать. Тук-тук, тук-тук, тук-тук. Это не был обман ее болезненно обостренного слуха, утомленного тишиной.

— О, наконец-то! — вздохнула Милли. — Дорога... дорога...

И она приподнялась. Как всегда простиралась беспредельная прерия, но теперь перерезанная до самого горизонта светлой линией дороги. Милли, вне себя от радости, едва не упала в обморок. Она заставила себя попить и поесть, хотя мясо и хлеб так высохли, что их было трудно проглотить. Она должна собраться с силами. Много охотников, должно быть, проезжает по этой дороге. Наверное, очень скоро она увидит, как на горизонте забелеет повозка. Милли оглянулась назад, на юг, и затем посмотрела вперед, на север. Прерия по-прежнему была пустынна, но все-таки чувствовалась какая-то разница.

День кончался, солнце закатывалось, и, когда небо расцветилось розовыми и золотистыми красками, лошади заржали, почуяв воду. Милли чувствовала себя бодрее, надежда чудесным образом оживила ее. И она погнала лошадей.

Снова достигла она линии горизонта. Это была вершина одного из холмов. Долго казался он недостижимым, заграждая даль и маня вперед. Речка, окаймленная зелеными берегами, протекала как раз у подножья его. Скорбное и измученное сердце Милли забилося при внезапном воспоминании. Она останавливалась уже здесь. Она узнала эти вязы. Кровь ее воспалилась, как от крепкого сладостного вина. Уйти и Спэкс тоже вспомнили. Это была холодная приятная вода с возвышенности, излюбленная бизонами. Лошади заржали, забили своими пыльными мохнатыми копытами и остановились. Милли взглянула вниз на зеленый берег, где когда-то Кэтли говорил ей о своем сочувствии. Еще один солнечный закат, и еще раз золотистые, красные и пурпурные облака заплыли над прерией. Тени постепенно спустились над далекими равнинами; среди колышущейся травы засверкали тусклые пятна костров. И в неясной дали терялась,

извиваясь, как блестящая нить, река. Милли управляла лошадьми, пробираясь теперь между мелким скотом, которым было усеяно пастбище по берегам реки около Спрэга. Лошади попали в самую гущу пасущегося скота. Между дорогой и деревьями поднимались клубящиеся столбы синего дыма от костров в охотничьих лагерях.

В лучах заходящего солнца голубели палатки. Выбегали собаки и лаем встречали новую повозку. Любопытные охотники, направлявшиеся на юг, выходили, чтобы остановить Милли. Жители Спрэга спешили, чтобы расспросить новоприбывшего из охотничьей области.

— Здравствуйте, сынок! — приветствовал ее седой старик, живыми голубыми глазами оглядывая усталых лошадей и повозку с единственным седоком.

— Вы один?

— Да, — ответила Милли, с удовольствием услышав его хриплый голос.

Люди подошли ближе, доброжелательные, заинтересованные, начиная уже удивляться.

— Откуда вы? — спросил старик.

— С Красной реки, — ответила Милли.

— Скажите-ка, сынок, вы... — он прервал вопрос, подошел ближе и положил руку на спину лошади, от которой шел пар. Грубые лица, некоторые загорелые, некоторые бледные, по-видимому, еще не обвеянные ветром прерии, повернулись к Милли. Они казались прекрасными, столько жизни, радушия и интереса было в них. Как в тумане, сквозь слезы видела их Милли.

— Да, с Красной реки, — быстро и тихо ответила она. — В моем отряде произошла ссора — все перебили друг друга... Команчи переплыли реку... Я убежала, Уайти и Спэкс вывезли меня из леса... Индейцы гнались за нами... Мы попали в стадо бизонов, они неслись в панике... Ехали целый день... пыль и топот... О, это было ужасно... Но потом они побежали тише... окружали нас весь день... сорок миль... И с тех пор я ехала и останавливалась, ехала и останавливалась, день за днем, день за днем, я не знаю, сколько дней это продолжалось!

После долгого взволнованного рассказа Милли воцарилась тишина.

Затем старик недоумевающе почесал бороду.

— Сынок, что вы шутите над нами, выдумываете все это? Правда, вид у вас усталый, измученный...

— Это истинная... правда, — со вздохом ответила Милли.

— Ну, мальчик, — более серьезным голосом начал добродушный старик и снова с любопытством оглядел изнуренных лошадей и попорченную в дороге повозку.

— Мальчик! — живо, насколько позволяла ее усталость, воскликнула Милли. — Я не мальчик!.. Я девушка... Милли Фэйр.

Глава XV

Том приподнялся как можно выше, чтобы осмотреть поле по направлению к скале. Он дополз на руках и на коленях до конца камня и оттуда, лежа на левом боку, вытянув вперед левую руку, а правой таща ружье, пополз, насколько мог, быстро и бесшумно. Он смотрел только прямо перед собой. Страх исчез. Он рассудил, что умереть может только один раз, и если смерть суждена ему теперь, то умрет он за своих товарищей. Темные манящие глаза Милли Фэйр мелькнули перед ним, и острая тоска опять сжала его сердце; и ради этой девушки он тоже готов был подвергнуться любой опасности. Так или иначе, команчи были причиной бегства Милли, если даже они и не поймали ее. Из-за них он потерял ее.

Оставив за собой несколько десятков футов, Том почувствовал облегчение, нервное напряжение ослабло. Его товарищи сзади стреляли теперь как будто залпами, и он знал, что таким способом Пилчэк старался отвлечь внимание индейцев от него. Индейцы тоже стреляли, и он стал уже порядочно удаляться от перекрестного огня. Он уже не слышал, чтобы пули визжали над его головой. Он достиг более открытой местности и оказался недалеко от своей цели — скалы. Обычно он выбирал высокий и широкий камень и выглядывал из-за него. Но тут он не нашел ни одного, который был бы подходящего размера. Лежа у плоского камня, он выглянул. Увидел он только довольно обширное пространство, не густо усеянное обломками скал. Но большой скалы из-за этого края камня не было видно. Почти не в состоянии ползти дальше, утомленный физически и духовно, он приподнялся, чтобы отыскать скалу. Не с этой стороны! Опустившись

вниз, он отполз несколько шагов к левому концу камня и снова приподнялся, чтобы выглянуть.

Как будто резкий порыв ветра пронесся мимо него. Он услышал свист. Он почувствовал сильный, ошеломительный толчок и затем острую, жгучую боль в спине. Почти в то же мгновение донесся резкий звук ружейного выстрела. И взгляд Тома сейчас же уловил впереди фигуру индейца, который стоял с дымящимся ружьем в руке, и свирепое, настороженное выражение застыло на темном лице его. Том упал ничком за камнем, оглушенный и пораженный этой неожиданностью. Затем в следующую секунду он опомнился, крепко сжал ружье и приподнял его с крайним напряжением всех сил. Вскочил и мгновенно выстрелил. Он как будто ясно увидел индейца только после того, как разрядил ружье. Индеец широко открыл рот и зашатался, отбросив от себя ружье. Оно упало на землю. Кровь хлынула у него изо рта. Он был смертельно ранен. На лицо его стало страшно смотреть. Он покачнулся и упал.

Скорчившись, Том осматривался, пока не нашел нужную ему скалу. Собрав последние силы, он бросился бежать и вскоре достиг красной скалы. Но потаенного места, где были укрыты лошади, он не мог до тех пор найти, пока Джэк Дивайн не увидел его и не окликнул. Том, пошатываясь, обошел скалу и попал на лужайку, где стояли лошади. Дивайн с шумом скатился с выступа, с которого, по-видимому, наблюдал за окрестностью. Затем с другой стороны появился другой сторожевой — Ол Сорндайк. Они подбежали к Тому.

— Смотрите, вы весь в крови, — испуганно крикнул Джэк.

— Я ранен... не знаю... серьезно ли... — тяжело дыша, сказал Том. — Но вряд ли... очень серьезно... Скорей, ребята. Я пришел за водой. Перевяжите меня. Мне надо торопиться обратно.

— Мы тоже пойдем с вами, — сказал Дивайн.

Они разорвали на нем рубашку. Она была мокрая и красная от крови. Том весь скорчился, когда один из них дотронулся пальцем до раны на спине.

— Ничего опасного, — сказал Дивайн. — Принеси воды, Ол.

Они обмыли Тому рану и перевязали ее платком.

— Я должен отнести туда несколько фляжек, — заявил Том.

— Я пойду, а вы оставайтесь с Олом, — ответил Дивайн.

— Ну, я не намерен оставаться. Я хочу тоже помочь нашим товарищам, — решительно сказал Сорндайк.

— Мне не было приказано привести вас.

— Это не имеет значения. Какая польза от того, что мы скрываемся здесь? Если команчи найдут нас, мы не сможем спасти лошадей. А если уйдем отсюда, то можем присоединиться к остальным и поддержать их.

Логика Дивайна была неопровержима, и Том не стал возражать. Они захватили по две фляжки каждый, взяли ружья и поспешно отправились в путь, Том указывал дорогу. Идти было легко, но когда они дошли до того места, где он считал нужным остановиться, началось самое трудное. Тяжелые фляжки свисали с шеи. Тому пришлось лечь на землю и ползти, как змее. Он полз впереди, в десяти шагах от Сорндайка, за которым на таком же расстоянии следовал Дивайн. Тому часто приходилось останавливаться и отдыхать. Легкие его, по-видимому, были в состоянии выдержать это испытание, но мускулы ослабели. Однако он знал, что одолеет это расстояние. Большими глотками пил он воду, которую нес с собой, и это освежало его. При возвращении он не чувствовал такого возбуждения, и поэтому ему было труднее. Они уже подползли близко к тому месту, где отстреливались Пилчэк и остальные, и в то же время это была зона, простреливаемая индейцами, как вдруг пуля ударилась и подняла пыль перед самой головой Тома. Он зашатался. Другая пуля задела верхушку его шляпы. Это заставило его судорожно проползти дальше и укрыться за большим камнем. Пули теперь стали жужжать и свистеть над головой и отскакивать от обломков скал.

Наконец, Том с товарищами добрался до места, откуда поднимался ружейный дым от стрельбы, — это была позиция Пилчэка.

— Настает самый опасный момент в нашей задаче, — сказал Дивайн. — Представьте себе, что они примут нас за краснокожих.

Но Пилчэк был слишком мудрым и опытным руководителем, чтобы допустить такую ошибку. Он был наче-

ку, и его озабоченное, потное, суровое лицо просветлело при виде Тома.

— Все ловко проделано, Том! — воскликнул он. — Здесь настоящий ад. Поспешите к Ори и Робертсу!

Том подполз к молодому парню, лежавшему под навесом, который соорудил Робертс для защиты от солнца из своей рубашки и палки. Робертс хрипом приветствовал Тома. Голос у него, по-видимому, пропал. У Ори лицо было бледное и потное. Когда Том приподнял его голову, тот открыл глаза, попытался что-то сказать, но не мог.

— Ори, вот вода, — сказал Том и поднес фляжку к его бледным губам.

Никогда до того Том так не понимал, как драгоценна вода. Он смотрел, как Ори пил, и был вполне вознагражден его слабой благодарной улыбкой.

— Очень благодарен, Том, — прошептал Ори и откинулся назад, и взгляд у него был какой-то странный. Затем он закрыл глаза и как будто успокоился. Тому не понравилось выражение лица его в тот момент, но в возбуждении он скоро забыл об этом.

Робертс передал фляжку другому раненому и подождал, пока тот напьется. Затем он сам утолил жажду.

— Вот все, что мне было нужно, — с глубоким вздохом проговорил он.

Старый седой охотник подполз, чтобы отпить свою долю.

— Сын мой, такую фляжку вылизал бы и Бурый Хорс, — сказал он.

— Как! Мы сражаемся с этим вождем? — удивленно спросил Том.

— Если верить Пилчэку, оно так и есть, — весело ответил старый охотник. — Старик Хорс и около тысячи краснокожих с ним.

Затем Том отполз к удобному месту за обломком скалы, где он находился раньше, и стал тщательно следить, чтобы не попасть под огонь индейцев. Он был почти без сил, и рана причиняла ему мучительную боль. Солнце адски жгло. Ружье и камни, как огонь, обжигали ему руки. Но когда он принялся выскивать для себя цель и снова вступил в бой, то забыл о своих страданиях и обо всем остальном, что казалось ему невыносимым.

Бой постепенно усиливался, и теперь перешел в яростное наступление со стороны команчей, вызвав отчаян-

ное сопротивление осажденных. В конце концов Тому пришлось на собственном опыте убедиться в том, что ожесточение сражающихся и опасность приняли угрожающие размеры. Пуля попала ему в плечо, и это сразу заставило его встряхнуться, а отчаянная смелость индейцев заразила и его. Он еще больше высунулся и усилил огонь. Затем, когда, страдая от второй раны, он скорчился и принужден был укрыться, он отдал себе ясный отчет, как происходит наступление.

Команчи подступали все ближе и ближе, почти совершенно скрытые теперь пеленой дыма, застилавшей всю картину.

— Прекратите огонь! Ждите атаки! — громовым голосом крикнул Пилчэк.

Грохот тяжелых охотничьих ружей прекратился, и это позволило отчетливее различать стрельбу индейцев. Винчестеры их трещали непрерывно, залп за залпом, и свинцовый град осыпал каменные позиции осажденных.

Очевидно, индейцы в основном сосредоточились на западной стороне, между позициями Старуэлла и Пилчэка. Это побудило Пилчэка отвести своих людей в сторону, где укрывался Том. Все ближе, все плотнее становился огонь индейцев. Сквозь синюю дымчатую завесу Том видел быстро мелькавшие фигуры, похожие на призраки. То команчи проскальзывали от прикрития к прикритию, перебежали от скалы к скале. Сердце у Тома готово было разорваться. Если у индейцев достаточно сил, то они могут перебить весь отряд Пилчэка. И вдруг, когда Том уже готовился к такому безнадежному исходу, огонь прекратился. Наступила напряженная тишина, странная после оглушительного грохота стрельбы.

— Это хитрость. Следите внимательно! — предупредил Пилчэк своих людей.

Едва он произнес эти слова, как индейцы открыли шквальный огонь с очень близкого расстояния. Пилчэк выкрикнул приказание, которое нельзя было разобрать среди ружейного треска. Но достаточно было услышать его голос, чтобы в ответ грянули тяжелые охотничьи ружья. В следующий момент стрельба сделалась такой быстрой и бешеной, что Тому казалось, будто он слышит непрерывный громовой раскат. Он увидел сквозь дым, как с невероятной быстротой ринулись вперед индейцы,

и стрелял так, что ружье у него раскалилось. Среди ружейного грохота он услышал оглушительный клич команчей. Почти в тот же момент дым застлал всю картину, больше к выгоде белых, чем краснокожих. Охотничьи ружья по-прежнему непрерывно грохотали, и сила этого звука, вероятно, подействовала на отчаянно смелых команчей. Может быть, они не рассчитывали на такое отчаянное сопротивление. Их воинственный крик стал более пронзительным и тонким и, наконец, замер; а затем прекратились и их раскатистые залпы. Тогда и Пилчэк приказал своим людям прекратить стрельбу.

Том увидел, как старый седой охотник встал, оглядел окутанный дымом подъем и снова опустился вниз.

— Ребята, они подбирают своих убитых и раненых, — сказал он. — Они разбиты, и мы должны отогнать их совсем, к их лошадям.

— Правильно, — мрачно ответил Пилчэк, — но выждем и посмотрим, верно ли это.

Если отступление и произошло, то Том не смог увидеть его из-за дымовой завесы. Он отошел от своего места и расправил одеревеневшие члены. Рубашка его была вся мокрая от крови. По исследовании, вторая рана его оказалась легкая, но очень болезненная. Он попросил Дивайна перевязать ее платком. В этот момент поспешно вернулся Пилчэк.

— Ребята, дело клонится к тому, что мы выиграем, — сказал он, и серые глаза его заблестели. — Если мы разобьем и обратим в бегство Бурого Хорса, то это будет первая победа охотников в долгой войне из-за бизонов... Харкэуэй, оставайтесь здесь с двумя людьми, чтобы охранять раненых. Остальные забирайте запасные патроны и следуйте за мной.

Том не из последних опустил руку в мешок с патронами и последовал за разведчиком. Пилчэк продвигался вперед осторожно, становясь все смелее, по мере того как засада становилась менее вероятной, и, наконец, бросился бегом.

— Живей, за мной! — крикнул он, обернувшись назад.

Том споткнулся, следуя за Джэком Дивайном, и, остав на несколько шагов, старался преодолеть тяжелую дорогу и бежать. И не глядел перед собой, пока не достиг гребня подъема. Команчи отступали. В этом не было

никакого сомнения. Отступление велось в полном порядке, с линией воинов, охранявших тыл. Том увидел, как индейцы подбирают и уносят своих раненых и убитых; другие столпились около лошадей; а главная масса собралась в середине лагеря, где видны были признаки большой спешки.

— Вперед, ребята! — крикнул Пилчэк и бросился вниз по склону.

Отряд Пилчэка с криками, потрясая оружием, рассыпался по спуску. Внизу, в лагере, внезапно показался дым, и затем грянул залп из винчестеров. Тогда Пилчэк остановился, стал на одно колено и приподнял ружье... Его примеру сейчас же последовали другие. Он выстрелил, за ним Дивайн и старый охотник, а затем дали залп остальные. Если бы команчи не остановились и ринулись вперед, несмотря на залпы охотничьих ружей, то охотникам Пилчэка пришел бы конец. Они были бы сметены. Но индейцы не решились добыть победу такой ценой. Они стреляли так же, как скакали верхом, бешено, неистово, но безалаберно. Что касается белых, то они продолжали наступать, подбадривая себя громкими криками и стреляя. Дым и грохот со всех сторон ошеломили Тома. Ружье жгло ему руки, и лицо было опалено порохом. Вдруг что-то его сшибло с ног, и мрак погасил сознание...

Придя в себя, Том чувствовал тупую боль и полную растерянность, так что не мог ясно представить себе, ни где он находится, ни что произошло. Его куда-то несли, слышались людские голоса; дневной свет казался красноватым и туманным. Он опять лишился сознания и снова очнулся и почувствовал головокружение. Он лежал на спине, и над ним возвышалась темная скала. Затем в лицо ему брызнули холодной водой, и он услышал знакомый голос:

— Том неопасно ранен, — говорил Джэк Дивайн. — Последняя пуля только оцарапала ему кожу. Он парень крепкий.

— Очень рад, — ответил Пилчэк. — Мне показалось, будто он уже готов.

— Он отлично поправится... Назови меня как угодно, если он не очнется сейчас. Эй, Том!

— Я чувствую себя хорошо, спасибо, — слабым голосом сказал Том. — Как наши дела?

Тут Диван начал красноречивый рассказ о том, как они заставили отступить Бурого Хорса с его двумя сотнями воинов, преследовали их и, наконец, окончательно разбили и обратили в бегство, нанеся большие потери. Но Дивайн не упомянул о том, как пострадал отряд Пилчэка. Хотя Тома мучила боль и слабость от потери крови, все-таки он поел немного и, утомленный этим усилием, уснул.

Дневной свет вернул ему ясное сознание, и первый же взгляд на лежащих кругом раненых и перевязанных товарищей дал ему представление о том, чего стоила победа над Бурым Хорсом. Никто не избежал хотя бы одной раны. Бэрн Хэднолл был ранен легко. Том не видел многих знакомых лиц. Но он не стал задавать вопросов. Когда ему перевязывали раны, он испытывал мучительную боль. После этого он был рад, что может лежать спокойно, с закрытыми глазами.

Позднее, в то же утро, у него хватило силы сесть верхом на лошадь и присоединиться к отряду, медленно возвращавшемуся к постоянному лагерю. Он выдержал это, но в глубине души желал, чтобы больше таких испытаний не выпадало на его долю. Тенистый, прохладный лагерь с проточной водой был самым желанным местом отдыха. Одного за другим, всех раненых устроили поудобнее. Тут Том узнал, что семь человек из отряда Пилчэка убиты. Ори Тэск умер первым...

Глава XVI

Когда весной 1877 года по донесениям разведчиков сопротивление кочевых племен на юго-западе было сломлено, Том распрощался с Бэрном Хэдноллом, своим давним другом и товарищем. Дэв Стронгхэрл уже несколько месяцев как уехал в Спрэг к своей жене, и теперь Бэрн тоже хотел повидаться с женой и с родными.

— Что вы будете делать теперь, Том? — спросил Бэрн.

Доон опустил голову:

— Мне было бы слишком тяжело вернуться в Спрэг, как раз теперь. Видите ли, Бэрн, я не могу забыть Милли. Конечно, она уже давно умерла. Но иногда я вижу ее во сне, и она кажется мне живой. Мне хотелось бы

узнать правду о ее судьбе. Когда-нибудь мне это удастся. Я отправлюсь с Пилчэком в Бразос. Крупная охота теперь там.

— Я собираюсь основаться около Спрэга, бросить ружье и взяться за плуг, — сказал Бэрн. — Отец всегда говорил, что наступит день, когда Спрэг станет центром скотоводческого и фермерского района.

— Да, я помню. Это была раньше и моя мечта. Но я изменился. Вероятно, это бродячая жизнь подействовала на меня. Пока меня еще манит простор. Когда-нибудь я вернусь обратно.

— Том, у вас есть сбережения, — задумчиво ответил Бэрн. — Разве не рискованно возить с собой все деньги? Теперь в охотничьих областях есть люди поопаснее, чем команчи.

— Я уже думал об этом, — сказал Том. — Это действительно рискованно. И я попрошу вас взять большую часть моих денег и положить их в банк.

— Это неплохая идея. Но представьте себе, что вы не вернетесь? Вы знаете, что нам приходилось переживать, знаете, сколько сильных и способных людей погибло. Подумайте, как нам повезло!

— Я думал и об этом, — многозначительно сказал Том. — Если я не приеду в течение пяти лет, то переведите деньги на имя ваших детей. Деньги теперь не имеют для меня большого значения... Но, по всей вероятности, я вернусь.

Этот разговор происходил в апреле в лагере, расположенном в верховьях Красной реки. В тот день уезжало множество охотников с повозками, нагруженными шкурами бизонов. С одним из таких огромных охотничьих караванов отправлялся на север Бэрн Хэднолл. Том и Пилчэк готовились к большой охоте в окрестностях реки Бразос, о которых ходили слухи, как о каком-то золотом дне. Когда они собирали и подготавливали отряд, к ним явился смуглый человек, небольшого роста, с очень оригинальным лицом, на котором была печать чего-то возвышенного и в то же время комичного.

— Я хотел бы присоединиться к вам, — заявил он Пилчэку.

Разведчик, привыкший оценивать людей с первого взгляда, очевидно, увидел, что это услужливый и способный парень.

— Верно, человек нам нужен. Но он должен быть опытным, — ответил Пилчэк.

— Глупые новички давно перевелись, — ухмыльнулся тот. — Я убил и ободрал больше четырех тысяч бизонов. И, кроме того, я кузнец и повар.

— Ну, я вижу, что вы один замените собою целый отряд, — широко улыбаясь, что с ним редко бывало, ответил Пилчэк. — На каких условиях хотите присоединиться к нам?

— Расходы, работа, прибыль — все поровну.

— Нет ничего лучше. Думаю, что мы будем рады принять вас. Ваше имя?

— Джонс, — ответил новоприбывший.

— Том Доон, — добродушно сказал разведчик, — познакомьтесь с Джоном.

Вместе с другим отрядом новоприбывшего охотника Хэултона, с которым был сын пятнадцати лет и еще двое сыновей постарше, Пилчэк отправился к реке Бразос. После благополучного путешествия, большею частью по проезжим дорогам, они достигли одного из притоков Бразоса, где им стали попадаться отдельные небольшие стада бизонов.

— Остановимся здесь на пару дней, прежде чем доберемся до главного стада, — сказал Пилчэк. — Мне очень хотелось бы поохотиться одному. Думаю, что на берегах Бразоса охотники теснятся, как пчелы в улье. Пока можно, побудем подальше от вони и насекомых.

Оба отряда разбили лагеря на близком расстоянии один от другого. Это было, наверное, самое живописное место, которое только встречал Том в своих путешествиях по западному Техасу. Пилчэк сказал, что главное стадо, преследуемое массой охотников, прошло в нескольких милях к востоку отсюда. Поэтому воздух здесь был чист, вода не загрязнена, трава не измята и деревья не поломаны. Может быть бой с индейцами так закалил волю Тома Доона, что истребительная охота на бизонов не вызывала в нем теперь такого чувства неприятия, как когда-то. Затем бродячая жизнь на открытом воздухе превращается в привычку, она приковывает к себе чело-

века. Кроме того, Том постоянно испытывал тоску и неудовлетворенность жизнью, которые могли смягчить только работа и движение.

Он очень привязался к Черри Хэултону. Это был стройный мальчик, рыжий, с веснушчатым лицом, и, как это и подобало мальчику в западных штатах в семидесятых годах, он преклонялся перед разведчиком и перед Томом, — опытными охотниками на бизонов. Он и его товарищи, братья Дэн и Джо Ньюман, пользовались каждой свободной минутой, приставали к Пилчэку и Тому и требовали у них рассказов, как собаки костей.

Отряды продвигались вдоль притока по направлению к слиянию его с Бразосом. По мере того как количество бизонов увеличивалось, они встречали все больше охотников, и в начале мая оказались в области, где находилось главное стадо и где густо расположились охотничьи лагеря. Среди этих охотников попадалось немало воров и грабителей, и это вызывало необходимость зорко охранять лагеря и всегда оставлять одного или несколько человек на страже. Тому и Черри приходилось часто целый день оставаться в лагере, и это было очень приятное разнообразие, хотя работы было выше головы. Лагерь их был расположен в том месте, где Бразос пересекала старинная испанская дорога из Стэкед Плэнс, по которой происходило непрерывное движение. Охотники, нагруженные повозки, новички и старые, опытные люди, солдаты и индейцы проезжали мимо лагеря, и редко выдавался день, когда ни один из путешественников не останавливался хотя бы на час.

Однажды проездом по дороге в форт Уорс остановился старый знакомый Тома.

— Робертс! — радостно и изумленно воскликнул Том.

— Я только что из форта Силл, — сказал Робертс, тоже обрадованный.

— И у меня есть новости для вас. Помните ли вы Бурого Хорса, вождя команчей, с которым мы сражались, когда мне прострелили руку?

— Вряд ли я смогу это забыть, — ответил Том.

— Ну, так команчи, оставшиеся еще в живых, понемногу стали являться в форт Силл и сдаваться. И от

них мы узнали, что солдаты выдержали долгий бой с Бурым Хорсом, и какой-то сержант убил старого вождя и его жену.

— А слышали ли вы что-нибудь еще о ружье Хэднолла?

— Слышал. Вы, вероятно, помните, что у Хэднолла было замечательное ружье, как раз такое, какое могло прельстить краснокожих, и обладание этим ружьем оказалось роковым для всех индейцев, которые завладевали им. Первый получил его сын Хорса. Это он повел атаку на нас и попал под наш огонь. Он был убит, и помню, труп его был весь пронизан пулями. Затем оно перешло к индейцу по имени Пять Перьев. Выяснилось, что он был тоже убит нами. После этого каждый краснокожий, к которому попадало ружье Хэднолла, погибал. В конце концов, они перестали употреблять его, считая, что это плохая примета для них. Дело же было просто в том, что индейцы, у которых было ружье Хэднолла, становились безрассудно смелыми, именно потому, что полагались на это ружье и лезли прямо под наши пули. Но они решили, что тут какое-то дьявольское колдовство.

Глава XVII

Середина июля застала Тома Доона и Пилчэка далеко в низовьях Бразоса, в самой гуще бойни. На расстоянии тридцати миль охотники день за днем истребляли последнее огромное стадо бизонов.

Если климат был тяжелый в середине лета и на Красной реке, то здесь и подавно стояла невыносимая жара. Однако в ранние часы охота была сравнительно легка. Том Доон усиленно работал больше двух месяцев; он, Пилчэк и Джонс убили три тысячи девятьсот двадцать бизонов, потеряв только небольшой процент шкур. Им теперь не приходилось отвозить шкуры; они продавали их на месте.

Вокруг был настоящий кошмар. Том не мог проехать буквально нескольких шагов, чтобы не натолкнуться или на кучу костей, или на полусгнившую тушу, или на едва начинающий разлагаться труп, или

на только что ободранного бизона. Случались дни, когда сотни ободранных, окровавленных туш валялись на протяжении многих миль. Хищные птицы носились густыми стаями. И запах разложения становился невыносим. Прерия как будто превратилась в какой-то чудовищный, фантастический мясной рынок, и в лагерьях было почти невозможно жить из-за мух, клопов, клещей и москитов. Охотники превратились в безжалостных мясников, и это неизбежно отразилось на их душевном состоянии. Бум! бум! бум! По целым дням треск ружейных выстрелов наполнял раскаленный воздух. Не было лагеря, где не слышен был бы этот грохот. Повозки тряслись по пыльным дорогам. Все отряды работали день и ночь, чтобы увеличивать свои запасы шкур, носились верхом, гнались, стреляли, сдирали шкуры, растягивали их, как будто жизнь каждого охотника зависела от этой непрерывной охоты. Это была настоящая бойня. Том Доон теперь снова уже испытывал то мучительное настроение, против которого он одно время боролся — это было самообличение, сознание, что эта бойня окончательно унижит и обесчестит его, если он немедленно не бросит это занятие. Когда-то у него был чудесный повод отказаться от этой охоты — Милли Фэйр. Иногда еще взгляд ее темных глаз преследовал его. Если бы она не пропала, он давно покончил бы с этим кровавым развлечением. Рана в его сердце не зарубцевалась. Любовь к Милли продолжала жить в нем, и это одно спасало его от окончательного падения среди этих суровых и жестоких условий жизни.

Наступил август. Бизоны сгрудились в одно колоссальное стадо. Настала пора случки, и самцы и самки, покорные чудесному инстинкту, стали медлительнее, менее осторожны, не обращали внимания теперь на человеческий запах, доносившийся к ним ветром.

Вначале нужно было находиться на расстоянии целой мили или даже ближе от стада, чтобы услышать странный глухой, рокочущий звук — мычание самцов. Со дня на день звук этот становился все громче, все сильнее. Его слышно было за несколько миль, и постепенно все больше и больше бизонов присоединялось к

этому мычанию. Это мычание становилось непрерывным и заглушало грохот ружей. Наступил день, когда оно стало чудовищным и раздавалось день и ночь. Лагерь Доона находился в это время в десяти милях от главного стада. На таком расстоянии мычание было похоже на отдаленный гром. Оно мешало Тому спать, оно оглушало его. Когда он засыпал, оно навевало ему кошмарные сны. Просыпаясь, он снова слышал это долгое, тоскливое завывание. В конце концов, оно так глубоко действовало на него, что в темные одинокие ночи ему начинало казаться, что он слышит голос целой великой животной породы, умоляющей о пощаде и о жизни — о жизни, о жизни! Среди ночной тишины, когда смолкали ружья, он не мог отделаться от этого наваждения. Ему становилось ясно, какое непоправимое зло творят охотники на бизонов. Эти великолепные животные погибают и истребляются ради обогащения небольшой кучки людей, совершенно развращенных этой жестокой бойней. Тщетная мольба природы слышалась Тому в этом мычании...

Том Доон и Пилчэк остановили лошадей на вершине холма, всматриваясь вдаль. К их изумлению, бесконечной черной полосы стада бизонов не было видно. В этот ранний утренний час охотники только что выезжали на свою ежедневную работу. Не слышно было ружейных выстрелов, и казалось, что эта часть прерии принадлежит только Тому и разведчику.

— Вчера мы целый день были заняты обработкой шкур в лагере и не подумали спросить у Джона, тронулось ли стадо, — в раздумье заметил Пилчэк. — Сезон случки кончился, и стада здесь нет, это факт... Что там виднеется, лошади ли?

Том поглядел в подзорную трубу.

— Да. Это охотники. Дальше их еще больше. Они спускаются вниз, вдоль по реке.

— Кстати, я припоминаю, что не слышал сильной стрельбы вчера. А вы?

— Слышал немного, и то рано утром и издалека.

— Часть бизонов и несколько охотничьих отрядов направились на север. Река в десяти милях отсюда делает поворот и течет на восток. Я готов биться об заклад, что главное стадо не огибало этот поворот.

— Почему?

— Потому что оно никогда больше не пойдет на север. В течение двух месяцев изо дня в день оно держало направление на юг. Это неестественно для середины лета. В это время бизоны должны были бы направляться на север. Дело в том, что на юг загоняла их толпа охотников.

— Но что же случилось сегодня?

— Право, не могу объяснить, но чувствую, что все охотники, отправляющиеся на север, только даром потратят время.

— Что же мы будем делать?

— Я хотел бы проехать на запад и посмотреть, какова ближайшая переправа, — сказал разведчик. — Мы скоро снимемся с лагеря и двинемся на юг. Нам нужно перебраться на тот берег реки.

Они поехали на запад с намерением миль через пять выехать к реке. Время от времени Пилчэк поворачивался на своем седле, чтобы оглянуться на пустынную прерию, а затем смотрел на скопившиеся тучи. Тому показалось, что разведчик присматривается и прислушивается к чему-то.

— Чего вы ждете? — с любопытством спросил Том. — Грозы?

— Я и сам не знаю, — воскликнул Пилчэк. — Я и не думал о грозе. Совсем не думал! Это у меня привычка такая, должно быть... Но раз вы спрашиваете меня, то признаюсь, что меня беспокоит, куда делось главное стадо.

Пилчэк отъехал на запад дальше, чем предполагал, и подъехал к реке в том месте, где прерия внезапно понижается, постепенно спускаясь к мелкой воде. Тут бизоны ежегодно переходили реку вброд. Деревьев тут не было, а кустарники и трава не разрослись так густо, как обычно по берегам реки. Место это показалось мрачноватым и пустынным Тому, когда он сидел верхом на лошади, пока Пилчэк переезжал через реку. Наконец разведчик вернулся и подъехал к Тому.

— Ну, я не побоюсь гнать лошадей с повозкой по такому песку, — заявил он. — Дайте мне вашу подзорную трубу.

Он окинул взглядом горизонт и в конце концов остановил взгляд на какой-то точке в западном направлении, на некотором расстоянии от реки.

— Видите несколько маленьких стад бизонов? — сказал он. — Едем к ним, поохотимся, снимем шкуры с убитых и подберем их, когда проедем здесь завтра с повозкой, по дороге на юг.

Они проскакали по прерии несколько миль, и бизоны были уже ясно видны. Тем временем легкий ветер поднялся с севера.

— Черт возьми! — с досадой воскликнул Пилчэк. — Ветер снова меняется. Если он окрепнет, то мы этого стада врасплох не застанем.

Когда они проехали еще милю, ветер усилился, и осторожные бизоны, почуяв запах охотников, пустились вскачь по прерии. Пилчэк пренебрежительно посмотрел им вслед:

— Скачите, дурачье, скачите!.. Том, я думаю, что все мы испорчены былой легкой охотой. Такой легкой она же больше никогда не будет. И я отчасти рад этому. Поехали обратно.

Они повернули и поехали против ветра, теперь сильно окрепшего, прохладного, несущего с собой тяжелый запах разлагающихся бизоньих туш.

— Тьфу! — воскликнул разведчик. — Я предпочел бы вдыхать дым от костра, пусть лучше он разъедал бы мне глаза.

Том чутким слухом уловил глухой громовой раскат. Он повернул голову. Звук исчез. Донесся он только при сильном порыве ветра.

— Что вы слышите? — осведомился разведчик, всегда все замечавший.

— Гром.

— Да, как-будто чувствуется гроза. Но я никогда не доверяю грому в этих краях, — многозначительно ответил разведчик.

Он остановил лошадь, и Том тоже. Они взглянули на север. Темные, свинцовые облака надвигались на них не быстро, но неуклонно, и очертания их постепенно изменялись. Они превратились в темно-багровую грудку, края которой прорезали тонкие зигзаги молний.

— Действительно, гроза, — заметил Пилчэк. — Слушайте.

Разведчик слез с лошади.

— Слезайте, Том, и отойдите от лошадей. Слушайте теперь.

Том услышал глухой отдаленный гул.

— Слышу.

— Это настоящий гром, и он предвещает дождь на этой вонючей, пыльной, раскаленной равнине... Прислушайтесь еще, Том.

Стояли они далеко друг от друга, Пилчэк прислушивался правым ухом, Том левым, и они замерли неподвижно. Несколько раз раскат грома, теперь ясно слышимый Тому, заставлял разведчика кивать головой.

— Ну, это не то, что я думал, — мрачно сказал он. — И у нас нет времени целый день оставаться здесь... Прислушайтесь получше, Том. Вы моложе меня.

Том, обычно вялый, теперь немного заволновался. Два года провел он с этим старым охотником, в течение которых у него было бесконечное количество случаев убедиться в его здравом уме, проницательности и замечательной житейской опытности. Пилчэк был озабочен судьбой этого стада. И Том наклонился пониже, затаил дыхание и изо всех сил напряг слух. Снова услышал он долгий раскатистый гул. Опять гром. Это было все. Он выпрямился.

— Ничего не слышу, кроме грозы, — сказал Том.

— Я знаю, что слух у меня не такой, как в молодости, и мне все кажется, что я слышу что-то особенное, — ответил разведчик. — Но минуту тому назад... Попробуйте послушать опять. Я хочу знать на-верное.

Заинтересованный, Том стал прислушиваться напряженно и чутко, как только мог. На этот раз ему показалось, что гром немного усилился, и одновременно он услышал другой звук, более слабый, необычайно глухой шум, который не прекращался, но, замирая, при раскатах грома снова начинался, — глухой, странный, непрерывный, — когда эти раскаты кончались. Затем он выпрямился и рассказал Пилчэку, что слышал. Как засверкали серые глаза разведчика! Он не ответил, а только поднял свою загорелую руку и застыл в позе прислушивающегося индейца. Том снова склонил голову, и порыв ветра донес раскат грома, затем долгий, глухой, все усиливающийся шум, опять гром и опять шум. Том сделал из этого свои собственные выводы, поднял голову и подождал, что скажет разведчик. Долго стоял Пилчэк

в такой напряженной позе. В некоторых случаях это был медлительный, долго раздумывающий человек. Иногда же он действовал с невероятной быстротой. На этот раз он, по-видимому, определял силу, направление и расстояние этого тревожного звука, а не его происхождение. Наконец, он опустил свою большую загорелую руку и ударил ею по ладони другой руки. Он обернулся к Тому, и серые глаза его блеснули.

— Паническое бегство... Бежит все стадо! — крикнул он. — Я ожидал этого все дни.

Он оглядел весь северный край прерии.

— Вы говорите, что можете видеть только на расстоянии четырех или пяти миль, — сказал он. — Прерия приблизительно на таком расстоянии поднимается вверх, а потом спускается вниз. Потому и звук заглушается, и не видно, происходит ли там какое-либо движение. Мы не можем быть уверены, что это стадо далеко. Думаю, что нам лучше было бы поскорей уехать!

Они сели верхом и поскакали. У Тома уже не было быстрой преданной Дести, и теперь он ехал на сильной и тоже довольно быстрой лошади, которая, однако, не могла тягаться с охотничьей лошадью Пилчэка. И Том стал постепенно отставать. Он не погонял свою лошадь, хотя вполне понимал всю серьезность опасности, указанной Пилчэком. Пока он видел Пилчэка, он не боялся, что они потеряют друг друга. Том был убежден, что в случае встречи с бизонами, он сам выпутается из этого положения. Казалось странным убежать от невидимой опасности. Во время езды он ничего не слышал, кроме равномерного стука копыт и завывания ветра.

Вскоре он был изумлен, когда увидел, что Пилчэк останавливает свою лошадь. Заинтересованный, Том направился к нему. Пилчэк соскочил с седла, пробежал несколько шагов, остановился и ничком лег на землю.

Вероятно, положение становилось серьезным. Пилчэк минуту лежал, затем встал и застыл, как статуя. Затем он внезапно вскочил на лошадь. Но вместо того чтобы ехать дальше, стоял на месте и смотрел на север. Том подъехал к нему и остановился рядом.

— Джюд, что случилось? — крикнул он.

— Я не уверен, но, кажется, положение чертовски опасное, — ответил разведчик.

— Почему? Я ничего не вижу и не слышу.

— Взгляните на эту желтую пыльную полосу вправо от темного клочка неба. Видите, она движется! Я боюсь, что если мы поедем так дальше, то окажемся отрезанными рекой. Мы сможем переправиться через нее, но это потребует времени, и затем мы вынуждены будем ехать на север. А этого мы не должны делать теперь ни в коем случае, надо держаться запада или востока.

— Джюд, я слышу шум, — сказал Том.

— И я тоже. Но меня остановила вот эта пыль, которая несется там... Если я еще кое-что понимаю, то мы в адском положении. Нам надо решать, что предпринять, и решать, не мешкая!

Тогда Том стал рассматривать низкое круглое желтое облако пыли. Оно подвигалось медленно и распространялось вправо. На фоне пурпурного неба оно казалось зловещим. Том видел, как оно постепенно росло слева, хотя с этой стороны не так быстро охватывало прерию. Смутный, отдаленный гул, хотя и не громкий теперь, слышался непрерывно. То был обманчивый звук, он мог быть или ближе, чем казалось, или значительно дальше. Внезапно звук этот сделался громким и отчетливым. Это удивило Тома. Он оглянулся, чтобы посмотреть, как отнесся к этому Пилчэк. Разведчик остановил свою испуганную лошадь, вытянул шею и поднял голову. Вдруг он откинулся назад, как будто его ударили.

— Доон, глядите! — крикнул он голосом, которого Том никогда не слышал у него, и крик его был заглушен громовым раскатом.

Том оглянулся. Вдоль всего горизонта показалась темная колеблющаяся линия бизонов. Над ними поднималась желтая пыль, а сзади надвигалась багровая грозовая туча. Передние ряды стада, казалось, поднимались из-за возвышения, как волны прилива, широкие, как горизонт, низкие, темные. Они росли и распространялись, как стелющийся по земле дым, и надвигались не прямо, а отклоняясь правее. Минуту Том смотрел, пораженный, взволнованный, затем кровь ударила ему в голову. Огромное главное стадо, охваченное паникой, несло на них и находилось на расстоянии не более пяти миль.

— Черт возьми, мы попали в ловушку! — сдавленным голосом крикнул Пилчэк. — У нас осталась единственная возможность спастись. За мной!

Он повернул свою лошадь и погнал ее во весь опор к речной переправе. Том поскакал за ним и видел, что лошадь его, напуганная шумом, не отстает теперь от Пилчэка. Том и раньше ехал быстро, но, догоняя разведчика, ему пришлось нестись с такой быстротой, с какой он, пожалуй, никогда еще не скакал по прерии. Ему показалось, что сзади шум утихает, а справа усиливается. Лошадь Пилчэка стрелой летела вперед. Старый разведчик мчался так, как никогда не удирал даже от команчей. Том вспомнил, как опасались панического бегства бизонов опытные охотники. Это навредило ужас на них, это было страшнее пожара в прерии. С команчами можно было вступить в бой, огонь можно было остановить, но паническое бегство бизонов походило на неудержимо несущийся вал обезумевших животных. Ногами, руками и голосом подгонял Том своего коня, стараясь не отставать от Пилчэка. По обеим сторонам расстилалась прерия, даль была неясная, туманная. Он не мог различить спуска к реке, но уже давно заметил вершину каменистого холма, находившегося у переправы. План Пилчэка стал ему совершенно ясен. Сначала Том думал, что разведчик намерен перебраться через реку раньше стада; теперь же было очевидно, что он надеялся укрыться на вершине холма. Это рассеяло все сомнения Тома. Если лошади не падут, то они смогут добраться до этого убежища.

Так неслись они, и серый, массивный холм казался близко, но как медленно сокращалось расстояние до него. Том увидел, как Пилчэк оглянулся. Мелькнуло его смуглое лицо. Он помахал рукой. Призыв и одобрение! Опасность еще не миновала, но спасение было уже близко. Затем разведчик вдруг остановил лошадь. Через голову Пилчэка Том увидел бледную сверкающую полосу воды. Река! За Томом гремели раскаты грома, которые странно было слышать сквозь завывания ветра. Он не решался оглянуться назад. Том сдерживал свою обезумевшую лошадь, но не мог остановить ее. Пилчэк стоял в нескольких шагах над берегом. Он слез с лошади и в ужасе поднял руки. Том соскочил с ло-

шади как раз в тот момент, когда она замедлила шаг у подножья холма. Таща ее за собой, Том вскарабкался к Пилчэку, который как будто что-то кричал ему. Но Том не слышал его. Каменистый холм занимал площадь в пол-акра, но был достаточно высок, чтобы стадо принуждено было обогнуть его. Том отпустил повод и обернулся, встревоженный и недоумевающий.

Когда он увидел, что несущийся поток животных находится еще на расстоянии трети мили, то прежде всего подумал, что у него есть еще время. Стадо ведь находилось еще не так близко, как он предполагал. Пилчэк наклонился к Тому и потащил его на холм. Он приблизил рот к уху Тома и, по-видимому, кричал что-то. Но Том не слышал голоса, он чувствовал только беззвучное горячее дыханье. Он был оглушен ужасающим грохотом. Он не мог оторваться от страшного зрелища.

С поразительной ясностью, с напряженным волнением, обострившим все его чувства, видел он этот поток обезумевших животных. С ошеломительной быстротой проносились перед ним мохнатые головы, спины, копыта. Над движущейся пыльной завесой, далеко сзади виднелась клубящаяся сизая грозовая пелена. Вспыхивали ослепительные зигзаги молний. Но грома здесь наверху почти не было слышно, он раскатывался ниже, по земле. Как зачарованный, смотрел Том. Он был прикован к холму. Иначе он убежал бы куда угодно от этой нахлынувшей массы. Но он мог только смотреть и глубоко чувствовать все величие и весь ужас этого зрелища. Может случиться, что бизоны не обогнут этого возвышения, может быть, они понесутся через холм. Какой конец для охотников! Быть заживо раздавленным, превращенным в месиво, в пыль под копытами чудовищного стада! Это было бы справедливое возмездие, мщение природы. Жестокие убийцы, истребители бизонов ради наживы и не заслуживали сожаления. Он не чувствовал никакой жалости даже к себе. Вдруг он как бы оглох. Он уже ничего не слышал, а только видел величественный, неудержимый поток обезумевших животных, несущихся в панике и сотрясающих землю. Холм под ногами его начал дрожать, он уже не казался прочным и устойчивым. Том ощутил содрогание почвы, и это ощущение усилило его ужас.

Замерев, Том выжидал момент, когда передние ряды бизонов, достигнув холма, или нахлынут на него, как волны прилива, или обогнут его. Мгновенье это длилось века. Пилчэк и Том прижались друг к другу. Земная твердь, только что такая устойчивая, казалось вот-вот разверзнется под ними. Косматые темные головы, мелькающие рога, дикие сверкающие глаза, бьющие о землю копыта, копыта, копыта — все это молниеносно пронеслось мимо, и страшный момент наступил.

Косматый поток двумя ручьями круглых мохнатых спин обогнул холм и сплошной массой, как вода, хлынул по склону к реке. Пилчэк потащил Тома к самому краю холма. Весь спуск к реке был покрыт сплошной массой бизонов, и они неслись, как одно чудовищно огромное животное. Пыль поднималась в поднебесную высь, как грозовой смерч и, клубясь подобно желтым столбам дыма, неслась через реку, над береговым спуском и дальше по прерии.

Том и Пилчэк находились на такой высоте, что пыль неслась над ними, а бизоны были под ними. Вскоре вся прерия позади них, откуда бежали бизоны, скрылась в пыли. И передние ряды огромной массы тоже исчезли с противоположной стороны за такой же завесой. Но река пока была ясно видна на расстоянии многих миль, и все видимое пространство воды и земли было заполнено бизонами. Они были более многочисленны, чем муравьи, ползущие по лесным дорожкам.

Вдруг охотникам показалось, что наступила ночь. Ветер унес всю пыль за реку, и желтые клубящиеся столбы ее сменились серой косою пеленой дождя. В наступившей темноте сверкали молнии. Но если и раздавался гром сверху, то он заглушал грохот снизу. Пилчэк затащил Тома под узкий каменистый выступ, где они встали, скорчившись, и были таким образом полузащищены от ливня. Им казалось, что прошло много часов. Но все не было конца колоссальному стаду. Дождь прекратился, небо просветлело, и снова яснее стали видны прерия и река. Все было заполнено бизонами — небо и бизоны... Затем солнце выглянуло из-за туч. Пыль рассеялась. А бизоны все бежали, и земля была вся темная от них. Но, наконец, наступил момент, когда масса животных стала уже казаться не

столь плотной, как раньше, и в задних рядах попросторнее. К Тому как будто постепенно возвращался слух. Он догадался, что грохот уменьшился настолько, что перестал оглушать его. Громоподобные раскаты, от которых кровь стыла в жилах, утихали, по мере того как последние ряды стада сбегали с прерии вниз, к берегу, и переправлялись через реку.

Наконец, все стадо скрылось из виду. И грохот превратился в шум, шум в гул, и глухой гул этот замер вдали. Пилчэк выпрямился во весь свой огромный рост и взглянул за реку, в серо-багровую туманную даль, которая поглотила бизонов. У него был вид человека, пережившего нечто потрясающее.

— Последнее стадо! — прочувствованно и торжественно сказал он. — Они переправились через Бразос и никогда не вернутся обратно... Ливень был похож на тот свинцовый град, который понесется им вслед.

Том, пошатываясь, тоже выпрямился и посмотрел на юг. Он не мог высказать того, что пережил при столкновении с этим стадом. Он избежал гибели, которой заслуживал, по его мнению, и он видел величавое зрелище, впечатление от которого было неизгладимо. Совершенно напрасно бежало в панике колоссальное стадо; ему придется остановиться, чтобы напиться, чтобы насытиться травой — и массами устремятся вслед за бизонами безжалостные охотники. Но Том увидел и почувствовал могучую жизненную силу гигантских животных, их страстную привязанность к жизни. Никогда больше не убьет он ни одного бизона! И глубокая тоска охватила его. Пока он стоял так, пытаясь найти слова, в которых мог бы рассказать о своих переживаниях Пилчэку, огромный старый бизон — самец, один из многих, застрявший в грязи при переправе, тяжело ступая и переваливаясь, выбрался на противоположный берег. Глупо оглядываясь он кругом, растерянный, одинокий, отставший — символ того стада, которое ушло без него. Затем он повернул на юг и исчез в тоскливой, серой дали прерии.

— Джюд, я... отправлюсь... на север! — прерывающимся от волнения голосом воскликнул Том, и в голове у него теснились слова, которых он не мог выговорить.

— Одобряю! — воскликнул старый разведчик, протягивая ему свою загорелую руку.

С гребня длинного пологого склона, начинавшего приобретать желтую, золотистую окраску под лучами сентябрьского солнца, Том Доон смотрел на то место в прерии, где раскинулся Спрэг. Городок так разросся, что стал почти неузнаваем. Прекрасную плодородную местность вокруг занимали многочисленные фермы. Недалеко извивалась река, то скрываясь в зелени, то сверкая под солнечными лучами.

Странно, что несмотря на острую тоску, томившую его, и на нежелание возвращаться, Том испытывал радость. Дикая, первобытная жизнь охотника, тишина и одиночество, и утрата, которую он считал невосполнимой, — все это рассеяло его былые юношеские надежды и давнее стремление работать на земле. Но разве он не может найти для себя чего-либо другого взамен?

Длинный караван охотничьих повозок и лошадей тянулся по прерии, направляясь к Спрэгу и готовясь остановиться на зеленой поляне между городом и рекой, где вместо палаток теперь стояли хижины и домики. Там уже находились и новенькие повозки, принадлежавшие охотникам, отправлявшимся на охоту. Тому хотелось крикнуть им о том, сколько мучений и разочарований ждет их там, куда они так радостно, по неведению, собираются отправиться. Такие большие охотничьи караваны, как этот, постоянно приезжали в Спрэг. Они обычно привозили много новостей, и толпа собиралась на поляне встречать их. Впереди Тома ехало с полдюжины повозок, и последней из них правил Пилчэк. Высокого худого старого разведчика сразу окружили охотники, жаждавшие узнать новости из охотничьих областей.

Том заметил Бэрна Хэднолла и Дэва Стронгхэрла раньше, чем те увидели его. Как хорошо они выглядели — их лица пополнели и не были такие обветренные, как во время скитаний по прерии. Они показались Тому оживленными и возбужденными. Они будут рады увидеть его. Если бы только он мог избежать встречи с их женами и с мистрис Хэднолл! Наконец, Бэрн заметил Тома и поспешил к нему. Том быстрым и решительным движением отбросил вожжи и соскочил с повозки.

— Здравствуйте, ребята! Как я рад видеть вас, — сердечно сказал он.

Оба они крепко обняли его и радостно, приветливо и шумно поздоровались с ним и уже не отходили от него.

— Послушайте, ребята, принесли ли вы с собой выпивку? — спросил Том, стараясь скрыть, как тронут он их теплой встречей. — Я еще не совсем пришел в себя после тряски по прерии.

— Том... я... мы... все мы боялись, что вы никогда не вернетесь, — вырвалось у Бэрна. — Вы отлично выглядите. Похудели, может быть, и закалились... Право, я очень рад.

— Том... у меня ребенок... мальчик! — сообщил Дэв, и его мужественное приятное лицо просветлело.

— Вот как, Дэв, поздравляю вас... Очень рад. Как время идет! Кажется, еще совсем недавно...

— У нас есть еще новости, но мы их расскажем по дороге к нам, — прервал его Бэрн. — Том, я купил те пятьсот акров, которые так нравились отцу. Помните? Вы можете купить участок по соседству со мной, на берегу реки. Дэв устроился там же. Город растет. У нас есть банк, школа. И вот, подождите, увидите учительницу. Это...

Он запнулся, как мальчик; взгляд Дэва заставил его замолчать. Тогда Дэв, человек более практичный, тут же взял сумку с вещами Тома, ружье и сверток одеял.

— Вы поедете с нами сейчас же, — решительно сказал он, когда Том стал извиняться и отказываться, — Бэрн, забирай его вещи. Эти лошади и повозки принадлежат Пилчэку, вероятно?

— Да, это его повозка, — ответил Том.

— Ну, теперь идем, охотник, — продолжал Дэв. — Нам приказано привезти вас домой, прежде чем городские девушки увидят вас.

Они вытащили Тома из толпы, понесли его вещи, посадили в повозку, и пока Бэрн укладывал его багаж сзади, Дэв уселся рядом с ним и погнал пару быстрых лошадей по дороге вдоль реки.

Если приветливая встреча Бэрна и Дэва тронула Тома, то прием, оказанный ему женщинами, глубоко его взволновал. Все они стояли на пороге красивого деревен-

ского дома Бэрна. Жена Бэрна расплакалась, по-видимому, от радости, а Сэлли Хэднолл звонко поцеловала его — к его большому смущению. Мистрис Хэднолл, на старом лице которой были следы горя, встретила его так сердечно, что Тому стало стыдно, как мог он забыть этих славных людей. Она первая вошла в дом вместе с ним. Все остальные казались какими-то странными, возбужденными, как будто они скрывали что-то. Они не были такими раньше, насколько помнил Том. Или он просто отвык от сердечности и простоты? Они просто, гостеприимно встретили его. Мистрис Хэднолл закрыла дверь. Том увидел просторную, со всех сторон освещенную окнами, комнату. Откашлявшись, он обернулся и хотел заговорить, но взволнованное лицо мистрис Хэднолл, ее заплаканные глаза заставили его замолчать. Тут что-то было неладно.

— Том, вы изменились, — быстро начала она. — Вы уже не мальчик! Я вижу, как вам тяжело возвращаться к нам.

— Да, из-за... Милли, — просто ответил он. — Но не думайте, что я не рад видеть вас всех. Я очень рад. Вы мои добрые друзья. Мне совестно, что никогда не ценил вас так, как следовало. Но эта суровая жизнь там...

— Не говорите, — сдержанно прервала она его. — Вы знаете, как это мучает меня... Но, Том, не будем вспоминать прошлого. Подумаем о настоящем.

— Мое сердце живет только прошлым. Кажется, будто это было так давно. Я...

— Не думали ли вы когда-нибудь, что Милли, может быть, и не пропала? — спросила она.

— Я думал так, пока надежда не покинула меня окончательно, — тихо ответил Том.

— Друг мой, мы слышали, что она не убита и не попала в плен, и ничего с ней не случилось, — мягко сказала мистрис Хэднолл.

— Вы слышали, что ничего с ней не случилось? Но все-таки это мучает меня, — взволнованно ответил Том. Он был поражен. Что эти люди скрывают? Он упирался в этот вопрос, как в стену.

— Том, мы знаем, что она не погибла, — воскликнула мистрис Хэднолл, и лицо и голос ее изменились.

Потрясенный Том отпрянул назад. Теперь он понял. Этим объяснялось их возбужденное состояние, их странное поведение. Он догадался: Милли не умерла! На мгновение он закрыл глаза и собрал все свои физические и духовные силы, чтобы справиться с нахлынувшей на него радостью. Он должен овладеть собой, не должен пропустить ни слова, ни взгляда этой женщины, которая своим известием вернула ему любовь и жизнь. Но он онемел. Сильная дрожь охватила его с головы до ног. Затем сердце бешено забилось в сладостной муке.

— Милли здесь, — сказала мистрис Хэднолл. — Мы не раз пытались послать вам известие, но никак не могли разыскать вас. Милли жила здесь... с тех пор как спаслась от Джэтта... и от индейцев. Она выросла. Она преподает теперь в школе, и очень счастлива. Она все время ждала вас... она так любит вас...

Голос прерывался у Тома и он прошептал:

— Я вижу по вашему лицу, что это правда, но я не могу поверить... Я хочу увидеть ее!

Мистрис Хэднолл открыла дверь и вышла. Кто-то неслышно проскользнул в комнату. Девушка, женщина, лицо у нее белое, губы раскрыты, большие черные глаза блестят! Неужели это Милли, его Милли?

— О... Том! — тихо, прерывающимся голосом воскликнула она. Она сделала шаг вперед, протянула руки, затем отступила назад и прислонилась к двери.

— Ты... не узнаешь меня?

— Я потерял всякую надежду, — прошептал Том как бы про себя. — Это слишком неожиданно. Мне не верится... Это ты, это твои глаза, которые я так любил!..

— Я, твоя Милли, живая... живая!.. — крикнула она и бросилась к нему в объятия.

Некоторое время спустя они стояли у открытого окна и смотрели на золотистый закат. Она рассказала ему свою историю. Том мог только поражаться, мог только восхищаться ею — так она изменилась, так расцвела и все осталась такой же очаровательной и простой, как в былое время.

— Ты никогда больше не должен уезжать, не должен охотиться на бизонов, — сказала она, и в тоне ее слышались и требование, и мольба.

— Конечно, Милли! — воскликнул он и рассказал ей о том, как в паническом страхе убегало стадо.

— О, как это чудесно и страшно! — заметила она. — Я всегда любила бизонов.

Мистрис Хэднолл весело окликнула их с порога:

— Том... Милли, одной любовью не проживешь. Ужин готов.

— Мы не голодны, — мечтательно ответила Милли.

— Нет, голодны, — энергично возразил Том. — Мы идем... Милли, я так проголодался! Ты же знаешь, как питаются в лагере. Полтора года на бизоньем мясе!

— Подожди. Я пошутила, — шепнула она, и, опустив свои черные, как ночь, глаза с длинными ресницами, прильнула к нему ближе: — Ты помнишь, когда день моего рождения?

— Я никогда этого не знал, — улыбаясь, ответил он.

— Завтра.

— Что ты! Ну, значит, я вернулся как раз вовремя. Послушай, ведь тебе восемнадцать лет.

— Ах, так ты все забыл! Девятнадцать! Ты опоздал на целый год.

— Но, Милли, я никогда не забывал о том, что должно произойти, когда тебе исполнится восемнадцать лет, хотя точной даты не знал.

— А что должно было произойти? — лукаво спросила она, слегка вспыхнув.

— Ты должна была выйти замуж за меня.

— Разве я это обещала? — с деланным изумлением спросила она.

— Конечно!

— Ну, так я имела в виду тот день, когда мне исполнится восемнадцать. Ты никогда не увлекался мною так, как бизонами, ты думал только о них и не искал меня. Я давно уже могла бы быть твоей. А теперь подожди, пока... пока мне исполнится двадцать!

— Милли, я искал тебя все лето, осень и зиму. И сердце мое разрывалось на части.

— Но... но я обещала выйти за тебя замуж в день моего рождения, и так это и должно быть, — сказала она, взволнованная его словами, и темные глаза ее выразительно взглянули на него.

— Дорогая, я так счастлив, что нашел тебя, что ты жива, так счастлив, что ты превратилась в такую краса-

вицу и что ты любишь меня, я готов ждать хоть десять лет, — серьезно сказал он. — Но зачем заставляешь меня ждать? В прерии я вел такую одинокую жизнь, там было так тяжело. Эта жизнь что-то отняла у меня, и только ты можешь вернуть мне это. Я должен опять вернуться к тому, о чем мечтал — бросить охоту и начать обрабатывать землю. Разве ты забыла, какие планы мы строили, когда встречались тайком под вязами? Забыла эти лунные ночи?

— Нет, я никогда ничего не забывала, — прошептала она.

— Ну так, если завтра день твоего рождения, и я напрасно потерял целый бесконечный год, то выходи за меня замуж завтра. Хочешь?

— Хочу, — просто ответила она.

ПОГРАНИЧНЫЙ ЛЕГИОН

роман

Глава I

Джейн Рэндль направила свою лошадь к поросшему кедрами горному кряжу. Дикая вид высившихся кругом скал постепенно пробудил в ее груди раскаяние и страх.

«Значит, Джим не шутил, — подумала она. — Он серьезно взялся за дело и теперь мчится прямо к границе... О, зачем я только насмеялась над ним!»

Действительно, эта восточная пограничная полоса штата Айдахо имела весьма неприветливый вид, особенно в тот жуткий для всего запада год. Погоня за золотом наводнила Калифорнию сбродом жестоких и беспардонных людей. Так называемый «усмирительный комитет» и богатые золотом участки в Айдахо отодвинули вглубь всю эту темную толпу, но жуткие рассказы о кровопролитиях и золоте продолжали еще ходить среди народа. То и дело сталкивались охотники и золотоискатели со всевозможными таинственными личностями.

Джейн недавно рассорилась с Джимом Клэвом и теперь горько раскаивалась в этом. Она была стройной и сильной брюнеткой лет двадцати. Родилась она в штате Миссури, где ее отец занимал видное положение, пока, как и большинство его современников, не погиб от шальной пули. Тогда Джейн попала под покровительство своего дяди, тоже погнавшегося за золотом; таким образом, остальные годы своей жизни она провела в полной глуши.

Уже несколько десятков миль проехала она за Джимом и, наконец, решила слезть и посмотреть, действительно ли так свежи следы его лошади, как она думает. Из их маленькой деревушки он выехал еще до восхода солнца. Один фермер видел его и тотчас же сообщил ей об этом. Вероятно, Джим где-то задержался, так как солнце уже показывало полдень. Джейн принялась раз-

мышлять. К постоянным пустым угрозам Джима она уже привыкла, а его вечная нерешительность опротивела ей. Ведь в самом деле, его было просто жалко. В общем Джим был очень мил и любезен, но со времени их знакомства он еще ни в чем не проявил силу своего характера.

Джейн подошла к своей лошади и принялась вглядываться вдаль, в высокие и мрачные горы. Отважная и находчивая, привыкшая к переездам на лошадях, она всегда умела позаботиться о самой себе. В эту минуту она ясно видела, что заехала дальше, чем следовало, но она так была уверена, что догонит Джима. Разве он не всегда готов каяться перед ней? Однако на этот раз все вышло по-иному. Она вспомнила его худое бледное лицо, настолько побледневшее, что даже выступили маленькие веснушки, которых она до этих пор не замечала. А его глаза? Обычно такие мягкие и нежные, в тот момент они блестели подобно острой стали. Да, его лицо в самом деле выглядело очень расстроенным, даже больше того: оно выражало отчаяние. Но что же особенного она сказала ему? И Джейн начала припоминать.

Вчера вечером, еще до сумерек, девушка ожидала его. Из немногих молодых людей, живших в деревне, она всегда выделяла Джима и, как ей это сейчас казалось, он недостаточно ценил такое внимание. Это сердило ее. Поведение Джима ни с какой стороны не удовлетворяло ее, за исключением только его нежной к ней привязанности. Но, увы, для нее это было недостаточно. Все в нем казалось ей преувеличенным, даже и его чувство.

Джейн задумалась, действительно ли так сильна любовь Джима к ней, и постепенно все детали прошедшего вечера оживились в ее памяти. Она увидела себя сидевшей возле блокгауза под большой сосной. Постепенно тени сгустились, но взошедшая луна снова заставила их побледнеть. Она прислушивалась к тихому жужжанию насекомых, к отдаленному смеху женщин в деревне и к сонному журчанию ручейка. В тот вечер Джим заставил ждать себя дольше обыкновенного. Вероятно, он задержался в салуне, в том самом салуне, который, по словам дяди, с недавних пор сделался сборищем постоянных нарушителей спокойствия всей деревни. Кроме того, раз-

дражало Джейн постоянно растущее население деревушки. Слишком много набралось в одном месте скандальных, вечно пьяных мужчин. Еще не так давно пойти в деревенскую лавку являлось одним удовольствием, теперь же это стало риском. Особенно же дурно то, что все эти новые обстоятельства очень скверно повлияли на Джима, хотя он никогда еще не переходил границ дозволенного. Ее досада на него возрастала. Она больше не намерена дожидаться его. Ни одной секунды дольше. А если ей придется встретить его, то пусть не ждет от нее ничего больше, кроме черствой истины...

Но как раз в эту минуту позади нее послышался легкий шорох, и прежде чем она успела обернуться, две сильных руки крепко обхватили ее. Хватка была настолько неожиданна, что Джейн не успела ни крикнуть, ни оборониться. Темное лицо приблизилось к ее лицу. Быстрые и жгучие поцелуи загорелись на ее щеках, закрыли ей глаза и, наконец, страстно закончились на ее устах. Какая-то странная нега на секунду охватила все ее существо, однако в следующее мгновение она уже снова овладела собой.

Отшатнувшись назад, девушка остановилась, напуганная и возмущенная. Она была настолько ошеломлена, что сразу не узнала, кто перед ней стоит, и только смех выдал ей виновника. То был Джим.

— Ты всегда говоришь, что я слишком робок, — промолвил он. — Что же ты теперь скажешь?

В душе Джейн поднялся слепой гнев. Казалось, она смогла бы убить его в ту минуту. Никогда не давала она ему никакого права над собой, никогда ничего не обещала, никогда не старалась уверить его, что хоть сколько-нибудь отвечает на его чувство. И он осмелился... Горячая волна прилила к ее щекам. Она злобилась на него, но еще более на самое себя, ибо эти поцелуи пробудили в ней какое-то новое и странное чувство мучительного стыда. В тот момент Джейн от всей души ненавидела этого человека.

— Ты... ты? — вырвалось у нее. — Ну, Джим Клэв, теперь между нами все кончено.

— А по-моему, ты еще ничего и не начинала, — сказал он с горечью. — Так или иначе, все ведь осталось как и было... но я не жалею... Черт возьми! Я... Да, я все-таки целовал тебя!

Он тяжело дышал. При неясном свете луны она увидела, как он побледнел. Во всем его существе произошла какая-то перемена. Джейн почувствовала в нем холодное упрямство.

— Ты еще расскаешься в этом, — сказала она. — Отныне наши дороги разошлись.

— Отлично, но я все-таки не раскаиваюсь и никогда не раскаюсь.

Джейн подумала сперва, не пьян ли он, но вспомнила, что Джим не любил напиваться — пожалуй, это было его единственное достоинство... Тогда какая же причина побудила его вести себя подобным образом? Может быть, он догадывался, что его поцелуи так сильно подействуют на нее? Если бы он только еще раз осмелился... При этой мысли она вся задрожала. Теперь она как следует отчитает его.

— Послушай, Джейн, я целовал тебя потому, что мне надоело ходить около тебя каким-то нераскаившимся грешником, — сказал Джим. — Я люблю тебя и без тебя ни на что не годен. Давай поженимся. Я...

— Никогда! — жестко оборвала она. — Из тебя все равно не получится никакого толку.

— Ошибаешься! — страстно запротестовал он. — Еще не так давно я здорово работал, но с тех пор... с тех пор, как я встретил тебя, я сделался тряпкой. Я с ума схожу при мысли о тебе. Ты знакомишься с некоторыми мужчинами, которые недостойны даже... чтобы... чтобы... У меня постоянно так скверно на душе. Я истерзался от тоски и ревности... Ну, дай мне хоть маленькую надежду, Джейн!

— Почему я должна сделать это? — холодно ответила она. — Ты все время слоняешься, не хочешь работать. А если и найдешь когда немного золота, то тотчас же его спускаешь. У тебя ничего нет, кроме твоего револьвера, и ты больше ничего не умеешь, как палить из него.

— Это может мне очень пригодиться, — легкомысленно заявил он.

— Джим Клэв, ты даже не способен стать настоящим негодяем, — резко сказала она.

При этих словах он круто повернулся к ней и, наклонившись, спросил:

— Неужели ты это серьезно?

— Конечно, — последовал ответ. Наконец-то ей удалось заставить разгореться его ленивую кровь.

— Так значит, по-твоему, я такой тюфяк, что не могу стать даже негодяем?

— Я в этом уверена.

— Так вот ты какого обо мне мнения, хотя из-за любви же к тебе я и стал таким?

Она расхохоталась. Какую странную и горячую радость ощущала она, причиняя ему боль.

— Клянусь, я докажу тебе обратное! — воскликнул он хрипло.

— Ну-с, с чего же ты начнешь, Джим? — спросила она насмешливо. — Доказывай!

— Я уйду из этого лагеря и доберусь до границы, найду Келса или Гульдена... И ты еще услышишь обо мне, Джейн Рэндль.

Гульден и Келс! Это были жуткие имена опасных главарей постепенно разраставшейся пограничной шайки бандитов. Где-то там, далеко, жили разбойники, грабители и убийцы. Все новые и новые слухи доходили о них до этого когда-то совершенно мирного поселка. Сердце Джейн ущипнул легкий холодок страха. Но стоило ли беспокоиться? Это одна из обычных высокопарных угроз Джима. Такой поступок совершенно не вяжется с ним. Кроме того, и она никогда не допустит его до этого. Однако по непонятной женской прихоти она ничего ему не сказала.

— Ба! — воскликнула она насмешливо. — У тебя и смелости-то не хватит!

Посмотрев на нее с секунду растерянными и дикими глазами, Джим вдруг повернулся и, не сказав больше ни слова, удалился большими шагами. Девушка осталась сидеть пораженная, немного напуганная и растерянная, но обратно все же не позвала его.

А на следующее утро она уже мчалась следом за ним в горы. Он поехал по широкой дороге, по которой обычно ездят все охотники и золотоискатели. Заблудиться она не боялась, но зато могла встретить на пути какого-нибудь негодяя из пограничной банды, постепенно уже начавшей навещать ее поселок. Решительно за каждой скалой, за каждым кедром высматривала она Джима. Может быть, он только погрозил? Но ведь она говорила с ним в таком тоне, какого не может перенести ни один мужчина.

Раскаяние и страх Джейн все больше возрастали. В сущности Джим еще совсем мальчик, он только двумя годами старше ее. А вдруг он и в самом деле натворит что-нибудь? Неужели она ошибочно судила о нем? Если это так, то, значит, она была очень, очень груба. Но ведь он имел дерзость поцеловать ее!

Внезапно, к своему глубокому изумлению, Джейн почувствовала, что несмотря на оскорбленное самолюбие и всю их ссору, несмотря на то, что Джим все-таки поехал на границу, а она теперь в тревоге и раскаянии едет по его следу, несмотря на все это, в ней поднимается странное и робкое чувство уважения к Клэву.

Поднявшись на второй холм, она снова остановилась. На этот раз она увидела в заросшем кустарником овраге одинокого всадника. Сердце ее сильно вздрогнуло. Без сомнения, это Джим. Значит, он просто грозил и теперь возвращается обратно. Джейн почувствовала себя разом и радостно и легко, хотя в глубине души все же шевельнулась какая-то тень сожаления.

Тут она увидела, что это вовсе не лошадь Джима. Спрятавшись за кустами, Джейн принялась следить оттуда. Тем временем всадник подъехал ближе, и она узнала не Джима, а хорошего друга своего дяди, Гарри Робертса из одного с ней поселка. При звуке голоса Джейн Гарри вздрогнул и схватился за револьвер, характерный жест для беспокойной местности.

— Джейн? — воскликнул он, увидев ее. — Однако, вы здорово напугали меня. Совсем одна?

— Да, одна. Я поехала за Джимом и увидела вас, — ответила она, — приняла вас сперва за Джима.

— За Джимом? Что такое стряслось?

— Мы поругались, и он поклялся отправиться на границу. Я же точно с ума сошла и подзадорила его... И теперь страшно раскаиваюсь в этом.

— Вот оно что! Так значит, это были следы Джима, которые я только что видел там, мили за две на повороте к границе. Я знаю эту дорогу, не раз ездил сам по ней.

Джейн пристально посмотрела на Робертса. Его изрытое оспой, обросшее седой щетиной лицо выглядело серьезно. Он старательно избегал ее взгляда.

— Неужели вы думаете, что Джим действительно отправился к границе? — быстро спросила она.

— Похоже на то! — ответил он, немного помолчав. — Джим достаточно глуп для этого. За последнее время он распустился окончательно. Да и времена теперь не такие, чтобы парень мог остаться безупречным. Вчера вечером он ввязался в паршивую перепалку: чуть было не уколошил молодого Бредли, но ведь вам все это должно быть уже известно.

— Я ничего не слыхала, — отвечала она. — Расскажите.

— Кто-то сболтнул, будто бы Бредли недостаточно почтительно отозвался о вас.

Джейн почувствовала, как волна горячей крови сладко прокатилась по ее телу. Опять совершенно новое и незнакомое ей явление. Бредли она не терпела. Он всегда был навязчив и вел себя самым оскорбительным образом.

— Почему же Джим не рассказал мне всего этого? — спросила она, обращаясь больше к самой себе.

— Вероятно, ему было не особенно приятно вспоминать вид Бредли, в котором он его оставил, — заметил Робертс со смехом. — А теперь, Джейн, повернем-ка восвояси!

Несколько мгновений девушка молчала. Взгляд ее скользил по зеленым холмам и высившимся вдаль громадным серо-черным горам. Странное чувство шевельнулось в ее груди. В молодости ее отец был авантюристом, и его кровь внезапно заговорила в ней с неожиданной силой.

— Я поеду дальше, — сказала она.

Робертс несколько не удивился. Он только посмотрел на солнце и, повернув лошадь, лаконически произнес:

— Надеюсь, что мы догоним его, и до захода солнца успеем вернуться домой. Сейчас поедем наперерез и спустя мили две снова нападём на его след. Ошибиться невозможно.

Тронув удила, он поехал рысцой, Джейн последовала за ним.

Вскоре они свернули в долину, лежавшую между ближайшими горами, и поехали несколько быстрее. Долина оказалась в несколько миль длиной. Доехав до середины, Робертс неожиданно издал радостный возглас. Джейн заметила, что они снова напали на след. Они пустили лошадей галопом и ехали таким темпом

все время, пока не оставили за собой поляны и не наткнулись на узкую тропинку, шедшую в глубину гор. Полная надежды и ожидания увидеть Джима, девушка беспрестанно жадно всматривалась вдаль. Однако впереди никто не появлялся. Робертс все чаще поглядывал на садившееся солнце, а Джейн начала беспокоиться о своих домашних. Она была так уверена, что догонит Джима и вернется домой еще днем, что ей и в голову не пришло предупредить кого-нибудь о своих намерениях. Вероятно, ее уже разыскивают. А тем временем и местность становилась все более и более дикой. Всюду громадные обломки скал, кедров и колючий кустарник. Сквозь заросли часто пробегали олени, а дикие куропатки взвивались из-под самых копыт лошадей.

— А не лучше ли отказаться от этого дела? — крикнул Робертс через плечо.

— Нет, нет! Поедем дальше, — сказала Джейн.

И они быстрее погнали лошадей; наконец взобрались на самую вершину склона. Перед глазами Джейн раскинулась залитая светом долина, но и в ней она не увидела никого. Мужество ее таяло. Очевидно, не оставалось никакой надежды догнать сегодня Джима. Как раз в эту минуту лошадь Робертса попала ногой в размытую водой впадину и начала хромать. Робертс слез на землю и принялся осматривать ногу лошади.

— Ого! Нога-то еще осталась цела, — сказал он, давая понять, насколько серьезно повреждение. — Ну, Джейн, как бы нам не пришлось здорово помаяться на обратном пути. Ваша лошадь с двойной ношей не справится, а я пешком идти не могу.

Джейн молча сошла с лошади и помогла Робертсу застоявшейся в канавке водой обмыть вывихнутую и сильно вспухшую ногу животного.

— Придется, видно, нам здесь переночевать, — сказал Робертс. — Хорошо еще, что я кое-что прихватил с собой и смогу устроить вас поудобнее. Однако с огнем нам следует быть поосторожнее: как только стемнеет, костер придется затушить.

Робертс отстегнул от своего седла тюк, а затем снял и седло. Он только что принялся снимать и седло Джейн, как вдруг вся его фигура разом сильно напряглась.

— Что это такое? — внезапно спросил он.

Сначала Джейн услышала мягкий и глухой стук по траве, а затем раздался резкий топот неподкованных копыт по голому камню. Обернувшись, она увидела трех всадников, находившихся по другую сторону канавки и ехавших прямо на них. Один из всадников указал на нее рукой. На светлом фоне неба, багряного от лучей заходящего солнца, они выглядели мрачно и жутко. Джейн боязливо взглянула на Робертса. Тот, не отрываясь, смотрел на подъезжавших, и в его лице отразилась какая-то догадка, как будто он ожидал встретить нечто знакомое. Заглушенным голосом он пробормотал проклятье. Джейн показалось, будто по его лицу скользнула какая-то тень.

Трое всадников остановились у края канавки. Один из них держал под уздцы мула, нагруженного узлами и убитым оленем. В своей жизни Джейн перевидала множество всадников, в общем очень схожих с этими тремя, однако ни один из них еще не действовал на нее так странно и властно.

— Добрый день! — сказал один из мужчин. И тут Джейн увидела, как лицо Робертса превратилось в пельно-серую маску.

Глава II

— Это вы... Келс?

Вопрос Робертса был в то же время и ответом на его мысли. Смех вопрошаемого как бы подтвердил это.

Двое других перебрались через канавку и снова остановились. Все они были еще молоды, каждому лет по тридцать. Своей примитивной одеждой и грубыми чертами они в общем напоминали людей, каких Джейн привыкла видеть почти ежедневно. Но Келс явно выделялся. Пока он не смотрел на нее, ей казалось, будто она уже где-то встречала этого мужчину, однако, когда его взгляд упал на нее, то она в странном смятении поняла, что еще никогда в жизни не видела такого человека. Бледный, с серыми глазами, интеллигентный и любезный, он, вероятно, когда-то был порядочным человеком, но теперь его окружало нечто странное, непостижимое и чудовищное. Получалось ли такое впечатление в его присутствии или то было воздействие его имени? Келс! За последние годы множество мрачных историй переда-

валось в Айдахо из лагеря в лагерь, и некоторые из этих слухов бывали настолько нелепы и жутки, что им трудно было поверить. С каждой вестью слава Келса возрастала. Росла также жуткая уверенность, что там, на границе, организовывается шайка отъявленных бандитов. Но никто в лагере никогда не признавался, что когда-либо встречался с этим Келсом. Неужели страх заставлял всех умалчивать об этом? Услыхав, что Робертс знаком с ним, Джейн поразились.

— Где мы в последний раз виделись с вами? — спросил Келс.

— Как будто под Фресно¹, — ответил Робертс, явно стараясь отделаться от какого-то неприятного воспоминания.

Слегка прикоснувшись к своей шляпе, Келс бросил на Джейн мимолетный взгляд.

— С пути сбились, не так ли? — спросил он Робертса.

— Очевидно, — ответил Робертс. Затем его сдержанность слегка ослабела, голос зазвучал ровнее.

— Выслеживали любимого коня мисс Рэндль. Недавно удрал. Постепенно заехали дальше, чем предполагали. Как на грех и моя лошадь повредила себе ногу. Боюсь, нам не попасть сегодня домой.

— Откуда вы?

— Из Хоудли. Билла Хоудли стоянка, этак миль за тридцать отсюда.

— В таком случае, Робертс, если вы ничего против не имеете, мы тоже заночуем здесь вместе с вами, — продолжал Келс. — У нас есть свежее мясо, закусим.

И он коротко отдал приказание своим товарищам, которые тем временем расположились неподалеку под кедром и уже начали распрягать своих лошадей.

Робертс сделал вид, будто занялся распаковкой собственной поклажи, и, наклонившись к Джейн, хрипло прошептал:

— Джек Келс, калифорнийский грабитель больших дорог. Опасный стрелок, дьявольски хитрая bestия! Когда я его видел в последний раз, он стоял с петлей на шее, но товарищи его освободили. Джейн, если он только вздумает, то прикончит меня. Я прямо не знаю, что

¹ Фресно — городок в штате Калифорния.

делать. Ради всего святого, придумайте какой-нибудь выход. Испробуйте все свое обаяние и женскую хитрость! Все, что захотите! Хуже влипнуть мы уже больше не можем.

Усталая Джейн опустилась на землю. Ее точно оглушило что-то. Какая-то большая опасность грозила ей. Люди, подобные Робертсу, зря так не говорят. Смелая девушка привыкла ко всяким опасностям. Однако здесь дело шло о чем-то совершенно ином. Она не вполне уяснила еще себе намеки Робертса. Почему его непременно должны убить? С собой у них не было ни денег, ни драгоценностей. Даже их лошади не были настолько хороши, чтобы пробудить разбойничью алчность. Вероятно, опасность заключается для нее и для Робертса в том, что она девушка, и может сделаться добычей этих бандитов. Подобные истории она уже на раз слыхала. Но ведь Робертс защитит ее и, кроме того, этот любезный, воспитанный Келс так не походит на обычных диких грубиянов.

Так она сидела, душевно терзаясь и переходя от опасений к предчувствию всяческих неожиданностей. Тем временем мужчины занялись устройством лагеря.казалось, ни один из них не замечал ее. Во время работы они болтали, смеялись и перешучивались между собой, как будто были обыкновенными работниками. Келс наносил воды, разжег костер и наломал кедровых веток, чтобы ночью поддерживать огонь. Один из незнакомцев, которого они называли Биллом, спутал лошадей и, развязав узел, достал холщовую простыню; Робертс месил тесто для лепешек.

Садящееся солнце расцветило пурпуром край неба. Но вскоре краски побледнели. Темнота уже окутала лес, когда, наконец, Робертс подошел к Джейн, держа в руках хлеб, кофе и кусок жареной дичи.

— Вот ваш ужин, Джейн, — воскликнул он громко и весело, и тут же тихо добавил: — Может быть, все обойдется хорошо. Выглядят-то они довольно приветливо, но я все-таки боюсь. Если бы вы только не были так чертовски хороши, и если бы он мог каким-нибудь чудом не увидеть вас?

— А не можем ли мы ночью улизнуть? — тихо спросила Джейн.

— Попробовать было бы не худо, но вряд ли это помогло бы нам, если только эти парни задумали недоброе. Я еще не знаю, что нас ожидает. Хорошо, если вы разыграете пугливую овечку. Только не теряйте мужества.

После этого он снова вернулся к костру. Джейн была голодна и с удовольствием подкрепила свои силы. Несмотря на свою все еще не улегшуюся тревогу, она почувствовала любопытство. Ей стало даже казаться, что это неожиданное приключение вовсе не лишено некоторой прелести. Она была страстной натурой с сильной волей и хорошо развитым самообладанием. И всегда ее тянуло куда-то вдаль, к чему-то неизвестному. А к чему, собственно, она и сама толком не знала.

Ночь наступила черная, густая. Бледный млечный путь, весь пронизанный звездами, раскинулся по темно-голубому небу. Ветер стонал в верхушках кедров и раздувал огонь в костре. Искры летели во все стороны и исчезали в темноте. Легкая струйка дыма, долетавшая до Джейн, нежно и приятно пахла паленым кедром. Где-то далеко в кустах лаяли койоты, и с холмов доносился упорный вой волка. Бивуачная жизнь не была новостью для Джейн. На телегах и в фурах проезжала она по равнинам, и не раз ее провожал протяжный вой враждебных индейцев. Со своим дядей она по неделям жила в горах в поисках золота. Но еще никогда не проникала так живо в ее душу вся прелесть этой дикой и пустынной местности, как в эту ночь.

Джейн видела Робертса, стоящего на коленях и посыпавшего костер мокрым песком. Его большая косматая голова кивала, озаренная светом костра. Он производил впечатление глубоко задумавшегося, тяжело удрученного человека. Человек, именуемый Биллом, и его товарищ прислонились спиной к обломку скалы и о чем-то тихо разговаривали между собой. Келс стоял около самого костра. Держа в руке трубку он глубоко вдыхал дым и затем медленно выпускал его к небу. Издали в его фигуре не было ничего внушительного и ничего особенно интересного в его лице. Однако уже с первого взгляда было ясно, что этот человек выделялся из ряда обыкновенных людей. От него веяло энергией и властью. По временам он бросал взгляды в сторону Джейн, но она

не была в этом точно уверена, ибо издали его глаза походили на две маленькие круглые тени. Сбросив свою куртку, он остался в расстегнутой жилетке, из-под которой виднелась мягкая пестрая рубашка с черным галстуком, беспорядочно болтавшимся на его шее. С его бедер свисал широкий пояс, на конце которого торчал в кобуре тяжелый револьвер. «Странный способ носить револьвер, — подумала Джейн. — Прямо смешно! Во время ходьбы ремень, вероятно, болтается взад и вперед и бьет хозяина по ногам».

— Скажите, у вас есть одеяла для девушки? — вдруг спросил он Робертса, вынув трубку изо рта.

— У меня есть только одеяла из-под седла, — ответил Робертс. — Мы, видите ли, не думали, что нам придется заночевать в горах.

— Можете взять мое, — сказал Келс и отошел от огня. — Будет очень холодно. — Через минуту он возвратился с одеялом и бросил его Робертсу.

— Очень благодарен, — пробормотал тот.

— Я буду спать тут, возле костра, — продолжал Келс и, опустившись на землю, погрузился в размышления.

Собрав свои подстилки и предложенное одеяло, Робертс направился к Джейн. Бросив все на землю, он принялся ногами и руками расчищать от камней и сучьев место на земле.

— Чертовски каменистое ложе, — сказал он, — но, надеюсь, что хоть немножко вы все-таки поспите.

Раскладывая одеяла, Робертс незаметно дернул девушку за платье.

— Я лягу совсем близко от вас, — прошептал он, прикрывая рот своей широкой рукой, — и ни на секунду не сомкну глаз.

После этого он вернулся обратно к костру, а Джейн послушно улеглась на свои одеяла. Разговор разбойников утих. Джейн услышала звон шпор и треск кедровых веток. Спустя мгновение к ней подошел Робертс, таща свое седло, и улегся возле нее. Слегка приподнявшись, она увидела около костра неподвижно сидящего и задумавшегося Келса. Он казался нервным и взволнованным. Она медленно снова опустилась на свое ложе и устремила взгляд к далеким ярким звездам. Что-то станет теперь с ней?

Спать она не должна. Об этом нечего и думать. Внезапно в ее лихорадочно-работавшем мозгу мелькнула мысль тихонько прокрасться к лошадям. Этот план некоторое время занимал ее, но затем она отказалась от него: слишком хорошо ей были известны условия этой местности.

Время шло. Костер то угасал, то снова ярко вспыхивал, тени то сгущались, то рассеивались. По временам кто-нибудь из мужчин вставал и подбрасывал в огонь веток. Стук спутанных лошадиных ног гулко звучал в ночной тишине. Ветер утих, и койоты примолкли. Глаза Джейн слипались, как будто веки ее были смазаны клеем. Постепенно исчезало ощущение ночной поры, дикой местности, исчезло и самое убаюкивающее чувство сонливости...

Когда Джейн проснулась, было очень холодно. Верхушки кедров поблескивали в красноватых лучах восходящего солнца. Костер весело трещал, и синий дым, клубясь, вздымался к небу. Вздвогнув от неожиданного воспоминания, она быстро села. Робертс и Келс возились у костра. Билл носил воду. Другой разбойник только что пригнал лошадей и снимал с них путы. Казалось, девушки для них не существовало. Встав на ноги, она кое-как пригладила свои сбившиеся волосы, которые во время верховой езды всегда носила заплетенными в толстую косу. Значит, она все-таки спала, как есть, в сапогах. Этого с ней до сих пор еще не случилось. Когда она подошла к ручью, чтобы вымыть лицо и руки, ее спутники все еще ни разу не взглянули на нее. Робкая надежда шевельнулась в ее груди: может быть, Робертс все-таки преувеличил опасность. Лошадь Джейн была с норовом и никого чужого к себе не подпускала. Узнав, что путы ее лошади оказались порванными, Джейн отправилась искать ее и зашла так далеко, что лагерь скрылся из ее глаз. Поймав коня, она возвратилась обратно и крепко его привязала. Затем решила подойти к огню и поздороваться с мужчинами.

— Добрый день! — сказала она весело.

В эту же самую минуту Келс повернулся к ней спиной, ни одним жестом не показав, что слышал ее.

Билл бесцеремонно устави́лся на нее, но также не про-
ронил ни слова. Один Робертс ответил на ее приветст-
вие, но, услышав его голос, она удивленно взглянула на
него. Он сейчас же отвернулся. Его лицо было мрачно
и озабоченно.

Радостное, полное надежды настроение Джейн в тот
же миг исчезло. Неожиданно она почувствовала какую-
то гнетущую тяжесть. С большим трудом дойдя до бли-
жайшего камня, она с облегчением на него опустилась.
Робертс принес ей завтрак, но ничего не сказал и ста-
рался не смотреть на нее. Его руки дрожали. Джейн
испугалась.

Внезапно она заметила, что Келс и Робертс о чем-то
спори́ли, но говорили они настолько тихо, что разобрать
их слов она не могла. Она видела, как Робертс сделал
движение резкого протеста. Но его собеседник оставался
по-прежнему холоден, непреклонен и властен. Он даже
перестал отвечать, как будто вопрос был вполне решен.
Робертс же поспешно и взволнованно схватил свой тюк
и подвел лошадь. Животное все еще хромало, но чувст-
вовало себя уже гораздо лучше. Оседлав коня, Робертс
крепко привязал тюк. После этого он стал седлать ло-
шадь Джейн. Когда все было готово, он повернулся к ней
с видом человека, которому предстоит лицом к лицу
столкнуться с неминуемой опасностью.

— Вперед, Джейн! Мы готовы! — крикнул он. Его
голос прозвучал громко и неестественно.

Джейн встала, намереваясь подойти к нему, но в ту
же минуту Келс преградил ей дорогу. Она могла и вовсе
не трогаться с места, так как жуткий человек, казалось,
совершенно не замечал ее присутствия. Подойдя к Ро-
бертсу, он тихо произнес:

— Робертс, садитесь на свою лошадь и убирайтесь
отсюда. Слышали?

Вместо ответа Робертс отбросил поводя и выпрямил-
ся. Этот жест был гораздо отважнее всего его поведения
до этой минуты. Возможно, что он сбросил маску: неяс-
ные страхи сделались очевидностью, хитрость и притвор-
ство не помогли. Настала минута, когда он должен был
действовать прямо. Глубокое волнение отразилось на его
лице, побледневшем и суровом.

— Нет, — сказал он, — без девушки я не поеду.

— Но вам не удастся взять ее с собой.

Услышав это, Джейн вздрогнула. Так вот что ей предстояло! Ее сердце вдруг почти перестало биться. Вся дрожа, она уставилась на обоих мужчин.

— Ой ли! В таком случае я остаюсь с вами, — отвечал Робертс.

— Ваше присутствие здесь нежелательно.

— Ха! Все равно я не отстану от вас.

«Пока это только игра слов», — подумала Джейн. В Робертсе она почувствовала свирепую решимость пойти навстречу неминуемой опасности. А голос Келса! Что таилось в этом голосе? Он был все такой же ровный, непринужденный и любезный.

— Я не думал, что вы так неразумны, Робертс, — сказал он.

Робертс молчал.

— Отправляйтесь домой! Болтайте или молчите, как вам угодно будет, — продолжал Келс. — Когда-то в Калифорнии вы оказали мне услугу. Подобных вещей я никогда не забываю. Образумьтесь и уезжайте.

— Только с девушкой, иначе... — заявил Робертс, и руки его странно задергались, задрожали.

От Джейн не ускользнуло особенное напряжение бледно-голубых глаз, наблюдавших за лицом, взглядом и руками Робертса.

— Стоит ли нам бороться? — спросил Келс и холодно рассмеялся. — Ей это не поможет... Вам-то уж должно быть заранее известно, чем может кончиться дело.

— Келс, пусть я подохну, но девушка не останется в ваших лапах! — горячо воскликнул Робертс. — Я же вовсе не собираюсь торчать здесь и спорить с вами. Пустите ее ко мне, или...

— Вы не кажетесь мне болваном, — прервал его Келс, и голос его звучал еще мягче, урезонивающе и холоднее. Какая-то особенная сила и уверенность скрывалась в нем.

— Я не любитель разговаривать с глупцами. Используйте возможность, которую я вам предлагаю. Уезжайте! Жизнь дорога, голубчик... Вы ничего не выиграете здесь. И кроме того, что за важность, одной девушкой больше или меньше?

— Келс, пусть я дурак, но я мужчина, — ответил Робертс. — Вы же какой-то дьявол, а не человек. Это я

узнал еще там, на золотых россыпях. Вы вот так способны произносить сладкие, приятные слова, без малейшего понятия о мужском долге... Пустите девушку ко мне или я буду стрелять!

— Робертс, разве у вас нет жены или детей?

— Да! — хрипло крикнул Робертс. — И эта же жена стала бы презирать меня, если бы я добровольно отдал вам мисс Рэндль. У меня есть также взрослая дочь. Как знать, может быть и ей когда-нибудь понадобится мужчина, который бы защитил ее от таких типов, как вы, Джек Келс.

Однако ни пылкость, ни пафос Робертса не произвели на последнего ни малейшего впечатления. В эту минуту особенно ярко обрисовалась и бессердечная сущность Джека Келса.

— Намерены вы убраться или нет?

— Нет! — загремел Робертс.

До этой минуты весь быстрый обмен словами между ее другом и врагом совершенно парализовал Джейн. Но затем ее охватил настоящий ужас. Она видела, как Робертс нагнулся подобно затравленному волку. Безумная ярость душила его. Он дрожал точно осиновый лист. Вдруг его плечо рванулось, рука взлетела кверху... Джейн в ужасе метнулась в сторону, закрыла глаза и, схватившись за голову, куда-то побежала. Позади нее грянул выстрел.

Глава III

Она бежала все дальше и дальше, спотыкаясь о камни и сучья. В глазах ее темнело, душу ее охватывал панический ужас. Неожиданно кто-то схватил ее сзади. Объятия были крепки и ловки, точно змеиные кольца. Она чувствовала дурноту, но сознавала, что не имеет права упасть в обморок. Резко рванувшись, она высвободилась. Схватил ее Билл. Он бормотал что-то непонятное. Добравшись до ближайшего засохшего кедра, она прислонилась к нему, стараясь побороть свою слабость и холодный ужас, который чем-то осязаемым застыл в ее мозгу, ее крови и мышцах.

Придя немного в себя, она оглянулась и увидела подходившего к ней Келса; он вел под уздцы лошадей.

Взглянув на него, она вся вспыхнула от гнева, но мысль о Робертсе опять смяла ее мужество.

— Ро... Робертс? — прошептала она.

Келс бросил в ее сторону пронизывающий взгляд.

— Мисс Рэндль, мне пришлось слегка умерить пыл вашего друга, — сказал он.

— Вы... вы... он мертв?

— Я только слегка обезвредил его правую руку, иначе он натворил бы немало бед. Теперь он, вероятно, скачет обратно в Хоудли и сообщит обо всем вашим людям. Что ж, таким образом они хоть узнают, что вы в безопасности.

— В безопасности?! — прошептала Джейн.

— Совершенно верно, мисс Рэндль, если вы хотите попасть на границу, то, черт возьми, это вам удастся только со мной.

— Но я хочу домой! О, прошу вас, отпустите меня обратно.

— Об этом не может быть и речи.

— Но... тогда для чего же я вам нужна?

И снова скользнули по ней его серые глаза; они были ясны, без малейшей тени, словно кристаллы, без холода, без тепла, без выражения.

— Благодаря вам я получу порядочную толику золота.

— Золота? — недоумевающе спросила она.

— Да, я потребую за вас выкуп. Рано или поздно ваши старатели нападут на богатую золотоносную жилу. Пребогатеишую даже. Это я знаю наверняка. Как-нибудь должен же я зарабатывать свой хлеб.

С этими словами Келс крепко стянул подпругу ее седла. Его голос, жесты, приветливая усмешка на его умном лице — все дышало неподдельной искренностью. И если бы не эти странные глаза, Джейн бесповоротно поверила бы ему. Однако сомнение не исчезало. Постепенно к ней вернулось ее мужество. И только одна мысль о Робертсе совершенно лишала ее сил, но узнав, что он ранен легко и находится по пути к дому, она ободрилась. Страх за ее жизнь перестал сковывать ее душу.

— Билл! — окликнул Келс своего помощника, стоявшего возле них и с усмешкой на красной нахальной роже прислушивавшегося к их разговору.

— Пойди и помоги Робертсу увязать тюки. После этого следуй за мной.

Кивнув головой, Билл отправился исполнять приказание.

— И еще, Билл, — добавил ему вслед Келс, — не говори Робертсу ни слова. Он сейчас же взлетит наверх, как бочка пороху.

— Ха-ха-ха! — загоготал Билл.

Грубый смех бандита резанул слух Джейн, хотя она и привыкла уже к черствым людям, высмеивающим самые тяжелые переживания.

— Вперед, мисс Рэндль! — сказал Келс, вскакивая на лошадь. — Нам предстоит долгий путь. Вам придется собрать все свои силы. Советую спокойно следовать за мной и предупреждаю, что всякие попытки к бегству бесполезны.

Джейн села на свою лошадь и послушно поехала за Келсом. Один раз она оглянулась с тайной надеждой увидеть Робертса, но увидела только его оседланную лошадь и возле нее Билла, согнувшегося под тяжестью тюка и спотыкавшегося. Затем кедры сдвинулись, и лагерь исчез. Следующей ее заботой было оглядеть и оценить лошадей. Она с раннего детства знала в них толк. Келс ехал на большом, статном жеребце; ноздри животного говорили о его быстроходности и выносливости. Никогда не убежать ее пони от такой громадной скотины.

А тем временем настало розовое, ясное и холодное утро; легкий сухой запах разлился в воздухе. Белохвостые олени большими прыжками уносились с полянок в чащу. Серые горы своими черными выступами бросали тень на лежащие у их подножия холмы.

Джейн обуревали самые противоречивые чувства. Вот она едет с разбойником, грабителем больших дорог, как заложница. Все это казалось невероятным. Страх перед возможными опасностями все еще не покидал ее. Попробовала было она изгнать из своей памяти слова Робертса, но они беспрестанно преследовали ее. «Будь бы она не так красива», — сказал он. Джейн очень хорошо знала достоинства своей внешности, которая до сих пор не причиняла ей никаких особенных хлопот. Если Келса заинтересовало именно это обстоятельство, — как полагал Робертс, — то это казалось очень странным. Келс едва достаивал ее своего внимания. Золота, одного золота

жаждут подобные люди. Она задавала себе вопрос, какую потребуют за нее сумму, откуда ее дядя достанет эти деньги, и действительно ли предвидится находка богатой золотоносной жилы? Джейн вспомнила свою мать, которая умерла, когда она была совсем маленькой девочкой, и сладкая печаль наполнила ее душу. Затем эта печаль прошла, и она мысленно представила себе своего дядю — большого, добродушного и славного старика, с его громким смехом и любовью к ней. Он всегда твердо верил, что в самом скором будущем откроет самые богатые залежи золота. Какую бурю поднимет он в поселке, когда узнает о ее похищении! Неожиданно Джейн вспомнила о Джиме Клэве, самом главном виновнике ее настоящего положения. За это время она ни разу не вспомнила о нем. Как было приятно знать, что он заступился за нее и умолчал об этом! Если рассудить, то в общем она неправильно о нем судила! Ведь по существу она ненавидела его за то, что он ей нравился, а может быть и больше. Эта мысль поразила ее. Она тотчас же вспомнила о его поцелуях и снова вся загорелась от возмущения. Если она и ненавидит его, то, по крайней мере, ненависть эта теперь является ее долгом. Парень он был всегда довольно безалаберный, бегал за ней, точно собачонка и служил мишенью для насмешек всей деревни. Его поведение нередко давало повод ее друзьям и остальным кавалерам думать, что он ей нравится больше других. Однако теперь все выглядело иначе. Где-то он теперь? Джим поехал к границе с отчаянным намерением отыскать Келса и Гульдена, самых разнузданных главарей шайки. Он и Келс должны встретиться. Джим найдет ее в плену у Келса и тогда... тогда начнется сплошной кошмар! — подумала Джейн.

Эта возможная встреча снова глубоко взволновала ее и пробудила прежние дрожь и ужас. Но в этой странной дрожи скрывался не один только страх. В ее душе в эту минуту пробудилось новое чувство. С бьющимся от волнения сердцем она проверяла эту новую сторону своего существа, борясь со смущением, стыдом и недоверием.

Пока в ее уме одна мысль сменяла другую, часы летели, и дорога шла то круто в гору, то под гору. Бесконечные холмы предшествовали цепи гор.

Наконец, Келс остановился у покрытого зеленой тиной болотистого ручья.

— Слезайте! Здесь мы пообедаем и дадим передохнуть лошадям, — сказал он Джейн. — Ну и молодец же вы! Ведь сегодня мы отмахали около двадцати пяти миль.

Только сойдя с лошади, девушка почувствовала, как ныли ее ноги и как приятно было снова их выпрямить. Оглянувшись назад, она увидела двух остальных бандитов с лошадьми и поклажей. Будучи наблюдательной, она сразу заметила с ними еще одну лишнюю лошадь, но решила, что просто с самого начала не обратила на нее внимания. Затем она принялась наблюдать за Келсом, распрягавшим лошадей. Жилистый и сильный, он двигался быстро и ловко. Большой голубоватый револьвер болтался у него с боку. Этот револьвер до смешного притягивал к себе внимание Джейн. Келс не стал спутывать ног лошадям. Похлопав своего рыжего по ляжке, он погнал его вниз к ручью. Пони Джейн последовал за жеребцом. В эту минуту подъехали двое остальных с поклажей. Джейн обрадовалась. Она почувствовала, что будет гораздо лучше для нее не оставаться с Келсом наедине.

— Сними тюки, Билл, — приказал Келс.

Снова развели костер и взялись за приготовления к обеду. Насвистывая какую-то песенку, Келс пошел к ручью. Билл тотчас же воспользовался этим и нахально устался на Джейн. Она сделала вид, что совершенно не замечает его и, наконец, совсем отвернулась. Мужчины захихикали.

— Вот гордая ведьма! Но меня не проведешь. Я на своем веку достаточно возился с бабами, — при этих словах Галловой громко заржал, и, сдвинув головы, они принялись обмениваться какими-то таинственными замечаниями. Келс вернулся, неся полное ведро воды.

— Какая муха укусила вас, молодцы? — спросил он.

Оба повернулись к нему с нахально-невинным видом.

— Как будто та же, которая и тебя щекочет, — ответил Билл. Из этого ответа было видно, какую большую роль играл случай в жизни этих необузданных людей. Незначительное происшествие мгновенно разжигало их страсти и круто изменяло взаимное отношение.

— Сам знаешь, хозяин, что это не совсем обычная для нас компания, — добавил Галловой с примирительной усмешкой. — Вот Билл понемногу и оттаял. Ничего

не поделаешь. Я его знаю постоянной брюзгой и злокой, а тут словно кто подменил парня. От души радуюсь за него.

Келс не стал дальше слушать и снова взялся за свою работу. Теперь Джейн увидела его глаза совсем близко, и снова ее охватил испуг. Они не походили на обычные человеческие глаза: то были два круглых серых пятна, два непроницаемых отверстия, в которых ничего не отражалось и которые все же таили в себе что-то зловещее.

Вскоре мужчины принялись за обед с таким аппетитом, который может проснуться только после долгого пребывания на свежем воздухе и после быстрых движений. Джейн сидела поодаль на берегу ручья и, пообедав, улеглась в тени ольхи.

Топот и фырканье лошадей разбудили ее и, вскочив на ноги, она увидела своих спутников за упаковкой и оседлыванием коней. До этих пор Келс говорил с ней всего два раза. Она была благодарна за такую молчаливость, но о причине ее не догадывалась. Келс казался все время погруженным в какие-то мысли, и это совсем не подходило к любезному выражению его лица. Он выглядел мягким и добродушным, его голос звучал тихо и от всего его существа веяло дружелюбием. Однако Джейн уже знала, что он далеко не таков, каким кажется. Что-то есть у него на уме. Но, конечно, то не были ни укоры совести, ни какая-либо сердечная печаль. А вдруг в его уме созрел какой-нибудь новый дерзкий план? Джейн робко спрашивала себя, касались ли его мысли только денег, которые он хотел получить за нее?

Когда все было готово, она поднялась. Внезапно жеребец Келса заартачился. Билл протянул Джейн повод ее лошади, и руки их соприкоснулись. Это прикосновение было сплошной случайностью, но ей показалось, что Билл нарочно хотел схватить ее за руку. Она моментально отдернула свою руку, а его загорелое лицо залила густая темная краска. Протянув к ней руки, он схватил ее за грудь. Это был грубый, понукающий жест. Она поняла, что иначе он и не мог заставить ее взять повод. В его жесте не было ничего двусмысленного. Однако это грубое звериное прикосновение заставило ее отшатнуться назад. При этом она даже вскрикнула.

Внезапно возле нее раздалась быстрые шаги и свистящее дыхание, похожее на змеиное шипенье.

— Ха, Джек! — крикнул Билл.

С мягкостью дикой кошки к ним подскочил Келс и, взметнув револьвер, выстрелил прямо в лицо Билла. Последний тяжело грохнулся на землю и остался лежать с большой кровавой раной на лбу. Нагнувшись к нему, Келс медленно опустил свой револьвер. Джейн решила, что он хочет еще раз выстрелить.

— О, не надо, не надо! — крикнула она. — Он ничего не сделал мне!

Келс оттолкнул ее от себя. Лицо его не изменилось, но глаза были ужасны. В самой глубине серых кружков прыгали странные красные искорки.

— Возьмите свою лошадь! — приказал он. — Нет, перейдите ручей вброд. Там вы найдете дорогу. Поезжайте по ней. Я догоню вас. Не бегите и не прячьтесь, это только ухудшит ваше положение. Ну, быстрее!

Джейн повиновалась. Она прошла мимо разинувшего рот Галлова и, переходя с камня на камень, перебралась на противоположный берег ручья. Найдя тропинку, она быстрым шагом направилась по ней. Она ни разу не оглянулась, ни разу ей в голову не пришла мысль спрятаться или попробовать убежать. Она слепо повиновалась, чувствуя над собой чью-то давящую силу, бесповоротно подчинившую себе ее волю. Один раз она услышала голоса и ржание лошади. Вдруг послышались как будто выстрелы. Она остановилась и начала прислушиваться. Но больше ничего не было слышно кроме бульканья быстрого ручья и свиста ветра в вершинах сосен.

Громкий окрик заставил ее остановиться и оглянуться назад. Две лошади с тюками бежали по тропинке. Келс гнал их перед собой и держал под уздцы пони Джейн. Двух остальных бандитов нигде не было видно. Бросая ей повод, Келс приказал:

— Садитесь!

Она повиновалась. Затем храбро взглянула в его лицо.

— А где же те, двое? — спросила она.

— Мы расстались, — последовал короткий ответ.

— Почему? — настаивала она.

— Ну, если вам так хочется знать... Потому, что вы чересчур сильно завоевали симпатии этих двух молодчиков.

— Завоевала их симпатию? — растерянно воскликнула Джейн.

На одно мгновение серые глаза Келса остро впились в нее, но тотчас же снова скользнули в сторону. Она поняла сокровенный смысл его слов. Он подозревал ее в флирте с теми двумя негодьями и в намерении с их помощью ускользнуть от него. Но ее лицо доказало ему, что это подозрение беспочвенно. «Не поможет ли мне, — подумала Джейн, — хорошо разыгранное непонимание его намерений и нарочитая невинность?» И она решила использовать все свое женское обаяние, свою способность к острой наблюдательности и свой ум. Ведь, к счастью, она имела дело с культурным человеком, решившим жить жизнью разбойника и отщепенца. Глубоко в его душе, может быть, еще и дремлют воспоминания о другой жизни. А воспоминания можно пробуждать...

— Билл и его товарищ слишком заинтересовались... выкупом, которого я сам жажду, — продолжал Келс с коротким смехом. — А теперь вперед! Держитесь поближе ко мне.

Они двинулись, а у Джейн все еще звучал в ушах этот смех. Неужели она ошибалась, уловив в нем насмешливую нотку? Внезапно она почувствовала себя беспомощной и несчастной. Они въехали в ущелье. Извилистая тропинка, бежавшая теперь вдоль желтых стен, судя по виду, вероятно, очень редко кому служила проезжей дорогой. Громкий треск в кустах диких зверей, стаи непуганных кроликов, лениво разбежавшихся при их появлении, свидетельствовали о безлюдии этой глуши.

Наконец, они проехали мимо старого развалившегося блокгауза, вероятно, когда-то служившего убежищем для золотоискателей и охотников. В этом месте тропинка кончалась, и Келс свернул в сторону. Горы становились все выше, деревья гуще, окрестности шире.

На одном из поворотов вторая навьюченная лошадь, видимо, еще не приученная к такой работе, вдруг попала на глаза Джейн, и она сразу же решила, что где-то раньше уже видела ее. Вряд ли то было мимолетное впечатление, оставленное лошадьми Келса или Билла. Она принялась внимательно следить за животным, изучая его ход и манеру держаться. Ей вовсе не потребова-

лось много времени, чтобы увидеть, что то была не вьючная лошадь. Поклажа явно раздражала ее, и она всячески старалась подладиться под нее. Это обстоятельство сильно озаботило Джейн, и она стала еще внимательнее следить за лошадыю. Вдруг ей вспомнилась лошадь Робертса. У нее разом перехватило дыхание, снова зашевелился прежний холодный грызущий страх. Девушка закрыла глаза, желая как можно точнее припомнить все особенности жеребца, принадлежавшего Робертсу: белая передняя нога, старый ожог, лохматая челка и затем один совершенно особенный признак — поперек морды белая узкая полоска. Вспомнив все эти признаки, Джейн почувствовала, что обязательно найдет их у этой лошади, и боялась открыть глаза. Заставив себя взглянуть на нее и найдя все три первые отметины, она все-таки еще надеялась не увидеть последней, решающей. Но в эту минуту осторожно ступавшая лошадь повернулась к ней и высунула свою морду с поперечной белой полоской.

Итак, Робертс не поехал домой. Келс солгал ей. Келс убил Робертса. Как это просто и ужасно! Он оправдал мрачные предсказания Робертса. Джейн почувствовала себя несчастной, голова ее слегка кружилась, и она закачалась в седле. С охватившим ее ужасом она боролась, как с диким зверем. Низко наклонившись вперед, с закрытыми глазами, она предоставила своему пони выбирать дорогу самостоятельно. Открытие ошеломило ее. Борясь с мучительной слабостью, она отчетливо осознала сущность своего положения. Она поняла Келса и грозившую ей опасность. Все стало ясно, беспощадно и неотвратимо. Как ребенок, дала она себя обморочить. Вся эта болтовня о выкупе — сплошная ложь; ложь и то, что он расстался с Биллом и Галловеем только из одного нежелания поделиться с ними деньгами. Всякая мысль о выкупе представлялась попросту смешной. С самого первого мгновения Келс хотел только одну ее; он пробовал убедить Робертса оставить ее у него, и когда это не удалось, убил его. Точно так же отделался он и от тех двух бандитов. Теперь Джейн знала, что слышанный ею сперва шум у ручья был действительно выстрелами. Все эти мрачные размышления еще больше подчеркнули намерения Келса. Перед ее глазами ясно встала ее судьба — страшнее всякого плена, пытки и даже самой

смерти, худшее из несчастий, когда-либо постигавших женщину.

Действительность оказывалась тем чудовищнее и невероятнее, чем меньше она раньше верила подобным рассказам. Если ее друзья, вдалеке от опасности, мирно занимаясь своей работой, пытались иногда описывать подобные истории, то они и наполовину не постигали всего того ужаса, который теперь ожидал ее. Нападение разбойников на почтовую карету, убийство и ограбление какого-нибудь одинокого золотоискателя, схватки в салунах и на дорогах, бесполезное преследование отчаянных бандитов на границе, хитрых, как арабы, и ловких, как апачи, — все это достаточно страшно, но есть нечто еще более страшное. Настоящий смысл ее плена действовал на ум и мужество Джейн Рэндль подобно грубым, возмутительным ударам острых шпор. Теперь она должна бороться с Келсом всем, что только есть в ее распоряжении, всей кошачьей хитростью, лукавством, всей той чертовской изворотливостью, на какую только когда-либо была способна женщина. Она должна обмануть его, провести, убить... или же покончить с собой. Ее страх и отвращение ушли в самую глубину души и пробудили до сих пор неизвестные ей силы. Страх она больше не испытывала. Она почувствовала себя равной этому человеку. Что ж, хорошо! Она пойдет ему навстречу, и кто проиграет, неизвестно.

Глава IV

Джейн ехала все дальше и все больше собиралась с силами, стараясь не встречаться с Келсом глазами. Наконец, уверилась, что больше ничем не выдаст себя.

Этого она добилась как раз в тот момент, когда путь их круто пошел под гору, и ей пришлось следить за своей лошастью и думать о собственной безопасности. Келс начал подниматься на одну из сплошь усыпанных глыбами гор. Временами Джейн приходилось идти за ним пешком. Бесконечно тянулась эта каменистая пустыня. Пробегавшие по полянкам лисицы и волки пугливо оглядывались на незнакомцев. Кругом высились темные вершины. Полдень уже давно миновал, когда они

снова начали спускаться, зигзагами подвигаясь по ущельям и острым выступам.

Освещенная красным закатом одинокая вершина отчетливо вырисовывалась на голубом небе. Наконец, Келс остановил свою лошадь. Этим закончился самый длинный переход, когда-либо совершенный Джейн. Миллю за милей взбирались они то вверх, то вниз по едва уловимым извилистым тропинкам и вот, наконец, проникли в самую сердцевину гор.

Место, где они остановились, представляло собой самое дикое и прекрасное зрелище, какое ей когда-либо приходилось встречать. Отсюда начиналась узкая ложбина, окруженная невысокими стенами, сплошь покрытыми густой травой, дикими розами, соснами и бальзаминоом. Между деревьями, наострив уши, неподвижно стояли любопытные лани, словно домашние животные. Волнующиеся полосы в траве свидетельствовали о множестве мелких разбегавшихся зверьков.

Под громадным бальзаминовым деревом Джейн увидела открытый маленький блокгауз. Судя по свежей желтизне балок, домик этот был построен совсем недавно.

Одним быстрым взглядом охватила она особенности этого уголка. Сойдя со своей лошади, Келс подошел к ней. Она открыто взглянула на него, хотя и не прямо в глаза.

— Я так устала, что, пожалуй, мне даже не слезть самой, — сказала девушка.

— Пять миль то в гору, то под гору. И ни разу не занять при этом! — воскликнул пораженный Келс. — Вы настоящий молодец!

— Где мы находимся?

— Это «Последняя ложбина». Очень немногие знают ее и эти немногие — мои подчиненные. Я решил доставить вас сюда.

— Надолго? — спросила она, чувствуя его упорный взгляд.

— Гм! До тех пор, пока... — медленно произнес он, — пока я не получу своего выкупа.

— Какую сумму вы потребуете?

— Сейчас вы стоите сотни тысяч золотом... Возможно, что потом я соглашусь отпустить вас и за меньшую сумму.

Джейн поняла двусмысленное, почти обнаженное значение его слов. Он оглядел ее.

— О, мой бедный дядя! Никогда-то не найдется у него столько денег!

— Найдется! — сурово сказал Келс.

Подойдя, он помог девушке сойти с лошади. Все ее члены затекли и, беспомощная, она доверилась его рукам. Келс обращался с ней бережно и по-джентельменски. Первая мучительная проба для Джейн окончилась благополучно. Интуиция не обманула ее. Ход был дан правильный. Келс мог быть самым опустившимся из всех негодяев, да, по всей вероятности, он и не представлял собою ничего лучшего; однако, присутствие девушки, несмотря даже на его откровенное желание, отчасти вызвало воспоминание о том времени, когда, живя среди иных людей, он сам был совсем иным человеком. Это последнее звено, связывавшее Келса с его прошлым и с его лучшим «Я», как раз и поддерживало мужество Джейн. Она видела предстоящую ей трудную и опасную игру, на которую шла.

— Вы весьма благовоспитанный разбойник, — заметила она. Но он не услышал ее слов или же просто не обратил на них внимания. Его глаза оглядывали ее с головы до ног. Внезапно он подошел к ней почти вплотную, точно желая померяться с ней ростом.

— Я и не думал, что вы так высоки, вы выше моего плеча.

— Да, я очень тощая и длинная.

— Тощая? Нисколько! У вас прекрасная фигура, высокая, гибкая, сильная. Вы похожи на одну наездницу, которую я некогда знал... Вы — очаровательное создание, знаете ли вы это?

— Приблизительно. Мои знакомые не решаются льстить мне так прямо. Ну, а от вас мне, вероятно, волей-неволей придется принять это. Но, признаться, я вовсе не ожидала, что мне придется выслушивать комплименты от Джека Келса, атамана пограничного легиона.

— Пограничного легиона? Откуда у вас это название?

— Я нигде его до сих пор не слышала. Оно пришло мне только сейчас в голову.

— А! Это блестящая мысль, и я использую... ее со временем. Ну-с, а как вас зовут? Я слышал, как Робертс называл какое-то имя.

При упоминании Робертса Джейн почувствовала, как ужас ущемил ее сердце, однако, она даже глазом не моргнула.

— Меня зовут Джейн.

— Джейн! — положив свои тяжелые жестокие руки на ее плечи, он повернул ее лицом к себе.

И снова она увидела его взгляд, странный, точно отблеск солнца на льду. Ей волей-неволей приходилось смотреть на него, и это было самым тяжелым испытанием. Часами подготавливалась она к этому моменту, настраивала себя, напрягалась до предела. Теперь она быстро подняла на него свой взгляд. Ах, эти глаза! Два окна в серую бездну ада. Но она глядела в них, в этот полный мрак и бездушие, и ее взгляд выражал одну только робость, испуг и неведение невинной девушки.

— Джейн! Знаете вы, для чего я привез вас сюда?

— Конечно, вы уже говорили мне об этом, — ответила она твердым голосом. — Вы хотите получить за меня выкуп... Но я боюсь, не придется ли вам отправить меня обратно домой, не получив за меня ни пенса.

— Догадываетесь ли вы, что я с вами сделаю? — продолжал он хрипло.

— Со мной сделаете? — повторила она, не дрогнув ни одним мускулом. — Вы... вы ничего не говорили мне... Я не думала больше ни о чем... Но ведь вы не сделаете мне ничего дурного, не правда ли? Я ведь не виновата, что у моего дяди нет денег, чтобы выкупить меня.

— Понимаете вы, что я хочу сказать? — спросил он, сильно встряхнув ее за плечи и мрачно глядя на нее.

— Нет! — она сделала попытку сбросить с себя его руки, но тем сильнее и крепче он удерживал ее.

— Сколько вам лет?

— Мне? Семнадцать, — ответила она, и ложь легко сошла с этих губ, всегда ненавидевших всякую фальшь.

— Семнадцать? — удивленно воскликнул он. — Честное слово?

Вместо ответа она презрительно вскинула голову.

— А я считал вас женщиной, по крайней мере, лет двадцати пяти, но уж никак не моложе двадцати двух.

Семнадцать при такой фигуре! Совсем девчонка, ребенок! Ведь вы же еще ничего не понимаете!

И, почти оттолкнув ее, точно сердясь не то на себя самого, не то на нее, он пошел к лошадям. Джейн направилась к хижине. После этого первого столкновения и пережитого напряжения во всем своем теле Джейн ощущала полную разбитость. Но тем не менее она поняла, что хорошо закинула петлю, и ее душевное равновесие сразу же восстановилось.

Дикий вид местности странно очаровывал ее. Под бальзаминовым деревом лежали два больших плоских камня, исполнявших, очевидно, роль скамеек, возле которых пробегал быстрый неширокий ручеек. На стволе дерева девушка заметила что-то белое и, подойдя ближе, увидела червонный туз, пригвожденный к коре несколькими пулями. Каждая отдельная дырочка касалась красного сердечка, но один выстрел пронзил его насквозь. Под этой дырочкой стояло грубо нацарапанное карандашом имя «Гульден». Когда Джим Клэв напугал ее именами Келса и Гульдена, ей и в голову не пришло, что дело идет о настоящих людях, с которыми ей придется встретиться и пережить столько страхов. Теперь же она стала пленницей одного из них. Ей захотелось расспросить Келса, что представляет из себя этот Гульден.

Блокгауз походил на бревенчатую коробку без окон, без печи; пол его был устлан сухими и полусгнившими ветвями бальзамина. Едва заметная тропинка шла от хижины вдоль ложбины. Джейн поняла, что эта дорога уже несколько месяцев не видала ни одной лошади. Келс и в самом деле хорошо выбрал место, запрятав ее в этой дыре. Только индеец мог бы проследить весь путь Келса, друзьям же никогда не отыскать ее в этой западне.

Долгая езда давала себя знать. Джейн разгорячилась. Вся она была покрыта пылью, руки ее расцарапаны, волосы растрепаны, юбка разорвана. Подойдя к своему седлу, она открыла потайной карман и пересчитала свои вещи. Их было немного, но теперь, принужденная жить в такой глуши, она очень их ценила. Достав полотенце, мыло и гребенку, она пошла к ручью и, засучив рукава, принялась приводить себя в порядок. Ловкими пальцами расчесав волосы, она сделала ту прическу, которую носила, когда ей было всего шестнадцать лет. Затем реши-

тельно направилась к Келсу, распрягнутому тем временем лошадей.

— Давайте я помогу вам приготовить ужин! — сказала она.

Стоя на коленях среди беспорядочно разбросанных по земле пакетов, он удивленно поднял на нее глаза; оглядев сперва ее прекрасно-округленные сильные с нежным загаром руки, он остановился на ее лице, порозовевшем от усердного омовения ключевой водой, и воскликнул:

— Вы прямо прелесть, что за девочка!

Эти слова были сказаны с таким простым восхищением, без всякой тени двусмысленности, что будь он даже сам дьявол во плоти, то и тогда этот комплимент можно было бы спокойно принять, просто как дань красоте и молодости.

— Рада слышать это, но, пожалуйста, не говорите мне этого слишком часто, — просто ответила она и с деловитым видом быстро принялась помогать ему развязывать тюки. Когда все было приведено в порядок, она замесила тесто на лепешки, а он стал разводить костер. Он больше подчинялся ее ловкости, чем желанию помочь ей. Говорил он мало, но подолгу смотрел на нее и временами впадал в задумчивость. Ситуация была нова и странна для него. Иногда Джейн читала его мысли, но порой он становился для нее загадкой. Она хорошо знавала, какое впечатление оказывает на него ее присутствие. С руками, запачканными в муке, склонившаяся над сковородкой, она знала, насколько такая женщина способна удивить мужчину. Вместо разбитой расслабленной и плачущей по своему дому девушки, она показывала себя человеком с выносливой богатой душой, которая не падет духом даже в самую критическую минуту.

Вскоре они сели один против другого и, скрестив ноги, принялись за ужин. Джейн все казалось сном, но она знала, что этот сон превратится в явь. Постепенно любезность исчезла с лица Келса и уступила место некоторой сухости. Он обращался к ней со словами только тогда, когда подавал ей что-нибудь из еды: мясо, кофе или хлеб. После ужина он ни за что не разрешил ей вымыть сковородки и горшки, и всю эту работу выполнил сам.

Джейн снова пошла под дерево и села недалеко от костра. Вся ложбина наполнилась пурпурными сумерка-

ми. Высоко на острой скале догорал последний луч заката. Ни ветерка, ни звука, ни малейшего движения. Девушка задумалась. Где мог сейчас находиться Джим Клэв? Как часто проводили они вместе такие вечера. Она вновь почувствовала гнев и, сознавая свою вину, по-прежнему обвинила одного его. Затем ей вспомнился дом, дядюшка и ее добрая тетка. Ах, как много у нее причин для горя! За этих дорогих ей людей она гораздо больше печалилась, чем за себя. На мгновение мужество покинуло ее. Беспомощная, растерявшаяся, раздавленная внезапным приступом горя и страха, она опустила голову на колени и закрыла лицо. Слезы принесли облегчение. Она забыла о Келсе и о той роли, которую решила сыграть. Но едва только его рука грубо коснулась ее, как она уже снова овладела собой.

— Эй! Никак вы плачете? — сурово спросил он.

— А вы думали, смеюсь? — ответила Джейн, поднимая к нему свои полные слез глаза.

— Сейчас же перестаньте.

— Я не... не могу иначе — я... должна немного поплакать. Я вспомнила свой дом, людей, заменявших мне отца и мать с самого раннего моего детства. Я плакала... не о себе. Они там будут горевать. Меня очень любили...

— Ваши слезы все равно ни чему не помогут.

Тут Джейн встала; вся ее искренность и непосредственность исчезла. То была снова женщина, затеявшая хитрую и отлично продуманную игру.

Близко склонившись к нему, она прошептала:

— Любили ли вы когда-нибудь? Была ли у вас сестра, такая же девушка, как я?

Ни слова не сказав, Келс широкими шагами удалился в темноту.

Джейн осталась одна. Она не знала, верно ли она истолковывает сейчас его настроение. Однако она все же надеялась, что ее слова разожгут в его сердце последнюю искорку доброты и сострадания. Лишь бы ей только удалось скрыть от него свой страх, свое отвращение к нему и его намерениям!

Боясь темноты, она развела яркий огонь. Воздух заметно посвежел. Сделав себе из седла и одеяла удобное сиденье, она примостилась в полулежачем положении и принялась поджидать Келса. Вскоре в траве раздались

шаги, и он вышел из темноты с вязанкой хвороста на плече.

— Ну как, справились вы со своим горем? — спросил он, подойдя к ней.

— Да!

Нагнувшись, он взял ярко пылавшую в темноте головню, зажег трубку и тоже сел поближе к огню. Освещенный красным светом пламени, он выглядел менее грозным, жестоким и порочным. Он начал спрашивать Джейн, где она родилась, и, получив ответ на один вопрос, уже имел наготове второй. Так продолжалось до тех пор, пока девушка не догадалась, что его не столько интересуют ее ответы, сколько ее присутствие, ее голос, ее личность. Она поняла его одиночество и его тоску по звуку человеческого голоса. От своего дяди она слышала, что люди, обреченные жить в глуши из-за работы, заблудившиеся или же скрывающиеся от закона, по ночам охвачены глубокой грустью и в золе костров нередко склонны увидеть близких и милых сердцу людей. Ведь как-никак, а Келс тоже был человеком.

И Джейн болтала с ним, как никогда еще в своей жизни. Весело и охотно рассказывала она ему о своем детстве и юности, о всех своих радостях и горестях, вплоть до того момента, как она попала в Кэмп Хоудли.

— В Хоудли у вас остался какой-нибудь обожатель? — спросил Келс, немного помолчав.

— Конечно!

— И сколько их у вас?

— Весь лагерь, — ответила она со смехом, — но гораздо лучше было бы назвать наших славных ребят поклонниками.

— Так значит, избранника пока нет?

— Едва ли, едва ли!

— А как бы вам понравилось, если бы вам пришлось остаться здесь ну, скажем, навсегда?

— Совсем не понравилось бы, — ответила Джейн. — Подобная бивуачная жизнь, правда, пришлась бы мне по душе, лишь бы только мои домашние знали, что я жива и невредима. Я очень люблю пустынные и красивые уголки. Чувствуешь себя такой далекой от всех, окруженной скалистыми стенами и мраком. Тихо и чудно. Я обожаю звезды, они будто говорят со мной. А прислушайтесь к ветру в соснах... Слушайте — как он уныло и

жалобно стонет. Что-то шепчет мне, что мне и завтра понравилось бы здесь, если у меня не будет никакого горя. Ведь я же еще совсем маленькая. Я влзу на дерево и буду охотиться за зайцами и птицами. Ах, какие они прелестные! Совсем крошечные, только что родившиеся, мягкие, пушистые. Как они кричат и пищат, трясаясь от страха. Но ни за что на свете не прикоснулась бы я ни к одному из таких зверьков. Я не могу причинить кому-либо боли. Даже свою лошадь я никогда не бью и не колю ее шпорами. О, я так ненавижу всякую боль!

— Вы странная девушка! Как только вы смогли ужиться в этой стране? — сказал он.

— Я ничем не отличаюсь от других девушек. Вы просто не знаете их.

— Я когда-то прекрасно знал одну, но она довела меня до петли, — ответил он зло.

— До петли?

— Да, да, я говорю о виселице, о самой настоящей виселице. Но я обманул ее расчеты.

— О-о... Хорошая девушка?

— Испорченная! Испорченная до корней волос так же, как и я! — воскликнул он с ожесточением.

Джейн вздрогнула. В одну минуту этот человек сделался мрачным, точно сама смерть. Казалось, будто в дрожащем свете костра он видит лица и тени своего прошлого.

— Почему бы нет? — продолжал он. — Почему бы сейчас не сделать того, что было немислимо в продолжение многих лет? Почему не сказать этого девушке, которая никогда, ничего не выболтает... Все ли я забыл? Клянусь, что нет! Слушайте и вы узнаете, что я еще не совсем погибший человек. Келс не настоящее мое имя. Я родился на западе и посещал там школу до тех пор, пока не сбежал оттуда. Я был молод, честолюбив, необуздан. Прогорев, я начал красть. Совсем недавно я попал сюда, на золотые прииски. Тут-то я и сделался золотоискателем, игроком, разбойником — громилкой с большой дороги. Как во всех людях, во мне тоже жили злые побуждения, а за эти же дикие годы они разрослись. Выхода у меня не было. Злоба, золото и кровь — все это одно и то же. Я совершил столько преступлений, что, наконец, ни одно место, даже самое надежное, перестало

быть безопасным для меня. Гонимый, преследуемый, голодный, обстреливаемый, почти уже болтающийся в петле... Вот когда я стал Келсом, предводителем шайки бандитов, которых вы назвали пограничным легионом. Сколько всевозможных черных преступлений, но одно... самое ужасное... самое черное. Оно-то и преследует меня еженощно! Жжет душу!

— О, что за страшные вещи вы говорите! — воскликнула Джейн. — Что я могу сказать вам? Мне жалко вас. Я не верю всем этим ужасам. Какое... преступление может так жестоко преследовать вас? О, что-то еще будет этой ночью — здесь, в этой пустынной ложбине!

Мрачный и устрашающий поднялся он.

— Девушка! — прохрипел он. — Этой ночью... этой ночью... Что вы сделали со мною? Еще один день — и я с ума сойду от желания поступить с вами справедливо... Понимаете ли вы это?

Протянув руки, с дрожащими губами Джейн наклонилась к костру, потрясенная его горячим признанием, борьбой с остатками мужской чести и мрачным нарастанием его страсти.

— Нет, нет, я не понимаю... Я не верю вашим словам! — воскликнула она. — Вы так пугаете меня. Ведь я совсем, совсем одна здесь с вами. Вы сказали, что со мной ничего дурного не случится. О, не надо, не надо...

Ее голос оборвался и, измученная, она откинулась на свое сиденье. Вероятно, Келс слышал только первые слова ее мольбы, так как принялся быстро ходить взад и вперед по освещенной площадке. Кобура с револьвером болталась вокруг его бедер. Джейн она начала казаться каким-то мрачным чудовищем. Борясь со своим животным «Я», Келс как будто готов был покориться остаткам своего давно заглохшего человеческого достоинства. Девичья же миловидность и невинность Джейн вызвали в его памяти одни жуткие воспоминания, как бы насмеявшиеся над его благородным порывом. Он не давал ни побороть себя, ни перехитрить. Во что бы то ни стало она должна заполучить его револьвер, убить этого человека или... умереть самой.

Так сидела она, все еще наклонившись вперед, медленно собираясь с силами и выжидая, когда настанет самый отчаянный момент.

Медленно расхаживая взад и вперед, Келс низко склонил голову на грудь, словно над ними реяли целые сонмы ведьм и фурий.

С обостренной чуткостью проникла Джейн в состояние этого человека. Вот он перед нею, подавленный своими поступками, мрачный и жестокий, полный отворачивания к самому себе. Сейчас мужчина борется и презирает в нем труса. Люди его склада бывают трусами очень редко или почти никогда. Вся их жизнь не требует ни низости, ни трусости. Джейн пламенно ненавидела его, но в то же время в сердце ее все еще теплилась искра жалости к этому человеку.

Откинувшись на свое седло, она лежала с широко раскрытыми глазами. И, несмотря на эту расхаживавшую возле нее фигуру и свой застывший на одной ужасной мысли ум, она еще разглядывала сверкающий искрами костер, далекие безразличные звезды и притаившиеся густые тени возле скал. Ее слух откликался на непрерывные тихие вздохи ветра в верхушке бальзаминного дерева, на серебристое шуршанье ручейка и массу всевозможных понятных и непонятных звуков.

Внезапно Келс неслышно приблизился к ней и низко нагнулся. Его лицо выглядело темным расплывчатым пятном, поза напоминала волка, приготовившегося к прыжку. Все ниже и ниже наклонялся он к ней. Джейн не спускала глаз с тяжелого револьвера, болтавшегося у него на бедре. При свете костра холодный голубоватый отблеск играл на его рукоятке. Наконец, Келс настолько приблизился к ней, что она увидела его лицо. Смотревшие на нее глаза были двумя пятнами, в которых отражалось дрожащее пламя. Джейн твердо устремила на него взгляд, открыто, безбоязненно, без малейшей дрожи. Его дыхание вырывалось порывисто и с шумом. Казалось, он целую вечность смотрел на нее. Затем выпрямился и снова принялся ходить взад и вперед.

Время Джейн распалось на мгновения и часы, из которых каждое обозначалось грозным приближением Келса. Он подходил к ней решительно со всех сторон. Ее широко раскрытые глаза всегда встречались с ним; хмурый взгляд его скользил вдоль ее стройной гибкой фигу-

ры, и затем он снова отходил в сторону, в темноту. Иногда она не слышала его шагов и тогда в страхе чувствовала, как болезненно напрягаются ее нервы. Она прислушивалась к его приближению, бесшумному, как подкрадывание пантеры. Иногда он ярко разжигал костер, но порой давал ему почти совсем угаснуть. Этот мрак всего более страшил ее. Ночь выглядела предательски, точно заключившая союз с врагом Джейн. Темнота тянулась бесконечно. Девушка молила о рассвете, но и грядущий день не сулил ей ничего утешающего. Приходили минуты, когда она дрожала, как в ознобе, и сердце ее так стучало, что любой ребенок догадался бы о ее отчаянии. Но едва только Келс приближался или, подкравшись издали, наблюдал за ней, словно кошка за мышью, как к Джейн снова возвращалось ее самообладание, и, насторожившись, она все свое внимание направляла на раскачивающийся револьвер.

Среди ночи Келс куда-то ушел. Надолго ли? Джейн решить не могла. Его отсутствие пугало ее еще больше, чем его близость.

Наконец, ночной мрак начал сменяться хмурой серостью. Рассвет приближался. Мучительная, бесконечная ночь прошла. Ни на одну секунду Джейн не сомкнула глаз.

Когда совсем рассвело, она поднялась. После долгого неподвижного лежания на земле ее мускулы затекли и ныли. Она принялась ходить, чтобы как-нибудь размять ноги. Как раз в это же время и Келс вылез из-под бальзаминового дерева, где он пролежал всю остальную часть ночи. Его лицо выглядело хмурым, осунувшимся и мятым. Джейн видела, как он спустился к ручью и, окунув руки в воду, принялся яростно плескаться. Затем подошел к костру. Какой-то хмурой жестокостью и унылостью веяло от всей его фигуры.

Ледяная вода благотворно подействовала на пылавшее лицо Джейн. Заметив, что Келс не обращает на нее никакого внимания, она медленно поплелась к ручейку под скалой. Это местечко находилось приблизительно в ста шагах от лагеря. Джейн решила бежать при первой же возможности. Пусть ей придется блуждать по горам, пока смерть от голода не закончит ее страданий. День, может быть, пройдет сносно, но вторая подобная ночь доведет ее до сумасшествия. Так размышляя и строя

планы, она присела на обломок скалы, пока громкий окрик Келса не вспугнул ее.

— Вы хотите есть? — спросил он ее.

— Я не голодна.

— Так или иначе, а вы должны что-нибудь съесть, хотя бы вы даже подавились при этом, — приказал он.

Джейн послушно села. Она избегала смотреть на него и также больше не чувствовала и на себе его взгляда. Вчера они были просто далеки друг от друга, но сегодня их разделяла неизмеримая пропасть. Джейн через силу поела и остатки отодвинула в сторону. Встав, она снова принялась расхаживать то туда, то сюда, даже не видя как следует того, на что глядели ее глаза. Она то прислонялась к дереву, то отдыхала, сидя на камне, но тут же снова чувствовала потребность в ходьбе. Время двигалось нестерпимо медленно; она не знала, считать ли ей время коротким или долгим. Внезапная истома овладела ею; мужество ее вдруг покинуло, ослабело; нервы вот-вот грозили сдать.

Но ясный и звучный окрик Келса мгновенно вернул ей силы. Ее душа тотчас же наполнилась прежним холодным напряжением. Он шел к ней навстречу. Его лицо выглядело приветливым. Дружелюбная маска прикрывала какую-то затаенную мысль. Он шел к ней широким шагом. Замерев, она смотрела в его странные серые глаза, в которых нескрываясь светилась жестокость и прыгали огоньки необузданной страсти.

Схватив ее за руку, он резко дернул ее к себе.

— Ты сама выкупишь себя!

Он обращался с ней так, как будто ожидал сопротивления, но Джейн не защищалась. Она только опустила голову, чтобы скрыть свои глаза. Обвив ее плечи рукой, он почти потащил ее к хижине. С болезненной отчетливостью видела Джейн у себя под ногами сначала еловые и бальзаминовые ветки, затем бледно-розовые маргаритки и, наконец, засохшие прутья. Она оказалась в хижине.

— О, девушка!.. Я изголодался по тебе! — хрипло прошептал Келс. Круто повернув ее к себе, он обнимал ее так, как будто был только дикарем и не мог обойтись без грубой силы.

Если Джейн и защищалась, то совсем слегка; точно змея вертелась и извивалась она, стараясь просунуть свою руку под плечо, пока он держал ее за шею. Добив-

шись своего, она сдалась. Прижав ее к себе, он изогнул ее стан, грубой и жадной рукой дернул ее лицо кверху и, точно безумный, стал осыпать его поцелуями. Жаркие, жадные, дрожащие поцелуи. Джейн была ослеплена, оглушена... Однако ее движение было настолько же мгновенно, точно и ловко, насколько его страсть оказалась порывистой и необузданной.

Первое, на что натолкнулась ее шарящая рука, был его пояс. Молниеносно она нащупала шнур с револьвером. Коснувшись холодной стали, ее пальцы судорожно уцепились за оружие и скользнули дальше. Затем она с усилием подняла курок. После этого с судорожной энергией, почти равной его напору, она оттолкнулась назад и вытащила револьвер из кобуры. Подняв револьвер, она продолжала лежать с закрытыми глазами, неподвижная, точно добровольно отдаваясь поцелуям Келса. То были поцелуи человека, почти всегда лишеного сладости и опьяняющей прелести женских уст. Но вот их примитивные чувства столкнулись: его звериная жажда обладания и ее первобытное чувство самосохранения. Джейн спустила курок. Громовой, глухой и пустой звук. Запах пороха сильно ударил ей в нос. Крепкая хватка Келса судорожно напряглась, но затем медленно распалась. Девушка резко и сильно отшатнулась в сторону и, все еще не раскрывая глаз, сбросила с себя его руки. Резкий крик вырвался из его горла. Вздрыгнув, Джейн открыла глаза. Келс шатался словно раненый волк, попавший в стальной капкан. Отняв окровавленные руки от спины, он беспомощно махал ими, брызгая кровью на стену и на разбросанные на полу ветки. Наконец он догадался, что произошло, и протянул свои страшные руки к Джейн.

— Праведный боже!.. — прохрипел он. — Ты... ты стреляла в меня!.. Ты — девочка!.. Ха! Ты провела меня... Ты знала, ты все знала, чего я хотел от тебя. А, хитрая кошка. Отдай... мне револьвер!

— Назад, Келс! Я убью вас! — крикнула Джейн. Вытянувшийся между ними громадный револьвер снова угрожающе закачался.

Но Келс не видел его. В своей безумной ярости он попробовал броситься вперед и схватить девушку, но ноги его подогнулись, и он упал на колени. Не будь возле него стены, он упал бы на пол. Лицо его преобразилось; из мрачного, перекошенного и распухшего оно постепен-

но сделалось призрачно-белым; большие клейкие капли пота заструились по его лицу; его глаза даже и в этот миг не утратили своей особенной живости; в них отражались быстрые и разноречивые ощущения — боль, страх, гнев и даже изумление.

— Джейн, ты прикончила меня! — прохрипел он. — Ты раздробила мне позвоночник... От этой раны я погибну. О, о, эта боль! А я совершенно не переношу боли. А ты... ты — девочка. Ты маленькая, невинная семнадцатилетняя девочка, которая никогда никому не причиняет боли! Ты, такая нежная, такая робкая... Ба!.. Ты здорово провела меня. Хитрая баба! Уж я-то должен был раскусить тебя. Хорошая женщина страшнее... страшнее самой дурной! Но я заслужил это. Когда-то я тоже... О, эти муки! Почему ты не прикончила меня сразу? Джейн Рэндль... смотри теперь, смотри, как я буду умирать. Что ж!.. Когда-нибудь и мне надо... от веревки... или от пули... Я даже рад, что ты... ты... убила меня... О, зверь ты или человек, я думаю... мне кажется... я любил тебя!

Бросив револьвер, Джейн опустилась возле него на колени, почти обезумев от ужаса. Она хотела сказать, что он сам довел ее до такого поступка, а теперь пусть разрешит ей молиться за него. Она порывалась, но слова не срывались с губ. Язык прилип к гортани. Ей казалось, что она вот-вот задохнется.

И снова лицо Келса изменилось. Он уже больше не смотрел на Джейн. Белый цвет его щек сменился серостью, такую же, какой всегда светились его глаза. Казалось, жизнь покинула его. Дрожь затихла. Внезапно его плечи скользнули вдоль стены, и с тяжелым стуком он неподвижно растянулся у ног девушки. Спустя мгновение и она лишилась чувств.

Глава VI

Когда Джейн очнулась, она лежала поперек порога и над ней медленно тянулась в дверь хижины голубая струйка дыма. Весь недавний ужас разом ожил в ее памяти; она лежала и прислушивалась. Но ничего, кроме нежного побулькивания ручейка, не было слышно. Значит, Келс мертв. Ужас перед содеянным смешался в ней с чувством неизмеримого облегчения.

Джейн встала и, боясь заглянуть внутрь хижины, быстро отошла от двери. Солнце стояло почти в зените.

«Я должна бежать», — сказала себе Джейн, оживляясь при этой мысли. В глубине ложбины паслись лошади. Она быстро пошла по тропинке, стараясь решить, ехать ли ей по этой старой, почти заросшей тропинке или же решиться ехать по тому пути, по которому она попала сюда. Она остановилась на последнем. Поймав своего пони, она повела его обратно в лагерь.

— Что необходимо взять с собой? — рассуждала она и решила захватить как можно меньше вещей: всего одно одеяло, узел с хлебом и мясом и одну флягу с водой. Возможно, что в пути ей понадобится оружие... Но кроме револьвера, которым она убила Келса, ничего не было. Тронуть эту страшную вещь ей казалось невозможным. Однако раз она все-таки освободилась и вдобавок такой ценой, то поддаваться сентиментальности теперь неуместно. Решительными шагами Джейн направилась к хижине, но, дойдя до дверей, она едва передвигала ноги. Длинный, хмуро-голубоватый револьвер лежал все там же, куда она его бросила. Краешком глаза девушка все же видела неподвижно лежавшую возле стены фигуру. Вся дрожа от напряжения, она протянула руку и схватила револьвер. И в ту же самую секунду тихий, протяжный звук пригвоздил ее к месту.

Джейн застыла. Сердце подкатилось к самому горлу, глаза застлала какая-то пелена. Но новый стон разъяснил все: Келс был еще жив! И вдруг сковавшее ее холодное, липкое чувство и противная судорога в глотке сменились неожиданной горячей волной радости. Он жив! Ее руки не обогреты чужой кровью, она не убийца.

Быстро повернувшись, Джейн уставилась на Келса. Вот он, белый, точно покойник. Радость ее исчезла, уступив место жалости, настолько переполнившей ее сердце, что, все позабыв, она близко склонилась к нему. Он был холоден, как камень. Ни в руке, ни у виска она не нащупывала пульса. Но, приложив голову к его груди, она услышала слабый стук сердца.

— Он жив еще, — прошептала она, — но при смерти. Что же мне делать?

Ум лихорадочно заработал. Помочь Келсу она ничем не могла; вероятно, он скоро умрет. Остаться возле него было тоже небезопасно; его товарищи могли каж-

дую минуту приехать сюда. Но если его позвоночник не поврежден, и ей удастся спасти ему жизнь, не поступит ли он с ней опять как грубый дикарь? Разве что-нибудь способно изменить этот характер? Это жестокий человек, который вдобавок не обладает достаточной силой воли, чтобы побороть в себе зло. Он вынудил Робертса взяться за оружие и когда тот сделал это — убил его. Несомненно, он так же хладнокровно и обдуманно разделался и с остальными двумя негодьями, Биллом и Галловеем. Ему бы только не видеть больше их плотоядных взглядов и остаться с ней наедине. Он заслужил того, чтобы подохнуть здесь, подобно псу.

Но как истая женщина, Джейн решила одно, а поступила наоборот. Осторожно повернув Келса, она увидела, что вся рубашка и жилетка густо намокли от крови. Она отправилась за ножом, полотенцем и водой.

Джейн уже приходилось перевязывать раны, и кровь не пугала ее. Единственная здесь разница: эту кровь она пролила сама. Ей было очень не по себе, когда, разрезав одежду Келса, она дрожащими руками принялась обмывать окровавленное место. Громадная пуля прорвала большую рану, кровь все еще струилась. Поперек позвоночника тянулась распухшая синяя полоса. Разорвав свой платок на бинт, Джейн как умела соорудила компресс и наложила повязку. Затем осторожно положила Келса на одеяло. Она сделала все, что было в ее силах, и это сознание подействовало на нее успокоительно.

Келс продолжал лежать без сознания и походил на покойника. Страдание и близость смерти стерли с его лица жесткое выражение и приветливую улыбку, обычно предвещавшую самые страшные намерения. Его жуткие глаза, наконец, закрылись. Джейн сидела и ждала конца. Полдень уже давно прошел, а она все еще не вышла из хижины. А вдруг он придет в себя и попросит пить?

Солнце зашло, наступили сумерки, и ложбину окутала ночь. Одиночество начало казаться Джейн чем-то осязаемым. Притащив свое седло и одеяло к порогу хижины, она кое-как устроила себе постель и, глядя на звезды, прилегла. Темнота не мешала ей видеть распростертое тело Келса. Он лежал так тихо, словно уже умер. Джейн чувствовала себя измученной, разбитой и сонливой. Среди ночи храбрость ее испарилась, и она

стала бояться каждой тени. Жужжание насекомых казалось ей диким ревом; жалобный крик волка и хриплые возгласы кугуара нагнали на нее панический ужас; ночной ветер стонал, как заблудшая душа.

Утреннее солнце разбудило Джейн. Проспав несколько часов подряд, она почувствовала себя отдохнувшей и окрепшей. Вместе с ночью ушли и все страхи. Она знала, что Келс все еще жив. Осмотрев его, она убедилась, что состояние Келса не изменилось, но рана уже не кровоточила. Жизнь чуть-чуть теплилась в его теле.

Часть следующего дня Джейн провела около Келса, весь же день показался ей не длиннее одного часа. Иногда она выходила из хижины, ожидая вот-вот увидеть приближающихся всадников. Что она скажет им? Вероятно, остальные молодцы ничем не отличаются от Келса; и вдобавок у них отсутствует и то единственное достоинство, которое сделало Келса хотя бы всего на один час человеком. Сказать, что состояние Келса — дело ее рук — невозможно. Поэтому, достав револьвер, Джейн очень тщательно вычистила его и снова зарядила. Если кто-нибудь явится сюда, она скажет, что Келса ранил Билл.

Келс по-прежнему боролся между жизнью и смертью. Джейн убеждалась, что он останется жив. Иногда она приподнимала его голову и вливала ему в рот по несколько капель воды. Каждый раз он стонал при этом.

И второй день прошел так же, как и предыдущий. Наконец наступил третий, но до вечера состояние Келса не изменилось. С наступлением темноты Джейн показалось, что сознание возвращается к нему. Она часами просиживала возле него, ожидая, не захочет ли он что-нибудь сказать ей перед концом, передать что-нибудь... В эту ночь над ложбиной висел месяц, роняя свои бледные лучи на восковое лицо Келса, утратившее отпечаток порочных страстей. Но вот его губы зашевелились, он попробовал говорить. Джейн дала ему пить. Бормоча какие-то бессвязные слова, он снова впал в забытие, но тотчас же снова пришел в себя и как безумный понес всевозможную чепуху. После этого он очень долго лежал совершенно тихо, и вдруг испугал Джейн тихим, но совершенно ясным возгласом:

— Воды! Воды!

Приподняв его голову, девушка дала напиться. Она видела его глаза — две темные дыры на белом фоне.

— Это... ты... мама? — прошептал он.

— Да! — ответила она.

Он снова затих. Однако это состояние больше походило на сон, чем на беспамятство. В продолжение ночи он больше ни разу не подал голоса. Его возглас «мама» тронул Джейн. И у самых жестоких людей есть матери, даже у такого, как Келс. Когда-то и он был тоже мальчуганом. Какая-то мать так же гордилась им и целовала его розовые ручонки. Вероятно, она тоже строила воздушные замки, думая о его будущем. А он? Вот он лежит здесь умирающий, наказанный за позорный поступок, последний из целого ряда еще более ужасных преступлений.

На следующее утро Джейн не сразу подошла к Келсу. Она так же боялась найти его в полном сознании, как и содрогалась при мысли, что он уже мертв. Но, собравшись с силами, она подошла и нагнулась к нему. Он уже не спал. В его глазах отразилось изумление.

— Джейн? — прошептал он. — Вы все еще... у меня?

— Конечно! Ведь не могла же я оставить вас одного. Утомленные глаза Келса странно омрачились.

— Я жив еще. И вы остались... Это случилось вчера, когда вы стреляли в меня из моего револьвера?

— Нет, четыре дня тому назад.

— Четыре дня! Пуля попала мне в хребет?

— Я не знаю, не думаю. Там страшная рана. Я... я сделала все, что могла.

— Вы хотели меня сперва убить, а потом решили спасти?

Джейн молчала.

— Вы — хорошая, вы поступили благородно! — сказал он. — Но лучше бы вам быть злой. Тогда бы я мог проклинать вас... задушить...

— Сейчас вам надо вести себя только спокойно, — ответила девушка.

— В меня не раз всаживали пули. Я и на этот раз выкарабкаюсь, лишь бы только остался цел мой хребет. Как нам узнать это?

— Не имею ни малейшего понятия.

— Поднимите меня.

— Но ведь может же открыться рана! — запротестовала Джейн.

— Поднимите меня!

Непреклонная воля этого человека слышалась даже в его шепоте.

— Но зачем, для чего?

— Я хочу проверить, смогу ли я сесть. Если нет, то дайте мне сюда мой револьвер.

— Его вы не получите! — ответила Джейн и, подсунув руки ему под мышки, осторожно посадила его. Затем отняла руки.

— Я... мерзкий трус... когда дело касается боли, — прохрипел Келс, и крупные капли пота выступили на его бледном лице. — Я... я не могу больше!..

Однако, несмотря на невыносимые страдания, он все-таки продолжал сидеть без поддержки и даже попробовал нагнуться. Но после этого, застонав, без памяти упал на руки Джейн. Она снова уложила его, и прошло довольно много времени, прежде чем она привела его в чувство. Теперь Джейн окончательно уверилась, что он выживет, и радостно сообщила ему об этом. Он странно усмехнулся. А когда она принесла ему питье, то с благодарностью его выпил.

— Я выживу! — сказал он слабым голосом. — Я снова поправлюсь, ибо мой хребет цел. А вы принесите сюда побольше воды и еды и отправляйтесь.

— Отправляться? — повторила она.

— Да, но не вдоль ложбины — там вам худо придется... Идите в обратном направлении. У вас есть шанс выбраться из гор... Идите!

— И оставить вас одного? Бросить такого слабого, что вы даже не в состоянии поднять чашки? Нет!

— Будет лучше, если вы послушаетесь.

— Почему?

— Потому что через несколько дней я буду значительно лучше чувствовать себя, и тогда снова вернется мое прежнее «Я»... Мне кажется... я боюсь, что полюбил вас... Это может превратиться для вас в сплошной ад. Уходите же сейчас, пока не поздно... Если вы останетесь и я поправлюсь, я никогда больше не отпущу вас от себя.

— Келс, я показалась бы себе подлой, если бы оставила вас здесь одного, — ответила Джейн серьезно. — Вы умрете без помощи.

— Тем лучше для вас. Но я не умру. Я третий калач. Уходите, говорю вам!

Она покачала головой.

— Не спорьте, это ни к чему не приведет. Вы опять разволновались. Прошу вас, попробуйте успокоиться.

— Мисс Рэндль, если вы останетесь... Я свяжу вас, голую замурую, прокляну, избью!.. Убью! О, я на все способен... Слышите? Уходите!

— Вы с ума сошли. Раз и навсегда — нет! — твердо ответила девушка.

— Ты... ты!.. — его голос оборвался и перешел в жуткий невнятный шепот.

Весь следующий день Келс почти ничего не говорил. Выздоровление его шло очень медленно, все еще не давая твердой надежды на благополучный исход. Без Джейн, он, конечно, не долго протянул бы. Когда она подходила к нему, все его лицо и глаза освещались печальной и красивой улыбкой. По-видимому, ее присутствие задевало и утешало его одновременно. Каждый день он спал по двадцати часов кряду.

Только теперь Джейн поняла, что значит настоящее одиночество. Бывали дни, когда она совершенно не слышала звука своего собственного голоса. Привычка к безмолвию — один из главнейших стимулов одиночества — овладела ею. День ото дня она все меньше размышляла и все больше тосковала. Часами предавалась она полному бездействию. Но иногда, при взгляде на горные вершины, походившие на тюремные башни, на тенистые деревья и монотонные, неизменяющиеся черты своего заточения, в ней пробуждалась кипучая и страстная ненависть. Она ненавидела окружающее за то, что утратила любовь к нему, за то, что оно стало частью ее самой.

Джейн охотно сидела на солнце, грелась и любовалась его золотыми лучами. Иногда она даже забывала о своем пациенте. И постепенно, изживая в таком бездействии часы за часами, она все чаще стала вспоминать Джима Клэва. Это воспоминание было спасительным для нее. Во время бесконечных, торжественно-молчаливых дней и особенно ночью, когда одиночество достигает своего высшего напряжения, Джейн уносилась в мечтах к Джиму. Она вспоминала о его поцелуях без прежнего гнева и стыда. В сла-

достные минуты таких размышлений она все больше углублялась в свою любовь к Джиму.

Вначале Джейн старалась считать дни, но когда миновало более трех недель, она утратила счет времени. Запасы пищи катастрофически уменьшились, и перед Джейн вставал еще один серьезный вопрос.

Как раз в это утро, занятая размышлениями о пище, девушка вдруг увидела вдали группу всадников, приближавшихся к хижине.

— Келс! Какие-то люди едут сюда, — торопливо сказала она.

— Отлично! — воскликнул он слабым голосом, и улыбка осветила его исстрадавшееся лицо. — Они довольно долго искали дорогу сюда. Сколько их?

Джейн принялась считать. Пять всадников и несколько лошадей с поклажей.

— Это — Гульден.

— Гульден! — испуганно вскрикнула Джейн.

Этот возглас и звук ее голоса заставили Келса внимательнее посмотреть на нее.

— Вы уже слышали о нем? Он — самая отъявленная сволочь в этой пограничной полосе... Таких, как он, я еще никогда не видел. Ни одну секунду вы не будете в безопасности. Я же такой беспомощный сейчас... Что ему сказать, как объяснить?.. Джейн, если я все-таки скыворнусь, то вы должны бежать отсюда немедленно или застрелиться.

Джейн казалось странным, что этот бандит теперь старался избавить ее от той опасности, которой сам же подвергал ее. Достав револьвер, Джейн спрятала его в расщелину между балками. Затем она снова выглянула на поляну.

Всадники были уже почти у дома. Передний, мужчина геркулесовского телосложения, погнал своего коня через ручей и затем, резко дернув за поводья, заставил остановиться. Другой двинулся следом за ним, остальные тем временем постепенно приблизились с нагруженными лошадьми.

— Ого-го! Келс! — крикнул великан. Его голос звучал громко и звучно.

— Он где-нибудь здесь поблизости, — заметил другой.

— Само собой, я только что видел его коня. Джек не может быть далеко от своей скотины.

После этого оба направились к хижине. Джейн еще никогда не видела столь свирепых и отталкивающих физиономий. Один из них был гигантского роста. Его ширина и массивность делали его коротконогим, и весь он удивительно походил на гориллу. Другой был тоже высокий, но тощий, с багрово-красным лицом с отпечатком жестокой алчности. Сутуловатый, он держал голову совершенно прямо и походил на волка, почуявшего запах крови.

— Там кто-то есть, Пирс, — предостерег его толстый.

— Хо, Гуль, никак там девушка!

Джейн вышла из темного угла хижины и молча указала на распростертую фигуру Келса.

— Здорово, ребята! — сказал Келс слабо.

Гульден удивленно выругался, тогда как Пирс озабоченно нагнулся к Келсу. Затем оба они разом заговорили. Келс прервал их слабым движением руки.

— Нет, нет, я еще не собираюсь отправляться к праотцам, — сказал он. — Я только чуть жив от голода и должен зарядить свой желудок... Половина спины отстрелена...

— Кто же это так обработал тебя, Джек?

— Гульден, это сделал твой любимый дружок Билл.

— Билл? — спросил Гульден грубо, забавно стараясь скрыть принужденность своего тона. Затем резко добавил:

— Я думал, вы поладите...

— Вышло наоборот.

— А где же Билл... сейчас?

На этот раз в его голосе Джейн ясно уловила оттенок какой-то холодной тягучести. По тону вопроса было ясно, что Гульден наперед знал ответ Келса.

— Билл мертв и Галловой тоже, — ответил Келс.

В этот момент Гульден повернул свою четырехугольную лохматую голову в сторону Джейн. Она не в силах была выдержать его взгляда. Пирс заметил:

— Из-за девчонки поцапались, Келс?

— Нет! — резко ответил Келс. — Они начали фамиллярничать с... с моей женой и за это я их обоих пристрелил.

— Женой! — воскликнул Гульден.

— Это твоя настоящая жена, Джек? — допытывался Пирс.

— Ну, конечно же! Вот, погодите, представлю вас... Джейн, мои друзья: Сэм Гульден и Рэд Пирс.

Гульден проворчал что-то под нос.

— Миссис Келс, я рад познакомиться с вами, — сказал Пирс.

В эту минуту в хижину вошли трое остальных бандитов, и Джейн выскользнула за дверь. Она чувствовала себя испуганной и одновременно с этим ее душил гнев. Она даже слегка пошатнулась от волнения. Визит бандитов с неожиданной яркостью подчеркнул трагичность ее положения. В одном только Гульдене было достаточно жуткого. Бежать! Однако теперь всякая такая попытка стала гораздо опаснее, чем раньше. Рискни она только, как все эти новые «друзья» бросятся по ее следу, словно стая кровожадных собак. Джейн отлично поняла, почему Келс назвал ее своей женой. Она пришла к выводу, что необходимо держаться спокойно, естественно и как можно дольше поддерживать этот обман. Вспомнив о револьвере, спрятанном ею в расщелине, она собралась с силами и, поборов свое волнение, вернулась обратно в блокгауз. Тем временем бандиты повернули Келса спиной кверху и обнажили его рану.

— Ах, Гуль, не трепли его, лучше дать ему виски, — сказал один из мужчин.

— Если ты все время будешь выдавливать у него кровь, то ясно, ему придет капут, — запротестовал другомой.

— Послушай, он здорово ослаб! — заметил Рыжий Пирс.

— Убирайтесь к черту, вы ничего не понимаете! — взревел Гульден. — В свое время я служил... но это вас не касается... Видите вы это синее пятно? — и своим громадным пальцем Гульден нажал синий желвак на спине Келса. Тот застонал. — Это — олово, пуля, — заявил Гульден.

— Черт побери! А если ты в самом деле прав! — воскликнул Пирс.

Келс повернул голову и промолвил:

— Когда ты нажал на это место, все тело мое разом как бы отмерло. Послушай, Гуль, если ты нащупал пулю, то просто вырежь ее.

Джейн не присутствовала при операции. Она убежала к своему постоянному месту ночлега под бальзамино-

вым деревом. Внезапно до нее донесся резкий крик Келса и затем громкие восклицания мужчин. Очевидно, Гульден оказался таким же быстрым на деле, как и на словах.

Вскоре бандиты вышли из хижины и принялись раскапывать привезенный груз.

Пирс выискал глазами Джейн и крикнул ей:

— Келс хочет поговорить с вами!

Придя в хижину, Джейн нашла бандита сидящим; верхняя часть его туловища прислонена была к седлу. Его побелевшее и мокрое от пота лицо выглядело совершенно изменившимся.

— Джейн, пуля-то в самом деле давила на мой хребет, — сказал он. — Теперь у меня пропало всякое ощущение. Я чувствую себя воскресшим, скоро и совсем поправлюсь... Но пуля чертовски заинтересовала Гульдена; ни Билл, ни Галловой не употребляют пули этого калибра. Гульден хитер. С этим Биллом у него была тесная дружба, как ни с кем из нас. Я не доверяю никому из них и особенно Гульдену. Все время держитесь как можно ближе ко мне.

— Келс, отпустите меня... Помогите мне добраться до дому, да? — тихо взмолилась Джейн.

— Девочка моя, это было бы слишком опасно, — серьезно ответил он.

— Ну, все равно, не сейчас, потом... При первой возможности...

— Посмотрим... Но теперь — ты моя жена!

В этих последних словах снова почувствовалась прежняя властность Келса.

— Неужели... — от внутреннего волнения девушка даже не закончила своей фразы.

— Я на все способен: попробуй-ка выйти сейчас и сказать моим молодцам, что ты не моя жена, — заметил он. Его голос окреп, и глаза снова блеснули холодно и загадочно.

— Ни один мужчина не обошелся бы так скотски с женщиной, которая спасла ему жизнь, — прошептала она.

— Повторяю, я способен на все. У тебя была возможность. Я даже требовал, чтобы ты ушла отсюда. Вспомни, я предупреждал тебя, что вместе со здоровьем вернется мое прежнее «Я».

— Но без меня вы бы умерли!

— И это было бы лучше для тебя... Джейн, я предлагаю тебе следующее: я честно женюсь на тебе и мы уедем из этой страны. У меня есть золото. Я молод, я страстно люблю тебя, хочу тебя. Ради тебя я начну новую жизнь... Что ты скажешь на это?

— Что скажу? Да лучше мне тут же умереть, чем выйти за вас замуж! — с ненавистью прошептала Джейн.

— Отлично, мисс Рэндль! — с горечью промолвил бандит. — Одну минуту я видел призрак: свое умершее, лучшее «Я». Теперь он исчез... И ты останешься со мной.

Глава VII

С наступлением темноты Келс приказал своим людям развести костер возле дверей хижины. Он удобно лежал, весь укутанный в одеяла; все бандиты присели к костру, образуя перед ним полукруг.

Джейн отнесла свою постель в самый темный угол, откуда ее никто не мог увидеть, зато она видела всех.

Сильнее, чем когда-либо, ей бросилась в глаза вся прелесть этой дикой местности. Даже костер пылал как-то особенно: он то и дело выбрасывал громадные красные языки пламени, с свирепой алчностью пожирившие большие сучья. Особенно выглядели при этом мрачном освещении и жестокие лица бандитов.

Наконец, опустилась непроницаемая ночь. Койоты полчищами повылезали из своих нор, и вся окрестность огласилась их резким и отрывистым лаем. Но сущность дикости казалось сконцентрировалась в самих бандитах. Освещенный дрожащим пламенем, Келс выделялся своим бледным, как у призрака, лицом. То было четкое, умное и решительное лицо. Злобу и необузданность подчеркивали морщины возле его рта и глаз. Казалось, лицо этого человека снова насторожилось, и он напряженно обдумывает новые страшные планы. Красная рожка Пирса выглядела еще краснее. То была сухая, черствая, почти совсем без мяса, красная маска, натянутая на усмехающийся череп. Другой, которого они называли Фрэнчи, был маленького роста, с мелкими

чертами, глазами пуговками и ртом, произносившим одни только полные ненависти слова. Остальные двое ничем не отличались от примитивных жуликов. Но Гульден казался столь необычен, что Джейн подолгу не решалась глядеть на него. Его движения говорили о невероятной силе. Это был колосс, горилла с копной русых, вместо черных, волос на голове, с бледной, вместо черной, кожей. Черты его лица казались наскоро вырубленными грубой корявой лопатой. Казалось, будто вся жестокость, все пороки и страсти, когда-либо существовавшие в мире, притаились в громадных впадинах его глаз, в тяжелых складках всего лица и в ужасающей расщелине, полной сильных белых клыков, служивших ему зубами. Это было чудовище, и Джейн скорее была бы рада тут же умереть, чем согласиться как-нибудь прикоснуться к нему. Он курил и не принимал никакого участия в грубом и добродушном подшучивании окружающих. Он сидел словно гигантская машина разрушения.

После перенесенной операции Келс начал поправляться с изумительной быстротой. Вместе со здоровьем к нему вернулся и интерес к внешнему миру. На все его вопросы отвечал Рэд Пирс. Из их разговора Джейн узнала, что свою славу атамана Келс так же искренне любил как и то золото, которое он крал по всей золото-промышленной линии Айдахо, Невады и северо-восточной Калифорнии. Из ответов Рэда и по манере, с которой он обращался к Келсу, Джейн увидела, насколько громадна его власть.

— Мне кажется, что ты верно рассудил, Джек, — сказал Пирс, снова набивая свою трубку. — Рано или поздно, а здесь будет столько золота, сколько не видывал еще никто на всем западе. Каждый день тянутся хвосты дилижансов от Солнечных Вод. Стаи золотоискателей рыскают в горах. Все пещеры и долины Бэр Монтайна облеплены лагерями. Промытое золото есть всюду, его легко добыть, была бы поблизости вода. Нет ни одной пяди неразрытой земли. Однако богатой находки еще нет. Но рано или поздно должна быть и она. А когда весть разнесется по всем большим дорогам и проникнет во все уголки за горами, начнется такое нашествие, в сравнении с которым 1849 и 1851 годы покажутся ребячьей забавой. Не так ли, Бейд?

— Ну, конечно, — ответил седовласый негодяй, прозванный Келсом Бейд Вуд¹. Он был гораздо старше своих товарищей, несколько серьезнее, менее свиреп и более скуп на слова.

— Видал я и 49 и 51 годы. Вот были денечки! Но я согласен с Рэдом. На границе Айдахо еще разыграются трагедии. Сам откапывал золото, хотя к этой дьявольской работе меня никогда не тянуло. Оно тяжело достается и легко спускается, зато легче всего переходит к тебе из чужого кармана. Кое-какие признаки я заметил уже в этой местности. Там же, в горах, куда ни плюнь, всюду копошатся тысячи золотоискателей. Они скрытничают, но ведь золото необходимо вывезти; оно тяжелое, и его не спрячешь. С востока сюда так и прет толпа полных надежд и обалделых охотников за счастьем. За ними потянутся бабы и картежники и, наконец, мужчины. Где и когда все это столкнется, неизвестно, но если столкнется, то разыграется такая дьявольщина, какой мы никогда не видавали.

— Вот, ребята, — сказал Келс, и жесткость прозвучала в его мягком голосе, — тогда-то и наступит жатва для моего пограничного легиона.

— Для кого? — с любопытством переспросил Бейд Вуд.

Все бандиты, за исключением Гульдена, с интересом повернулись к Келсу.

— Для пограничного легиона, — ответил Келс.

— А что это такое? — спросил Рыжий² Пирс.

— Когда наступит золотая горячка, как ты пророчествуешь, то надо организовать такую банду, какой никто еще не видывал до сих пор. Я организую ее и назову «Пограничный легион».

— Положись на меня, как на свою правую руку, — ответил Рэд с энтузиазмом.

— А на меня и подавно, — прибавил Бейд.

Замысел Келса был встречен шумным одобрением. В эту минуту Гульден поднял свою массивную голову и, тяжело ворочая языком, не столько спросил, сколько проворчал:

¹ От англ. Bad Wood, которое в данном контексте можно перевести как «дрянной бочонок».

² Рэд — Рыжий — от англ. red — красный, рыжий.

— Что вы скандалите?

Вопрос этот произвел на всех бандитов и даже на самого Келса странное и тревожное впечатление. Казалось, будто вдруг явилось какое-то большое препятствие, требующее серьезного обсуждения. На секунду все приоткрылось, а затем Рэд повторил весь проект.

— Ничего нет нового в этом, — ответил Гульден. — Сам как-то участвовал в такой банде. Это было в Алжире, но ее называли «Королевский легион».

— Алжир? Это что за штука?

— Африка, — ответил Гульден.

— Ты, оказывается, успел поехать по свету, Гуль? — удивленно спросил Рыжий Пирс. — Что это был за легион?

— Ничего особенного. Толпа дьяволов со всех концов света. Тамошняя граница являлась концом мира. Преступников там уже больше не преследовали.

— Что же вы там делали?

— Друг дружку пристреливали. Осталось совсем немного, когда я ушел оттуда.

— Кто знает тебя, тот не найдет в этом ничего удивительного! — воскликнул Вуд многозначительно; однако его намек совершенно не подействовал на Гульдена.

— В своем легионе я не разрешу ни драк, ни перестрелок, — холодно заметил Келс. — Я сам наберу людей для этой банды.

— В этом весь секрет, — ответил Вуд. — Нужны настоящие парни. Уж я-то побывал во всевозможных шайках. Помню, как-то участвовал даже в карательном отряде.

Это замечание вызвало среди бандитов взрыв смеха, за исключением неподвижного Гульдена с его точно из дерева высеченным лицом.

— Сколько людей понадобится? — спросил Рыжий Пирс.

— Число тут ни при чем. Главным образом это должны быть мужчины, на которых я могу положиться. Все будут подлежать только моему контролю. Затем для лейтенантов мне понадобится пара молодцов вроде тебя, Рыжий. Сильные, сообразительные, хладнокровные, отважные, с быстрой реакцией.

Выслушивая похвалу, Рыжий Пирс вызывающе расправил плечи.

— Знаешь, босс, — сказал он, — мне вспоминается некий паренек, недели две тому назад явившийся в Кэбин Галч. Прямо ввалился в хижину Бэрда, где мы как раз дулись в картишки, и спросил, где Джек Келс. Конечно, сперва мы решили, что парень просто-напросто из-за чего-нибудь хочет свести счеты. Некоторые из нас хотели тут же прикокнуть его. Но он почему-то сразу приглянулся мне, и я уговорил своих не трогать его. Теперь рад этому. Паренек же вовсе и не собирался совать нам под нос свою погремушку. Его намерения были самые дружелюбные. Само собой, я не любопытствовал, кто он и что он. Очевидно, попал голубчик на кривую дорожку и теперь просто ищет новых друзей. Должен сказать тебе, босс, это крепкий парень!

— Как его зовут? — спросил Келс.

— Джим Клэв, — ответил Пирс.

Скрытая в тени и незамечаемая бандитами Джейн услышала имя Джима со смесью страха и боли, но совершенно не удивилась этому. С того момента как Пирс начал свой рассказ, она предполагала услышать имя своего сбежавшего обожателя.

— Джим Клэв, — размышлял Келс. — Никогда не слышал такого, хотя обычно не забываю ни одного лица, ни одного имени. Как он выглядит?

— Опрятный, стройный парень, среднего роста, — ответил Пирс. — Тело — сплошь мускулы. Не старше двадцати трех. Отменный наездник, отчаянный забияка, игрок и пьяница, отважный, как сам дьявол! Вот если бы ты обуздал его, хозяин.

— Здорово! — воскликнул Келс удивленно. — Мало ли молодчиков ежедневно шныряет в этом краю, однако я еще ни разу не замечал, чтобы хоть один из них произвел на вас такое сильное впечатление, как этот Клэв. Бейд, ты ведь уже старый ворон. Ну-ка разъясни, что он такое сделал?

— Что он сделал? — повторил Вуд, царапая свою седую голову. — Черт побери! Лучше спросить, чего он не делал?.. Как самый отчаянный головорез, нагло явился в самый лагерь. И мигом стал всеобщим любимцем. Прямо не знаю, как это ему удалось. Может быть, потому, что он абсолютно на все плюет. Он разом расшевелил нас. Выиграл все деньги, которые были в лагере,

многих совершенно обчистил и затем все отдал обратно. Пил больше всех и не пьянел. Пустил пулю в Бэди Джонса за то, что тот плутовал в картах; также продырявил и дружка Бэди, Шика Вильямса. Стрелял так, чтобы не убить — отшиб им только крылышки. Но знаешь, Келс, он меткий и быстрый стрелок. Немного найдется таких в этой стране. Этого ты не должен забывать...

— А ты забыл еще рассказать, как он отделал Луча, — сказал Рыжий Пирс.

— Луч! Я знаю его, — заметил Келс.

— Возможно, что это плохая рекомендация для Джима Клэва, — начал Бейд Вуд, — хотя, признаться, это самое мне в нем и приглянулось... Ты, конечно, еще помнишь, босс, миленькую девчонку Брандер, там, возле Медвежьего озера. Дочь старого Брандера работает и сейчас в его лавке. Я сам видел, как ты волочился за ней. Так вот, старик и его два парня решили отправиться за золотом и прихватили с собой девушку. Так, по крайней мере, я понял. В один прекрасный день в Кэбин Галч примчался Луч. Как водится, мы пили и играли в карты, но молодой Клэв не делал ни того ни другого. В этот день он до смешного раскис. Ну, вот, Луч вдруг начал предлагать маленькое дельце. До этих пор мы еще ни разу не работали с ним и его командой. Неизвестно, что бы из этого вышло, если бы... не вмешался этот Клэв. Луч предложил нам спуститься в долину, где старик Брандер мыл свое золото, захватить все, что у него есть и еще... Ну, конечно, еще и девчонку. В эту-то самую минуту Джим возьми да и очнись от своих размышлений. Сначала он принялся осыпать Луча страшнейшими проклятиями. А когда тот, ясное дело, взялся за револьвер, то Джим мигом вышиб его у него из лап. Сделав это, он как бешеный ринулся на Луча. Раза два опрокинул его. И затем, как классный боксер, принялся гонять его по всей хижине и лупить до тех пор, пока, наконец, мы не решили заступиться. Но Луч был почти трупом. Вдребезги исколоченный, со сломанными костями и я не знаю еще с чем. Само собой, мы сунули его в кровать, где он и сейчас лежит. Никогда уже он не станет прежним Лучом.

Настала многозначительная тишина.

— Гульден, ты слышал это? — спросил Келс, повернув к нему свое бледное лицо.

— Да, — ответил тот.

— Что же ты думаешь об этом Джиме Клэве и о деле, которое он сорвал?

— Клэва никогда не видел, придет время, погляжу. А потом достану себе девчонку Брандера.

В Гульдене было что-то особенно подлое и мерзкое. Может быть, своим вопросом Келс и хотел подчеркнуть это, или же он добивался только его мнения о Джиме Клэве?

Джейн не могла решить этого. Она догадывалась, что между Гульденом и остальными бандитами существует тайная вражда. Но кроме того, тут было и что-то другое, неуловимое, похожее на страх. Гульден был преступником из любви к преступлениям. В сравнении с ним все остальные бандиты казались ей самыми обыкновенными жуликами. Даже Келс, в хладнокровнейших злодействах которого она сама убедилась, рядом с Гульденом утрачивал свой ореол исключительного бандита. Чтобы только не видеть устремленных в ее сторону громадных глазных впадин Гульдена, Джейн закуталась в одеяло с головой. Нервы ее сдали, и все тело содрогалось от одного слова, которое она беспрестанно нашептывала про себя: «Джим! Джим! О, Джим!» Последний возглас перешел в заглушенное всхлипывание.

Джим совершил ужасный поступок. И теперь он найдет смерть в какой-нибудь пьяной драке, или, что еще хуже, сделается членом этой разбойничьей банды и опустится окончательно.

Это было тяжким наказанием для Джейн. Она сама навлекла на его голову такое несчастье. Как была она глупа и лжива, как бессмысленно кокетничала своим равнодушием к нему. Она любила Джима Клэва. Она осознала это слишком поздно, только когда поехала следом за ним.

Но несмотря на весь свой ужас, Джейн почувствовала горячее желание спасти своего Джима, хотя бы ценою собственной жизни. Ее страх перед Келсом исчез, так же исчез он и перед остальными бандитами, за исключением одного Гульдена. Его она не считала человеком, перед ним она была бессильна. Еще на других можно было как-то повлиять, на Гульдена уже никогда.

Постепенно ее мучительные мысли улеглись, она успокоилась, и только тупая, тихая боль осталась в груди. Прошлое ушло куда-то страшно далеко. Настоящее было ничем. Одно будущее имело значение, потому что там скрывался Джим Клэв. Она не уйдет отсюда. Она пойдет дальше, в Кэбин Галч.

Глава VIII

Прошло три дня. Джейн так усердно ухаживала за Келсом, как будто она и в самом деле была его женой. Почувствовав себя значительно окрепшим, Келс решил тронуться к главному лагерю в Кэбин Галч. Его тянуло туда, и всякое возражение он отклонял с властным нетерпением. Товарищи поочередно должны были поддерживать его в седле. Спустя четыре дня лошади были оседланы и вся поклажа увязана.

За эти несколько дней Джейн убедилась, что ее присутствие разбудило в душе Келса давно заглухшую, возможно почти уже умершую сторону. Когда она находилась возле него, он становился совершенно иным человеком. Вероятно, он и сам не замечал за собой подобных превращений. Он принимал уход Джейн с удивлением и благодарностью, но ни разу не проявил жалости или желания как-то поддержать ее. Видно было, что он безнадежно влюбился в нее. Его странные красивые глаза следили за каждым ее шагом, и в глубине их зажигался мечтательный огонек, но в ее присутствии он большей частью молчал.

Джейн постоянно ощущала на себе и взгляды других бандитов, обычно глядевших на нее исподтишка и почти со страхом. Но Гульден и тут представлял собою исключение. Верзила-бандит подолгу впивался в нее мрачным неподвижным взглядом, не проявляя никакого любопытства или удивления. Вероятно, женщина казалась ему очень странным существом, и его волновали непривычные чувства. Случайно встретившись к ним глазами (а она это старалась делать как можно реже), Джейн внутренне содрогалась, и при этом ей всегда вспоминалась история об одной горилле, укравшей белую женщину. Она никак не могла отделаться от этого воспоминания, и оно играло большую роль в ее дружелюбном отношении к Келсу.

В это утро Келс пожелал одеть свой пояс с револьвером. Кобура и полный патронташ для такого слабого человека, как он, являлись непосильным грузом. Рыжий Пирс настойчиво доказывал это, но Келс только отшучивался. Все бандиты, за исключением Гульдена, были преисполнены к нему явным дружелюбием и постоянной заботливостью. Джейн догадалась, почему Келс пристегнул свой револьвер. Он хотел быть каждую минуту готовым защитить ее.

Когда все тронулись, Джейн было приказано ехать впереди Келса и Пирса; последний должен был поддерживать в седле своего атамана. Погонщиками лошадей с поклажей были Бейд Вуд и Французик, Гульден замыкал кортеж.

Такой порядок сохранился вплоть до полудня. Первый привал сделали на затемненной деревьями душистой полянке. Келс выглядел измученным; его лоб покрылся клейким потом, его избородили морщины страдания. Но несмотря на это, он терпеливо сносил все мучения и весело торопил своих товарищей.

Спустя час они тронулись дальше. Ложбина становилась все длиннее, шире и гористее. Тропинка постепенно расширялась. Возвышенность понижалась, о чем можно было судить по более быстрому бегу ручьев и потеплевшему воздуху.

Не проехали еще и половины пути после первого привала, как Келс уже совершенно обессилел. Без поддержки товарищей он, вероятно, вывалился бы из седла. Бандиты по очереди поддерживали его. Ехать возле его лошади в согнутом положении и держать всю тяжесть его тела на себе было далеко не легким делом. Джейн заметила, что Гульден ни разу не предложил своих услуг. Ощущение его постоянного присутствия позади себя не покидало ее, и время от времени, едва только он подъезжал ближе, это чувство усиливалось, и она поняла, что Гульден внимательно следит за нею. Когда же кавалькада остановилась, чтобы устроить лагерь на ночь, Джейн вдруг охватил ужас перед какой-то неминуемой опасностью.

Тут Келс внезапно упал в обморок. Бандиты положили его на одеяла, подсунув под голову седло. Джейн ухаживала за ним, и понемногу он опять пришел в себя.

Час выдался хлопотливый; бандиты разгружали лошадей, поили их и спутывали; другие доставали съестные припасы, таскали дрова и принимались за приготовление еды. Келс жадно пил воду, но от еды отказался.

Улучшив удобную минутку, он прошептал:

— Джейн! Я только очень устал... Все время будьте возле меня. В случае чего, сейчас же разбудите меня.

С этими словами он закрыл глаза и вскоре погрузился в глубокий сон.

Хорошо сознавая свою красоту, Джейн совершенно не была тщеславна. Она принудила себя быть с бандитами приветливой, любезной и даже немного льстивой. Мужчины моментально отозвались на это. В начале они вели себя дерзко, фамильярно и грубо. Но увидев, что их намеки и шутки не оказывают на нее никакого впечатления, они разом изменили свое отношение к ней. Совершенно незаметно для себя они подпадали под ее влияние. Только один Гульден представлял собой резкий контраст и загадку. Сидя у костра и глотая еду, как волк, он смотрел на Джейн, точно она была какой-то неодушевленной вещью. Его взгляд сосредоточился на ней, словно взгляд дикого зверя.

Девушка чувствовала, что для своей безопасности ей необходимо завязать более дружелюбные и непосредственные отношения с остальными бандитами. Она с грустью и робостью следила за силой своего очарования. Дома ее особа не являлась чем-то исключительным, жизнь проходила просто и естественно. Но здесь все выглядело совсем иначе. Для диких сынов одиночеств, с их бешеной кровью, женщина являлась чем-то бесконечно очаровательным и возбуждающим. Их глаза с непонятной и странной жадностью следили за нею.

Окончив ужин, Джейн сказала:

— Пойду и спутаю свою лошадь, иначе она забежит куда-нибудь.

— Лучше я пойду, мисс, — сказал ей Вуд.

Он еще ни разу не назвал ее миссис Келс¹. Джейн считала его самым лучшим из всей банды. «Он прожил

¹ «Мисс» — обращение к девушке, тогда как «миссис» — обращение к замужней женщине.

достаточно, и какая-то часть его жизни не была подлой», — рассуждала она.

— Давайте, я схожу, — предложил Пирс.

— Нет, спасибо, я сама, — заявила Джейн.

Взяв веревку, она отважно двинулась по тропинке, как вдруг до ее слуха донеслись тихие, но ясные слова:

— Гульден, какого черта ты идешь туда? — то был голос Рэда.

Джейн обернулась. Гульден только что собирался последовать за ней. Ее сердце сжалось, колени подогнулись, и она хотела броситься бежать обратно, но тут Гульден остановился и, что-то ворча про себя, отвернулся в другую сторону.

— Мы следим, Гульден, — продолжал Пирс. — Смотри, иначе мы расскажем Келсу.

Гулкое и злобное проклятье было ему ответом. Джейн бросилась бежать по тропинке, пока, наконец, их голоса совсем не затихли.

Найдя свою лошадь и перейдя на другую сторону ручейка, девушка стала пробираться к лагерю между бальзаминовыми деревьями, то и дело пролезая под низко нависшими ветвями елей. Она не торопилась. Так хорошо было побыть одной, вдали от этих страшных людей, вдали от постоянной напряженной атмосферы. Но, очутившись возле спящего Келса, она почувствовала себя еще легче. Разложив около него свои одеяла, она храбро приготовилась встретить ночь. Инстинктивно она улеглась так, чтобы иметь возможность быстро схватить его револьвер.

Солнце только что село, и в ложбине было тепло и тихо. Высоко на горах медленно гасли розовые огоньки. Бандиты занялись делами. Гульден, которого Джейн считала лежебокой, взял на себя наиболее тяжелую часть работы. Казалось, ему доставляло особенное удовольствие одному таскать громадные бревна, которые даже двоих здоровых людей пригнули бы к земле.

Костер развели в неприятной близости от того места, где улеглась Джейн, но когда воздух вдруг резко похолодел, она обрадовалась этому. Наступила темнота и, закончив дневные работы, бандиты собрались у костра. В них произошла заметная перемена. Один за другим выискивали они всевозможные предлоги, чтобы приблизиться к ней. В поведении каждого из них ска-

звалась личная, индивидуальная черточка. Джейн поняла, что порыв Гульдена заставил и всех остальных взглянуть в их собственную душу. Гульден сидел молча и неподвижно. Освещенный пламенем костра, он походил на гигантского мрачного человека-обезьяну. Он больше не глядел на Джейн. Неужели это бесформенное существо, состоящее из одних мускулов и костей, начало думать? Бейд Вуд делай ей до грубости обнаженные предложения.

— Ах, мисс, — закончил он своим хриплым шепотом, — все мы знаем, что вы не жена Келса. Этот бандит никогда не женится. Он ненавидит женщин. В Калифорнии он даже стал знаменит по этому поводу. Он похитил вас, это ясно... Гульден клянется, что это он пристрелил своих людей, а затем для разнообразия и вы всадили в него пульку. Каждую минуту тут может произойти свалка... Лучше будет, мисс, если вы сегодня же ночью покинете лагерь... Когда все уснут... Я приготовлю еду и лошадей и доведу вас до какого-нибудь приискового лагеря. Оттуда вы сможете и домой отправиться.

Джейн только покачивала головой. Если бы она даже и могла поверить Вуду, то все равно было уже поздно. Все предстоящие ей испытания были ей уже безразличны, поскольку своими страданиями она могла спасти своего Джима.

Бандит, по имени Французик, то и дело подмигивал влюбленными глазами и проявлял грубую внимательность. Он больше не обращал на своих товарищей никакого внимания, словно их тут вовсе не было. Он и Рэд Пирс наперебой старались рассыпаться в любезностях. Остальные бандиты поглядывали на них хмуро и недоверчиво. Положение могло бы показаться даже веселым, если бы не было страшным. Молоденькая, очаровательная женщина свалилась как снег на голову в лагерь одиноких одичавших мужчин. Это неожиданное обстоятельство возродило в их одичавших сердцах прежний эгоизм, тщеславие и неудержимую жажду чем-то казаться. Они выглядели так же курьезно, как стая тетеревов, расхаживающих и прихоращивающихся перед единственной самкой. Возможно, что в некоторых сердцах пробудилось и простое, братское чувство к этой беззащитной девушке. Однако многие загоре-

лись той же самой животной страстью, которую испытал и Келс.

— Послушай, Французик, ты никудышный кавалер, — заявил Пирс. — А ты, Бейд, слишком стар. Убирайтесь-ка оттуда, ну, быстро, быстро! — дружелюбно, но властно он отвел обоих мужчин в сторону.

— Никак вы забыли, что она все-таки Келсова девочка, а? — протяжно заявил Вуд.

— Келс спит, а может быть даже и мертв, — ответил Пирс, оставаясь хозяином положения.

— Чем же вы еще околдовали Келса, — спросил он девушку, наклоняя к ней свою красную рожу.

Джейн пришлось разыграть роль. В любопытстве Пирса она угадала желание уличить ее во лжи. Очевидно, ему хотелось сопоставить ее невинность, так сильно подействовавшую на него и его товарищей, с той покорностью, с которой Джейн отдавала себя во власть Келса, не будучи в то же время его женой.

— Это никого не касается, — ответила Джейн.

— Само собой! — сказал Пирс и затем, нагнувшись к ней ближе, спросил:

— Что я еще хотел узнать... Прав Гульден или нет? Это вы прострелили Келса?

Джейн быстро отклонилась в темноту и схватила Келса за руку.

— Кто здесь? — резко воскликнул тот, подняв голову.

Пирс осторожно отодвинулся, испуганный, но не смутившийся.

— Это только я, босс, — ответил он. — Я уже собрался спать, но потом решил посмотреть, как ты себя чувствуешь и не могу ли я чем помочь...

— Все в порядке, Рыжий! — сказал Келс холодно. — Убирайся отсюда и дай мне отдохнуть. Убирайтесь все отсюда!

Пожелав спокойной ночи, Пирс отошел к своим товарищам. Вскоре они расположились на ночлег, и только один Гульден продолжал сидеть, освещенный дрожащим пламенем костра.

— Джейн, почему вы разбудили меня? — прошептал Келс.

— Пирс начал допытываться, стреляла я в вас или нет, — ответила Джейн, — и вместо ответа я разбудила вас.

— В самом деле? — воскликнул Келс сдержанным тоном и затем рассмеялся. — Ничего с ними не поделаешь! Но в этом нет ничего плохого. Может быть, даже будет очень хорошо, если они узнают, что ты хотела прикончить меня.

Он задумался. Гаснувший костер освещал его бледное лицо. Больше он ничего не сказал и вскоре уснул снова.

Джейн закуталась в свои одеяла и прислонилась головой к седлу. Сильно похолодало. Ветер метался в ветвях бальзаминовых деревьев; костер тлел грустно и багрово. Джейн следила глазами за черной бесформенной массой, представлявшей собою Гульдена. Долгое время он сидел совершенно неподвижно, но постепенно оживился. Приблизившись к костру, он на мгновение выпрямился. При неровном свете он казался еще чудовищнее. Двумя черными впадинами зияли глаза на его жутком лице. Джейн почувствовала их взгляд на себе. Затем он пошел к остальным разбойникам, и вскоре раздалось его тяжелое и глубокое дыхание, подобное мирному сну зверя.

К утру весь лагерь кипел оживленной работой. Лошади стояли оседланными. Восседая на камне поблизости костра, Келс держал в руке чашку с кофе. Он выглядел значительно лучше. Направляясь к ручью, Джейн почти вплотную прошла мимо Пирса, Французика и Гульдена, однако, они не обратили на нее никакого внимания. Один только Бейд Вуд приподнял свое сомбреро и промолвил: «Добрый день, мисс».

Вскоре они снова тронулись. Сидя в седле, Джейн совершенно не замечала времени. Движение и перемена местности доставляли ей удовольствие. Около полудня въехали в широкую долину, окруженную высокими куполоподобными горами. Среди зеленой травы паслось стадо лошадей и овец. Широкая и шумная река разделяла поляну на две части.

Погонщики повели лошадей через реку и затем наискось через полянку к большой расщелине среди скал. Расщелина оказалась узкой, стесненной отвесными и колючими стенами; но дорога была хорошая. Вскоре это ущелье вывело их на прекрасную трехугольной формы теснину. По гладкой земле струился ручеек; то там то сям росли группы сосен и елок, среди них высоко вздымались гиганты-бальзамины. Громадные уча-

стки, усеянные цветами, придавали холмам розовый оттенок. В дальнем конце теснины Джейн заметила группу разбросанных блокгаузов. То был знаменитый Кэбин Галч.

Доехав до первой хижины, всадники разделились. Из хижины с громкими приветствиями выходили мужчины. Гульден остановился здесь; другие проехали дальше. Вуд погнал нескольких лошадей вверх по отлогому холму. Рыжий Пирс, ехавший возле Келса, сделал знак Джейн следовать за ним. Они подъехали к группе разбросанных елок, в середине которых стоял большой дом.

Быстрым и острым взглядом Джейн окинула мужчин, вышедших к ним навстречу. Джима среди них не оказалось. Исчезли судороги, сжимавшие ее горло, и девушка с облегчением вздохнула.

Келс чувствовал себя гораздо лучше, чем вчера, однако, из седла его все-таки пришлось снять. Все бандиты старались помочь Келсу, но он оказался в состоянии и без посторонней помощи дойти до дверей дома. Бейд Вуд повел за ним Джейн.

Они вошли в длинное помещение с камином и с грубо отесанными скамейками, стоявшими возле такого же неказистого стола. Шкуры зверей устлали пол, на стенах висели фонари и всевозможное оружие. В переднем углу Джейн увидела беспорядочную кучу кухонных принадлежностей и несколько досок с разложенной на них пищей.

Поднявшийся было шум и расспросы внезапно прекратились от нетерпеливого окрика Келса.

— Я вовсе не ранен, — сказал он. — Все в порядке и только немного ослаб и устал. Вот, ребята, это моя жена... Джейн, там, с той стороны дома ты найдешь еще одну комнату. Можешь занять ее.

Джейн с радостью ухватила за его предложение. В задней стене первой комнаты была пробита дверь, завешенная одеялом. Отодвинув одеяла, Джейн очутилась у крутых ступенек, которые вели в более маленькую хижину, состоящую из двух комнат. Обе комнаты разделяла стена, сделанная из засохших ветвей.

Опустив за собой одеяло, Джейн поднялась по ступенькам. Новый блокгауз был вплотную пристроен к старому и, кроме той двери, в которую вошла Джейн, не

имел другого входа. Щели между балками пропускали достаточно света.

Все внутреннее убранство заключалось в широкой постели из груды сваленных ветвей, покрытых одеялом, в помутневшем и разбитом зеркале, в составленном из ящичков столе и фонаре. Это помещение было на четырех фута выше остального дома. Комнаты оказались тихими и удобными, а главное, защищенными от всяких нежеланных посетителей. Джейн не ожидала от Келса такой внимательности и почувствовала к нему благодарность. Она прилегла, желая отдохнуть и собраться с мыслями. В ее новом жилище было очень приятно. В трещинах стен птицы навили себе гнезда; пробежавшая по балкам белка зашипела на нее. В другую щель, расположенную как раз вровень с ее лицом, она могла видеть дикий розовый куст и зеленые склоны ущелья; мягкий душистый ветерок проникал к ней в комнату и шевелил ее волосы. Как странно, что в таком разбойничьем гнезде могут оказаться такие приятные и красивые вещи. Внезапно Джейн овладела усталостью, глаза ее слипались. Она хотела побороть сонливость, но сон одолел ее, и она проснулась только от какого-то громкого шума. Кто-то сильно стучал по дверному косяку. Встав, она отодвинула занавес в сторону. Бэйд Вуд стоял у входа.

— Ну-с, мисс, ужин я вам приготовил, — сказал он. — Полагаю, что вы не станете протестовать, если я принесу сюда вашу порцию.

— Это было бы чудесно, большое вам спасибо! — ответила девушка.

Спустя несколько мгновений Вуд вернулся, держа в руках крышку от ящика, на которой стояли дымящиеся сковородка и чашка.

— Ведь я первоклассный повар, мисс, если у меня есть из чего готовить, — сказал он с усмешкой, смягчавшей его жесткое лицо.

После долгого употребления тяжелой и грубой пищи этот ужин оказался донельзя вкусным и приятным. Пока она ела, занавес на дверях вдруг зашевелился, и на пороге показался Келс. Опустив позади себя занавес, он остался стоять внизу у ступенек. Рукава его рубашки были засучены, лицо чисто выбрито. Он выглядел помолодевшим.

— Ну, как вам нравится ваше... «гнездышко»? — спросил он с оттенком своей обычной насмешливости.

— Я благодарна за его уединенность, — ответила Джейн.

— Значит вы думали, что иначе было бы гораздо опаснее?

— Я уверена в этом.

— Допустим, что Гульден прикончит меня, завладеет бандой и вас возьмет себе?.. Существует одна история, страшнее которой я еще ни разу не слышал здесь на границе. Как-нибудь я расскажу вам ее, когда захочу посильнее напугать вас.

— Гульден! — с содроганием повторила девушка. — Вы очень дружны с ним?

— Ни у кого здесь не может быть друзей. Мы слетаемся словно ястребы. Чем нас больше, тем это безопаснее, но враждуем мы друг с другом так же, как и ястребы над падалью.

— Скажите, Келс, вы ненавидите эту жизнь?

— Я всегда и всюду ненавидел свою жизнь. Я любил только приключение... Но я охотно начну новую жизнь, если вы пойдете со мной.

Она замотала головой.

— Но почему же нет? Я женюсь на тебе, — продолжал он тихо. — У меня есть золото и может быть станет еще больше.

— А откуда взялось это золото? — спросила она.

— Гм, я только слегка облегчил некоторых перегруженных путешественников и золотоискателей, — отвечал он.

— Келс, вы... подлый жулик! — воскликнула Джейн, не будучи в состоянии совладать со своим возмущением. — Вы, вероятно, совсем с ума сошли, предполагая, что я могу выйти за вас замуж.

— Нет, я с ума не сошел, — ответил он со смехом. — Вот Гульден в самом деле рехнулся. В его мозгу теперь не достает винтиков. Но я не дурак... только одной тебе дал я свернуть свою голову. Не забудьте же подумать о браке со мной и сравните приятную жизнь среди приличных людей с атмосферой таких лагерей, как этот. Если я не напьюсь, то по возможности я постараюсь прилично обращаться с вами, но рано или поздно меня все равно пристрелят, и тогда вы достанетесь Гульдену.

— Почему же именно ему? — с дрожащим любопытством спросила Джейн.

— Ну, это так просто! Гульден околдовал меня.

— О, он и меня преследует... Возле него вы и все остальные кажетесь сущими ангелами, хотя вы тоже очень жестоки и испорчены.

— Так значит, вы не хотите стать моей женой и отправиться со мной в другие края?.. Странный выбор, однако... И все потому, что я говорю вам правду...

— Келс! Какой-то голос глубоко в моей груди твердит мне, что вы не станете держать меня здесь, что вы неспособны на такую подлость. Особенно теперь, когда я спасла вам жизнь. Это было бы чудовищно, бесчеловечно! Я не верю, чтобы мужчина, у которого была мать, оказался способным на такой поступок.

— Но я жажду тебя, я люблю тебя! — тихо и твердо сказал Келс.

— Люблю! Разве это любовь? — ответила Джейн с презрением. — Один бог ведает, что это такое!

— Называйте, как хотите, — продолжал он с горечью. — Вы — молодая, прекрасная, очаровательная женщина. Находиться возле вас — наслаждение! Вся же моя жизнь — сплошной ад. Я еще ничего не видел прекрасного. И когда я заглядываю в свое будущее, то и там вижу опять крошечный ад. Такой же дьявольский будет и мой конец. Почему бы мне и не удержать вас?

— Келс, выслушайте меня, — серьезно сказала девушка. — Пусть я по-вашему молода, чудесна, очаровательна, прекрасна. Но я нахожусь в вашей власти и принуждена искать у вас защиты против еще более страшных людей. Вы не такой, как они. Вы образованны, культурны. Вероятно, у вас... была хорошая мать. Теперь же вы полны горечи, отчаялись, сделали ужасным человеком. Вы ненавидите жизнь и думаете, что все прелести, которые вы видите во мне, дадут вам что-то новое... Возможно, что очень краткий момент радости и будет. Но как же это возможно? Посудите сами... Как же это возможно... раз я... раз я-то не люблю вас?

Келс молча уставился на нее. Злобная страстность исказила его лицо. Не спуская глаз с Джейн, он протянул руку за спину и отдернул завесу; затем, нагнув голову, быстро вышел.

Джейн осталась неподвижно сидеть на месте, прислушиваясь к усиливающемуся стуку своего сердца. Что если ей удастся заставить Келса сдерживать себя и ждать ответа на его любовь? Ведь тогда она сделает с ним все, что захочет.

Несколько мгновений Джейн была целиком погружена в ту мысль. А вдруг этот пронизательный бандит раскроет ее план? Он начнет ее презирать, и тогда она погибла.

А тем временем в переднем блокгаузе непрерывно слышались глубокие мужские голоса, то затихая, то снова гудя гулко и угрожающе. Внезапно Джейн услышала ясно произнесенное имя Джима Клэва. Вся залившись краской испуга, она бросилась к дверям. Поднимая край занавеса, ее рука сильно дрожала.

Огонь в камине и с полдюжины фонарей освещали большое помещение. Сквозь голубую завесу табачного дыма Джейн увидела толпу мужчин, собравшихся вокруг Келса, восседавшего в наиболее освещенном месте комнаты. Джейн видела, как их темные лица выжидательно обращены были в сторону двери.

— Введи его сюда, Бэйд, мы хотим взглянуть на него, — сказал Келс.

Спустя немного Бэйд Вуд появился снова. Его рука лежала на плече высокого, стройного мужчины. Когда они вошли в полосу света, Джейн съежилась словно от удара кинжалом. Вошедший был Джим Клэв.

— Рад познакомиться с вами, Клэв, — приветствовал его Келс, протягивая ему руку.

— Здравствуйте, и я также рад, — ответил Клэв, пожимая протянутую руку. Его голос прозвучал холодно и бесцветно.

Джейн смотрела на него с безграничным удивлением. Она помнила Джима широкоплечим, цветущим юношей, с добродушной, ленивой усмешкой на довольно полном лице и с пронизательными, живыми глазами. Теперь же она едва узнала его; он стал стройным и сильным; крутые мускулы приподнимали его грубую белую рубаху. С горьким чувством заметила Джейн пару тяжелых револьверов, болтавшихся с боков. Затем ее глаза устремились к его лицу. Прежний Джим всегда выглядел довольно непритязательно; лицо его было слишком мясистым, чтобы обнаруживать силу воли или кипучую стра-

стность. Но вот сейчас он был просто красавцем, хотя красота его и была трагичной. Он выглядел таким же бледным, как и Келс, без тени загара. Его губы как бы замерли в горькой, безразличной усмешке, глаза смотрели прямо, пронизывающе, тоскливо и мрачно, как ночь. Большие синие круги лежали вокруг век, придавая глазам особенную глубину и таинственность.

Пока Джейн разглядывала Джима, он обменялся с Келсом еще несколькими словами. Келс держал себя открыто и дружелюбно, как и все товарищи. Окружив Клэва, они со смехом и шутками повели его к длинному столу, где несколько человек уже сидели за игрой.

Джейн опустила занавес. Даже закрыв глаза, она мысленно все еще видела это бледное и скорбное лицо.

Шум в соседней хижине настолько усилился, что неожиданно последовавшая за ним тишина показалась Джейн не лишенной какого-то значения. Отодвинув край одеяла, она снова выглянула наружу.

Гигантский, мрачный, тупой Гульден только что вошел в хижину. Пробившись сквозь толпу, он подошел к Келсу. Его глубоко лежащие глаза зловеще поблескивали.

— Хелло, Гульден! — воскликнул Келс. — Чего тебе недостает?

— Тебе никто не рассказывал о Билле Байлее? — мрачно спросил Гульден.

Келс не проявил ни малейшего беспокойства.

— Что там рассказывать?

— А то, что он только что испустил дух там внизу, в долине.

Келс слегка вздрогнул, глаза его сузились и заблестели стальным светом.

— Нет, это для меня новость.

— Ты решил, что Байлей мертв, однако, он был еще жив, когда ты оставил его. Несмотря на рану, он дотащился до этой хижины, даже не придумаешь, как это ему удалось. Он уже почти помер, когда мимо случайно проходил Бэди Джонс. И прежде чем умереть, он через Бэди послал мне весточку. Хочешь узнать, что он велел мне передать?

— Нисколечко, — ответил Келс. — Байлей оскорбил мою жену и за это я пристрелил его.

— Он клялся, что ты хладнокровно убил его, — загремел Гульден. — Он клялся, что ты сделал это ни с того ни с сего, только для того, чтобы остаться одному с этой девчонкой.

Келс поднялся с удивительным спокойствием, только бледность и легкое дрожание рук выдавали его волнение. Беспokoйное движение и ропот пробежали по комнате. Рыжий Пирс, стоявший ближе всех, подошел и встал возле Келса. Внезапно атмосфера накалилась.

— Ну, что же! Он верно клялся тебе... А при чем ты тут?

Очевидно, то обстоятельство, что Билл умер, весьма мало интересовало Гульдена. Иначе говоря, у него были какие-то совершенно другие намерения; он был хитер и скрытен, тогда как все считали его только тяжеловесным и тупым.

— Дело сделано, Билл мертв! — заметил он. — Но почему ты обманываешь нас? Что ты скрываешь? Никогда с тобой не случилось ничего подобного... А эта девчонка, вовсе не твоя...

— Молчать! — гаркнул Келс. Его рука молниеносно выдернула револьвер.

Но Гульден не шелохнулся. Он не проявил ни удивления, ни страха, ни вообще какого-либо волнения. Казалось, он вдруг погрузился в какие-то тяжелые размышления. Рыжий Пирс встал между Келсом и Гульденом. Напряжение толпы разрядилось. Писался громкий вздох облегчения и шарканье многих ног. Гульден отвернулся. Келс тоже вернулся к прерванной игре и к своей трубке, как будто ничего не произошло.

Глава IX

Вся объятая холодным и почти судорожным чувством облегчения, Джейн отвернулась от двери. Тень смерти только что пролетела над этими людьми.

Бандиты болтали и пересмеивались. До слуха Джейн доносился стук бросаемых костей, сухой треск брошенной карты и глухие удары маленьких наполненных золотом мешков. Она снова с любопытством заглянула в щелочку.

Все помещение было окутано голубым облаком табачного дыма. Джейн увидела Джима в обществе нескольких бандитов, занятых карточной игрой. Он сидел к ней спиной, но по виду его партнеров ей не трудно было проследить ход игры. Бандиты смотрели напряженно и нетерпеливо, проявляя жгучее любопытство, когда шла чья-нибудь карта. По движению руки и по манере держать голову можно было судить о равнодушии Клэва. Один из игроков вдруг гневно швырнул все свои карты об стол и вскочил.

— Что, повытрясли, голубчик? — заметил другой. — У него есть еще две банки из-под овощей, полные золотой пыли. Я сам видел их... Он просто струсил... как отравленный койот.

— А я так рад, что Клэву так чертовски везет! Можно, по крайней мере, надеяться, что теперь он отдаст мое золото, — громко заржала третья игральная крыса.

— Джим, послушай, тебе одинаково везет и в любви и в картах? — спросил четвертый бандит.

— Везет ли в любви?.. Ну, само собой! — ответил Клэв насмешливо.

— Черт возьми! Ну не смешно ли? Вот возьми, например, босса. Уж кто лучше него обрабатывает девчонку, зато он никудышный игрок!

Услыхав эти слова, Келс рассмеялся вместе со всеми.

— Ах ты, грязный мексиканец! Ты еще ни разу не выиграл и пяди моего золота, — сказал он.

— А ну-ка, босс. Посмотришь сам, как утечет твое золото! Тебе не справиться с этим Джимом. Счастье, самое свинское счастье прилепилось к нему! Он все отыграет у тебя: все твое золото, твоих лошадей, твои седла, шпоры, револьвер и даже твою рубаху, если ты войдешь в азарт.

Говоря это, бандит бросил свои карты на стол и устался на Клэва с каким-то печальным, недоумевающим видом. Келс подошел к ним и положил руку на плечо Джима.

— Скажите-ка, дружок, — заметил он веселым тоном, — вы только что утверждали, что вам так же везет в любви, как и в игре... Однако мне почему-то кажется, что сюда на границу вы явились только благодаря какой-то любовной катастрофе?

Келс говорил так шутливо, что даже наиболее вспыльчивый человек не обиделся бы на него.

— Катастрофа из-за девушки?.. А, к черту обеих! — равнодушно ответил Джим.

На утро в соседней хижине царила долгая тишина. Никто не показывался. Утро наполовину прошло, когда, наконец, Вуд постучался к Джейн, держа в руках полное ведро свежей воды, чашку для мытья и чистое полотенце. Немного погодя он принес и завтрак. А затем девушке ничего другого не оставалось, как только расхаживать взад и вперед по своим двум комнатам.

Около полудня она вдруг услышала голос Келса, о чем-то тихо беседовавшего с одним из своих товарищей. Слов ей разобрать не удалось. Внезапно голоса замолкли, и она услышала за углом шаги Келса. От крыльца хижины галопом помчалась лошадь, а одной секундой позже к ней постучали.

— Джейн! — одеяло отлетело в сторону и на пороге появился Келс, бледный и сильно взволнованный.

— Что случилось? — быстро спросила Джейн.

— Сегодня утром Гульден пристрелил моих двух людей. Один уже умер. Другой совсем плох. Я еще не видел его.

— Кто же... кто это? — заплетаясь, спросила Джейн. Все ее мысли вертелись только около Джима Клэва.

— Дэн Маленький мертв. Другого мы звали Диком. Никогда не слышал его фамилии.

— Что же там произошло? Драка?

— Конечно! А Гульден затеял ее. Он крайне неуживчивый человек, и никто не может с ним поладить. Постоянно находится в состоянии, которого другие люди достигают только в пьяном виде. Жалею, что не пристрелил его еще вчера вечером. Я бы и сделал это, не подвернись тут Рыжий Пирс.

Келс был в дурном настроении и казался сильно озабоченным. Он так просто говорил с Джейн, как будто ее симпатии само собой должны быть на его стороне.

Джейн постаралась изобразить сочувствие, которого в самом деле не испытывала.

— Я всегда думала, что вы во вражде с Гульденом.

Келс присел на один из ящиков, и его тяжелый револьвер послушно улегся рядом с ним на пол.

— Об этом я еще до сего дня не думал, — сказал он. — Мы в общем всегда ладили друг с другом. Когда я выдвинул его, он ни капельки не изменился, остался тем же, каким и был. А теперь я замечаю в нем какую-то перемену. Впервые мне показалось это там, в Ласт-Каньоне. И знаете, Джейн, это все потому, что Гульден увидел вас.

— Нет, нет. Не может этого быть! — вся задрожав, воскликнула девушка.

— Может быть, я и ошибаюсь. Гульден никогда и ни с кем не дружит. Его отношение к Биллу Байлею было самое обыкновенное. Что же теперь он нашел в этом пьянице? В общем он задира, но теперь какой-то винтик испортился в его мозгу и делает его опасным... Я хотел было отвязаться от него. И после вчерашнего вечера даже определенно решил сделать это, но теперь не так-то легко будет отвязаться от него.

— Почему? — с любопытством спросила Джейн.

— Пирс, Вуд, Бэрд и еще некоторые парни, на которых я надеюсь, заявили, что это не пройдет. Они дали мне понять, что не только среди моих людей, но вообще и по всей границе Гульден — большой авторитет. Я разозлился, не веря этому. Но пока я ничего наверное не знаю и ничего не могу сделать... Все боятся этого Гульдена. Вот в чем дело!.. Кажется мне, что даже и я боюсь его.

— Вы? — воскликнула Джейн.

Келс выглядел пристыжено.

— А почему бы нет, Джейн? — ответил он. — Ведь Гульден не человек. Настоящих людей я никогда не боялся. Но он... дикий зверь.

— Он напоминает мне гориллу, — сказала Джейн.

— Теперь я знаю только одного человека, который не боится Гульдена. Это новичок в нашей пограничной полосе. Джимом Клэвом зовет он себя. Молоденький мальчишка, которого я никак не пойму. Но он не задумается съездить по морде и самому дьяволу! Клэв не долго продержится здесь. Хотя, как знать! Люди, смеющиеся над смертью, иногда очень долго не встречаются с ней. Когда-то и я был таким же... Клэв слышал, как я разговаривал с Пирсом о Гульдене, и заявил: «Я вы-

швырну этого Гульдена вон из лагеря или пристрелю его».

— А вы что сказали? — спросила Джейн, стараясь говорить твердо и глядя в пол.

— Я сказал ему: «Джим, мне это очень нравится, но я вовсе не хочу, чтобы вас уколошили...» В нем так и кипит удалство. Сказал так легко, как будто... как будто предложил подтянуть подпругу у моего седла. Но Гульден способен заставить плясать целую сотню мужиков. Он уже не раз доказал это. А когда дело идет о смертельном выстреле, то я еще ни разу не слышал, чтобы он в кого-нибудь промазал.

— И поэтому вы боитесь его?

— Нет! — страстно ответил Келс, точно задетый в своей мужской чести. — Нет, я боюсь его только за то, что он Гульден. Он имеет в себе что-то омерзительное... Гульден — людоед.

Джейн уставилась на него, как будто плохо расслышав его слова.

— Голый факт! Известен по всей границе. Гульден не станет зря брехать, но однажды он все-таки проболтался. Он был моряком. Пиратом. В одно из своих плаваний он потерпел крушение. Страх перед голодной смертью вынудил его сожрать человека. Эту историю он рассказал в Калифорнии и в лагерях Невады. Однако никто не хотел верить ему. Но два года тому назад за Левистоном его занесло снегом. С ним были еще двое товарищей. Всем грозила голодная смерть. Следовало во что бы то ни стало пробиться сквозь снег. Они тронулись в путь. Продвигаться вперед было невероятно трудно. После Гульден рассказывал, что оба его спутника не выдержали. Но он просто убил их и вновь спас свою жизнь. Когда это обнаружилось, больше уже никто не сомневался в его первой матросской истории... Но он же герой и еще одной истории. Однажды он украл девушку и затащил ее в горы. Когда зима прошла, он возвратился один и рассказал, что всю голую оставил эту девушку привязанной в одной из пещер, где она и замерзла.

— Господи, какой ужас! — простонала Джейн.

— Я не знаю, правда ли это, но могу вполне поверить. Гульден — не человек. Даже самые отчаянные среди нас все-таки еще имеют совесть. Они как-то еще в состоянии различать злое от хорошего, а Гульден не мо-

жет. Он ниже всякой морали. У него нет ни малейшего чувства долга, именно таким я и нашел его в отбросах общества. Эта история с пещерной девушкой выдала его. Ему следовало бы жить в каменном веке. Он — существо бездушное. Зато здесь, на границе, только благодаря такому характеру, он и сможет захватить власть.

— Келс! Сделайте так, чтобы он не видел меня! — взмолилась Джейн.

Бандит сразу не понял страха, звучавшего в голосе девушки. Она была для него только слушательницей. И внезапно, с озабоченным и грустным лицом, он повернулся и вышел, оставив ее одну.

Целых три дня Джейн не видела его после этого, исключая те мгновения, когда выглядывала из-за завесы. Она по-прежнему виделась только с одним Вудом, приносившим ей пищу. Подобно зверю в клетке, расхаживала она взад и вперед по хижине. За этот срок в блокгауз Келса приходило очень немного посетителей и всегда на самое короткое время. Джейн заключила отсюда, что Келс не всегда бывал дома. Очевидно, он уже мог ездить верхом. На четвертый день он постучался к Джейн и вошел спокойный, непринужденный, веселый, со своей обычной самоуверенностью.

— Добрый день, Джейн! — сказал он. — Вы что-то не особенно печалитесь о своем заброшенном супруге.

Он засмеялся, как бы иронизируя над самим собой.

— Я не нуждалась в вас, — ответила она, хотя при виде его все же почувствовала облегчение.

— Охотно допускаю, — сухо ответил он. — Теперь у меня масса дел. Все идет пока как по маслу. Рыжий Пирс взялся за дело, и с Гульденом не произошло особенного скандала. Сейчас Гульден уехал. Говорят, он поехал охотиться за одной девушкой по имени Брандер. Надеюсь, что кто-нибудь пристрелит его за это время... И мы, Джейн, тоже скоро тронемся отсюда. Я все жду известий. Само собой я не оставляю вас здесь одну. Путь наш пойдет по горным тропинкам, ваше же платье уже и сейчас все в лохмотьях, надо будет что-нибудь придумать для вас.

— Первый попавшийся куст, мимо которого я пройду, окончательно сорвет с меня эти тряпки, — кивнула Джейн поглаживая свое тонкое, сплошь разорванное платье.

— Досадная штука, — сказал Келс, раздражаясь на самого себя. — Откуда, черт побери, я достану вам другое платье? Двести миль до первого приличного места... Это самая дикая местность. Послушайте, вы когда-нибудь носили мужскую одежду?

— Да-а, когда я отправлялась на охоту или на прииски, — неохотно ответила девушка.

Внезапно по лицу Келса скользнула дерзкая и вызывающая усмешка. Он потер себе руки и рассмеялся точно над чем-то весьма забавным. Затем снизу вверх начал испытующе разглядывать ее стройную фигуру.

— Погодите, я сейчас вернусь! — сказал он, завершив осмотр.

Спустя немного Джейн услышала какую-то возню в том углу соседней комнаты, где лежал сваленный в кучу всевозможный хлам. Вскоре Келс снова появился, неся в руках какой-то узел. Развязав его, он разложил содержимое на кровати девушки.

— Шкура Денди Дейлса! — с живостью произнес он. — Денди был разбойником-рыцарем и любил соответственно одеваться. Но однажды он вздумал в одиночку ограбить почтовую карету, и какой-то тупоумный пассажир пристрелил его. Он не сразу умер. Заполз в сторону и умер в лесах. Двое из моих людей нашли его и принесли его одежду. Эта штука стоит теперь целого состояния, но ни одному из нас она не впору.

Черная широкополая шляпа с тяжелой серебряной лентой, темно-синяя блуза и вышитая кожаная жилетка, полный патронов пояс и револьвер с перламутровой ручкой, панталоны из материи в рубчик, высокие сапоги с отворотами и с позолоченными шпорами, — все из самого лучшего материала и превосходной работы.

— Из ленты своей шляпы я сделаю вам черную маску, и тогда вы станете просто изумительны!

Келс говорил с юношеским задором и воодушевлением.

— Послушайте, Келс, уж не думаете ли вы, что я надену эти вещи? — вскричала девушка.

— Конечно! А почему бы нет? Как раз необходимые для вас вещи, немного романтичные, правда, но ведь вы же девушка. Этого уж не скроешь.

— Я отказываюсь, — заявила Джейн.

— Простите, но вы должны слушаться меня, — ответил Келс холодно и любезно.

— Нет! — крикнула Джейн, не в состоянии дальше сохранять спокойствие.

— Джейн, вам придется очень далеко ехать со мною. Иногда даже в ночную пору. Придется сказать сломя голову, лишь бы только скрыться от преследователей. А чтобы отправиться вместе со мной в лагерь, вам необходима прочная и удобная одежда. Следует также замаскироваться. Вот вам весь ваш наряд; он точно на заказ для вас сделан. Прямо счастье иметь такой превосходный прочный материал, который способен все выдержать и вдобавок подходит для девушки... Оденьтесь тотчас же!

— Я уже сказала нет! — снова заявила Джейн.

— Неужели вас смущают эти вещи только потому, что они принадлежали парню, который давно умер? Вот эта дырка на рубаше пробита пулей. Не будьте излишне щепетильной, иначе вам будет труднее играть свою роль.

— Мистер Келс, вы, по-видимому, совершенно забыли, что я — девушка.

Глаза Келса выражали искреннее недоумение.

— Может быть... Я буду помнить... Но ведь вы же сами сказали, что уже одевали не раз мужское платье.

— Да, пелерину и рабочие штаны моего брата, в которых я вся тонула, — ответила Джейн.

Лицо Келса напряглось от соображения. Внезапно он радостно хохотнул:

— Теперь я понял! Ха! Эта штука... будет сидеть на вас как перчатка... Изумительно! Я горю от нетерпения увидеть вас в ней.

— Этого никогда не будет.

Он вдруг стал серьезен, и глаза его заблестели.

— Вы не хотите даже пошутить. Ну-с, сейчас я выйду отсюда, а когда я вернусь, вы будете одеты.

Его голос прозвучал металлически. Так он обыкновенно отдавал приказание своим людям.

В глазах Джейн загорелось упрямство.

— Если вы не переоденетесь к моему приходу, то... я сам сдеру ваши лохмотья... Правда, вы довольно сильный маленький чертенок и, может быть, я еще не настолько поправился, чтобы справиться с вами, но ведь я могу созвать подмогу... Если вы вконец разозлите меня, то, быть может, я дождусь и самого Гульдена.

Ноги Джейн подкосились, и она беспомощно опустилась на кровать. Келс способен был выполнить свою угрозу. Она хорошо поняла особенный огонек в его глазах.

— Разве вы заставляете меня... — сказала она.

Не проронив больше ни слова, Келс вышел из комнаты.

Джейн сняла свое грязное разорванное платье и стоптанные башмаки. Затем, отчаянно торопясь, полная страха, что Келс вот-вот вернется, она надела костюм убитого бандита. Денди Дейл, должно быть, поистине был ее копией, так как его вещи превосходно на ней сидели. Джейн чувствовала себя настолько странно, что едва решилась взглянуть в зеркало. А взглянув, вздрогнула от смущения. Не будь у нее открыто лицо, она никогда не узнала бы себя. Она испытывала странное чувство стыда, смешанное с горестным и неприятным сознанием, что ее отражение в зеркале все-таки доставило ей мимолетную радость. Этот костюм подчеркивал и усиливал каждый изгиб ее стройной фигурки. Именно теперь в ней больше всего проявлялась женщина.

И как раз в эту минуту постучался Келс.

— Ну, Джейн, вы оделись?

— Да! — ответила она.

Движимая каким-то инстинктивным порывом, Джейн схватила одеяло и закуталась в него. Келс вошел в комнату со своим обычным насмешливым огоньком в глазах и с выжидательной усмешкой на губах, но лицо его разом потухло. Он поочередно глядел то на одеяло, то на девушку. Казалось, только теперь начал он понимать, какому испытанию он подверг ее. Ему стало жаль ее.

— Ах вы, маленькая глупышка! — воскликнул он растроганный, отвернувшись, принялся смотреть сквозь щели балок. Опять, как уж не раз это бывало, его мысли снова унеслись к своему прошлому, тяжелым и темным пятном застывшему в его памяти.

— Я все время стараюсь бережно обращаться с вами, — начал Келс, все еще не поворачиваясь. — Я хочу дать вам возможность как можно легче перенести затруднительное и опасное положение. Но вы еще ребенок, маленькая девочка... А я бандит. Человек, потерянный для всего хорошего, но который продолжает стремиться к вам.

— Нет, вы далеко еще не потеряны. Я знаю только одно... Будь Гульден на вашем месте... я не стала

бы прятаться за... за этим одеялом. Я больше не боюсь вас и поэтому я так... так повела себя, совсем как испуганный ребенок. О, неужели вы сами не видите этого!

— Нет, не вижу. Зачем только я затащил вас сюда? Но теперь уже поздно.

— Совсем не поздно... Вы... вы еще ничего не сделали мне дурного.

— Но я люблю вас! — горестно воскликнул он. — Я уверен, что никогда не любил по-настоящему ни одну женщину. Что-то завладело мною. Оно стягивается вокруг моего горла подобно той веревке, которой когда-то хотели удавить меня.

Джейн невольно вздрогнула, выслушивая страстное признание этого сильного человека.

Келс долгое время молча глядел на зеленые холмы вдаль.

Затем повернулся к Джейн, пронизывая ее суровым взглядом. Она сбросила одеяло, и жестокость постепенно исчезла с лица Келса. Он улыбнулся так, как она еще никогда не видела. В этой улыбке светилось невыразимое восхищение ею.

Наконец он снова обрел дар речи.

— Джейн! Я еще никогда не видел в своей жизни никого красивее вас.

— Мне трудно свыкнуться с этим облачением. Я не смогу выйти отсюда в таком виде.

— Но это надо, надо! Вы очень робки. Но, мне думается, вот это наверняка поможет вам.

И он протянул ей кусок черного фетра, вероятно, отрезанного им от какого-нибудь сомбреро. Примерив этот кусок к ее лбу, он вынул из кармана нож и срезал нужное количество материала. Затем вырезал отверстия для глаз и с двух концов приделал короткие ремешки-завязки.

— Наденьте-ка... Совсем стяните на лицо, до высоты глаз. Так. Теперь посмотрите в зеркало.

Джейн повернулась к зеркалу и увидела вместо себя какого-то замаскированного незнакомца. Она не была больше Джейн Рэндль.

— Ни один мой знакомый теперь меня не узнает, — пробормотала она, и эта успокоительная мысль относилась, конечно, только к ее Джиму.

— Этого я даже и не предполагал! — ответил Келс. — Но вы правы... Джейн, если только мое предчувствие оправдается, то спустя немного времени вы сделаетесь притчей во языцех: решительно во всех приисковых городках и лагерях.

Неожиданно Келс вплотную подошел к ней сзади и обнял ее. Тело Джейн разом напряглось.

— Поцелуй меня, — нежно прошептал Келс с какой-то особой теплотой в голосе.

— Нет! — резко крикнула девушка.

И затем настало молчание. Джейн почувствовала, как руки Келса напряглись и крепко сжали ее. Грудь его порывисто вздымалась.

— В таком случае я заставлю тебя! — сказал он.

Насколько иначе прозвучал теперь его голос: словно в комнате появился другой человек. Резко дернув ее к себе, он освободил одну руку и, схватив за подбородок, попытался поднять к себе ее лицо.

Но Джейн сопротивлялась отчаянно и упорно. Она сочла себя бесповоротно погибшей, но это только подзадорило ее гнев и силы. С опущенной на грудь головой, упершись в Келса обеими руками, она металась с ним от одной стены к другой. Опрокинулся стол, разлетелись стулья, и, наконец, они повалились на кровать. Внезапно крепкая хватка разжалась. Джейн отскочила растрепанная и запыхавшаяся. Она оказалась сильнее. Келс же был все еще слаб. Медленно поднявшись, он положил руку на грудь. Его лицо разом осунулось; оно было мокрое от пота и посеревшее от боли. В яростной схватке Джейн причинила ему боль, возможно снова вскрылась его рана.

— Укололи вы меня чем-нибудь? Мне так больно...

— Нет, у меня ничего не было... Я только... отталкивала вас, — воскликнула она, задыхаясь.

— Опять ранен... Проклятье... И какой же я все-таки трус... и скотина вдобавок. Не мужчина, а черт знает что! Ты — малышка! И я не смог удержать тебя.

Его боль и стыд огорчили Джейн. Она жалела его, но предчувствовала, что за этим в нем поднимется мрачная злоба оскорбленного мужчины. И она оказалась права; неожиданно Келс изменился в лице. Его поза, выражавшая вначале полное отчаяние и самоунижение, уступила место оскорбленному достоинству. Взяв с кровати бро-

шенный Джейн пояс Денди Дейла, Келс вынул из кобуры револьвер, посмотрел, заряжен ли он, и затем швырнул его к ногам девушки.

— На, возьми! Сделай свою работу на этот раз чище, — сказал он.

Властность, прозвучавшая в его голосе, казалось, сломила Джейн и, нагнувшись, она подняла револьвер с полу.

— Что... что вы хотите сказать? — спросила она, запинаясь.

— Стреляйте! Освободите меня от моей муки, от этого унижения... Я сыт по горло. Я буду только рад, если вы прикончите меня сразу.

— Келс! — дрожащим голосом воскликнула Джейн.

— Сделайте это теперь же. Сейчас, пока у меня нет сил, чтобы заставить вас... Поднимите револьвер... Убейте меня!

Он говорил с угрожающей, властной серьезностью и под его гипнотическим влиянием Джейн была почти готова выполнить его требование.

— Вы с ума сошли, — сказала она. — Я не хочу убивать вас... Я прошу у вас только... только, чтобы вы прилично обращались со мной.

— Это я и делал, пока мог. На этот раз я лишь хотел пошутить, когда обнял вас. Но едва я прикоснусь к вам, как забываю обо всем и не могу больше сдерживаться. Теперь мне все ясно... Мисс Рэндль, моя жизнь или ваша душа!

И он поднялся мрачный, взволнованный и жуткий.

Дрожащей рукой Джейн отбросила револьвер в сторону.

— Это ваше окончательное решение? — хрипло спросил он.

— Я не могу убить вас!

— Вы боитесь остальных бандитов, Гульдена? Это и есть причина, почему вы не можете убить меня? Вам страшно остаться здесь одной?

— Я не думала сейчас ни о ком.

— Тогда... тогда — моя жизнь, или вы!

Подойдя к ней, он угрожающе взял ее за плечи. Вся дрожа, Джейн протянула к нему руки. После первой отчаянной борьбы наступила реакция: она лишилась сил.

— Если вы так безжалостны, то... тогда... пусть погибну я, — прошептала она. — Я не могу убить вас... Могли бы вы на моем месте взять сейчас револьвер и застрелить меня.

— Нет, потому что я люблю вас.

— Вы не любите меня! Уничтожить человеческую душу — преступление куда более страшное, чем физическое убийство.

Внезапно Джейн охватил мощный порыв безотчетного стремления женщины увлечь мужчину, изменить, покорить его. Быстрыми шагами она подошла к Келсу вплотную и протянула к нему руки. Одна из них была в крови от резкого удара об стену во время их борьбы. Обе кисти, красные и распухшие, были сплошь покрыты ссадинами.

— Вот, смотрите, что вы сделали. Вы были зверем и принудили меня бороться подобно зверю. Мои руки превратились в цепкие лапы, тело в сплошной узел мускулов. Вы не смогли ни удержать, ни поцеловать меня. Но допустим, что придет время и я не вырвусь от вас... когда-нибудь... То от меня останется одна пустая оболочка — холодная, надломленная, бесчувственная вещь, а не женщина. Все, чем я только являюсь — девушкой, женщиной, к которой стремится ваша любовь, — все это глубоко замкнется во мне, полное омерзения, ненависти и смертельной тоски... Ваши поцелуи, ваши объятия будут принадлежать существу, вами же обещанному. Вся теплота, вся сладость, дрожь, страсть, жизнь, взаимная нежность, все, все, что только является душой женщины и делает ее очаровательной, все это будет обезображено!

Джейн все ближе и ближе придвигалась к Келсу. Вдохновленная непостижимым инстинктом женщины, сознавая, что вся ее жизнь поставлена сейчас на карту и необходимо найти средство к спасению, Джейн интуитивно создала из себя полный контраст тому свирепому, дикому и неукротимому существу, которое только что в борьбе оттолкнуло Келса.

— Дайте мне возможность показать вам настоящее чувство, — прошептала она и наклонилась к нему жаркая, нежная, взволнованная, неотразимая в своем женском очаровании. — Одну маленькую возможность... И... если возможно, почувствуйте, какой может быть женщи-

на, когда... когда она... сама любит. Я покажу вам это, чтобы спасти себя.

Протянув зачарованному Келсу обе руки, Джейн скользнула в его объятия и на одно мгновение крепко прижалась к его груди. Ее нежное тело мягко покоилось в его руках. Затем, подняв свое бледное лицо, в честном порыве отдаленно доказать этому человеку все величие, красоту, нежность и душу любви, она прижала свои теплые трепещущие губы к его устам.

Затем, вырвавшись, остановилась испуганная и дрожащая, но он стоял, не трогаясь, как будто в его жизни случилось нечто невероятное. Злобное выражение его лица смягчилось.

— Боже мой! — сказал он тихо. И точно очнувшись от сна, резко отдернул занавесу и исчез.

Джейн бросилась на кровать и остаток своих сил потратила на поток облегчающих слез. Она выиграла! Теперь ей нечего бояться Келса. В тот короткий момент она возвысила его в собственных глазах. Но чего это ей стоило!

Глава X

На следующий день Келс позвал Джейн в соседнюю хижину. Она убедилась, что надежды ее оправданы не столько по глубокой грусти и осунувшемуся виду Келса, сколько по интуитивному чувству, ее привлекательность подняла и облагородила его.

— Вы не должны больше там сидеть, точно пленница, — сказал он. — Вы похудели и побледнели. Выйдите-ка на воздух, на солнце. Вам вовсе не мешает привыкнуть к моей банде. Бейд Вуд приходил ко мне сегодня утром и уверял, что видел дух Денди Дейла. Это имя так и останется за вами. Мне безразлично, как вы будете обращаться с моими людьми, но если отнесетесь к ним приветливо, то вам будет гораздо легче освоиться среди них. Не отходите слишком далеко от нашей хижины. Если же вам что-нибудь не понравится, то просто стреляйте в них. Меня не зовите. Этих молодцов вы сами в состоянии так огорошить, что они больше никогда и пальцем вас не тронут.

Выйти днем в мужском костюме оказалось для Джейн мучительным испытанием. Она шагала неуверенно и под маской ощущала на своем лице холодные мурашки. Не страх, а стыд охватил ее. Лучше умереть, чем показаться Джиму в этом дерзком одеянии. Несколько запыленных и оседланных лошадей стояли, понуро опустив головы возле блокгауза; отдохавшие тут же мужчины внезапно прервали свой разговор при появлении Джейн. Она не знала ни одного из них и это помогло ей быстро вернуть самообладание. Но сенсационное впечатление, произведенное на бандитов, сразу же развеселило ее. Застыв с широко раскрытыми ртами, они так и усталились на нее. Один старик даже выронил из своего обросшего сединой рта трубку и, казалось, вовсе не заметил этого. Темнокожий молодой бандит, свирепого и дикого вида, со следами отчаянной и беспутной жизни на лице, первый пришел в себя от изумления и с неуклюжей галантностью приподнял свое сомбреро. За ним последовали и остальные. Их приветствия были отрывистыми, но с оттенком любезности. Джейн охотнее всего бросилась бы бежать от этого перекрестного огня наглых и любопытных глаз, однако, она заставила себя сохранить вид полной беззаботности. Если только удастся это, остальное пойдет гораздо легче. Джейн еще раз порадовалась своей маске. Постепенно непринужденность снова вернулась к ней, а с нею возвратились и прежняя рассудительность и мужество.

Легкой походкой она отошла от группы бандитов к усталым лохматым лошадям и принялась их гладить и похлопывать. Вот по тропинке проехал одинокий всадник и спрыгнул с лошади возле хижины Келса; другой раз в лагерь прибыли еще двое бандитов, и оба устали на нее свои четыре совершенно круглых глаза. Все, что бы она ни делала и ни говорила, ее постоянно сопровождала пугливая мысль о Джиме. Где он сейчас? Что делает? Пьян ли, играет, дерется или спит?

В душе Джейн проснулся новый страх. А вдруг, несмотря на маску, Джим все-таки узнает ее?

Целиком занятая этой мыслью, она принялась ходить взад и вперед. Вдруг ее внимание привлекло какое-то необычное волнение среди бандитов. Они окружили нескольких прибывших всадников, из которых Джейн узнала Рыжего Пирса, Французика и, с внезапной дрожью,

Джима Клэва. Сердце ее заколотилось. Она боялась показаться ему на глаза, не доверяя своей одежде... Все ее планы разлетелись, словно их никогда и не было. Маска маской, а пронизывающего взгляда Джима ей не выдержать. И подобно маленькому трусишке, девушка торопливо направилась обратно к блокгаузу.

Однако, еще не переступив порога, она подумала, что, вероятно, произошло что-то особенное, так неожиданно расшевелившее отдыхавших грабителей, которые с напряженным интересом следили за подъезжавшей группой. До слуха Джейн донесся громкий разговор. Мимо нее быстро пробежал Келс, сверкая глазами и не замечая ее. Внутри блокгауз оказался совершенно пустым. Сквозь входную дверь она видела группу бандитов, сбившихся в кучу и о чем-то галдевших. Она также услышала повелительный голос Келса, но слов разобрать не смогла. Гул хриплых голосов усилился. Распахнув дверь, Келс вошел в хижину вместе с Пирсом. Сзади них шел Джим Клэв. Едва только эти трое очутились в хижине, как вся остальная компания бандитов потянулась за ними, подобно сердитому рою пчел. Говорил Келс, говорил Джим, но их слова тонули в общем гуле. Внезапно Келс дал волю своему характеру.

— Молчать, черт вас всех побери! — взревел он властным голосом.

Настала тишина.

— Ну... Что случилось? — спросил Келс уже спокойнее.

— Только не выходи из себя, босс, — ответил Пирс дружелюбно. — Ничего плохого не произошло... Просто Клэв испробовал на Гульдене свой револьвер и больше ничего.

Келс чуть заметно вздрогнул, однако, его резкий жест и мимолетное выражение, напоминавшее Джейн тигра, заставили ее подумать, что он испытывает чувство дьявольской радости.

— На Гульдене!?! — восклицание Келса одновременно прозвучало и страстным вопросом.

— О, нет! Он не окочурился, — ответил Пирс. — Этого бульдога не так-то легко прикончить. Но немножко и его пообстреляли. Лежит сейчас у Бэрда. Думаю, будет не худо, если ты туда пойдешь и перевяжешь ему раны.

— Пусть лучше сгниет, чем я буду ухаживать за ним, — ответил Келс. — Где Бейд Вуд?.. Бейд, возьми мой лекарственный ящик и походи к Гульдону. Ну, Рэд, а из-за чего вышла вся свалка?

— Дружки Гульдона попробовали связаться с Клэвом, а Клэв с ними, а я между ними! И сам понимаешь, мне приходилось глазеть в оба, чтобы самому не получить на орехи.

Пока между Келсом и его лейтенантом происходил этот быстрый разговор, Джим Клэв сидел на краю стола с огрызком сигары во рту, лениво болтая своим пыльным сапогом со звонкой шпорой. Джейн никогда еще не видела его таким. Видно было, что он пьянствовал и до сих пор еще не протрезвился. Как хорошо читала она в этом опустившемся лице! Чтобы в голос не взвыть от боли, Джейн прикусила свой язык. Да, да, Джим погиб!

— Из-за чего они повздорили? — спросил Келс.

— Спроси Клэва, — ответил Пирс.

Келс подошел к Клэву. Вид этих обоих мужчин, стоящих один против другого, заставил Джейн содрогнуться.

Как они были различны! Келс выглядел жестким, повелительным, мощным и крепким; все его существо дышало живым и дружеским уважением к молодому отщепенцу. Клэв же, наоборот, выглядел рассеянным, словно равнодушный образ усталой и легкомысленной презрительности. Оба мужчины издали казались значительно выше остальных глазевших на них негодяев.

— Клэв, почему вы стреляли в Гульдона? — сурово спросил Келс.

— Это мое дело! — медленно ответил Клэв и, устремив свой угрожающий взгляд на Келса, принялся выпускать к потолку длинные, тонкие столбы табачного дыма.

— Конечно... Но я припоминаю, что на днях вы спрашивали меня относительно Гульдона. Это ли было причиной ссоры?

— Нет! — ответил Клэв.

— Ладно. Но я все-таки хочу знать причину. Пирс говорит, что вы поругались с друзьями Гульдона. Если я не водворю между вами мира, придется делиться на партии.

— Келс, мне решительно никто не нужен, — сказал Клэв и швырнул прочь свою сигаретку.

— И все-таки, — терпеливо продолжал Келс, — здесь каждый человек нуждается в помощниках.

— Ну, а я ни в ком не нуждаюсь.

— Это ваше дело. Я не охотник навязывать своих советов.

Вся властность и умение подчинять себе людей сказались в этих словах Келса. Ничего не было легче, как заставить Джима воспротивиться, ибо его существо самым непостижимым образом подходило к свирепым особенностям этой жизни на границе.

— Значит, вы отступаете от меня? — спросил он, устремляя свой проницательный взгляд на Келса.

— Я подожду, Джим, — спокойно ответил Келс.

Клэв принялся свертывать себе новую папироску. Джейн заметила, как дрожат его крепкие загорелые руки, и догадалась, что виной в этом было не волнение, а состояние его нервов. Ее сердце заняло.

— Послушай-ка, Рэд, — обратился он к Пирсу. — Расскажи мне, что там произошло? Что ты там видел? Джим против этого ничего иметь не может.

— Ну, вот, сидим мы там у Бэрда, и игра за игрой течет как по маслу. Гульден вчера ночью вернулся в лагерь. Обычно он и всегда злобный, но вчера вечером выглядел еще страшнее. Вначале все шло благополучно. Все мы решили, что, должно быть, его поездка не выгорела. Он был как-то особенно взволнован. То и дело расхаживал взад и вперед, совсем как ягуар в клетке. Ну, мы не приставали к нему, спроси любого. Как вдруг он прямо катится к нашему столу — я, Клэв и Техас играли в карты... Бац! Он одним взмахом перевернул наш стол. Я схватил золото, Клэв спас виски. Все мы пили и Клэв больше всех. Бэрд весь побелел от злости, Техасец чуть было не задохся. Но все мы боялись Гульдена, кроме Клэва, хотя он сидел, не двигаясь, и ничего злобного в нем заметно не было. Гульден же трахнул по столу и прямо обратился к нему:

— У меня есть дельце, которое вам понравится. Идемте! — сказал он.

— Дельце? Послушайте, как вас там, у вас никогда не будет такого дела, которое могло бы понравиться мне, — медленно и холодно ответил Клэв.

— Ты сам знаешь, Келс, что творится с Гульденом во время подобных припадков. Точно сам дьявол про-

клял его в тот момент. Я не раз видал стрелков-любителей, которых так и подмывает кого-нибудь укокошить. Однако Гульден в тысячу раз опаснее. Верьте мне, ребята, в его мозгу определенно не достает винтиков.

— Клэв, — сказал он, — я отыскал золотую жилу Брандера... и девчонка тоже там.

Точно молния осветила лицо Клэва. Вспомнив нашего Луча, мы пригнули спины, готовясь к свисту пуль. Внешне Гульден нисколько не изменился, но я чувствовал, что внутри его клокочет ад.

— Ого! В самом деле? — быстро спросил Клэв, как будто обрадовавшись. — А удалось вам выкрасть эту девушку?

— Нет еще. Пока только прозондировал почву. Теперь я предлагаю вам идти вместе со мной. Мы поделим золото, а девчонку я возьму себе.

Тут Клэв завертел над своей головой бутылку с виски и изо всей силы швырнул ее в тыкву Гульдена. Тот гладенько улегся на пол. А Клэв, как ужаленная кошка, вскочил и принялся палить. Все ребята разбежались по углам. И когда я уматывал в безопасное место, то заметил, как, лежа во весь рост на полу, Гульден хватался за свой револьвер, но бац! И его рука шлепнулась рядом с ним. Одна его щека залилась кровью. Я был твердо уверен, что он испустил дух, и решил схватить Клэва.

Конечно, было бы все прекрасно, если бы Гульден отправился ко всем чертям. Однако ничего подобного! Он пришел в себя и заревел, созывая своих дружков. Его можно было услышать за целую милю... И, как я уже сказал, мне пришлось изрядно попотеть, чтобы предотвратить всеобщую свалку. А пока Гульден вопил, ревел и выл, я отправился с ребятами сюда. Гульден остался с отстреленным ухом. На этом дело и кончилось.

С серьезным видом Келс повернулся к группе темнолицых бандитов.

— Это столкновение ставит перед нами один вопрос, — сказал он. — Мы должны создать организацию. Если вы не просто банда сплошных дураков, то сами убедитесь в этом. Вам нужен главарь. Многие из вас примкнули ко мне, но некоторые стоят за Гульдена. И все потому, что он дьявольски кровожаден. Гульден — великолепное орудие для выполнения некоторых задач.

Он не знает, что такое страх. Он — гигант, он любит бороться, любит убивать. Однако он псих, почти сумасшедший. И эта последняя история лучше всего доказывает это. Судите сами, он носится по лесам, выслеживает какой-то одинокий лагерь, не то желая разграбить его, не то просто завладеть какой-то девицей. Он вовсе не думает о том, чтобы посоветоваться о своих планах со мной или людьми, которым я доверяю. У него никогда нет золота, как и у большинства его приверженцев. Я еще не знаю, кто они. Да это мне и безразлично. Однако нам придется разойтись, если они вместе с Гульденом не последуют моему совету и моим приказаниям. Я вовсе не на стороне Клэва, но каждый из нас должен согласиться, что поведение Гульдена дезорганизует банду. Ведь он уже давно у нас. Вот теперь он пристал к Клэву. Клэв чужой среди нас. Возможно, что он подходит нам, но все же не принадлежит к нашей банде. Гульден не должен был обращаться к нему. Это было нечестно. Правда, мы не знаем, чего в сущности добивался Гульден. Тут какая-то ошибка, и он должен объясниться... Подумайте об этом, ребята, — хотите ли вы примкнуть к Гульдону или ко мне. А теперь расходитесь!

Его откровенная прямая речь произвела большое впечатление. Толпа бандитов молча направилась к выходу, и в помещении остались только Пирс, Клэв и Келс.

— Джим, скажите, отчего вы такой охотник до этих дьявольских драк? Или, может быть, вам хочется заделаться в этой глуши рыцарем — защитником некоторых обиженных девиц?

Клэв выпустил изо рта струю дыма, окутавшую его голову.

— Я ненавижу пакостные делишки, — ответил он.

— От одного воспоминания о девушке кровь бросается вам в голову?

Резкое движение Клэва показало, что Келс оказался прав.

— Ого! Только не фыркайте! — воскликнул Келс с угрозой в голосе. — Если вы хотите иметь меня своим другом, то объяснитесь, как подобает мужчине.

— Келс, я благодарен вам за такое предложение, — ответил Клэв с серьезным видом, — но я ни к черту не гожусь. Иначе меня не было бы здесь... Я не могу слышать об этих историях с девушками!

— Вы изменитесь еще, — ответил Келс с горечью. — Проживите здесь несколько одиноких годков. Вы пока не знаете здешней жизни. Вы молоды. Я же пережил золотую лихорадку в Калифорнии и Неваде. Золото делает человека безумным. И если вас до тех пор не пристрелят, то вы изменитесь. Если война разрушает моральные силы человека, то здесь дела похуже. Подождите, когда откроется самая богатая золотоносная жила. Мужчины и женщины сразу отойдут на тысячи лет назад... И тогда одной девицей больше или меньше, не все ли равно?

— Послушайте, Келс! Однажды меня очень сильно любила одна, но она так рьяно стремилась сделать из меня героя, что после этого я прямо не могу видеть, когда обижают девушек.

Говоря это, Клэв выглядел спокойным и печальным; по лицу его нельзя было ничего понять, но глубокая горечь, прозвучавшая в его голосе, ясно подчеркивала неискренность его слов.

Пирс попросту расхохотался, а Келс с сомнением покачал головой.

В эту ночь Джейн спала в своей новой одежде, сняв только сапоги. Ворочаясь, она нередко просыпалась от тяжелого нажима револьвера, оставленного ею в кобуре. Тогда она сразу вспоминала, что она — Джейн Рэндль, пленница, живущая в лагере бандитов. Все это было так необычно, так невероятно!

Когда утром она вышла из своей комнаты, Келс сидел за столом, а Бейд Вуд прислуживал ему.

— Хелло, Денди! — весело приветствовал Келс девушку. — Раненько вы поднялись! И во всеоружии. Это хорошо! Бьюсь об заклад, что в конце этого месяца вы одна сможете ограбить почтовую карету.

— Ограблю почтовую карету? — как эхо повторила Джейн.

— Само собой. Вот будет занятно! — ответил Келс со смехом. — Садитесь и позавтракайте со мной... Бейт, ну-ка поживей... Вы такая... Но маска сильно портит вас... Никто не может видеть, какая вы красивая... Джейн, ваш обожатель Гульден выбыл из строя.

И Келс с явным удовольствием повторил вчерашний рассказ Рыжего Пирса, причем подробнее останавливался на Джиме Клэве.

— Мне чертовски нравится этот Джим, — сказал он. — Прелюбопытный парень. Какая-то непутевая девочка ранила его сердце: либо изменила, либо еще что-нибудь в этом роде. Большинство женщин никуда не годится, Джейн. Еще не так давно я уверенно обо всех говорил в таком духе, однако с тех пор как я узнал вас, я пережил нечто новое. Но ведь одна хорошая девица не может изменить целого миллиона.

— А что сделает этот Джим Клэв, когда увидит меня? — спросила Джейн, чуть подавшись при этом имени.

— Не торопитесь так, девочка! — сказал Келс. — Вам всего только семнадцать, и у вас еще бездна времени... Я долго думал о Джиме Клэве. Он не псих, подобно Гульдону, но такой же опасный. Опасный потому, что он не ведает, что творит; абсолютно не боится смерти и здорово владеет револьвером. Скверная комбинация. Клэв без малейшего колебания способен угробить человека. Трех он уже застрелил, и Гульдена тоже намеревался угрохать. Я надеюсь все-таки обуздать его. Запугать или принудить он себя не даст, но, может быть, удастся убедить его. Через Пирса я велел передать ему, что вы моя жена. Надеюсь, он поверит. Все остальные не верят этому. Во всяком случае, вам, может быть, еще сегодня придется встретиться с ним, и я хотел бы, чтобы эта встреча получилась дружелюбной. Если мне удастся обработать его и отвратить от бутылки, то это будет для меня лучший парень во всей пограничной полосе.

— И я должна помочь вам заманить его в вашу банду? — спросила Джейн, не будучи в силах овладеть своим голосом.

— Разве это так уж страшно? — спросил искренне задетый Келс.

— Я... я не знаю! — пробормотала девушка. — А... этот молодой человек... он уже убийца?

— Нет. Пока он приличный молодой парень, которого свела с ума какая-то девица. Я ведь уже говорил вам это. Вы не понимаете главного. Если мне удастся подчинить его, то из него выйдет прямо неопценимый для меня человек — отважный, ловкий, опасный, который всегда

сумеет поставить себя здесь. Но если я не укрошу его, ну, тогда ему не прожить и недели. В одной из драк его как пить дать либо застрелят, либо зарежут.

Отодвинув свою тарелку, Джейн подняла на бандита твердый взгляд.

— Келс, пусть лучше он поскорее кончит свое существование и пойдет... к... к... чем останется жить под вашей властью, сделавшись убийцей и грабителем.

Келс насмешливо рассмеялся, но по тому дикому движению, с каким он швырнул о стену свой бокал, можно было судить, насколько глубоко Джейн обидела его.

— Вам жаль его потому, что его загнала сюда какая-то девушка, — сказал он. — Однако я уверен, что моя дружба может принести ему только пользу. Помогите мне, замолвите словечко и упрочите мое влияние на этого необузданного молодчика.

— Я... я должна сперва увидеть его, — ответила Джейн.

— Однако вы умеете огрызаться, — проворчал Келс, но внезапно его лицо снова просветлело. — Я всегда забываю, что вы еще ребенок. Делайте, что хотите. Одно вам говорю, соберите все ваше прежнее мужество, — при этих словах Келс понизил голос и бросил взгляд на Бейда Вуда. — Помните, то самое мужество, с каким вы пристрелили меня. Нас ожидает трудное будущее. Громадные золотые прииски и безумием охваченные люди. Женщины не дороже мотка ниток... Голод, мучения, боль, болезнь, кража, убийство, повешение, смерть — все ничего! Лишь бы только было золото. Бессонные ночи, дьявольские дни, нападение за нападением, кругом одни жадные глаза. Все, что составляет жизнь, будет забыто, да и сама жизнь подешевеет. Ничего не останется, кроме желтого золота, ради которого мужчины теряют разум, а женщины продают свою душу.

После завтрака Келс приказал оседлать пони Джейн.

— Вы каждый день должны кататься, чтобы не отвыкнуть, — сказал он. — Возможно, скоро за нами начнут охотиться, и я вовсе не хочу, чтобы вас разорвали на куски.

— Куда я должна ехать? — спросила Джейн.

— Куда хотите. Направо, налево, в обе стороны ущелья.

— Вы прикажете следить за мной?

— Нет, если вы обещаете мне, что не убежите отсюда.

— Вы верите мне?

— Да.

— Хорошо, я обещаю вам. А если я начну думать иначе, то дам вам понять.

— Нет, этого не надо, Джейн. Я... я... Ну, в общем, дело дошло до того, что вы стали чересчур дороги мне. Я не знаю, что буду делать, если потеряю вас.

И когда она села на лошадь, Келс добавил:

— Смотрите, не спускайте этим дьяволам ни одного грубого слова.

Утро было раннее, и розоватый блеск солнца играл на свежей зелени. Джейн пустила свою резвую лошадь сперва рысдой, а затем галопом. Она ехала вдоль теснины до тех пор, пока тропинка не уперлась в стену обрыва. Тогда она повернула обратно и поехала под ветвями сосен, вплоть до того места, где теснина, суживаясь, выходила на широкую долину. Здесь ей встретилось несколько запыленных бандитов, гнавших перед собой нагруженных лошадей. Один из них, типичнейший мерзавец, насмешливо вскинул руки кверху.

— Руки вверх, дружище! — воскликнул он. — Никак мы переехали дорогу воскресшему Денди Дейлу?

Его спутники поспешили последовать его примеру и затем уставились на Джейн нахальными, вызывающими глазами.

Круто повернув свою лошадь, Джейн поехала обратно. Казалось, что ее ожгли взгляды этих грабителей.

На обратном пути, проезжая по теснине, девушка заметила еще большее количество бандитов, водивших своих лошадей на поводьях, коловших дрова и просто болтавших у дверей. Джейн старалась не подъезжать к ним, но даже издали чувствовала на себе их любопытные взгляды. Один из них, наполовину спрятавшийся за окном, сложил руки рупором и нежно крикнул: «Хелло, любовь моя».

Избегая ехать по тропинке, она свернула в другую сторону теснины. Ее лошадь почуяла воду. Джейн направила ее в узкую прогалину между ивами и, опустив поводья, дала лошади напиться.

Вдруг она почувствовала, что она не одна здесь. Однако никого вблизи не оказалось. Тогда она обернулась в

другую сторону. Джим Клэв только что собирался встать с колен. В руке он держал полотенце, его лицо было мокро, и он стоял не более чем в десяти шагах от нее.

Джейн замерла. Каждую секунду ожидала она услышать свое имя.

Клэв уставился на нее. В утреннем воздухе его лицо выглядело удлинненным и белым, как у покойника. И только глаза казались живыми, подобно дрожащему пламени. Презрение сверкнуло в них. Он узнал в ней женщину, и его презрение относилось к существу, скрывшемуся в этом бандитском наряде. Печальная и горькая усмешка скользнула по его лицу. Но затем она сменилась выражением, подействовавшим на душу Джейн подобно удару плети. Джим принялся разглядывать прекрасно сформированную фигуру Джейн с тем же нахальным и злобным оттенком, который так возмущал ее в остальных мужчинах. Этого она совсем не ожидала.

Дернув поводья и ничего не видя перед собой, Джейн поехала обратно к своей хижине.

Как мог Джим так смотреть на нее? Муки Джейн заключались не в том именно, что он обманулся в ее характере и личности, а в том, что из всех других женщин именно ей суждено было пробудить в нем животные инстинкты, как это случилось с Келсом, Гульденом и другими негодьями.

— О, он, вероятно, был пьян! — шептала Джейн. — Его нельзя обвинять. Он уже не мой прежний Джим. Он страдает, он изменился. Его ничто больше не привязывает к жизни. Я должна увидеть его, должна все рассказать ему. Если он теперь узнает меня, и я не смогу объяснить ему, почему я здесь, почему я так выгляжу... что я люблю его... все еще верна и чиста... если я не смогу сказать ему этого, тогда... тогда мне придется застрелиться.

Эти последние слова она прошептала со сдвленным рыданием в подушку своей кровати...

Глава XI

После этой встречи настали спокойные дни. Джейн разъезжала верхом по бесчисленным тропинкам ущелья. Постепенно она привыкла к разглядыванию и шуткам бандитов.

Дни проходили пусто, ибо как Джейн ни старалась, ей ни разу не довелось увидеть Джима. Много раз она слышала его имя. Он бывал то тут, то там — в местечке Бирда, в горах. Но у Келса в хижине он не появлялся. Джейн замечала, что это обстоятельство слегка озабочивало Келса. Он не хотел потерять Клэва. По вечерам она часто выглядывала из своей за-сады в соседнее помещение и, дожидаясь Джима, безмерно утомлялась от громкой болтовни, хохота, пьянства.

Вечерами девушка видела, с какой страстностью Келс придавался игре, хотя в общем плохо справлялся с этим делом: всегда играл честно и самым отчаянным образом проигрывал; кроме того, он очень много пил и под винными парами становился опасным.

Нередко происходила дикая ругань и ссоры, проклятья раскатывались по хижине, и револьверы сверкали в загорелых руках, но в своей власти над бандитами Келс был уверен и непоколебим.

Та ночь, когда в хижине внезапно появился Гульден, не прошла спокойной и для Джейн. Один его вид нагнал на нее холодную дрожь. Неужели эта кровожадная горилла теперь настороженно выжидает, чтобы убить ее Джима?

Гульден выглядел все таким же здоровым и крепким. Он заинтересовался ходом игры, но на дружелюбное приветствие игроков ответил глухим ворчанием. Внезапно он что-то сказал Келсу.

— Что? — резко спросил тот и круто повернулся к громиле.

Шум сразу улегся; один из игроков многозначительно рассмеялся.

— Не одолжишь ли мне мешок золотого песка? — повторил Гульден.

Лицо Келса выразило удивление, а затем сменилось радостью.

— Что? Ты хочешь взять от меня золото?

— Да. Я потом возвращу тебе его.

— Я в этом и не сомневался. Но не хочешь ли ты этой просьбой сказать, что охотно примешь мое предложение о союзе?

— Можешь понять это, как хочешь, — проворчал Гульден. — Мне нужно золото.

— Дьявольски рад этому, Гульден! — ответил Келс серьезно. — Ты мне нужен. Мы должны сотрудничать... Вот, бери!

И он протянул Гульдену маленький мешочек из оленьей кожи, наполненный золотом. Игра снова началась. Интересно было следить за этими людьми. Рыжий Пирс держал возле себя весы и беспрестанно взвешивал маленькие золотые самородки. Стоимость золота тогда составляла пятнадцать долларов за унцию, но истинная цена его оказывала очень незначительное впечатление на игроков. Драгоценный песок они небрежно рассыпали по столу и по полу, точно это был простой песок.

Гульден играл так же, как он и вообще вел себя — совершенно бесстрастно. Вначале он выигрывал, затем все снова спускал и снова просил займы у Келса. Он не проявлял ни малейшего волнения. Когда игра закончилась, многие были уже здорово пьяны.

Когда все разошлись, Келс, пошатываясь, принялся расхаживать по хижине, постепенно приближаясь к жилью Джейн. Это новое обстоятельство пробудило в ней глубокое отвращение, но страха перед Келсом она больше не испытывала. Следила за ним до тех пор, пока он не подошел вплотную к ее дверям, и тогда тихонько подалась назад. Келс остановился перед одеялом, как будто боясь идти дальше. Его мысли блуждали. Затем он осторожно отодвинул завесу. В густом мраке он не мог видеть девушки, зато она совершенно ясно видела его. Он ощупывал балки, которыми она загородила вход, и когда убедился, что не сможет отодвинуть их, отошел в сторону. Несколько мгновений, тяжело дыша, со странно растерянным видом, он еще потоптался возле ее двери, затем круто повернулся. Джейн услышала, как он задувал фонарь. Спустя мгновение все погрузилось в полную тишину и мрак.

На следующее утро во время завтрака он снова был прежним Келсом и если даже помнил о своем вчерашнем поведении, то отлично сумел скрыть это от девушки.

Выйдя после завтрака из дому, чтобы отправиться на свою обычную утреннюю прогулку верхом, Джейн внезапно заметила несущегося вверх по склону всадника. Бандиты громко приветствовали его и как есть, без шапок и курток, пустились бежать ему навстречу. Седлав-

ший пони Бейд Вуд отбросил седло Джейн и позвал Келса. Последний быстро выбежал из блокгауза.

— Бликки! — воскликнул он и взволнованным тихим голосом пробормотал какое-то проклятье.

— Определенно он! — сказал Вуд, и его обычно приветливые глаза загорелись неприятным блеском.

Прибытие Бликки подействовало на всех крайне возбуждающе, и Джейн вспомнила, что это был один из поверенных Келса. Когда лошадь прибывшего бандита остановилась, он мигом соскочил на землю. Бликки представлял собой худощавого загорелого молодого человека не больше двадцати лет, но со следами суровой жизни на лице. Увидев Келса, он швырнул свои перчатки кверху, не потревожившись больше, куда они упадут.

— Золото! — крикнул он звенящим голосом.

Бейд Вуд издал индейский клич, громко подхваченный взбежавшими на холм бандитами.

— Уже несколько недель в ходу! — прохрипел Бликки. — Громадное дело. Я, Джесси Смит и Красавчик Оливер напали на новый прииск Олдер Крик — пятьдесят миль отсюда по птичьему полету и сто для всадника. Мы чуть не рехнулись от удивления. Но когда встретили нагруженных лошадей, телеги и почтовую карету, то поняли, что там, у Медвежьей горы, творится что-то необычайное. Когда мы увидели громадный лагерь, кишущий людьми, словно улей, то Джесси Смит и Красавчик отправились прозондировать почву, я же отправился к вам. Гнал лошадь со вчерашнего вечера... Джесси с одного взгляда определил дело и каркнул: ура! Он велел мне: «Скажи Джеку, что дело тут большое и нужен смелый план. Через денька два мы будем у него со всеми подробностями».

Джейн внимательно следила за Келсом. Ни одного слова не сорвалось с его уст, в то время как все остальные бандиты с хриплыми криками окружили Бликки. Крепко сжав губы, Келс расхаживал взад и вперед, со слегка полуоткрытым ртом, обнажившим крепкие, как у бульдога, зубы. Он выглядел жадным, страстным, хитрым и твердым как сталь. Постепенно странный огонек в его глазах перешел в мрачную, тяжелую угрозу. Внезапно он круто повернулся, и галдевшие бандиты замолкли как по команде.

— Где Пирс и Гульден? Знают они все? — спросил он.

— Не думаю, чтобы еще кто-нибудь здесь знал об этом, — ответил Бликки.

— Рыжий и Гуль никак не могут очнуться от своего вчерашнего счастья, — сказал Бейд Вуд.

— Видел кто-нибудь из вас Клэва? — продолжал Келс. Его голос звучал торопливо и резко.

Никто не отвечал. Вдруг Келс сильно ударил себя кулаком по ладони.

— Вперед! Сзывайте всю банду в хижину Бэда... Ребята, игра начинается. Джесси Смит видел 49 и 51 годы и не послал бы такой вести, если бы... если бы не разыгралась настоящая дьявольщина!.. Вперед!

Он начал спускаться с холма, окруженный своими товарищами. По пути к ним подходили все новые и новые; отчаянно жестикулируя, шли все вместе.

Джейн осталась одна. Услышав вопрос Келса о Клэве, она испугалась, как бы этот бандит не уговорил ее Джима примкнуть к своей шайке. Вся компания напоминала девушке стаю волков, и Келс был их самым пронзительным и жестоким вожаком.

В это утро Джейн отказалась от своей утренней прогулки. Со страхом и любопытством ожидала возвращения Келса, но он не приходил. К заходу солнца она истомилась от ожидания. Вернувшись в хижину, сама приготовила себе еду. С наступлением темноты Келс наконец вернулся. Джейн достаточно было одного беглого взгляда, чтобы убедиться, что события разворачиваются не по его замыслам. Он внутренне весь кипел и, увидев Джейн, так поразился, как будто в лихорадочном волнении этого дня совершенно позабыл о своей пленнице. Он извинился за то, что ей не приготовил ужина. Все сегодня точно с ума сошли, их трудно заставить...

Он говорил мягко и нежно. Внезапно на его лице появилось выражение задумчивости. Джейн знала, что у него это было всегда признаком внутренней нерешительности.

— Ах, зачем я только затащил вас сюда, — сказал он, беря ее за руки. — А теперь уже поздно. Я не могу потерять вас... Но для другого... выхода еще не поздно.

— Для какого выхода? Что вы хотите сказать?

— Любовь моя, хочешь уехать со мной сегодня ночью? — страстно прошептал он. — Клянусь, я женюсь на тебе и начну честную жизнь. Завтра будет уже поздно... Хочешь?

Джейн отрицательно покачала головой. Ей было жаль его. Когда он так говорил, он переставал быть Келсом-бандитом. Видя его глубокую страсть, девушка не могла отделаться от странного волнения. Один момент, переступая порог этой хижины, он был предводителем банды, со странными, кровавыми планами в голове; в следующую же секунду, когда его взгляд упал на нее, он начал сдавать, разбитый, измученный, охваченный своей безнадёжной любовью.

— Отвечай, Джейн! — сказал он; его ладони сжались в кулаки, лоб нахмурился.

— Нет, Келс! — ответила она.

— Почему? Почему же? Потому, что я бандит и мои руки запачканы кровью?

— Нет. Потому... потому, что я не могу любить вас.

— Неужели тебе не хочется стать моей женой? Сделать из меня честного человека... вместо того чтобы жить здесь подобно рабе, каждую минуту могущей попасть к Гульдону в его пещеру, под его веревку?

— Нет... Я знаю, что вы не допустите этого, не выдадите меня Гульдону.

— Почему вы знаете это? — воскликнул он, и виски его налились кровью.

— Потому что вы побороли в себе зверя... И вы... вы любите меня.

Келс с такой силой оттолкнул Джейн от себя, что она едва не упала.

— Я справлюсь с этим... И тогда берегись! — сказал он с горечью.

Быстрым движением он приказал ей уйти в свою комнату и повернулся к двери, откуда доносился гул мужских голосов. Спотыкаясь в темноте, Джейн взошла по ступенькам в свою комнату и, тихонько забаррикадировав дверь балками, принялась слушать. Сильное напряжение ее нервов, граничащее почти с физической болью, подсказывало ей, что эта ночь станет знаменательной не только для Келса, но также и для нее.

Келс только что вышел из блокгауза.

Спустя несколько секунд Келс один возвратился в блокгауз и принялся зажигать фонари. Два фонаря он повесил на стену, а два поставил на стол. Из своего узла он достал маленькую записную книжку и карандаш. Все это положил на стол рядом с тяжелым тисненным золотом револьвером. Когда все было готово, он принялся расхаживать, заложив руки за спину, с опущенной головой, в глубокой и тяжелой задумчивости.

Внезапно Келс поднял голову и прислушался. И весь облик его вмиг переменился. Тяжесть, давившая его, исчезла. Подобно генералу, осматривающему своих солдат, уставился он со строгим и властным видом на дверь. Тяжелые шаги, звон шпор, тихие заглушенные голоса свидетельствовали о приближении банды. Будет ли Джим Клэв среди них?

Молчаливые и напряженные бандиты переступали один за другим через порог хижины. Джейн насчитала двадцать семь человек. Они разделились на две группы. Большая группа выстроилась рядом с Келсом, а меньшая встала за Гульденом. Последний снял повязку с головы, отмеченной красным шрамом на месте отстреленного уха. Какая-то особенная сила исходила от него, но она не походила на ту, что в Келсе действовала так энергично и властно. То была особенная звериная жестокость, проявлявшая свое господство только в одной физической силе. В любом столкновении между Келсом и Гульденом, не требующем никакого мускульного напряжения, последний неминуемо проиграл бы. Мужчины, стоявшие позади Гульдена, были все бородачами, тяжело вооружены, в ярко заштопанных рубахах, — наиболее опасные экземпляры всей этой банды. Все же молодые, более цивилизованные, как например Рыжий Пирс, Французик, Бидки Джонс, Вильямс и новоприбывший Бликки, — все они стояли на противоположной стороне. К великой радости Джейн Джима среди них не оказалось.

— А где Бэд, где Вуд? — допытывался Келс.

— Заняты большой кобылой Бирда, — ответил Пирс. — Они скоро будут здесь и согласны со всем, что ни скажешь, босс. Ты ведь и сам знаешь это.

— А молодого Клэва разыскали?

— Нет, болтается где-то в лесу. Думаю, что и он не заставит долго ожидать себя.

Келс присел на край стола, взял в руки свою маленькую книжечку и, играя ею, принялся разглядывать собравшихся перед ним мужчин.

— Там, у Бирда, мы хорошо обсудили все дело, — сказал он. — Теперь же я организую мой «Пограничный легион». Я требую неограниченной власти, будь тут десять человек или сто. Ну-с, чье имя идет первым в мою книжку?

Рыжий Пирс выступил вперед и принялся пыхтеть над своей подписью. Бликки, Джонс, Вильямс и другие последовали его примеру. Они не проронили ни слова, но каждый из них пожал руку своему вожаку. Было очевидно, что и без клятв Келс предоставлял каждому свободу выбора, доверяя только его честному слову. Этот бандит обладал особенным, присущим только ему одному умением придать такой простой церемонии характер священной присяги. В своем легионе он не желал иметь людей, в которых он был бы неуверен.

В эту самую минуту, дрожа от радости и страха, Джейн увидела Джима, входившего в хижину. Он был бледнее обыкновенного, и его острые глаза скользили по всему помещению от Келса к Гульдену, от одного бандита к другому. Затем он прислонился к стене, неясный как тень. Ни одним мускулом своего лица Келс не выдал, что заметил его приход.

— Я — предводитель, — продолжал Келс спокойно. — Я составляю планы и отдаю приказания. Ни одного дела без моего ведома. Равные права на золото... Один за всех, все за одного... Ваше слово, вы за меня?

Одобрительный ропот пробежал по насторожившейся толпе. Постепенно один за другим все подписали условия Келса. В стороне осталась только группа Гульдена.

— Гульден, ты все еще не решил? — холодно спросил Келс. Гигант тупо уставился на стол.

— Келс, если мы сойдемся с тобой, то я приму участие, — сказал он своим зычным голосом.

— Можешь не вступать, если не сойдемся, — ответил Келс ему. — Но послушай, Гульден, давай все обсудим по-хорошему, по-дружески. Пограничная полоса достаточно велика для нас обоих. Ты мне нужен, и я хотел бы иметь тебя около себя. Но если мы не соговоримся, разве нам так необходимо быть на ножах? Что ты скажешь на это?

Новый ропот в толпе поддержал дружелюбное и разумное предложение Келса.

— Скажи мне, что ты намерен делать и как ты будешь действовать? — ответил Гульден.

Келс с трудом удерживал свое раздражение.

— Какое тебе до этого дело, да и вообще кому-либо из вас? — спросил он. — Всем нам известно, что я человек, который сумеет обо всем подумать. Это доказано. Что тебе еще нужно знать?

— Как ты будешь действовать? — упрямо повторил Гульден.

Келс всплеснул руками, как бы считая, что говорить с таким идиотом совершенно бесполезно.

— Отлично! Если ты настаиваешь, — ответил он. — Я не могу сказать, как будут выглядеть мои точные планы, прежде чем Джесси Смит не подтвердит вести о золоте, и я не попаду в приисковый лагерь. Но базой нашей работы... Теперь не пророните ни одного слова, и вы все тоже слушайте в оба. Все наше имущество мы перевезем в этот лагерь. На самой границе городка мы построим свои блокгаузы и ни в коем случае не будем торчать друг возле друга. Вся банда рассредоточится. Большинству из вас придется разыгрывать роль золотоискателей, подражать обычным землекопам, т. е. возиться с кирками и ситами, копать, пить, играть, словом вести себя, как и все остальные. Бирд откроет игорный дом. Рыжий Пирс тоже подыщет себе какое-нибудь занятие. Я куплю одно-два места и найму работников. Затем переоденусь и подъеду к влиятельным лицам. Буду участником всякого дела. Все остальные будут шпионами. По ночам вы будете приходить в мою хижину и сообщать мне обо всем. Маленькими делами мы не станем заниматься. Всех старателей, покидающих лагерь с пятидесятью и сотней фунтов золота в телегах или почтовых каретах, мы выследим, и тот, кого я назначу, совершит нападение. Все мы обязаны быть трезвыми, если понадобится. Решающее мнение — мое. Во время работы вы все должны быть замаскированы. Ни одним словом вы не должны обмолвиться, чтобы не навлечь на себя подозрения. Таким образом мы сможем проработать все лето, и никто не накроет нас. Чем тише мы поведем себя, тем значительнее окажутся результаты. Едва только будет найдена главная жила, как весь лагерь сойдет с ума.

Подозревать начнет один другого. Они не смогут поэтому организовать и, беспомощные, очутятся в наших руках... Короче говоря, если эти холмы в самом деле так богаты, как о них говорят, то еще до зимы у нас звонкого золота будет больше, чем смогут увезти наши лошади.

Келс начал свою речь довольно сдержанно, но постепенно звук собственного голоса и мечты о воплощении своей грандиозной идеи разгорячили его. На своих слушателей он произвел громадное впечатление, за исключением Гульдена. Келс смотрел на него, на него же уставились и другие бандиты; сверкавшие из темноты острые глаза Джима Клэва тоже остановились на громадном лице бандита. Было видно, что Гульден хочет что-то сказать, но в его медлительности вовсе не чувствовалось колебания или волнения; в его мозгу гнездилась только одна мысль, являвшаяся всей его сущностью.

— Мертвые не болтают! — эти слова глухо пробурлили в его широченной глотке.

Келс жаждал золота и славы грозного бандита; Гульден хотел только крови. В наступившем молчании чувствовалось, что свирепые разбойники взвешивали все сказанное, вникали в него. Многие из них не могли совершенно свыкнуться со страшным предложением Гульдена, но большинство все же признало в нем гарантию безопасности.

Один Келс запротестовал против этого.

— Ты полагаешь, Гульден, что, заполучив золото, мы должны оставить позади себя только мертвецов? — спросил он свистящим шепотом.

Гигант свирепо кивнул головой.

— Только глупцы так убивают, если нет сопротивления, — резко заявил Келс.

— Зато мы дольше продержимся, — непоколебимо ответил Гульден.

— Нет, нет! Ничего подобного! Убийство перетряхивает каждый приисковый лагерь. А это пахнет карательным отрядом.

— Мы одинаково можем принадлежать к этому отряду, как и к твоему легиону, — сказал Гульден.

Эти слова вдруг ясно доказали, что Гульден вовсе не тупица, каким его считал Келс. Негодяи живо закивали

друг дружке и беспокойно зашевелились. Даже Рыжий Пирс оказался подкупленным такой хитростью. Зло победило злые сердца. Проницательный Келс мгновенно почувствовал эту перемену в бандитах.

— Ну-с, Гульден, а допустим, что я смотрю на дело иначе, чем ты? — спросил он.

— Тогда я не вступлю в твой легион.

— Что ты будешь делать?

— Я соберу своих людей и разграблю приисковый лагерь.

Джейн видела, что умный предводитель банды очень хорошо сознавал одно: проект Гульдена превратил бы в ничто его собственные планы.

— Гульден, я вовсе не хочу терять тебя, — сказал он.

— Ты и не останешься без меня, если правильно взглянешь на дело! — ответил Гульден. — Ты превосходно сумеешь руководить нами. Но помни одно, Келс, ты растрачиваешь свои нервы... Это все из-за той девчонки, которую ты держишь у себя.

Гульден говорил без гнева, страха и вообще без какого-либо чувства. Он говорил только одну правду. Но зато Келса охватила безумная ярость.

Джейн увидела зеленые огоньки в его глазах, его посеревшее вздрагивающее лицо и сильную дрожь в руках. Она поняла, что в эту минуту он боролся с собой: убить ли ему Гульдена тут же на месте или нет. Ей стало также ясно, что Келс должен был тут же уложить своего противника, иначе его власти суждено было неудержимо пойти на убыль.

— А что, Гульден, если мы отложим это дело на несколько дней, пока не доберемся до места? — предложил он.

— Никаких отсрочек! Или так, или этак, — заявил Гульден.

— Ты сам хочешь быть предводителем Пограничного легиона? — спросил Келс.

— Нет.

— Но тогда что же тебе нужно?

Гульден не был подготовлен к такому быстрому распросу.

— Мне нужно многое, — ответил он после некоторого колебания. — Я хочу быть посвящен во все. И если

мне придет охота пристрелить кого, то и это должно быть мне разрешено.

— Если тебе придет охота, — повторил Келс с проклятьем. Затем, точно по волшебству, его лицо вдруг все осветилось, и бесконечная хитрость заиграла в его глазах. Соппротивление, ненависть и отвращение, так бесконечно отделявшие его от Гульдена, все это мгновенно слетело с него.

— Гульден, мы поделимся с тобою. Я предоставлю тебе так действовать, как ты захочешь. Но зато все остальные, все до одного, обязаны следовать моим приказаниям. Идет?

Тут Гульден протянул свою колоссальную руку. Такое внезапное согласие явно удивило как самого Келса, так и всех остальных бандитов.

— Вперед, Келс! — воскликнул Гульден и с трудом нацарапал свое имя в книжечке Келса.

— Все можешь делать, что вздумается, за исключением ссор с моими людьми, конечно! — добавил Келс.

— Да, если они не вызовут меня на это, — ответил великан, выдавив жуткую гримасу вместо улыбки.

Один за другим выполнили эту простую церемонию все приверженцы Гульдена.

— Еще кто? — воскликнул Келс, оглядывая всех.

— Джим Клэв, — сказал Пирс, указывая в сторону стены.

— А, дружище! Подите-ка сюда. Вас мне чертовски недостает, — заметил Келс.

Клэв медленно выдвинулся вперед, устремив свой блестящий взгляд на Гульдена. Наступил выжидательный момент. Гульден уставился на Клэва. Но Келс быстро встал между ними.

— Послушайте, я совершенно забыл, что вы расцапались, — сказал и круто повернулся к Гульдону. — Сводить старые счета теперь не время. Мы не раз схватывались друг с дружкой, Гульден, и после этого снова становились друзьями. Я хочу иметь Клэва в своей банде, но только, если ты не будешь возражать.

— Пока я ничего не скажу, — ответил гигант, — но и не дам отстрелить себе второе ухо.

Все разразились хриплым ржанием, но Гульден не находил ничего смешного в своем замечании. Келс рас-

хотелся вместе с другими. И даже бледное лицо Клэва отразило мимолетную усмешку.

— Значит, мы сговорились, — объявил Келс. Но когда он повернулся к Клэву, вся его фигура говорила о высокомерном сознании собственного достоинства и силе воли.

— Джим, хотите вытянуть карту?

— А в чем заключается игра? — спросил Клэв.

Келс быстро повторил свою идею о Пограничном легионе и его выгодах для каждого свободного молодого повесы.

— Мне все равно, — ответил Клэв.

Келс обомлел.

— Неужели вам безразлично, примкнуть к моему легиону или нет?

— Чертовски безразлично, — последовал ленивый ответ.

— В таком случае, — продолжал Келс, — сделайте мне одолжение и идите к нам ради меня. Мы станем добрыми друзьями. Иначе здесь, у границы, вам придется худо. И чем это может повредить вам, если вы примкнете к нам?

— Я хотел бы лучше остаться один.

— Но тогда вы недолго протянете.

— Это очень мало трогает меня.

Бандит зорко взглянул в бледное, отчаявшееся лицо Джима.

— Послушайте, неужели у вас не хватает достаточно силы, чтобы сделаться настоящим бандитом?

Клэв вздрогнул, точно от неожиданного удара. Джейн зажмурилась, чтобы не видеть его лица. Не зная того, Келс повторил те же самые слова, которыми она ввергла Клэва в его теперешнее положение. Джейн ненавидела себя от всего сердца.

— Клэв, скажите по совести, ведь вы изводите себя из-за женщины? — воскликнул Келс своим обычным резким и насмешливым голосом.

— Если вы не будете держать язык за зубами, то раньше меня отправитесь к черту, — с угрозой ответил Клэв.

— Ба! Уже и за револьвер. Я ваш друг. Вы больны, точно отравленная собачонка. И говорю вам, если вы соберетесь с духом, то не скovyрнетесь. Начните вместе с

нами охоту за золотом. Вы увидите жизнь, будете бороться, сами добудете золота. Есть много других женщин на свете. Один раз и я подумал, что брошу все ради женщины. Но я все-таки не сделал этого. Ни разу не встречал настоящей, пока не долетел сюда к этой границе... Если у вас есть мужество, проявите его. Будьте мужчиной. Выплюньте весь этот яд... Признайтесь перед всеми... Какая-то девушка вынудила вас явиться к нам сюда?

— Да... девушка! — хрипло ответил Клэв.

— Возвратиться уже поздно?

— Поздно.

— И вам ничего больше не остается, как искать забвения?

— Ничего... Только я никак... не могу забыть... — вырвалось у Клэва.

Джейн видела, как умело воздействовал Келс на чувства Клэва. Он был страстным, отчаявшимся мальчиком в руках сильного, неумолимого мужчины. Точно воск в руках скульптора. Джим подчинится воле этого бандита и, благодаря своей упорной любви и мучительным воспоминаниям, начнет все ниже и ниже опускаться, погружаясь в пьянство, игру и преступления.

Джейн поднялась. Ее женская душа горела чистым воодушевлением встретить грозную минуту своей жизни.

Келс сделал порывистое движение.

— Покажите ваше мужество... Идите со мной... В этой стране вы создадите себе имя, которое никогда не забудется.

Этот последний намек на разбойничью славу был самым лучшим козырем хитрого бандита. И он решил все дело. Подняв ослабевшую, нервную руку, Клэв отвел волосы со своего влажного лба. Вся суровость, вся пламенность и неприступность его исчезли. Он выглядел потрясенным, как будто неожиданно показали всю его бесконечную трусость.

— Конечно, Келс, — сказал он растерянно. — Конечно, примите меня в свою игру... и, клянусь, я доиграю ее до конца.

Взяв карандаш, он склонился над записной книжкой.

— Стой, стой! — крикнула Джейн. Отбросив завесу, она скользнула в полосу света.

Келс бросил на нее удивленный взгляд, но, догадавшись о ее намерении, холодно и насмешливо рассмеялся.

— Клэв, это моя жена, Денди Дейл, — сказал он мягко и спокойно. — Пусть она посоветует, как вам поступить.

Появление женщины, хотя бы даже переодетой, будто ошеломило Клэва. Его фигура выпрямилась, лицо снова побледнело, а затуманенные глаза снова вспыхнули. Джейн почувствовала, как и она бледнеет. Под этим взглядом она чуть было не упала в обморок. Однако Джим не узнал ее.

— Стой! — еще раз воскликнула Джейн, но ее крик прозвучал высоко и совсем непохоже на ее обычный грудной голос:

— Я все слышала, что говорилось здесь! Не вступайте в этот легион... Вы молоды и еще честны. Ради самого бога, не вступайте на путь этих людей. Келс сделает из вас бандита... Отправляйтесь обратно на свою родину, идите к себе домой, прошу вас!

— Кто вы... почему вы говорите мне о чести, о родине? — спросил Клэв.

— Я только... женщина... Но я вижу, что вы готовы вступить на ложный путь... Вернитесь к той девушке, которая... которая заставила вас пойти на границу. Она, наверное, раскаивается. Еще один день и будет поздно. О, молодой человек, идите обратно домой. Может быть, та девушка и любила вас. Возможно, ее сердце надрывается теперь.

Сильная дрожь пробежала по телу Клэва. Была ли это боль, вызванная ее словами, или отвращение, что такая женщина, как она, осмеливается говорить о любимой им девушке? Джейн не могла понять.

— Вы просите меня не становиться бандитом? — спросил он медленно, как будто борясь с какой-то мыслью.

— О, я умоляю вас!

— Почему?

— Я уже сказала вам. Вы еще хороший человек, вы были диким и свирепым только потому, что...

— Вы жена Келса? — крикнул он ей.

— Нет, — медленно и с трудом ответила Джейн.

Наступила долгая тишина. Истина, о которой все догадывались, в ее устах подействовала потрясающе. Затаив дыхание, разбойники разинули рты. Келс оглядел всех с сардонической усмешкой, однако лицо его поблед-

нело. Но зато лицо Клэва отразило безграничное презрение.

— Даже не жена! — воскликнул он тихо.

Этот возглас был невыносим для Джейн. Она отшатнулась.

— И вы взываете ко мне? — продолжал Клэв.

Внезапная усталость охватила его. Поразительная двойственность женщины превышала его понимание. Он почти повернулся спиной к Джейн.

— Вряд ли существо, подобное вам, может удержать меня от банды Келса, от убийства и вообще от чего-либо похожего.

— В таком случае вы низкий трус, родившийся, чтобы стать преступником! — с великолепной яростью крикнула Джейн. — Что бы ни говорило против меня, я остаюсь девушкой.

Келс стоял бледный и настороженный. Клэв старался вникнуть в смысл ее слов: затем он медленно повернулся к ней. Все мускулы его напряглись. Ни один разумный и кладнокровный человек не осмелился бы обратиться к нему в эту минуту.

Взгляд его вопрошающе скользнул по фигуре девушки. Как сопоставить ему ее вид с ее словами? Одно из двух тут должно быть ложью. Его горящие глаза лишали Джейн остатков мужества.

— Он принудил носить меня эти вещи, — пробормотала она. — Я пленница и... беспомощна.

С кошачьей ловкостью Клэв быстро отскочил назад. В его руках блеснули два револьвера. Его отвага так же поразила бандитов, как и напугала. Всю угрозу Келс постарался привлечь на себя.

— Я сдаюсь, — хрипло сказал он. — Она говорит сущую правду... Но если вы убьете меня, дело от этого лучше не станет. Девушке может стать от этого только хуже.

— О, только не стреляйте! — простонала Джейн.

— Выходите отсюда, — приказал Клэв. — Садитесь на лошадь и подведите другую к двери... Идите! Я увезу вас отсюда...

Искушение и ужас одновременно охватили Джейн, но у нее не хватило мужества сделать такую безнадежную глупость.

— Я остаюсь! — прошептала она. — Идите лучше вы.

— Торопись, девушка!

— Нет, нет!

— Значит, вы хотите остаться у этого бандита? Вы любите его?

Сердце Джейн вспыхнуло от желания отвергнуть такое оскорбление, но вместо этого она печально опустила голову.

— Уходите, чтобы я не видел вас! — с тяжелым презрением воскликнул Джим. — Я было хотел спасти вас.

И снова повеяло от него прежним усталым презрением. Чтобы удержаться от крика, Джейн прикусила губу. Как могла она пережить такие муки?

Шаг за шагом она отступала, почти оглушенная, мучимая ужасным внутренним холодом. Добравшись до своей двери, она, шатаясь, скрылась за занавесой.

— Келс, ты правильно сказал, — Джейн слышала голос Джима откуда-то издали. — Только в делах с женщинами у меня не хватает винтика... Не обращай внимание на мое сумасбродство. Если я нужен тебе, то охотно вступлю в твой легион.

Глава XII

Всю ночь Джейн пролежала непокрытая, озябшая и несчастная. На утро, встав с постели, она чувствовала легкое головокружение и не твердо стояла на ногах. Ее руки дрожали; казалось, вся кровь прилила к голове, и дыхание причиняло боль. Сняла маску, вымыла лицо и расчесала волосы. Сначала ей пришлось в голову — выйти на улицу с непокрытым лицом, но потом она раздумала.

В это утро Келс был особенно возбужден. Он осыпал ее комплиментами и сообщил ей, что скоро они покинут это пустынное место и Джейн увидит тогда великолепнейшее из представлений — громадные прииски. Увидит людей, ставящих на одну карту все свое состояние, теряющих его и со смехом снова возвращающихся к своей тяжелой работе. По приезде в Фриско он обещал ей закупить всего, что только может пожелать девушка.

Было уже довольно поздно. Перед блокгаузом расхаживала группа бандитов, столь же взволнованных, как и Келс. Приготовления к отъезду уже начались. Как толь-

ко какой-нибудь всадник показывался на склоне холма, все тотчас же бросали работу и бежали ему навстречу. Имя Джесси Смита было у всех на устах. Каждую минуту мог он появиться и подтвердить соблазнительную весть Бликки.

Джейн казалось, будто глаза всех этих мужчин были ярко-желтого цвета, подобно блестящему золоту. Внезапно она заметила, что, несмотря на всеобщее волнение, в отношении к ней бандитов вкралась какая-то перемена.

Джейн решила заняться чем-нибудь. Сначала она помогала Бейду Вуду. Он весь дышал грубоватой приветливостью. Девушка совершенно не подозревала, что может кому-нибудь внушить жалость, как вдруг он шепнул ей: «Только не падайте духом, мисс. Может быть, все еще обойдется благополучно». Это замечание поразило Джейн. Его многозначительное киванье и подмигиванье, такое искреннее сочувствие — все это означало какую-то перемену, и ей захотелось немедленно выяснить причину.

Внезапно ее осенила мысль: еще вчера эти негодяи презирали ее, сегодня они выказывали уважение к ней. Значит, они поверили ее словам, с отчаянья брошенным ею в лицо Джиму. Они поверили в ее невинность, жалели ее и прониклись уважением к ее стремлению спасти молодого человека от жизни преступника. Они были бандиты, убийцы, потерянные люди, но у каждого, возможно, где-то еще имелась мать или сестра. Как бы они себя вели на месте Келса, это не играло роли. Благодаря какой-то особенной, странной черте в человеческом характере, эти отщепенцы ненавидели Келса за его поведение, но в себе они никогда не стали бы порицать того же самого.

В эту минуту взгляд Джейн упал на подходившего Джима Клэва. В его походке сквозила беззаботность и небрежность; с папироской в зубах, с синими кругами под глазами, он всем своим существом олицетворял полную распущенность. Сердце девушки болезненно сжалось. Она чувствовала себя достаточно смелой, чтобы, подойдя к нему и сорвав маску, сказать: «Я — Джейн». Однако это должно быть последним выходом для нее. Внезапно обычный шум лагеря перекрыл громкий крик. Бандит громадного роста указывал на густые облака пыли вдали.

— Лошадь Джесси Смита! — заорал он во всю глотку. — Келс, выходи!

— Что случилось? — воскликнул выбежавший Келс. — Ого! Кто это там скачет без седла?

— Несется, как дьявол!

— Бликки! — гаркнул длинноногий. — Келс! Я вижу лошадь Джесси Смита.

Келс издал гортанный ликующий возглас. Взволнованная болтовня мужчин сменилась сдержанным гулом. Бликки мчался вверх по холму. Он низко висел на боку своей лошади, словно индеец, и вместе с лошадыю со страшным стуком въехал прямо на террасу. Бандиты разбежались в разные стороны. Испуганная лошадь уперлась и начала бить копытами. Лицо Бликки было серым, глаза бросали дикие взгляды.

— Джесси тут! — хрипло крикнул он Келсу. — Свалился с лошади... измучился. Он требует тебя... и всю банду. Он видел на целый миллион долларов золотого песку.

Сначала наступила тишина, а затем все разом закричали и задвигались. Бликки круто повернул лошадь. Келс бросился бегом, а за ним последовала и вся его взволнованная свирепая свора.

Джейн тут же решила использовать представившуюся возможность. Всю эту возбужденную сцену она проследила от начала до конца, не выпуская из вида Джима Клэва. Когда все побежали, он тоже было поднялся, чтобы последовать за своими товарищами. Но Джейн подбежала к нему и схватила его так крепко, что он даже пошатнулся от неожиданности.

— Мне нужно поговорить с вами!.. Там под кедрами, сейчас же, — прошептала она, задыхаясь от волнения. — Дело идет о жизни и смерти, обо мне!

Едва только она выпустила его руку, как он сделал движение, чтобы схватить край ее маски; однако она ловко увернулась.

— Кто вы? — резко спросил он.

Келс и его люди, перепрыгивая по очереди через ручей, удалялись все дальше и дальше. Им ничего больше в мире не хотелось, как поскорее услышать от Смита о богатстве новых приисков.

— Идемте! — воскликнула Джейн. Она обогнула угол блокауза и остановилась, чтобы посмотреть, после-

довал ли за ней Джим. Он послушался ее. Тогда, завернув за дом, Джейн взбежала вверх по холму и у первых деревьев снова остановилась. Клэв следовал за нею, и девушка, задыхаясь, спотыкаясь, побежала дальше. Наконец, они очутились среди группы кедров и сосен, которые вскоре скрыли из их глаз крыши разбойничьих блокгаузов. Джейн облегченно вздохнула, и в ее вздохе смешалось чувство радости и страха. Наконец-то! Внезапно дорогу преградил упавший кедр. Здесь она будет ждать. Так приятно прислониться к стволу дерева. Клэв приближался к ней громадной шагающей тенью. Никогда еще она не видела его таким. Еще секунда — и он тоже вышел на полянку.

— Скажите мне еще раз... — сказал он, запинаясь. — Мне кажется, что я пьян или сошел с ума.

Но Джейн не находила слов. Протянув свои дрожащие руки, она медленно подняла их к лицу и вдруг, тяжело дыша, сорвала свою маску...

— Джим!.. Джим!.. Это я! — едва прошептала она своими онемевшими губами.

— Джейн?! — прохрипел он.

Точно пантера подскочил он к ней, сильной рукой схватил за воротник ее жилета и, когда Джейн упала на колени, потащил ее за собой. Девушка изо всех сил боролась с его железной хваткой, но ворот блузы так сдавил горло, что она не могла издать ни одного звука. Джим не смотрел на нее, зато она могла хорошо видеть его. Все его тело сотрясалось от внутренней жестокой борьбы, лицо выглядело страшно, волосы стали дыбом. Он тащил ее за собой, как будто она была пустым мешком. Точно животное, выискивал он темную яму или угол, чтобы запрятать ее. Джейн задыхалась. Все предметы заволклись перед ее глазами, и она начала отбиваться почти инстинктивно. Внезапно петля вокруг ее горла ослабла; Джейн с хрипом втянула в легкие воздух; красная завеса спала с ее глаз. Она все еще лежала, а Клэв стоял перед ней, подобный серому демону, и направлял на нее свой револьвер со взведенным курком.

— Молись теперь о себе, да и обо мне!

— Джим!.. Господи, Джим... Ты и себя хочешь убить?

— Да. Но теперь молись — скорей!

— О, тогда я буду молить бога — не о себе, а об одной лишней минутке жизни... чтобы все рассказать тебе, Джим!

Лицо Клэва выразило невероятную борьбу, и рука, державшая револьвер, задрожала. Ответ девушки был ударом молнии в мрачную бездну его нестерпимых мук.

Джейн видела это и, подняв к нему свое лицо, протянула руки.

— Чтобы... все рассказать тебе... Джим! — молила она.

— Что рассказать? — зло крикнул он.

— То, что я невинна, что я такая же чистая, как и прежде... Дай мне все рассказать... О, господи, ты в заблуждении... в страшном заблуждении!

— Теперь я вижу, что я действительно пьян... Ты Джейн Рэндль. Ты в этой одежде, подруга Джека Келса. Даже не его жена! Ты — мишень для насмешек этих грязных бандитских рож. И ты еще смеешь говорить, что ты невинна, чиста?.. Тогда как сама же отказалась покинуть Келса!

— Я боялась... боялась, что тебя убьют! — простонала она, ударяя себя в грудь.

Все это казалось ему сплошным кошмаром, безумием, бредом пьяного. Видеть ее, Джейн, здесь, в этом вызывающем мужском костюме, на коленях, с протянутыми к нему руками, умоляющую верить в ее невинность...

Быстрые, несвязные слова слетали с ее уст.

— Ты только послушай! Я поехала за тобой на двадцать миль от Хоудли. Встретила Робертса, он поехал провожать меня. Его лошадь оступилась, и мы сделали привал. Затем неожиданно к нам подъехал Келс, с ним были еще двое. Они разбили лагерь возле нас. На утро Келс убил Робертса и увез меня. Затем убил и тех других, чтобы захватить меня целиком для одного себя... Мы проехали среди гор в ущелье... Там он напал на меня и я... ранила его. Но оставить его я не смогла... Не могла дать ему умереть!

Джейн страшно торопилась, говоря это, но, увидев Клэва, снова приобрела силу и дар речи.

— Келс выдает меня за свою жену, чтобы обмануть всех мошенников и Гульдена. Он хотел спасти меня от них. Однако они раскрыли тайну. Это Келс заставил

меня носить эту бесстыдную одежду. Келс ничем не обидел меня, ни он, ни другие. В нем сохранилось еще что-то хорошее, и я умею вызывать в нем этот остаток доброты... Он любит меня, и я больше не боюсь его... То было страшное время для меня, Джим, но я по-прежнему такая же девушка, какой ты знал меня... какую ты...

Клэв выронил револьвер и провел рукой по глазам, точно стараясь отогнать что-то.

— Но зачем... зачем... — спросил он, не веря себе, — зачем ты оставила Хоудли? Ведь ты же сознавала опасность?

Джейн твердо взглянула на него.

— Джим! — прошептала она, чувствуя, как с этим первым словом ее исповеди ее охватила дрожь и вся кровь прилила к ее шее и щекам.

— Джим! Когда в тот вечер ты поцеловал меня, я страшно рассердилась. Но едва ты ушел, как стала раскаиваться. Вероятно, ты... уже и тогда мне нравился, но я еще не знала... Ужасное раскаяние овладело мною, и я поехала в горы следом за тобой, чтобы спасти тебя от самого себя. И среди всех страданий, страха и ужаса я иногда... чувствовала... сладость твоих поцелуев. А вместе с долгими днями мучений и боязливого ожидания, со всем, что говорило мне о твоей ненависти к жизни, пришла любовь... Любовь, которой я никогда не буду достойна. Я решила найти тебя, спасти, отослать обратно домой... И вот я нашла тебя, возможно, уже слишком поздно, чтобы спасти твою жизнь, но не поздно для спасения твоей души. Я люблю тебя, Джим... Я люблю тебя и не могу досыта наговориться об этом. Мое сердце разрывается... Скажи, что ты веришь мне. И поцелуй меня... так же, как в тот вечер, когда оба мы были слепыми глупцами. О, как все это печально!.. Целуй меня, Джим, прежде чем я... упаду перед тобой... Если бы ты только поверил...

Слезы ослепили Джейн. Она бормотала бессмысленные слова, сама не сознавая, что она говорит. И тут, очнувшись, наконец, от оцепенения, Джим схватил ее в свои объятия. Джейн была близка к обмороку, почти в бессознательном состоянии. Он так крепко прижал ее к себе, что ее дыхание замерло, замерло и ее тело, и остановился пульс... Она слышала его хриплые отдельные возгласы, чувствовала биение сердца у своей груди. И он

начал целовать ее так, как она просила. Постепенно Джейн возвращалась к новой жизни, вся дрожа от счастья. Подняв свое лицо, она обхватила его шею и, ослепленная, целовала его страстно, нежно и пылко. Все ее сердце, вся ее душа вылились в этих поцелуях.

— Джейн!.. Джейн!.. Джейн!.. — бормотал он, как только их уста разъединялись. — Сплю я или пьян... или с ума сошел?..

— О, Джим, это я, я в самом деле! И ты обнимаешь меня, — шептала она. — Милый, целуй меня еще и скажи, что ты веришь мне.

— Верить?.. Я обалдел от радости... Ты любишь меня?.. Ты поехала за мной... И мои мысли... только одно глупое, низкое подозрение... Я должен был бы и так понять это, не будь я таким болваном!

— О, Джим! Довольно безумства. Нам надо спастись. Вспомни, где мы сейчас. Перед нами стоят Келс и его страшная затея.

Он уставился на нее, и его сознание медленно вернулось к действительности.

Наступила реакция. Если у Джима оставалось еще сколько-нибудь самообладания, то теперь он окончательно утратил его. Спрятав лицо у шеи Джейн, он плакал, тихо всхлипывая, глубоко потрясенный. Ей было жутко слушать его. Положив его руку к себе на грудь, она молила его собрать все свои силы. Но он был весь охвачен раскаянием. Это он вовлек ее в такое несчастье. Джейн поняла, что только сильная встряска может вернуть ему прежнее уверенное и разумное равновесие.

Оттолкнув его от себя, она взяла его за плечи так, что он вынужден был смотреть на нее, затем она пылко и страстно поцеловала его.

— Джим, если у тебя хватило мужества на то, чтобы стать дурным, то, значит, у тебя его хватит и на то, чтобы спасти девушку, которая любит тебя и принадлежит тебе!

Джим поднял лицо, и мгновенная бледность сменила краску его щек. Он понял тонкость ее сравнения.

— У нас только одно средство — бежать.

— Да, но это чересчур опасно.

— Теперь у нас есть неплохой шанс. Я достану лошадей, и мы выберемся отсюда, ибо новые события сейчас удержат всех этих бандитов тут на месте.

— Нет, нет! Я боюсь так рисковать. Келс тотчас же догадается о нашем бегстве и, как ищейка, бросится по нашему следу. И это еще не все. Я до обморока боюсь Гульдена. Не могу объяснить своего страха. Он примет участие в погоне. Никогда я не соглашусь бежать, пока Гульден в лагере... Джим, знаешь, что он сделал?

— Он людоед, я знаю. Его вид мне тошнотворен. Я пробовал убить его и жалею, что не сделал этого.

— Пока он здесь поблизости, я не могу чувствовать себя в безопасности.

— Тогда он должен умереть.

— Тише, тише! Ты должен только в крайних случаях прибегать к таким отчаянным поступкам... Слушай! Сейчас я пока в полной безопасности у Келса. Кроме того, он очень расположен к тебе. Выждем немного. Мы останемся у Келса, поедem вместе с ним на золотые прииски. Я уверена, что там нам представится более удобный случай. Свою роль тебе играть придется, но сделай это без пьянства и не затевай драк. А затем при первой возможности мы попытаемся бежать.

— А по-моему, у нас никогда больше не будет такого удобного случая для бегства, как сейчас, — возразил Джим.

— Тебе это только кажется, но я знаю, как обстоит дело. Говорю тебе, что Гульден только из-за меня разошелся с Келсом. Мне кажется, я умерла бы от ужаса, имея перед собой двести миль дикой гористой местности и эту гориллу за своей спиной.

— Но, Джейн, если бы ты отважилась на побег, то Гульден никогда бы не получил тебя живой, — серьезно заметил Джим. — Этого-то тебе бояться нечего.

— Я испытываю перед ним нечеловеческий ужас. Считаю его настоящей гориллой и уверена, что он утащил бы меня даже мертвую... Нет, Джим, давай подождем, предоставь мне выбрать момент. Доверься мне. О, Джим, раз мне удалось спасти тебя от участи бандита, то теперь я на все способна! Келса, Пирса или Вуда я еще смогу провести, и вообще каждого из них, всех, кроме Гульдена.

— Ну, а если перед Келсом встанет вопрос: следовать ли за тобой или спешить на прииски, то что он предпочтет?

— Он погонится за мною, — ответила она.

— Но ведь Келс с ума сходит по золоту. У него всего две страсти: овладеть золотом и проиграть его.

— Возможно. Но сперва он все-таки погонится за мной. Также и Гульден. В этих горах мы не сможем ехать так быстро, как они. Мы заблудимся, не зная ни тропинок, ни мест, где есть вода. Мы заблудимся, и нас поймают. Какой-то голос твердит мне, что не Келс найдет нас, а именно Гульден со своей бандой.

— Ну, как хочешь, Джейн, — ответил Клэв. — Но ведь ты осуждаешь меня на сущие пытки. Я должен оставлять тебя с Келсом и с этими бандитами. Это будет, пожалуй, еще труднее, чем вся моя жизнь здесь до сих пор.

— Джим, Джим, мне ничего не грозит, — воскликнула девушка убедительно. — Из двух зол — это меньшее. Жизнь обоих нас зависит от нашего благоразумия. И ради тебя, Джим, я хочу живой выйти из игры.

— О, моя любовь, как счастлив я слышать это из твоих уст! — воскликнул он, глубоко взволнованный. — Ведь я уже никогда не надеялся увидеть тебя... Но прошлое пусть и останется прошлым. С этого момента я начинаю жить сызнова. Я стану таким, каким ты хочешь, буду действовать так, как ты пожелаешь.

И снова Джейн властно потянуло к нему. Подняв свое покрасневшее лицо, она умоляюще взглянула на него, покорная, с чарующей и опасной лаской во всем своем существе.

— Джим, целуй меня и держи меня так же крепко, как и в тот вечер.

И не Джейн первая нарушила это обьятие.

— Найди мою маску, — сказала она. Клэв поднял с земли свой револьвер и немного погодя нашел и кусок черного фетра. Он держал его в руке с таким видом, как будто это была какая-то смертоносная штука.

— Завяжи мне ее.

— Джейн! — воскликнул он, выполнив ее просьбу. — Теперь никто не увидит твоего лица, но одежда твоя... слишком уж подчеркивает твои линии. И, черт возьми, я должен признаться, что ты красива, дьявольски хороша, очаровательна! Но я ненавижу это одеяние...

— Да, и я не терплю его. Но надо смириться, а ты постарайся меня больше не стыдить... А теперь прощай. Все время помни обо мне, как я о тебе...

С этими словами Джейн вырвалась и побежала из леса. По дороге она натолкнулась на свою лошадь и повела ее к блокгаузу. Многие из лошадей разбежались. Около блокгауза никого видно не было, но Джейн заметила группу мужчин во главе с Келсом, подымавшихся вверх по холму. Счастье улыбнулось ей. Вряд ли кто заметил ее отсутствие. Девушка только собралась с силами, чтобы добежать до своей комнаты и броситься на постель, изнемогая от слабости, волнения и чувства бесконечной благодарности. Наконец-то разрешилась вся невыносимая двусмысленность ее положения.

Глава XIII

Уже давно наступил полдень, прежде чем Джейн снова вышла из блокгауза и увидела, что бандиты не обращают на нее почти никакого внимания.

Келс рассказывал легкой походкой, с сияющими глазами, с поднятой головой, точно прислушиваясь к чему-то. Возможно, он слушал дьявольскую музыку своих грядущих надежд. Джейн нередко с удивлением смотрела на него. Даже бандит, придумывающий свои разбойничьи планы, может строить воздушные замки и радоваться жизни.

А тем временем все остальные, по двое и по трое, покидали лагерь. Каждая группа, сопровождаемая мулами и лошадьми, на этот раз так упаковала свой груз, как Джейн еще ни разу не замечала. Кирки, лопаты, старые сита, и в особенности сковородки, вывешивались на самых видных местах и должны были показать, что едут самые настоящие золотоискатели. Кругом царило лихорадочное оживление, и только за сияющим лицом Келса чувствовалась мрачная, угрожающая инициатива.

К заходу солнца в лагере остались только Келс, Пирс, Вуд, Джим Клэв и седоволосый Джесси Смит.

Когда Джейн проснулась на следующее утро, вся ее комната еще была полна серым мраком. Из большого блокгауза доносился шум, снаружи гудели голоса, и раздавался стук лошадиных копыт.

Джейн так долго собиралась, что Келс уже несколько раз окликал ее. С большой неохотой покидала она свое жилище, такое скрытое и надежное. Еще большой вопрос, удастся ли ей снова получить такое удобное помещение. Кроме того, расставаясь, девушка ощутила тихую привязанность к нему за все страдания и размышления, которые ей пришлось вынести здесь.

Серый мрак уступал место рассвету. Все мужчины, за исключением Келса, были уже в седле, а нагруженные лошади уже тронулись в путь. Задвинув грубую дверь блокгауза, Келс вскочил на лошадь и приказал Джейн следовать за собой. Взглянув вперед, она заметила, что третьим наездником от нее был Джим. Это обстоятельство придало совершенно иной характер утреннему выезду в Олдер Крик.

Смит двинулся из долины через горную расселину и сплошь усеянный валунами хребет в новое ущелье. Дорога была отвратительная. Некоторое время она шла по каменистому руслу ручья, где лошади скользили по мокрым и гладким валунам. Продвигались очень медленно, что утешало Джейн. Чем дольше они проведут в пути, тем лучше. Ведь там, в конце пути, их ждали Гульден, остальные разбойники, приисковый лагерь и тысяча неожиданностей.

Около полудня сделали привал с весьма оживленным настроением.

Во время обеда Келс заметил Джима.

— Послушай-ка, дружок, ты что-то вдруг повеселел. Никак тому виной наши проекты?

— Не совсем! — ответил Клэв. — Я перестал беспрерывно тянуть виски. По правде говоря, Келс, я уже начал ловить белых мышей.

— Я очень рад этому. Еще ни разу мне не встречался человек, который бы много пил и не терял при этом головы. Я тоже не выдерживаю долго, хотя обычно пью очень немного.

Услышав это, бандиты громко расхохотались, считая слова Келса шуткой. Келс и сам охотно смеялся, но несколько раз подмигнул Джейн.

Однажды Келс поручил Клэву оседлать лошадь Джейн. Пробуя ремни, Джим прикоснулся своей рукой к руке девушки. Это прикосновение наполнило ее сладкой

дрожью; она взглянула на Джима, но тот отвернулся. Вероятно, он не доверял своим глазам.

И снова начался бесконечный путь по ущельям. Тропинки были такие грубые и извилистые, что по расчету Джейн они проезжали не больше трех миль в час. Приходилось беспрестанно помогать своей лошади выбирать дорогу, и это целиком завладевало вниманием. Только с наступлением темноты был сделан второй привал. Джейн хотела было помочь в чем-нибудь, но Вуд посоветовал ей лучше отдохнуть. Все мужчины, и особенно Бейд Вуд, старались оказать ей всевозможные услуги, и только Джим Клэв держался в стороне из боязни выдать себя.

Джейн лежала закутанная в одеяла в нескольких метрах от костра. Однажды Келс обернулся в ее сторону, чтобы посмотреть, как отдалена она от них, и затем, понизив голос, рассказал какой-то анекдот. Окружающие захохотали. Пирс, в свою очередь, также что-то рассказал и тоже старался, чтобы она не могла услышать его. В своем оживлении они уселись плотнее, и Джесси Смит, по-видимому, большой весельчак, вскоре заставил их прямо взвыть от удовольствия. Джим Клэв громко хохотал заодно с ними.

— Послушай, Джим, а как ты справился со своей историей? — заметил Келс.

— С какой историей?

— Ну, с той, из-за которой ты явился сюда и дал мне счастливую возможность прикарманить тебя, — ответил Келс с принужденным смехом.

— О, ты говоришь о девушке?.. Само собой, я справляюсь с этим, но только тогда, когда не пьянствую.

— Расскажи нам, Джим, — сказал Келс с особым любопытством.

— Хорошо, — ответил Клэв, делая вид, что воспоминание причиняет ему боль.

— Я родом из Монтаны¹. Зимой охотник, летом золотоискатель. Однажды скопил кругленькую сумму, несмотря на то, что нередко спускал кое-что в картишки и на виски. Ну, само собой, там была девушка. Красавица, из-за которой я попал в скверную историю. Оставив все свои пожитки у нее, я отправился за золотом. По моем

¹ Монтана — штат, соседний со штатом Айдахо.

возвращении мы хотели пожениться. Я не показывался шесть месяцев, мне здорово везло, но в последний момент решительно весь мой золотой песок у меня украли. Когда я вернулся обратно, моя девица успела выйти замуж за другого, и все, что я у нее оставил, подарила ему. Я запил. А пока я пьянствовал, они принялись распускать обо мне паршивые слухи. Это было делом ее рук. Мне пришлось бежать, и постепенно я докатился сюда на границу.

Прослушав эту вымышленную Клэвом историю, Келс задумчиво отошел от костра и, закутавшись в одеяла, улегся неподалеку от Джейн.

На следующий день измученная кавалькада выбралась, наконец, из цепи гор, скал и колючего кустарника на широкую и пыльную дорогу, очевидно, совсем недавно проложенную, о чем свидетельствовали совершенно свежие пни спиленных деревьев. Видно было, что множество людей пользовалось этой дорогой.

Келс казался сильно взволнованным; Пирс выглядел настороженно, и глаза его рыскали кругом, точно глаза ястреба; Смит походил на ищейку, почуявшую след.

По краям дороги валялись груды тележных обломков, колес, посуды, ящиков, старого тряпья от палаток, занесенного ветром в кусты; мертвые мулы и ослы. Все выглядело так, как будто здесь только что проехала отступавшая армия. Вскоре дорогу пересекла тенистая речка. Перебравшись на другой берег, кавалькада тронулась по дороге, свернувшей теперь вдоль течения реки.

Несколько миль спустя дорога уперлась в поросшее соснами ущелье. Деревья совершенно скрывали от глаз края и почву ущелья. Пришлось проехать еще несколько миль, прежде чем бандиты снова выехали на открытую поляну, показавшуюся Джейн местом отвратительного пожарища. Однако такое опустошение являлось делом человеческих рук. Громадная поляна предназначалась для постройки жилищ. Но еще на целую милю не было видно ни одной палатки или хижины. Ущелье заворачивало направо, и большой серый выступ скрывал от глаз даль. Внезапно властный окрик Келса заставил всех остановиться. Джейн увидела, что они находятся высоко над обрывом. Внизу раскинулся приисковый лагерь. То было весьма интересное зрелище, и, вероятно, Келс на-

ходил его даже красивым; однако Джейн оно показалось еще более отвратительным, чем оставшийся позади вырубленный лес. Всюду, куда ни падал ее взгляд, виднелись груды земли, маленькие шалаши, кое-где палатки и изредка блокгаузы. И чем дальше она глядела, тем больше роились вдали эти неуклюжие приисковые постройки, своими черными и белыми крышами густо заполняя пространство.

— Ну, босс, что ты скажешь об этом? — спросил Джесси Смит.

— Это превосходит все, что я видел до сих пор! — ответил Келс взволнованно.

Пирс и Клэв тоже, не отрываясь, уставились вниз.

— Для нашего жилья я подыскал местечко по другую сторону лагеря. Там нам будет хорошо, — сказал Смит.

— А сейчас нам необходимо ехать по этой дороге?

— Ну, конечно! — ответил Смит, ухмыляясь.

Келс заколебался и провел рукой по своей бороде. Очевидно, он боялся быть узнанным.

— Борода делает тебя совершенно другим человеком. Кроме того, не думаю, чтобы ты был здесь так хорошо известен.

Натянув глубоко на лоб свою широкую шляпу, Келс приказал Джейн надеть маску.

— Ах, Келс! Никто и не взглянет на нас, когда мы будем проезжать. Здесь каждый занят только самим собой. Женщин тут тоже достаточно и без нее. Я недавно видел целую дюжину их, и все они были в вуалях.

Лежавший перед ними склон походил на громадный муравейник, полный торопливых суетящихся муравьев. То были люди, выкапывавшие золото. Подъехав ближе, Джейн увидела бородатых мужчин и совсем еще безусых юношей. На обоих берегах реки копошилась такая уйма людей, что, казалось, они должны были невероятно мешать друг другу; тысячи мужчин то и дело нагибались к воде, промывали землю и перетрясали ее. Все они были охвачены какой-то особенной напряженностью. У них не было времени поглядеть кругом себя. Обтрепанные, лохматые, с голыми руками и ногами, они стояли, низко согнувшись. На своем пути кавалькада встретила множество глубоких ям, полных таких же копошащихся и потных мужчин. Некоторые из ям были глубоки, другие

мелки, одни вырыты длинными проходами, другие — простыми дырами. Если решительно все землекопы находили золото, то значит оно было повсюду. Как молчаливы и сосредоточены были эти люди!

Но лагерь еще больше поразил Джейн. То был целый город плоских и пестрых блокгаузов, окруженных бесчисленным множеством палаток. Широкая улица делила его на две части; она кишела людьми и животными, как улей, и шумливостью своей напоминала сумасшедший дом. Тротуары были сделаны из грубо сколоченных досок, трещавших под тяжелыми сапогами пешеходов. Одни палатки стояли просто на земле, другие на деревянном фундаменте, третьи же на бревенчатых подстилах. Еще дальше начинались ряды блокгаузов, лавок и салунов. В конце улицы высилось большое здание со сверкающей золотой надписью «Last Nugget¹». Из дверей этого дома доносился визг скрипок, шарканье сапог и хриплые выкрики радости. Джейн увидела странных, разгульных мужчин и женщин, от одного вида которых содрогнулась. Ей навстречу попались также женщины, нагруженные мешками или ведрами, изможденные и опустившиеся, при виде которых ее сердце сжалось от жалости. Тут были и ленивые индейцы, и бородачи, очень походившие на членов шайки Келса, и игроки мексиканцы с темными лицами и большими остроконечными шляпами. Но больше всего в этом кипучем людском потоке было сухопарых, жилистых золотоискателей всевозможного возраста, в клетчатых рубашках, высоких сапогах и с заткнутыми за пояс револьверами. Сосредоточенные и хмурые, они протискивались сквозь толпу. То были выючные животные, несшие на себе всю тяжесть работы этого чудовищного улья; все остальные являлись трутнями и паразитами.

Проехав через весь город, кавалькада Келса остановилась в стороне от последнего строения возле маленького соснового перелеска, где по предложению Джесси Смита было решено построить блокгауз.

Это место как нельзя больше отвечало требованиям банды. Находясь всего в ста метрах от ближайших хижин, оно в то же время было совершенно скрыто от них.

¹ «Last Nugget» (англ.) — «Последний самородок».

В лагерь спускалась гладкая извилистая дорожка. Позади лагеря высилась гора, расщепленная узким густо засыпанным обвалившимися глыбами обрывом. Неподалеку от этого места протекал ручей. Почва была каменистая и считалась незолотоносной.

Когда настали сумерки, Келс обратился к своим людям с такой речью:

— Ты, Бейд, вместе с Джесси будешь сторожить лагерь. Ты, Пирс, посмотришь, не встретишь ли кого из банды. Но встречайтесь только в темноте... Ты, Клэв, пойдешь со мной, — затем повернувшись к Джейн, спросил: — Не хотите ли пойти со мной посмотреть на все достопримечательности этого лагеря, или останетесь здесь?

— Я с удовольствием пошла бы вместе с вами... если бы... не так ужасно выглядела в этом костюме, — ответила она.

Келс засмеялся.

— Ну, будьте уверены, на вас никто не обратит внимания и не говорит нам больше о своем «страшном» виде.

— Не можете ли вы дать мне какой-нибудь длинный плащ? — пробормотала Джейн.

Клэв молча подошел к своему седлу и, отстегнув пакет, принес ей длинный серый плащ. Джейн часто видела его, и он пробудил в ней воспоминания о Хоудли.

— Спасибо, — сказала она.

Плащ оказался длинным, колоколообразным. Джейн целиком потонула в нем.

— Скромность, конечно, прекрасное качество, но оно не всегда бывает выгодным для женщины, — смеясь, заметил Келс. — Поднимите воротник... Натяните шляпу глубже на лицо... Так. И если вас теперь не примут за молоденького парнишку, то я готов тут же проглотить всю одежду Денди Дейла и закупить вам гору шелковых платьев. Ха-ха!

Джейн почувствовала, что он тоже рад за нее, несмотря на то, что ее первый вызывающий костюм гораздо больше льстил его тщеславию. Иногда в ней пробуждалась почти нежная симпатия к этому человеку.

Наконец, они двинулись. Джейн ехала между Келсом и Клэвом. В темноте она взяла Джима за руку. Он едва не переломил ей пальцы своим пожатием.

Лошади с большим трудом пробирались вперед. Улица была изрыта ухабами и во многих местах завалена камнями.

Они проехали мимо шумных салунов, мимо большого ярко освещенного плоского дома с вывеской «Золотой самородок» и, наконец, достигли последней черты города. Острый взгляд Келса впивался в каждого встречного всадника. Он жаждал встретить своих бандитов. На обратном пути они остановились возле «Золотого самородка», и Келс сказал:

— Джим, стереги Джейн пуще глаз своих. Для меня она дороже всего золота, всего Олдер Крика.

Уцепившись с одной стороны за Клэва, Джейн, как испуганный ребенок, просунула другую руку в руку Келса. Это непосредственное движение тронуло его.

— Все будет хорошо, не бойтесь ничего, — прошептал он с нежностью.

Вначале Джейн увидела только одно громадное помещение, полное дыма, шума и людей. Келс медленно продвигался вперед. В зале стояла нестерпимая вонь, от которой девушку чуть не стошнило. То была сплошная завеса табачного дыма, пропитанная запахом рома, мокрой парусины и коптевшего керосина. Шум стоял такой, что можно было оглохнуть. Пьяные мужчины, бессмысленно гогоча, стучали и шаркали сапогами и ревели от какого-то непонятого удовольствия. В соседней комнате танцевали. Тут же кричала и волновалась толпа игроков. Тесно усевшись на опрокинутых бочках вокруг ящика, служившего столом, они потряхивали грязными мешками, набитыми золотом. Джейн увидела молоденьких юношей, разгорячившихся, осунувшихся и уже зараженных безумием азарта.

Внезапно она почувствовала, как Келс сильно вздрогнул. Поискав глазами причину, она вдруг заметила знакомые темные лица. Повернувшись к ней широченной спиной, сидел Гульден. Несмотря на запрещение Келса, бандиты все-таки собрались в одну компанию. Некоторые из них были сильно пьяны, но, заметив Келса, не показали и виду, что узнали его.

Вот Бликки и Биди Джонс прошли совсем близко один от другого, но как совершенно незнакомые. Затем Джейн увидела Чика Вильямса под руку с Бирдом, рас-

хаживавших взад и вперед с видом подружившихся золотискателей.

Постепенно выяснилось, что вся банда Келса до одного человека собралась в Олдер Крике.

— Сведите меня туда, — попросила Джейн, указывая на танцевальный зал. Келс послушно повел ее в менее заполненную зрителями залу. Неожиданно перед глазами Джейн запрыгали, завертелись и задрогались пары обезумевших людей. Танец их имел какое-то весьма отдаленное сходство с вальсом. Музыка почти пропадала в царящем гвалте. Вид танцевавших женщин мгновенно приковал внимание девушки. Подобных вульгарных жестов и взглядов она еще никогда не видывала, и это зрелище подействовало на нее, как нечто возмутительное, мерзкое и отвратное.

— Выйдем отсюда, — попросила она, и Келс тотчас же послушно выполнил ее желание. Пройдя через громадный зал, служивший столовой, они вышли на оживленную улицу и направились обратно домой.

— Теперь вы достаточно видели, — сказал Келс, — но это пустяки по сравнению с тем, что будет впереди. Это лагерь еще молодой и очень богатый. Золото здесь дешевле всего остального. Оно течет из рук в руки по десяти долларов за унцию. Покупающие его совершенно не следят за весами. Игроки — первейшие шулера в мире.

На следующий день Джейн встала очень поздно. Ее разбудил грохот сваливаемых бревен. С лесопилки лошади тянули громадные стволы спиленных деревьев и груды досок. Остов блокгауза был уже готов. Джим работал заодно со всеми. Девушка выбрала себе удобное и незаметное местечко между скалами и наблюдала за кипевшей работой.

Келс работал вместе со всеми и, видимо, хорошо знал это дело. Около полудня была готова дощатая крыша. После обеда приступили к обшивке стен. Вскоре после этого прибыла фура с целым запасом всевозможных покупок, заказанных Келсом. Помогая разгружать телегу, Келс рылся и искал что-то. Найдя, наконец, то, что ему было нужно, он подошел к Джейн и положил к ее ногам целую грудку больших и маленьких пакетов.

— Вот вам, мисс скромница, — сказал он. — Сделайте себе новые платья. Пока можете костюм Денди

Дейла забросить в угол, кроме тех дней, когда нам придется ездить... Кстати, меня теперь зовут Блайт, и если кто начнет расспрашивать, то вы моя дочь.

Всю вторую половину дня, часть вечера и весь следующий день Джейн так усердно занималась шитьем, что даже глаз не поднимала от работы. Наконец, платье было готово, и она с гордостью облачилась в него. Кроме умения шить, девушка обладала хорошим вкусом. Из всех мужчин, Бейд Вуд проявлял наибольший интерес к ее работе и даже дал пригореть обеду из-за этого.

В тот же вечер был готов и блокгауз. Он представлял собой одно большое длинное помещение с маленькой пристройкой позади, предназначенной для Джейн. Грубая дощатая дверь с замком, широкая скамья, устланная несколькими одеялами, и небольшая четырехугольная дырка в стене, выполнявшая роль окна — вот что представляла собой новая обитель Джейн. Своими собственными безделушками и некоторыми предметами, купленными для нее Келсом, девушка быстро сумела придать более уютный вид своему уголку. Увидев окошечко, Джейн тотчас же подумала, что Джим может незаметно приходить сюда и беседовать с нею.

Келс с внушительным видом объявил Джейн, что по собственной инициативе она ни в коем случае не смеет выходить из дома. На это Джейн ответила, что теперь она хочет снять с себя данное ему в Кэбин Галче обещание не делать попыток к бегству. Ей так горячо хотелось быть честной по отношению к Келсу. Выслушивая ее слова, он мрачно уставился на нее.

— Не делайте этого, вам худо придется, — сказал он. — Вряд ли Гульден посмотрит на вас, как на икону. Не забывайте его метода: пещера и веревка!

Инстинктивно или же с сознательной жестокостью, но он выбрал самое подходящее, чтобы заставить девушку содрогнуться от ужаса.

Глава XIV

На своем новом месте Джейн могла так же успешно следить за Келсом и его людьми, как это она проделывала в Кэбин Галче. Однако насколько Келс был раньше

непосредствен, настолько теперь он сделался осторожным и скрытным. По ночам к нему то по одному, то по двое приходили бандиты и о чем-то тихо сговаривались. Из всех этих разговоров Джейн удавалось расслышать только некоторые отрывки, но и этого было вполне достаточно, чтобы понять, что Келс во что бы то ни стало стремится обратить на себя всеобщее внимание. Олдер Крик должен почувствовать, что его посетил незаурядный человек. Такое желание она считала полнейшим безрассудством со стороны Келса. Этот бандит был великолепен в своей отваге. Несмотря на свое отвращение к его жутким и преступным намерениям, Джейн сильно интересовалась его дальнейшей судьбой.

На следующий день она напрасно выжидала удобный момент, чтобы попросить Джима с наступлением темноты придти к ее маленькому окошечку. К великому удовольствию Бейда Вуда и Рыжего Пирса, Джейн носила шитое для себя платье. Вуд одобрительно кивал головой, а Пирс заявил, что теперь она снова стала дамой. Эти два бандита так же интересовались судьбой Джейн, как она дальнейшей участью Келса. Девушку поражало, что отъявленный мошенник Пирс все чаще и чаще отпускал злобные словечки в адрес Келса. Это еще более казалось ей странным потому, что Пирс говорил совершенно искренне.

Когда Джим впервые увидел Джейн в новом платье, он так обрадовался, что в страхе, как бы он не выдал себя, она убежала от него.

Вскоре после этого Келс позвал ее. Его лицо выглядело как обычно: хмуро и сосредоточенно. Когда она вошла, Рыжий Пирс и Джесси Смит стояли возле него с солдатской выправкой, Джим Клэв сидел на пороге, а Вуд стоял, прислонившись к стене.

— Нет ли в тех вещах, которые я вам купил, какого-нибудь шарфа? — спросил Келс.

— Есть, — ответила она.

— Принесите его, — приказал он. — Захватите с собой и свою шляпу.

Джейн вернулась, неся оба названных предмета. Шляпа была та же самая, в которой она покинула Хоудли.

— Вот и отлично! Наденьте шляпу и навяжите шарф на лицо. Так! Теперь покажите.

Джейн выполнила все, недоумевающая, чего он хочет от нее.

— Я хочу замаскировать вас, но так, чтобы не скрыть ни вашей молодости, ни вашего прелестного лица, — сказал он и несколько изменил заложенные девушкой складки шарфа. — Так! Теперь вы заинтригуете любого мужчину... Наденьте шляпу, — Джейн повиновалась. Голос Келса зазвучал властно и требовательно.

— Сейчас вы отправитесь в городок. Идите совсем медленно вплоть до «Последнего самородка». Пересеките улицу и возвращайтесь обратно. Каждому мужчине, которого вы повстречаете, вы посмотрите прямо в лицо. Абсолютно ничего не бойтесь. Пирс и Смит будут совсем близко от вас. В случае чего они тотчас же подбегут к вам. Вы поняли меня?

Джейн кивнула.

Рыжий Пирс беспокойно замотал головой.

— Джек, — сказал он, — как бы ей не пришлось наслушаться миленьких словечек.

— Будешь ты, наконец, держать язык за зубами! — воскликнул Келс. — Я думал об этом. Она ничего не будет слышать. Джейн! — окликнул он девушку. — Возьмите немного шерсти или еще чего-нибудь в этом роде и заткните себе уши.

Сделав требуемое, Джейн снова вернулась к бандитам. Келс обратился к ней с какими-то словами, но слыша его глухой голос, она совершенно не различила слов. Она покачала головой, давая понять, что не понимает его. Повелительным движением руки Келс отослал ее на эту странную прогулку.

Дойдя до первых палаток, Джейн не удержалась и оглянулась. Пирс находился от нее в каких-нибудь двадцати шагах, и почти на таком же расстоянии от него шел Джесси Смит. Джейн догадалась, что Келс хотел привлечь внимание всех живущих в лагере мужчин на нее, но для какой цели это ему понадобилось, она еще не знала. Внезапно какой-то мексиканец обратился к ней, что-то быстро тараторя; он показывал ослепительно-белые зубы и поблескивал своими черными колючими глазами. Совсем молоденькие золотоискатели несколько раз заговаривали с ней. Идя по дощатому тротуару, Джейн встретила со многими мужчинами; большинство из них ни разу не взглянуло на нее. Однако когда она подошла

к салунам, то двое злобного вида головореза прицепились к ней. Джейн прибавила ходу. Но это очень мало помогло ей. Чем быстрее она шла, тем нахальнее становились увязавшиеся за ней молодчики. Неужели Келс нарочно хотел подвергнуть ее подобному испытанию?

Слов она их не понимала, но взгляды этих навязчивых кавалеров ни с какой стороны не могли польстить девушке. Ее охватило жгучее желание броситься бежать, но она принудила себя к размеренному шагу. Один из кавалеров упорно шел около нее. Джейн поняла, что он хочет познакомиться с ней и решила хорошенько отчитать Келса за эту проделку.

Дойдя до «Самородка», она перешла на другую сторону улицы и повернула обратно. Возле этого игорного притона стояли группы мужчин; в дверях царило сильное оживление. Внезапно от толпы отделился высокого роста мужчина весь в черном и быстро зашагал к ней, словно желая преградить ей дорогу. У него были маленькие жестокие глазки, такие же черные, как и его платье; он носил перчатки и в сравнении со всеми остальными выглядел опрятным и холемым. Он тоже что-то сказал Джейн и пошел рядом с ней. Испуганная девушка продолжала быстро идти, вперив взгляд вперед. Он упорно не отставал от нее, и его губы беспрестанно двигались. Джейн слышала отдаленный звук его голоса. Внезапно он взял ее за руку, очень небрежно, с некоторой доверчивостью. Но Джейн резко вырвалась от него и пошла еще быстрее.

— Гей, вы там! Оставьте девушку в покое!

Вероятно, эти слова были очень громкие, ибо Джейн услышала их совершенно отчетливо. Она узнала голос Рыжего Пирса и тотчас же, полная любопытства, оглянулась. Пирс тем временем догнал игрока в черном; спустя немного к ним подошли еще некоторые из мужчин. Девушка невольно остановилась. По жестам игрока она видела, что он всячески старался извиниться перед Пирсом за свое поведение. Однако Пирс метал гневные взгляды.

— Вот погодите, я скажу самому про ваши проделки! — крикнул он нарочито громко.

Джейн не стала больше слушать их. Она бросилась к дому почти бегом. Она не на шутку обозлилась. Келс не смеет пользоваться ею для своих мерзких планов! Она

быстро шагала вперед и, когда хижина показалась вдали, то с удивлением заметила, что Рыжий Пирс и Джесси Смит уже почти догнали ее. Джим Клэв по-прежнему сидел на пороге. Келс вышел на улицу. По его походке Джейн заметила, что он сильно взволнован. Вынув из ушей кусочки шерсти, она бегом пустилась к блокаузу и, запыхавшись, остановилась перед Келсом.

— Вы ничего лучшего не смогли придумать? — гневно крикнула она. Яркая и жгучая краска залила ее щеки. — Если бы я только догадалась, чего вы добиваетесь, то вы... не заставили бы меня пойти на это! Послать меня с такой возмутительной целью!.. Вы — не джентльмен!

Джейн прекрасно сознавала, что ее злобная маленькая речь и особенно последние слова были просто смешны. Однако на Келса они оказали должное впечатление. Его лицо по-настоящему залилось краской стыда. Он начал бормотать что-то, но не найдя точного объяснения, беспомощно умолк. Девушка презрительно обошла его и направилась в свою комнату. Она слышала, как Келс с целым потоком проклятий обрушился на Пирса, целиком обвиняя его в рассердивших ее столкновениях.

— Да ведь ты же сам хотел, чтобы ее кто-нибудь оскорбил! — горячо запротестовал Пирс.

— Ах, ты осел! — гаркнул Келс. — Я хотел, чтобы какой-нибудь парень лишь настолько бы приблизился к ней, чтобы я мог поклясться, что он оскорбил ее. Ты же дал ей рассказывать там до тех пор, пока ее в самом деле не оскорбили... Ах! Пирс, Пирс! У меня так и чешутся руки от желания пристрелить тебя!

— Тебе бы только стрелять! — огрызнулся Пирс. — Я выполнил твои приказания так, как я их понял... Но кроме этого я должен еще сказать тебе, что ты делаешься совершенно сумасшедшим, когда дело касается этой девчонки. Хочешь слушай, хочешь нет. Я всегда думал, что в конце концов из-за нее ты разругаешься со всеми нами, и теперь еще раз повторяю тебе это.

Сквозь дверь Джейн мельком видела, как Клэв быстро встал между обоими разгневанными мужчинами. Однако резких слов Пирса оказалось достаточно, чтобы вернуть Келсу его обычное равновесие. Обменявшись еще несколькими словами, они в сопровождении Джесси Смита отправились в лагерь. Девушка тоже вышла из

своей комнаты и подошла к двери блокгауза. Бейд Вуд сидел перед домом и курил трубку.

— Ну, и сыграли же с вами штуку, мисс, — сказал он, с участием обращаясь к Джейн.

— Для чего это ему понадобилось? — спросила она.

— А! Келсу просто нужен повод для громкого скандала, — ответил Вуд.

— Скандала?

— Ну, конечно, — сухо ответил Вуд.

— Но для чего же?

— А для того, чтобы занять видное положение, — прозвучал уклончивый ответ. — Рыжий Пирс попал прямо в точку: из-за вас Келс разругается с нами.

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что Келс пойдет налево, а банда — направо.

— Почему? Почему?

— Ах, мисс, есть тысяча причин для этого, — медленно произнес Вуд. — Во-первых, он уколошил Билла и Галловаея вовсе не потому, что те плохо обошлись с вами. Все мы отлично знаем, что вы прострелили ему спину и что вы не жена ему. С тех пор мы замечаем, как он все больше и больше нервничает. Организуя свой легион, он всей душой держится только за вас. Он убьет всякого, кто только лишний раз взглянет на вас... И вот благодаря этому, он перестал быть прежним Келсом и постепенно расходится со своей бандой. Рано или поздно, но наши дорожки разойдутся.

— Скажите, есть у меня истинные друзья среди вас?

— Само собой.

— А вы, Вуд, друг вы мне или нет? — продолжала Джейн с очаровательной медлительностью.

Седоволосый бандит вынул изо рта трубку и, блеснув своими налитыми кровью глазами, пристально уставился на девушку.

— Конечно, мисс! Мигните мне только, и я выкраду вас из этого дома, прикончу Келса, все что захотите! Одно только словечко!

— О, нет, нет! Бежать я боюсь, и совершенно не требуется, чтобы вы причинили какое-нибудь зло Келсу. В конце концов, он ведь прекрасно обращается со мной.

— Прекрасно!.. А кто держит вас в плену, словно индеец, и велит мне сторожить и запирает вас?..

Возмущение Вуда казалось очень искренним. Однако Джейн отлично сознавала, что не смеет доверять ему так же, как Пирсу и вообще всем остальным бандитам. Их примитивные чувства бы изменились, попади она к ним в руки. Но несмотря на это, она все-таки решила извлечь какую-нибудь пользу из дружеского расположения Вуда.

— Итак, я нахожусь под строгим наблюдением? — спросила она.

— Очевидно.

— И не смею ни с кем разговаривать?

— Ба! На то я здесь, если вам угодно. Правда, это не совсем то, чего вам хочется. Но я могу рассказать вам не один десяток любопытнейших историй. А когда Келса нет поблизости и вы увидите, что меня не накроют за это, то можете делать все, что взбредет вам в голову.

— Спасибо, Бейд. Вы мне очень симпатичны, — искренне заметила Джейн и после этого вернулась обратно в свою комнату. Ее ждало шитье. Когда совсем стемнело, она отложила работу и встала к своему маленькому окошечку, следя глазами за закатом солнца.

Внезапно в конце тропинки Джейн заметила сидящую мужскую фигуру. Вглядевшись пристальнее, она узнала Джима. Он тоже смотрел на нее. Убедившись, что никого поблизости нет, она высунула руку и помахала ему. Джим осторожно, но вполне отчетливо показал, что заметил ее приветствие; спустя одно мгновение он встал и удалился. Для Джейн этого было вполне достаточно. Сегодня ночью они встретятся. Она почувствовала, как по ее телу прокатилась горячая волна восхищения. Таинственность и опасность такой встречи придавали ей в то же время особую сладость, глубокое наслаждение и трепетность.

Вскоре Бейд Вуд позвал ее к ужину. Пирс, Смит и Клэв тоже подсели к столу; Келс выглядел болезненно. Его лицо было бледно и влажно; тени лежали на нем, точно под его белой кожей находилось что-то темное. Джейн еще никогда не видела его таким. Он показался ей отталкивающим. Пирс и Смит держались вполне естественно: они много ели и охотно болтали о золотых полях.

Снаружи царила глубокая темень. Джейн прилегла, чтобы прислушиваться и ждать. Наконец мужчины покинули блокгауз. Спустя немного Бейд Вуд загремел своими горшками и сковородками. Он очень любил готовить, но мытье посуды ненавидел от всей души. Справившись со своим делом, он вышел на улицу, сел у порога и закурил трубку. Наступила глубокая тишина. Джейн поднялась со своей постели и подошла к окошечку.

Ей не пришлось долго дожидаться. Мягкие, почти неслышные шаги заставили биться ее сердце сильнее. Она высунула голову, и в тот же момент перед окошечком выросла темная фигура.

— Джейн! — прошептал Джим.

— Джим! — радостно воскликнула она.

Ее рука ощупью нашла его и по плечу скользнула к его шее. Его лицо выделилось из темноты, и губы их соединились. Джейн закрыла глаза. О, сколько надежды и силы черпала она в этом поцелуе!

— Джим! Я так рада, что ты, наконец, возле меня и я могу чувствовать тебя, — прошептала она.

— Ты меня еще любишь? — шепотом спросил он.

— Еще! Я люблю тебя все больше и больше.

— Тогда скажи мне это.

— Джим, мой единственный, я люблю тебя.

И снова их губы замирали в долгом поцелуе. И не он первым прерывал его.

— Ах, любимая моя, почему ты тогда не послушалась меня и мы поехали в этот лагерь.

— Но ведь я же тебе говорила почему. Я боюсь бежать. Нас обязательно бы поймали. И Гульден...

— Но здесь и в половину нет той возможности, какая была там. Келс поручил строго сторожить тебя. Он очень переменялся, стал хитрым и черствым. Всем же остальным золотоискателям здесь в Олдер Крике я еще меньше доверяю, чем какому-нибудь Вуду или Пирсу. Все охвачены безумием золотой горячки. Ведь этот лагерь вырос в одну ночь. Мне кажется, когда найдут богатую залежь, то люди уподобятся койотам, дерущимся около падали.

— Ах, Джим, я также боюсь будущего, как и ты. Но мы убежим отсюда. Узнай точно, где мы находимся, далеко ли отсюда до Хоудли. Может быть, с кем-нибудь можно подружиться в этом лагере?

— Подружиться? Вряд ли после того, что произошло сегодня, — шепнул он.

— А что такое? Расскажи, — быстро спросила Джейн.

— Неужели ты еще не догадалась, для чего Келс посылал тебя сегодня в лагерь?

— Нет.

— Ну, так слушай. Я отправился вместе с Келсом, Пирсом и Смитом. Они двинулись прямо к «Последнему самородку». Перед входом толпился народ. Пирс подошел к одному из мужчин, судя по одежде, игроку, и громко заявил: «Вот этот...» Игрок сильно вздрогнул, побледнел и схватился за свой револьвер. Но Келс опередил его... Он упал замертво прежде, чем успел издать хоть один звук. Сначала окружающие подняли страшный гвалт, затем настала мертвая тишина. Келс продолжал держать в руке свой дымящийся револьвер. Еще никогда не видел я его таким холодным и повелительным. Затем он повернулся к толпе и сказал: «Этот человек оскорбил мою дочь. Мои люди видели это. Меня зовут Блайт. Я явился сюда для того, чтобы скупить некоторые золотоносные участки. И теперь я заявляю вам: в Олдер Крике есть золото, но нет порядка. Необходимо, чтобы выборные как следует взялись за это и впредь всякая девушка могла бы свободно ходить по здешним улицам». Здорово, Джейн, а? На окружающих вся эта сцена произвела колоссальное впечатление. Когда Келс уходил, они громкими криками восхваляли его. Он хотел произвести впечатление энергичного и значительного человека и добился своего. В толпе не было ни одной физиономии, которая не глядела бы на него с явным почтением. Я даже видел, как некоторые из них пинали ногами мертвого игрока!

— Джим! — шепнула девушка. — Неужели он только ради этого и убил человека?

— Только ради этого. Кровожадный дьявол!

— Боже, значит это было хладнокровнейшее убийство!

— Нет, шансы обоих были равны. Келс дал игроку вытащить свой револьвер. В этом отношении я должен защитить Келса.

— Все равно... Я почти забыла, какое он чудовище.

— О, его цели видны как на ладони. Олдер Крик не ввел еще обычаев бессмысленного кровопролития. Весть о такой расправе молниеносно распространится повсюду, и внимание всех обратится на мнимого скупщика участков, Блайта. Его поступок толпа расценила как поступок честного человека, защищавшего честь своей дочери. Он завоевал всеобщее сочувствие. И кроме того, он говорил тоном богатого человека. Очень скоро на него начнут смотреть как на влиятельную величину. А за это время он начнет грабить лагерь, и никому в голову не придет заподозрить его. Его замысел так же коварен, как и он сам.

— Джим, а что если мы раскроем все эти преступления? — задрожав, шепнула Джейн.

— Я уже думал об этом. Но скажи сама, кому мы можем сообщить об этом? Меня сочтут за бандита, ты находишься у Келса. Ах, мне кажется, мы никогда не выберемся отсюда живыми. Эта мысль беспрестанно терзает меня.

— Джим, теперь ты будешь приходиться ко мне каждую ночь... не правда ли?

Вместо ответа он начал целовать ее.

— А что ты начнешь теперь делать? — со страхом спросила она.

— Я буду добывать золото. Я говорил об этом с Келсом, и он одобрил мое намерение. Он сообщил мне, что часть его плана с обязательной работой для каждого бандита не пришлась по вкусу его людям. Промывать золото — вовсе не легкая работа, гораздо легче красть его. Но я начну копать, и хотя бы для этого мне пришлось изрыть целую гору. Вот-то будет потеха, если я наткнусь на богатую золотую жилу.

— Джим, никак тебя уже схватила золотая горячка?

— Джейн, а если я в самом деле найду много золота, тогда... ты... выйдешь за меня замуж?

Нежность, неуверенность и тоска, прозвучавшие в голосе Клэва, яснее всего показали Джейн, как робко он надеялся и любил ее.

В темноте глядя его по щекам, она всем сердцем стремилась исправить и загладить все те страдания, которые она причинила ему. Она чувствовала его отвагу, столь сладостную и пленительную для нее.

— Мой Джим! — шепнула она. — Я выйду за тебя, безразлично, найдешь ты золото или нет.

И снова чудный сладостный миг. Затем Клэв вырвался, а она прислонилась к окну, следя за его тающей тенью.

С этого дня Джейн больше не выходила из маленькой комнатки. Келс по-прежнему был на ногах до глубокой ночи и вставал только среди дня. Посещать Джейн каждый день в обеденный час сделалось для него привычкой. Входя к ней, он выглядел мрачным и раздраженным, уходил же всегда приветливым и успокоенным. Он никогда ни слова не говорил с ней об Олдер Крике, о своем легионе или же о золоте. Всегда начиная с вопроса о ее самочувствии, он осведомлялся, не хочет ли она чего-нибудь, что он может принести ей. В его отсутствие Джейн всегда почему-то испытывала к нему неприязнь, но стоило ему появиться, как это чувство совершенно исчезало. Сознывая свое громадное влияние, она всегда держалась с ним дружелюбно и приветливо. Под влиянием ее живительной и чарующей близости он постепенно оттаивал и становился иным человеком; жесткая мрачность и напряженность бесследно исчезали с его лица. С глубокой искренностью в голосе он признавался Джейн, что мгновенный луч истинной любви, показанной ею ему в Кэбин Галче совершенно изменил его отношение к ней. Еще ни одна женщина так не целовала его, как она. Этот поцелуй преследует его днем и ночью. Если он не добьется от нее таких вот добровольных поцелуев, то совсем откажется от нее. Никогда в жизни больше его уста не поцелуют какую-нибудь другую женщину. И в безысходной тоске, мрачный, жаждущий человеческого понимания, он молил о ее любви. Джейн могла только печально покачивать головой. Она говорила ему, что жалеет его, что чем больше верит его любви, тем больше надеется, что он выпустит ее из своего плена. Однако в этих случаях он начинал горячо протестовать и говорить, что держит ее здесь как свою драгоценность; возле нее он может жить постоянной надеждой на то, что в один прекрасный день она полюбит его. Нередко, говорил он, случалось, что женщины начинали любить своих тюремщиков.

Но каждый вечер с наступлением темноты блокгауз становился местом таинственных сборищ и совещаний. Когда все уходило, Келс зажигал фонари. Нередко он

доставал маленькие кожаные мешочки, наполненные золотым песком, и прятал их под половицу. Затем, мягко ступая, принимался расхаживать взад и вперед, словно ягуар в клетке. С появлением Бейда Вуда, Пирса и Смита его настроение изменялось. Они дружелюбно играли в карты, и из их разговоров Джейн узнала, что Келс часто играл с богатыми золотоискателями и игроками, жившими в лагере, но, назначая большие ставки, крупно проигрывал. Иногда же ему удавалось выиграть какой-нибудь пустяк, и тогда он разражался торжествующим, хриплым воплем и, высмеивая Смита и Пирса, пускался рассказывать им, как он хитро сыграл на сей раз.

Джим Клэв нашел себе надежный ночлег в углу большого скалистого выступа. Выбрав наугад никем еще неиспользованную полосу земли, он начал свои раскопки. В первый же день он наткнулся на золото. Келс тотчас же скупил возле него несколько сажений и заставил своих людей работать там. Все они находили золотоносную глину, но только одному Джиму улыбнулось счастье. Келс распространил эту новость, и тотчас же в ту часть ущелья кинулся целый поток золотоискателей. Каждую ночь виделась Джейн с Джимом, и эти часы становились с каждым разом все сладостнее и горячее. Постепенно и Джима охватила золотая горячка.

Однажды ночью он пришел к ней, и едва их руки коснулись, как девушка поняла, что Джим сильно взволнован.

— Джейн! — прошептал он, торопливо прижимаясь губами к ее уху. — Я только что оказал большую услугу Келсу. Мне повезло!

— Расскажи, — шепнула девушка и еще ближе наклонилась к нему.

— Это случилось сегодня вечером в «Слитке». Келс играл как обычно с игроком, которого все называют Флашем. Он выгреб у Келса уйму золота, это первейший шулер. Я сидел возле и видел все. Келс проигрывал отчаянным образом, но великолепно владел собой. Как вдруг, он поймал Флаша и злобно закричал на него. Все кругом ждали, что Келс вот-вот вытащит свой револьвер. Но нет! Прямо поразительно, до чего игра захватывает его. Швырнув Флашу свирепое проклятье, он только приказал ему вести себя прилично. А как тебе известно,

такое предупреждение для прославившегося игрока хуже самой смерти. Ну вот, он и вытащил свою погремушку. Для Келса выхода уже не было. Но Флаш, чувствуя свое превосходство, начал еще разглагольствовать. Это-то и было его ошибкой. Я подскочил, вышиб револьвер у него из рук и как следует хватил его... он так и не поднялся... Келс же созвал людей, показал им лежащие на столе карты и совершенно хладнокровно еще раз обозвал Флаша шулером. Затем он обратился ко мне, я никогда не забуду, как он выглядел: «Дружище, этот Флаш хотел сейчас прикончить меня. Я совершенно забыл о моем револьвере, понимаешь?.. В следующий раз, когда мы встретимся, я застрелю его... Но если я обязан кому-нибудь своей жизнью, то я никогда не забываю этого».

— А ты был вполне прав? — спросила Джейн.

— Конечно! Флаш — шулер. Уж лучше быть бандитом.

— Но Флаш начнет выслеживать тебя, — боязливо заметила девушка.

— Вероятно! И если он найдет меня, пусть не медлит. Но не беспокойся, Келс либо выгонит его вон из лагеря, либо прикончит.

Следующей ночью Клэв рассказал Джейн о таинственных проделках Пограничного легиона. Это название сделалось известным, никто не знал каким образом, и с тех пор Олдер Крик больше не знал покоя. Накрыть разбойников было совершенно невозможно, тем более, что все обворованные безжалостно убивались ими. Страшный легион работал неспешно и скрытно. Маленькими кражами он не занимался. Он всегда имел самые точные сведения о каждой лишней унции золотого песка. Двоих золотоискателей, отправившихся по дороге в Баннек, нашли совершенно изрешеченными. Золотоискатель по имени Блэк, не желавший доверить свое золото спешной почте и, несмотря на советы друзей, все-таки покинувший Олдер Крик, исчез бесследно; больше о нем никто никогда ничего не слышал. Четверо других были убиты и ограблены в их же собственных хижинах. Еще одного нашли мертвым в кровати.

В Олдер Крике настали кошмарные кровавые дни. Днем неизвестные разбойники выведывали, у кого из золотоискателей есть золото, а по ночам убивали их. Люди начали подозревать один другого, следили, шпио-

нили, проводили все ночи почти без сна. Однако разбой продолжался. Каждые два дня что-нибудь случалось, и каждый раз не оставалось ни малейшего следа. Мертвые не болтают, как говорил Гульден.

Но несмотря на эти ужасы, население Олдер Крика возрастало с каждым днем. Не уменьшалась и его мрачная хроника. Вместе с недоверием появился страх, а со страхом пришла ненависть. Эти чувства распалили ад в душах людей, уже и без этого одичавших и испорченных. Жуткие проделки таинственного легиона тонули в кровопролитных играх, в кабаках и кровавых драках на улице, происходивших среди белого дня. Людей пристреливали и продолжали раздавать карты. Трупы вытаскивались и по грубому полу тянулась широкая полоса крови, но танцы не прерывались ни на минуту. Охота за золотом принимала все более широкие формы. Почти ежедневно находились новые богатые жилы. Наступили дни, когда золото, кровь и спирт перемешались.

Однажды после обеда, лежа на своей постели, Джейн услышала топот тяжелых сапог и гул взволнованных мужских голосов. Встав, она выглянула в щелочку.

Внезапно в комнату Келса ворвался Рыжий Пирс; его глаза дико блуждали, и он отчаянно размахивал руками.

— Келс! Ты слышишь? — хрипло крикнул он.

— Тише, ты! — спокойно ответил бандит. — Меня зовут Блайт... Что случилось?

— Джим Клэв нашел слиток, какого еще никто не выдывал во всем Айдахо... В тридцать фунтов!..

Глаза Келса загорелись страстью.

— Bravo, Джим! — крикнул он звенящим голосом.

В эту минуту в хижину ввалилась целая толпа бандитов. При виде Гульдена сердце Джейн ущипнул знакомый холодок. Впервые видела она этого колосса не сонным и не безразличным. Его громадные глаза сверкали. Вся толпа бандитов походила на стаю волков, приготовившуюся броситься на свою жертву.

— Где Джим сейчас? — спросил Келс.

— Он идет сюда, — ответил Пирс. — Его находка остановила всю работу. Новость полетела словно дым по ветру. Каждому вдруг понадобилось взглянуть на этот слиток.

— Тридцать фунтов золота! Однажды я слышал о слитке, который весил шестьдесят, но самому мне не довелось увидеть его, — воскликнул Келс.

В эту минуту на пороге появился Клэв; его глаза сияли подобно двум громадным бриллиантам. Вид его наполнил Джейн дрожью восхищения. В одной руке он держал револьвер, а в другой какой-то предмет, обернутый его носовым платком. Этот предмет Джим бросил на стол. Раздался тяжелый, глухой удар. Концы платка распались, и глазам всех представился великолепный слиток золота, в некоторых местах покрытый черными пятнами, в остальных же поблескивающий хмурой желтизной.

— Ну, босс, как тебе нравится эта безделица? — с радостным смехом воскликнул Джим. Он ликовал, как маленький мальчик.

— Черт возьми! — вскричал Келс, ощупывая и царапая слиток ногтями, как будто желая убедиться, золотой ли он на самом деле. Вдруг его волнение сменилось безумной, искренней радостью.

— Джим! Дружище, тебе чертовски повезло! А ты еще жаловался на свои неудачи в любви. Да с такой штукой ты сможешь купить любую женщину!

— Найди мне ее! — задорно отозвался Джим.

Келс расхохотался.

— О, нет! Я не знаю ни одной, которая бы стоила столько, — заметил он.

— Но что я теперь буду делать с ним? — спросил Клэв.

— Ах, ты глупыш! Да то, что ты делал с золотым песком, ведь у тебя его немало.

— Проиграл... потерял... одолжил... раздарил и... немножко припрятал.

— Вероятно, ты точно так же поступишь и с этим слитком. Ты ведь отличный парень, Джим.

— Но ведь тут — уйма денег. Около семнадцати тысяч долларов!

— Ты справишься и с целым миллионом без чужих советов... Расскажи лучше, как ты наткнулся на эту находку?

— Несколько дней я совершенно бесполезно копался в своем участке, — начал Джим. — Работа была тяжелая. Мое место, по-видимому, было когда-то речным

дном, сплошь усыпанным камнями. Эта дыра не выходила из моей головы. Когда мою спину начинало ломить, и я уже не мог разогнуться, я оставлял ее, но, немного отдохнув, снова возвращался к ней. Тысячу раз повторял я себе, что в этой проклятой дыре больше нет ни одной крупинки золота, но я все-таки, как дурак, бежал туда и копал, копал до изнеможения. И вот сегодня моя лопата наткнулась на что-то; нагнувшись ближе, я увидел золотой блеск... Жаль, вы не видели, как я выскреб этот слиток. Я так громко завыл от радости, что все сбегались. Остальное было сплошным триумфом... А теперь это богатство мучает меня. Что я буду с ним делать?

— Ба! Отправляйся обратно в Монтану и как следует позли ту глупую девчонку, — посоветовал один из слышавших придуманную Клэвом историю.

— Выкопать или украсть — одно и то же! — проворчал Гульден.

Келс мгновенно побелел от злости. Клэв бросил на гиганта хитрый взгляд.

— Я точно того же мнения, — объявил Клэв. — Мы поступим так, как уславливались.

— Нет, черт возьми! — вскричал Келс. — Ты откопал это золото, и оно принадлежит только тебе.

— Тогда давай рассудим так, босс: четвертую часть тебе и столько же мне, а остальное разделим между бандой.

— Нет! — резко крикнул Келс.

— Джим, дружище, таких товарищей, как ты, я еще никогда не видывал, — удивленно промолвил Пирс. — Я отказываюсь от своей доли.

— И я тоже, — заметил Джесси Смит.

— И я с вами заодно, — сказал Чик Вильямс.

— Джим, и если мне придется подохнуть от тоски по водке, то и тогда бы я отказался от такой сделки, — с благородным презрением добавил Бликки.

Окружающие жестаи и словами выразили свой отказ. Вся эта сцена ясно доказала, что даже среди разбойников имеется понятие о чести. Однако Гульден и его приверженцы не проявили ни малейшего желания изменить свои взгляды.

— Поровну разделить среди всех, вот мое мнение, — свирепо буркнул он, вперив в слиток свои огромные глаза.

С мягкостью кошки Келс прыгнул к столу и изо всех сил хватил кулаком по его краю.

— Гульден, ты зашел слишком далеко, — злобно прошипел он. — И теперь ты поплатишься за это... Ни одной крупинки не получишь ты из этого слитка... Джим работал, как собака. И пусть он выроет еще целый миллион слитков, то и тогда я позабочусь, чтобы они достались только ему одному. Вы, подлые лентяи, не подозреваете, какую услугу оказал он нам. Нашей опасной игре он помог больше, чем вы и даже я. Его честная работа дала мне возможность легко сыграть роль добропорядочного человека. Все уверены, что он помолвлен с моей дочерью и таким образом создается мое настоящее положение. Попробуй-ка ты теперь отправиться в лагерь и поклясться, что Блайт не кто иной, как Джек Келс. Попробуй, и потом расскажи нам, что с тобой случится после этого... Баста, теперь слышали? В этой игре только один я раздаю карты...

Запугать Гульдена Келсу не удалось, ибо чувство страха совершенно отсутствовало у этого колосса, но силой своего ума Келсу нередко удавалось укротить его.

Хмуро и свирепо Гульден двинулся к двери, и вся его сволочная команда, своим молчанием доказавшая ему свою верность, поплелась следом за ним.

— Разрыв готов! — объявил Рыжий Пирс.

— А как бы ты поступил на моем месте? — рявкнул Келс.

— Джек, не ори, я согласен с тобой. Ты поступил честно. Я могу желать только того, чтобы ты и со мной так же поступил... но вот зачем ты втянул в игру девушку...

Страстный, угрожающий жест Келса заставил его умолкнуть.

— Джим, — серьезно сказал Келс. — Послушай меня и спрячь свой слиток. Не вздумай послать его в Баннек, он никогда не дойдет туда... И еще — перемени место своего ночлега.

— Спасибо за совет, — весело ответил Клэв.

Спустя несколько часов Джейн стала ожидать Джима. Ночь была настолько тиха, что она отчетливо слышала плеск измельчавшей реки.

Внезапно темная фигура вынырнула из глубины ночи, и горячая рука схватила руку девушки.

— Джейн! Дорогая! Теперь я богат. Слышишь, богат! — страстно зашептал Джим.

— Шт! — нежно остановила его подруга. — Будь осторожен. Ты сегодня совсем лишился рассудка... я видела, как ты прибежал с золотом в руках и все слышала... О, ты мой счастливый Джим! Хочешь я скажу тебе, что сделать с этим золотом?

— Любимая моя! Оно принадлежит только тебе одной. А теперь ты выйдешь за меня замуж?

— Послушайте, мистер. Неужели вы считаете меня какой-то охотницей за золотом? Я должна выйти за тебя потому, что у тебя есть золото? Ни за что!

— Джейн!

— Я сказала — нет.

— Я не хочу сейчас уезжать отсюда. Я буду работать, работать и работать!

И как девушка ни старалась заставить его вести себя осторожнее, он не слушал ее. Надежда на новые находки лишила его самообладания и пробудила в нем дух противоречия; он сделался упрямым и нелогичным. Джейн с ужасом заметила, что яд золота уже вьелся в его кровь. Слушая его взволнованную речь и боясь, что их услышат, она ничем больше не смогла унять его, как только крепко целовать в губы.

Глава XV

Много ночей подряд встречались они, и каждый раз Джейн только лаской смиряла порывистость своего возлюбленного. Однако при том приподнятом душевном состоянии, в котором находился Джим, эти нежности были серьезной ошибкой с ее стороны. Сама того не замечая, Джейн бросила искру в пороховую бочку.

Однажды ночью, желая немного облагоразумить его, она вдруг встретила в нем совершенно обезумевшего человека.

— Я вытащу тебя из этого проклятого окошка! — грубо крикнул он и, прижав свое пылающее лицо к ее лицу, попробовал привести свою угрозу в исполнение.

— Лучше разорви меня на куски! — с отчаянием ответила Джейн. — Ах, зачем я не могу умереть. Ты... ты... делаешь мне больно!

— Больно! — хриплым шепотом передразнил он ее. И вдруг егохватило раскаяние. Он начал просить у нее прощения; его голос звучал надломлено, умоляюще и хрипло. Его раскаяние так же, как и все его другие чувства, были теперь гипертрофированы золотой лихорадкой.

— Ты часто виделась с Келсом за эти дни? — неожиданно спросил он.

Уже давно со страхом ожидала она этого вопроса.

— Да, каждый день, — прошептала она. — Но ради бога, Джим, не беспокойся. Келс ведет себя вполне прилично, по-товарищески... Не стоит говорить об этом, у нас с тобой так мало времени, чтобы побыть вдвоем.

— О! — воскликнул Клэв, задрожав всем телом. — Если бы ты только знала, какие приказания отдает Келс своей банде, ты бы... ты бы убила его спящего!

— Расскажи, — попросила девушка.

— Нет... А что Келс делает, когда каждый день приходит к тебе?

— Мы болтаем.

— О чем?

— О, обо всем, кроме того, для чего он поселился здесь. Он разговаривает со мной, чтобы хоть немного забыться.

— Он ухаживает за тобой?

Джейн молчала. Ну, что ей было делать с этим безнадёжным, сумасшедшим Джимом?

— Отвечай! — руки его так грубо схватили Джейн, что она даже пригнулась. Однако у нее еще хватило столько мужества, чтобы гневно ответить ему.

— Ухаживает ли? Ну, конечно!

— А-а! Я положу этому конец! — скрежеща зубами, промолвил Джим. Его глаза дико блестели в темноте.

— Ты не смеешь. Я принадлежу Келсу.

— Принадлежишь ему! По какому праву?

— По праву захвата. Сила является здесь правом. Ты сам тысячу раз твердил мне об этом. Правда, Келс насильно увез меня, однако в данную минуту я являюсь его собственностью. Из всех мужчин, которых я встретила здесь, он менее всех заражен золотой горячкой. Правда, он посылает на страшные убийства свою банду и ради золота он готов продать свою душу, чтобы тотчас

же проиграть его... Но не смотря на это, он гораздо мужественнее и благороднее, чем...

— Джейн! — сурово оборвал ее Джим. — Ты любишь этого бандита.

— Ты дурак! — разозлилась она.

— Да и мне это тоже кажется, — мрачно сказал он, выпуская ее из рук. Девушка испуганно уцепилась за его рукав.

— Джим, куда ты?

Он рванулся от нее. Джейн что было силы притянула к себе его руку.

— Куда... Куда ты, Джим?

— В дом.

— Зачем?

— Я убью Келса!

Обхватив его шею обеими руками, Джейн крепко прижалась своей головой к его груди. Ее ум отчаянно напрягся, придумывая выход из этого давно ожидаемого ею критического момента. Но что могла она сделать? Страшная власть золота была сильнее ее. Люди становились воплощением злых страстей. Жажда обогащения разъедала их души. Женщины перестали быть людьми — их только желали и только из-за этого боролись за них.

Внезапно вспомнив о Гульдене, Джейн принялась по своей старой привычке уговаривать и умолять Джима. Но все было напрасно. Он упрямо клялся, что убьет всех, кто встанет ему поперек дороги. Он точно обезумел и не слушал ее, когда она рисовала ему все ужасы в случае его неудачи. Под конец он даже принялся высмеивать ее болезненный страх перед Гульденом.

— Господи, Джим. Ты надрываешь мне сердце. Что мне делать, что делать? — умоляюще шептала Джейн. Выпустив его из своих объятий, она беспомощно поникла. Клэв молчал. Казалось, он совершенно не слышал ее рыданий. Внезапно он низко нагнулся к ней.

— Есть одна вещь, которую ты можешь сделать, и тогда я не убью Келса. Я буду слушаться тебя беспрекословно.

— Что это такое? Скажи мне.

— Давай поженимся, — прошептал Клэв, и его голос задрожал.

— Пожениться! — воскликнула пораженная Джейн. Она серьезно начала опасаться, не сошел ли Джим с ума.

— Я говорю совершенно серьезно. Хочешь ты этого? Ведь тогда все будет выглядеть совершенно иначе. Я стану увереннее и наберусь терпения... Скажи, ты не хочешь быть моей женой?

— О, Джим! Я была бы счастливейшей девушкой в мире, если бы... если бы только могла выйти за тебя замуж! — с тихим вздохом шепнула Джейн.

— Но ты хочешь, хочешь этого? Скажи, да!

— Да, — ответила девушка. — Но скажи на милость, как мы можем сделать это?

Под лаской ее дрожащих, нервных рук Клэв как будто вырос и окреп. Затем он вдруг принялся целовать ее, как никогда еще не целовал до сих пор.

— Слушай! — прошептал он. — Там, в лагере, живет священник. Я не раз бывал у него и говорил с ним. Он пробует творить добро в этом аду. Я могу всецело положиться на него. Я все расскажу ему и завтра вечером, приблизительно в это же время, приведу его сюда. О, не бойся, я буду очень осторожен. Здесь, вот у этого самого окна он повенчает нас. Джейн, хочешь ли ты этого?.. Венчанье станет моим спасением... Я исстрадался за эти дни. В моем уме всегда копошилась мысль, что ты никогда не будешь моей женой, хотя и уверяешь, что любишь меня. Моя жена!.. Помни же, девушка, твое единственное слово снова сделает меня человеком.

— Да, да! — и Джейн ото всей души поцеловала своего дрожащего заблудшего Джима.

— Жди меня завтра в это же время, — прошептал он.

Наступивший день тянулся нестерпимо. Джейн впервые отказалась принять у себя Келса; его огорчение по этому поводу коснулось ее весьма отдаленно. Она больше не прислушивалась к тому, что происходило в соседней комнате. Даже громкий скандал между Келсом и его людьми не заинтересовал ее.

Когда совсем стемнело, она встала к своему окошечку. Вдруг послышались крадущиеся шаги, и мелькнула какая-то широкая тень. Мятащиеся мысли девушки вдруг перешли в одно острое ощущение мучительного напряжения.

— Джейн! Джейн! — тихий зов коснулся ее слуха.

Она откликнулась; дыхание ее замерло.

Сплошная тень вдруг раздвоилась, и обе ее части, бесшумно крадясь, росли у нее в глазах. Джейн уже не различала, которая из них принадлежит ее Джиму, пока наконец он не прикоснулся к ней.

— Милая, вот и мы. Это — священник, — сказал Джим, ликуя, как маленький. — Я...

— Тише! — остановила его девушка. — Слышишь?

В этот же час в комнате Келса собрались все члены его легиона. Джейн узнала его жесткий, повелительный возглас и резкий выкрик Рыжего Пирса.

— Хорошо, хорошо! Я буду вести себя тихо, — зашептал Джим. — Тебе придется ответить на несколько вопросов.

Джейн почувствовала на своем плече мягкую руку, и голос, каких она уже давно не слышала на границе, тихо обратился к ней.

— Как вас зовут? — спросил священник.

Она назвала себя.

— Может быть, вы расскажете мне кое-что о себе? Этот молодой человек очень... очень решительный, я не совсем уверен... хотел бы знать от вас...

— Я не могу много рассказывать, — торопливо сказала Джейн. — Я честная девушка, и ничто не препятствует мне выйти за него замуж. Я... я люблю его. Я хочу поддержать его, оба мы попали в ужасное положение, я не смею сказать большего.

— Вам больше восемнадцати лет?

— Да, сэр.

— Ваши родители не будут ничего иметь против этого молодого человека?

— У меня нет родителей, а мой дядя, у которого я жила, любит Джима. Он всегда хотел, чтобы я вышла за него замуж.

— Тогда подайте друг другу руки.

Джейн почувствовала, как пальцы Джима крепко ухватились за ее руку, и это было единственное, что в этот момент показалось ей реальным. Непроницаемо и мрачно сгустилась ночь вокруг этих двух черных фигур, стоявших перед ее окном. Где-то далеко слышался вой одинокого волка. Как сквозь сон слышала Джейн свой дрожащий голос, повторяющий слова священника. Еще несколько слов молитвы, и одна из фи-

гур, молчаливо поддавшись назад, потонула в черноте ночи.

— Любимая моя! — зашептал Джим. — Свершилось, свершилось... Поцелуй меня!

И он поцеловал ее с большим жаром, чем было до сих пор.

— Ах, Джейн! Неужели ты в самом деле выбрала меня... Я все еще не верю... Твой муж!

В эту минуту сонную тишину ночи расколол удар револьвера по столу.

— Где Клэв? — строго и повелительно прозвучал голос Келса.

Джейн ощутила, как мускулы Джима вмиг напряглись.

— Никак не могу выследить его, — ответил Рыжий Пирс. — Вот уже подряд сколько дней как он куда-то исчез и всегда в это время, каждую ночь. Какая-нибудь бабенка окрутила его.

— Он спит? Ты не можешь узнать, где он ночует?

— Нет.

— Но это дело он должен провести.

— Пфе! — насмешливо фыркнул Пирс. — Гульден клянется, что твой Клэв ни к черту не годится, и я говорю то же самое.

— Выйди на улицу и покричи его... Черт бы вас всех побрал, я докажу вам обратное!.. — раздраженно ответил Келс.

Джейн услышала стук тяжелых сапог и затем более мягкие шаги перед дверью блокгауза. Затаив дыхание, она прислушивалась к громкому стуку сердца Джима. Он стоял выпрямившись, как столб.

— Гэ-э-э-й, Джим! — пронесся резкий крик Пирса. Глубокая тишина словно покачнулась. Звук мощно грянулся о скалы, вдали загоготало насмешливое эхо.

Призыв Пирса был настолько повелителен, что Клэв совершенно позабыл о Джейн. Он исчез во мраке раньше, чем она успела что-либо сообразить и, полная страха, бросилась к щелке, проделанной ею в стене.

Большое помещение было ярко освещено несколькими лампами; дверь стояла раскрытой настежь. Джейн с первого же взгляда убедилась, что Келс сильно взволнован. Красавчик Оливер тоже утратил свое обычное добродушное настроение. Рыжий Пирс сидел молча,

мрачно уставившись на свою дымящуюся трубку. Джесси Смит беспрестанно хмурил лоб. Один только Бейд Вуд вполне безразлично относился ко всему.

Вдруг глаза всех мгновенно уставились на дверь. Джейн узнала быстро приближавшиеся шаги. Внезапно ее губы пересохли, и язык прилип к гортани.

Джим вошел в хижину с хорошо разыгранной усталостью.

— Здорово, ребята! — сказал он.

Никто, кроме Келса, не откликнулся на его приветствие. Умные глаза бандита с любопытством оглядели его. Во взгляде остальных поблескивало подозрение.

— Ты слышал голос Рыжего Пирса? — неожиданно спросил Келс.

— Эдакий рев и мертвый услышит, — грубо ответил Клэв. — Мне это очень не понравилось... Бьюсь об заклад, что в лагере все до одного слышали голос Пирса.

— Откуда ты узнал, что это именно он звал тебя?

— Узнал, и все тут!

Поведение Джима напомнило Джейн тот день, когда она впервые увидела его в Кэбин Галче. Теперь он был менее бледен и худ, но его глаза смотрели так же остро; что когда-то в нем казалось сумасбродной удачью, теперь выглядело неподдельной храбростью. Он пристально уставился на Пирса.

— Где ты попадаешь все эти ночи? — спросил Келс.

— Разве это тебя касается, когда я тебе не нужен? — ответил Клэв.

— Да, касается. Я посылал за тобой, но тебя нигде не могли найти.

— Я каждый вечер приходил к ужину.

— Ты отлично знаешь, что днем я не веду разговоров со своими людьми.

— Надо было сказать мне об этом. Как я мог знать?

— Да ты прав. Но где ты проводил время?

— В лагере, большей частью за картами. Вдобавок здорово проигрался накануне.

Грубые черты Рыжего Пирса перекосила насмешливая гримаса. Клэв вздрогнул, точно от удара плети.

— Но Пирс уверяет, что ты гоняешься за какой-то бабенкой, — продолжал Келс.

— Пирс лжет! — прошептал Клэв, и в мгновение ока дуло его револьвера крепко уперлось в бедро Пирса.

— Джим! Джим, не убивай его! — крикнул Келс, подскакивая к ним.

Красная рожа Пирса сделалась совершенно белой. Он застыл на месте и только с ужасом следил за револьвером Клэва.

— Можешь ты доказать свои слова? — тихо и размеренно спросил Джим.

— Клэв... я... ничего не знаю, — с усилием выдавливая слова из горла, пробормотал Пирс. — Я только так... Предположил... — медленно опустив револьвер, Джим отступил на шаг назад. С него было вполне достаточно признания Пирса, но Джейн почувствовала, что Пирс лжет.

— Будь впредь поосторожнее в разговорах обо мне, — сказал Клэв. Келс медленно выпустил сквозь зубы задержанный воздух и обтер пот со лба.

— Джим, ты не пьян сейчас?

— Нет.

— Но ты здорово обозлен.

— Конечно! Пирс хотел очернить меня в твоих глазах, не так ли?

— Нет. Ты не понял меня. Ни он, ни кто другой не в состоянии очернить тебя передо мной.

— Отлично! Я погорячился немного... Пирс, давай помиримся, если тебе не хочется продолжать ссору.

— Конечно, он помирится с тобой, — приказал Келс.

Пирс неохотно протянул руку. Оскорбленный приказанием Келса, он злобно блеснул глазами.

— Ну, Келс, зачем звал? — спросил Клэв.

— Ты — мой лучший козырь, Джим, — ответил Келс. — Ты поддержал мой план и дважды спас мне жизнь... Я многим обязан тебе... И если ты еще раз поддержишь меня, то в один прекрасный день я отблагодарю тебя за это. Хочешь помочь мне?

— Да, — твердым голосом ответил Джим, но при этом сильно побледнел. — Что случилось?

— Гульден развалил весь мой легион. Он перетащил к себе больше половины моих людей, и с тех пор они совершенно обезумели от пьянства. Теперь они

действуют вполне самостоятельно. Результат всего этого ты можешь себе легко представить. Кто-то из пьяниц проболтался, и теперь весь лагерь пышет мстостью. Ни одной секунды больше мы не можем поручиться за нашу жизнь. Я было решил провернуть одну грандиозную затею и после этого удрать на границу, но ни один из этих голубчиков не хочет теперь поддерживать меня в моих начинаниях! Все они хотят вести здесь свободную и беззаботную жизнь. Но я надеюсь, что еще не поздно. Пирс, Оливер, Смит — все лучшие люди моего легиона — еще верны мне. Если мы сплотимся, то, может быть, нам еще удастся одержать верх. Однако и они угрожают порвать со мной и только из-за тебя.

— Из-за меня? — изумился Клэв.

— Вся моя банда уверена, что ты обманываешь меня.

— В чем? — спросил Клэв.

— Они считают, что это ты проболтался обо всем и винят тебя в том проснувшемся подозрении, которое нарастает в лагере.

— Но они заблуждаются! — воскликнул Клэв громким, звенящим голосом.

— Я уверен в этом. Не забудь, что у меня нет и тени подозрения против тебя. Я готов клятвенно поручиться за тебя, но вот Пирс...

— Так, значит, это все-таки Пирс! — с угрозой процедил сквозь зубы Клэв.

— Он только высказал свое мнение, — быстро проговорил Келс. — На это он имеет такое же полное право, как и все остальные. Вернемся к делу... Все они считают тебя обманщиком только потому, что ты еще честен.

— Не понимаю, — медленно ответил Клэв.

— Джим, вспомни, ты свалился к нам как снег на голову, примкнул к моему легиону, но не сделался еще настоящим бандитом. Здесь ты был только честным золотоискателем. Это подходило к моим планам и принесло мне пользу. Но это не пришлось по вкусу моим людям. Ты работаешь каждый день, ты сделал богатую находку, и весь Олдер Крик уважает тебя. Но ты еще ни разу не сделал того, что приравняло бы тебя к банде. Ты никого не убил; из-за мешка с золотым песком не подсунил фальшивой карты, и это-то тебе и повредило в

глазах моих людей. Они не смотрят на тебя моими глазами. Только один я считаю тебя столь же отважным, как и честным. И вот они уверены, что ты предал нас. Ни Пирсу, ни вообще кому-либо из моих людей я не хочу сделать упрека. Это время многих лишило благоразумия. Они не видят ничего, кроме золота, виски и крови. Я лично рад, что в отношении тебя банда так заблуждается. Теперь она дает тебе возможность поддерживать меня.

— Дает возможность?

— Да, у них есть для тебя одно дельце. Хочешь ты взяться за него?

— Я должен, — ответил Клэв.

— Надеюсь, ты оправдаешь мое доверие.

— А в чем заключается это дело? — с усилием проговорил Клэв. Пот выступил на всем его теле, и мокрые волосы повисли над побелевшим лбом. Он вдруг утратил все свое прежнее мужество и превратился в мальчика, неуверенного в себе, загнанного и отчаявшегося.

Прежде чем ответить, Келс отвел свой взгляд в сторону.

— Ты знаешь золотоискателя по имени Грид? — торопливо спросил он.

— Парень, который всегда хрипит, короткий и широкий, вообще похожий на Гульдена, но только не такой громадный, с лохматой красной бородой? — спросил Клэв.

— Я никогда не видел его, — ответил Келс. — Пирс, верно ли Клэв описал его?

— Вполне, — ответил Пирс.

— Отлично! — продолжал Келс, постепенно увлекаясь своей темой. — Этот самый Грид носит на себе пояс, туго набитый золотом. Бликки никогда не ошибается. Партнер Грида на пару дней отправился в Баннек. Грид работает упорно, и после ужина любит соснуть. Самое лучшее время для этого дела, когда он загасит у себя огонь. Разузнай, которая палатка принадлежит ему. Завтра вечером, как только стемнеет, ты подкрадешься к ней, очень осторожно, выждешь удобную минуту... и быстро кончишь свое дело.

— К... как... кончу? — хрипло спросил Клэв.

Глаза Келса сверкнули холодно и колко. Думая о золоте, он совершенно позабыл о стоявшем перед ним человеке.

— Койка Грида находится по другую сторону палатки, как раз напротив засохшего дерева. Тебе не понадобится входить в палатку. Прорежь парусину, она старая и гнилая. Убей Грида своим ножом... возьми его пояс... Будь осторожен, отважен и ловок. Вот в чем заключается твоя миссия. Что ты на это скажешь?

— All right, — мрачно ответил Клэв и, тяжело ступая, вышел из комнаты.

После его ухода Джейн не покинула своего поста. Болея душой за Джима, она в то же время ни одной секунды не боялась, что он пойдет на это преступление.

Едва Клэв вышел, как Келс торжествующе взглянул на Пирса.

— Говорил я тебе, что парень послушается меня. Я еще ни разу не давал ему никакого поручения.

— Похоже на то, будто я в самом деле промахнулся, — ответил Пирс.

— Мне кажется, он препаршиво чувствовал себя, — заметил Красавчик Оливер. — Но Келс прав. Пирс, ты зря подозревал его.

— Возможно, но разве худо проверить парня лишний раз?

Все поддержали это замечание, и Келс тоже медленно наклонил голову.

— А у меня есть еще одно дельце для него, — ухмыляясь, заявил Джесси Смит.

— Ну, теперь пошло! — сказал Келс. — Что ты хочешь сказать?

— Банде постоянно мешает этот баран Гульден...

— Ты прав, — свирепо сказал бандит и одобрительно взглянул на Смита.

— Я никогда не боялся высказаться откровенно, — продолжал Смит, и усмешка сошла с его лица, оно сделалось хмурым и жестким. — Гульдена надо убрать, иначе мы все погибнем.

— Что ты на это скажешь, Вуд?

Бейд Вуд так поспешно закивал головой, как будто дело шло о его кулинарии.

— Оливер, а ты? — спросил Келс.

— Хо! Я с удовольствием взгляну, как Гуль закачается, — ответил Оливер.

— А ты, Пирс? — повернулся Келс к нему, и светлая улыбка озарила его лицо.

— Я готов хоть сейчас сказать да, но с одним условием, если мне не придется самому участвовать в этой игре, — ответил Пирс с жестким смехом. — Гульден так легко не расстанется с жизнью. Его пистолет осечек не знает. Держу пари, что если вам удастся загнать его в угол, то большинство из нас отправится ко всем чертям прежде, чем мы успеем уложить его.

— Никто не знает, где ложится на ночь Гуль, — заметил Оливер. — Его не застанешь врасплох. Рыжий совершенно прав. Как мы можем убить его?

— Если вы, ребята, захотите послушать, то узнаете, как это сделать, — ласково вставил Джесси Смит. — Это дело создано для Джима Клэва. Он сумеет выполнить его. До этих пор Гульден еще не боялся ни одного человека в мире, но Джим нагоняет на него страх, я не знаю чем. Джима необходимо натравить на Гульдена. Он вызовет его с глазу на глаз и прихлопнет... Клянусь вам!

— Джесси, это самая толковая идея, какую ты когда-либо высказывал, — певуче проговорил Келс. Его глаза сияли.

— И это станет вторым заданием Клэва? — с любопытством спросил Пирс.

— Да, — сурово ответил Келс.

Джейн долгое время не могла заснуть, но и пришедший сон был полон мучительных кошмаров.

Наконец настал день. В соседней комнате никого, кроме Бейда Вуда, не было видно. С наступлением темноты пришли Пирс и Смит, но Джим не появлялся. К ужину пришли Красавчик Оливер и Бликки.

— Вероятно, у Джима испортился желудок, — многозначительно заметил Вуд. — Он ни разу не показывался сегодня.

Некоторые из бандитов захохотали. Келса мучила совесть, как показалось Джейн. Его лицо было мрачно и угрожающе. Он ел меньше всех и, встав из-за

стола, принялся рассказывать по комнате. Казалось, он совершенно забывал о присутствии остальных бандитов. По временам он останавливался и, глядя на дверь, прислушивался. Он с нетерпением ждал Джима, но чего еще хотелось ему от него? Джейн слепо верила, что Джим сумеет провести Келса, Пирса и всех остальных.

Вдруг один из бандитов издал тихий возглас. В комнату молчаливо вошел Джим.

Сердце Джейн сделало внезапный скачок и затем снова замерло. Медленно распахнув свой плащ, он вынул черный длинный предмет и бросил его на стол. Он упал с глухим и тяжелым стуком. То был кожаный пояс, битком набитый золотом.

Увидев пояс, Келс больше ни одним взглядом не удостоил бледного Клэва. Его руки, словно когти, уцепились за пояс, поднимали, взвешивали и ощупывали его. Все бандиты, тоже позабыв о Клэве, обступили Келса и жадно глядели на золото.

— Двадцать фунтов! — с живостью вскричал Келс.

— Можно мне поднять его? — дрожа от алчности спросил Пирс.

Точно сквозь туман слушала Джейн их выкрики. Вид пояса наполнил ее душу медленно разраставшимся ужасом. Неужели страстное желание быть возле нее и спасти ее заставило Джима сделать такой страшный поступок?

Густая завеса застлала глаза Джейн и, пошатнувшись, она упала на свою кровать.

Глава XVI

Придя в себя, она почувствовала какие-то уколы на своем плече. Слегка вздрогнув, она решила, что ее жалит стоножка, но, протянув руку, нащупала тоненький прутик. Это Джим старался разбудить ее.

Девушка поднялась и, стараясь побороть сильное головокружение, подошла к окну. В ее мозгу мелькнуло жуткое воспоминание о кожаном поясе. Вынырнувший из темноты Джим крепко обнял ее. Ее тело не откликнулось на эту ласку. Тяжесть, давившая ее сердце, с каждой секундой делалась все невыносимее.

— Ну, и повозился же я, пока не разбудил тебя, голубка, — прошептал Джим, целуя ее. — Что с тобой? Ты холодна как лед.

— Я наверное... упала в обморок, — ответила Джейн.

— Отчего?

— Я глядела в щелку, когда... когда... ты...

— Ах, моя бедная детка! — с нежностью перебил он ее. — Сколько тебе пришлось пережить... Но я провел Келса... О! Я был хитер, как дьявол... Он велел мне убить человека. И как ты думаешь, что я сделал? Я хорошо знаю этого Грида. Прекрасный парень... Я взял да и выменял его пояс на мой слиток. Ловко?

— Ты... не убил его? — пробормотала она.

— Во истину ты — дитя! — с тихим смехом воскликнул Клэв.

Джейн уцепилась за Джима, вся дрожа от радости.

— Слушай! Мой слиток стоил гораздо дороже пояса Грида. Он это сразу смекнул. Сначала он не соглашался, но я уговорил его. Затем я посоветовал оставить лагерь на пару деньков и прокатиться в Баннек. Само собой, он начал любопытствовать, но я сохранил тайну... Взяв его пояс, я вернулся к Келсу и наплел ему, что поймал Грида в темноте, прикончил его и спрятал глубоко в яму, в реку... Ни Пирс, ни Келс не заинтересовались моим рассказом. Я пришел с поясом, и этого оказалось достаточно. Золото говорит громким языком и притупляет слух этих мерзавцев... У меня в кармане моя доля от золота Грида. Разве это не забавно? Конечно, мне жаль нашего слитка, но что поделаешь, приходится вести игру до конца. У меня в кустах спрятана целая коллекция банок с золотым песком. Что мы только будем с ним делать? Если нам удастся выбраться отсюда, то ты станешь богатой женщиной.

— Но, Джим, любимый мой, а ты слышал, что Келс говорил про твое второе задание? — прошептала Джейн со страхом. Клэв пробормотал какое-то проклятье. Она закрыла ему рот рукой.

— Ты слышала, как они говорили о Гульдене? — спросил он.

— Да.

— Очень жаль. Я хотел побережь тебя. Да, я уже получил и это задание. Но его мне нельзя ни отклонить, ни изменить.

Джейн с ужасом ухватила за Джима. Голос отказывался служить ей.

— Девочка, побереги свои нервы, — строго сказал Джим. — Не бойся за меня. Ты должна решить, когда мы бежим с тобой отсюда. Я послушаюсь тебя во всем.

— Но, Джим... Джим! — простонала она. — Ты такой же бешеный, как и эти бандиты. Ты совершенно не хочешь признавать опасности. О, этот страшный Гульден. Ведь ты же не вызовешь его открыто?.. Скажи, нет.

— Именно так я и сделаю. Я подойду к нему и убью его, — с упрямой решимостью прошептал Клэв. — Ты еще не знаешь, какой я отличный стрелок. Я и сам не знал этого, пока не попал сюда, на границу. Келс единственный, кто превосходит меня здесь. Гульден же просто громадный бык, тупой и злобный. Я сяду с ним играть в карты, придерусь и пристрелю его. И на этот раз он не отделается одним ухом. Келс поклялся все сделать для меня, если я помогу ему. И я помогу! Это может стать твоим спасением.

Джейн глубоко вдохнула воздух.

— Я чувствую, что над бандой Келса собирается гроза, — серьезно сказала она. — Нам надо бежать, бежать. Что, если мы ночью выйдем отсюда и утром по пути в Баннек встретим почтовую карету?

— Я уже думал об этом. Но нам нужны лошади.

— Ах, пойдем пешком!

— Но тогда нам придется тащить на себе продукты, револьверы и чуть не пятьдесят фунтов золотого песка.

— А ты заметил, что у Рыжего Пирса есть что-то на уме. Он более чем подозрительно относится к твоим ночным отлучкам. Помнишь его коварный намек на женщину? Боюсь, он подстерег нас. Верь в этом отношении инстинкту женщины. Пирс лгал тебе, когда уверял, что он ничего не знает. Твой револьвер вынудил его к этому. Смотри, опасайся его.

Но Клэв не отвечал. Отвернувшись, он не слушал ее. Его голова напряженно подалась вперед. Внезапно

Джейн услышала тихий шелест. Спустя немного шум снова повторился. Казалось, он шел от угла блока-гауза.

Джим молча отступил к темноте. Немного погодя послышались тихие, крадущиеся шаги, но Джейн не могла решить, принадлежали ли они Джиму или нет. Во всяком случае, они шли не с той стороны, куда он обычно уходил. Девушка наострила уши, но до ее слуха донеслись только далекие ночные возгласы.

Все следующее утро Джейн напрасно прождала Келса, он не пришел. За всю неделю это было уже третий раз.

Но незадолго до обеда она вдруг услышала его голос. Он о чем-то очень тихо и серьезно совещался со своими товарищами. Девушка только что собралась заняться подслушиванием, как шаги Келса раздались возле ее двери.

— Наденьте костюм Денди Дейла и выходите! — крикнул он.

Звук его голоса так напугал Джейн, что она сразу не нашлась, что ответить.

— Вы слышали? — резко крикнул он.

— Слышу!

После этого он вернулся к своим людям и снова начал шептаться с ними.

С большой неохотой достала она одежду мертвого бандита и надела ее.

Келс выглядел серым и озабоченным. Кроме него, в комнате находилось еще шесть бандитов. Джейн заметила, что все они были в плащах, перчатках и при шпорах. При взгляде на нее быстрый луч радости скользнул по лицу Келса.

— Я хочу, чтобы вы каждую минуту были готовы к отъезду, — сказал он.

— Почему? — спросила Джейн.

— Это может понадобиться, больше ничего, — уклончиво ответил он.

Его люди, всегда охотно глазевшие на девушку, на этот раз почти не взглянули на нее. Их глаза смотрели жестко, губы были сжаты. Красавчик Оливер начал пер-вый.

— Говорю тебе, Гульден клянется, что видел вчера Грида на улице при свете фонаря...

— Гульден, наверное, ошибся, — нетерпеливо заявил Келс.

— Он не из тех, кто ошибается, — ответил Оливер.

— Гуль видел, наверное, призрак Гида, — неприязненно заметил Бликки. — В своей жизни я видел их тоже немало...

Некоторые из бандитов мрачно кивнули головами.

— А, бросьте вы! — заявил Пирс. — Никогда Гульден не увидит привидений. Если он видел Грида, то значит он видел его живым.

— Правильно, Рыжий, — поддержал его Джесси Смит.

— Ну, что вы, ребята, — сказал Келс. — Ведь Джим принес его золото. Сами знаете, что Грид не отдал бы своего пояса за здорово живешь. Здесь какая-то ошибка.

— Гуль просто хочет испортить воздух, — вставил Бейд Вуд. — Я видел его всего какой-нибудь час тому назад и первый разговаривал с ним, а он уже откуда-то узнал, что Клэв прикончил Грида. Откуда мог он узнать это? Ведь это было нашей тайной. И больше того: Гуль рассказал мне, что Клэв получил приказ убить его. Откуда он только выкопал?.. Клянусь, что не от самого Клэва!

Лицо Келса из бледного сделалось зеленым.

— Клэв придет и разъяснит нам все это, — хмуро проворчал он.

— Я всегда говорил, что это двуличный парень, — сказал высокий светлый бандит по имени Бад.

— А ты скажи то же самое ему в лицо!

— Что же, буду даже рад.

— В таком случае ты либо пьян, либо просто дурак, — заявил Келс.

— В самом деле?

— Вот тебе и в самом деле! — гневно воскликнул Келс. — Клэв одним махом уложит тебя.

— Вот он идет, — резко сказал Пирс.

Быстрые шаги раздались перед дверью, и фигура Джима заслонила свет.

При взгляде на Джейн и ее костюм он слегка вздрогнул.

— Бад, вот Клэв пришел, ну-ка повтори ему то же самое, что ты нам сказал! — насмешливо воскликнул Рыжий Пирс.

Наступила внезапная тишина. Но Келс злобно подскочил к обоим мужчинам.

— Слушай, Рыжий, ты не забывайся! — прошипел он. — За последнее время ты сделался отчаянной задирой. Можно подумать, что тебе хочется развалить мою банду... Держи свою морду на привязи, Бад! А ты, Клэв, не обращай внимания на то, что он будет молоть. Слышали? Эти споры должны, наконец, кончиться.

— Хороший пример придется как нельзя кстати, босс, — сухо сказал Бейд Вуд.

Это замечание успокоило Келса.

— Джим, ты видел Гульдена? — резко спросил он Клэва.

— Нигде не мог найти его, — ответил тот. — Я был в салунах и игорных домах, где он имеет обыкновение торчать, но нигде не нашел его. Он в лагере, это я знаю наверное. Почему-то он вдруг вздумал скрываться.

— Гульден кое-что пронюхал, Джим, — серьезно сказал Келс. — Он только что объявил Вуду, что ты хочешь убить его.

— А, это радует меня. Но кто выдал меня? В банде есть какой-то парень, которому хочется прикончить меня... Меня вместо Гульдена.

Его сверкающие глаза обвели безмолвных мужчин и пристально остановились на Рыжем Пирсе. Последний спокойно выдержал его взгляд.

— Но Гульден и еще кое-что рассказал Оливеру, — продолжал Келс и рывком дернул Джима к себе, чтобы лучше видеть его лицо. — Гульден клянется, что вчера ночью видел живого Грида...

— Вот смешно! — ответил Клэв, не моргнув глазом.

— Вовсе не смешно. Наоборот, странно. Гульден слишком туп для вранья. Бейд уверяет, что он хочет поссорить меня с тобой. Но я сомневаюсь в этом. Гульден видел не привидение, а попросту спутал Грида с каким-нибудь золотоискателем.

— Надо полагать, если только Грид не воскрес, я ведь не сию на нем верхом и не держу его.

Келс отошел успокоенный. Но Пирса точно магнитом потянуло к нему.

— Джек тебя обманывает, — сказал он, похлопывая Келса по плечу, — и если ты хочешь, чтобы я высказался, то обещай мне, что никто не будет стрелять.

— Валяй, Рыжий, клянусь тебе, — заверил Келс, сверкнув глазами.

Бандиты переступали с ноги на ногу. Послышались глубокие вздохи. Джим оставался спокойным, и только глаза его странно сузились.

— Здесь есть кто-то, кто обманывает тебя больше всех, — начал Пирс, растягивая слова и не глядя указывая на Джейн.

Сильно вздрогнув, девушка прислонилась к стене. Она читала мысли Пирса. Он знал ее тайну и теперь собирався выдать ее и Джима.

— Пирс, что это значит? — спросил Келс.

— Девушка обманывает тебя, — ответил Пирс, и едва эти слова слетели с его губ, как он побледнел и заволновался.

— Пирс, я думал, наш разговор пойдет только о мужчинах и золоте, — сказал Келс медлительно и ласково, что всегда являлось у него предвестником какого-нибудь страшного поступка.

Подбородок Пирса так сильно задрожал, что он едва мог говорить, но он слишком далеко зашел и понял это, когда было уже поздно.

— Каждый вечер она встречается с мужчиной, там... у своего окна, — прохрипел он. — Они часами шепчутся и целуются. Я следил за ними и давно бы уже рассказал тебе, но мне хотелось узнать, кто он... И теперь я знаю его... Келс, он влезал и вылезал от нее!

Внезапно револьвер Келса вспыхнул красным, синим и белым огнями. Пирс закачался, подобно порезанному дереву, и, повалившись, остался лежать лицом кверху, с застывшими глазами — мертвый. Бандит медленно нагнулся над ним, держа свой дымящийся револьвер.

— Господи, Джек! — крикнул Красавчик Оливер. — Ты поклялся не стрелять, а сам убил его... Теперь ты сам обманул себя. Убей меня, но я буду твердить, что Пирс был прав.

Краска гнева сошла с лица Келса и уступила место мертвенной бледности. Он молча уставился на Оливера.

— Ты обманул и себя и нас, — продолжал тот. — Какая теперь цена твоему слову? Неужели ты воображаешь, что банда спустит тебе это? Вот лежит Пирс, он мертв... А почему? Потому что доверился тебе и хотел открыть тебе глаза. Ты же убил его... О, если бы я знал то, что знал он, я бы тотчас повторил тебе это, а потом ты хоть сто раз громыхай своим револьвером. Жаль, что я ничего не знаю. Но ты можешь попытаться, лгал он или нет... Спроси девушку... А что касается меня, то я покончил с твоим легионом. Ты проиграл, Келс, и потерял голову. Тебя погубила твоя девка!

Оливер говорил с суровым достоинством. Кончив, он вышел вон из блокгауза.

Под впечатлением его пылкой речи Келс дрожал всем телом, но сила его духа все еще не была сломлена.

— Джейн... вы слышали слова Пирса? — страстно сказал он. — Он лгал, не так ли? Он оклеветал вас. Я должен был убить его. Он сказал... О, подлый негодяй! Только он и мог сказать такую гадость. Он лгал, и за это я убил его. И я не раскаиваюсь, хотя бы мне пришлось лишиться целой сотни легионов.

— Не... все было ложью в его словах, — медленно сказала Джейн.

— Что-о-о? — загремел Келс.

— Пирс говорил правду, но только человек не пролезал ко мне в окно. Это выдумка. Никто не может пролезть в него, оно слишком мало... Но я в самом деле разговаривала с мужчиной.

Келс провел языком по своим пересохшим губам.

— С кем?

— Это вы никогда не узнаете от меня.

— Кто он?.. Я должен убить его.

— Нет, нет! Я не скажу вам. Я не допущу, чтобы из-за меня вы убили еще одного человека.

— Га-а! Я вырву это из твоей глотки!

— Бесполезно. Ни угрозы, ни пытки не заставят меня назвать его.

— Ночью... в темноте... Джейн, почему? — словно оглушенный бормотал он. — Неужели только потому, что вы так одиноки здесь? Неужели вас увидел какой-

нибудь молодой золотоискатель и начал приходить к вашему окошку? Может быть, это простая случайность? Отвечайте!

— Нет, я не хочу, чтобы вы еще проливали кровь.

— Заботитесь обо мне? — спросил он своим обычным насмешливым тоном. Внезапно густая краска залила его лицо, и, дико блестя глазами, он нагнулся к ней.

— А может быть, он слишком пришелся вам по душе и вы просто не хотите видеть, как он умрет?.. Часто приходил он к вашему окну?

Джейн почувствовала сильную слабость во всем теле. У нее едва хватало сил, чтобы бороться с неистовством этого человека. Но ответ непроизвольно сошел с ее губ.

— Да, часто, — тихо сказала она.

Эти слова разъярили Келса еще больше; гнев и страстность его перешли в жгучую ревность, превратившую его в сущего дьявола.

— А-а! Вот как? В таком случае вопрос решен, — мрачно сказал он. — Но мне все еще хочется по-человечески поступить с вами. Я сделаю вас своей женой. Бликки, — сказал он, повернувшись к бандитам, — сбегай в лагерь, там живет священник. Тащи его сюда за волосы, под револьвером, как хочешь, но чтобы он был здесь, слышал?

Бликки юркнул в дверь, и его шаги с тяжелым стуком быстро удалились от хижины.

— Вы не заставите меня... Я... я рта не раскрою.

— Это ваше дело. Я не собираюсь выслушивать от вас нежные признания, — ответил он с горечью. — Но если вы не скажете того, что нужно, то я прибегну к методу Гульдена... Вы еще не забыли, как Гульден умеет обращаться с женщинами?

Колени подогнулись у бедной девушки, и она опустилась на узел связанных одеял. Вдруг ее взгляд упал на Джима; он стоял позади Келса. Собрав остаток мужества, Джейн умоляюще взглянула на него. Ее глаза горячо просили не вмешиваться и быть осторожным, ради них же самих. Он понял ее взгляд и покорился. Но его глаза сказали ей, что угрозы Келса никогда не осуществляются.

— Помогите мне, ребята, покончить с этим делом, — сказал Келс, обращаясь к своим поредевшим сто-

ронникам, — и тогда требуйте от меня, чего захотите, — я вместе с вами. Здесь ли сидеть или разгромить лагерь, почтовую ли карету ограбить, словом все, все что даст вам хорошую добычу. А затем на лошадей, и обратно на границу!

И он принялся рассказывать по комнате. Бад и Смит поплелись к двери. Вуд рылся в карманах, ища табак для своей трубки. Клэв сел за стол и положил на него локти. Никто не обращал внимания на труп Пирса. В этот момент наиболее отчетливо проявились звериные обычаи жизни приисковых лагерей. Келс жаждал только одного: жениться на женщине, пробудившей в нем столь роковое чувство. Витавший в этой комнате дух смерти нисколько не занимал его. Лицо Рыжего Пирса, обращенное к небу, застыло в искаженной и угрожающей гримасе.

Прошло четверть часа. Вдруг раздались громкие голоса и тяжелые шаги. Бликки вернулся. Он грубо толкал перед собой маленького мужчину. Лицо этого человека представляло собой разительный контраст с грубыми чертами Бликки. Его одежда говорила о его профессии; выражение лица было взволнованное, но не испуганное.

— Он там что-то проповедовал в палатке. Я пришел и без всяких фокусов вытащил его оттуда и заставил протанцевать сюда на гору, — сказал Бликки.

— Тотчас же обвенчайте меня, — сурово заявил Келс, подойдя к священнику.

— Конечно, я к вашим услугам, — ответил он, — но должен заметить, что я не привык к такому обращению.

— Вы должны извинить нашу поспешность, — сказал бандит. — Вам хорошо заплатят за беспокойство, — и с этими словами он швырнул на стол маленький мешочек с золотым песком. — Джейн, подойдите, — приказал он тоном, не допускающим ни возражений, ни сопротивления.

Только сейчас заметил священник присутствие женщины. Джейн сразу же узнала его по голосу. Но отчего он так сильно вздрогнул? Может быть, он узнал ее голос? В ночь их венчания Джим неоднократно называл ее по имени. Мягкие глаза священника блеснули. Его взгляд скользнул по девушке, Келсу и затем перешел на

остальных бандитов. Джим стоял за широкой спиной Джесси Смита и, очевидно, священник не заметил его. Внезапно его пристальный взгляд упал на мертвого Пирса. Боязливое любопытство на его лице сменилось ужасом.

— Мистер, вы тотчас же обвенчаете меня, иначе я отправляю вас туда же, где теперь и этот человек, — угрожающе заявил Келс. — Джейн, подойди ко мне!

Девушка отрицательно покачала головой, Келс быстро шагнул к ней и, схватив за руку, дернул к себе. Его физическое насилие всегда пробуждало в Джейн страшную ярость.

— Никогда не выйду я за вас, пусть мне хоть тысячу раз угрожает смерть! — воскликнула она.

При звуке ее голоса священник сильно вздрогнул. Он быстро нагнулся к Пирсу и посмотрел ему в лицо. Но, убедившись, что убитый не тот, кого он повенчал с Джейн, живо повернулся к ней.

— Пожалуйста, снимите вашу маску.

Она смело сорвала ее. Священник пристально оглядел ее лицо.

— Ваши угрозы бесполезны, — холодно сказал он Келсу. — Я не могу повенчать вас с женщиной, у которой есть муж... Но сейчас я не вижу его здесь.

— Вы не видите здесь ее мужа? — с обалделым видом повторил Келс. Раскрыв рот от удивления, он уставился на священника. — Скажите... дорогой мой, все ли у вас в порядке?

Было ясно, что священник каким-то чудом не заметил Джима. Все его внимание обратилось на одного Келса. Внезапно бандит очнулся от своего удивления.

— Что, что ты сказал?! — взревел он с багровым лицом.

— Я не могу повенчать вас с женщиной, у которой есть муж.

Лицо Келса с жуткой быстротой начало белеть.

— Так... вы... уже раньше видели... эту женщину? — пробормотал он.

— Да.

— Где и когда?

— Здесь, за блокадом, несколько ночей тому назад.

Джейн с жалостью смотрела на Келса. Она чувствовала какую-то вину перед ним, как будто и в самом деле

обманула его. Сердце ее замерло. Еще одно слово и... Джим будет открыт.

— За блокгаузом... У ее окошка?

— Да.

— Для какой цели вы приходили туда?

— Как духовник. Я был позван, чтобы совершить обряд венчания.

— Чтобы повенчать ее? — прошептал Келс.

— Да. Ее зовут Джейн Рэндль, из Хоудли в штате Айдахо. Она совершеннолетняя. Насколько я понял, ее привезли сюда против ее воли. Она полюбила одного честного золотоискателя из лагеря, который и привел меня сюда ночью, чтобы обвенчать их.

— Вы... вы... повенчали их?

Келс медленно взялся за свой револьвер. Казалось, он все еще не понимал того, что ему говорили. Внезапно его охватила слепая ярость. Дуло его револьвера уставилось на священника. Но Бликки молниеносно подскочил и поддал его руку кверху.

Трах! Пуля врезалась в потолок. Бликки вцепился в руку Келса и всей тяжестью своего тела навалился на него.

— Я привел сюда этого попа! — взревел он. — И ты не смеешь убивать его... На помощь... Джесси!.. Он рехнулся... Быстрее, дьявол, он убьет его!..

Подоспевший Джесси выхватил у Келса револьвер. Джим Клэв сгреб священника в охапку и швырнул его к двери.

— Бегите, если вам дорога жизнь! — крикнул он.

Бликки и Смит все еще боролись с обезумевшим Келсом.

— Джим! Дж-ж-и-им! Закрой дверь! — ревел Джесси. — Бейд, прочь все ножи, все револьверы! Ну, босс, теперь бесись сколько в тебя влезет, черт тебя подери, в самом деле!

Выпустив Келса, они быстро отскочили в сторону.

— Джейн, это правда? — со свистящим дыханием воскликнул Келс.

— Правда, Келс!

— Кто? — дико заорал он. — Кто он?

— Я никогда не скажу этого.

Ослепленный яростью, он протянул к ней руки, скрючившиеся словно когти. Казалось, еще миг, и он

растерзает ее. Он жаждал убить ее и... не мог. Возможно, только в эту минуту понял он, как погубила его эта женщина. Он ненавидел ее потому, что любил ее. Ненависть побуждала его убить ее, любовь не разрешала ему причинить ей боль. Его душа сделалась игрушечным мячиком двух мощных сил — зла и добра. Зло выражалось в его ненависти, добро — в его любви.

Внезапно он резко оттолкнул ее от себя. Запнувшись о труп Пирса, она едва не упала. Келс остался стоять один посреди комнаты. Сознавая свою слабость перед девушкой, он все больше приходил в ярость. Его поведение казалось безумным. Он принялся крушить и ломать все, что попадалось ему под руку. Спустя несколько мгновений вся комната была завалена грудой безобразных обломков. Беснуясь, Келс продолжал сознавать абсурдность своего поведения, и это еще больше разжигало его. Наконец, резкие движения утомили его. Он перестал слепо бросаться на различные предметы и вместо этого только топал ногами. Благодество истинного гнева покинуло его. Весь потный, он походил на хрипящую мокрую тряпку. Он выглядел отчаявшимся, уничтоженным, надломленным человеком, хорошо сознающим свою гибель.

Джесси Смит медленно подошел к своему атаману.

— Джек, вот твой револьвер, — сказал он. — Я взял его у тебя только потому, что ты обезумел... И послушай, Джек, помни, что некоторые из нас все еще с тобой.

Вот какими словами хотел показать Смит свою нерушимую верность. Келс ответил ему слабой улыбкой.

— Бейд, ты с Джимом убери все это свинство, — продолжал Смит. — А ты, Бликки, помоги убрать Пирса.

Внезапно среди разгара уборки Клэв громко крикнул:

— Келс! Сюда идет Гульден, Биди Джонс, Вильямс и Бирд.

Бандит устало подошел к двери.

Бейд Вуд сделал резкое, многозначительное движение.

— Что-то неладно, — быстро проговорил он. — И дело не только в Гульдене... Посмотри-ка на улицу. Видишь, какая толпа? Все чего-то орут, беснуются и несутся в лагерь, как сумасшедшие.

Джесси Смит повернул к Келсу свое внезапно посе-
ревшее лицо:

— Босс, видишь ты этот дьявольский водоворот? Од-
нажды я уже пережил такое столпотворение.

Келс отодвинул в сторону своих товарищей, чтобы
лучше видеть. Сколько силы таила душа этого человека!
После недавнего потрясения он вдруг опять стал спокой-
ным и настороженным.

— Джим, походи в соседнюю комнату, и вы также,
Джейн, — властно приказал он.

Оба торопливо повиновались. Джим крепко прикрыл
за собой двери. Невольно их руки соединились.

— Джим, что означает такое уличное волнение? —
со страхом спросила она. — Для чего Гульден идет
сюда?

— Он ищет меня, — ответил Джим. — Слушай!

Топот тяжелых ног раздался в соседней комнате.
Джейн тихонько подвела Джима к своему наблюда-
тельному пункту. Рука Джима легла на рукоятку ре-
вольвера.

Гульден ввалился в комнату с толпой возбужден-
ных мужчин, по мрачному виду которых было видно,
что у них на уме недоброе. Все они молчаливо вы-
строились полукругом перед маленькой группой при-
верженцев Келса. Бирд, Джонс и Вилльямс, когда-то
его верные союзники, теперь вызывающе смотрели на
него. Гульден походил на рассвирепевшую гориллу.
Его громадные бледные глубоко сидящие глаза сверка-
ли. Одну руку он держал за отворотом своей куртки,
и весь его вид был угрожающ. Однако Келс стоял
перед ним совершенно уверенно и спокойно. Но стоило
Гульдену сделать движение, как револьвер Келса тот-
час же уставился на него. Но стрелять ему не при-
шлось, ибо Гульден вытащил какой-то большой,
тяжелый предмет.

— На, смотри! — воскликнул он, бросая его на стол.

Тяжелый глухой стук показался всем очень знако-
мым.

Пальцы Джима судорожно вцепились в руку Джейн,
он дышал тяжело и отрывисто.

Концы красного платка медленно распались, и оттуда
выглянул неправильной овальной формы блестящий гро-
мادный слиток золота.

— Золото Джима Клэва! — вскричал Келс. — Откуда оно у тебя?

— Я нашел его у Грида, — сказал Гульден, наклоня вперед свою бычью голову.

Сапоги бандитов нервно зашаркали по скрипевшим половицам. Наступившую тишину отчетливо прорезал глухой, отдаленный рокот. Келс побелел, как воск, и словно прирос к полу.

— У Грида?

— Да.

— А где же... его труп?

— Я оставил его лежать на дороге в Баннек.

Предводитель банды молчал.

— Келс, вчера вечером я отправился следом за Гридом. Догнал и убил его... И потом нашел у него вот этот слиток.

Глава XVII

— Так значит, Джим не убивал Грида! — воскликнул Келс.

Светлый луч радости скользнул по его лицу. Странно было слышать в этом возгласе нотку искреннего облегчения. Джейн поняла Келса. Он радовался, что не заставил Джима сделаться убийцей.

Гульден растерянно молчал.

— Но я же сказал тебе, что уложил Грида я, а не Клэв. Теперь мы хотим знать, говорит ли тебе это золото то же самое, что оно говорит нам.

Его громадная волосатая лапа хлопнула слиток. Келс понял скрытый смысл его вопроса.

— Ну-с, и что же оно говорит тебе? — спокойно спросил он, оглядывая фигуру Гульдена и свирепые лица стоявших позади его людей.

— В нашей банде есть один обманщик. И он водит тебя за нос. Это нам уже давно известно. Джим Клэв взялся убить Грида, но возвратился с его поясом и ложью... Мы считаем его изменником.

— Ну нет! На этот раз ты ошибся, Гульден, — серьезно ответил Келс. — Мальчуган наврал только мне, но я прощаю его. Он струсил — и баста. Заколоть спящего человека оказалось не под силу Джиму... И

кроме того, я совершенно не понимаю, чего тебе-то суесться из-за этого? Ведь все равно от слитка ты получишь только его десятую часть, как это было и с золотом Грида.

— Дело идет не обо мне, — заявил Гульден. — Может быть, ты и прав, защищая Клэва, но я не верю этому. Вся банда озлоблена, откуда-то беспрестанно вытекает новая грязь. За нами следят. Нас неохотно встречают в игорных домах. Вчера ночью ни за что не хотели разрешить мне сесть за стол Белчера.

— И ты решил, что это Клэв продырявился? — спросил Келс.

— Да.

— Ставлю все свое золото против твоих слов, — заявил Келс.

— Но ведь все говорит против Клэва, — нерешительно буркнул Гульден.

— Очень возможно, — согласился Келс.

— На чем же ты строишь такое доверие к нему?

— Только на своем знании людей. Джим Клэв никогда не предаст своих товарищей. Кто еще высказал такое подозрение?

— Рыжий Пирс, — медленно ответил Гульден.

— Пирс был лжецом, — с горечью сказал Келс. — И я пристрелил его за это.

Взгляд Гульдена сделался неподвижен. Его люди беспокойно забормотали и принялись оглядываться.

— Пирс рассказал мне, что ты поручил Клэву убить меня, — неожиданно вымолвил великан, думая заставить Келса врасплох.

Но Келс не проявил ни малейшего удивления.

— И это тоже ложь, — брезгливо сказал он. — Неужели ты думаешь, что я рехнулся?

— Пока-то нет, — ответил Гульден, выдавив из себя отдаленное подобие смеха.

— То-то же! У меня еще достаточно разума, чтобы не натравливать маленьких мальчиков на такого человека, как ты.

Гульден не остался равнодушным к его лести. Бандиты в сотый раз покорились сильной личности Келса и уже приготовились забыть свое недавнее недовольство.

— Но Рыжий Пирс не может теперь защищаться, — заметил Биди Джонс.

— А знаете ли вы, ребята, что насчет Рыжего Пирса мне приходили в голову куда более интересные мыслишки, чем о Джиме Клэве? Но я молчал, так как у меня не было никаких доказательств, — сказал Гульден.

— Рыжий за последнее время был особенно зол, — прибавил Чик Вилльямс.

Гульден поскреб свою голову и выругался.

— Мы страшно много времени тратим на эту болтовню, — вдруг боязливо заметил Бирд. — Не забудьте, что в лагере творится что-то неладное.

— Ба! Уже целую неделю идет эта глупая брехня о карателях! — воскликнул Гульден.

Вдруг один из бандитов выглянул за дверь.

— Какой-то всадник несется сюда, — сказал он.

Все разом столпились в дверях.

— Это Красавчик Оливер.

— Ничего подобного.

— Ну, конечно, он. Но только не на своей лошади. Смотрите-ка, как он торопится.

Топот лошадиных копыт прервался возле дверей блокгауза.

— Красавчик... Что случилось?..

— Где Келс? Пустите меня к нему, — хрипло ответил Оливер. Подойдя к Келсу, он остановился перед разделявшим их столом. Он тяжело дышал; его посеревшее лицо говорило о глубокой решимости.

— Келс, я снова вернулся к тебе, — сказал он, протягивая свою руку. То был жест раскаяния.

— Что это значит? — спросил Келс, и голова его подалась вперед, словно орлиный клюв.

— Я беру свои слова обратно.

Келс живо схватил протянутую руку и потряс ее.

— Красавчик, я знаю тебя как человека, который не вернулся бы из-за пустяков, но я все-таки рад... Что изменило твое решение?

— Каратели!

Живость Келса угасла.

— Да, Келс, и на этот раз это не пустой слух. У меня есть серьезные новости... Идите ближе, ребята. И ты тоже, Гульден. Настал час, когда нам надо сплотиться теснее, чем когда-либо.

Красавчика Оливера окружили бледные, напряженные лица с нахмуренными лбами и суровыми глазами.

— Ребята, — начал он. — Из всех подлых предателей Рыжий Пирс оказался самым подлеишим. Он донес на нас в комиссию выборов.

Тихий гул пробежал по толпе.

— Слушайте теперь и не перебивайте меня, у нас слишком мало времени. Безразлично, как я узнал о доносе Пирса... Это была простая случайность... Один из этой карательной компании подкатился к Пирсу, и этот мерзавец хотел было предать всю банду, как есть. Ему давали солидный куш за это. Но он оттягивал ответ со дня на день и только нескольких отдал им в лапы. Дарта, Синглтона, Французика и Техасца накрыли с поличным! Чтобы обосновать свой донос, Пирс назвал членам карательного отряда день, час и дело, которое затеяли эти четверо... Молчите, у меня есть доказательства... Не перебивайте!.. Я уверен, что за всю вашу жизнь вы еще ни разу не встречались с такой коварной змеей, как Рыжий Пирс! Сегодня он собирался предать всю нашу банду. Вы помните, каким он масляным языком уговаривал Келса не стрелять? Однако на сей раз он ошибся в Келсе. Он наговорил на его девушку и получил за это. Может быть, в своих планах он наметил забрать ее для себя, я не знаю, но ясно, что сегодня он должен был предать весь наш легион. И если бы не Келс, то все бы мы были уже аккуратненько связаны и отправлены на виселицу... Ребята, сегодня я порвал с Келсом, но теперь называю себя трижды ослом за это!

Но я спешу кончить... На совещание карательной комиссии собрался весь Олдер Крик. Ни одного старателя не видно сейчас на работе. Большой зал набит, как банка с консервами. Я кое-как протиснулся туда и, стоя на одной ноге, все-таки выслушал, что они там бормотали. Дарт, Синглтон, Техасец и Французик стояли перед замаскированным судом, когда я вошел. Двое каких-то старателей подтвердили их личность, и наших товарищей моментально приговорили к виселице... Но затем суд обратился к ним с предложением отпустить их на все четыре стороны, если они назовут главарей и остальных членов Пограничного легиона. Дарт вообще ничего не отвечал. Синглтон послал их ко всем чертям. Техасец клялся, что он самый обыкновенный грабитель с большой дороги и никогда ничего не слышал ни о каком

легионе. Зато у проклятого Француза сердце от страха провалилось в штаны, и он готов был уже пойти на предложение суда. Тут Техасец принялся осыпать его такими страшными проклятьями, что он устыдился и прикусил язык. Но если только они уберут Французика подальше от Техасца, то он выболтает им все до капли. Наконец, наступила заминка. Толпа, как безумная, орала о виселице. Но судьи чего-то дожидались и, я думаю, они ждут Рыжего Пирса.

— Так. Ну, а как дело обстоит с нами? — спросил Келс холодным и ровным голосом.

— Наш след они еще не пронюхали, это я знаю наверняка, — ответил Оливер, — иначе эти замаскированные черти уже давно принялись бы за дело. Но откладывать наш отъезд хотя бы даже на один день — бессмысленно и опасно! Кругом марш, обратно в Кебин Галч, ребята!

— Гульден, что ты на это скажешь? — резко спросил Келс.

— Я останусь здесь, или поеду, как ты пожелаешь, — ответил гигант. В критическую минуту он охотно взваливал на Келса всю ответственность. Его приверженцы тоже, словно овцы, были готовы броситься за своим вожаком.

Но несмотря на всеобщую покорность и свое положение безграничного повелителя, Келс не проявил прежней насмешливой живости. Хотя голос его звучал совершенно ровно, а лицо выглядело решительным, замечалось, что какое-то гнетущее предчувствие томило его душу.

— Слушайте все! — сказал он. — Наши лошади и съестные запасы спрятаны в нескольких милях от лагеря. Туда мы и отправимся. Отсюда мы не можем взять ни одного пакета. Выходите отсюда по двое и по трое и ждите меня недалеко от этой ревущей толпы. Если я вернусь, все мы снова тесно сплотимся и снова заживем, как и прежде.

Спрятав слиток золота к себе под плащ, Гульден вышел первым. Все остальные вышли парами. Вскоре в хижине остались только Бейд Вуд, Красавчик Оливер и Келс.

— Ну, ребята, отправляйтесь, соберите всю банду и ждите меня, — сказал Келс, обращаясь к ним.

Когда они вышли, он позвал Джейн и Джима.

— Слышали? — спросил он, взглянув на бледное лицо Джима и быстро пристегивая к сапогам шпory.

— Да, — ответил Джим.

— Тем лучше. Нам нужно торопиться... Джейн, возьмите плащ Джима и снимите маску... Джим, собери свое золото, но только поторапливайся. Если не застанешь нас здесь, то беги туда на улицу. Я хочу, чтобы ты был около меня.

Клэв вышел из хижины, а Джейн бросилась в свою комнату за плащом.

Тем временем Келс поднял одну из половиц и принялся набивать карманы мешочками с золотым песком.

— Джейн, суньте в свои карманы немного мяса и сухарей, — сказал он. — Я голодать не буду, пока мои карманы полны золота, но вам необходимо позаботиться о себе.

Девушка быстро обшарила кухонный шкаф Бейда Вуда.

— Bravo! Я нашла целую связку. Теперь мои карманы не уступят по толщине вашим, хотя там только одни дешевые сухари! — воскликнула она.

Келс бросил на нее гордый и печальный взгляд.

— Вы храбрая... Ах, я так любил тебя, девушка!.. Но теперь уже поздно говорить об этом... Если что со мной случится, держитесь Клэва, мне кажется, вы полностью можете положиться на него. Ну, идемте!

С этими словами он вышел из хижины. Джейн пришлось почти бежать, чтобы поспеть за ним. Вокруг не было видно ни души. Они прошли больше ста метров, когда, наконец, показался Джим. Он бежал со всех ног и около первых палаток лагеря нагнал их.

— Джим, у тебя есть оружие? — спросил Келс.

— У меня два револьвера, — ответил Джим.

— Это хорошо. Никогда не знаешь, что может случиться... Знаешь, я очень опасаюсь моих ребят, они все такие отчаянные. Не правда ли?

— Не знаю. Трудно сказать.

— Но те там не поймают нас. Ты не бойся. Никогда, никогда не соберутся вновь моим ребятам! — Келс говорил тихо и меланхолично. — Пойдемте медленнее, —

предложил он. — Избегайте обращать на себя внимание... Джим, верно ли я тебя понял с этой историей из-за Грида?

— Конечно! Я просто струсил.

— Теперь-то это уже не имеет значения...

И он сразу же забыл этот разговор. Бросая по сторонам острые испытующие взгляды, он шел все прямо, как вдруг, заглянув за угол улицы и скрипнув зубами, резко остановился. Хриплый вой огромной толпы и множество поднятых в верх кулаков заставили Джейн содрогнуться. Она крепко уцепилась за руки своих провожатых. Пестрая толпа, жадно вытягивая шеи, повлекла их за собой. Вокруг загудел рой голосов. Минуту спустя все трое оказались плотно прижатыми друг к другу. Рука Джима крепко обхватила Джейн. Толпа все прибывала. Спустя немного девушка увидела громадного Гульдена и длинноногого Оливера; возле них стояли Смит, Бликки, Бирд, Джонс, Вильямс, Бад и другие бандиты. Такие же группы людей теснились вокруг. Все они переговаривались между собой и глядели в одном и том же направлении.

Высоко вздымаясь над этой волнующей массой, стояло жуткое сооружение из свежеспиленных бревен. На одной из платформ стояли одетые во все черное люди. Их неподвижность особенно подчеркивалась судорожно скрючившимся и раскачивавшимся на веревке предметом. Болтаясь в воздухе, этот предмет постепенно вытягивался, и движения его делались все медленнее и медленнее. Наконец, он принял отчетливую форму повисшего на веревке человека. Его голова свесилась вперед, руки с силой ударялись по воздуху. Мелкая дрожь пробежала по его телу; наконец он утих, став снова медленно качающимся взад и вперед черным предметом.

Глаза Джейн застыли от ужаса. Мучительная боль сжала ее грудь.

Виселицу окружали вооруженные люди с масками на лицах. Беспощадные каратели уже успели повесить двух бандитов. Но еще двое других стояли тут же со связанными за спиной руками, и перед лицом каждого болталась петля. Джейн узнала Французика и Техасца. Когда повешенный замер неподвижно, толпа издала мощный, глубокий вздох, и затем снова наступило молчание.

Замаскированный председатель карательной комиссии обратился к Техасцу:

— Мы отпустим тебя, если ты признаешься. Кто предводитель Пограничного легиона?

— Кто? Само собой Рыжий Пирс... Ха!.. ха!.. ха!..

— Повторяю, мы даем тебе шанс, — последовал немолчаливый ответ.

Техасец вдруг разом стал серьезен:

— Клянусь богом, нашим вожаком был только Рыжий Пирс, — мрачно сказал он.

— Ложь не спасет вас от петли. Говорите правду, слышите? Мы знаем почти всю шайку и нам необходимы только доказательства. Торопитесь.

— Пошли к чертям! — ответил Техасец.

Председатель махнул рукой, и двое замаскированных подошли к Техасцу.

— Не хочется ли вам передать что-нибудь?

— Нет.

— Никакой просьбы больше?

— Повесьте этого француза до меня. Мне хочется посмотреть, как он будет болтаться.

Больше не было произнесено ни одного слова. Подошедшие люди надели петлю на шею осужденного. Техасец отказался от черного капюшона. Он не стал дожидаться, пока подставка выскользнет из-под ног, и сам быстро шагнул в пространство.

И снова по толпе пронесся глубокий и сердитый гул. Джейн чувствовала сильное волнение толпы, хотя стоящие возле нее были неподвижны как камень. Она с усилием открыла глаза, боясь увидеть конвульсии Техасца, но его тело висело совершенно неподвижно. Очевидно, смерть наступила мгновенно. Даже перед своей позорной смертью он остался мужественным и верным. Нередко перекидывался он с Джейн добрым словом. Кто знает, что привело его в шайку Келса?

Наконец, судьи притащили обезумевшего от страха Французика. Он не мог стоять без поддержки... Надев ему на шею петлю, палачи стащили его с подставки и затем снова поставили на ноги. Он громко закричал от ужаса. Чтобы прекратить его вопли, они снова приподняли его на воздух. На этот раз он на несколько секунд дольше провисел в петле. Лицо его почернело, и глаза выступили из орбит, грудь высоко вздымалась, тщетно

ловя воздух, ноги работали с плавностью игрушечного паяца. Тогда, опустив его на ноги, палачи ослабили петлю на его шее. Его пытали для того, чтобы вырвать у него признание. Веревка почти задушила его, и прошло несколько минут, прежде чем он пришел в себя. Очнувшись, он с трусливым ужасом отшатнулся от болтавшей перед ним петли.

Судья молча помахал ею перед его носом и пальцем указал на троих мертвых бандитов.

С пеной у рта Французик принялся что-то кричать на своем родном языке.

Толпа, как один человек, шагнула вперед и замерла в напряженном молчании.

— Говорите по-английски, — приказал судья.

— Я все скажу! Я все скажу вам!

В этот миг Джейн почувствовала, как рука Келса сильно рванулась вперед. В глаза ей ударил ослепительно яркий, синий свет, и грянувший выстрел почти оглушил ее. Горячий порошок опалил ей щеку. Французик вдруг согнулся и рухнул с подставки.

Одно мгновение царила мертвая тишина, и, казалось, все окаменели от неожиданности. Но затем раздался хриплый рев тысячной толпы и топот бесчисленных ног. В следующую секунду разразился сущий ад. Людская масса бросилась врассыпную. Джейн почувствовала, как рука Джима крепко обхватила ее и волна кричавших, борющихся мужчин куда-то понесла их. Мельком она успела заметить мрачное лицо Келса и гигантскую фигуру Гульдена, боровшегося с истинной силой Геркулеса. Обезумевшие от ярости люди дрались, как дикари, и лезли туда, откуда послышался выстрел, но, пробившись, они не знали, кого им хватать. В этой внезапной панике легионеры Келса были моментально рассеяны по разным концам площади.

Долгое время ноги Джейн не касались земли. Но несмотря на дерущихся и напивавших людей, она все время чувствовала на себе руку Джима и, в свою очередь, тоже из последних сил цеплялась за него. Внезапно толкотня и пинки прекратились. Поддерживаемая Джимом, она взобралась на откос, и глазам их представилось странное зрелище. Виселицу окутало густое облако пыли, группа председательствовавших с револьверами в руках, насторожившись, стояла возле нее, не

зная кого ей следует ожидать здесь. В воздухе мерно покачивались мертвецы, а вддали разбежались перепуганные люди. Выстрел Келса породил невероятную панику. Ни один из золотоискателей больше не знал, кто принадлежал к судьям, кто к бандитам. Буквально каждый ожидал кровавой расправы и, не доверяя своему соседу, в паническом ужасе стремился укрыться куда-нибудь.

Прижавшись к Джиму, девушка долгое время не проронила ни одного слова. Оба они напряженно прислушивались. Некоторые честные старатели вернулись обратно к эшафоту, где стояла тесная группа членов карательной комиссии, и постепенно воздух снова наполнился гулом взволнованных голосов.

— Ну и здорово! — прошептал Джим, все еще не веря происшедшему.

— Он был просто ужасен, — шепнула в ответ Джейн.

— Про кого ты говоришь?

— Про Келса.

— Да, если хочешь, ужасен, но я бы сказал — великолепен! Эдакая отвага! Десятки судей и тысячи старателей вокруг, и он все-таки бросил им вызов. Но он знал, что произойдет после его выстрела.

— Нет. Он вовсе и не думал об этом, — серьезно заявила Джейн. — Я чувствовала, как он дрожал. Я видела его лицо... О! На первом плане у него была только мысль о потере его собственной власти, и уже на второй предательство Французика. Мне кажется, что этот выстрел означает скорее отчаяние и слабость Келса... Он больше не может владеть собой, хотя бы в его револьвере оставалась всего-навсего одна пуля.

Джим посмотрел на Джейн так, как будто ее слова были настолько же убедительны, как и непонятны.

— Ну, что ж! Во всяком случае выстрел грянул вовремя, как для него, так и для нас, — ответил он нерешительно.

— А как ты думаешь, удалось ему уйти или нет? — боязливо спросила девушка.

— Конечно, он не ушел.

— Если бы люди Келса были послушны и верны ему, он никогда бы не погиб.

— Похоже на то, что ты жалеешь об этом.

— О, мне очень стыдно... я не хотела именно так выразить свою мысль. Я не знаю... но мне ужасно жаль Келса. Мне пришлось столько перенести из-за него, выстрадать... Моя судьба была так тесно связана с его судьбой. Да и не только это! Обе наши жизни с тобой целиком зависели от него.

— Я понял тебя, дорогая, — серьезно сказал Джим.

— Но что нам-то делать теперь? Какое все-таки удивительное чувство — свобода.

— Да, надо подумать.

Долгое время они сидели, тесно прижавшись друг к другу. Джейн пробовала придумать что-нибудь, однако, ее разум не поддавался ей. Оба они были словно оглушены.

К заходу солнца волнение улеглось. Исчезли и замаскированные судьи, и только кучка любопытных все еще толпилась возле виселицы с ее черными покачивавшимися жертвами. Джейн заметила, что судьи также повесили и изменника Француза. Полные презрения, они повесили его уже трупом. Что могло быть более ужасно, чем эти четыре темные фигуры? Лежащий на земле мертвец все-таки еще сохраняет достоинство смерти. Здесь же отнята не только жизнь, но также и величие смерти, и перед глазами предстает только обнаженный ужас.

— Джейн, мы должны покинуть Олдер Крик, — вдруг решительно заявил Клэв. — Неизвестно, что еще вздумают затеять эти головорезы. Гульден, например.

— Пойдем пешком. Если мы купим лошадей, или будем ждать почтовую карету, то нам придется вести разговоры с разными людьми, а это опасно. Я боюсь...

— Но, голубок милый, повсюду рассеяны бандиты. Разбойниками кишат все леса, все тропинки, и где бы мы ни были, нас все равно ожидает опасность.

— Мы будем идти ночью и отдыхать днем.

— Невозможно! Такое расстояние и ни крошки провианта.

— Ну, пройдем хоть часть пути.

— Нет. Мы возьмем два места в дилижансе на Баннек. Если в нем будет много народу, то дадут вооружен-

ный конвой. Но надо узнать, когда он поедет. Пойдем сейчас в лагерь.

Тем временем наступила ночь, и отдельные огни зажглись во тьме. Чем дальше они шли, тем больше встречали людей. Темнота подбадривала всех. Снова засияли шумные игорные дома и бары. Беззаботный Олдер Крик вернулся к своей прежней разгульной жизни. Почтовая контора находилась сразу за «Последним слитком». В палатке горела тусклая лампа. Подойдя к конторке, Джим обратился к сидевшему за ней человеку.

— Скажите, когда отходит почтовая карета в Баннек?

— Когда мы отошлем ее, — грубо ответил человек, поднимая оценивающий взгляд на Джима.

— Ну, а когда это будет?

— Вас это не касается.

— Но я хочу купить два места.

— А, это другое дело! Подойдите ближе и дайте-ка взглянуть на себя... О-го-го! Да никак это молодой Клэв. Я совершенно не узнал вас. Мы за эти дни стали немножко придиричивы.

Лицо человека просияло. Сердце Джейн перестало так отчаянно колотиться. Она видела, как Джим положил на конторку мешочек с золотым песком, и агент отвесил стоимость билетов. Прижав руку девушки к груди, Джим поспешно вывел ее из палатки.

— Все в порядке, — взволнованно прошептал он. — Карета отходит на рассвете, обычно же она шла в полдень. Они хотят хорошо вооружить ее.

— Неужели ожидается нападение?

— Агент ничего не сказал мне об этом. Но все возможно... Будем надеяться, что ничего не случится.

— А что мы будем делать до рассвета?

И Джейн остановилась посреди улицы.

— В самом деле, что нам делать? Знаешь, пойдем и поедим чего-нибудь.

Он привел ее в маленькую тexasскую чайную. Они там оказались единственными посетителями. Расторопный мексиканец подал опрятный и сытный ужин.

— Будем надеяться, что все сойдет благополучно, — сказал Джим, глядя ее по руке. Внезапно с робкой нежностью во взгляде он нагнулся к ней и прошептал: — Ты

не забыла? Ведь мы муж и жена и это первый ужин в нашем медовом месяце.

— Джим! — прошептала Джейн, и щеки ее ярко запылали.

— Ты моя красавица... Но ты не девушка сейчас, ты — Денди Дейл.

— Не называй меня так, не надо!

— Не все ли равно? Ты моя, у меня много золота, разве все это не похоже на сказочный сон?

Джейн улыбалась, и строгий тон не удался ей.

— Сперва скрой меня и свои деньги, а потом уже кукарекай, — смеясь, сказала она.

Выйдя на улицу, они принялись совещаться, где бы им переночевать. Наконец, Джим решил отвести ее к своему постоянному месту ночлега.

— Здесь я всегда спал, — прошептал он, указывая на узкую нишу в скале. Закутавшись в одеяла, они прислонились к ней, и Джейн положила ему на плечо свою голову.

— Ты не озябнешь? — спросила она. — Ведь ты отдал мне все свои вещи.

Он засмеялся.

— Спи теперь. Ты измучилась, и тебе нужен покой.

— Джим, поцелуй меня.

Он нагнулся к ней и порывисто поцеловал ее. Это удивило ее. На мгновение его голова заслонила яркое сияние звезд. Она чувствовала, как он дрожит. Затем стремительно поцеловав ее в щеку, он почти оттолкнул ее от себя. Джейн опять удивилась. Как все было странно! Она видела его лицо, освещенное звездным сиянием, и оно показалось ей мужественным, страстным и прекрасным. Постепенно она согрелась, ее мышцы расслабились, но сон все еще бежал от ее глаз. Где-то теперь Келс? Острая боль внезапно пронизала ее сердце. Ей было жаль его. Где он со своей разбитой надеждой и глубокой горечью? Как жутко было сознаться, что она обладала такой странной властью над ним, могла пробуждать лучшую сторону его души и не сделала этого до конца. Как страшно было подумать, что теперь он начнет опять проливать кровь, тогда как она могла удержать его от этого и спасти столько бедных старателей, у которых, может быть, имеются где-то матери и любимые женщины... Но все напрас-

но — она любит Джима. Собою она, может быть, и пожертвовала бы, но его она не променяет ни за бандитов, ни за тысячу честнейших в мире золотоискателей. В этот момент Джейн поняла, что этот кошмар будет мучить ее всю жизнь, и никогда ей не отделаться от острой боли при мысли о Келсе. Никогда она не заснет без того, чтобы не увидеть его то мрачного и угрожающего, то нежного и тоскливо-безнадежного лица...

Глава XVIII

При пробуждении Джейн показалось, что она только-только успела закрыть глаза. Однако, рассвет приближался. Джим нежно тормозил ее, стараясь окончательно разбудить.

— Давай трогаться из этой норы, — сказал он.

Осторожно пробравшись между обломками глыб, они быстро сбежали вниз под откос. Внезапно из-за угла улицы, вернее из серого утреннего мрака, вынырнула большая карета, запряженная тремя парами лошадей.

Джим побежал еще быстрее, и вскоре они настигли карету. Кучер высоко восседал на козлах, держа в руках вожжи и длинный кнут. Возле него сидело двое людей с положенными на коленях винтовками. Дверь кареты была закрыта. В глубине виднелись силуэты пассажиров. Внезапно в окне показалась голова мужчины, рядом с ним торчал ствол винтовки. Он тихо переговаривался с кучером.

— Хелло, Клэв! Поздненько же вы! — воскликнул третий мужчина, очевидно вчерашний агент. — Садитесь скорей. Когда вернетесь обратно?

— Еще не знаю наверное, — ответил Джим.

— Ну, счастливого пути, — и он запер дверь за Джимом и Джейн.

— Трогай, Билл! — и карета покатила.

«Что за мерзкий скрип и стоны издает этот ящик!» — подумала Джейн. Джим радостно сжал ее руку. Наконец-то они в дороге.

Молодоженам досталась совершенно отдельная скамейка. Напротив них сидели трое мужчин, по виду

конвоиров, ибо они беспрестанно высовывались из окна и оглядывали местность. Немного дальше сидел сонный, равнодушный, бородатый золотоискатель и молодой человек, своим свежим видом совершенно не походивший на обычного старателя. Ни один из них не обратил на Джима и Джейн особенного внимания. Дорога шла сильно в гору, и кучер Билл подстегивал свою шестерку. Расхлябанная карета, казалось, от одного только скрипа и треска вот-вот развалится на куски. Временами она так сильно подпрыгивала, что девушке приходилось крепко держаться, чтобы не свалиться со скамейки. А когда карета скатилась в речку и запрыгала по громадным валунам, то Джейн твердо решила, что все кости ее тела уже трижды переломились. Этим переездом через реку заканчивалось ущелье, и на другом берегу начиналась совершенно ровная и гладкая дорога.

Наконец, наступил день, и вышедшее солнце наполнило долину мягким красноватым светом. В карете стало светло, но кроме молодого человека на девушку никто не взглянул. Но и этот казавшийся озабоченным юноша тотчас же погрузился в какие-то грустные мысли.

Время быстро летело. Езда сделалась утомительной и монотонной. Вместе с солнечным светом появились мухи и пыль, раздражавшие Джейн. Ее обычное ровное самочувствие нарушилось, и с каждой новой милей возрастала нервозность. Прислонившись к стенке, она устало закрыла глаза. Карета со скрипом катилась все дальше.

Вдруг раздались ружейные выстрелы. С громким треском отскакивали щепки от стен кареты. Хриплые крики смешались с громким предсмертным ржанием подстреленной лошади. Внезапно карета с грохотом остановилась. По крыше барабанили тяжелые приклады.

Джим громко закричал и повалил Джейн на пол. Один из убитых конвоиров свалился ей на колени. Ужас почти лишил ее сознания.

Неравномерный залп со стороны заставил умолкнуть треск винтовок на крыше кареты.

— Джесси Смит! Стой! — звенящим голосом крикнул Джим.

— Стоп, Биди! — ответил хриплый бас. — Черт меня заberi, если это не голос Джима Клэва.

— Го-го-го! Гуль! — завопил еще кто-то, и Джейн узнала Бликки.

Джим приподнял голову девушки. Он был бел, как полотно, от ужаса.

— Любимая... ты... ты... ранена?

— Нет. Я только страшно испугалась...

Выглянув из окна, Джейн увидела бандитов, столпившихся вокруг кареты. Некоторые из них были на лошадях, другие просто стояли около. У каждого из них было в руках по ружью. Открыв дверь, Джим помог Джейн сойти на землю. Ей пришлось переступить через труп конвоира. Бородач-золотоискатель и печальный юноша забились в угол кареты.

— Никак Джим Клэв и девочка Келса или Денди Дейл! — вскричал Джесси Смит. — Ну, ребята, это что-нибудь да значит... Послушай, мальчуган, надеюсь, ни ты, ни твоя спутница не ранены?

— Нет, но для чего вам понадобилось набивать этот ящик оловом?

— Черт знает, что такое! — сказал Смит. — Келс посылает тебя в той карете, которую велит нам разграбить. Он и не пикнул нам о том, что ты будешь торчать в ней... Где и когда ты расстался с ним?

— Вчера вечером, в лагере, поблизости от нашего блокгауза, — быстро ответил Джим. — Келс поручил мне Денди Дейла и сказал, чтобы мы сели сегодня утром в карету. Я думал, что он тоже будет среди пассажиров или же выедет к нам навстречу.

— Ты не получал от него никаких приказаний?

— Ничего больше кроме того, чтобы я стерег девушку до его прихода. Но он дал мне понять, что он хочет многое сообщить нам.

Ничего не понимая, Джесси Смит перевел взгляд с Клэва на Бликки и затем на Гульдена, медленно приближавшегося к ним. Волосы этого колосса были растрепаны, в руке он держал громадный револьвер. Джейн проследила за взглядом его громадных свирепых глаз и увидела мертвого кучера, свесившегося с козел, и позади него оба трупа конвоиров. Одна из лошадей, запутавшись в постромках, лежала неподвижно, остальные пугливо обнюхивали мертвое животное.

— Есть там кто еще? — рявкнул Гульден и просунул револьвер в окно кареты. — Вылезайте! Живо!

Печальный молодой человек, в ужасе схватившись за голову, показался в дверях кареты. Он был смертельно бледен и едва держался на ногах. Гульден резко толкнул бородача-золотоискателя. — Вылезай, слышал или нет?

Несчастный продолжал сидеть, низко согнувшись и хрипя.

— А-а! Что, получил, голубчик? — сказал Джесси Смит. — Но он все еще спит. Слышишь, Гуль?.. Сопит, как больная кобыла.

Вытянув свою громадную жилистую руку, Гульден одним взмахом выволок золотоискателя наружу. Громко застонав, несчастный упал на землю. Его шея и руки были в крови. Гульден принялся срывать с него одежду и наконец торжествуя замахал над своей головой большим черным поясом, туго набитым золотом.

— Га!.. — взревел он и протянул пояс стоявшему рядом алчно ухмылявшемуся Бадю. Затем он повернулся к бледному юноше.

— Золото есть?

— Нет, я не искал его... — хрипло ответил тот.

Гульден быстро обшарил и похлопал по его карманам.

— Повернись! — приказал он.

— Эй, Гуль, отпусти его! — недовольно крикнул Джесси Смит.

Бликки положил свою руку на широкую спину Гульдена.

— Повернись! — повторил гигант, не обращая внимания на своих товарищей.

Зеленоватая бледность покрыла лицо юноши.

— Ради бога... не убивайте меня! — прошептал он хрипло. — У меня ничего нет — ни золота... ни револьвера.

Гульден так сильно дернул его, что он несколько раз перевернулся. Толкая его перед собой, они отошли на несколько шагов; вдруг юноша повернулся и упал на колени.

— Не... не убивайте меня... — взмолился он.

Внезапно Джейн заметила, как мускулы Джима напряглись и рука его быстро скользнула к револьверу. В эту страшную минуту она подумала только о его безопасности и что было силы стиснула его руку. Они должны терпеть.

Остальные бандиты недовольно ворчали, однако ни один из них не пошевелился.

Гульден поднял свой громадный револьвер. Волосы встали дыбом на его голове, глаза светились безумием, и вся гигантская фигура дрожала.

— Дайте мне... помолиться... — пробормотал оледеневший от страха несчастный мальчик.

Джейн не упала в обморок, но страшная слабость охватила все ее члены.

— Гуль! Черт тебя подери! — вдруг с яростью заорал Бликки. — Я не могу допустить, чтобы ты убил этого мальчугана. Это совершенно бессмысленно. Беги, мальчик, беги! — и Бликки с силой уцепился за руку громадного Гульдена. Бледный юноша со всех ног пустился бежать вдоль дороги. Радости Джейн не было границ. Прислонившись к Джиму, она старалась овладеть собой. Внезапно ее взгляд упал на хрипевшего золотоискателя. Быстро нагнувшись, она приподняла его голову и приказала Джиму подать флягу с водой. Однако, несчастный бородач уже не мог сделать ни одного глотка и спустя минуту скончался.

С помутневшим взглядом поднялась Джейн и, поддерживаемая Джимом, еле-еле добрела до первого поворота дороги. Бандиты же лихорадочно заработали. Бликки и Смит перерезали всю упряжь и вывели лошадей; Биди Джонс словно вампир обшаривал трупы. Трое бандитов, которых Джейн знала только по внешности, собирали оружие; Бад с выжидательной усмешкой стоял возле кареты и смотрел, как Гульден с ловкостью истинной гориллы карабкался на крышу. Внезапно из-под кучерских козел он вытащил довольно объемистый кожаный мешок и бросил его вниз. Бад хотел поймать его, но чуть не свалился с ног, получив сильный удар. Прижав его к груди, он завыл как индеец. Все бандиты бросились к нему, громко вопя от радости. Вдруг Гульден вытащил второй такой же мешок и высоко потряс его над своей головой. Дюжина жадных рук протянулась к нему. Едва мешок полетел вниз, как произошла дикая свалка, но это была только забава, только безмерный восторг и дружеская возня. Бликки удалось отвоевать мешок и, громко захохотав, он поднял его над своей головой. Достав еще десятка два маленьких мешочков, Гульден красноречиво поста-

вил их перед собой. Стоявшие внизу бандиты подняли протестующий вопль. Наконец, колоссальная фигура Гульдена перегнулась через козлы, и шарившая рука наткнулась на какой-то большой предмет. Лицо его побагровело, и, задержавшись на мгновение, он медленно оглядел своих товарищей. В его громадных глубоко запавших глазах отразилась внезапная настороженность и нерешительность. Казалось, он готов был отдать все, лишь бы только быть одному и не видеть этой нетерпеливо ожидающей банды. Но, пробормотав какое-то проклятье, он свирепо напрягся и вытащил громадных размеров крепко увязанный кожаный мешок, сплошь увешанный печатями, шнурками и квитанциями.

— Сто фунтов!.. — заревел он.

Джейн показалось, будто целая свора воюющих дьяволов внезапно бросилась карабкаться на карету, где стоял их главный громадный страшный дьявол и яростно отпихивал их ногами.

— Всем поровну! — грозно гремел он. — Будете ли вы, дурачье, наконец, вести себя спокойно и ждать, пока мы будем в безопасности?

— Ну, конечно, Гуль! — воскликнул Бад.

— Вот так добыча! — крикнул Бликки. — Босс правильно сказал. Странно только, почему сам он не показывается.

— Куда теперь, ребята? — спросил Гульден.

Некоторые из бандитов высказались за Кэбин Галч. Гульдену не особенно понравился выбор, однако, он согласился.

— Хорошо! Кэбин Галч, так Кэбин Галч. Но никто, кроме нас и Келса, ничего не получит от этой добычи.

Вскоре все было готово к отъезду. Гульден настоял на том, чтобы все золото было сложено на его лошадь. Он точно осатанел и ни разу не взглянул на Джейн. Джесси Смит следил за работой других и отдавал приказания. Одну из лошадей предоставили Джиму. С рыцарской вежливостью Бликки уступил свою лошадь девушке и галантно укоротил стремяна, поскольку они оказались слишком длинными для ее ног.

Гульден страшно торопил всех и дважды чуть было не ускакал вперед, если бы его нетерпеливо не окликнули. Джесси Смит оглядывал всех с видом генерала.

— Ну, и стошнит же их там, когда они узнают о нашей проделке! — заметил он.

— А что подумает Келс? — резко спросил Бликки.

— Ничего для Келса! Он не присутствовал при захвате кареты, — заявил Бад.

Бликки мрачно посмотрел на него, но не проронил ни одного слова.

— Знаешь, Бликки, и у меня никак не укладывается в голове вся эта история, — заметил Смит.

— Спроси-ка Джима. Может быть, он теперь сообщит нам что-нибудь более подробное.

— Охотно, — ответил Джим с готовностью, — но я не могу вам ничего сказать больше того, что уже сказал. Догадываюсь же я о многом. Без сомнения, только Келс мог проследить за этим колоссальным скопищем золота, но почему-то послал меня в этой же карете. Он обещал дать мне потом более подробные указания, что я должен делать, однако, больше я его не видел. По-видимому, он решил, что может положиться на вас. Это так же верно, как и то, что он хотел вовремя попасть сюда. Вероятно, он скоро будет здесь.

Выдумка Джима показалась Джейн не слишком логичной и весьма неубедительной, однако на радостях бандиты охотно поверили ей.

— Вперед! — заорал Гульден. — Вы приросли здесь, что ли?

Ни разу не взглянув на страшные остатки разрушенной ими кареты, бандиты выстроились в линию и двинулись следом за Джесси Смитом. Свернув с дороги, кавалькада тронулась по обмелевшему дну ручья. За Смитом ехал Гульден, а позади него Биди Джонс; Джейн и Джим ехали почти вплотную друг возле друга. Улучив минуту, Джим нагнулся к ее уху и прошептал:

— Джейн, как только представится возможность, мы вырвемся...

— Нет... Гульден! — и прежде чем произнести имя чудовища, она провела языком по своим пересохшим губам.

— Да, он и не вспомнит о тебе, пока у него столько золота.

Но болезненный ужас перед Гульденом оказался сильнее разума Джейн.

— Келс — моя единственная надежда... Если он вскоре не примкнет к нам, то тогда попробуем бежать... И если не удастся спастись от... от... — она с содроганием указала вперед, — то убей меня прежде... прежде, чем...

— Будь уверена, — ответил Джим, стиснув зубы.

И они ехали все дальше и дальше, склонив свои мрачные лица над мутной и грязной водой, скрывавшей предательские камни.

Ни лошадей, ни людей Джесси Смит не щадил. Выехав из ручья, они стали взбираться на гладкую, скользкую гору. Смит умел превосходно выбирать места, где можно было ехать скорее и где не оставалось никаких следов. Ни на одну секунду не замедлился ход его лошади.

Сначала эта езда была для девушки сплошным напряжением, а затем она превратилась в сущую пытку. Бандиты же, не отдыхая, ехали вперед. Неутомимый Смит только подгонял их. Солнце село, затем спустились сумерки, и наконец настала ночь, а кавалькада все еще ехала и ехала. Но в ту минуту, как Джейн была уже готова потерять сознание, Джесси Смит громко приказал всем остановиться. Джим нежно снял ее с лошади и положил на траву.

— Пить! — прошептала Джейн и жадно припала к фляжке с водой. В ее ушах стоял тяжелый, глухой шум, и голова была словно стянута железным обручем. Словно сквозь сон слышала она треск громадного костра и громкие голоса шнырявших взад и вперед темных фигур. Постепенно все звуки уплыли куда-то вдаль, и измученная девушка уснула.

К утру ее голова прояснилась, и если бы не ноющие мышцы, то Джейн прекрасно чувствовала бы себя. Наскоро закусив, бандиты принялись собираться в дорогу. Гульдена обуяла жажда движения. Как скряга, сторожил он тюк с золотом, и его товарищи проявляли почти такое же нетерпение. Все они жаждали только одного — дележа.

С восходом солнца кавалькада двинулась дальше. Выехав из лабиринта скал и ущелий, Смит повернул к зеленеющим долинам. Сидевшему без седла на своей хромой кобыле Джиму было далеко не легко поспевать за ними, однако, он всю дорогу держался возле Джейн.

Изредка перекидывались они парой слов, да и то только о том, как бы ловчее поспеть им за одержимым Смитом. Джейн чувствовала себя гораздо крепче. Только теперь узнала она, как многое могла она вынести и как окрепла ее стройная фигура. Милую за милей длилась эта бесконечная езда и, казалось, никогда не будет ей конца. Но неожиданно неутомимый Смит остановил свою лошадь, и еще до наступления темноты бандиты расположились на отдых.

Еды было немного, но разбойники не унывали и весело обсуждали долгожданное «завтра». Некоторые, чтобы сократить время, отказались от своих трубок и улеглись спать. И только один Гульден, не смыкая глаз, сторожил золото.

Красным светом залило солнце долину Кэбин Галча. Пасущиеся бараны и овцы испуганно глазели на проезжавшую мимо кавалькаду. Роса дрожала в чашечках цветов, и птицы пролетали над быстрыми кристальночистыми ручьями. Смеющееся утро встало над Кэбин Галчем. Джейн вспоминала, как она разъезжала по этим полянкам. С какой сладостной дрожью приветствовала она лесок, где впервые заговорила с Джимом. Как много здесь происходило, и что-то еще ждет их впереди!

Внезапно ее сердце сильно забилося. Громкий, ясный призыв пронесся по поляне. На вершухе холма, подняв руку, весь в черном, стройный и властный, стоял Келс, главарь Пограничного легиона.

Глава XIX

Усталая и запыленная кавалькада остановилась перед террасой. Гульден звучно приветствовал Келса, и все бандиты единодушно присоединились к нему. Окрыленные своей удачей, они все еще видели в Келсе своего главаря. Однако Келс не льстил себе напрасно. Он равнодушно прошел мимо тяжело нагруженной золотом лошади. Его глаза видели только одну Джейн.

— Девушка! Еще никогда меня так не радовал ни один человек! — воскликнул он взволнованно. — Как это случилось? Я никогда больше не надеялся...

Джим нагнулся ближе, чтобы вовремя перебить его.

— Келс, это была грандиознейшая идея с твоей стороны посадить нас в ту карету, которую ты велел разграбить им, — сказал он, выразительно смотря ему в глаза, — но мы едва уцелели. Как я ни ждал тебя, ты больше не пришел. Ребята не знали о том, что мы сидим в карете, и принялись начинать ее оловом.

— Ага! Так вот как все сложилось, — медленно ответил Келс. — Но, Джим, самое главное ты сделал для меня: привез мне девушку. Я в большом долгу перед тобой, Джим.

— Расплатимся как-нибудь, — со смехом сказал Джим, слезая с лошади.

Внезапно Келс заметил, что несчастная Джейн буквально падает от усталости.

— Джейн, милая, вы не ранены? — испуганно спросил он.

— Нет, я только устала неимоверно!

— Вижу, вижу! Идите ко мне! — и, заботливо сняв ее с седла, он почти донес ее на руках в ее прежнюю комнатку.

Как все ей было знакомо здесь! Прошмыгнувшая по балкам белка приветливо фыркнула на нее. Ничего не изменилось с тех пор в этом уголке.

Келс несколько секунд держал девушку в своих объятиях и хотел было прижать ее к себе, но не сделал этого.

— Как я рад вас видеть, Джейн. Я больше не надеялся на это... Но вы сперва отдохнете; а потом я приду, и вы мне все расскажете... Я только что завтракал, не хотите ли я чего-нибудь принесу вам?

— Вы были здесь один? — спросила Джейн.

— Да. Бейд и Красавчик...

— Гэй! Келс! — внезапно рывкнула банда в соседней комнате.

Келс откинул край занавесы, и Джейн увидела разбойников, окружавших стол, сплошь заваленный мешками золота.

Келс тихо присвистнул.

— Джейн, — сказал он, — сейчас начнется перепалка, но вы не бойтесь, я не забуду вас.

Но, несмотря на искренность его слов, она почувствовала, как вид золота сразу же повлиял на него. Преж-

ний странный ужас охватил ее душу. Едва Келс вышел, как она принялась подслушивать.

— Всем поровну! — гудел гигант Гульден.

— Э, ребятки! — весело сказал Келс. — А не лучше ли вам сперва перекусить?

Насмешки посыпались ему в ответ.

— Я нажрусь золота и буду сыт! — гоготнул Бад.

— Ну, как хотите! — ответил Келс. — Бликки, сними со стены весы и принеси их... Ну, кто поставит против того, что к вечеру я отыграю большую часть золота?

И снова насмешки были ему ответом.

— Какой дурак захочет сейчас играть?

— Эй, босс, я держу пари за тебя.

— Ха-ха-ха! Смотри, запоешь иначе к заходу солнца.

Затем настала тишина, прерываемая металлическим позвякиванием весов.

— Черт бы тебя побрал, босс, и откуда ты только вызнал об этой груде золота? — спросил Джесси Смит.

— Шпионил. Красавчик был вместе со мной.

— Надо выпить за здоровье Красавчика! — воскликнул один из бандитов.

— А кто отослал почту? — еще раз спросил любопытный Смит. — Все мешки с одним и тем же штем-пелем.

— Они идут от одного человека, — ответил Келс. — Все золото проходит через старшину приисков Олдер Крика. Люди называют его Оуверлэнд «Так-и-так».

Услышав это имя, Джейн даже привскочила. Густая краска залила ее лицо. Старого Билла Хоудли, ее дядю, всегда называли так. Неужели бандит говорил именно о нем? Вряд ли; это имя было довольно обычно в горах.

— Я очень часто видел этого Оуверлэнда, — заметил Бад.

— Кто-то проболтался, что легион хочет поохотиться за его золотом, — продолжал Келс. — Я думаю, за это мы можем послать на небо благодарность Рыжему Пирсу. Однако эта история с золотом благополучно сошла для нас. Вероятно, суматоха возле виселицы здорово напугала Оуверлэнда, ибо он решил со следующей же поч-

той отослать в Баннек свой золотой песок. И это удалось бы ему, не услышь Красавчик случайно этой новости.

Выглянув, Джейн заметила, что и Джим сильно заинтересован рассказом Келса. Однако, ей все еще не верилось, чтобы этот Оуверлэнд был ее дядей...

Наконец, Келс уселся за стол, а Бликки встал возле него с весами в руках. Остальные бандиты выстроились в ряд. Джим Клэв отошел в сторону настороженным и сосредоточенным зрителем.

— Всего сразу не взвесить на этих весах, — заметил Бликки.

— Ну, само собой, — ответил Келс. — Сначала мы поделим только маленькие мешки. Десять делений — десять равных частей... Вытряхивай мешки, Бликки, да поторапливайся... А не то Гульден задохнется от жадности... Пока мы будем делить золото, пусть кто-нибудь сготовит нам завтрак.

— Ха-ха-ха-ха!

— Ой-го-го-го!

— Кто хочет есть?

Бандиты толкались, хохотали и радовались, словно школьники.

— Нет, уж я лучше посмотрю, как будут отвешивать мою долю, — протяжно заявил Бад.

Рука Келса вздрогнула, и, выхватив револьвер, он тяжело стукнул им по столу.

— Ты не доверяешь моей честности, Бад? — быстро и резко спросил бандит.

— Брось, босс, я просто сболтнул.

Это столкновение вызвало едва заметную перемену в настроении бандитов. Веселость и шутки прекратились. Гульден и его команда ближе подошли к столу. Лица сделались напряженными, хмурыми и подозрительными.

Келс скоро закончил раздел золота, высыпанного из маленьких мешков.

— Это тебе, Гульден, — сказал он и подал великану один из мешков. — Джесси... Боссирт... Пайк... Биди... Бриверман... Бликки.

— На, Джим, будь с нами заодно, — добавил он, бросая ему мешок. Джим нагнулся, чтобы поднять его.

— Теперь один для Красавчика и один для меня, — продолжал Келс. — Бликки, выверни большой мешок!

И внезапно глазам Джейн представилась громадная тускло поблескивающая грудa золота. Глаза бандитов загорелись алчностью. Казалось, будто какая-то угроза витала над их головами. Движения Келса сделались резкими и порывистыми. Большие капли пота выступили у него на лбу, руки задрожали.

Вскоре были поделены и большие мешки. Напряженность спала с лиц бандитов. Однако они все еще не могли успокоиться и походили на свору ищеек. Вдруг Бликки перегнулся через стол и сильно стукнул кулаком.

— Босс, я кое-что вспомнил, — сказал он.

— Ну, так валяй, — ответил Келс. — Выкладывай.

— Намерен Гульден делить свой слиток?

— Да, если он честный парень.

Бандиты громкими криками поддержали замечание Келса. Гульден тяжелым шагом подошел ближе.

— А разве я не имею права по собственному усмотрению делать некоторые дела, если мне этого хочется? — спросил он.

— Нет. Я разрешил тебе только одно: убивать, когда тебе это захочется... Вот наше условие.

— А для чего убил я?

Никто не ответил ему.

— Я хорошо помню, что сказал и поэтому оставлю этот слиток у себя.

Одно мгновение царила угрожающая тишина.

— Вот как? Теперь его карты открылись, босс, и все, что ты велишь, будет исполнено! — раздраженно сказал Бликки.

— А, пусть его! — презрительно ответил Келс. — Я отыграю этот слиток у него и поделюсь со всеми.

Громкое «ура» было ответом на его слова, и только Гульден мрачно уставился в одну точку. Келс поднялся и своей красивой сильной рукой помахал у него под носом.

— Я выиграю твой слиток! — воскликнул он. — Говори, согласен ты или нет?

— Вперед! — вдруг взревел Гульден и с дьявольской силой швырнул золото об стол.

Бандиты, толкая и бранясь, старались отвоевать наиболее близкие места за столом.

— Я участвую в этой игре! — крикнул Бликки.

— Все мы примкнем к ней, — заявил Джесси Смит.

— Ваяй! — согласился Гульден.

— Но невозможно же играть всем сразу, — запротестовал Келс. — Давайте поделимся на две партии.

— Нет!

— Ну, в таком случае, пока я буду грабить одних, другие пусть отправляются завтракать.

— Правильно сказано «грабить», — многозначительно воскликнул Бад. — Ты очень точно стал выражаться, Келс. Мне кажется, что за этой игрой следует смотреть в оба.

— Это второй раз, Бад, — гневно и с угрозой ответил бандит. — Берегись третьего раза.

— Ребята! Тяните, кто будет сейчас играть и кто потом! — крикнул Бликки, швыряя на стол колоду карт.

С поспешностью, словно они тянули жребий на жизнь или смерть, бандиты бросились к картам. Бад, Бриверман, Джесси Смит и Биди Джонс не оказались включенными в игру.

— Биди, вы можете распрячь лошадей и выгнать их пастись, — сказал Келс.

Бад скроил кислую физиономию, но оба других бандита вполне охотно отправились исполнять его приказание. И игра началась; только один Клэв стоял в стороне. Все бандиты молчали; время от времени их руки протягивались над столом, и фигуры настоженно высовывались вперед. Бликки сидел словно околдованный, жадный и напряженный. Джесси Смит был холодным и хитрым игроком; Боссирт и Пайк — просто мерзавцы, которых Джейн почти совсем не знала, совсем потеряли головы. Постепенно Келс превратился в безвольного, охваченного азартом человека; он всегда выглядел таким, когда садился играть в карты.

Вышедшие к лошадям бандиты внесли тяжелые тюки. Порывисто вскочив, Бад подбежал к ним и вернулся к столу, держа в руках бутылку с виски.

— Виски! — воскликнул Келс. — Убери его! Мы не можем играть и пить в одно и то же время.

— А ты посмотри на меня! — ответил Бликки.

— Пусть их пьют себе, — заявил Гульден. — Тем скорее мы заберем их золото и тогда сыграем с тобой.

Келс не сказал больше ни слова. Игра продолжалась, и он становился совершенно другим человеком. И сам не замечая того, он начал пить. Страх Джейн возрастал. Она чувствовала надвигающуюся катастрофу. Что думал Джим в эту минуту? Взглянув на него, она поняла, что он испытывает то же самое.

Пролежав долгое время на своей постели, Джейн все сильнее и сильнее ощущала неодолимую тягу наблюдать за Келсом и Гульденом. Под конец эта потребность сделалась прямо невыносимой. Ее судьба и ее жизнь зависела от этих двух игравших мужчин.

Встав, она подошла к своему месту наблюдения и то, что она видела, наполнило ее внезапным ужасом. Поначалу едва неуловимая перемена в Келсе теперь обозначилась с резкой и устрашающей отчетливостью. Груды золота, равные шансы играющих и хмельная отравка в черных бутылках — все это превратило каждого бандита в мяч его собственных диких страстей. Исключением являлся только Гульден. Он был такой же, как и всегда. Но при взгляде на окружающих мурашки пробегали по коже Джейн. Келс был мертвенно бледен и восторжен. Нетрудно было понять, что он выигрывал. Бликки осатанел от злости. Джесси Смит выглядел еще мрачнее и свирепее, чем обычно, но его хладнокровие ему изменило. Ненависть светилась во взгляде, которым он окидывал Келса, когда тот требовал от него золота. Биди Джонс и Бриверман чуть не падали в обморок от жгучего нетерпения в ожидании своей очереди. Бад тоже сидел за столом, и его лицо искажил неудержимый азарт. Джейн видела, что он проигрывал. Проигрывали так же Пайк и Боссирт; хмуро стоя в стороне, они следили за своим тающим золотом с болезненной ревностью и злостью. Охваченный этой напряженной атмосферой, Джим стоял, нервно стиснув кулаки; его лицо побледнело, глаза сверкали. А игра продолжалась. С громким треском летели карты, кулаки яростно ударяли по столу, слышался глухой стук кожаных мешков с золотым песком, свирепые проклятья проигравших и грубые взрывы радости сгребавших золото счастливицков.

Вдруг Бад вскочил и, перегнувшись через стол, сжав дрожащими пальцами свои карты, с искаженным яростью лицом и горящими глазами уставился на Келса.

— Вот! — хрипло крикнул он, страстно швыряя ему свои карты.

— Ни к черту не годятся! — насмешливо ответил Келс. — Нет ли чего получше?

Бад низко перегнулся, стараясь заглянуть в карты Келса. Затем побелев, он выпрямился и уставился на него.

— Ты разорил меня... Ограбил... у меня ничего больше нет! — с пеной у рта гаркнул он.

— Не было ничего легче добиться этого. Проваливай от стола! — с ликующим презрением ответил Келс. Его охватил не азарт, а страсть остаться победителем.

— Ты плутуешь! — вне себя крикнул Бад.

Это обвинение подействовало на окружающих словно электрический удар. Глубокая тишина прерывалась тяжелым дыханием. Келс остался все таким же бледным и торжествующим.

— All right, Бад, — ответил он, но его тон не подходил к его странному взгляду. — Это было в третий раз!

Как удар молнии грянул выстрел. Бад повалился прямо на Гульдена, и тот одним движением руки отбросил в сторону смертельно раненого бандита. Тяжело грохнувшись на пол, Бад больше не шевельнулся.

— Дайте мне виски! — с хриплой дрожью в голосе приказал Келс. — И едем дальше!

— Можно мне примкнуть теперь? — жадно спросил Биди Джонс.

— Нет, погоди еще, — ответил Гульден.

— Скоро Бликки ляжет на обе лопатки, — воскликнул Келс. Что-то насмешливое прозвучало в его голосе. Золото больше не интересовало его, он упивался самой борьбой.

— Босс, от одной крупницы счастья ты уже задрал нос, — с мрачной презрительностью вставил Джесси Смит. — Еще немного и твое сердце провалится в твои штаны.

Золото кучами лежало на столе; оно было только средством для достижения цели. Оно было ничем.

— Гульден, перемени игру, как желают эти господа! — издевался Келс.

— Двойную ставку! Тяните! — загремел в ту же секунду гигант.

Выдержав еще несколько ходов, Бликки поднялся из-за стола, проигравшись до нитки. Огорченный, хмурый разбойник готов был пойти в эту минуту на всякую низость, но он молчал и только хмуρο следил за остальными.

— Босс, не пора ли нам начинать? — осведомился Биди Джонс.

— Ой, Биди, никак тебе надоело твое золото? — ответил Келс. — Подожди, пока я оберу Гульдена и Джесси.

Счастье изменило Смиту. Сперва он проиграл Гульдону, затем Келсу и, наконец, поднялся, побежденный, но не надломленный. Он жадно схватил бутылку с виски.

— Ребята, мне кажется, что счастливой слезе Келса я гораздо лучше посочувствую, если перестану сам играть, — сказал он.

Главарь посмотрел на него со сдержанным гневом, как будто насмешливое предсказание Смита о его провале уже давало себя чувствовать.

— Ко мне, друзья, ко мне и посмотрите на настоящую игру, — сказал он.

В эту минуту у Келса было в два раза больше золота, чем у Гульдена. Громадная куча маленьких мешков лежала перед ним.

Бандиты уже расплачивались целыми мешками. Кто открывал самую большую карту, тот выигрывал. Первые четыре раза Келс выиграл. Его лицо сияло. Он проигрывал и снова брал свое назад. Все бандиты столпились кругом игроков, но только Джонс и Бриверман проявляли еще прежнюю алчность. Все остальные молчали. В воздухе повисла гнетущая напряженность. Вдруг Гульден начал без перерыва выигрывать, и поза Келса изменилась. Было жутко смотреть, как слабел этот человек, как под ударами капризной фортуны он постепенно терял мужество. Наконец, половина выигранного им золота перешла к Гульдону. Гигант был по-прежнему неуязвим. Он принимал свои потери так же, как и свои выигрыши — с полным равнодушием. Руки Келса тряслись, а Гульден оставался все таким же спокойным и уверенным. Келса тошнило от его способности одинаково принимать и победу и поражение. Самообладание настоящего большого игрока выражается

не в терпеливом отношении к своим потерям, а наоборот, в редком даровании оставаться спокойным в минуту полной победы. Становилось все яснее, что Гульден был великим игроком, а Келс нет. Гигант-разбойник не обладал никакими чувствами, никакой фантазией. Келс же казался воплощением страстности, горячей надежды, отчаяния и злости. Эта игра решала многое. Презрительные взгляды людей Келса предсказывали характер ее конца. То и дело протягивалась рука Келса к бутылке с виски. Вот с тихим проклятьем он швырнул ее через дверь на двор.

— Эге, босс, не пора ли тебе... — начал было Смит, но в ожидании чего-то еще лучшего умолк.

Судьба по-прежнему играла Келсом. Выиграв раза два, он снова просветлел. Однако в тот же момент, как с его лица уже начали сбегать мрачные тени, петля снова затянулась на его шее. Он терял, терял, и с каждым мешочком золотого песка убывала частица его мужества и самообладания. И когда перед ним осталось то количество золота, с которым он начал игру, то его охватила та трусость, о которой ему говорил Джесси Смит. Попытка Келса взять себя в руки и под презрительными взглядами товарищей сохранить свою прежнюю мужественную выдержку — сорвалась жалко и безнадежно. Всегда холодный и великолепный в своей безумной отваге, здесь он позорно провалился. То был человек, которому никогда не следовало садиться за карты.

И вот, в какие-нибудь десять минут, он спустил свой первый выигрыш. Больше у него ничего не осталось.

Не будучи в силах оторваться, Джейн смотрела на него с жалостью и отвращением. Наступил тягостный момент. Келс неподвижно уставился на громадную кучу золота, лежавшую перед Гульденом. Мускулы его лица судорожно подергивались. Казалось, он все еще не понимал, что с ним произошло.

Гульден медленно поднялся и угрожающе наклонился над своим золотом. Гигант, никогда не проявлявший никакого чувства, теперь вдруг весь запылал от душившего его волнения.

— Еще одну партию! У кого окажется бóльшая карта. Ставлю все мое золото! — рявкнул он.

Как один человек, шагнула вся шайка бандитов к столу и, затаив дыхание, замерла.

— Еще одну партию, — беззвучно произнес Келс. — Но что могу я поставить?

— Девушку!

Помертвевшая Джейн отшатнулась, и острая боль пронзила ее грудь. Так вот какова была ее судьба! Как сквозь сон видела она ослабевшего Келса и подскочившего к нему Джима. Но оба они замерли, не двигаясь с места.

— Только один разними карту! Все мое золото против девушки! — гремел Гульден.

Келс сделал торопливое движение, словно желая выхватить револьвер, однако его руки ослабли и дрожали, как у больного лихорадкой.

— Ты всегда хвастался своей отвагой, — безжалостно продолжал Гульден. — Ба! Ведь ты же знаменитейший игрок по всей границе... Вперед же!

Келс стоял, ни на кого не глядя. Все видели его муку. Казалось, он боролся изо всех сил с каким-то решением, но только для того, чтобы тотчас же нарушить его.

— Одну партию! Все мое золото против девушки!

Толпа бандитов разразилась единодушным насмешливым хохотом. Словно злобные, рычащие волки, протянули они головы в сторону Келса.

— Нет, черт тебя возьми, нет! — хрипло и яростно крикнул Келс. Он протянул руки, словно желая отогнать от себя вид золота, Гульдена, всех этих злобных людей и призрак страшного, неудержимого искушения.

— Ого-го! Босс, теперь-то ты наверняка струсил! — воскликнул Джесси Смит.

Но вряд ли золото или насмешки товарищей сыграли такую громадную роль в эту критическую минуту жизни Келса. Нет, то была лишь безумная, непоборимая возможность, случай!.. То был яд азарта. Картина потери или выигрыша уже не трогала его. Мощная, грандиозная игра стояла перед ним, и все остальные чувства умолкали.

Движением руки он выразил свое согласие.

— Мешай карты, Бликки! — крикнул Гульден.

Бликки повиновался.

— Ну, снимай! — воскликнул Гульден. Дрожащая рука Келса скользнула к картам.

Внезапно Клэв пришел в себя.

— Стой, Келс, стой! — истуупленно крикнул он и подскочил к нему.

Но ни Келс, ни остальные бандиты не слышали его, они даже не заметили его движения.

Келс поднял карту высоко над своей головой. То был червонный король. Какая перемена! Бледное, как у мертвеца, лицо Келса вдруг засияло, стало прекрасным, одухотворенным...

— Только туз может побить эту карту! — буркнул Джесси Смит среди всеобщего молчания.

Гульден протянул свою громадную волосатую лапу с таким видом, как будто никакой другой карты, кроме туза, он никогда не снимет. Его громадные глаза саркастически взглянули на бандита, и прежде, чем самому взглянуть на свою карту, он протянул ее Келсу.

То был пиковый туз.

— Моего счастья тебе не побить... — торжествующе прогремел он и швырнул ее на стол.

Казалось, Келс вот-вот лишится чувств и упадет на пол. Джим Клэв быстро схватил его под руку.

— Келс, пойдн к своей девчонке и попросайся с нею, — издевался Гульден. — Скорей, скорей, я хочу ее!.. Вперед, Биди и Бриверман, теперь вы можете свести со мной счеты.

Гульден снова сел за карточный стол, и бандиты тесно окружили его.

Джим повел растерянного Келса с дверям комнаты Джейн. Сознание бедной девушки окутал мрак. Когда она пришла в себя, она лежала на своей постели, и Джим стоял, склонившись над ней. От отчаяния и ужаса он выглядел почти обезумевшим.

— Джим, Джим! — простонала она, хватая его за руки, и вдруг заметила Келса, стоявшего рядом с ним. Тупой, все еще пьяный, он медленно вникал в жуткие последствия своего поступка.

— Келс, — сказал Клэв тихим хриплым голосом и нерешительно поднял револьвер. — Я убью тебя и Джейн, а потом себя.

Бандит уставился на него.

— Да, да! Убей меня и девушку. Это все, что осталось для нее. Но ты-то зачем хочешь умирать?

— Я люблю ее. Она моя жена.

Притупленное восприятие Келса мгновенно пробудилось, и он сделал резкое движение. Джейн бросилась перед ним на колени.

— Келс, Келс, выслушайте меня! — прошептала она страстно. — Джим Клэв был моим любимым... там, в Хоудли. Мы поругались... Я сказала, что он трус и даже не способен быть настоящим негодяем. В гневе он отправился к вам. На следующий же день я поехала отыскивать его... Вы помните, как мы встретились с вами... Робертс был со мной вместе... но вы убили его... Помните все остальное?... Когда мы с Джимом встретились здесь, я побоялась открыть вам это. Я уговорила его не безумствовать, и он успокоился. Наконец, мы прибыли в Олдер Крик, там он снова одичал, и я тогда вышла за него замуж, лишь бы только удержать его от некоторых страшных решений. В день линчевания мы спрятались и хотели уехать в почтовой карете. Но Гульден и его банда напали на нее. Они думали, что это вы послали нас к ним. Нам пришлось ехать сюда, в Кэбин Галч... Мы надеялись, что вы отпустите нас, и вот теперь... теперь...

И Джейн больше была не в силах продолжать. При мысли о Гульдене она почти лишилась чувств.

— Все это суцая правда, Келс, — взволнованно поддержал ее Клэв, глядя прямо на все еще не верящего своим ушам бандита. — Клянусь вам, поймите же вы нас!

— Боже мой, дружище, я понял, я все понял теперь! — с криком вырвалось у него. Его мрачная скованность вдруг исчезла. Алкоголь выветрился из его мыслей и чувств. Это неожиданное открытие внезапно протрезвило его.

Джейн увидела, как лицо его просветлело. В нем пробудилась лучшая сторона его души и горькое запоздалое раскаяние. Она снова бросилась перед ним на колени, обхватила его руками. Он сделал попытку вырваться, но она удержала его.

— Встаньте! — приказал он. — Джим, оттащи ее. Джейн, не нужно, не нужно — передо мной! Разве я только что не...

— Ты проиграл только ее жизнь, Келс, только жизнь, клянусь тебе! — воскликнул Клэв.

— Келс, выслушайте меня! — умоляла Джейн. — Ведь вы не хотите, чтобы я досталась этому людоеду?

— Нет, честное слово, нет! — тяжело ворочая языком, ответил Келс. — Я был пьян, я обезумел... Простите меня, Джейн... Ну, как я мог предвидеть, что судьба так восстанет против меня?.. О, как все страшно, страшно!

— Келс, вспомните, вы любили меня, — нежно шептала Джейн. — Любите ли вы меня еще?.. Неужели вы не понимаете меня? Еще не поздно спасти мою жизнь и... вашу душу... Вы пережили злую минуту, но если вы меня теперь спасете от Гульдена, спасете меня для моего мальчика!.. Я вас почти погубила... но спасите нас, выведите нас отсюда и никогда больше не возвращайтесь сюда на границу.

— Может быть, я еще сумею спасти вас, — пробормотал он, обращаясь больше к самому себе. Он старался собраться с мыслями, как будто был не в силах отделаться от очарования обнимавших его рук. Джейн почувствовала, как сильная дрожь пробегает по его телу. Он нервно гладил ее руки.

Клэв умоляюще обратил к нему свое бледное лицо.

— Келс, однажды я спас тебе жизнь, и ты сказал, что не забудешь этого... Теперь... вот теперь!.. Ради всего святого, не заставь меня застрелить эту несчастную!

Джейн поднялась с колен, но все еще крепко держала Келса в своих объятиях. Она чувствовала, как растет его мужество, как он снова поднимается из мрачной бездны своего падения.

— Джейн, как-то раз вы показали мне сущность искренней женской любви. С тех пор я стал другим человеком. В некоторых отношениях я стал лучше — в некоторых еще хуже... Силы мои сдали. Я больше не пригоден для жизни на границе. И непрерывно меня преследует тот чудный миг. Джейн, вы верите мне, несмотря ни на что?

Она поняла всю его тоску, она читала его мысли, видела, как хотелось ему исправить содеянное.

— Вы помните этот миг? Хорошо, я еще раз дам вам пережить его, — прошептала она. — И еще больше хочется мне сказать вам, Келс, что если бы я не полюбила Джима и вы бы встретились в моей жизни, то я полюбила бы вас... И безразлично, бандит или нет, я бы пошла за вами на край света.

— Джейн! — почти рыдая от боли и счастья, вскричал он.

С полными слез глазами глядела Джейн на него, говоря эти слова. И он схватил ее в свои объятия с порывистостью, говорившей о его страдании, о всей пытке его сдержанности, к которой он принуждал себя все это время. Он осыпал поцелуями ее глаза, губы, волосы, руки, и она доверчиво, без малейшей тени лжи отдалась его ласкам. В эту минуту Джейн была воплощением очарования женственности; она была только нежной, чуткой, любящей и отзывчивой женщиной.

Наконец, он выпустил ее и отвернулся. Джейн почувствовала, что душа этого замечательного человека была способна достигать такой же благородной высоты, как и мрачных падений. Она вытерла слезы, и надежда шевельнулась в ее груди. Келс повернулся к ней таким, каким она его встретила, — холодным, спокойным, непреклонным, с его легкой, любезной улыбкой и загадочным взглядом.

— Джим, сделаешь ты все, что я прикажу? — спросил он.

— Да.

— Сколько револьверов у тебя с собой?

— Два.

— Дай один мне.

Джим отдал ему тот, который он все время держал в руке. Келс сунул его в карман.

— Достань свой второй револьвер и будь готов! — сказал он. — Но ни одного выстрела, пока я еще не сражен окончательно. А тогда делай, что сочтешь лучшим... Береги последнюю пулю для Джейн в случае...

— Обещаю тебе, — твердо сказал Клэв.

Келс вытащил из-за пояса длинный нож с блестящим клинком. Спрятав клинок в рукаве, он крепко сжал рукоятку. Не сказав больше ни слова, он вышел.

Джейн чувствовала его нежный взгляд на себе, когда он обнимал и целовал ее, но сейчас даже он не взглянул на нее. Джим опустился на колени, глядя сквозь дырку на одеяле.

Шатаясь, прокралась Джейн к одной из щелей расколотых бревен. Она должна смотреть за этой схваткой, пусть хоть вся кровь ее заледенеет от ужаса...

Игроки по-прежнему жадно следили за игрой. Ни один из этих мрачных людей не повернулся, когда Келс медленно стал приближаться к столу. Гульден сидел спи-

ной к двери. Луч солнца проникал в хижину, и проходящий Келс внезапно прервал его своей широкой тенью. Разбойники все еще не замечали присутствия Келса. Внезапно его тело дрогнуло, словно от какой-то внутренней судороги, и, сделав громадный прыжок, он вонзил нож в мощную спину Гульдена. Гигант-разбойник всей своей тяжестью грянулся об стол, свалив в одну кучу людей, скамейки, карты, бутылки и свою грудку золота. Жуткий, надтреснутый рев вырвался из его груди.

Отбежав к двери и держа в обеих руках по револьверу, Келс принялся выпускать заряд за зарядом из того, который он держал в правой руке. Все смешалось... Хриплые крики бандитов и треск револьверных выстрелов почти заглушили рев Гульдена. Густые клубы едкого дыма с каждым новым выстрелом густели еще больше. С полу, куда повалились бандиты, выскакивали яркие и желтые огни, им навстречу неслись ответные выстрелы Келса. Но его сильная и ловкая фигура вдруг резко и болезненно пригнулась; он теперь казался гораздо меньше и слабее. Временами его револьверы снова подряд несколько раз ярко вспыхивали; он все еще боролся. В эту минуту сбоку от него грянул ружейный залп, и Келс, опрокинувшись назад, упал у порога.

Густая завеса порохового дыма на мгновение отхлынула в сторону, и картина жуткого побоища ясно предстала перед глазами Джейн.

Гульден совершенно обезумел. Шатаясь и махая своими громадными страшными лапами, он топтался среди взбесившихся воющих бандитов, словно кого-то выискивая среди них. Внезапно выхватив свои громадные револьверы, он принялся палить куда попало. Чувство ориентировки он уже утратил; рев его постепенно ослабел, гигантские силы пошли на убыль, ноги подкосились. Среди царящей паники он вдруг наткнулся на Джесси Смита и нацелился в него. Свиристый бандит с громким криком наудачу выстрелил из своего револьвера, и оба почти одновременно повалились на пол. Однако Гульден поднялся и с залитым кровью лицом все еще походил на гигантскую машину разрушения. Глядя в одну сторону, он беспрерывно стрелял в противоположную. Все патроны из своего револьвера он давно уже расстрелял, но все еще продолжал нажимать курок.

Келс стоял на коленях и держал в руке только один револьвер. Его пуля прикончила тяжело раненного Бликки. Время от времени его дрожащая рука поднималась и снова падала; он стрелял из последних сил. Его левая рука висела как плеть; белое лицо то и дело выплывало из тонкой синей пелены дыма.

Пайк был единственным оставшимся еще на ногах, однако, и он был тяжело ранен. Растратив все патроны, он отшвырнул револьвер в сторону и, вытащив громадный нож, бросился на Келса. Выстрел Келса заставил его повалиться головой вперед. После воплей и выстрелов настала внезапная жуткая тишина. Ловящий кого-то в воздухе Гульден походил на чудовищное окровавленное привидение. Внезапно он одним взмахом вырвал из стола ножку и завертел ею над своей головой. Его рев перешел в хрипящий свист.

Споткнувшись о мертвого Бликки, Пайк вдруг снова поднялся на ноги. Келс швырнул ему в лицо свой пустой револьвер и шатаясь поднялся с колен. Обессиленные, они пробовали еще бороться, но в этот момент к ним подошел Гульден и своей чудовищной палицей размозжил голову Пайка. Сила удара лишила Гульдена равновесия. Он упал ничком. Но Келс схватил рукоятку торчавшего из его спины ножа и что было силы рванул ее к себе. Падавшая туша Гульдена помогла ему вытащить нож. Широкая дымящаяся струя крови хлынула из открытой раны, и гигант-разбойник повалился на пол.

Выронив нож, Келс дрожа осмотрел лежащего у его ног хрипящего Гульдена и затем перевел взгляд на безмолвные тела остальных бандитов. Нерешительно сделал еще пару шагов, он упал у порога двери.

Джейн хотела броситься к нему, но ее ноги подкосились, и когда, опираясь на Джима, она, наконец, добралась до Келса, то ей показалось, что прошла целая вечность.

Опустившись перед ним на колени, она бережно приподняла его голову. Его лицо было бело как снег — глаза широко открылись.

Он не узнал ее. Его сознание померкло, жизнь быстро угасла.

Глава XX

Посадив Джейн на лошадь, Джим несколько минут подержал ее руки в своих.

— Держись крепко, родная! — серьезно сказал он. — Каждую минуту сюда может прибыть кто-нибудь из разбойников... Поезжай вперед. Я возьму провиант и догоню тебя.

— Но как я найду дорогу? — жалобно спросила девушка.

— Ты должна! Возьми себя в руки. Стоит только выехать, как ты успокоишься и начнешь следить за тем, где ты едешь.

Пришпорив свою лошадь, Джейн повиновалась и больше ни разу не оглянулась. Кэбин Галч остался позади подобно кошмарному сну. Едва догнавший ее Джим заявил ей, что он не может гнать таким темпом своих нагруженных лошадей. С каждой милей сердце Джейн освобождалось от гнетущей тяжести недавнего кошмара. Она выбирала дорогу уверенно и не колеблясь. Часы и мили летели незаметно. Знакомые места вызвали в ней тихое и грустное воспоминание о Келсе.

Джейн и Джим ехали, взявшись за руки; они вспоминали свою прежнюю жизнь в Хоудли. Болтовня благотворно действовала на их измученные от переживаний души. Наконец, к заходу солнца, вдаль показалась маленькая деревушка Хоудли.

— А вдруг мне придется сразиться с твоим стариком? — весело спросил Джим.

— Джим... только не рассказывай всего сразу, — пробормотала девушка.

— Я представлю тебя своей женой. Они подумают, что мы с тобой с ума сошли.

— Нет, они скажут, что я бегаю за тобой. Пожалуй-ста, Джим, держи все пока в секрете. Подумай, ну как понять все это моей тетушке?

— Хорошо. Я буду молчать, но под двумя условиями.

— Какими?

— Приходи вечером опять туда, к кедром, где мы тогда поругались с тобой.

— С радостью!

— А теперь надень маску. Вот-то будет сенсация! В этом костюме Денди Дейла ты прямо чудо что за красавица.

— Джим, мне стыдно...

— Пустяки!

Джейн повиновалась, и так они въехали на мост их маленькой деревушки. Некоторые мужчины, узнав Клэва, пришли в сильное волнение. Постепенно за ехавшими молодоженами собралась целая толпа.

Внезапно Джейн увидела свою тетку, разговаривавшую с двумя соседками возле одного из блокгаузов. Женщины с любопытством уставились на приближавшуюся процессию.

— Господи! Никак это Джим Клэв! — вскричала одна из них.

Джим соскочил с лошади и схватил ее в объятия. От радости она не знала, с чего ей начать говорить.

— Джим! Мы все надеялись, что ты... что ты привезешь нам Джейн! — наконец, пробормотала она.

— Ну, само собой, — воскликнул Джим. — Вот она!

— Как?.. Кто?

Джейн спрыгнула с лошади и, сорвав свою маску, с рыданием обняла старушку.

— Тетя! Тетя! Это я!.. О, как я рада, что я, наконец, попала домой. Тетя, да смотри на мое лицо, а не на мой костюм!..

Плача и дрожа от радости, старушка осыпала племянницу поцелуями и ласковыми словами, но, заметив собравшуюся кругом толпу любопытных, слегка оттолкнула ее от себя.

— Ах, ты, сумасшедшая! Разбойница! Пойди и сейчас же переоденься!

В тот же день вечером Джейн ожидала Джима под кедрами. Стояла тихая светлая ночь. Ручеек плескался среди камней, и ветер слегка шевелил кедровые ветви.

Большой и неожиданной новостью оказалось для Джейн то, что ее дядя, Бил Хоудли, в самом деле был первым, открывшим богатые залежи золота на Олдер Крике. За свои долголетние труды он получил звание первого старшины.

Но Джейн ненавидела теперь и одну мысль о золоте. Она охотно оставила бы все золото в Кэбин Галче, если бы Джим согласился на это. Сколько ужасов пришлось

ей пережить из-за проклятого металла. Она научилась терпимо относиться к людям, будь то честный старатель или кровожадный бандит. Всю вину она приписывала только золоту. Разве забудет она громадный кишачий людьми Олден Крик, где все были глухи и слепы ко всему за исключением одного желтого металла?

Огненно-яркими останутся в ее памяти жуткие и свирепые бандиты, среди которых она жила. Вспомнив страшную смерть Гульдена, Джейн не испытала ничего, кроме чувства радости.

Но Келс навсегда останется в ее памяти и ей никогда, никогда не забыть его. Келс, жестокосердный убийца, организатор кровавых побоищ, он не должен был бы занимать места в мыслях чистой, порядочной женщины... Однако он все-таки занял его. Несмотря на все свои слабости и пороки, он обладал тонким душевным благородством и отзывчивостью.

Одной ей удалось открыть его лучшее «Я», и мрачность его преступлений бледнела перед этими прекрасными моментами. Никогда не забыть ей его последнего великого самопожертвования. Он ушел от нее бледный, прекрасный, облагороженный великим душевным порывом, но со своей неизменной холодной усмешкой и загадочным, спокойным взглядом светлых глаз...

Вдруг Джейн почувствовала, как ее обхватили две сильные руки, и Джим доказал, что он очень веселый и любящий муж, но зато никудышный актер. Сыграть роль прежнего Джима ему совершенно не удалось. Гордость и радость обладателя сказались в нежном пожатии его рук и горячем поцелуе его губ.

— Джим, но ты вовсе не так целовал меня тогда! — засмеялась Джейн. — Иначе я вряд ли бы так разозлилась на это.

— Но я точно так же подкрался и обнял тебя.

— Ты убежден в этом? К счастью, я совершенно случайно запомнила тот вечер и могу напомнить тебе его. Садись и будь Джейн. Я же стану Джимом Клэвом. И сейчас покажу тебе, как ты себя вел.

Джейн направилась в глубь леска и осторожно, бесшумно подкравшись, резко набросилась на Джима, как раз так, как он это сделал в тот памятный вечер.

Джим высвободился от нее полузадушенный и запыхавшийся.

— Вот... вот каков ты был! — сказала она.

— Неужели... я, в самом деле, мог быть таким медведем? — стараясь отдышаться, еле проговорил он.

— Да-а! И не забудь, что я еще вполтину слабее тебя!

— В таком случае, ты совершенно справедливо прогнала меня... Единственно, тебе не следовало ехать за мной на границу.

— Ах! Но ведь только благодаря этому я и узнала, что люблю тебя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Риджвелл Кэллем

НАРУШИТЕЛИ ЗАКОНА

<i>Глава I.</i> Станция в прерии	7
<i>Глава II.</i> Разъезд Белый Пункт	11
<i>Глава III.</i> Остановка	15
<i>Глава IV.</i> У подножия старой сосны	20
<i>Глава V.</i> На южной дороге	25
<i>Глава VI.</i> «Охотницы на мужчин»	32
<i>Глава VII.</i> Чарли Брайант	39
<i>Глава VIII.</i> Спасители душ	49
<i>Глава IX.</i> Незадачливый путешественник	57
<i>Глава X.</i> Братья	65
<i>Глава XI.</i> На ранчо	70
<i>Глава XII.</i> Приключение Элен	77
<i>Глава XIII.</i> Веселые сердца	83
<i>Глава XIV.</i> Кабачок О'Брайна	90
<i>Глава XV.</i> Промахи Билла	97
<i>Глава XVI.</i> Ночные приключения	102
<i>Глава XVII.</i> Билл заглядывает в глубину	109

<i>Глава XVIII.</i> В полицейском лагере	113
<i>Глава XIX.</i> Билл делает открытия	121
<i>Глава XX.</i> Соперники	129
<i>Глава XXI.</i> Депеша из главной квартиры	136
<i>Глава XXII.</i> Любовь и долг	141
<i>Глава XXIII.</i> Грозовые тучи	148
<i>Глава XXIV.</i> Душа человека	155
<i>Глава XXV.</i> Разорванное оцепление	159
<i>Глава XXVI.</i> Настроения в Скалистых Ручьях	162
<i>Глава XXVII.</i> В заброшенном корале	169
<i>Глава XXVIII.</i> Пари	173
<i>Глава XXIX.</i> Предательство	177
<i>Глава XXX.</i> Неожиданность	184
<i>Глава XXXI.</i> Исповедь	193

Зейн Грей

В ПРЕРИЯХ ТЕХАСА

<i>Глава I</i>	205
<i>Глава II</i>	217
<i>Глава III</i>	230
<i>Глава IV</i>	241
<i>Глава V</i>	252
<i>Глава VI</i>	266
<i>Глава VII</i>	278
<i>Глава VIII</i>	287
<i>Глава IX</i>	297
<i>Глава X</i>	306

<i>Глава XI</i>	315
<i>Глава XII</i>	328
<i>Глава XIII</i>	336
<i>Глава XIV</i>	349
<i>Глава XV</i>	360
<i>Глава XVI</i>	367
<i>Глава XVII</i>	371
<i>Глава XVIII</i>	383

Зейн Грей
ПОГРАНИЧНЫЙ ЛЕГИОН

<i>Глава I</i>	391
<i>Глава II</i>	399
<i>Глава III</i>	407
<i>Глава IV</i>	416
<i>Глава V</i>	426
<i>Глава VI</i>	430
<i>Глава VII</i>	441
<i>Глава VIII</i>	448
<i>Глава IX</i>	461
<i>Глава X</i>	474
<i>Глава XI</i>	485
<i>Глава XII</i>	501
<i>Глава XIII</i>	510
<i>Глава XIV</i>	519
<i>Глава XV</i>	536
<i>Глава XVI</i>	548

Глава XVII562
Глава XVIII575
Глава XIX583
Глава XX600

НА ДИКОМ ЗАПАДЕ
В ТРЕХ ТОМАХ
ТОМ 1

Риджвелл Кэллем
НАРУШИТЕЛИ ЗАКОНА
роман

Зейн Грей
В ПРЕРИЯХ ТЕХАСА
роман
ПОГРАНИЧНЫЙ ЛЕГИОН
роман

Редактор С. Ермолаев
Художественный редактор И. Марев
Технический редактор Г. Шитова
Корректоры В. Антонова,
М. Александрова, В. Рейбекель

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 05.12.95 г. Уч.-изд. л. 34,35.
Цена 3-томника 66 600 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковский пер., 1/18, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.